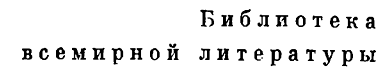
БЕОВУЛЬФ

СТАРШАЯ ЭДДА

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

БЕОВУЛЬФ

●

СТАРШАЯ ЭДДА

●

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1975

Вступительная статья
А. Гуревича

Сб 4
Б 47

Иллюстрации
В. Носкова

Б $\frac{70700\text{-}325}{028(01)\text{-}75}$ подписное

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ

Произведения героической поэзии, представленные в этом томе, относятся к средневековью — раннему (англосаксонский «Беовульф») и классическому (исландские песни «Старшей Эдды» и немецкая «Песнь о нибелунгах»). Истоки же германской поэзии о богах и героях — гораздо более древние. Уже Тацит, который одним из первых оставил описание германских племен, упоминает древние песни их о мифических предках и вождях: эти песни, по его утверждению, заменяли варварам историю. Замечание римского историка очень существенно: в эпосе воспоминания об исторических событиях сплавлены с мифом и сказкой, причем элементы фантастический и исторический в равной мере принимались за действительность. Разграничения между «фактами» и «вымыслом» применительно к эпосу в ту эпоху не проводилось. Но древнегерманская поэзия нам неизвестна, ее некому было записать. Темы и мотивы, бытовавшие в ней в устной форме на протяжении веков, отчасти воспроизводятся в публикуемых ниже памятниках. Во всяком случае, в них нашли отражение события периода Великих переселений народов (V—VI века). Однако по «Беовульфу» или скандинавским песням, не говоря уже о «Песни о нибелунгах», нельзя восстановить духовную жизнь германцев эпохи господства родового строя. Переход от устного творчества певцов и сказителей к «книжному эпосу» сопровождался более или менее значительными изменениями в составе, объеме и в содержании песен. Достаточно напомнить о том, что в устной традиции песни, из которых затем развились эти эпические произведения, существовали в языческий период, тогда как письменную форму они приобрели столетия спустя после христианизации. Тем не менее христианская идеология не определяет содержания и тональности эпических поэм, и это становится особенно ясным при сравнении германского героического эпоса со средневековой латинской литературой, как правило глубоко пронизанной церковным духом [1].

[1] Впрочем, сколь различные оценки получала мировоззренческая основа эпической поэзии, явствует хотя бы из следующих двух суждений о «Песни о нибелунгах»: «в основе языческая»; «средневеково-христианская». Первая оценка — Гете, вторая — А.-В. Шлегеля.

Эпическое произведение универсально по своим функциям. Сказочно-фантастическое не отделено в нем от реального. Эпос содержит сведения о богах и других сверхъестественных существах, увлекательные рассказы и поучительные примеры, афоризмы житейской мудрости и образцы героического поведения; назидательная функция его столь же неотъемлема, как и познавательная. Он охватывает и трагическое и комическое. На той стадии, когда возникает и развивается эпос, у германских народов не существовало в качестве обособленных сфер интеллектуальной деятельности знаний о природе и истории, философии, художественной литературы или театра,— эпос давал законченную и всеобъемлющую картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, включая и самое отдаленное будущее, учил отличать добро от зла, наставлял в том, как жить и как умирать. Эпос вмещал в себя древнюю мудрость, знание его считалось необходимым для каждого члена общества.

Целостности жизненного охвата соответствует и цельность выводимых в эпосе характеров. Герои эпоса вырублены из одного куска, каждый олицетворяет какое-то качество, детерминирующее его сущность. Беовульф — идеал мужественного и решительного воина, неизменного в верности и дружбе, щедрого и милостивого короля. Гудрун — воплощенная преданность роду, женщина, мстящая за гибель братьев, не останавливаясь перед умерщвлением собственных сыновей и мужа, подобно (но вместе с тем и в противоположность) Кримхильде, которая губит своих братьев, карая их за убийство любимого супруга Зигфрида и отнятие у нее золотого клада. Эпический герой не мучим сомнениями и колебаниями, его характер выявляется в действиях; речи его столь же однозначны, как и поступки. Эта монолитность героя эпоса объясняется тем, что он знает свою судьбу, принимает ее как должное и неизбежное и смело идет ей навстречу. Эпический герой не свободен в своих решениях, в выборе линии поведения. Собственно, его внутренняя сущность и та сила, которую героический эпос именует Судьбою, совпадают, идентичны. Поэтому герою остается лишь наилучшим образом доблестно выполнить свое предназначение. Отсюда — своеобразное, может быть, на иной вкус немного примитивное, величие эпических героев.

При всех различиях в содержании, тональности, равно как и в условиях и времени их возникновения, эпические поэмы не имеют автора. Дело не в том, что имя автора неизвестно[1],— анонимность эпических произведений принципиальна: лица, которые объединили, расширили и переработали находившийся в их распоряжении поэтический материал, не осознавали себя в качестве авторов написанных ими произведений. Это, разумеется, не означает, что в ту эпоху вообще не существовало понятия авторства. Известны имена многих исландских скальдов, которые заявляли о своем «авторском праве» на исполняемые ими песни. «Песнь о нибелунгах» возникла в период, когда

[1] В науке не раз делались — неизменно малоубедительные — попытки установить авторов эддических песен или «Песни о нибелунгах».

творили крупнейшие немецкие миннезингеры и по французским образцам создавались рыцарские романы; эту песнь написал современник Вольфрама фон Эшенбаха, Гартмана фон Ауэ, Готфрида Страсбургского и Вальтера фон дер Фогельвейде. И тем не менее поэтическая работа над традиционным эпическим сюжетом, над героическими песнями и преданиями, которые в более ранней форме были всем знакомы, в средние века не оценивалась как творчество ни обществом, ни самим поэтом, создававшим такого рода произведения, но не помышлявшим о том, чтобы упомянуть свое имя[1].

Черпая из общего поэтического фонда, составитель эпической поэмы сосредоточивал внимание на избранных им героях и сюжете, оттесняя на периферию повествования многие другие связанные с этим сюжетом предания. Подобно тому как луч прожектора высвечивает отдельный кусок местности, оставляя во мраке бóльшую ее часть, так и автор эпической поэмы (автор в указанном сейчас смысле, т. е. поэт, лишенный авторского самосознания), разрабатывая свою тему, ограничивался намеками на ее ответвления, будучи уверен в том, что его аудитории уже известны все события и персонажи, как воспеваемые им, так и те, которые лишь вскользь им упоминались. Сказания и мифы германских народов нашли лишь частичное воплощение в их эпических поэмах, сохранившихся в письменном виде,— остальное либо пропало, либо может быть восстановлено только косвенным путем. В песнях «Эдды» и в «Беовульфе» в изобилии разбросаны беглые указания на королей, их войны и раздоры, на мифологических персонажей и предания. Немногословных аллюзий было вполне достаточно для того, чтобы в сознании слушателей или читателей героического эпоса возникли соответствующие ассоциации. Эпос обычно не сообщает чего-либо совершенно нового. Сила его эстетического и эмоционального воздействия от того нисколько не умаляется,— наоборот, в архаическом и в средневековом обществе наибольшее удовлетворение доставляло, по-видимому, не получение оригинальной информации, или не только ее, но и узнавание ранее известного, новое подтверждение старых и потому особенно ценимых истин[2].

Эпический поэт, обрабатывая не ему принадлежавший материал, героическую песнь, миф, сказание, легенду, широко применяя традиционные выражения, устойчивые сравнения и формулы, образные клише, заимствованные из устного народного творчества, не мог считать себя самостоятельным творцом, сколь на самом деле ни был велик его вклад в окончательное создание героической эпопеи. Это диалектическое сочетание нового и воспринятого от предшественников постоянно порождает в современном литературоведении

---

[1] Сказанное относится и к некоторым видам прозаического творчества, например к исландским сагам и ирландским сказаниям. См. предисловие М. И. Стеблин-Каменского к изданию исландских саг в «Библиотеке всемирной литературы».

[2] Не будет ли здесь уместно сравнение с детским восприятием сказки? Ребенок знает ее содержание, но его удовольствие от все нового ее прослушивания не убывает.

споры: наука склоняется то к подчеркиванию народной основы эпоса, то в пользу индивидуального творческого начала в его создании.

Формой германской поэзии на протяжении целой эпохи оставался тонический аллитерационный стих. Особенно долго эта форма сохранялась в Исландии, тогда как у континентальных германских народов уже в раннее средневековье она сменяется стихом с конечной рифмой. «Беовульф» и песни «Старшей Эдды» выдержаны в традиционной аллитерационной форме, «Песнь о нибелунгах» — в новой, основанной на рифме. Старогерманское стихосложение опиралось на ритм, определявшийся числом ударных слогов в стихотворной строке. Аллитерация — созвучие начальных звуков слов, стоявших под смысловым ударением и повторявшихся с определенной регулярностью в двух соседних строках стиха, которые в силу этого оказывались связанными. Аллитерация слышна и значима в германском стихе, поскольку ударение в германских языках преимущественно падает на первый слог слова, являющийся вместе с тем его корнем. Понятно поэтому, что воспроизведение этой формы стихосложения в русском переводе почти невозможно. Весьма затруднительно передать и другую особенность скандинавского и древнеанглийского стиха, так называемый кеннинг (буквально — «обозначение») — поэтический перифраз, заменяющий одно существительное обычной речи двумя или несколькими словами. Кеннинги применялись для обозначения наиболее существенных для героической поэзии понятий: «вождь», «воин», «меч», «щит», «битва», «корабль», «золото», «женщина», «ворон», причем для каждого из этих понятий существовало по нескольку или даже по многу кеннингов. Вместо того чтобы сказать «князь», в поэзии употребляли выражение «даритель колец», распространенным кеннингом воина был «ясень сражения», меч называли «палкой битвы» и т. д. В «Беовульфе» и в «Старшей Эдде» кеннинги обычно двучленные, в скальдической же поэзии встречаются и многочленные кеннинги.

«Песнь о нибелунгах» построена на «кюренберговой строфе», которая состоит из четырех попарно рифмованных стихов. Каждый стих разделен на два полустишия с четырьмя ударными слогами в первом полустишии, тогда как во втором полустишии первых трех стихов — по три ударения, а во втором полустишии последнего стиха, завершающем строфу и формально и по смыслу,— четыре ударения. Перевод «Песни о нибелунгах» со средневерхненемецкого языка на русский не встречает таких трудностей, как перевод аллитерированной поэзии, и дает представление о ее метрической структуре.

БЕОВУЛЬФ

Единственная существующая рукопись «Беовульфа» датируется примерно 1000 годом. Но сама эпопея относится, по мнению большинства специалистов, в концу VII или к первой трети VIII века. В тот период англосаксы уже переживали начинавшийся процесс зарождения феодальных связей. Поэме, однако, присуща эпическая архаизация. Кроме того, она рисует дейст-

вительность со специфической точки зрения: мир «Беовульфа» — это мир королей и дружинников, мир пиров, битв и поединков.

Фабула этой крупнейшей из англосаксонских эпопей несложна. Беовульф, молодой витязь из народа гаутов, узнав о бедствии, которое обрушилось на короля данов Хигелака, — о нападениях чудовища Гренделя на его дворец Хеорот и о постепенном истреблении им в течение двенадцати лет дружинников короля, отправляется за море, чтобы уничтожить Гренделя. Победив его, он затем убивает в новом единоборстве, на этот раз в подводном жилище, другое чудовище — мать Гренделя, которая пыталась отмстить за смерть сына. Осыпанный наградами и благодарностями, возвращается Беовульф к себе на родину. Здесь он совершает новые подвиги, а впоследствии становится королем гаутов и благополучно правит страной на протяжении пятидесяти лет. По истечении этого срока Беовульф вступает в бой с драконом, который опустошает окрестности, будучи разгневан покушением на охраняемый им древний клад. Беовульфу удается победить и это чудовище, но — ценою собственной жизни. Песнь завершается сценой торжественного сожжения на погребальном костре тела героя и сооружения кургана над его прахом и завоеванным им кладом.

Эти фантастические подвиги перенесены, однако, из ирреального мира сказки на историческую почву и происходят среди народов Северной Европы: в «Беовульфе» фигурируют датчане, шведы, гауты [1], упоминаются другие племена, названы короли, которые некогда действительно ими правили. Но это не относится к главному герою поэмы: сам Беовульф, видимо, не имел исторического прототипа. Поскольку в существование великанов и драконов тогда все верили безоговорочно, то соединение подобных историй с рассказом о войнах между народами и королями было вполне естественным. Любопытно, что англосаксонский эпос игнорирует Англию (это породило, между прочим, ныне отвергнутую теорию о скандинавском его происхождении). Но, может быть, эта черта «Беовульфа» не покажется столь уж разительной, если иметь в виду, что и в других произведениях англосаксонской поэзии мы встречаем самые различные народы Европы и что с тем же фактом мы столкнемся и в песнях «Старшей Эдды», а отчасти и в «Песни о нибелунгах».

В духе теорий, господствовавших в науке в середине XIX века, некоторые толкователи «Беовульфа» утверждали, что поэма возникла в результате объединения различных песен; было принято рассекать ее на четыре части: поединок с Гренделем, поединок с его матерью, возвращение Беовульфа на родину, поединок с драконом. Высказывалась точка зрения, что первоначально чисто языческая поэма была частично переработана в христианском духе, вследствие чего в ней и возникло переплетение двух мировоззрений. Затем большинство исследователей стало считать, что переход от устных песен

[1] Кто такие гауты «Беовульфа», остается спорным. В науке предлагались разные толкования: готы Южной Швеции или острова Готланд, юты Ютландского полуострова и даже древние геты Фракии, которых, в свою очередь, в средние века смешивали с библейскими Гогом и Магогом.

к «книжному эпосу» не сводился к простой их фиксации; эти ученые рассматривали «Беовульф» как единое произведение, «редактор» которого по-своему объединил и переработал имевшийся в его распоряжении материал, изложив традиционные сюжеты более пространно. Нужно, однако, признать, что о процессе становления «Беовульфа» ничего не известно.

В эпопее немало фольклорных мотивов. В самом начале упоминается Скильд Скеванг — «найденыш». Лодку с младенцем Скильдом прибило к берегам Дании, народ которой был в то время беззащитен из-за отсутствия короля; впоследствии Скильд стал правителем Дании и основал династию. После смерти Скильда вновь положили на корабль и вместе с сокровищами отправили туда, откуда он прибыл,— чисто сказочный сюжет. Великаны, с которыми сражается Беовульф, сродни великанам скандинавской мифологии, и единоборство с драконом — распространенная тема сказки и мифа, в том числе и северного. В юности Беовульф, который, выросши, приобрел силу тридцати человек, был ленив и не отличался доблестями,— не напоминает ли это молодость других героев народных сказаний, например Ильи Муромца? Приход героя по собственному почину на помощь терпящим бедствие, перебранка его с оппонентом (обмен речами между Беовульфом и Унфертом), испытание доблести героя (рассказ о состязании в плавании Беовульфа и Бреки), вручение ему магического оружия (меч Хрунтинг), нарушение героем запрета (Беовульф отнимает клад в поединке с драконом, не ведая, что над сокровищем тяготеет заклятье), помощник в единоборстве героя с врагом (Виглаф, пришедший на выручку Беовульфу в момент, когда тот был близок к гибели), три боя, которые дает герой, причем каждый последующий оказывается более трудным (битвы Беовульфа с Гренделем, с его матерью и с драконом),— все это элементы волшебной сказки. Эпопея хранит многие следы своей предыстории, коренящейся в народном творчестве. Но трагический финал — гибель Беовульфа, равно как и исторический фон, на котором развертываются его фантастические подвиги, отличают поэму от сказки,—это признаки героического эпоса.

Представители «мифологической школы» в литературоведении прошлого века пытались расшифровать этот эпос таким образом: чудовища олицетворяют бури Северного моря; Беовульф — доброе божество, обуздывающее стихии; его мирное правление — благодатное лето, а его смерть — наступление зимы. Таким образом, в эпосе символически изображены контрасты природы, рост и увядание, подъем и упадок, юность и старость. Другие ученые понимали эти контрасты в этическом плане и видели в «Беовульфе» тему борьбы добра и зла. Символическому и аллегорическому толкованию поэмы не чужды и те исследователи, которые вообще отрицают ее эпический характер и считают ее сочинением клирика или монаха, знавшего и использовавшего раннехристианскую литературу. Эти толкования в значительной мере упираются в вопрос о том, выражен ли в «Беовульфе» «дух христианства» либо перед нами — памятник языческого сознания. Сторонники понимания его как народного эпоса, в котором живы верования героической поры Великих переселений, естественно, находили в нем германское язычество и сводили к ми-

нимуму значение церковного влияния. Напротив, те современные ученые, которые причисляют поэму к разряду письменной литературы, переносят центр тяжести на христианские мотивы; в язычестве же «Беовульфа» видят не более как стилизацию под старину. В новейшей критике заметна тенденция к перемещению внимания с анализа содержания поэмы на изучение ее фактуры и стилистики. В середине нашего века преобладало отрицание связи «Беовульфа» с эпической фольклорной традицией. Между тем за последние годы ряд специалистов склонен считать распространенность в тексте поэмы стереотипных выражений и формул свидетельством ее происхождения из устного творчества.

В науке не существует общепринятой концепции, которая бы достаточно удовлетворительно объясняла «Беовульфа». Между тем без толкования не обойтись. «Беовульф» труден для современного читателя, воспитанного на совсем иной литературе и склонного, пусть невольно, переносить и на древние памятники представления, сложившиеся при знакомстве с художественными творениями нового времени.

В пылу научных споров подчас забывают: независимо от того, каким путем возникла поэма, была ли она составлена из разных кусков или нет, средневековой аудиторией она воспринималась как нечто целое. Это касается и композиции «Беовульфа», и трактовки в нем религии. Автор и его герои часто поминают Господа Бога; в эпопее встречаются намеки на библейские сюжеты, видимо, понятные тогдашней «публике»; язычество явно осуждается. Вместе с тем «Беовульф» пестрит ссылками на Судьбу, которая то выступает в качестве орудия творца и идентична божественному Провидению, то фигурирует как самостоятельная сила. Но вера в Судьбу занимала центральное место в дохристианской идеологии германских народов. Родовая кровная месть, которую церковь осуждала, хотя нередко вынуждена была терпеть, в поэме прославляется и считается обязательным долгом, а невозможность мести расценивается как величайшее несчастье. Короче говоря, идеологическая ситуация, рисующаяся в «Беовульфе», достаточно противоречива. Но это противоречие жизни, а не простая несогласованность между более ранней и последующими редакциями поэмы. Англосаксы VII—VIII веков были христианами, но христианская религия в то время не столько преодолела языческое мировосприятие, сколько оттеснила его из официальной сферы на второй план общественного сознания. Церкви удалось уничтожить старые капища и поклонение языческим божкам, жертвоприношения им, что же касается форм человеческого поведения, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. Мотивы, которые движут поступками персонажей «Беовульфа», определяются отнюдь не христианскими идеалами смирения и покорности воле божьей. «Что общего между Ингельдом и Христом?» — вопрошал известный церковный деятель Алкуин век спустя после создания «Беовульфа» и требовал, чтобы монахи не отвлекались от молитвы героическими песнями. Ингельд фигурирует в ряде произведений; упомянут он и в «Беовульфе». Алкуин сознавал несовместимость идеалов, воплощенных в подобных персонажах героических сказаний, с идеалами, проповедуемыми духовенством.

То, что религиозно-идеологический климат, в котором возник «Беовульф», был не однозначен, подтверждается и археологической находкой в Саттон Ху (Восточная Англия). Здесь в 1939 году было обнаружено захоронение в ладье знатного лица, датируемое серединой VII века. Погребение было совершено по языческому обряду, вместе с ценными вещами (мечами, шлемами, кольчугами, кубками, знаменем, музыкальными инструментами), которые могли понадобиться королю в ином мире.

Трудно согласиться с теми исследователями, которых разочаровывает «банальность» сцен поединков героя с чудовищами. Эти схватки поставлены в центре поэмы вполне правомерно,— они выражают главное ее содержание. В самом деле, мир культуры, радостный и многоцветный, олицетворяется в «Беовульфе» Хеоротом — чертогом, сияние которого распространяется «на многие страны»; в его пиршественном зале бражничают и веселятся вождь и его сподвижники, слушая песни и сказания скопа — дружинного певца и поэта, прославляющего их боевые деяния, равно как и деяния предков; здесь вождь щедро одаривает дружинников кольцами, оружием и другими ценностями. Такое сведе́ние «срединного мира» (middangeard) к дворцу короля (ибо все остальное в этом мире обойдено молчанием) объясняется тем, что «Беовульф»— героический эпос, который сложился, во всяком случае в известной нам форме, в дружинной среде.

Хеороту, «Оленьему залу» (его кровля украшена позолоченными рогами оленя) противостоят дикие, таинственные и полные ужаса скалы, пустоши, болота и пещеры, в которых обитают чудовища. Контрасту радости и страха соответствует в этом противоположении контраст света и мрака. Пиры и веселье в сияющем золотом зале происходят при свете дня,— великаны выходят на поиски кровавой добычи под покровом ночи. Вражда Гренделя и людей Хеорота — не единичный эпизод; это подчеркивается не только тем, что гигант свирепствовал на протяжении двенадцати зим, до того как был сражен Беовульфом, но и прежде всего самою трактовкой Гренделя. Это не просто великан,— в его образе совместились (хотя, может быть, и не слились воедино) разные ипостаси зла. Чудовище германской мифологии, Грендель вместе с тем и существо, поставленное вне общения с людьми, отверженный, изгой, «враг», а по германским верованиям человек, запятнавший себя преступлениями, которые влекли изгнание из общества,— как бы терял человеческий облик, становился оборотнем, ненавистником людей. Пение поэта и звуки арфы, доносящиеся из Хеорота, где пирует король с дружиной, пробуждают в Гренделе ярость. Но этого мало,— в поэме Грендель назван «потомком Каина». На старые языческие верования напластовываются христианские представления. На Гренделе лежит древнее проклятье, он назван «язычником» и осужден на адские муки. И вместе с тем он и сам подобен дьяволу. Формирование идеи средневекового черта в то время, когда создавался «Беовульф», далеко не завершилось, и в не лишенной противоречивости трактовке Гренделя мы застаем любопытный промежуточный момент этой эволюции.

То, что в этом «многослойном» понимании сил зла переплетаются язы-

ческие и христианские представления, не случайно. Ведь и понимание бога-творца в «Беовульфе» не менее своеобразно. В поэме, многократно упоминающей «повелителя мира», «могучего бога», ни разу не назван Спаситель Христос. В сознании автора и его аудитории, по-видимому, не находит места небо в богословском смысле, столь занимавшее помыслы средневековых людей. Ветхозаветные компоненты новой религии, более понятные недавним язычникам, преобладают над евангельским учением о Сыне Божьем и загробном воздаянии. Зато мы читаем в «Беовульфе» о «герое под небесами», о человеке, который заботится не о спасении души, но об утверждении в людской памяти своей земной славы. Поэма заканчивается словами: из всех земных вождей Беовульф более всех был щедр, милостив к своим людям и жаден до славы!

Жажда славы, добычи и княжеских наград — вот высшие ценности для германского героя, как они рисуются в эпосе, это главные пружины его поведения. «Каждого смертного ждет кончина! — //пусть же, кто может, вживе заслужит //вечную славу! Ибо для воина //лучшая плата — память достойная!» (ст. 1386 след.). Таково кредо Беовульфа. Когда он должен нанести решительный удар своему противнику, он сосредоточивается на мысли о славе. «(Так врукопашную// должно воителю идти, дабы славу// стяжать всевечную, не заботясь о жизни!)» (ст. 1534 след.) «Уж лучше воину // уйти из жизни, чем жить с позором!» (стихи 2889 — 2890).

Не меньше славы воины домогаются подарков вождя. Нашейные кольца, браслеты, витое или пластинчатое золото постоянно фигурируют в эпосе. Устойчивое обозначение короля — «ломающий гривны» (дарили подчас не целое кольцо, то было значительное богатство, а части его). Современного читателя, пожалуй, удручат и покажутся монотонными все вновь возобновляющиеся описания и перечисления наград и сокровищ. Но он может быть уверен: средневековую аудиторию рассказы о дарах нисколько не утомляли и находили в ней живейший отклик. Дружинники ждут подарков вождя прежде всего как убедительных знаков своей доблести и заслуг, поэтому они их демонстрируют и гордятся ими. Но в ту эпоху в акт дарения вождем драгоценности верному человеку вкладывали и более глубокий, сакральный смысл. Как уже упомянуто, языческая вера в судьбу сохранялась в период создания поэмы. Судьба понималась не как всеобщий рок, а как индивидуальная доля отдельного человека, его везенье, счастье; у одних удачи больше, у других меньше. Могучий король, славный предводитель — наиболее «богатый» счастьем человек. Уже в начале поэмы мы находим такую характеристику Хродгара: «Хродгар возвысился в битвах удачливый,//без споров ему покорились сородичи...» (ст. 64 след.). Существовала вера, что везенье вождя распространяется и на дружину. Награждая своих воинов оружием и драгоценными предметами — материализацией своей удачи, вождь мог передать им частицу этого везенья. «Владей, о Беовульф, себе на радость//Воитель сильный дарами нашими —//кольцом и запястьями, и пусть сопутствует//тебе удача!» — говорит королева Вальхтеов Беовульфу. (ст. 1216 след.)

Но мотив золота как зримого, ощутимого воплощения удачи воина в «Беовульфе» вытесняется, очевидно под христианским влиянием, новой его трактовкой—как источника несчастий. В этой связи особый интерес представляет последняя часть поэмы — единоборство героя с драконом. В отместку за похищение драгоценности из клада дракон, который сторожил эти древние сокровища, нападает на селения, предавая огню и гибели окружающую страну. Беовульф вступает в схватку с драконом, но нетрудно убедиться, что автор поэмы не усматривает причины, побудившей героя на этот подвиг, в учиненных чудовищем злодеяниях. Цель Беовульфа — отнять у дракона клад. Дракон сидел на кладе три столетия, но еще прежде эти ценности принадлежали людям, и Беовульф желает возвратить их роду человеческому. Умертвив страшного врага и сам получив роковую рану, герой выражает предсмертное желание: увидеть золото, которое он вырвал из когтей его стража. Созерцание этих богатств доставляет ему глубокое удовлетворение. Однако затем происходит нечто прямо противоречащее словам Беовульфа о том, что он завоевал клад для своего народа, а именно: на погребальный костер вместе с телом короля его сподвижники возлагают и все эти сокровища и сжигают их, а остатки погребают в кургане. Над кладом тяготело древнее заклятье, и он бесполезен людям; из-за этого заклятья, нарушенного по неведению, Беовульф, по-видимому, и погибает. Поэма завершается предсказанием бедствий, которые обрушатся на гаутов после кончины их короля.

Борьба за славу и драгоценности, верность вождю, кровавая месть как императив поведения, зависимость человека от царящей в мире Судьбы и мужественная встреча с нею, трагическая гибель героя — все это определяющие темы не одного только «Беовульфа», но и других памятников германского эпоса.

СТАРШАЯ ЭДДА

Песни о богах и героях, условно объединяемые названием «Старшая Эдда»[1], сохранились в рукописи, которая датируется второй половиной XIII века. Неизвестно, была ли эта рукопись первой, либо у нее были какие-то предшественники. Предыстория рукописи так же неизвестна, как и предыстория рукописи «Беовульфа». Существуют, кроме того, некоторые другие записи песен, также причисляемых к эддическим. Неизвестна и история самих песен, и на этот счет выдвигались самые различные точки зрения и противоречащие одна другой теории. Диапазон в датировке песен нередко достигает нескольких столетий. Не все песни возникли в Исландии: среди них имеются песни, восходящие к южногерманским прототипам; в «Эдде» встречаются мотивы и персонажи, знакомые по англосаксонскому эпосу; немало было, видимо, при-

[1] Название «Эдда» было дано в XVII веке первым исследователем рукописи, который перенес на нее наименование книги исландского поэта и историка XIII века Снорри Стурлусона, так как Снорри в рассказе о мифах опирался на песни о богах. Поэтому трактат Снорри принято называть «Младшей Эддой», а собрание мифологических и героических песен — «Старшей Эддой». Этимология слова «Эдда» неясна.

несено из других скандинавских стран. Не останавливаясь на бесчисленных контроверзах по поводу происхождения «Старшей Эдды», отметим только, что в самом общем виде развитие в науке шло от романтических представлений о чрезвычайной древности и архаической природе песен, выражающих «дух народа», к трактовке их как книжных сочинений средневековых ученых-«антикваров», которые подражали старинной поэзии и стилизовали под миф свои религиозно-философские воззрения.

Ясно одно: песни о богах и героях были популярны в Исландии в XIII веке. Можно полагать, что, по крайней мере, часть их возникла намного раньше, еще в бесписьменный период. В отличие от песен исландских поэтов-скальдов, почти для каждой из коих мы знаем автора, эддические песни анонимны. Мифы о богах, рассказы о Хельги, Сигурде, Брюнхильд, Атли, Гудрун были общенародным достоянием, и человек, пересказывавший или записавший песнь, даже пересоздавая ее, не считал себя ее автором. Перед нами — эпос, но эпос очень своеобразный. Это своеобразие не может не броситься в глаза при чтении «Старшей Эдды» после «Беовульфа». Вместо пространной, неторопливо текущей эпопеи здесь перед нами — динамичная и сжатая песнь, в немногих словах или строфах излагающая судьбы героев или богов, их речи и поступки. Специалисты объясняют эту необычную для эпического стиля спрессованность эддических песен спецификой исландского языка. Но нельзя не отметить и еще одно обстоятельство. Широкое эпическое полотно, подобное «Беовульфу» или «Песни о нибелунгах», вмещает в себя несколько сюжетов, множество сцен, объединяемых общими героями и временной последовательностью, тогда как песни «Старшей Эдды» обычно (хотя и не всегда) сосредоточивают внимание на одном эпизоде. Правда, большая их «отрывочность» не мешает наличию в тексте песен разнообразных ассоциаций с сюжетами, которые разрабатываются в других песнях, вследствие чего изолированное чтение отдельно взятой песни затрудняет ее понимание,— разумеется, понимание современным читателем, ибо средневековые исландцы, можно не сомневаться, знали и остальное. Об этом свидетельствуют не только разбросанные по песням намеки на события, в них не описываемые, но и кеннинги. Если для понимания кеннинга типа «земля ожерелий» (женщина) или «змея крови» (меч) достаточно было лишь привычки, то такие кеннинги, как, например, «страж Мидгарда», «сын Игга», «сын Одина», «потомок Хлодюн», «муж Сив», «отец Магни» или «хозяин козлов», «убийца змея», «возничий», предполагали у читателей или слушателей знание мифов, из которых только и можно было узнать, что во всех случаях подразумевался бог Тор.

Песни о богах и героях в Исландии не «разбухали» в обширные эпопеи, как это имело место во многих других случаях [1]. Конечно, сама по себе длина

---

[1] В «Беовульфе» 3182 стиха, в «Песни о нибелунгах» втрое больше (2379 строф по четыре стиха в каждой), тогда как в самой длинной из эддических песен, «Речах Высокого», всего 164 строфы (число стихов в строфах колеблется), и ни одна другая песнь, кроме «Гренландских речей Атли», не превышает сотни строф.

поэмы мало о чем говорит, но контраст тем не менее разительный. Сказанное не означает, что эддическая песнь во всех случаях ограничивалась разработкой одного эпизода. В «Прорицании вёльвы» сохранилась мифологическая история мира от его создания и до предрекаемой колдуньей гибели вследствие проникшего в него зла и даже до возрождения и обновления мира. Ряд этих сюжетов затрагивается и в «Речах Вафтруднира» и в «Речах Гримнира». Эпический охват характеризует и «Пророчество Грипира», где как бы резюмируется весь цикл песен о Сигурде. Но самые широкие картины мифологии или героической жизни в «Старшей Эдде» всегда даются очень лаконично и даже, если угодно, «конспективно». Эта «конспективность» особенно видна в так называемых «тулах» — перечнях мифологических (а иногда и исторических) имен[1]. Нынешнего читателя обилие имен собственных, даваемых к тому же без дальнейших пояснений, ставит в тупик,— они ничего ему не говорят. Но для скандинава того времени дело обстояло совершенно не так! С каждым именем в его памяти связывался определенный эпизод мифа или героической эпопеи, и это имя служило ему как бы знаком, который обычно нетрудно было расшифровать. Для понимания того или иного имени специалист вынужден обращаться к справочникам, память же средневекового исландца, более емкая и активная, чем наша, в силу того что приходилось полагаться только на нее, без затруднений выдавала ему нужную информацию, и при встрече с этим именем в его сознании развертывался весь относящийся к нему рассказ. Иными словами, в сжатой и сравнительно немногословной эддической песни «закодировано» куда больше содержания, чем это может показаться непосвященному.

Отмеченные обстоятельства — то, что некоторые черты песен «Старшей Эдды» на современный вкус кажутся странными и лишенными эстетической ценности (ибо какое же художественное наслаждение можно ныне получить от чтения неведомо чьих имен!), равно и то, что песни эти не развертываются в широкую эпопею, наподобие произведений англосаксонского и немецкого эпоса,— свидетельствуют об их архаичности. В песнях широко применяются фольклорные формулы, клише и иные стилистические приемы, характерные для устного стихосложения. Типологическое сопоставление «Старшей Эдды» с другими памятниками эпоса также заставляет отнести ее генезис к весьма отдаленным временам, во многих случаях к более ранним, чем начало заселения Исландии скандинавами в конце IX — начале X века. Хотя сохранившаяся рукопись «Эдды» — младшая современница «Песни о нибелунгах», эддическая поэзия отражает более раннюю стадию культурного и общественного развития. Объясняется это тем, что в Исландии и в XIII веке не были изжиты доклассовые отношения и несмотря на принятие христианства еще в 1000 году исландцы усвоили его сравнительно поверхностно и сохранили живую связь с идеологией языческой поры. В «Старшей Эдде» можно найти следы хри-

---

[1] См. «Прорицание вёльвы», ст. 11—13, 15, 16, «Речи Гримнира», ст. 27 след., «Песнь о Хюндле», ст. 11 след.

стианского влияния, но в целом ее дух и содержание очень от него далеки Это скорее дух воинственных викингов, и, вероятно, к эпохе викингов, периоду широкой военной и переселенческой экспансии скандинавов (IX—XI века), восходит немалая часть эддического поэтического наследия. Герои песен «Эдды» не озабочены спасением души, посмертная награда — это долгая память, оставляемая героем среди людей, и пребывание павших в бою витязей в чертоге Одина, где они пируют и заняты воинскими забавами.

Обращает на себя внимание разностильность песен, трагических и комических, элегических монологов и драматизированных диалогов, поучения сменяются загадками, прорицания — повествованиями о начале мира. Напряженная риторика и откровенная дидактичность многих песен контрастируют со спокойной объективностью повествовательной прозы исландских саг. Этот контраст заметен и в самой «Эдде», где стихи нередко перемежаются прозаическими кусками. Может быть, то были добавленные позднее комментарии, но не исключено, что сочетание поэтического текста с прозой образовывало органическое целое еще и на архаической стадии существования эпоса, придавая ему дополнительную напряженность.

Эддические песни не составляют связного единства, и ясно, что до нас дошла лишь часть их. Отдельные песни кажутся версиями одного произведения; так, в песнях о Хельги, об Атли, Сигурде и Гудрун один и тот же сюжет трактуется по-разному. «Речи Атли» иногда истолковывают как позднейшую расширенную переработку более древней «Песни об Атли».

В целом же все эддические песни подразделяются на песни о богах и песни о героях. Песни о богах содержат богатейший материал по мифологии, это наш важнейший источник для познания скандинавского язычества (правда, в очень поздней, так сказать, «посмертной» его версии).

Образ мира, выработанный мыслью народов Северной Европы, во многом зависел от образа их жизни. Скотоводы, охотники, рыбаки и мореходы, в меньшей мере земледельцы, они жили в окружении суровой и слабо освоенной ими природы, которую их богатая фантазия легко населяла враждебными силами. Центр их жизни — обособленный сельский двор. Соответственно и все мироздание моделировалось ими в виде системы усадеб. Подобно тому как вокруг их усадеб простирались невозделанные пустоши или скалы, так и весь мир мыслился ими состоящим из резко противопоставленных друг другу сфер: «срединная усадьба» (Ми́дгард), т. е. мир человеческий, окружена миром чудищ, великанов, постоянно угрожающих миру культуры; этот дикий мир хаоса именовали У́тгардом (буквально: «то, что находится за оградой, вне пределов усадьбы»)[1]. Над Мидгардом высится А́сгард — твердыня богов — а́сов. Асгард соединен с Мидгардом мостом, образованным радугой. В море плавает мировой змей, тело его опоясывает весь Мидгард. В мифологической

[1] В состав Утгарда входят Страна великанов — ётунов, Страна альвов—карликов.

топографии народов Севера важное место занимает ясень Иггдрасиль, связывающий все эти миры, в том числе и нижний — царство мертвых Хель.

Рисующиеся в песнях о богах драматические ситуации обычно возникают как результат столкновений или соприкосновений, в которые вступают разные миры, противопоставленные один другому то по вертикали, то по горизонтали. Óдин посещает царство мертвых — для того чтоб заставить вёльву открыть тайны грядущего, и страну великанов, где выспрашивает Вафтруднира. В мир великанов отправляются и другие боги (для добывания невесты или молота Тора). Однако песни не упоминают визитов асов или великанов в Мидгард. Противопоставление мира культуры миру *не*культуры обще и для эддических песен, и для «Беовульфа»; как мы знаем, в англосаксонском эпосе земля людей тоже именуется «срединным миром». При всех различиях между памятниками и сюжетами и здесь и там мы сталкиваемся с темой борьбы против носителей мирового зла — великанов и чудовищ.

Как Асгард представляет собой идеализированное жилище людей, так и боги скандинавов во многом подобны людям, обладают их качествами, включая и пороки. Боги отличаются от людей ловкостью, знаниями, в особенности — владением магией, но они — не всеведущи по своей природе и добывают знания у более древних родов великанов и карликов. Великаны — главные враги богов, и с ними боги ведут непрекращающуюся войну. Глава и вождь богов Один и иные асы стараются перехитрить великанов, тогда как Тор борется с ними с помощью своего молота Мьёлльнира. Борьба против великанов — необходимое условие существования мироздания; не веди ее боги — великаны давно погубили бы и их самих, и род людской. В этом конфликте боги и люди оказываются союзниками. Тора часто называли «заступником людей». Один помогает мужественным воинам и забирает к себе павших героев. Он добыл мед поэзии, принеся самого себя в жертву, добыл руны — священные тайные знаки, при помощи которых можно творить всяческое колдовство. В Одине видны черты «культурного героя» — мифического предка, наделившего людей необходимыми навыками и знаниями.

Антропоморфность асов сближает их с богами античности, однако, в отличие от последних, асы не бессмертны. В грядущей космической катастрофе они вместе со всем миром погибнут в борьбе с мировым волком. Это придает их борьбе против чудовищ трагический смысл. Подобно тому как герой эпоса знает свою судьбу и смело идет навстречу неизбежному, так и боги: в «Прорицании вёльвы» колдунья вещает Одину о близящейся роковой схватке. Космическая катастрофа явится результатом морального упадка, ибо асы некогда нарушили данные ими обеты, и это ведет к развязыванию в мире сил зла, с которыми уже невозможно совладать. Вёльва рисует впечатляющую картину расторжения всех священных связей: см. строфу 45 ее пророчеств, где предрекается самое страшное, что может случиться с человеком, на взгляд членов общества, в котором еще сильны родовые традиции,— вспыхнут распри между родственниками, «братья начнут биться друг с другом...».

Эллинские боги имели среди людей своих любимчиков и подопечных, которым всячески помогали. Главное же у скандинавов — не покровительство божества отдельному племени или индивиду, а сознание общности судеб богов и людей в их конфликте с силами, несущими упадок и окончательную гибель всему живому. Поэтому вместо светлой и радостной картины эллинской мифологии эддические песни о богах рисуют полную трагизма ситуацию всеобщего мирового движения навстречу неумолимой судьбе.

Герой перед лицом Судьбы—центральная тема героических песен. Обычно герой осведомлен о своей участи: либо он одарен способностью проникать в будущее, либо ему кто-то открыл его. Какова должна быть позиция человека, знающего наперед о грозящих ему бедах и конечной гибели? Вот проблема, на которую эддические песни предлагают однозначный и мужественный ответ. Знание судьбы не повергает героя в фаталистическую апатию и не побуждает его пытаться уклониться от грозящей ему гибели; напротив, будучи уверен в том, что выпавшее ему в удел неотвратимо, он бросает вызов судьбе, смело принимает ее, заботясь только о посмертной славе. Приглашенный в гости коварным Атли Гуннар заранее знает о подстерегающей его опасности, но без колебаний отправляется в путь: так велит ему чувство героической чести. Отказываясь откупиться золотом от смерти, он гибнет. «...Так должен смелый, кольца дарящий, // добро защищать!» («Гренландская Песнь об Атли», 31).

Но наивысшее благо — доброе имя героя. Все преходяще, гласят афоризмы житейской мудрости, и родня, и богатство, и собственная жизнь,— навсегда остается одна только слава о подвигах героя («Речи Высокого», 76, 77). Как и в «Беовульфе», в эддических песнях слава обозначается термином, который одновременно имел значение «приговор» (древнеисл. dómr, древнеангл. dōm),— герой озабочен тем, чтобы его подвиги не были забыты людьми. Ибо судят его люди, а не какая-либо верховная инстанция. Героические песни «Эдды», несмотря на то что они существовали в христианскую эпоху, не упоминают суда божьего, все свершается на земле, и к ней приковано внимание героя.

В отличие от персонажей англосаксонской эпопеи — вождей, которые возглавляют королевства или дружины, скандинавские герои действуют в одиночестве. Исторический фон отсутствует[1], и упоминаемые в «Эдде» короли эпохи Великих переселений [Атли — король гуннов Аттила, Ёрмунрекк — остготский король Германарих (Эрманарих), Гуннар — бургундский король Гундахарий] утратили с историей всякую связь. Между тем исландцы того времени пристально интересовались историей, и от XII и XIII веков сохранилось немало созданных ими исторических сочинений. Дело, следовательно, не в отсутствии у них исторического сознания, а в особенностях трактовки материала в исландских героических песнях. Автор песни сосредото-

---

[1] «Песнь о Хлёде», хранящая отголоски каких-то исторических событий, кажется исключением.

чивает все свое внимание исключительно на герое, на его жизненной позиции и судьбе [1].

Другое отличие эддического эпоса от англосаксонского — более высокая оценка женщины и интерес к ней. В «Беовульфе» фигурируют королевы, служащие украшением двора и залогом мира и дружеских связей между племенами, но и только. Какой разительный контраст этому являют героини исландских песен! Перед нами — яркие, сильные натуры, способные на самые крайние, решительные поступки, которые определяют все развитие событий. Роль женщины в героических песнях «Эдды» не меньшая, чем мужчины. Мстя за обман, в который она была введена, Брюнхильд добивается гибели любимого ею Сигурда и умерщвляет себя, не желая жить после его смерти: «...не слабой была жена, если заживо// в могилу идет за мужем чужим...» («Краткая Песнь о Сигурде», 41). Вдова Сигурда Гудрун тоже охвачена жаждой мести: но мстит она не братьям — виновникам гибели Сигурда, а своему второму мужу, Атли, который убил ее братьев; в этом случае родственный долг действует безотказно, причем жертвой ее мести падают прежде всего их сыновья, кровавое мясо которых Гудрун подает Атли в качестве угощения, после этого она умерщвляет мужа и погибает сама в запаленном ею пожаре. Эти чудовищные поступки тем не менее имеют определенную логику: они не означают, что Гудрун была лишена чувства материнства. Но дети ее от Атли не были членами ее рода, они входили в род Атли; не принадлежал к ее роду и Сигурд. Поэтому Гудрун должна мстить Атли за гибель братьев, своих ближайших сородичей, но не мстит братьям за убийство ими Сигурда,— даже мысль о подобной возможности не приходит ей в голову! Запомним это — ведь сюжет «Песни о нибелунгах» восходит к тем же сказаниям, но развивается совсем иначе.

Родовое сознание вообще господствует в песнях о героях. Сближение различных по происхождению сказаний, как заимствованных с юга, так и собственно скандинавских, объединение их в циклы сопровождалось установлением общей генеалогии фигурирующих в них персонажей. Хёгни из вассала бургундских королей был превращен в их брата. Брюнхильд получила отца и, что еще важнее, брата Атли, вследствие чего ее смерть оказалась причинно связанной с гибелью бургундских Гьюкунгов: Атли завлек их к себе и умертвил, осуществляя кровную месть за сестру. У Сигурда появились предки — Вёльсунги, род, восходивший к Одину. «Породнился» Сигурд и с героем поначалу совершенно обособленного сказания — Хельги, они стали братьями, сыновьями Сигмунда. В «Песни о Хюндле» в центре внимания находятся перечни знатных родов, и великанша Хюндля, которая рассказывает юноше Оттару о его предках, открывает ему, что он связан родством со всеми прославленными семьями Севера, в том числе и с Вёльсунгами, Гьюкунгами и в конечном счете даже с самими асами.

---

[1] В Исландии в период записи героических песен не существовало государства; между тем исторические мотивы интенсивно проникают в эпос обычно в условиях государственной консолидации.

Художественное и культурно-историческое значение «Старшей Эдды» огромно. Она занимает одно из почетных мест в мировой литературе. Образы эддических песен наряду с образами саг поддерживали исландцев на всем протяжении их нелегкой истории, в особенности в тот период, когда этот маленький народ, лишенный национальной независимости, был почти обречен на вымирание и в результате чужеземной эксплуатации, и от голода и эпидемий. Память о героическом и легендарном прошлом давала исландцам силы продержаться и не погибнуть.

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

В «Песни о нибелунгах» мы вновь встречаемся с героями, известными из эддической поэзии: Зигфрид (Сигурд), Кримхильда (Гудрун), Брюнхильда (Брюнхильд), Гунтер (Гуннар), Этцель (Атли), Хаген (Хёгни). Их поступки и судьбы на протяжении веков владели воображением и скандинавов и немцев. Но сколь различна трактовка одних и тех же персонажей и сюжетов! Сопоставление исландских песен с немецким эпосом показывает, какие большие возможности для самобытной поэтической интерпретации существовали в рамках одной эпической традиции. «Историческое ядро», к которому восходила эта традиция, гибель бургундского королевства в 437 году и смерть гуннского короля Аттилы в 453 году, послужило поводом для появления высоко оригинальных художественных творений. На исландской и на немецкой почве сложились произведения, глубоко несходные между собой как в художественном отношении, так и в оценке и понимании действительности, которую они изображали.

Исследователи отделяют элементы мифа и сказки от исторических фактов и правдивых зарисовок морали и быта, обнаруживают в «Песни о нибелунгах» старые и новые пласты и противоречия между ними, не сглаженные в окончательной редакции песни. Но заметны ли были все эти «швы», несообразности и наслоения людям того времени? Нам уже приходилось высказывать сомнение в том, что «поэзия» и «правда» столь же четко противопоставлялись в средние века, как в новое время. Несмотря на то что подлинные события истории бургундов или гуннов искажены в «Песни о нибелунгах» до неузнаваемости, можно предположить: автор и его читатели воспринимали песнь как историческое повествование, правдиво, в силу своей художественной убедительности, рисующее дела минувших веков.

Каждая эпоха по-своему объясняет историю, исходя из присущего ей понимания общественной причинности. Как рисует прошлое народов и королевств «Песнь о нибелунгах»? Исторические судьбы государств воплощены в истории правящих домов. Бургунды — это, собственно, Гунтер с братьями, и гибель бургундского королевства состоит в истреблении его властителей и их войска. Точно так же гуннская держава целиком сосредоточена в Этцеле. Поэтическое сознание средневековья рисует исторические коллизии в виде столкновения индивидов, поведение которых определено их стра-

стями, отношениями личной верности или кровной вражды, кодексом родовой и личной чести. Но вместе с тем эпопея возводит индивидуальное в ранг исторического. Для того чтобы это стало ясно, достаточно наметить, в самых общих чертах, сюжет «Песни о нибелунгах».

При дворе бургундских королей появляется прославленный герой Зигфрид нидерландский и влюбляется в их сестру Кримхильду. Сам же король Гунтер желает вступить в брак с исландской королевой Брюнхильдой. Зигфрид берется помочь ему в сватовстве. Но эта помощь связана с обманом: богатырский подвиг, свершение которого является условием успеха сватовства, на самом деле содеял не Гунтер, а Зигфрид, укрывшийся под плащом-невидимкой. Брюнхильда не могла не заметить доблестей Зигфрида, но ее уверяют, что он всего лишь вассал Гунтера, и она горюет из-за мезальянса, в который вступила сестра ее мужа, тем самым ущемив и ее сословную гордость. Спустя годы по настоянию Брюнхильды Гунтер приглашает Зигфрида с Кримхильдой к себе в Вормс, и здесь во время перепалки королев (чей муж доблестнее?) обман раскрывается. Оскорбленная Брюнхильда мстит обидчику Зигфриду, который имел неосторожность отдать своей жене перстень и пояс, снятые им с Брюнхильды. Месть осуществляет вассал Гунтера Хаген. Герой предательски умерщвлен на охоте, а золотой клад, некогда отвоеванный Зигфридом у сказочных нибелунгов, королям удается выманить у Кримхильды, и Хаген скрывает его в водах Рейна. Минуло тринадцать лет. Гуннский властитель Этцель овдовел и ищет новую супругу. До его двора дошел слух о красоте Кримхильды, и он отправляет посольство в Вормс. После долгого сопротивления безутешная вдова Зигфрида соглашается на второй брак для того, чтобы получить средства отмстить за убийство любимого. Еще спустя тринадцать лет она добивается у Этцеля приглашения ее братьев к ним в гости. Несмотря на попытки Хагена предотвратить визит, грозящий стать роковым, бургунды с дружиной отправляются с Рейна на Дунай. (В этой части песни бургунды именуются нибелунгами.) Почти немедля после их прибытия вспыхивает ссора, перерастающая во всеобщую резню, в которой погибают бургундские и гуннские дружины, сын Кримхильды и Этцеля, ближайшие приближенные королей и братья Гуннара. Наконец-то Гуннар и Хаген в руках охваченной жаждой мести королевы; она приказывает обезглавить своего брата, после чего собственными руками умерщвляет Хагена. Старый Хильдебранд, единственный оставшийся в живых дружинник короля Дитриха Бернского, карает Кримхильду. В живых остаются стенающие от горя Этцель и Дитрих. Так завершается «рассказ о гибели нибелунгов».

В нескольких фразах можно пересказать лишь голый костяк фабулы огромной поэмы. Эпически-неторопливое повествование подробно живописует придворные досуги и рыцарские турниры, пиры и войны, сцены сватовства и охоты, путешествия в дальние страны и все другие стороны пышной и утонченной куртуазной жизни. Поэт буквально с чувственной радостью повествует о богатом оружии и драгоценных одеяниях, подарках, которыми правители награждают рыцарей, а хозяева вручают гостям. Все эти статические

изображения, несомненно, представляли для средневековой аудитории не меньший интерес, нежели сами драматические события. Битвы также обрисованы во всех деталях, и хотя в них участвуют большие массы воинов, поединки, в которые вступают главные персонажи, даны «крупным планом». В песни постоянно предвосхищается трагический исход. Нередко такие предуказания роковой судьбы всплывают в картинах благополучия и празднеств,— осознание контраста между настоящим и грядущим порождало у читателя чувство напряженного ожидания, несмотря на заведомое знание им фабулы, и цементировало эпопею как художественное целое. Персонажи очерчены с исключительной ясностью, их не спутаешь друг с другом. Разумеется, герой эпического произведения — не характер в современном понимании, не обладатель неповторимых свойств, особой индивидуальной психологии. Эпический герой — тип, воплощение качеств, которые признавались в ту эпоху наиболее существенными или образцовыми. «Песнь о нибелунгах» возникла в обществе существенно ином, чем исландское «народоправство», и подверглась окончательной обработке в то время, когда феодальные отношения в Германии, достигнув расцвета, обнаружили присущие им противоречия, в частности противоречия между аристократической верхушкой и мелким рыцарством. В песни выражены идеалы феодального общества: идеал вассальной верности господину и рыцарского служения даме, идеал властителя, пекущегося о благе подданных и щедро награждающего ленников.

Однако немецкий героический эпос не довольствуется демонстрацией этих идеалов. Его герои, в отличие от героев рыцарского романа, возникшего во Франции и как раз в то время перенятого в Германии, не переходят благополучно от одного приключения к другому; они оказываются в ситуациях, в которых следование кодексу рыцарской чести влечет их к гибели. Блеск и радость идут рука об руку со страданием и смертью. Это сознание близости столь противоположных начал, присущее и героическим песням «Эдды», образует лейтмотив «Песни о нибелунгах», в первой же строфе которой обозначена тема: «пиры, забавы, несчастия и горе», равно как и «кровавые распри». Всякая радость завершается горем,— этой мыслью пронизана вся эпопея. Нравственные заповеди поведения, обязательного для благородного воина, подвергаются в песни испытаниям, и не все ее персонажи с честью выдерживают проверку.

В этом отношении показательны фигуры королей, куртуазных и щедрых, но вместе с тем постоянно обнаруживающих свою несостоятельность. Гунтер овладевает Брюнхильдой только с помощью Зигфрида, в сравнении с которым проигрывает и как мужчина, и как воин, и как человек чести. Сцена в королевской опочивальне, когда разгневанная Брюнхильда, вместо того чтобы отдаться жениху, связывает его и подвешивает на гвоздь, естественно, вызывала хохот у аудитории. Во многих ситуациях бургундский король проявляет вероломство и трусость. Мужество пробуждается у Гунтера лишь в конце поэмы. А Этцель? В критический момент его добродетели оборачиваются нерешительностью, граничащей с полным параличом воли. Из зала, где убивают

его людей и где только что Хаген зарубил его сына, гуннского короля спасает Дитрих; Этцель доходит до того, что на коленях молит своего вассала о помощи! Он пребывает в оцепенении вплоть до конца, способный лишь оплакивать неисчислимые жертвы. Среди королей исключение составляет Дитрих Бернский, который пытается играть роль примирителя враждующих клик, но без успеха. Он единственный, помимо Этцеля, остается в живых, и некоторые исследователи видят в этом проблеск надежды, оставляемой поэтом после того, как он нарисовал картину всеобщей гибели; но Дитрих, образец «куртуазной гуманности», остается жить одиноким изгнанником, лишившимся всех друзей и вассалов.

Героический эпос бытовал в Германии при дворах крупных феодалов. Но поэты, его создававшие, опираясь на германские героические предания, по-видимому, принадлежали к мелкому рыцарству[1]. Этим, в частности, объясняется их страсть к воспеванию княжеской щедрости и к описанию подарков, безудержно расточаемых сеньорами вассалам, друзьям и гостям. Не по этой ли причине поведение верного вассала оказывается в эпопее более близким к идеалу, нежели поведение государя, все более превращающегося в статичную фигуру? Таков маркграф Рюдегер, поставленный перед дилеммой: выступить на стороне друзей или в защиту сеньора, и павший жертвой ленной верности Этцелю. Символом его трагедии, очень внятным для средневекового человека, было то, что маркграф погиб от меча, им же подаренного, отдав перед тем Хагену, бывшему другу, а ныне врагу, свой боевой щит. В Рюдегере воплощены идеальные качества рыцаря, вассала и друга, но при столкновении с суровой действительностью их обладателя ожидает трагическая судьба. Конфликт между требованиями вассальной этики, не принимающей во внимание личных склонностей и чувств участников ленного договора, и моральными принципами дружбы раскрыт в этом эпизоде с большей глубиной, чем где-либо в средневековой германской поэзии.

Хёгни не играет в «Старшей Эдде» главной роли. В «Песни о нибелунгах» Хаген вырастает в фигуру первого плана. Его вражда с Кримхильдой — движущая сила всего повествования. Мрачный, безжалостный, расчетливый Хаген, не колеблясь, идет на вероломное убийство Зигфрида, сражает мечом невинного сына Кримхильды, прилагает все силы для того, чтобы утопить в Рейне капеллана. Вместе с тем Хаген — могучий, непобедимый и бесстрашный воин. Из всех бургундов он один отчетливо понимает смысл приглашения к Этцелю: Кримхильда не оставила мысли об отмщении за Зигфрида и главным своим врагом считает именно его, Хагена. Тем не менее, энергично отговаривая вормсских королей от поездки в гуннскую державу, он прекращает споры, как только один из них упрекает его в трусости. Раз решившись, он проявляет максимум энергии при осуществлении принятого плана. Перед переправой через Рейн вещие жены открывают Хагену, что никто из бургундов не возвра-

[1] Не исключено, однако, что «Песнь о нибелунгах» написана духовным лицом. См. примечания.

тится живым из страны Этцеля. Но, зная судьбу, на которую они обречены, Хаген уничтожает челн — единственное средство переплыть реку, дабы никто не мог отступить. В Хагене, пожалуй, в большей мере, чем в других героях песни, жива старинная германская вера в Судьбу, которую надлежит активно принять. Он не только не уклоняется от столкновения с Кримхильдой, но сознательно его провоцирует. Чего сто́ит одна лишь сцена, когда Хаген и его сподвижник шпильман Фолькер сидят на скамье и Хаген отказывается встать перед приближающейся королевой, демонстративно поигрывая мечом, который он некогда снял с убитого им Зигфрида.

Сколь мрачными ни выглядят многие поступки Хагена, песнь не выносит ему морального приговора. Это объясняется, вероятно, как авторской позицией (пересказывающий «сказанья давно минувших дней» автор воздерживается от активного вмешательства в повествование и от оценок), так и тем, что Хаген вряд ли представлялся однозначной фигурой. Он — верный вассал, до конца служащий своим королям. В противоположность Рюдегеру и другим рыцарям, Хаген лишен всякой куртуазности. В нем больше от старогерманского героя, чем от рафинированного рыцаря, знакомого с воспринятыми из Франции утонченными манерами. Мы ничего не знаем о каких-либо его брачных и любовных привязанностях. Между тем служение даме — неотъемлемая черта куртуазности. Хаген как бы олицетворяет прошлое — героическое, но уже преодоленное новой, более сложной культурой.

Вообще различие между старым и новым осознается в «Песни о нибелунгах» яснее, чем в германской поэзии раннего средневековья. Кажущиеся отдельным исследователям «непереваренными» в контексте немецкой эпопеи фрагменты более ранних произведений (темы борьбы Зигфрида с драконом, отвоевания им клада у нибелунгов, единоборства с Брюнхильдой, вещие сестры, предрекающие гибель бургундов, и т. п.), независимо от сознательного замысла автора, выполняют в ней определенную функцию: они сообщают повествованию архаичность, которая позволяет установить временну́ю дистанцию между современностью и давно минувшими днями. Вероятно, этой цели служили и иные сцены, отмеченные печатью логической несообразности: переправа огромного войска в одной лодке, с которой Хаген управился за день, или схватка сотен и тысяч воинов, происходящая в пиршественном зале Этцеля, или успешное отражение двумя героями атаки целого полчища гуннов. В эпосе, повествующем о прошлом, такие вещи допустимы, ибо в былые времена чудесное оказывалось возможным. Время принесло большие перемены, как бы говорит поэт, и в этом тоже проявляется средневековое чувство истории.

Конечно, это чувство истории весьма своеобразно. Время не течет в эпосе непрерывным потоком,— оно идет как бы толчками. Жизнь скорее покоится, нежели движется. Несмотря на то что песнь охватывает временной промежуток почти в сорок лет, герои не стареют. Но это состояние покоя нарушается действиями героев, и тогда наступает время значимое. По окончании действия время «выключается». «Скачкообразность» присуща и характерам героев. В начале Кримхильда — кроткая девушка, затем — убитая горем вдо-

ва, во второй половине песни — охваченная жаждой мести «дьяволица». Эти изменения внешне обусловлены событиями, но психологической мотивировки столь резкого перелома в душевном состоянии Кримхильды в песни нет. Средневековые люди не представляли себе развития личности. Человеческие типы играют в эпосе роли, заданные им судьбой и той ситуацией, в которую они поставлены.

«Песнь о нибелунгах» явилась результатом переработки материала германских героических песен и сказаний в эпопею широкого масштаба. Эта переработка сопровождалась и приобретениями и потерями. Приобретениями — ибо безымянный автор эпопеи заставил по-новому зазвучать древние предания и сумел необычайно наглядно и красочно[1], во всех подробностях развернуть каждую сцену сказаний о Зигфриде и Кримхильде, более лаконично и сжато изложенных в произведениях его предшественников. Потребовались выдающийся талант и большое искусство для того, чтобы песни, насчитывавшие не одно столетие, вновь приобрели актуальность и художественную силу для людей XIII века, которые имели во многом уже совершенно иные вкусы и интересы. Потерями — ибо переход от высокой героики и пафоса непреклонной борьбы с Судьбою, присущих раннему германскому эпосу, вплоть до «воли к смерти», владевшей героем древних песен, к большему элегизму и воспеванию страдания, к сетованиям на горести, которые неизменно сопровождают людские радости, переход, безусловно, незавершенный, но тем не менее вполне явственный, сопровождался утратой эпическим героем былой цельности и монолитности, равно как и известным измельчанием тематики вследствие компромисса между языческой и христиански-рыцарской традициями; «разбухание» старых лапидарных песен в многословную, изобилующую вставными эпизодами эпопею вело к некоторому ослаблению динамизма и напряженности изложения. «Песнь о нибелунгах» родилась из потребностей новой этики и новой эстетики, во многом отошедших от канонов архаического эпоса варварской поры. Формы, в которых выражены здесь представления о человеческой чести и достоинстве, о способах их утверждения, принадлежат феодальной эпохе. Но накал страстей, обуревавших героев эпопеи, острые конфликты, в которых их сталкивает судьба, и поныне не могут не увлекать и не потрясать читателя.

А. ГУРЕВИЧ

---

[1] Красочно в буквальном смысле слова: автор охотно и со вкусом дает цветовые характеристики одежд, драгоценностей и оружия героев. Контрасты и сочетания красного, золотого, белого цветов в его описаниях живо напоминают средневековую книжную миниатюру. Поэт и сам как бы имеет ее перед глазами (см. строфу 286).

БЕОВУЛЬФ

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО В. ТИХОМИРОВА

1

Истинно! исстари
слово мы слышим
о доблести данов,
о конунгах датских,
чья слава в битвах
была добыта!

Первый — Скильд Скевинг,
войсководитель,
не раз отрывавший
вражьи дружины
от скамей бражных.
За все, что он выстрадал
в детстве, найденыш,
ему воздалось:
стал разрастаться
властный под небом
и, возвеличенный,
силой принудил
народы заморья
дорогой китов
дань доставить
достойному власти.
Добрый был конунг!
В недолгом времени
сын престола,
наследник родился,
посланный Богом
людям на радость

и в утешение,
    ибо Он видел
их гибель и скорби
    в век безначалия,—
от Вседержителя вознаграждение,
    от Жизнеподателя благонаследие,
знатен был Беовульф,
    Скильдово семя,
в датских владениях.
    С детства наследник
добром и дарами
    дружбу дружины
должен стяжать,
    дабы, когда возмужает,
соратники
    стали с ним о бок,
верные долгу,
    если случится война,—
ибо мужу
    должно достойным
делом в народе
    славу снискать!
В час предначертанный
    Скильд отошел,
воеводитель
    в пределы Предвечного.
Тело снесли его
    слуги любимые
на берег моря,
    как было завещано
Скильдом, когда еще
    слышали родичи
голос владычный
    в дни его жизни.
Челн крутогрудый
    вождя дожидался,
льдисто искрящийся
    корабль на отмели:
там был он возложен
    на лоно ладейное,
кольцедробитель;
    с ним же, под мачтой,
груды сокровищ —
    добыча походов.

Я в жизни не видывал
    ладьи, оснащенной
лучше, чем эта,
    орудьями боя,
одеждами битвы —
    мечами, кольчугами:
всё — самоцветы,
    оружие, золото —
вместе с властителем
    будет скитаться
по воле течений.
    В дорогу владыку
они наделили
    казной не меньшей,
чем те, что когда-то
    в море отправили
Скильда-младенца
    в суденышке утлом.
Стяг златотканый
    высоко над ложем
на мачте упрочив,
    они поручили
челн теченьям:
    сердца их печальны,
сумрачны души,
    и нет человека
из воинов этих,
    стоящих под небом,
живущих под крышей,
    кто мог бы ответить,
к чьим берегам
    причалит плывущий.

2

Долго правил
    твердыней данов
Беовульф датский,
    народоводитель
Скильдинг, наследник
    единодержца,
пока не сменил его
    сын его, Хальфдан

славный, что властил
    до самой смерти, —
и в старости Скильдинг
    бойцом был отменным.
Родилось на землю
    от Хальфдана четверо:
Херогар, Хродгар,
    Хальга Добрый
и дочь, которая,
    слышал я, стала
подругой Онелы
    в опочивальне,
супругой Скильвинга,
    конунга шведского.
Хродгар возвысился
    в битвах удачливый,
без споров ему
    покорились сородичи,
выросло войско
    из малой дружины
в силу великую.
    Он же задумал
данов подвигнуть
    на труд небывалый:
хоромы строить,
    чертог для трапез,
какого люди
    вовек не видывали;
там разделял бы он
    со старыми, с юными
все, чем богат был
    по милости Божьей, —
только земля неделима
    и войско едино.
Слышал я также,
    по воле владыки
от дальних пределов
    народы сходились
дворец возводить
    и воздвигли хоромы
в срок урочный,
    а тот, чье слово
было законом,
    нарек это чудо

Палатой Оленя,
именем Хеорот;
там золотые
дарил он кольца
всем пирующим.
Дом возвышался,
рогами увенчанный;
недолговечный,
он будет предан
пламени ярому
в распре меж старым
тестем и зятем —
скоро нагрянули
зло и убийство.

Тут разъярился
дух богомерзкий,
житель потемков,
который вседневно
слышал застольные
клики в чертогах:
там арфа пела
и голос ясный
песносказителя,
что преданье
повел от начала,
от миротворенья;
пел он о том,
как Создатель устроил
сушу — равнину,
омытую морем,
о том, как Зиждитель
упрочил солнце
и месяц на небе,
дабы светили
всем земнородным,
и как Он украсил
зеленью земли,
и как наделил Он
жизнью тварей,
что дышут и движутся.

Счастливо жили
дружинники в зале,

пока на беду им
туда не явилось
ада исчадие:
Гренделем звался
пришелец мрачный,
живший в болотах,
скрывавшийся в топях,
муж злосчастливый,
жалкий и страшный
выходец края,
в котором осели
все великаны
с начала времен,
с тех пор, как Создатель
род их проклял.
Не рад был Каин
убийству Авеля,
братогубительству,
ибо Господь
первоубийцу
навек отринул
от рода людского,
пращура зла,
зачинателя семени
эльфов, драконов,
чудищ подводных
и древних гигантов,
восставших на Бога,
за что и воздалось
им по делам их.

3

Ночью Грендель
вышел разведать,
сильна ли стража
кольчужников датских
возле чертога,
и там, в покоях,
враг обнаружил
дружину, уснувшую
после пиршества,—
не ждали спящие

ужасной участи,—
тогда, не мешкая,
грабитель грозный,
тать кровожорный
похитил тридцать
мужей-воителей,
и, с громким хохотом
и корчась мерзостно,
вор в берлогу
сволок добычу,
радуясь запаху
мяса и крови.
Лишь на рассвете
открылись людям
следы побоища
и сила Гренделя,—
был после пиршества
плач великий!
Скорбь огласила
утро стенаньями;
муж безупречный
сидел неутешен —
горе страшное,
слишком тяжкое! —
след проклятого
гостя видев,
он оплакивал,
конунг, павших
в неравной схватке.
Но не успели
даны опомниться:
ночь наступила,
и враг ненасытный,
в грехе погрязший,
опять набег
учинил убийственный;
не раз случалось
людям в ту пору
искать ночлега,
стелить постели
вдали от высокой
дворцовой кровли,
ибо враг кровожаждущий
в этом доме бесчинствовал,

и, спасаясь от недруга,
    уходили воины
прочь от места опасного;
    он один одержал
верх над множеством
    и остался, злокозненный,
в доме конунга
    беззаконным хозяином;
и надолго чертог
    обезлюдел.

Так двенадцать зим
    вождь достойный,
друг Скильдингов,
    скорби смертные
и бесчестье терпел
    и печали неисчислимые.
И слагались в то время
    по всей земле
песни горестные,
    но правдивые
о том, как Грендель
    войной на Хродгара
год за годом
    злосердый ходит,
и нет предела
    проклятой пагубе,
не ищет враг
    замирения с данами,
не прекращает
    разбоя кровавого,
цену крови
    платить и не думает,
мужа знатного
    даже золотом
у злодея не выкупить.
    Так преследовал
датских ратников
    призрак дьявольский,
ждал юных в засадах
    и старых воинов
рвал на части,
    из топей туманных

являлся ночью,—
    кто знает, откуда
приходят скитальцы,
    причастные тайн
самой преисподней!—
    и множил муки
богоотверженец;
    светлый Хеорот
стал пристанищем
    полночной нечисти —
только места высокого,
    освященного Богом,
не касался поганый,
    не смел осквернять
трона кольцедарителя.

    Такое Скильдингу
на долю выпало
    горе долгое.
Сидели знатные,
    судили мудрые,
в совете думали,
    как бы вернее
людей избавить
    от страшной участи;
молились идолам,
    душегубителям,
и, воздавая им
    жертвы обетные,
просили помощи
    и подкрепления —
то суеверие,
    обряд языческий,
то поклонение
    владыке адскому!
Был им неведом
    Судья Деяний,
Даритель Славы,
    Правитель Неба,
не знали Бога,
    не чтили Всевышнего.
Горе тому,
    кто нечестьем и злобой

душу ввергает
в геенский огонь,—
не будет ему
послабления в муках!
Но благо тому,
кто по смерти предстанет
пред Богом
и вымолит у Милосердного
мир и убежище
в лоне Отца!

4

Не было роздыха
сыну Хальфдана
в его несчастьях,
не мог всемудрый
осилить пагубу,
горе страшное,
слишком тяжкое,
напасть ночную,
людей постигшую
в его державе.

Услышал весть
о победах Гренделя
храбрец гаутский,
дружинник Хигелака —
он был сильнейшим
среди могучих
героев знатных,
статный и гордый;
и приказал он
корабль надежный
готовить в плавание:
там, за морем,
сказал, найдем мы,
за лебединой дорогою,
конунга славного,
но бедного слугами!
Людей не пугала
затея дерзкая,
хотя и страшились
за жизнь воителя,

но знаменья были
благоприятные.
Тогда собрал он,
ратеначальник,
в дружину гаутов
наихрабрейших,
товарищей верных,
числом четырнадцать,
и, сам пятнадцатый,
опытный кормчий,
повел их к морю,
к пределам суши.

Время летело,
корабль в заливе
вблизи утесов
их ждал на отмели;
они вступили
на борт, воители,—
струи прилива
песок лизали,—
и был нагружен
упругоребрый
мечами, кольчугами;
потом отчалил,
и в путь желанный
понес дружину
морской дорогой
конь пеногрудый
с попутным ветром,
скользя, как птица,
по-над волнами,—
лишь день и ночь
драконоголовый
летел по хлябям,
когда наутро
земля открылась —
гористый берег,
белые скалы,
широкий мыс,
озаренный солнцем,—
они достигли
границы моря.

Ладья их на якоре
стояла в бухте;
герои гаутские
сошли на берег,
блестя кольчугами,
звеня мечами,
и возгласили
хвалу Всевышнему,
что ниспослал им
стезю безбурную.
Тогда с утеса
дозорный Скильдингов,
страж побережья,
следил, как ратники
во всеоружии,
в одеждах битвы
над бурунами
проходят по сходням;
дивился витязь
гостям незваным,
и прямо к ним он
коня направил,
служитель Хродгара,
и древком ясеневым,
копьем потрясая,
спросил пришельцев:
«Кто вы,
закованные в броню,
покрывшие головы
железными шлемами,
судно грузное
по мелководьям
сюда приведшие
из океана?
Давно храню я
наши границы,
поморье датское
от злонамеренных
морских разбойников,
но не упомню,
чтобы чужая
дружина вышла
на этот берег
так, без опаски,

без дозволения
моих сородичей,
власть предержащих.
И я ни в жизни
не видел витязя
сильней и выше,
чем ваш соратник —
не простолюдин
в нарядной сбруе,—
кровь благородная
видна по выправке!
Но я обязан
узнать немедля
ваш род и племя,
дабы вошли вы
в пределы датские
не как лазутчики.
Вы, чужеземцы,
морские странники,
поторопитесь! —
я жду ответа,
я должен сведать,
откуда вы
и почто явились!»

5

Воеводитель
ему ответствовал,
раскрыл сокровищницу
слов благородных:
«Мы все от семени
мужей гаутских,
наш конунг — Хигелак,
его дружина — мы.
Воитель мудрый,
всеземнознатный
отец мой, Эггтеов,
состарясь, умер,
покинул землю,—
тому немало
минуло зим,—
но имя славное

доныне знаемо
    под этим небом.
Не злые мысли
    ведут нас к датскому
народоправителю,
    к сыну Хальфдана,—
так помоги нам
    добрым советом!—
и мы не скроем
    от высокородного
помыслов наших,
    о коих скоро
и ты узнаешь.
    Молва разносит,—
скажи, то правда ли?—
    что будто некая
тварь неведомая
    тревожит Скильдинга,
датчан ночами
    исчадье мрака,
злобесный призрак,
    в набегах яростных
губит и грабит.
    От всей души я
хотел бы Хродгару
    помочь советом,
дабы избавить
    его от бедствия,
дабы вернулось
    благополучие
в его державу,
    дабы утихли
волны печалей,
    не то вовеки
страх и злосчастие
    с ним пребудут,
покуда не рухнут
    стропила и кровля,
пока стоят
    на холме хоромы».

С коня ответил
    отважный всадник,
сказал дозорный:

«И сам ты знаешь,
что должно стражу-
щитоносителю
судить разумно
о слове и деле.
Я вижу ясно,
с добром вы к Скильдингу
путь свой правите,
и вам торенную
тропу, кольчужники,
я укажу;
а людям велю я
этот свежесмоленый
корабль охранять
и беречь от недругов:
пускай на песке
дожидает спокойно
древо морское
доброго кормщика;
вновь полетит
змееглавый по хлябям,
неся восвояси
хозяина славного,
к землям гаутским,
а с ним и дружинников —
тех, кого в битве
Судьба упасет».

Двинулась рать
(корабль остался,
причаленный к берегу,
широкогрудый,
на тяжком якоре);
ярко на шлемах
на островерхих
вепри-хранители
блистали золотом.
Так за вожатым
спешила дружина
мужей войнолюбых
широкой дорогой,—
и вдруг перед ними
в холмах воссияла
златослепящая

кровля чертога,
жилища Хродгара:
под небом не было
знатней хоромины,
чем та, озарявшая
окрестные земли.

Узрели славу
твердыни престольной
щитоносители;
страж, указав им
путь прямохожий,
коня направил
обратно к морю,
и молвил ратник:
«Теперь идите.
Отец Вседержитель
да будет с вами!
Дай Бог вам силы
в грядущих сражениях!
А я возвращаюсь
хранить границу
от недругов наших!»

6

На пестрые плиты,
на путь мощеный
толпа ступила
мужей доспешных
в нарядах ратных,
в кольчугах, звенящих
железными кольцами,
прочными звеньями,—
войско блестящее
шло ко дворцу.
Там, под стеной,
утомленные морем,
они сложили
щиты широкие
в ряд на лавы —
раскатом грянули
их нагрудники;
там же составили

копья из ясеня
вместе с мечами —
бремя железное,
вооружение
морестранников.
Тут страж-привратник,
воитель гордый,
спросил пришельцев:
«Откуда явились
щиты золоченые,
кольчуги железные,
грозные шлемы,
длинные копья?
Немало у Хродгара
я, глашатай,
встречал иноземцев,
но столь достойных
не видел! Надеюсь,
не ради прибежища,
как изгнанники,
но ради подвигов
пришли вы к Хродгару!»

Вождь гаутов
ему ответил,
стойкий в битве,
статный под шлемом,
такими словами:
«Из дома Хигелака
веду соратников
я, воин Беовульф,
хочу поведать
владыке вашему,
потомку Хальфдана,
что́ мы замыслили,
коль скоро конунг
окажет милость
и нас допустит
в свои палаты».

Вульфгар ответствовал,
вождь венделов,
муж многомудрый,
меж соплеменников

мужеством славный:
«Владыке Скильдингов
слово просящего,
конунгу данов,
кольцедробителю,
речи твои,
о вождь дружины,
я передам.
Ждите!— скоро
веление конунга —
народоправителя
вы услышите!»

Туда вошел он,
где старый Хродгар
сидел седовласый
среди придворных;
там, на помосте,
перед престолом
славного пастыря,
пред ликом Хродгара
встал Вульфгар,
и молвил он, вестник:
«Люди, пришедшие
к нам издалека,
морской дорогой
из края гаутов,—
привел их воин
по имени Беовульф,—
просят они,
повелитель, выслушать
слово, с которым
к тебе спешили;
о господин,
не отказывай пришлым,
слух преклони,
благородный Хродгар,—
оружие доброе
служит порукой
их силе и мужеству;
муж могучий,
приведший войско,—
вождь достойный!»

Владычный Скильдинг,
Хродгар ответил:
«Видел я витязя
в дни его детства;
умер отец его,
добрый Эггтеов,
в дом которого
дочь единственную
отдал Хредель;
к старому другу
отца явился
и сын могучий, —
о нем я слышал
от мореходов,
ладьи водивших
в страну гаутов
с моими дарами;
они рассказывали,
как тридцать ратников
переборол он
одной рукою.
Бог Всеблагой
направил к данам,
послал, Милосердный,
этого мужа —
так я думаю —
против Гренделя,
и я героя,
по дружбе, как должно,
дарами встречу!
Сюда немедля
введи достойных —
пусть предо мною
они предстанут, —
скажи: воистину
гостям желанным
даны рады!»

Тогда из чертога
вышел Вульфгар
с такими словами:

«Изволил конунг,
владыка данов,
мой повелитель,
сказать, что знает
род ваш и племя
и рад приветствовать
героев, пришедших
к нам из-за моря.
Теперь в боевом
облачении, в шлемах
ступайте в палаты
да кланяйтесь Хродгару,
а ваше оружие
покуда оставьте
тут, у порога,
щиты и копья».

Встал среди ратников
статный воин,
вождь дружины,
велел, как должно,
верной страже
стеречь оружие,
а сам с остальными
вслед за глашатаем
двинулся в Хеорот.
Витязь явился
могучий в шлеме
перед престолом,
и молвил Беовульф
(кольчуга искрилась —
сеть, искусно
сплетенная в кузнице):
«Привет мой Хродгару!
Я — воин Хигелака,
его племянник;
мне ратное дело
с детства знакомо,
Там, в отчем доме,
услышал я вести
о битвах с Гренделем —
морские странники
о том мне поведали,
что дом дружинный,

тобой построенный,
чертог обширный
пустеет вечером,
чуть солнца на небе
померкнет слава.
Тогда старейшины,
мои сородичи
из лучших лучшие,
меня подвигнули
тебе, о Хродгар,
отдать в услужение
рук моих крепость,
ибо воочию
сами видели,
как я из битвы
шел, обагренный
кровью пяти
гигантов поверженных;
а также было,
я бился ночью
с морскими тварями,
мстя, как должно,
подводной нечисти
за гибель гаутов;
так и над Гренделем
свершить я надеюсь
месть кровавую
в единоборстве.
Доверь, владыка
блистательных данов,
опора Скильдингов,
щит народа,—
тебя заклинаю
я, прибывший
с дальнего берега,—
о друг воителей,
доверь пришельцам,
мне с моею
верной дружиной,
отряду храбрых
охрану Хеорота!
К тому же, зная,
что это чудище,
кичась могучестью,

меча не носит,
я так же — во славу
великого Хигелака,
сородича нашего
и покровителя! —
я без меча,
без щита широкого,
на поединок
явлюсь без оружия:
враг на врага,
мы сойдемся, и насмерть
схватимся врукопашную,—
Небо укажет,
Бог рассудит,
кому погибнуть!
И если он
победит, как обычно
в этом зале,
тогда уж гаутов,
моих соратников,
он беспрепятственно
пожрет, злобесный;
тебе же не будет
забот похоронных,
коль скоро сгину,—
меня утащит
окровавленного
в свою берлогу,
в багровокипящий
болотный омут,
и в клочья тело
мое растерзает
себе на мясо,
а мне уже пищи
не нужно будет.
И если сгибну,
похищенный битвой,
мои доспехи
пошлите Хигелаку,
меч и кольчугу
работы Вилунда,
наследие Хределя.
Судьба непреложна!»

8

Скильдинг-властитель,
Хродгар вымолвил:
«К нам ты ныне
явился, Беовульф,
как друг и защитник,
верный долгу;
ведь было: в споре
убивши Хадолафа,
из рода Вильвингов,
отец твой распрю
посеял кровную;
когда же гауты,
страшась усобиц,
его отринули,
бежал он от мести
к нам, за море,
под руку Скильдингов,
в пределы датские,
где я уже властил
тогда над данами,
правил державой,
обширным краем,
твердыней героев
(достойней владел бы
наследием Хальфдана
брат мой старший,
да умер Херогар
прежде времени!),
я же немедля
в оплату крови
золото выслал
Вильвингам за море:
я замирил их —
беглец присягнул мне.
А ныне я должен
скрепивши сердце
поведывать людям,
как лютый Грендель
бесчестит Хеорот,
без счета губит
моих домочадцев:
дружина тает,

Судьба безжалостная
уносит воинов
в схватках с Гренделем.
Но Бог поможет
воздать злодею
за горести наши!
Не раз похвалялись
в застольях бражных,
над полными чашами
честью хвалились
герои остаться
ночью на страже
и Гренделя в зале
мечами встретить;
тогда наутро
в чертоге для пиршеств
мы находили
запекшейся крови
потоки и пятна,
пол обагренный,
скамьи и стены,—
так я утратил
многих знатнейших,
всех смерть похитила!
Но время! — сядем
за пир, и сердце
тебе, воитель,
подскажет слово».
Тогда им дали
на скамьях медовых
места в застолье,
и гости-гауты
сели за трапезу,
ратники сильные,
храбросердые;
брагу медовую
в чеканные чаши
лил виночерпий,
песносказитель
пел о Хероте;
и беспечально
там пировали
две дружины —
датчан и гаутов.

9

Тут Унферт,
сын Эгглафа,
сидевший в стопах
у владыки Скильдингов,
начал прение
(морепроходец,
пришелец Беовульф,
его раззадорил:
неужто в мире
ему соперник
нашелся, воин
под небом славный,
его сильнейший),
и вот он начал:
«Не тот ли ты Беовульф,
с которым Брека
соревновался
в умении плавать,
когда, кичась
непочатой силой,
с морем спорили
вы, бессмыслые,
жизнью рискуя?
Ни друг, ни недруг,
ни муж разумный
не мог отвратить вас
от дикой затеи
соперничать в океане.
Пучин теченья
сеча руками,
взмахами меряя
море-дорогу,
вы плыли по волнам,
по водам, взбитым
зимними ветрами,
семеро суток.
Тебя пересилил
пловец искусный,
тебя посрамил он:
на утро восьмое,
брошенный бурей
к норвежскому берегу,

он возвратился
в свои владенья,
в земли Бродингов,
в дом наследный,
где правит поныне,
на радость подданным,
казной и землями.
Клятву сдержал
сын Бенстана —
был первым!
Вот почему я
предчую худшее
(хотя и вправду
ты крепок в битве,
в честной сече),
коль скоро, с вечера
тут оставшись,
ты встретишь Гренделя!»
Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Не чересчур ли
ты, друг мой Унферт,
брагой упившись,
о подвигах Бреки
тут разболтался?
На самом же деле
никто из смертных
со мной не сравнился бы
мощью на море,
выдержкой на океане.
Когда-то, поспорив,
мы вправду задумали,
жизнью рискуя
(а были оба
еще недоростками!),
взапуски плавать
в открытых водах.
Сказано — сделано:
кинулись в зыби,
клинки обнажив
ради защиты
от хищных тварей,
там обитавших.
Сил недостало

ему тягаться
со мной на быстринах,
но я не покинул
его над бездной:
вместе держались
в опасных водах,
рядом плыли
пятеро суток,
покуда буря
и сумрак ночи,
северный ветер,
снег и волны
кипящих течений
не разлучили
нас в ненастье.
Со дна морского
нечисть восстала —
в пене ярились
полчища чудищ.
Рубаха-кольчуга
искусной вязки,
железной пряжи
мне послужила,
шитая золотом,
верной защитой,
когда морежитель,
стиснув когтистыми
лапами тело,
вдруг потащил меня
в глубь океана;
Судьбой хранимый,
я изловчился,
— клинком ужалил
зверя морского —
канул на дно
обитатель хлябей.

10

Кишела нежить,
грозя мне погибелью
в бурлящей бездне,
но я поганых

мечом любимым
учил, как должно!
Не посчастливилось
злобной несыти
мной поживиться,
плотью лакомой,
пищей пиршественной
в глубоководье,
зато наутро
в прибрежных водах
всплыли распухшие
туши животных,
клинком усыпленных, —
и с этой поры
стал безопасен
путь мореходный
над теми безднами.
Божий светоч
взошел с востока,
утихла буря,
и я увидел
источенный ветром
скалистый берег —
Судьба от смерти
того спасает,
кто сам бесстрашен!
Всего же девять
избил я чудищ
и, право, не знаю,
под небом ночным
случались ли встречи
опасней этой,
был ли кто в море
ближе к смерти,
а все же я выжил
в неравной схватке —
меня, усталого,
но невредимого,
приливом вынесло,
морским течением
к финским скалам.

Но я не слышал
подобных былей

о подвигах ратных,
тобой совершенных:
ни ты, ни Брека —
в игре сражений
не смели вы оба
железом кровавым
творить, как должно,
дела достойные,
зато известно,
что ты убийца
своих сородичей,
братьев кровных, —
проклятье ада,
как ни лукавь ты,
тебя не минет!
Скажу воистину
тебе, сын Эгглафа:
не смог бы Грендель
бесчинствовать в Хеороте,
не смел бы нечистый
бесчестить владыку,
когда бы сердце
твое вмещало
столько же храбрости,
сколько бахвальства!
Но знает он,
что его не встретят,
противоборствуя,
мечами острыми,
и без опаски
враг набегает
на земли Скильдингов,
твоих сородичей,
и с данов дань
собирает кровью,
и ест и пьет он
и не трепещет
при встрече с данами.
Дайте время,
на деле узнает он
доблесть гаутскую!
Завтра поутру,
когда над миром
зажжется светоч,

солнце на небе
явится ясное, —
всяк без боязни
сможет на пиршестве
пить брагу в Хеороте!»

Пришлась по нраву
кольцедарителю,
седовласому
старцу-воину,
решимость Беовульфа:
он уверовал,
пастырь данов,
в близость спасения.
Громче смех
зазвучал и речи
среди воителей;
вышла Вальхтеов,
блистая золотом,
супруга Хродгара,
гостей приветствовать
по древнему чину:
высокородная
вождю наследному
вручила первому
чашу пенную,
да не грустил бы
в пиру властитель,
владыка данов, —
до дна он выпил,
радуясь трапезе,
добрый конунг;
затем гостей
обходила Вальхтеов
с полной чашей,
потчуя воинов,
старых и юных,
пока не предстала
жена венценосная,
кольцевладелица
с кубком меда
перед гаутским
войсководителем;
многоразумная

Бога восславила,
ей по молитвам
в помощь пославшего
рать бесстрашную.
Чашу воитель
принял от Вальхтеов
и ей ответствовал
жаждущий битвы,
молвил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Дал я клятву,
когда с дружиной
всходил на ладью,
чтобы плыть за море:
или избуду я
ваши беды,
или сгину
в тугих объятьях
рук вражьих,—
зарок мой крепок! —
добуду победу,
или окончатся
дни моей жизни
в этом чертоге!»
Пришлась по сердцу
хозяйке дома
клятва гаута.

Воссела властная
золотоносица
возле супруга,
и пир разгорелся,
как в дни былые;
застольные клики,
смех и песни
в хоромах грянули,
но сам сын Хальфдана
прервал веселье,
спеша укрыться
в ночных покоях:
он знал, что недруг,
дождавшись часа,
когда помрачится

закатное солнце
и с неба сумерки
призрачным облаком
сползут на землю,—
враг явится яростный,
жизнекрушитель,
в зал для пиршеств.
Повстала дружина;
воин воину,
Хродгар Беовульфу
сказал в напутствие,
благословляя
ночную стражу,
такое слово:
«Кроме тебя,
никому до сегодня
я не вверял
сокровищниц датских
с тех пор, как впервые
поднял свой щит.
Прими под охрану
мое жилище!
Помни о славе!
Исполни клятву!
Врага стереги! —
и добудешь награду,
коль скоро в сражении
жизнь не утратишь!»

11

Хродгар вышел,
за ним дружина,
опора Скильдингов,
прочь из зала;
возлег державный
на ложе Вальхтеов
в покоях жениных;
уже прослышали
все домочадцы,
что сам Создатель
охрану выставил
в хоромах конунга,

дозор надежный
    противу Гренделя.
Гаутский воин,
    душа отважная,
снял шлем железный,
    себя вверяя
Господней милости
    и силе рук своих,
кольчугу скинул
    и чудно скованный
свой меч отменный
    на время боя
отдал подручному
    на сохранение.
Всходя на ложе,
    воскликнул Беовульф,
гаут могучий,
    врагу в угрозу:
«Кичится Грендель
    злочудищной силой,
но я не слабей
    в рукопашной схватке!
Мне меч не нужен! —
    и так сокрушу я
жизнь вражью.
    Не посчастливится
мой щит расщепить ему,—
    хотя и вправду
злодей не немощен! —
    я пересилю
в единоборстве,
    когда мы сойдемся,
отбросив железо,
    коль скоро он явится
нынче ночью!
    Над нами Божий,
Господень свершится
    суд справедливый —
да сбудется воля
    Владыки Судеб!»

Склонил он голову,
    высокородный,

на пестроцветное изголовье,
вокруг мореходы
легли по лавам
в палате для пиршеств;
из них ни единый
не чаял вернуться
под кров отеческий,
к своим сородичам
в земли дальние,
их вскормившие,
ибо знали,
как много датских
славных витязей
в этом зале
было убито.
Но Бог-заступник,
ткач удачи,
над ратью гаутской
вождем поставил
героя, чья сила
верх одержала
над вражьей мощью
в единоборстве,—
воистину сказано:
Бог от века
правит участью
рода людского!

Исчадие ночи
вышло на промысел;
воины спали,
уснула охрана
под кровлей высокой,
из них лишь единый
не спал (известно,
без попущенья
Судьбы-владычицы
хищная тварь
никого не утащит
в кромешное логово),
на горе недругу
он ждал без страха
начала схватки.

12

Из топей сутемных
по утесам туманным
Господом проклятый
шел Грендель
искать поживы,
крушить и тратить
жизни людские
в обширных чертогах;
туда поспешал он,
шагая под тучами,
пока не увидел
дворца златоверхого
стен самоцветных,—
не раз наведывался
незваный к Хродгару,
сроду не знавший
себе соперника,
не ждал и нынче,
найти противника,
дозор дружинный
в ночных покоях.
(Шел ратобитец
злосчастный к смерти.)
Едва он коснулся
рукой когтелапой
затворов кованых —
упали двери,
ворвался пагубный
в устье дома,
на пестроцветный
настил дворцовый
ступил, неистовый,
во тьме полыхали
глаза, как факелы,
огонь извергали
его глазницы.
И там, в палатах,
завидев стольких
героев-сородичей,
храбрых воителей,
спящих по лавам,
возликовал он;

думал, до утра
душу каждого,
жизнь из плоти,
успеет вырвать,
коль скоро ему
уготовано в зале
пышное пиршество.
(После той ночи
Судьба не попустит —
не будет он больше
мертвить земнородных!)
Зорко высматривал
дружинник Хигелака
повадки вражьи,
стерег недреманный
жизнекрушителя:
чудище попусту
не тратило времени! —
тут же воина
из сонных выхватив,
разъяло ярое,
хрустя костями,
плоть и остов
и кровь живую
впивало, глотая
теплое мясо;
мертвое тело
с руками, с ногами
враз было съедено.
Враг приближался;
над возлежащим
он руку простер,
вспороть намерясь
когтистой лапой
грудь храбросердого,
но тот, проворный,
привстав на локте,
кисть ему стиснул,
и понял грозный
пастырь напастей,
что на земле
под небесным сводом
еще не встречал он
руки человечьей

сильней и тверже;
    душа содрогнулась,
и сердце упало,
    но было поздно
бежать в берлогу,
    в логово дьявола;
ни разу в жизни
    с ним не бывало
того, что случилось
    в этом чертоге.
Помнил доблестный
    воин Хигелака
вечернюю клятву:
    восстал, угнетая
руку вражью,—
    хрустнули пальцы;
недруг отпрянул —
    герой ни с места;
уйти в болота,
    зарыться в тину
хотело чудище,
    затем что чуяло,
как слабнет лапа
    в железной хватке
рук богатырских,—
    так обернулся
бедой убийце
    набег на Хеорот!

Гром в хоромах,
    радости бражные
вмиг датчанами,
    слугами, воинами,
были забыты;
    в гневе сшибались
борцы распаленные:
    грохот в доме;
на редкость крепок,
    на диво прочен
был зал для трапез,
    не развалившийся
во время боя,—
    скобами железными

намертво схвачен
внутри и снаружи
искусно построенный;
в кучу валились
резные лавы,
скамьи бражные
(об этом люди
мне рассказали),
допрежде не знали
мудрые Скильдинги,
что крутоверхий,
рогами увенчанный
дом дружинный
не властна разрушить
рука человеческая —
это под силу
лишь дымному пламени.
Громом грянули
крики и топот;
жуть одолела
северных данов,
когда услыхали
там, за стенами,
стон и стенания
богоотверженца —
песнь предсмертную,
вой побежденного,
вопль скорбящего
выходца адского.
Верх одерживал,
гнул противника
витязь незыблемый,
сильнейший из живших
в те дни под небом.

13

Причины не было
мужу-защитнику
щадить сыроядца,
пришельца миловать,—
не мог он оставить
в живых поганого

людям на пагубу.
Спутники Беовульфа
мечами вращали,
тщась потягаться,
сразиться насмерть
за жизнь дружинного
вождя, воителя
всеземнознатного:
в толпу стеснившись,
они обступили
врага, пытались,
мечами тыча,
достать зломогучего,
о том не ведая,
что ни единым
под небом лезвием,
искуснокованым
клинком каленым
сразить не можно
его, заклятого,—
он от железных
мечей, от копий
заговорен был,—
но этой ночью
смерть свою встретил
он, злосчастливый,
и скоро мерзкая
душа, изыдя
из тела, ввергнется
в объятия адские.
Враг нечестивый,
противный Богу,
предавший смерти
несметное множество
землерожденных,
теперь и сам он
изведал смертную
немощь плоти,
изнемогавший
в руках благостойкого
дружинника Хигелакова;
непримиримы
они под небом.
Неисцелимая

в плече нечистого
кровоточащая
зияла язва —
сустав разъялся,
лопнули жилы;
стяжал в сражении
победу Беовульф,
а Грендель бегством
в нору болотную
упасся, гибнущий,
в берлогу смрадную
бежал, предчуя
смерть близкую;
земная жизнь его
уже кончилась.

И тотчас даны,
едва он скрылся,
возликовали:
герой-пришелец
изгнал злосчастье
из дома Хродгара,
он, доброхрабрый,
избыл их беды;
битва умножила
славу гаута,
слово чести,
что дал он данам,
герой не нарушил:
спас их от гибели,
исправил участь
людей, не знавших
удачи в стычках,
избавил скорбных
от долгострадания, —
тому свидетельство
люди увидели,
когда победитель
под кровлей дворцовой
поднял высоко
плечо с предплечьем —
острокогтистую
лапу Гренделя.

14

Наутро толпами
(так люди мне сказывали)
стали сходиться
дружины к хоромине:
дальних и ближних
земель старейшины
шли по дорогам
взглянуть на чудо —
следы чудовища;
из них ни единого
не опечалила
кончина недруга.
Следы поведали,
как, насмерть раненный,
разбитый в битве,
убрел враг, шатаясь,
и, Богом проклятый,
свой путь направил
к бучилу адскому —
в пучине сгинул;
варом кровавым
вскипели воды,
вспучился омут,
покрылся пеной,
мутные волны,
вздымаясь, дымились
багровым паром,
кровью злорадца,
лишенного радостей
и обреченного,—
геенна приняла
темного духа.
От топей к дворцу
повернули старейшины,
к праздничной трапезе;
за ними ратников,
всадников сила
на серых конях
шла от болота,
они возглашали:
да славится Беовульф
под этим небом! —

нет другого
    от моря до моря
на юг и на север
    земли срединной,
кто бы сравнился
    с ним в добродоблести,
кто был бы достойней
    воестаршинствовать!
(Они и Хродгара,
    вождя любимого,
хвалить не забыли —
    он добрый был конунг!)
Там и наездники,
    быстрые в битвах,
вскачь пускали
    коней буланых,
и приближенный,
    любимец конунга,
славословий знаток
    многопамятливый,
сохранитель преданий
    старопрежних лет,
он, по-своему
    сопрягая слова,
начал речь —
    восхваленье Беовульфа;
сочетая созвучья
    в искусный лад,
он вплетал в песнопение
    повесть новую,
неизвестную людям
    поведывал быль —
все, что слышал
    о подвигах Сигмунда,
о скитаниях, распрях,
    победах Вёльсинга.
К месту он помянул
    вероломство и месть,
к месту — верность
    племянника, Фителы,
в ратном деле
    неразлучимого
с дядей: рядом
    во всякой сече

были оба,
рубились конь о конь —
их мечами
несчетное множество
на чуже нежити
было посечено.
Слава Сигмунда
немало выросла
после смерти его:
разнесла молва,
как с драконом-
кладохранителем
он сходился,
бесстрашный в сражении,
под утесами темными
(там без Фителы
сын достойного
ратоборствовал),
и ему посчастливилось:
остролезвый клинок,
благородный меч
поразил змеечудище,
пригвоздил к скале,
и дракон издох;
тут по праву сокровищем
завладел герой,
воздаяньем за труд
было золото:
он на грудь ладьи
драгоценный груз
возложил и увез,
Вёльса доблестный сын;
а драконова плоть
сгибла в пламени.

И пошла по земле
молва о нем,
широко средь народов
стал известен он,
покровитель воинства,
добродеятель.
А допрежде того Херемод
растерял храброту,

мощь души и рук,
    и подпал под власть
адской силы,
    и был погублен
злолукавым врагом,—
    сокрушили его
бури бедствий —
    стал он бременем
для дружины своей
    и для подданных;
и скорбели тогда
    о судьбе его
многомудрые мужи,
    прежде чаявшие,
что сумеет он
    упасти их от бед;
часто сетовали,
    что наследовал он,
сын отца своего,
    власть державную
над казной и дружиной,
    над людьми и селеньями,
в землях Скильдингов.
    И сказал певец:
полюбился нам
    больше Беовульф,
родич Хигелака,
    чем неправедный Херемод!

По кремнистым дорогам
    гнали всадники
коней взапуски.
    Солнце утренницы
воссияло с небес.
    Диву давшиеся
поспешали старейшины
    храбромыслые
в крутоверхий зал.
    Досточестный сам
вышел конунг,
    увенчанный славой,
из покоев жены,
    и дружина с ним,

и супруга его,
с ней прислужницы
шли толпой во дворец
к ранней трапезе.

15

Хродгар молвил,
став на пороге,
когда увидел,
под златослепящей
кровлей хоромины
лапу Гренделя:
«За это зрелище
хвалу Всевышнему
воздать я должен!
Во мрак страданий
был ввергнут я Гренделем,
но Бог от века
на чудо — чудо
творит, Преславный!
Еще недавно
я и не думал
найти спасителя
среди героев,
сюда сходившихся,
в мой дом, что доверху,
до самой кровли
был залит кровью;
из тех прославленных
мужей премудрых
никто не чаял
мой дом избавить,
жилье людское,
от злого призрака,
от адской пагубы.
Но вот он, витязь,
по воле Создателя
то совершивший,
чего не умели,
вместе собравшись,
мы, хитромыслые!
Мать, подарившая

людям воина,
может гордиться
(родитель добрая
жива, надеюсь!) —
Судьба-владычица
ей подарила
сына достойного!
Тебя же, Беовульф,
из лучших избранный,
в душе полюбил я,
как чадо кровное,—
и стал ты отныне мне
названым сыном.
Ни в чем отказа
в моих владениях
тебе не будет!
Не раз я, бывало,
за меньшие службы
не столь достойных
казной одаривал,
не столь отважных,
как ты, подвигшийся
на небывалый труд.
Ты сам стяжал себе
всевечную славу!
И да воздаст Создатель
тебе, как ныне,
во все дни жизни!»

Ответил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Работе ратной
мы были рады
и шли без робости,
презрев опасность,
на встречу с недругом;
но было бы лучше,
когда бы ты мог
врага убитого
во всей красе его
здесь видеть:
я, право, думал,
что тут же брошу
его, изнемогшего,

на смертное ложе,
что, крепко стиснутый
в моих объятьях,
он дух испустит;
ему, однако,
достало силы
отсюда вырваться;
Судьба не дала мне
сдержать бегущего
жизнекрушителя —
он стал воистину
резв от страха!
И скрылось чудище,
оставив лапу
ради спасенья —
плечо с предплечьем;
ныне, однако,
ничто проклятого
спасти не может,
не заживется
в поганом теле
душа нечистая:
теперь злочинный,
отягченный грехами,
бьется в оковах
предсмертной муки;
он, тьмой порожденный,
скоро узнает,
какую кару
ему уготовила
Судьба-владычица!»

Унферт притихший
молчал, сын Эгглафа,
не похвалялся
своими подвигами,
пока старейшины
дивились жуткой
руке чудовища,
что под стропилами
герой подвесил —
на каждом пальце
огромной лапы
воителя адского

железный был коготь,
    острое жало
мечеподобное;
    теперь мы видим,—
они говорили,—
    что даже лучший
клинок на свете
    не смог бы сравниться
с когтистой лапой
    человекоубийцы.

16

И было повелено
    ухитить Хеорот;
спешила челядь,
    мужчины и женщины,
прибрать хоромы,
    украсить к трапезе
гостеприимный зал,
    где златовышитые
на стенах ткани
    и дивные вещи
ласкали зренье
    землерожденным.
Но все же стены,
    скобами железными
прочно скрепленные,
    были побиты
и двери сорваны —
    одна лишь кровля
цела осталась,
    когда, собравшись
с последними силами,
    враг злосердый
на волю рвался.
    Не властен смертный
спастись от смерти:
    ему, гонимому
Судьбой, открыта
    одна дорога —
в приют, готовый
    принять земное
души вместилище

на ложе смерти,
где сон последний —
отдохновение
от буйного пиршества.

Настало время
явиться конунгу,
потомку Хальфдана,
в хоромы править
праздничной трапезой;
и я не слышал,
чтоб в зал сходилось
когда-либо столько
мужей достойных,—
там достославные
расселись по лавам,
пир начиная.
Сновали чаши
медовой браги
среди героев,
собравшихся в Хеорот,
среди соратников
и родичей конунга
в зале, где Хродгар
сидел и Хродульф,—
еще не изведали
распрей Скильдинги
междоусобиц и вероломства.
Наследник Хальфдана
пожаловал Беовульфу
знак победный —
ратное знамя,
стяг златовышитый —
и шлем с кольчугой;
многие видели
и меч знаменитый,
ему подаренный.
Беовульф поднял
заздравную чашу:
дары такие
принять не стыдно
в глазах дружины;
и я немногих
встречал героев

в иных застольях,
кто был бы достоин
тех четырех
златозарных сокровищ!
Сетью железной
по верху обвитый,
шишак тот служит
надежным кровом,
спасая голову
от остролезвого
меча, разящего
в жестокой сече,
когда воитель
идет на недругов.
Еще, по воле
военачальника,
восемь коней
в роскошных сбруях
ввели в палату:
была на первом
ратная упряжь,
седло, в котором
сидел, бывало,
сам сын Хальфдана,
дружиноводитель,
когда, вступая
в игру мечевую,
не знал он страха
над грудами трупов
под градом ударов.
Защитник Ингвинов,
желая ратнику
удачи воинской,
отдал во вечное
владенье Беовульфу
одежды боя
и коней резвых,
воздал ему конунг
добромогучий
за труд, воителю,
казной богатой
да скакунами —
никто не скажет,
что плата нещедрая.

17

И так же каждого
в той дружине,
которую Беовульф
привел из-за моря,
глава старейшин
в пиру приветил
дарами бесценными;
и цену крови,
пролитой Гренделем,
покрыл вождь золотом.
Не будь Судьба их
вершима Богом,
не будь героя
доблестносердого,
убийца с радостью
избил бы многих!
Но род человеческий
ходит под Господом,
поэтому лучшее в людях —
мудрость,
души прозорливость,
ибо немало
и зла и радостей
здесь уготовано
любому смертному
в дни его жизни.

Сливались музыка
и голос в песне
перед наследным
престолом Хальфдана:
тронул струны
сказитель Хродгаров,
дабы потешить
гостей в застолье
правдивым словом
песнопредания,
былью о битве
с сынами Финна,
как воину Хальфдана
Хнафу Скильдингу

смерть суждена была
на поле фризском:
«Воистину, Хильдебург
тогда не радовалась
ни доблести фризов,
ни мощи данов,
когда любимые
и сын и брат ее,
оба пали
в противоборстве,
проколоты копьями,—
жена несчастливая
свою оплакала
долю, дочь Хока,
когда наутро
она увидела
вождей дружинных,
мертвых, лежащих
под небом, где прежде
лишь радости жизни
она знавала.
Война истратила
войско Финна —
осталась горстка
в его хоромах,—
и он не смог бы,
подняв оружие
противу Хенгеста,
спасти последних
своих воителей;
тогда, смирившись,
решил он данам
отдать половину
зала для трапез
и дома дружинного,
дабы жилищем
равно владели
даны и фризы;
еще обещался
наследник Фольквальда
дарами, как должно,
приветить данов:
дарить чтодневно
героям Хенгеста

пластины золота,
каменья и кольца,
а вместе и честь
воздавать им в застолье,
равно как и фризской
своей дружине.
На том порешили,
и мир нерушимый
скрепили клятвой:
поклялся Хенгесту
Финн, что будут
его старейшины
править ратями
так, чтобы ратники
словом ли, делом,
по злому ли умыслу
согласья не рушили,
чтобы дружинники,
те, чья участь
по смерти конунга
жить под убийцей
кольцедарителя,
ни слова злобы
не смели вымолвить;
если ж из фризов,
помянув старое,
распрю новую
кто посеет —
меч без жалости
его жизнь решит!
Так зарок был дан.

И тогда на костер
золотые сокровища
вместе с воином,
с героем Скильдингом
были возложены:
люди видели
окровавленные
битв одежды
железотканые
с кабаном позолоченным
на груди вождя
среди многих воителей,

в сече сгибнувших.
По желанию Хильдебург
там, на ложе огня,
рядом с Хнафом лежал
сын ее благородный,
дабы плоть его
вместе с дядиной
жар костровый истлил;
погребальный плач
затянула она,
вой скорбящей жены,
и взметнулся дым,
в поднебесье огонь,
пламя под облака:
кости плавились,
кожа углилась,
раны лопались
и сочилась кровь.
Так пожрал дух костра,
пламя алчное,
лучших воинов
двух враждебных племен —
и не стало их.

18

И спешила дружина,
рать скорбящая,
разойтись по домам
в ютских землях,
в пределах фризских;
сам же Хенгест,
доверясь клятве,
время зимнее
вредотворное
вместе с Финном провел,
об отчизне печалуясь;
и закрылись пути
кольцегрудых ладей —
воды вспучились,
ветром взбитые,
а затем во льды
заковал их мороз.

Но пришла пора,
повернулся год —
чередой возвращаются
времена с небес
(так и ныне!)
на земли смертных,—
стаял зимний покров,
зеленели поля,
и сбирался в путь
гость с чужбины;
но чаще на мысли
приходила ему
не морская тропа,
но кровавое мщение —
в новой схватке
он фризам попомнил бы
встречи прежние!
Потому не отверг он
Хунлафинга
меч, возложенный
на колени его,
пламя битвы,
клинок прославленный
(ютам памятно
это лезвие!),
от которого
Финн лютосердый
принял смерть в бою
во дворце своем.
Так случилось,
что Гудлаф с Ослафом,
с горькой вестью
к данам ходившие,
возвратились из-за моря,
и сердца их исполнились
духом ярости —
кровь заструилась
в доме Финна,
и рать была выбита,
и жена его
стала пленницей.
Было Скильдингам
чем грузить ладьи —
драгоценностями,

самоцветами,—
всем, что в доме,
в хоромах Финна,
отыскать смогли;
и жену благородную
возвратили они
из заморья в отечество,
в землю датскую!»

Так закончил
сказитель песню;
пир продолжился
за медовым столом,
и вино — дивных бочек сокровище —
разносил виночерпий.
Златовенчанная
вышла Вальхтеов
в зал, где конунг
сидел с племянником
(не порвались еще
узы кровные),
а в стопах у владетельных Скильдингов
сел вития
Унферт, признанный
меж людьми
многодоблестным,
хоть и был он убийцей
кровных братьев своих.
И промолвила Вальхтеов:
«Господин мой,
испей эту чашу,
о даритель сокровищ,
да возрадуешься
ты, друг воинов!
Слово доброе
молви гаутам,
будь с гостями
не скуп, но равно
дари и ближних,
приветь и дальних!
Назвал ты сыном,
так я слыхала,
героя-гаута,
который ныне

очистил Хеорот
кольцесверкающий,—
так будь же щедрым,
покуда можешь! —
когда же срок твой
придет, оставишь
своим сородичам
казну и земли!
А добрый мой Хродульф
поддержит славу
юной дружины,
коль скоро прежде,
чем он, о Скильдинг,
ты жизнь покинешь;
сторицей, надеюсь,
воздаст он нашим
детям за прежнее:
был сиротой он,
его мы вскормили
и мы возвысили
нам на радость,
ему во славу!»

Затем повернулась
к скамье, где братья,
Хредрик и Хродмунд,
сыны ее кровные,
сидели средь юных,
а между ними —
герой гаутский,
воитель Беовульф.

19

Ласковым словом,
чашей медовой
был он привечен,
а также пожалован
двумя запястьями
златовитыми
да украшением —
кольцом ошейным,
какого в жизни
я и не видывал,

и кто из героев
владел, не знаю,
подобным сокровищем,
кроме Хамы,
который, в дом свой
внеся ларец
с ожерельем Бросинга,
бежал от гнева
Эорменрика
под руку Предвечного.
Гаутский Хигелак,
внук Свертинга,
тем даром Вальхтеов,
кольцом был украшен
в последней битве,
где защищал он
свою добычу,
стоя под стягом,—
войнолюбивца
Судьба настигла
в пределах фризских;
надев на шею
то украшение,
пришел за море
дружиноначальник,
но пал под щитами,
и с телом вместе
убор нагрудный
достался франкам,
и это сокровище
также стало
поживой слабейших
врагов на поле,
где многих гаутов
смерть похитила.

Под клики застольные
молвила Вальхтеов,
стоя меж воинов:
«Владей, о Беовульф,
себе на радость,
воитель сильный,
дарами нашими —

кольцом и запястьями,
и пусть сопутствует
тебе удача!
Гордись же, воин,
славой и мощью
и будь наставником
этих юных.
Не я прославляю —
ты сам прославил
себя среди смертных
вовек и повсюду,
вплоть до границы
суши и моря!
Будь же, воитель,
благоуспешен!
Живи безбедно!
И я надеюсь,
ты станешь другом
сынам моим кровным,
о многорадостный!
Конунгу предан
каждый наш ратник,
верен другу
и кроток духом;
старейшины дружны;
слуги покорны;
хмельные воины
мне повинуются!»

Воссела гордая!
Великолепен был
пир-винопитие;
и не предвидели,
не знали витязи
Судьбы злосмертной,
им уготованной,
когда под вечер
Хродгар на отдых
в покои конунга
ушел, оставив,
как должно, в зале,
в чертоге, стражу,
дозор дружинный.

Служили им ложами
    и подголовьями
скамьи дощатые
    (Роком отмечен
был между ними
    один брагопийца);
щиты широкие,
    блестя, стояли
у них в изголовьях;
    на лавах виднелись
высокие шлемы;
    и меч отменный
у каждого воина
    был под рукою,
и сбруя кольчатая.
    Таков обычай
у них, всечасно
    готовых к сече:
и в дальнем походе,
    и в доме отчем —
везде, где опасность
    грозит владыке,—
стоит на страже
    дружина добрая!

20

Они уснули.
    Из них единый
за сон расплатился,
    как то и прежде
случалось в доме,
    где долго злочинствовал
Грендель, покуда
    казнь по заслугам
его не настигла,
    но скоро люди
о том узнали,
    что недруг по смерти
оставил мстителя
    за кровь, пролитую
в том сражении.
    Выла над сыном

родитель Гренделя —
    женочудовище,
жившее в море,
    в холодных водах,
в мрачной пучине,
    с тех пор как Каин
мечом зарезал
    отцово чадо,
кровного брата,
    а сам, заклейменный,
утратив радости
    рода людского,
бежал в пустыню
    и там породил
многих проклятых
    существ, подобных
Гренделю-волку,
    ходившему в Хеорот
где с ним и встретился
    ратник сильный,
жаждавший мощью
    с мерзким померяться,
благо от Бога
    дан человеку
дар многославный —
    сила и храбрость;
там, уповая
    на волю Господа,
воин сразился
    и твари адской
воздал, как должно,—
    с позором сгинул
лишенный счастья
    враг земнородных
в болотное логово.
    Но мать страшилища,
тварь зломрачная,
    решила кровью
взыскать с виновных,
    отмстить за сына:
явилась в Хеорот,
    где войско датское
дремало в зале,
    и новые скорби

и страхи прежние
сулила людям
родитель Гренделя.
(И все же не слишком
страшна врагиня —
не так ведь могуча
жена в сражении,
как муж, подъявший
молотокованый,
кровью запятнанный
меч остролезвый,
дабы с размаху
разбить на вражьем
шеломе вепря.)
Щитов достаточно
нашлось в чертоге,
клинки засверкали
в руках у воинов
(лишь тот, застигнутый
врасплох, спросонок
не вспомнил о шлеме,
о мече и кольчуге);
тогда от дружины
она бежала,
уйти поспешила,
жизнь упасая,
но все же успела
похитить сонного —
схватила ратника
и скрылась в топях.
Она сгубила
любимца Хродгара,
слугу вернейшего
из всех старейшин
земель междуморских,
достойного мужа,
храброго в битвах.
(Тем временем Беовульф
спал после праздника
златодарения
в дальних палатах,
гаут всеславный.)
Крики в хоромах;
она похитила

руку Гренделя,
и вновь злосчастье
вернулось в Хеорот:
выпал жребий
гаутам с данами
дань выплачивать
кровью родичей.
Многострадального
старца-правителя
скорбь сокрушила,
когда он услышал,
что умер лучший
из благороднейших
его соратников.
Тогда поспешно
к нему был призван
победный Беовульф,
и рано поутру
военачальник
со всем отрядом
своих сородичей
к вождю явился,
дабы услышать,
какими благами
воздал Создатель
за прежние муки.
Шагал по плитам
прославленный в битвах
и с ним дружина
(дрожали стены)
навстречу мудрому
старцу-конунгу;
владыку Ингвинов
спросил он, приветствуя,
счастливо ль минула
ночь прошедшая.

21

Хродгар промолвил,
защита Скильдингов:
«Речь не о счастье! —
Вновь посетили

датчан печали:
мертв Эскхере,
первый из братьев
в роду Ирменлафов,
мудрый старейшина,
столп совета,
с кем мы конь о конь
скакали в сечах,
прикрыв друг друга,
рубили вепрей
на вражьих шлемах,—
да будет примером
каждому ратнику
слава Эскхере.
Тварью грозной,
забредшей в Хеорот,
был убит он,
и я не знаю,
с поживой, жадная,
куда бежала,
в какое место.
На месть возмездием
она ответила,
на бой полночный,
в котором с Гренделем
ты сквитался,
воздав за гибель
и долгострадание
народа нашего,—
недруг страшный
лишился жизни;
теперь явилась
ему на смену
эта зломыслая
кровью выместить
смерть сыновнюю,—
так полагает
любой из героев,
скорбящих в сердце
о верном соратнике.
Смотри! Вот Эскхере
рука, что щедро
деяния добрые
для всех творила!

Я слышал — старейшины
мне поведовали,
также и люди,
окрест живущие,
что им случалось
видеть воочию
двух на пустоши
воров крадущихся,
существ кромешных,
и будто бы первой —
так им казалось —
тварь выступала
в обличии женском,
а следом — поганый
шел отверженец
тропой изгнанников,
муж, что огромней
любого смертного,—
народ издревле
нарек его Гренделем,—
но кем зачат он,
и чьи они чада,
и кто был их предком
из темных духов,
и где их жилище —
люди не знают;
по волчьим скалам,
по обветренным кручам,
в тумане болотном
их путь неведом,
и там, где стремнина
гремит в утесах,
поток подземный,
и там, где, излившись,
он топь образует
на низких землях;
сплетает корни
заиндевелая
темная чаща
над теми трясинами,
где по ночам
объявляется чудо —
огни болотные;
и даже мудрому

тот путь заказан;
порой бывает,
что житель пустошей,
гонимый сворой,
олень гордорогий,
спасая голову,
стремится к лесу,
но, став на опушке,
он жизнь скорее
отдаст охотнику,
нежели ступит
в темные чащи,—
страшное место! —
когда же буря
тлетворным ветром
дышит над водами,
вздымаются волны,
мрачнеет воздух,
небо плачет.
И вновь на тебя лишь
мы уповаем!
Подвигнись на поиск,
если отважен,
найди злотворящую
в землях неведомых,
в краю незнаемом!
Я же за службу
воздам, как прежде,
древним золотом
кольцесокровищниц,
коль скоро с победой
в живых вернешься!»

22

Беовульф молвил,
потомок Эггтеова:
«Мудрый! не стоит
печалиться! — должно
мстить за друзей,
а не плакать бесплодно!
Каждого смертного
ждет кончина! —

пусть же, кто может,
    вживе заслужит
вечную славу!
    Ибо для воина
лучшая плата —
    память достойная!
Встань же, державный!
    Не время медлить!
Пойдем по следу,
    и матерь Гренделя
не сможет скрыться —
    вот мое слово! —
ни на пустоши,
    ни в чащобе,
ни в пучине,—
    нет ей спасения!
Ты же нынче
    скорбящее сердце
скрепи надеждой,
    ибо я знаю твое желанье!»

Старец воспрянул;
    благословил он
Бога за речи
    храброго мужа.
Был скоро для Хродгара
    конь оседлан,
скакун волногривый.
    Правитель мудрый
ехал, державный,
    и с ним дружина,
его щитоносцы.
    Ног отпечатки,
тропа тореная
    вела по равнине,
путь указуя
    в лесную чащу,
к сумрачным топям
    (лучшего витязя
мертвое тело
    там волокла она,
друга Хродгара
    и его соправителя).

Дальше направились
высокородные
к скалам гранитным,
к теснинам темным,
где меж утесов
стези кремнистые
шли над ущельем,
кишащим нечистью;
вождь — впереди,
а старейшины ехали
сзади, дабы
не сбиться со следа,—
вдруг перед ними
явились кручи,
склоны, поросшие
мрачным лесом,
камни замшелые,
а ниже — волны,
кипящие кровью.
Горько оплакивали
скорбные даны
долю Скильдингов,
горький жребий,
судьбу героя,
когда сыскали
меж валунами
на побережье
голову Эскхере.
Видели воины,
как омут вспенивался
горячей кровью
(рог боевую
пел погудку);
спешившись, конники
тут же приметили
червоподобных
подводных чудищ,
игравших в зыбях,
лежавших на отмели,
морских драконов
из тех, что часто
в час предрассветный
парусу путь
преграждают в море,

ища поживы;
хлынула нечисть
прочь, злобесная,
едва заслышала
звуки рога;
тут воин гаутский
стрелой из лука
пресек на водах
жизнь пучеглазого —
прямо в сердце
вошло стрекало,—
и змей, влекомый
потоком в море,
смертельно раненный,
все тише бился;
кабаньими копьями,
крюками острыми
его забагрили
и скоро вытянули
на сушу диковинного
волноскитальца,
выходца бездны.

Беовульф к бою,
страха не знающий,
надел кольчугу,
доспех, сплетенный
руками искусников,
наряд, который
должен был в бездне
служить дружиннику,—
ратнику нужен
покров нагрудный,
хранящий в сечах
мечедробящих
сердце от раны,
жизнь от смерти;
и шлем сверкающий
нужен воину
в бучиле темных
водоворотов,
кров надежный,
увитый сетью

и золоченым
вепрем увенчанный
(так он умельцем
лет незапамятных
был выкован дивно,
что ни единый
удар в сражении
ему не страшен).
Также герою
стало подспорьем
то, что вручил ему
вития Хродгаров:
меч с рукоятью,
старинный Хрунтинг,
лучший из славных
клинков наследных
(были на лезвии,
в крови закаленном,
зельем вытравлены
узорные змеи);
в руке героя,
ступить решившегося
на путь опасный,
на вражью землю,
тот меч не дрогнет —
не раз бывал он,
клинок остреный,
в работе ратной.
Теперь, отдавая
оружие воину,
его сильнейшему,
не хвастал сын Эгглафа
своей могучестью,
как прежде случилось,
когда упился он
брагой на пиршестве, —
не он ведь решился,
жизнью рискуя,
на подвиг в пучине,
чем честь и славу
свою поущербил!
Но не таков был
герой, надевший
одежды битвы.

23

И молвил Беовульф
сын Эггтеова:
«Славный! припомни,
наследник Хальфдана,
теперь, даритель,
когда я в битву
иду, о всемудрый,
что мне обещано:
коль скоро, конунг,
я жизнь утрачу,
тебя спасая,
ты не откажешься
от слова чести,
от долга отчего,
и будешь защитой
моим сподвижникам,
дружине верной,
коль скоро я сгибну;
а все сокровища
твои, о Хродгар,
дары, за море
послать должно Хигелаку —
пусть он узнает,
гаут державный,
поймет сын Хределя,
взглянувши на золото,
что встретил я
щедрого кольцедарителя
и этим богатством
владел до срока;
а меч мой наследный
отдайте Унферту —
пускай муж сильный
моим владеет
клинком каленым.
Я же стяжаю
победу Хрунтингом
или погибну!»

Завет измолвив,
не стал ждать ответа,
но прянул прямо
в бурлящие хляби
вождь гаутский —
морские воды
над ним сомкнулись.
Ко дну он канул
(был переходу
дневному равен
путь через бездну),
а там злобесная,
вод владычица,
бурь хозяйка
встретила, лютая,
героя, дерзнувшего
проникнуть сверху
в ее пределы;
и, выпустив когти,
в охапку воина
она схватила,
но был в кольчуге,
в наряде ратном
неуязвим он —
не по зубам ей,
кровавогубой,
сбруя железная,
сеть нагрудника,—
и потащила
пучин волчица
кольцевладельца
в свой дом подводный,
и зря он пытался,
страха не знающий,
достать врагиню,
его влекущую,
мечом ужалить;
морские чудища,
клыками лязгая,
грызли железо.
Так в скором времени
он оказался
в неведомом зале,
который кровлей

был отмежеван
от вод прожорливых,
от бездн холодных,
чертог обширный;
и там при свете
огня, в сиянье
лучистого пламени
пред ним предстала
пучин волчица,
женочудовище.
Тогда он с размаху,
сплеча обрушил
железо тяжкое —
запело лезвие
о голову чудища
погудку бранную, —
но тут же понял он,
что луч сражений
над ней не властен,
ее не ранит
меч остролезвый,
он бесполезен
здесь, в этой битве,
шлемодробитель,
издревле слывущий
острейшим в сечах,
всесокрушающий —
впервые слава
меча лучистого
тогда помрачилась!
Но тверд был духом
и помнил о славе
вершитель подвигов,
родич Хигелака:
он прочь отбросил
искуснокованый,
наземь кинул
клинок свой бесценный,
и сам, разгневанный,
себе доверился,
мощи рук своих.
(Так врукопашную
должно воителю
идти, дабы славу

стяжать всевечную,
    не заботясь о жизни!)
Не устрашился
    гаутский витязь:
схватил за плечи
    родитель Гренделя
и, гневом кипящий,
    швырнул врагиню,
тварь смертоносную
    метнул на землю;
она ж немедля
    ему ответила:
в него кровавыми
    впилась когтями —
и тут, уставший,
    он оступился,
муж могучий,
    он рухнул наземь.
Уже, пришельцу
    на грудь усевшись,
она готовилась
    ножом широким
воздать за сына;
    но были доспехом
покрыты прочным
    плечи героя,
была кольчуга
    ножу преградой,
и сгинул бы воин,
    потомок Эггтеова,
вождь гаутский,
    в водной пучине,
когда б не спасла его
    сбруя ратная,
сеть боевая,
    когда б Всевышний,
Правитель Славы,
    его покинул;
но Бог справедливо
    судил — и витязь
воспрянул, ратник
    сильный, как прежде.

24

Тогда он увидел
среди сокровищ
орудие славное,
меч победный,
во многих битвах
он был испытан,
клинок — наследие
древних гигантов;
несоразмерный,
он был для смертного
излишне тяжек
в игре сражений,
но ухватился
герой за черен,
посланец Скильдинга,
страха не знающий,
сплеча ударил
и снес ей голову,—
шею рассекши,
разбив хребтину,
пронзило лезвие
плоть зломерзостную;
тварь издохла;
клинок окровавился;
герой возрадовался!
И тут победный
меч изнутри
озарился светом —
так ранним утром
горит на тверди
свеча небесная.
Вдоль стен по залу
прошел воитель,
кипящий яростью
дружинник Хигелака,
держа оружие
наизготове,—
тот меч герою
еще был нужен! —
воздать он задумал,
как должно, Гренделю
за то, что чудовищный

ходил еженощно
войной на данов
и не единожды,
но многократно
крал из Хеорота
родичей Хродгара,
спящих дружинников
губил без жалости —
пятнадцать сожрал он
мужей датских,
без счета прочих
ему досталось
людей в поживу;
за те злодейства
он поплатился! —
сыскал отмститель
труп Гренделя в зале,
плоть изувеченную,—
таким, спасаясь,
бежал враг из Хеорота,
с места схватки;
далеко отпрянула
мертвая туша,
когда от тулова
отъяло лезвие
огромную голову.
Тогда-то ратники
из дружины Хродгара,
на страже ставшие,
дозором над заводью,
увидели воины,
как воды вспучились,
покрылись зыби
кровавой пеной;
тогда же старцы
седоголовые
совет держали,
решили мудрейшие,
что не вернется
дерзкий воитель,
вновь не явится
перед владыкой:
победу празднует —
так рассудили —

пучин волчица;
и в час девятый
всеславный Скильдинг,
златодаритель,
ушел с дружиной
домой, а на взморье
одни остались
гауты, гости,
скорбели и ждали
и не надеялись
в живых увидеть
вождя любимого.

И тут меч, смоченный
в крови зломерзких,
клинок, как ледышка,
в руках стал таять —
то было чудо:
железо плавилось,
подобно льдинам,
когда оковы
зимы на море
крушит Создатель,
Судеб Владыка,
Повелитель Времени.

Из всех сокровищ,
какие видел
гаутский воин
в подводном доме,
лишь вражью голову
да еще самоцветный
взял чудо-черен,
меча огарок
(истлила лезвие,
сожгла железо
кровь ядовитая
врагов человеческих);
и в путь обратный
он, невредимый
чудищеборец,
пустился в пучинах;
и были чисты
бурные воды,

пустынны хляби,
    где прежде властила
тварь злотворная,
    в схватке сгибнувшая.
Добродоблестный
    к спасительной суше
выплыл воин
    и вынес на берег
добычу победы,
    дань битвы;
а там уж встретила
    вождя дружина,
Господу в радости
    благодарствующая
за спасение витязя,
    в живых возвращенного;
и от бремени шлема
    свободили его,
от нагрудника тяжкого;
    и тогда успокоились
воды в том омуте
    окровавленном.

От скал приморских
    тропой знакомой,
дорогой хоженой
    шли дружинники,
в сердце радуясь,
    и несли с побережия
неподъемную
    мертвую голову,
череп чудища,
    отягчавший им
плечи, сильным,
    всем по очереди,—
так, по четверо,
    волокли с трудом
на древках копий
    голову Гренделя
к золотому чертогу;
    все четырнадцать
выступали в ряд,
    впереди же всех

по лугам шагал
вождь могучий,
из них сильнейший.
И явились в хоромину;
и направился он,
достославный,
отважный в битве,
предводитель их,
прямо к Хродгару,
к престолу конунга,
а за ним внесли
притороченную за волосы
к древкам ясеневым
голову Гренделя
в зал для пиршеств
на страх пирующим,
и хозяйке-владычице
напоказ чудо-голову.

25

Молвил Беовульф,
отпрыск Эггтеова:
«Вот, гляди, тебе,
сын Хальфдана,
дань с морского дна,
владыка Скильдингов,
в знак победы
сюда принесли мы!
То была не простая
служба ратная,
но подводная битва,
непосильный труд,—
шел на смерть я,
на верную гибель
в бурной бездне,
да Бог упас!
Острый Хрунтинг —
хотя и вправду
меч отменный —
мне не сгодился,
но другое Создатель
дал мне орудие:

меч гигантов,
    клинок светозарный,
там висел на стене —
    так хранит Господь
смертных в бедствии!
    Этим лезвием,
с помощью Божьей
    удалось одолеть мне
вод владычицу;
    но растаял клинок —
то железо расплавила
    кровь горячая,
битвы испарина,—
    мне ж достался
огарок — черен.
    За датчан сполна
я воздал
    ярой нечисти
и клянусь, что отныне
    ты с дружиной,
со старейшинами,
    с домочадцами
сможешь в Хеороте
    спать бестревожно,
ибо адские выходцы,
    силы дьявольские,
твои земли покинули,
    конунг Скильдингов,
прежние скорби
    не воротятся!»

И тогда золотую
    рукоять меча,
исполинов наследье,
    он вручил седовласому
старцу-воину,
    и до веку владел
вождь датчан
    той диковиной —
после гибели
    богопротивников,
после смерти зломерзких
    сына и матери,
драгоценность

искусно выкованная
отошла во владение
к наилучшему
на земле междуморской,
к достойнейшему
из дарителей золота,
к датскому конунгу.
Хродгар вымолвил
(он разглядывал
древний черен,
искусно чеканенный,
на котором означивалось,
как пресек потоп
великаново семя
в водах неиссякаемых,—
кара страшная! —
утопил Господь
род гигантов,
богоотверженцев,
в хлябях яростных,
в мертвенных зыбях;
и сияли на золоте
руны ясные,
возвещавшие,
для кого и кем
этот змееукрашенный
меч был выкован
в те века незапамятные
вместе с череном,
рукоятью витой)
слово мудрое
сына Хальфдана
(все безмолвствовали):
«Вождь, творящий
справедливый суд,
старец-землевластитель,
многое помнящий,
утверждает: рожден
этот воин
для славы всеземной!
Да! молва о тебе
в племенах человеческих
далеко разнесется,
благороднейший друг мой Беовульф!

Мудромыслием, доблестью
ты стяжал теперь
нашу дружбу
и назван сыном;
ты же в будущем
над народом твоим
утвердишься (известно мне!)
добродетелями,
не как Херемод,
наследник Эггвелы,
что над Скильдингами
гордо властвовал
не во благо им,
но к погибели
племени датского.
Он, исполненный лютости,
домочадцев разил,
сотрапезников,
и покинул мир,
вождь неправедный,
в одиночестве;
и хотя Творец
одарил его
всемогуществом
и возвысил его
над народами,
все равно в душе
жаждал он кроволития,
и не кольцами
данов радовал,
но безрадостные
длил усобицы,
распри ратников
во владеньях своих.
Вот урок тебе,
мудрая притча,
слово старца,
вождя многозимнего:
то не чудо ли,
что всесильный Господь
от щедрот своих
наделяет людей
властью и мудростью,
возвышает их,—

Бог, он всем вершит! —
он же в сердце
высокородного
поселяет страсть
любостяжания
и возводит его
на наследный престол,
ставит сильного
над дружиной,
над селеньями
и над землями
столь обширными,
что немудрому мнится,
будто нет пределов
владеньям его;
и богатство его возрастает,
и ни старость, ни хвори
не вредят ему,
беды и горести
не мрачат души,
и мечи врагов
не грозят ему,
ибо целый мир
под пятой у него.

26

Он же не ведает,
что, покуда в нем
расцветала страсть
да гордыня росла,
в его сердце страж,
охранитель души,
задремал, почил,
сном пересиленный,
а губитель уже
тайно лук напряг
и направил стрелу,
от которой душа
под кольчугой не спрячется,
под железною броней,—
нет спасенья
от посланницы адских
вредотворных сил:

станет мало
ему, ненасытному,
всех имений его,
станет он гневлив
и на кольца скуп,
и, презрев Судьбу,
он отвергнется
от Бога благостного,
ниспославшего ему
власть и золото;
между тем к окончанью
жизнь клонится,
обращая в прах
тело бренное,
плоть ветшающую;
а на смену отжившему
придет конунг,
на рать расточающий
все богатства предместника
щедрой рукой.
Берегись же и ты,
милый мой Беовульф,
этих помыслов пагубных,
но ступи на путь
блага вечного
и гордыню, воитель,
укроти в себе,
ибо ныне
ты знатен мощью,
но кто знает, когда
меч ли, немочь ли
сокрушат тебя,
иль объятия пламени,
или пасть пучины,
или взлет стрелы,
или взмах меча,
или время само —
только свет помрачится
в очах твоих,
и тебя, как всех,
воин доблестный,
смерть пересилит!
Пять десятков зим
я под сводом небесным

правил данами,
утверждая оружием
их могущество
в этом мире
между многих племен,
и тогда возомнил,
будто нет мне
под небом недруга.
Но пришла беда! —
разоренье и скорбь
после радости! —
Грендель, выходец адский,
объявился, враг
в дом мой повадился!
И от злобы его
много я претерпел
мук и горестей;
но слава Господу
Небоправителю,
что продлил мои дни,
дабы ныне
эту голову изъязвленную
я увидел воочию
после долгостраданий моих!
Время! сядем за пир!
Винопитием
усладись, герой!
На восходе, заутра
я с тобой
разделю сокровища!»

Слову мудрого радуясь,
воин гаутский
занял место
в застолье праздничном:
и дружине,
и стойкому в битвах
лучше прежней была
изобильная трапеза
приготовлена снова.

Ночь шеломом
накрыла бражников,
и дружина повстала:

сребровласого
старца Скильдинга
одолела дрема,
да и гаута сон,
щитобойца-воителя,
пересиливал,
и тогда повел
к месту отдыха
гостя, воина,
издалека приплывшего,
истомленного ратника,
домочадец,
слуга, обиходивший
по обычаям древним
мореходов и путников
в этом доме.
Уснул доброхрабрый;
и дружина спала
под высокою кровлей
зала златоукрашенного.
А когда в небесах
ворон черный
зарю возвестил,
солнце светлое
разметало мрак,
встали ратники,
меченосцы,
в путь изготовились,
дабы вел их вождь
к водам, странников,
на корабль свой,
опытный кормчий.
И тогда повелел он
Хрунтинг вынести,
остролезвое
железо славное,
и вернул сыну Эгглафа
с благодарностью,
молвив так:
этот меч —
лучший в битве друг!
(и ни словом худым
о клинке не обмолвился
добросердый муж!);

а потом с нетерпением
рать снаряженная
дожидалась его,
поспешившего
в золотые чертоги,
где предстал герой,
полюбившийся данам,
перед Хродгаром.

27

Молвил Беовульф,
сын Эггтеова:
«Ныне волим мы,
морестранники,
возвратиться
в державу Хигелака.
Ты приветил нас,
дал нам пристанище,
был хозяином
щедрым и ласковым;
и коль скоро случится
мне на этой земле
ради дружбы твоей
сделать большее,
чем уже свершил,
о народоводитель,
буду рад я
работе ратной;
и коль скоро за море
донесет молва,
что соседи
тебя тревожат,
как бывало уже,
угрожая набегами,—
я пошлю тебе войско
в тысячу воинов,
рать на выручку,
ибо знаю, что Хигелак,
хоть и молод
правитель гаутский,

он поможет мне
словом и делом,—
я, как должно, в сраженье
послужу тебе,
и добуду победу
с древом битвы в руках,
и пополню
твою дружину.
Если ж Хредрик,
наследник державный,
к нам наведается,
в земли гаутские,
встретит он друзей,—
страны дальние
хороши для того,
кто и сам неплох!»

Тут, ответствуя,
Хродгар промолвил:
«Слово это
вложил в твое сердце
сам всемудрый Бог,
ибо разума большего
в людях столь молодых
не встречал я!
Ты крепок телом,
сердцем праведен
и в речах правдив!
Я же чаю,
что случай выпадет
сыну Хределя
от меча ли погибнуть,
от копья-стрелы,
от железа, болезни ли,
но любезный твой
вождь упокоится,—
ты же выживешь! —
и тогда-то уж гаутам
не сыскать среди знатных
достойнейшего,
кто бы лучше
управил державу,—
лишь бы сам ты
престол не отринул!

А еще по душе,
милый Беовульф,
мне твое благомыслие,
ибо ты учинил
в наших землях мир
и согласье
в гаутах с данами,—
и отныне меж нами
не бывать войне,
и усобицы прежние,
распри забудутся!
И покуда я властен
в державе моей,
я сокровищниц не закрою —
пусть из края в край,
от друзей к друзьям,
лебединой дорогой
по равнине волн
корабли кольцегрудые
перевозят дары!
Знаю я, мои подданные
должным образом,
доброчестным обычаем
встретят недругов
и приветят друзей!»

Тут двенадцать даров
друг дружины,
сын Хальфдана,
поручил мореплавателю,
дабы эти сокровища
свез он родичам
в земли отчие
да скорей бы к нему возвращался;
и тогда благородного
крепко обнял
владыка Скильдингов
на прощание,
лобызая воителя,—
и сбежала слеза
по щеке седовласого,
ибо старец,
гадая надвое,
не надеялся

вновь увидеть
в своем чертоге
и услышать вождя,
так ему полюбившегося,
что не смог он сдержать
в сердце бурю слез;
и не раз потом
грустью полнилась
грудь правителя —
вспоминался ему
воин избранный.

Вышел Беовульф
из хором на луга,
славным радуясь
золотым дарам
(а уж конь морской
ждал хозяев,
корабль на якоре);
шли герои,
расхваливали
подношения Хродгаровы:
он воистину
вождь безупречный! —
только старость
его и осилила,
как и всякого смертного.

28

Шла дружина
мужей доспешных
к побережию,
и сверкали на воинах
сбруи ратные,
кольцекованые.
Страж прибрежный
следил с утеса,
как и прежде;
дивясь на воинство,
потрясал он копьем,
не грозя, но приветствуя:
вот идет на корабль свой
рать сверкающая,

гордость гаутов!
И взошли они
на корму круто выгнутую,
нагрузили
ладью на отмели
и казною, и конями,
и припасами воинскими,
и дарами бесценными
из сокровищниц Хродгара
переполнили.
Корабельного Беовульф
одарил караульщика
золоченым мечом,
дабы этим отличием,
древним лезвием,
страж гордился
в застольях бражных.

И отчалили корабельщики,
и отплыли, покинули
землю данов;
взвился на мачте
парус, плащ морской,
к рее крепко привязанный,
древо моря
скользнуло по волнам —
и помчалось;
ни разу над водами
непопутного не было
ветра плавателям,
и летел через хляби соленые
прочно сбитый борт
по равнине бурь;
скалы гаутские
показались вблизи,
берег знаемый, —
быстро к пристани,
подгоняемый ветрами,
побежал корабль!
А уж там их
встречал дозорный
страж, высматривавший
в океанской дали

возвращающихся
морестранников;
привязал он
широкоребрего
вервью к берегу,
чтобы дерево плаваний
в хляби водные
не увлек отлив.

Повелел тогда
людям Беовульф,
благо путь недалекий,
на плечах снести
золотую кладь
к дому Хигелака,
сына Хределя, —
на приморском холме
вождь с дружиной
сидел в хоромах.
Был дворец тот обширен,
владыка могуч,
а жена его, Хюгд,
и юна, и разумна,
и ласкова,
хоть и мало зим
провела она
в этом доме,
дочь Хереда,
наделяя без робости
гаутских воинов
драгоценностями
от щедрот своих.
Ни гордыней, ни хитростью
не подобилась Хюгд
Трюд-владычице,
той, на чье лицо
заглядеться не осмеливался
ни единый
из лучших воителей,
кроме конунга,
ибо каждый знал:
страшной каре
повинный подвергнется,

смертным узам,
и меч, не мешкая,
огласит над злосчастным
приговор Судьбы —
и без жалости
смертоносное лезвие
сокрушало жизнь.
Не к лицу то властительнице,
не пристало то женщине,
даже лучшей из жен,
прях согласья,
по злобе, наветами
лишать жизни
мужей неповинных!
Родич Хемминга, Оффа,
укротил ее;
и за чашей медовой
люди сказывали,
что смирилась,
притихла злочинная
с той поры, как взял
юный вождь
деву златоукрашенную
в жены за море,
конунг Оффа
в свои чертоги, —
там по воле отцовской,
за желтыми водами,
зажила она,
с той поры добронравная,
многовластная
благоденствовала,
и была ей ниспослана
доля радостная,
и любил ее
вождь дружинный,
герой досточестный,
из сынов земли
всеизвестнейший, —
так я слышал, —
от моря до моря
Оффа славился
и победами ратными,
и подарками щедрыми

копьеносцам-дружинникам,
и в державе своей
мудровластием;
и таким же, как он,
был внук Гармунда,
родич Хемминга,
в битвах яростный Эомер,
покровитель воителей.

29

Предводитель шел,
и дружина за ним,
от приморских песков
по знакомой дороге,
прочь от берега,—
светоч небесный,
солнце с полдня
тропу озаряло.
Ускоряя шаг,
поспешала рать
ко дворцу, где сидел
юный конунг,
хранитель державы,
щедросердый вождь,
победитель Онгентеова.
Прежде них добежала
весть до Хигелака
о пришествии Беовульфа:
он вернулся
живой, невредимый
с бранных игрищ,—
уже приближается
ко дворцу друг щита,
к дому отчему!
Тотчас было
владыкой повелено
во дворце чертог
приготовить для странников,
и воссели там
родич с родичем,
вождь с героем,
из похода вернувшимся,

и, как должно,
хозяина доброго
витязь приветствовал.
Обходили стол
чаши с брагою:
честных ратников
медом потчевала,
мореходов,
дочь Хереда;
тут же Хигелак,
в зале пиршественном,
их расспрашивал,
ибо знать желал,
что морская рать,
что дружина гаутская
на чужбине изведала:
«Ты покинул нас,
родич Беовульф,
обуянный желанием
испытать себя
за солеными хлябями
битвой в Хеороте, —
что же было потом?
Спас ли Хродгара ты,
досточтимого конунга,
от напасти
всеземноизвестной?
Я не верил в успех,
сокрушался в душе
и, страшась твоих
дерзких замыслов,
друг возлюбленный,
умолял не искать
встречи с чудищем,
но понудить самих
южных данов
соперничать с Гренделем.
Слава Господу,
что хранил тебя
и вернул в живых!»

Молвил Беовульф,
отпрыск Эггтеова:

«То известно,
вождь мой Хигелак,
многим людям,
нам повстречавшимся,
как я с Гренделем
переведался
в том чертоге,
в ночной хоромине,
в доме Скильдинга,
где бесчинствовал
адский выходец, —
так воздал я ему,
что соотчичи Гренделя,
твари гнусные,
искони прозябающие
в прахе, проклятые,
никогда не похвалятся
этой битвой
и воплем заутренним!
Гостем Хродгара
я вошел во дворец,
в зал для пиршеств,
где сын Хальфдана,
как услышал
мое прозвание,
удостоил меня
местом возле
престолонаследника.
Ликовала дружина —
в жизни я не видал
большей радости
в бражном застолье;
там хозяйка державная,
миротворица,
не воссев еще
за веселый стол,
высылала в зал
юным дружинникам,
им на радость,
витое золото;
подносила воителям
дочь Хродгара
чаши с медом,
и я услышал

имя — Фреавару;
    так ее называли,
пряху мира,
    герои, одаренные
кубком дивноукрашенным.
    Златоубранная
эта дева обещана
    сыну Фроды, счастливцу:
за благо счел
    мудрый Скильдинг,
хранитель державы,
    избежать войны,
выдав деву
    замуж за недруга.
Только редко где
    после гибели кольцедробителя
опускаются копья,
    смерть несущие, —
и невесте желанной
    не упрочить согласия,
ибо вождь хадобардов
    не возрадуется,
ни дружина,
    ни его сородичи,
когда он войдет
    с молодой женой
в отчий дом — и увидит
    гордых данов
посланников,
    а на них златокованую
сбрую древнюю,
    достояние хадобардское,
родовое оружие,
    им служившее
до поры, пока
    в мечевой игре
не похищено было
    вместе с воинами.

30

Там, за чашей медовой,
    седой боец,
не забывший убитых

своих соратников,
он, печальный,
глядя сумрачно
на знакомый клинок,
станет сердце
юного витязя
бередить да испытывать,
разжигая в нем
пламя кровоотмщения:
«Узнаешь ли ты, друг,
меч прославленный,
твоего отца
драгоценный клинок,
послуживший ему
в том сражении,
где он пал,
шлемоносец-воитель,
в сече с данами,
где, разбив нашу рать,—
без отмщенья погибшую,—
беспощадные Скильдинги
одержали верх?
А теперь в этом зале
сын убийцы сидит,
той добычей кичащийся,
окровавленным лезвием,
тем наследьем,
что по праву
тебе причитается!»
И такими речами
распаляет он воина,
подстрекает, покуда
за дела отца
сын не поплатится,
не падет окровавленный
под ударами лезвия
дан-пришелец,
слуга Фреавару;
хадобард же спасется,
ибо знает он
все дороги
в краю отеческом.
И пойдет разлад:
клятвы нарушатся,

вспыхнет ярость
в сердце Ингельда,
пыл воинственный,
а любовь к жене
охладеет в нем.

Хадобардам
я не верил бы —
ни в их верность,
ни в дружбу с данами,
ни в согласье бессрочное!
А теперь пора,
о даритель сокровищ,
рассказать и о Гренделе;
я поведаю,
как сошлись мы
с ним врукопашную:
чуть запал за пригорки
самоцвет небес,
к нам ворвалось
злое чудище,
лютый недруг,
в дружинный зал,
где мы стражу держали;
первым Хандскио
пал от рук его,
муж, Судьбою-владычицей
обреченный на смерть,—
и, припав к нему
мечезубым ртом,
Грендель мерзостный
соплеменника нашего
разодрал в куски
и насытился человечиной;
но прожорливый
из чертога дружинного
не спешил бежать
сыроядец, вор
без поживы,
с пустой котомкой,—
и ко мне протянул он
руку грозную,
лапу острокогтистую;
на груди у него

пребольшой висел
    крепко сшитый мешок,
хитроумно сработанный
    адской тварью,
кошель необъятный
    из драконьих кож,—
и вот в ту мошну
    он намерился
затолкать и меня,
    безоружного,
как и прочих,—
    да попятился,
ибо в ярости
    я встал на ноги!

Долго сказывать,
    как я сквитывался
с людоедом,—
    но этой битвой
преумножил я,
    о народоправитель,
славу нашего племени!
    Враг успел бежать —
но не долго жить
    оставалось ему,
ибо в Хеороте
    он утратил
плечо с предплечьем,—
    обессиленный
в омут кинулся
    адский выходец.
Нас на радости
    Скильдинг державный
наградил золотыми пластинами
    и несметной казной,
и воссели мы поутру
    за веселый пир —
пело воинство,
    ликовала рать;
сам же Скильдинг
    седой, многоопытный
нам поведывал
    о былых временах —
и словам его

арфа вторила,
сладкозвучное дерево, —
то он пел нам
песни безрадостные,
то предания сказывал
чудо-истинные,
властитель милостивый,
то с тоской вспоминал
годы минувшие,
силу юности,
сокрушенную временем, —
сердце старца
печалью полнилось,
горькой скорбью
по невозвратимому.
Так с утра
пировали мы,
пили брагу до вечера,
а когда над хороминой
тьма распростерлась,
матерь Гренделя
вознамерилась
кровью выместить
смерть единственного
сына, павшего
в схватке с гаутами;
и средь ночи
это женочудовище
погубило героя
неповинного —
жизнь покинул
старейшина ратный,
старый Эскхере, —
и не было поутру
тело мужа
пламени предано,
и, оплакав сородича,
даны горестные
не могли на костер
возложить его,
ибо жертву свою
в горный водоворот
утащила врагиня
кроваворукая.

То для Хродгара,
о народе пекущегося,
было скорбью,
горем великим;
стал он жизнью твоей
заклинать меня
вновь подвигнуться
на деяние воинское:
и для славы,
и ради награды
в хлябях ратовать.
Там, на дне морском,
отыскал я
злоизвестную
вод владычицу,
и схватились мы с ней
один на один:
океан окровавился,
как в подводном чертоге
снес я чудо-мечом
голову чудищную,
избежал я
когтей остролезвых —
знать, иная
мне смерть начертана! —
и воздал мне вождь,
сын Хальфдана,
щедрой платой,
дарами несметными!

31

Не нарушил он
благочиния древнего,
и ни в чем мне
отказа не было,—
был я взыскан
наследником Хальфдана,
награжден за труд
по желанию моему.
И теперь те сокровища
я тебе от души
подношу, господин мой,
ибо счастье ищу

лишь в твоей благосклонности:
ты родня мне,—
один из немногих!—
добрый мой Хигелак!»

В дом внести повелел он
вепреглавый стяг,
шлем высокий,
кольчугу железную
и отменный меч;
молвил Беовульф:
«Мне от мудрого старца,
от державного Хродгара,
был наказ такой:
чтобы в первую голову
я тебе поднес
это оружие
да сказал бы,
что конунг Херогар,
властный Скильдинг,
владел до срока
этим ратным нарядом,
но оставил его
не наследнику,
не любимому сыну
всехраброму Хероварду,—
ты хозяин сокровища!»
А еще — так мне сказывали —
провели напоказ
через двор четырех
жеребцов гнедопегих —
все один к одному;
отдал он повелителю
и коней, и оружие
(так и должно дружиннику:
не плести на соседей
сетей хитрости,
ни коварных ков,
козней душегубительных,
на соратников и сородичей!),—
предан Хигелаку
был племянник его,
и пеклись они

друг о друге
во всяком деле!
И еще я слыхал:
преподнес он Хюгд
шейный обруч,
подарок Вальхтеов,
а в придачу — трех
тонконогих коней
в ратной упряжи;
золотое кольцо
украшало с тех пор
шею владычицы.

Таковым оказался
сын Эггтеова,
в битвах доблестный,
в делах добродетельный:
он в медовых застольях
не губил друзей,
не имел на уме
злых намерений,—
воин, взысканный
промыслом Божьим
и под небом сильнейший
из сынов земли,
незлобив был
и кроток сердцем.
Прежде гауты
презирали его и бесчестили,
и на пиршествах
обходил его
вождь дружинный
своей благосклонностью,
ибо слабым казался он
и беспомощным,
бесполезным в бою;
но теперь он за прежнее
получил с лихвой
воздаяние!
Конунг Хигелак
повелел внести
в зал дружинный
наследие Хределя

златоблещущее —
тот, единственный
из гаутских мечей,
наилучшее лезвие,—
и отдал клинок
во владение Беовульфу;
и отрезал ему
семь тысяч земли
вместе с домом,
с чертогом престольным,—
сообща они правили,
сонаследники,
и дружиной и землями,
но державой владел
только конунг,
законный владыка.

И случилось так
по прошествии лет,
что и Хигелак сгинул,
и Хардред
от меча погиб,—
под стеной щитов
пал наследник
дружиноводителя,
когда рать свою
вел в сражение
против воинства
жестоких Скильвингов,
сгинул в битве
племянник Херерика.
И воспринял тогда
власть державную
конунг Беовульф:
пять десятков зим
мудро правил он
мирным краем
и состарился.

В те поры дракон,
змей, исчадье тьмы,
там явился, хранитель
клада, скрытого
в неприступных горах

среди каменных круч,
где дорога
человеку заказана;
лишь однажды
к тем богатствам языческим
некий смертный
посмел проникнуть,
и покуда уставший
страж беспечно спал,
вор успел золоченую
чашу выкрасть,
умыкнуть из сокровищницы
драгоценный сосуд—
вот начало злосчастья,
вот причина
людских печалей!

32

Не от добра он
избрал опасную
тропу, дорогу
к норе драконьей,
но, нерадивый
слуга старейшины,
он, провинившись,
бежал от кары,
ища пристанища
в дальней пещере.
Беглец злосчастливый
незваным гостем
вошел под своды —
и страх и ужас
его обуяли,
но, вспять пустившись,
он, многогрешный,
успел, однако,
из той сокровищницы
похитить чашу...
одну из множества
захороненных
в земле издревле.
В дни стародавние

последний отпрыск
великого рода,
гордый воитель,
чье племя сгинуло,
сокрыл заботливо
в кладохранилище
сокровища родичей:
их всех до срока
смерть поразила,
и страж, единственный
их переживший,
дружину оплакивал,
в душе предчувствуя
ту же участь —
не долго он сможет
богатствам радоваться.
Курган возвысился,
свеженасыпанный
близ моря на мысе,
в укромном месте
между утесами;
и там сложил он
пластины золота,
казну дружинную
и достоянье
кольцедарителя,
творя над кладом
заклятья великие:
«Земля! отныне
храни драгоценности,
в тебе добытые,
коль скоро люди
хранить их не могут!
Смерть кроволитная,
война истратила
моих родовичей;
не видеть им больше
чертога пиршественного,
не встанут воины
с мечами на страже,
некому ныне
лощить до блеска
чеканные кубки, —
ушли герои! —

и позолота
на гордых шлемах
скоро поблекнет —
уснули ратники,
что прежде чистили
железо сражений, —
и вместе с ними
доспехи крепкие,
предохранявшие
в игре копейной
от жал каленых,
в земле истлеют —
кольчуга с витязем
не разлучится!
Не слышно арфы,
не вьется сокол
в высоком зале,
и на дворе
не топочут кони, —
все похитила,
всех истратила
смертная пагуба!»
Так в одиночестве
и днем и ночью,
живой, он оплакивал
племя сгинувшее,
покуда в сердце его
не хлынула
смерть потоком.

Клад незарытый
стал достоянием
старого змея,
гада голого,
гладкочешуйного,
что над горами
парил во мраке
палящим облаком,
ужас вселяя
в людские души, —
ему предначертано
стеречь языческих
могильников золото,
хотя и нет ему

в том прибытка;
и триста зим он,
змей, бич земнородных,
берег сокровища,
в кургане сокрытые,
покуда грабитель
не разъярил его,
вор дерзкий,
слуга, похитивший
из клада кубок,
дабы снискать себе
вины прощенье,—
так был злосчастным
курган ограблен;
слугу хозяин
за то помиловал,
ибо впервые
он видел подобную
вещь издревнюю.

Дракон проснулся
и распалился,
чуждый учуяв
на камне запах:
не остерегся
грабитель ловкий —
слишком близко
подкрался к чудовищу.
(Так часто случается:
кому не начертана
гибель, тот может
избегнуть горя,
спасенный Господом!)
Златохранитель
в подземном зале
искал пришельца,
в пещеру проникшего,
покуда спал он;
потом и пустыню
вблизи кургана
змей всю исползал,
но ни единой
души не встретив,
он, ждущий битвы,

сражения жаждущий,
    вернулся в пещеру
считать сокровища —
    и там обнаружил,
что смертный чашу
    посмел похитить,
из зала золото!
    Злоба копилась
в холмохранителе,
    и ждал он до ночи,
горящий мщением
    ревнитель клада,
огнем готовый
    карать укравших
чеканный кубок.
    Едва дождавшись
вечерних сумерек,
    червь огнекрылый
палящим облаком
    взлетел с кургана —
тогда-то над краем
    беда и грянула,
напасть великая,
    а вскоре и конунг
с жизнью расстался,
    нашел кончину.

33

Огонь извергая,
    жизнекрушитель
зажег жилища;
    пламя взметнулось,
пугая жителей,
    и ни единого
не пощадила
    тварь огнекрылая,
и негде было
    в стране обширной
от злобы змея,
    от пагубы адской
гаутам скрыться,
    когда безжалостный

палил их жаром;
    лишь на рассвете
спешил он в пещеру
    к своим сокровищам,
а ночью снова
    огнедыханием
людей обугливал.
    (И все же напрасно
крепость курганную
    он мнил неприступной!)
Внедолге и Беовульф
    сам изведал
гибельность бедствия;
    дом с престолом
вождя гаутского
    в потоках пламени
сгорел и расплавился;
    оплакал старец
сердопечальный
    свое злосчастье;
и думал всемудрый,
    что Бог гневится,
Создатель карает
    за то, что древние
не блюл он заповеди,
    и сердце воина
впервые исполнилось
    недобрым предчувствием.
Дом дружинный,
    испепеленный
палящим змеем,
    дворец в пучинах
пожара канул,
    но конунг ведеров
ратолюбивый
    замыслил мщенье,
и повелел он,
    военачальник,
невиданный выковать
    железоцельный
щит обширный,
    ибо не выдержит
щит деревянный,
    тесина ясеневая,

жара пламени,
дыханья драконьего,
а вождь был должен
дни этой жизни
в битве окончить,
убив чудовище,
издревле хранившее
клад курганный!

Почел бесчестьем
кольцедаритель
вести дружину,
рать многолюдную
на огнекрылого:
единоборства
он не страшился,
не веря ни в силу,
ни в отвагу змея.
Немало опасностей
герою выпало
в дальних походах,
в грозных игрищах,
с тех пор как Хродгара
воитель странствующий
избавил от Гренделя,
очистил Хеорот
и женочудище
в битве осилил.
Не легче было
ему и в схватке,
где сгибнул Хигелак,
войсководитель,
гаутский конунг:
в пылу сражения
на поле фризском
потомок Хределя
пал наземь,
мечами иссеченный,
но спасся Беовульф! —
пловец искусный,
он вплавь через хляби
один возвратился
и тридцать тяжких
вынес доспехов

на берег моря;
и не хвалились
победой хетвары,
противуставшие
ему в сражении
щитоносители,—
из них немногие
с поля вернулись,
домой из сечи.
С недоброй вестью
он, одинокий,
приплыл, сын Эггтеова,
к земле отеческой,
и Хюгд поклонилась
ему дружиной,
казной и престолом,
ибо не верила,
что сын ее в силах
по смерти Хигелака
спасти державу
от ратей враждебных;
но тщетно в страхе
они, бессчастные,
молили воителя
принять наследье
и править народом
помимо Хардреда,
стать хозяином
в землях гаутских,—
однако, мудрый,
он не покинул
советом юного
владыку, покуда
мужал вождь ведеров.

Когда же явились
морескитальцы,
наследники Охтхере,
восставшие против
морского конунга
в державе Скильвингов,
сыны-изгнанники
пришли из Швеции
к гаутам, за море,

ища прибежища,—
тогда-то Хардред
гостеприимный
убит был Онелой,
наследник Хигелака,
приют им давший,
а сын Онгентеова,
убийца Хардреда,
бежав от гаутов,
в свой дом возвратился;
остался Беовульф
единовластным
вождем над ведерами,—
то добрый был конунг!

34

За смерть предместника
отмстил он, как должно,
в недолгом времени —
на помощь Эадгильсу,
вождю одинокому,
сыну Охтхере,
в знак дружбы он выслал
дружину за море,
рать и оружие;
и враг, застигнутый
зимним походом,
сгинул Онела.
Невзгоды многие
преодолевший,
несокрушимый
вершитель подвигов,
так дожил сын Эггтеова
до дня урочного,
и в час предначертанный
с драконом сведался.

Владыка гаутов,
а с ним одиннадцать
его соратников
искали змея.

Первопричину
людских несчастий
и смертоубийства
вождь знал, поскольку
слуга, положивший
к ногам хозяина
ту чашу краденую,
был тринадцатым
в его отряде,—
виновник распри
и злополучия
не доброй волей,
но покорный приказу,
корчась от страха,
он вел дружину
к тому подземелью,
к холму, что высился
близко от бурных
вод океана,
где кольца золота
тонко витые
хранил надменный
ревнитель, сторож
древнего клада,
в подземном логове,—
взять те сокровища
сумел бы смертный
лишь ценой непомерной!

Златодаритель,
на холм взошедши,
воссел, дабы слово
промолвить гаутам,
проститься с ними:
он сердцем предчуял
соседство смерти,
Судьбы грядущей,
уже готовой
старца приветить
и вместе с жизнью
изъять из тела
душу-сокровище,—
недолго будет

дух войнолюбый
томиться в плоти;
и молвил Беовульф,
потомок Эггтеова:
«Перевидал я
немало с молодости
сеч и усобиц —
и все помню!
Семь зим мне было,
когда державный
меня от родителей
взял владыка:
казна и пища
мне шли от Хределя,
и воспитал меня
конунг, мой родич;
в его чертоге,
дитя чужое,
в глазах правителя
я был не хуже,
чем дети родные,
чем Хадкюн и Херебальд
и добрый мой Хигелак.
И так случилось,
что младшего брата
свалил брат Хадкюн
на ложе смерти
стрелой, сорвавшейся
с упругого лука
в игре, на охоте
без злого умысла, —
братогубительству
была причиной
стрела неверная,
поэтому Хредель
не мог по праву
воздать за сына
другому сыну —
без отомщения
остался Херебальд!
Так некий старец,
увидевший кровного
чада тело
на дереве смерти

в удавке пляшущее,
    горько сетует,
слагает строфы
    об отпрыске юном,
в петле висящем
    на радость воронам,
а сам он, старый,
    не властен исправить
участь детища;
    зовет он поутру
дитя ушедшее,
    не чая дождаться
другого наследника
    богатствам и дому,
коль скоро единственному
    сыну выпал
злосчастный случай,
    смертный жребий;
войдет ли рыдающий
    в покои отрока —
там запустенье,
    гуляет ветер
в безрадостном зале, —
    уснул наездник,
ратник в могиле! —
    умолкли арфы,
и прежних пиршеств
    не будет больше!

35

Выйдет ли скорбный,
    один, стеная, —
дом и усадьба
    ему покажутся
чрезмерно обширными!
    Вот так же и в сердце
владыки ведеров
    таилось горе:
убит был Херебальд,
    но вождь был невластен
за смерть возмездием
    воздать убийце,

ведь и постылого
отец не в силах
сына подвергнуть
позорной казни!
Тогда он в душе своей
людские радости
отринул ради
света Господня:
селенья и земли
он, уходящий,
как должен владелец,
оставил детям.
И были битвы,
ходили шведы
войной на гаутов,
морскими походами,
с тех пор, как умер
державный Хредель,
и до поры, пока
сыны Онгентеова
войнолюбивые
не пожелали
мира на море,
но в дерзких набегах
с нами сходились
близ Хреоснаберга.
И многим известно,
как наше воинство
с ними сквиталось
за кровопития,
хотя победа
была добыта
ценой крови
вождя гаутского,—
настигла Хадкюна
в той схватке гибель.
Но, как я слышал,
убийца конунга
убит был наутро,
воздал за родича
родич Эовор,
встретив Онгентеова,—
шлем от удара
широко треснул,

пал наземь Скильвинг,
и меч не дрогнул
в руке гаутского
кровоотмстителя.

За все, что Хигелак
мне дал державный,
за все достояние,
дом и земли,
ему платил я
клинком, сверкавшим
в работе ратной:
ни витязей шведских,
ни датских всадников,
ни войска гепидского
к себе на выручку
не призывал он,
казны не тратил
на слабых ратников,
коль скоро я первым
вступал в сражения,
стяжая победы! —
и так да будет,
покуда жив я,
покуда мне верен
клинок испытанный,
не раз служивший
моей отваге
с тех пор, как Дагхревна
убил я, и хугский
вождь не вернулся
к владельцу фризов
вместе с добычей,
с тем драгоценным
кольцом ошейным,
но пал на поле
знаменоситель,
дружинник храбрый,
сраженный не жалом, —
он так был стиснут
в моих объятьях,
что хрустнули кости.

И ныне да служат мне
меч и руки
в борьбе за сокровища!»

Слова последние,
клятву пред битвой
измолвил Беовульф:
«Немало я с молодости
сеч перевидел,
и ныне снова,
защитник народа,
ищу я встретиться
с жизнекрушителем,
свершу возмездье,
коль скоро выползет
червь из пещеры!»
Так он прощался
с ратью доспешной,
державный воин
с верной дружиной:
«Я без оружия,
без меча остролезвого
пошел бы на недруга,
когда бы ведал
иное средство,
убив заклятого,
обет исполнить,
как то было с Гренделем;
пламя опасно,
и, чтобы укрыться
от ядовитого огнедыхания,
нужны мне доспехи
и щит железный.
Не уступлю я
пламевержителю
в битве ни шагу! —
и да свершится
суд справедливый
Судьбы-владычицы! —
не похвальба спасет,
но храбросердие
в борьбе с крылатым!
А вы дожидайтесь
вблизи кургана,

мужи доспешные
того, победного,
из двух соперников,
кто упасется
от раны смертельной;
не вам сражаться,
но я — единственный,
кому по силам
тягаться с гадом,
с поганым в битве
мериться мощью!
Возьму добычу,
богатства курганные,
либо гибель
в удел достанется
вашему конунгу!»

Встал щитоносец
в кольчуге, в шлеме,
воин гордый,
сил преисполненный
и добромужества,
путь свой направил
к серым утесам, —
трус отступил бы! —
но вождь, победивший
во многих схватках,
где рати враждебные
сшибались с грохотом,
шел, и вскоре
увидел в скалах
жерло, откуда
потоком жарким
огонь изливался,
путь преграждая
в недра кургана:
никто не смог бы
пройти невредимым
в глубь подземелья,
проникнуть в пещеру
сквозь раскаленное
дыханье змея.
Тогда разъярился

вождь ведеров:
вопль неистовый
из горла вырвался,
гневное слово
громом грянуло
среди утесов;
и распалился
ревнитель клада,
заслышав клич,—
не мольбу о мире,
но вызов на битву.
Сперва из пещеры
дыханье смрадное
червя курганного
взметнулось дымом —
скалы дрогнули.
Гаут державный,
щитом прикрывшись,
пред каменным устьем
стоял, покуда
гад, извиваясь,
полз в потемках
к месту схватки;
и меч двуострый,
наследье древних,
сиял, подъятый,
в руках у конунга;
и оба сердца
равно кипели
и страхом и ненавистью.
Держа наготове
свой щит спасительный,
стоял незыблемо
войсководитель
в наряде ратном,
а змей тем временем,
свиваясь в кольца,
лез из пещеры
судьбе навстречу.
Казалось ратнику,
что щит, защитник
души и тела,
не так надежен,
как то хотелось бы

герою, коль скоро
впервые в жизни
Судьба не хранит его
в единоборстве,
в победной битве.

Тогда на недруга
воитель гаутский
мечом обрушился,
искуснокованым
наследьем конунгов,
но вкось по кости
скользнуло железо,
клинок по черепу,
не так, как нацелился
высокородный;
удар неловкий
лишь раззадорил
холмозащитника:
он пыхнул пламенем —
далеко хлынул
пар ядовитый.
Правитель ведеров
не мог похвастаться
удачей в стычке:
не лучшим образом
ему служило
лезвие славное.
Нелегкую долю
избрал достойнейший
сын Эггтеова,
решившийся биться
с драконом насмерть, —
и суждено ему
в край далекий
уйти, покинув
юдоль земную,
как и всякому смертному!
И снова, не медля,
сошлись противники;
но страж подземелья,
приободрившись,
приподнял голову,

и стал, полыхая
дыханьем смрадным,
огневержитель
теснить героя;
и не нашлось
под рукой у конунга,
как должно в сражении,
благородного воинства —
но в дальнюю рощу
спаслась дружина,
рать укрылась.
Из них лишь единый
смутился в сердце —
ибо изменником
стать не может
муж доброчестный!

36

То Виглаф был,
сородич Эльвхера,
сын Веохстана,
щитоноситель,
любимец Скильвингов.
Увидев на конунге
одежды битвы,
объятые пламенем,
он вспомнил, какими
его приветил
дарами владыка,
вернувший Вагмундингам
наследные земли
и власть над племенем
его родителю.
И поднял Виглаф
щит желто-липовый
и меч, наследье
потомка Охтхере,
скитальца Эанмунда,
который был в битве
убит, бездомный,
в сраженье с Веохстаном,
взявшим в добычу
это оружие:

нагрудник кольчатый,
шлем железный
и меч отменный,
подарок Онелы,
издревнее лезвие,—
одежды битвы,
орудие сечи,
наряд воителя
(однако Онела
за смерть племянника
не мстил убийце);
тот меч хранился
и щит и кольчуга
у Веохстана,
покуда не вырос
ему преемник,
дабы продолжить
славу отцовскую
среди гаутов,—
оставил старец,
покинув землю,
наследство сыну.
И вот впервые
воина юного
призвал державный
делить с дружиной
удары битвы:
был духом он крепок,
а меч наследный
остро наточен,—
и скоро на деле
дракон изведал
его могучесть!

Промолвил Виглаф
печальносердый,
уча соратников
дружинному долгу:
«То время я помню,
когда в застолье
над чашей меда
клялись мы честью
служить исправно
кольцедробителю,

нас одарившему
одеждой битвы,
мечами, кольчугами,
коли случится
нужда в подмоге!
Из многих воителей
себе в попутчики
избрал он лучших,
сильнейших героев —
копьеметателей,
храбрейших кольчужников,
сочтя нас достойными
дела смелого,
хоть и замыслил
вождь дружинный
сам, в одиночку,
народоправитель,
свершить возмездие,
ибо не раз он
снискивал подвигами
славу всеземную!
Но так случилось,
что ныне нуждается
вождь в отваге
своих сподвижников,
в силе воинства! —
так не пора ли
и нам изведать
огненной пагубы!
Бог свидетель,
уж лучше мне в пламени
навеки сгинуть,
владыку спасая,
чем ждать в укрытье!
Бесчестно было бы
нам, щитоносцам,
вспять обратиться,
не испытавши
врага железом,
не встав на сторону
правителя ведеров!
Не должным образом
вождю мы платим
за прежние милости,

коль скоро конунг,
покинутый гаутами,
гибнет в битве!
Да будет щит мой
и меч в сражении
ему подспорьем!»
Туда поспешил он
сквозь чад ядовитый
к вождю на помощь
и так воскликнул:
«Бейся, о Беовульф,
рубись без страха,
как ты поклялся
в дни твоей молодости!
Да не померкнет
до смерти слава
и честь державная!
Ты, вождь всезнатный,
несокрушимый,
за жизнь сражайся
что силы достанет!
Я встану рядом!»

Тогда, услышав
тот клич героя,
огневержитель,
кипящий яростью,
дохнул — и пламя
окутало воинов,
мужей доспешных:
ни сбруя кольчатая,
ни щит копьеносца
не защитили,
и сгинул бы юный,
сгорел бы витязь, —
но родича родич
державный, ратника,
чей щит обуглился,
укрыл железной
доской от пламени,
и, вспомнив о славе,
нацелил конунг
дракону в голову
удар сокрушительный.

Ярость умножила
силы мужа! —
но преломился
каленый Нэглинг,
меч Беовульфа,
старинное лезвие:
была воителю
дана такая
мощь, что в сечах
ему и лучший меч
был несподручен,
и, как я слышал,
в руках ратоборца
любое лезвие,
железо остреное,
от мощных ударов
крошилось в сражении!
Тут, с третьего раза,
метнувшись на недруга,
червь огнедышащий,
бич смертных,
поверг на землю
вождя державного —
клыки драконьи
вонзились острые,
ядоточащие
воителю в горло,
и кровь потоком
на грудь излилась!

37

Тогда, я слышал,
к нему на выручку
поспел дружинник:
он, знатный родом,
известный мужеством,
силой и ловкостью,
в руке опаленной
клинок сжимая,
уцелил не в голову
гаду, но ниже
вонзил оружие,
ужалил в горло

змея зломерзкого —
вошло железо
в плоть огненосную,
сникло пламя,
дыханье драконье;
и тут же конунг,
едва очнувшись,
свой нож широкий,
владыка ведеров,
из ножен выхватил
и острым жалом
вспорол утробу
огневержителя, —
сдохло чудище.

Так рано поутру
два ратника-родича
убили змея, —
да будут примером
они для воинов! —
но стал последним
тот бой победный,
работа ратная,
в жизни конунга:
набухли раны,
следы драконьих
клыков на шее,
горя, смердели,
и грудь покрылась
глубокими язвами —
яд змеиный
въедался в тело.
Вождь мудромыслый
под серыми скалами
сел на камень
вблизи кургана,
напротив жерла,
устья пещеры,
своды которой
на вековечных
столпах покоились.
Лицо владыки
и грудь водою

дружинник добрый
омыл из пригоршней
от крови, пролитой
героем в битве,
и снял с воителя
бремя шлема.

Промолвил Беовульф,
превозмогающий
смертную муку
(ему осталось,
он чуял, мало
земного счастья;
силы иссякли;
пришли к пределу
дни его жизни,
и смерть приблизилась):
«Имей я сына,
ему я мог бы
оставить наследье,
мое оружие,
наряд мой ратный,
тому, кто был бы
моим преемником!
Я пять десятков зим
хранил державу,
и не единый
из сопредельных
племеводителей
не смел потревожить
меня дружиной,
грозить мне набегом!
Я мирно властил
и ждал урочного
срока и жребия:
не жаждал распрей
и лживыми клятвами
не осквернялся,
чему сегодня,
смертельно раненный,
я радуюсь в сердце,
ибо Создатель
не попрекнет меня

убийством родичей,—
так пусть же изыдет
душа из тела!
Спеши, о мой Виглаф,
сойди под землю,
в тайник курганный
под серыми скалами
(дракон, лишенный
своих сокровищ,
лежит, недвижный,
сраженный в сердце);
и я, увидев
казну издревнюю,
насытив зренье
игрой самоцветов
и блеском золота,
возлягу рядом
и без печали
жизнь покину
и власть земную».

38

Немедля,— так слышал я,—
по слову конунга,
по воле правителя,
в бою израненного,
сын Веохстана
сошел в пещеру,
воин в кольчуге,
в рубахе сетчатой;
там, добродоблестный,
гордясь добычей,
увидел множество
колец, камений,
груды золота
и самоцветов,
сосуды дивные,
древние вещи,
вдоль стен стоявшие
в жилище змея,
чудные чаши
(канули в вечность

их обладатели!),
и шлемы ржавые
времен прошедших,
кольчуги траченные,
и уборы истлевшие
(таким богатством,
в земле сокрытым,
такой добычей
мог бы гордиться
любой из смертных!);
и там же знамя,
стяг златотканый
на крепком древке
над россыпью золота
солнцегорящий,
искусно шитый
сиял, озаряя
чертог обширный,
сокровищ вместилище,
жилище змея,
который сгинул,
мечом пораженный.
Тогда,— так я слышал,—
сложил дружинник
богатство курганное,
казну гигантов
в мешок, в кольчугу,
сосуды, чаши,
сколь мог осилить,
и взял слепящий
стяг светозарный,
поскольку Беовульф
ножом двуострым,
драконоборец,
сразил дозорного,
издревле стерегшего
холм сокровищный,
пламевержителя,
во тьме полыхавшего
дыханием пагубным
над тем курганом,—
чудище сгинуло.
Вышел воин
с кладью бесценной

из подземелья,
страхом терзаемый,
тревогой в сердце:
застать успеет ли
в живых владыку,
правителя ведеров,
без сил лежавшего
вблизи пещеры.
Золотоноша
нашел воителя,
истекшего кровью,
вождя всезнатного,
почти что при смерти;
он долго витязя
кропил водою,
покуда слово
из сердца воина
на волю не вырвалось;
и молвил Беовульф,
скорбный старец,
глядя на золото:
«Владыке Вселенной
хвала! — я вижу
эти сокровища
и славлю Господа,
Небоправителя,
в день мой последний
мне ниспославшего
победу в битве,
а эту добычу —
народу нашему!
В обмен на богатства
жизнь положил я —
теперь державу
сами храните! —
мой срок истекает!
Повелеваю
вам, ратоборцы,
мой прах и пепел
укрыть в кургане,
в холме высоком,
близ моря насыпанном
на Мысе Китовом,
дабы отныне

то место звали
курганом Беовульфа
морескитальцы,
в ладьях плывущие
из дальних пределов
по темным водам».
Обруч ошейный
витого золота
вождь доброчестный
вручил воителю —
кольцом и обручем,
кольчугой и шлемом
он юного мужа
благонапутствовал;
«Ты — единственный
мой наследник
из рода Вагмундингов,
чье семя сгинуло,
Судьбою похищено:
в час предначертанный
ушли знатнейшие —
и я за ними!»

С последним словом
угасло сердце
мудрого старца;
осталось тело,
костра нажива;
душа отправилась
искать награды
среди угодников.

39

То было горем,
великой скорбью
воина юного:
он видел тело
вождя возлюбленного,
лишенное жизни;

но тут же, рядом,
его убийца
лежал бездыханный,
жизнекрушитель,
погибший в схватке,
змей зломерзкий,
страж, утративший
свои сокровища,
ибо железное
лезвие тяжким
ударом в сердце
вдруг оборвало
дни его жизни,
и грянул оземь
холмохранитель
на склоне кургана:
не властен он больше
летать ночами,
червь огнекрылый,
гад, стерегший
свои богатства.
Дракон был повержен
рукою конунга,
клинком владыки,
каких воистину
среди сынов земли
вовеки не было,
хоть я и слышал
песнопреданья
о многих сильных
и стойких в битве,
но не посмел бы
из них ни единый
в огне сходиться
с ядоточащим
червечудовищем,
стяжая богатство,
как сделал Беовульф,
смертью купивший
клад несметный,
в битве, где оба
противоборца
расстались с жизнью!

Тогда уж из лесу,
из рощи вышли
клятвопреступники,—
те десять бесславных,
бежавших в страхе,
копья в испуге
поднять не посмевших,
меча в защиту
ратеначальника,—
и вот, покрывшие
щиты позором,
они приблизились
к одру героя,
глядя на Виглафа:
сидел скорбящий
над телом старца,
достойный копейщик
кропил водою
лицо владыки,
но бесполезно —
ничто не смогло бы
дружиноводителя
вернуть к жизни!
Господня воля
в веках непреложна,
Промысел Божий
искони правил
делами смертных,—
и ныне так же!

Суровой речью
их встретил воин,
мужей трусливых,
бежавших от битвы;
на них, бесчестных,
глядя презрительно,
так молвил Виглаф,
сын Веохстана:
«Правдоречивый
сказал бы: воистину
вождь, наделивший
вас, нестоящих,

кольцами золота,
    ратными сбруями
(ибо нередко
    в застольях бражных
шлемы, кольчуги,
    наряды сечи,
в дружинном зале
    дарил державный
всем, приходившим
    в его пределы),—
зря отличил он
    мечами острыми
вас, дрожащих
    при виде недруга.
Не мог он похвастаться
    вашей помощью
в сражении, конунг,
    но, взысканный Богом
Победотворцем,
    один сумел он
в неравной схватке
    врага пересилить!
Я был невластен
    спасти державца,
и уберечь его
    надежды не было,
но, изловчившись,
    помог я родичу:
мечом наудачу
    ударил чудовище —
оно ослабло,
    и в горле смрадный
огонь пресекся.
    Но слишком мало
было соратников
    вокруг владыки! —
за то отныне
    и вам не будет
даров сокровищных,
    нарядов ратных,
ни радостей бражных;
    и вы утратите,
землевладельцы,
    наделы наследные,

когда услышат
дружиноводители
в краях сопредельных
о том, как в битве
вы обесславились!
Уж лучше воину
уйти из жизни,
чем жить с позором!»

40

Тогда ко дворцу
он гонца с вестями
послал, в хоромы
над морем, где ждали
с утра старейшины,
сидели ратники,
гадая надвое:
то ли оплакивать
вождя погибшего,
то ли с победой
вернется конунг;
и не солгал им
печальный вестник
с холма приморского,
муж, прибежавший
с мыса курганного,
но правду измолвил,
сказал глашатай:
«Возлег сегодня
на ложе смерти
владыка ведеров,
гаут всевластный,
уснул, убитый
в бою драконом!
А рядом с героем
жизнекрушитель
простерся мертвый,
ножом распоротый
(не меч, но двуострый
нож покончил
с червечудовищем).
Там же Виглаф,

сын Веохстана,
над Беовульфом,
живой дружинник
над павшим державцем,
страж печальный,
сидит, охраняя
и друга и недруга!

Ждут нас войны
и кровомщение,
едва о смерти
правителя нашего
узнают фризы,
франки услышат.
Та распря вспыхнула,
когда на хугов
дружину Хигелак
и флот свой двинул
к пределам фризским,
где войско хетваров
с ним переведалось,
воинство сильное,
многомогучее,—
там был повержен
отважный в битве,
пал в сражении
вождь, не успевши
воздать соратникам
за службу добычей;
возненавидели
нас меровинги.
Не жду я также
добра и мира
от племени шведов:
ведь всем известно,
как в Роще Вороньей
убил Онгентеов
Хадкюна Хредлинга.
Тогда впервые
гауты гордые
войнолюбивых
искали Скильвингов,
и встретил гаутов

родитель Охтхере,
    старец державный:
сваливши Хадкюна —
    вождя мореходов,
из плена выручив
    жену, чьи сокровища
враги похитили,
    свою супругу,
ему родившую
    Охтхере с Онелой,
он гнал дружинников,
    лишившихся конунга,
и, встав на дороге,
    рать бегущую
близ Леса Вороньего
    настиг — и немногих,
там уцелевших,
    усталых и раненых,
обставил воинством;
    всю ночь он без устали
грозил злосчастным
    страшными казнями:
одних он прикажет
    зарезать поутру,
других — повесить
    на радость воронам
на древе смерти.
    Но на рассвете,
когда уж воины
    в спасенье изверились,
вдали запели
    рога походные
дружины Хигелака —
    явился верный
конунг с отрядом
    на помощь родичам.

41

В битве кровавой
    сшиблись рати —
гауты, шведы,
    народ с народом,

смешались в сече
необозримой.
Тогда с дружиной
вождь сокрушенный,
старец-воитель
бежал, спасаясь,
спешил укрыться
в стенах Онгентеов:
изведав могущество
и доблесть Хигелака,
дольше не мог он
борьбой испытывать
войско вражье,
и, не надеясь
от морескитальцев
спасти казну свою
и чад с супругой,
он под защиту
высокой насыпи
ушел в ограду;
но следом стяги
дружины Хигелака,
теснящей шведов,
по полю двинулись,
рубились Хредлинги
на земляных валах,
покуда Онгентеов,
седобородый
народоправитель,
в смертельной схватке
не встретил лезвия
меча, несущего
гнев Эовора.
Сперва на владыку
напал Вульф Вонрединг,
ударил яростный —
и кровь державного
дружиноводителя
седины окрасила,—
но старый Скильвинг,
не устрашившийся,
врагу, как должно,
воздал, ответил
ударом тяжелым,

взмахнул над недругом
клинком разящим
воитель-старец —
и не поспел герой,
потомок Вонреда,
щитом прикрыться,
как шлем крепчайший
располовинился,
и он, окровавленный,
пал на землю
(еще он не был
смертью отмечен,
но сильно раненный
боец был в ярости).
Тогда воитель
из рати Хигелака,
брата увидев,
к земле склонившегося,
мечом размахнулся
и кровлю шлема,
щита ограду
рассек — тут конунг,
владычный старец,
дух испустил,
и осталось за ведерами,
судьбой хранимыми,
поле брани;
и подняли Вульфа
и раны родича
уврачевали.
Победный Эовор
с Онгентеова,
с вождя дружинник,
сорвал кольчугу,
убор властелина,
и шлем, и лезвие
меча с рукоятью
сложил пред конунгом,
за что герою
награду Хигелак
сулил великую —
и выполнил слово:
за труд кровавый
правитель гаутов,

наследник Хределя,
домой возвратившись,
взыскал и Вульфа,
и Эовора
казною богатой —
было каждому
дано сто тысяч
землей и кольцами
(дары щедрейшие
за ратную службу!),
и дочь родную,
дома отраду,
в залог благосклонности
он отдал Эовору.

Вот корни распри
и ярости недругов
и кровомщения!
Я знаю, скоро
нагрянут шведы
к нашим жилищам,
едва проведают
о том, что не стало
ратеначальника,
ревнителя наших
земель и золота,
вождя, охранявшего
и наше племя
и славных Скильдингов,—
кольцедробитель,
герой владычный
путь свой окончил.
Идите же к конунгу,
проститесь, дружинники,
с владыкой гаутов
и возложите
златодарителя
на ложе пламени,
а с ним и сокровища —
не частью, но полностью —
в огне да сгинут
каменья и золото,
добыча, взятая

в последнем сражении
ценою жизни,—
так пусть же истлит
и казну и конунга
костер единый:
не должно героям
носить драгоценности
горестнопамятные,
да не украсит
и шею девичью
кольцо витое,
коль скоро пленная
жена за недругами
пойдет на чужбину,—
в былое канули
с конунгом вместе
пиры и радости;
морозным утром,
в руках сжимая
копейные древки,
повстанут ратники,
но их разбудит
не арфа в чертоге,
а черный ворон,
орлу выхваляющийся
обильной трапезой,
ему уготованной,
и как он храбро
на пару с волком
трупы терзает!»

Так поведал
гонец доброчестный
скорбные вести,
и не солгал он
ни в слове, ни в деле.
Встала дружина;
пошли воители,
слезами облившись,
к Орлиным Скалам
взглянуть на чудо:
там, на песке,
под закатным небом

владыка лежал
бездыханный, воин,
правивший ратью
долго и праведно,
щедрый на кольца,
а ныне похищенный
смертью в сражении,
державный ведер;
там же виднелось,
вблизи героя,
тело драконье,
плоть распростертая
мертвого змея,
червя зломерзкого
труп, опаленный
пламедыханием
(туша твари
ступней в пятьдесят
была длиною);
в небо взвиваясь,
в ночи бесчинствовал
дракон, а утром
скрывался в пещере —
смерть разлучила
кладохранителя
с его владением:
кубки, чаши,
блюда лежали
рядом со стражем,
ржавые лезвия,
кольчуги истлевшие
(долго покоился
клад, наследие
древнего племени,
в том подземелье,
тысячезимнее
златосокровище,
крепко заклятое,
дабы не смел
ни единый смертный
его коснуться,—
лишь Вождь Небесный,
Создатель, властен
открыть богатства

тому, кто взыскан
    его благосклонностью,
милостью Божьей,
    мужу достойному!)

42

Но стало ясно,
    что не было счастья
владельцу богатства,
    казны курганной,
ибо и воин
    погиб в сражении,
и страж сокровищ
    не смог избегнуть
возмездия в битве.
    Не знает смертный
урочного часа
    своей кончины,
и все же уходит
    он, обреченный,
из зала для пиршеств,
    друзей покинув.
Так сделал Беовульф,
    когда решился
на бой с драконом,
    а сам и не ведал,
за что он в битве
    заплатит жизнью:
тот клад до скончанья
    веков заклятьем
таким заречен был,
    что станет смертный,
в грехах погрязнув,
    молиться идолам
и, в цепи ада
    попав, запятнает
себя пороками
    еще допрежде,
чем ступит на это
    место проклятое,

раньше, чем взглянет
    на это золото!
Молвил Виглаф,
    сын Веохстана:
«Порой погибает
    один, но многих
та смерть печалит —
    так и случилось!
Наших советов
    не принял пастырь,
мольбы не услышал
    любимый конунг,
а мы ведь просили
    не биться с огненным
холмохранителем —
    пускай довека
змей дожидался бы
    в своем подземелье
мирокрушения.
    Но был вождь верен
высокому долгу —
    стяжал сокровища,
и страшную цену
    Судьба взыскала!
Я был в пещере,
    мне посчастливилось
в тайник проникнуть
    (трудна дорога,
тропа подземельная),
    и я, увидев
клад сокровенный,
    нимало не медля,
выбрал из груды
    бесценной утвари,
сколь мог осилить,
    и возвратился
с тяжелой ношей
    к правителю нашему.
Еще дышал он,
    и в полной памяти,
вас перед смертью
    благословляя,
он повелел вам

курган насыпать
над пеплом, воздвигнуть
холм во славу
его свершений!
Он был из смертных
всеземнознатных
вождем достойнейшим,
покуда властвовал
казной и домом!
Теперь нам должно
вновь потревожить
тайник подземный,
в курган проникнув,
взглянуть на золото
(стезя мне знакома),
насытить зрение
сиянием клада,
игрой камений.
И пусть ко времени,
когда возвратимся мы,
тут будет ложе
готово для конунга,
одр погребальный,
дабы снесли мы
вождя могучего
туда, где пребудет он,
хранимый Богом».
И повелел им
сын Веохстана,
гордый воитель
героям многим,
готовить для проводов
землевладыки
сруб костровый,
дрова и место
для погребения:
«Испепелится,
в огне исчезнет
муж храброчестный,
не раз видавший
дожди железные,
где стрелы, тучами
с тетив слетая,

в щиты вонзались,
где дрот остреный,
копье бодало
доспехи в битве!»

Тут юный, но мудрый
сын Веохстана
верных из воинства
вызвал витязей
(семеро было
смелых ратников,
сам же — восьмой)
и повел их под своды
вражьего логова
(смолистый пламенник,
факел, высвечивал
тропу в потемках),
и там не делили
они добычу,
ибо знали,
кому достанется
все это золото,
клад бездозорный,
на разорение обреченный;
и, не печалясь
о тех богатствах,
сокровища вынесли
прочь из пещеры.
Тогда же змея,
червечудовище,
с утеса кинули
в море — канул
дракон в пучине.
Кладь золотую,
витые кольца,
и старца-конунга
свезли на подводе
к месту сожжения
на Мысе Китовом.

43

Костер погребальный
воздвигли ведеры,
мужи дружинные,
украсив ложе
щитами, кольчугами,
как завещал им
дружиноводитель
еще при жизни,—
там возложили
на одр возвышенный
скорбные слуги
старца-конунга;
и скоро на скалах
вскипело пламя,
ратью раздутое;
черный взметнулся
дым под небо;
стонам пожара
вторили плачи
(ветра не было);
кости распались,
истлились мышцы,
сгорело сердце.
Герои-сородичи
горе оплакивали,
гибель конунга,
и некая старица
там причитала,
простоволосая
выла над Беовульфом,
плакала старая
и погребальную
песню пела
о том, что страшное
время близится —
смерть, грабежи
и битвы бесславные.

Дым от кострища
растаял в небе;
десять дней

насыпали гауты
курган высокий
над прахом владыки,
бугор могильный,
заметный издали,
морескитальцам
знак путеводный.
Ограду крепкую
вокруг могильника
они воздвигли,
из камня стены,
мужи искусные.
Захоронили
в холме сокровища,
добычу битвы,
витые кольца,
и все, что было
в пещере драконьей,—
вернулось в землю
наследие древних,
и будет золото
лежать под спудом
вовек, как и прежде,
от смертных скрытое.

Вождю воздали
последнюю почесть
двенадцать всадников
высокородных,—
объехав стены
с обрядным пением,
они простились
с умершим конунгом,
восславив подвиги
и мощь державца
и мудромыслие,—
так подобает
людям, любившим
вождя при жизни,
хвалить, как прежде,
и чтить правителя,
когда он покинул
юдоль земную!

Так поминали
гауты мертвого,
навек ушедшего
ратеначальника,
провозглашая:
среди владык земных
он был щедрейший,
любил народ свой
и жаждал славы
всевековечной!

СТАРШАЯ ЭДДА

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕИСЛАНДСКОГО А. КОРСУНА

РЕДАКЦИЯ ПЕРЕВОДА М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО

ПЕСНИ О БОГАХ

ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ

1 Внимайте мне все
священные роды,
великие с малыми
Хеймдалля дети!
Óдин, ты хочешь,
чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню.

2 Великанов я помню,
рожденных до века,
породили меня они
в давние годы;
помню девять миров
и девять корней
и древо предела,
еще не проросшее.

3 В начале времен,
когда жил Имир,
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла.

4 Пока сыны Бора,
Мидгард создавшие
великолепный,
зéмли не подняли,
солнце с юга
на камни светило,
росли на земле
зеленые травы.

5 Солнце, друг месяца,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей.

6 Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные,
ночь назвали
и отпрыскам ночи —

вечеру, утру
и дня середине —
прозвище дали,
чтоб время исчислить.

7 Встретились асы
на Идавёлль-поле,
капища стали
высокие строить,
сил не жалели,
ковали сокровища,
создали клещи,
орудья готовили.

8 На лугу, веселясь,
в тавлеи играли,
все у них было
только из золота,—
пока не явились
три великанши,
могучие девы
из Ётунхейма.

9 Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные:
кто должен племя
карликов сделать
из Бримира крови
и кости Блаина.

10 Мотсогнир старшим
из племени карликов
назван тогда был,
а Дурин — вторым;
карлики много
из глины слепили
подобий людских,
как Дурин велел.

11 Нии и Ниди,
Нордри и Судри,
Аустри и Вестри,
Альтиов, Двалин,
Бивёр и Бавёр,
Бёмбур, Нори,
Ан и Анар,
Аи, Мьёдвитнир,

12 Гандальв и Вейг,
Виндальв, Траин,
Текк и Торин,
Трор, Вит и Лит,
Нар и Нюрад —
вот я карликов —
Регин и Радсвинн —
всех назвала.

13 Фили и Кили,
Фундин, Нали,
Хефти, Вили,
Ханар, Свиор,
Фрар и Хорнбори,
Фрег и Лони,
Аурванг, Яри.
Эйкинскьяльди.

14 Еще надо карликов
Двалина войска
роду людскому
назвать до Ловара;
они появились
из камня земли,
пришли через топь
на поле песчаное.

15 Это был Драупнир
и Дольгтрасир с ним,
Хар и Хаугспори,
Хлеванг и Глои,
Дори и Ори,
Дув и Андвари,
Скирвир, Вирвир,
Скафинн и Аи,

16 Альв и Ингви,
Эйкинскьяльди,

Фьялар и Фрости,
Финн и Гиннар;
перечень этот
предков Ловара
вечно пребудет,
пока люди живы.

. . . .

17 И трое пришло
из этого рода
асов благих
и могучих к морю,
бессильных увидели
на берегу
Аска и Эмблу,
судьбы не имевших.

18 Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир — дух,
а Лодур — тепло
и лицам румянец.

19 Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на долы нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

20 Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под древом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданди,—
резали руны,—
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят.

21 Помнит войну она
первую в мире:
Гулльвейг погибла,
пронзенная копьями,
жгло ее пламя
в чертоге Одина,
трижды сожгли ее,
трижды рожденную,
и все же она
доселе живет.

22 Хейд ее называли,
в домах встречая,—
вещей колдуньей,—
творила волшбу
жезлом колдовским;
умы покорялись
ее чародейству
злым женам на радость.

23 Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные:
стерпят ли асы
обиду без выкупа
иль боги в отмщенье
выкуп возьмут.

24 В войско метнул
Один копье,
это тоже свершилось
в дни первой войны;
рухнули стены
крепости асов,
ваны в битве
врагов побеждали.

25 Тогда сели боги
на троны могущества

и совещаться
священные стали:
кто небосвод
сгубить покусился
и Ода жену
отдать великанам?

26 Разгневанный Тор
один начал битву —
не усидит он,
узнав о подобном! —
крепкие были
попраны клятвы,
тот договор,
что досель соблюдался.

27 Знает она,
что Хеймдалля слух
спрятан под древом,
до неба встающим;
видит, что мутный
течет водопад
с залога Владыки,—
довольно ли вам этого?

28 Она колдовала
тайно однажды,
когда князь асов
в глаза посмотрел ей:
«Что меня вопрошать?
Зачем испытывать?
Знаю я, Один,
где глаз твой спрятан:
скрыт он в источнике
славном Мимира!»
Каждое утро
Мимир пьет мед
с залога Владыки —
довольно ли вам этого?

29 Óдин ей дал
ожерелья и кольца,
взамен получил
с волшбой прорицанья,—
сквозь все миры
взор ее проникал.

30 Валькирий видала
из дальних земель,
готовых спешить
к племени готов;
Скульд со щитом,
Скёгуль другая,
Гунн, Хильд и Гёндуль
и Гейрскёгуль.
Вот перечислены
девы Одина,
любо скакать им
повсюду, валькириям.

31 Видала, как Бальдр,
бог окровавленный,
Одина сын,
смерть свою принял:
стройный над полем
стоял, возвышаясь,
тонкий, прекрасный
омелы побег.

32 Стал тот побег,
тонкий и стройный,
оружьем губительным,
Хёд его бросил.
У Бальдра вскоре
брат народился,—
ночь проживя,
он начал сражаться.

33 Ладоней не мыл он,
волос не чесал,
пока не убил
Бальдра убийцу;
оплакала Фригг,
в Фенсалир сидя,
Вальгаллы скорбь —
довольно ли вам этого?

34 Сплел тогда Вали
страшные узы,
крепкие узы
связал из кишок.

35 Пленника видела
под Хвералундом,
обликом схожего
с Локи зловещим;
там Сигюн сидит,
о муже своем
горько печалясь,—
довольно ли вам этого?

36 Льется с востока
поток холодный,
мечи он несет,—
Слид ему имя.

37 Стоял на севере
в Нидавеллир
чертог золотой,—
то карликов дом;
другой же стоял
на Окольнир дом,
чертог великанов,
зовется он Бримир.

38 Видела дом,
далекий от солнца,
на Береге Мертвых,
дверью на север;
падали капли
яда сквозь дымник,
из змей живых
сплетен этот дом.

39 Там она видела —
шли чрез потоки
поправшие клятвы,
убийцы подлые
и те, кто жен
чужих соблазняет;
Нидхёгг глодал там
трупы умерших,
терзал он мужей —
довольно ли вам этого?

40 Сидела старуха
в Железном Лесу
и породила там
Фенрира род;
из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.

41 Будет он грызть
трупы людей,
кровью зальет
жилище богов;
солнце померкнет
в летнюю пору,
бури взъярятся —
довольно ли вам этого?

42 Сидел на холме,
на арфе играл
пастух великанши,
Эггдер веселый;
над ним распевал
на деревьях лесных
кочет багряный
по имени Фьялар.

43 Запел над асами
Гуллинкамби,
он будит героев
Отца Дружин;
другой под землей
первому вторит
петух черно-красный
у Хель чертога.

44 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.

Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

45 Братья начнут
биться друг с другом,
родичи близкие
в распрях погибнут;
тягостно в мире,
великий блуд,
век мечей и секир,
треснут щиты,
век бурь и волков
до гибели мира;
щадить человек
человека не станет.

46 Игру завели
Мимира дети,
конец возвещен
рогом Гьяллархорн;
Хеймдалль трубит,
поднял он рог,
с черепом Мимира
Один беседует.

47 Трепещет Иггдрасиль,
ясень высокий,
гудит древний ствол,
турс вырывается.

49 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

50 Хрюм едет с востока,
щитом заслонясь;
Ёрмунганд гневно
поворотился;
змей бьет о волны,
клекочет орел,
павших терзает;
Нагльфар плывет.

51 С востока в ладье
Муспелля люди
плывут по волнам,
а Локи правит;
едут с Волком
сыны великанов,
в ладье с ними брат
Бюлейста едет.

48 Что же с асами?
Что же с альвами?
Гудит Ётунхейм,
асы на тинге;
карлики стонут
пред каменным входом
в скалах родных —
довольно ли вам этого?

52 Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блестит
на мечах богов;
рушатся горы,
мрут великанши;
в Хель идут люди,
расколото небо.

53 Настало для Хлин
новое горе,
Один вступил
с Волком в сраженье,
а Бели убийца
с Суртом схватился,—
радости Фригг
близится гибель.

54 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,

привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо,
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

55 Сын тут приходит
Отца Побед,
Видар, для боя
со зверем трупным;
меч он вонзает,
мстя за отца,—
в сердце разит он
Хведрунга сына.

56 Тут славный приходит
Хлодюн потомок,
со змеем идет
биться сын Одина,
в гневе разит
Мидгарда страж,
все люди должны
с жизнью расстаться,—
на девять шагов
отступает сын Фьёргюн,
змеем сраженный —
достоин он славы.

57 Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
питателя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит.

58 Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит —
вырвется Жадный.
Ей многое ведомо.
все я провижу
судьбы могучих
славных богов.

59 Видит она:
вздымается снова
из моря земля,
зеленея, как прежде;
падают воды,
орел пролетает,
рыбу из волн
хочет он выловить.

60 Встречаются асы
на Идавёлль-поле,
о поясе мира
могучем беседуют
и вспоминают
о славных событьях
и рунах древних
великого бога.

61 Снова найтись
должны на лугу
в высокой траве
тавлеи золотые,
что им для игры
служили когда-то.

62 Заколосятся
хлеба без посева,
зло станет благом,
Бальдр вернется,
жить будет с Хёдом
у Хрофта в чертогах,
в жилище богов —
довольно ли вам этого?

63 Хёнир берет
прут жеребьевый,
братьев обоих
живут сыновья
в доме ветров —
довольно ли вам этого?

64 Чертог она видит
солнца чудесней,
на Гимле стоит он,
сияя золотом:
там будут жить
дружины верные,
вечное счастье
там суждено им.

65 Нисходит тогда
мира владыка,
правящий всем
властелин могучий.

66 Вот прилетает
черный дракон,
сверкающий змей
с Темных Вершин;
Нидхёгг несет,
над полем летя,
под крыльями трупы —
пора ей исчезнуть.

РЕЧИ ВЫСОКОГО

1 Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди,—
ибо как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.

2 Дающим привет!
Гость появился!
Где место найдет он?
Торопится тот,
кто хотел бы скорей
у огня отогреться.

3 Дорог огонь
тому, кто с дороги,
чьи застыли колени;
в еде и одежде
нуждается странник
в горных краях.

4 Гостю вода
нужна и ручник,
приглашенье учтивое,
надо приветливо
речь повести
и выслушать гостя.

5 Ум надобен тем,
кто далёко забрел,—
дома все тебе ведомо;
насмешливо будут
глядеть на невежду,
средь мудрых сидящего.

6 Умом пред людьми
похваляться не надо —
скрывать его стоит;
если мудрец
будет молчать —
не грозит ему горе,
ибо нет на земле
надежнее друга,
чем мудрость житейская.

7 Гость осторожный,
дом посетивший,
безмолвно внимает —
чутко слушать
и зорко смотреть
мудрый стремится.

8 Счастливы те,
кто заслужил
похвалу и приязнь;
труднее найти
добрый совет
в груди у других.

9 Счастливы те,
кто в жизни славны
разумом добрым;
неладный совет
часто найдешь
у другого в груди.

10 Нету в пути
драгоценней ноши,
чем мудрость житейская,
дороже сокровищ
она на чужбине —
то бедных богатство.

11 Нету в пути
драгоценней ноши,
чем мудрость житейская;
хуже нельзя
в путь запастись,
чем пивом опиться.

12 Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;
чем больше ты пьешь,
тем меньше покорен
твой разум тебе.

13 Цапля забвенья
вьется над миром,
рассудок крадет;
крылья той птицы
меня приковали
в доме у Гуннлёд.

14 Пьяным я был,
слишком напился
у мудрого Фьялара;
но лучшее в пиве —
что хмель от него
исчезает бесследно.

15 Осторожным быть должен
конунга отпрыск
и смелым в сраженье;
каждый да будет
весел и добр
до часа кончины.

16 Глупый надеется
смерти не встретить,
коль битв избегает;
но старость настанет —
никто от нее
не сыщет защиты.

17 Глазеет глупец,
приехавший в гости,
болтая иль молча;
а выпьет глоток —
и сразу покажет,
как мало в нем мудрости.

18 Знает лишь тот,
кто много земель
объездил и видел, —
коль сам он умен, —
что на уме
у каждого мужа.

19 Пей на пиру,
но меру блюди
и дельно беседуй;
не прослывешь
меж людей неучтивым,
коль спать рано ляжешь.

20 Без толку жадный
старается жрать
себе на погибель;
смеются порой
над утробой глупца
на пиршестве мудрых.

21 Знают стада,
что срок наступил
покинуть им пастбища;
а кто неумен,

меры не знает,
живот набивая.

22 Кто нравом тяжел,
тот всех осуждает,
смеется над всем;
ему невдомек,
а должен бы знать,
что сам он с изъяном.

23 Глупый не спит
всю ночь напролет
в думах докучных;
утро настанет—
где же усталому
мудро размыслить.

24 Муж неразумный
увидит приязнь
в улыбке другого;
с мудрыми сидя,
глупец не поймет
над собою насмешки.

25 Муж неразумный
увидит приязнь
в улыбке другого;
а после на тинге
едва ли отыщет
сторонников верных.

26 Муж неразумный
все знает на свете,
в углу своем сидя;
но не найдет он
достойных ответов
в дельной беседе.

27 Муж неразумный
на сборище людном
молчал бы уж лучше;
не распознать
в человеке невежду,
коль он не болтлив,
но невежда всегда
не видит того,
что болтлив он безмерно.

28 Мудрым слывет,
кто расспросит других
и расскажет разумно;
скрыть не умеют
люди в беседах,
что с ними случилось.

29 Кто молчать не умеет,
тот лишние речи
заводит нередко;
быстрый язык
накличет беду,
коль его не сдержать.

30 Насмешливых взглядов
не надо бросать
на гостей приглашенных;
не спросишь иного —
он мнит, что разумен,
и мирно пирует.

31 Доволен глумливый,
коль, гостя обидев,
удрать ухитрился;
насмешник такой
не знает, что нажил
гневных врагов.

32 Люди друзьями
слывут, но порой
на пиру подерутся;
распри всегда
готовы возникнуть:
гость ссорится с гостем.

33 Рано поешь,
а в гости сбираясь,
есть надо плотно:
или голодным

будешь в гостях —
не сможешь беседовать.

34 Путь неблизок
к другу плохому,
хоть двор его рядом;
а к доброму другу
дорога пряма,
хоть далек его двор.

35 Гость не должен
назойливым быть
и сидеть бесконечно;
даже приятель
станет противен,
коль долго гостит он.

36 Пусть невелик
твой дом, но твой он,
и в нем ты владыка;
пусть крыша из прутьев
и две лишь козы,—
это лучше подачек.

37 Пусть невелик
твой дом, но твой он,
и в нем ты владыка;
кровью исходит
сердце у тех,
кто просит подачек.

38 Муж не должен
хотя бы на миг
отходить от оружья;
ибо как знать,
когда на пути
копье пригодится.

39 Не знаю радушных
и щедрых, что стали б
дары отвергать;
ни таких, что, в ответ
на подарок врученный,
подарка б не приняли.

40 Добра не жалей,
что нажито было,
не скорби о потере;
что другу обещано,
недруг возьмет —
выйдет хуже, чем
думалось.

41 Оружье друзьям
и одежду дари —
то тешит их взоры;
друзей одаряя,
ты дружбу крепишь,
коль судьба благосклонна.

42 Надобно в дружбе
верным быть другу,
одарять за подарки;
смехом на смех
пристойно ответить
и обманом — на ложь.

43 Надобно в дружбе
верным быть другу
и другом друзей его;
с недругом друга
никто не обязан
дружбу поддерживать.

44 Если дружбу ведешь
и в друге уверен
и добра ждешь от друга,—
открывай ему душу,
дары приноси,
навещай его часто.

45 Но если другому
поверил оплошно,
добра ожидая,
сладкою речью
скрой злые мысли
и лги, если лжет он.

46 Так же и с теми,
в ком усомнишься,

в ком видишь коварство, —
улыбайся в ответ,
скрывай свои мысли, —
тем же отплачивай.

47 Молод я был,
странствовал много
и сбился с пути;
счел себя богачом,
спутника встретив, —
друг — радость друга.

48 Щедрые, смелые
счастливы в жизни,
заботы не знают;
а трус, тот всегда
спасаться готов,
как скупец — от подарка.

49 В поле я отдал
одежду мою
двум мужам деревянным;
от этого стали
с людьми они сходны:
жалок нагой.

50 Сосна, у дома
возросшая, сохнет,
корой не укрыта;
и человек,
что людям не люб, —
зачем ему жить!

51 Жарко приязнь
пылает пять дней
меж дурными друзьями;
а пятый прошел —
погаснет огонь,
и дружба вся врозь.

52 Подарок большой
не всюду пригоден,
он может быть малым;
неполный кувшин,
половина краюхи
мне добыли друга.

53 У малых песчинок,
у малых воли
мудрости мало;
не все мудрецы, —
глупых и умных
поровну в мире.

54 Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
лучше живется
тем людям, чьи знанья
не слишком обширны.

55 Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
ибо редка
радость в сердцах,
если разум велик.

56 Следует мужу
в меру быть умным,
не мудрствуя много;
тот, кто удел свой
не знает вперед,
всего беззаботней.

57 Головня головне
передать готова
пламя от пламени;
в речах человек
познает человека,
в безмолвье глупеет.

58 Рано встает,
кто хочет отнять
добро или жизнь;
не видеть добычи
лежачему волку,
а победы — проспавшему.

59 Рано встает,
кто без подмоги
к труду приступает;
утром дремота
работе помеха —
кто бодр, тот богат.

60 Мера бересты
и балок для кровли
известна хозяину,
и сколько потребно
в полгода поленьев
сжигать в очаге.

61 Сытым и чистым
на тинг собирайся,
хоть и в бедной одежде;
сапог и штанов
стыдиться не надо,
а также коня,
коль он неказист.

62 Вытянув шею,
орел озирает
древнее море;
так смотрит муж,
в чуждой толпе
защиты не знающий.

63 Вопросит и ответит
умный всегда,
коль слыть хочет
сведущим;
должен один
знать, а не двое,—
у трех все проведают.

64 Силу свою
должен мудрец
осторожно показывать;
в том убедится
бившийся часто,
что есть и сильнейшие.

65 Бывает, ты слово
скажешь другому,
а после поплатишься.

66 Случалось, я рано
в гости являлся
иль поздно порою:
там выпили пиво,
а там не варили —
кто не мил, тот некстати.

67 Повсюду меня
приглашали бы в гости,
но только без трапез
иль если бы, окорок
съевши у друга,
я два отдавал бы.

68 Драгоценен огонь
для сынов человека
и солнца сиянье;
если телом ты здрав,
то здоровье, а также
жизнь без порока.

69 Хворый судьбой
не совсем обездолен:
этот счастлив сынами,
этот близкой родней,
этот богатством,
а этот деяньями.

70 Лучше живым быть,
нежели мертвым;
живой — наживает;
для богатого пламя,
я видел, пылало,
но ждала его смерть.

71 Ездить может хромой,
безрукий — пасти,
сражаться — глухой;
даже слепец
до сожженья полезен —
что толку от трупа!

72 Сын — это счастье,
хотя бы на свете
отца не застал он;
не будет и камня
у края дороги,
коль сын не поставит.

73 Двое — смерть одному;
голове враг — язык;
под каждым плащом
рука наготове.

74 Ночь тому не страшна,
кто сделал запасы;
коротки реи;
ненастна ночь осенью;
сменится ветер
не раз за пять дней,
несчетно — за месяц.

75 Иной не постигнет,
что вреден подчас
достаток рассудку;
один — богатей,
другой же — бедняк
и в том невиновен.

76 Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.

77 Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.

78 У Фитьюнга были
сыны богачами
и бедность изведали;
может внезапно
исчезнуть достаток —
друг он неверный.

79 Если глупцу
достается в удел
любовь иль богатство,
не добудет ума он,
но чванство умножит
и спесью прославится.

80 Вот что отвечу,
когда вопрошаешь
о рунах божественных,
что создали сильные,
а вырезал Вещий:
благо в молчанье.

81 День хвали вечером,
жен — на костре,
меч — после битвы,
дев — после свадьбы,
лед — если выдержит,
пиво — коль выпито.

82 Лес руби на ветру,
жди погоды для гребли,
с девой беседуй
во тьме — зорок день;
у ладьи — быстрота,
у щита — оборона,
удар — у меча,
поцелуи — у девы.

83 Пиво пей у огня,
по льду скользи,
коня купи тощего,
меч — заржавелый,
корми коня дома,
а пса — у чужих.

84 Не доверяй
ни девы речам,
ни жены разговорам —

на колесе
их слеплено сердце,
коварство в груди их.

85 Непрочному луку,
жаркому пламени,
голодному волку,
горластой вороне,
визжащей свинье,
стволу без корней,
встающему валу,
котлу, что кипит,

86 летящей стреле,
отходящему валу,
тонкому льду,
змее, что свилась,
жены объясненьям,
с изъяном мечу,
медведя проделкам,
и конунга сыну,

87 скотине больной,
рабу своевольному,
лести колдуньи,
врагу, что сражен,

88 всходам ранним
не должно нам верить,
ни сыну до срока:
погоде для сева
и сына уму
доверять не дерзай.

89 Брата убийце,
коль встречен он будет,
горящему дому,
коню слишком резвому, —
конь захромает —
куда он годится,—
всему, что назвал я,
верить не надо!

90 Женщин любить,
в обманах искусных,—
что по льду скакать
на коне без подков,
норовистом, двухлетнем
коне непокорном,
иль в бурю корабль
без кормила вести,
иль хромцу за оленем
в распутицу гнаться.

91 Откровенно скажу
о мужах и о женах:
мужи тоже лживы;
красно говоря,
но задумав коварство,—
улестим даже умных.

92 Красно говори
и подарки готовь,
чтобы жен соблазнять;
дев красоту
неустанно хваля,
будь уверен в успехе.

93 Никто за любовь
никогда осуждать
другого не должен;
часто мудрец
опутан любовью,
глупцу непонятной.

94 Мужей не суди
за то, что может
с каждым свершиться;
нередко бывает
мудрец безрассудным
от сильной страсти.

95 Твоей лишь душе
ведомо то,
что в сердце твоем;
худшей на свете
хвори не знаю,
чем духа томленье.

96 Изведал я это:
милую ждал я,
таясь в тростниках;
дороже была мне,
чем тело с душой,
но моею не стала.

97 Солнечноясную
Биллинга дочь
нашел я на ложе;
мне ярла власть
не была так желанна,
как светлая дева.

98 «Вечером, Один,
прийди, чтоб деву
к согласью склонить:
будет неладно,
если другие
про это проведают».

99 Ее я оставил —
казалось, от страсти
мой разум мутился;
таил я надежду,
что будет моей
дева любимая.

100 Вновь я пришел,
увидел, что воины
стали стеной, —
факелы блещут,
завалы из бревен
мне путь преградили.

101 А перед утром, —
все почивали, —
явился я вновь;
лишь сука была
привязана к ложу
девы достойной.

102 Девы нередко,
коль их разгадаешь,
коварство таят;
изведал я это,
деву пытаясь
к ласкам склонить;
был тяжко унижен
жестокой и все ж
не достиг я успеха.

103 Будь дома весел,
будь с гостем приветлив,
но разум храни;
прослыть хочешь мудрым —
в речах будь искусен, —
тебя не забудут;
глупцом из глупцов
прослывет безмолвный —
то свойственно глупым.

104 От старого турса
вернулся назад я;
промолчал бы — что пользы!
Но речи я вел
и удачи добился
в палатах у Суттунга.

105 Гуннлёд меня
угостила медом
на троне из золота;
плату недобрую
деве я отдал
за ласку, любовь,
за всю ее скорбь.

106 Рати клыкам
в камень велел я
крепко вгрызаться;
ётунов стены
меня обступили,
мне гибель грозила.

107 Хитростью вдоволь
я насладился,
все умный сумеет;
так ныне Одрёрир
в доме священном
людей покровителя.

108 Не удалось бы
выбраться мне
из жилья исполинов,
когда бы не помощь
Гуннлёд прекрасной,
меня обнимавшей.

109 Назавтра собрались
и двинулись хримтурсы
к палатам Высокого
спросить у Высокого:
Бёльверк — спросили —
вернулся к богам
иль сразил его Суттунг?

110 Клятву Один
дал на кольце;
не коварна ли клятва?
Напиток достал он
обманом у Суттунга
Гуннлёд на горе.

111 Пора мне с престола
тула поведать
у источника Урд;
смотрел я в молчанье,
смотрел я в раздумье,
слушал слова я;
говорили о рунах,
давали советы
у дома Высокого,
в доме Высокого
так толковали:

112 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
ночью вставать
по нужде только надо
иль следя за врагом.

113 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с чародейкой не спи,
пусть она не сжимает
в объятьях тебя.

114 Заставит она
тебя позабыть
о тинге и сходках;
есть не захочешь,
забудешь друзей,
сон горестным станет.

115 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
чужую жену
не должен ты брать
в подруги себе.

116 Советы мои
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
в горах ли ты едешь
или по фьордам —
еды бери вдоволь.

117 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с дурным человеком
несчастьем своим
делиться не должно;
ведь люди дурные

тебе не отплатят
добром за доверье.

118 Я видел однажды,
как муж был погублен
злой женщины словом;
коварный язык
уязвил клеветой,
обвиняя облыжно.

119 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
есть друг у тебя,
кому доверяешь, —
навещай его часто;
высокой травой
и кустами покрыты
неторные тропы.

120 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с мужем достойным
мирно беседуй,
добивайся доверья.

121 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
дружбу блюди
и первым ее
порвать не старайся;
скорбь твое сердце
сожжет, коль не сможешь
другу довериться.

122 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
глупцу не перечь,
с мужем неумным
в спор не вступай,

123 ибо дурной
тебе не отплатит
благом за благо,
а добрый ответит
на дружбу всегда
похвалой и приязнью.

124 Хорошему другу
что только хочешь
правдиво поведай;
всегда откровенность
лучше обмана;
не только приятное
другу рассказывай.

125 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
с тем, кто хуже тебя,
спорить не надо;
нападет негодяй,
а достойный уступит.

126 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
обтесывай древки
и обувь готовь
лишь себе самому;
если обувь плоха
или погнуто древко —
проклятья получишь.

127 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
злые поступки

злыми зови,
мсти за злое немедля.

128 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
дурным никогда
доволен не будь,
дорожи только добрым.

129 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
вверх не смотри,
вступая в сраженье, —
не сглазил бы враг, —
воины часто
разум теряют.

130 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
если встречи с красавицей
ищешь и ею
насладиться намерен —
обещанья давай
и крепко держи их!
Добро не прискучит.

131 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
будь осторожен,
но страха чуждайся;
пиву не верь
и хитрому вору,
не доверяй
и жене другого.

132 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
потешаться не вздумай
над путником дальним,
глумиться над гостем.

133 Не ведают часто
сидящие дома,
кто путник пришедший;
изъян и у доброго
сыщешь, а злой
не во всем нехорош.

134 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
над седым стариком
никогда не смейся;
цени слово старца;
цедится мудрость
из старого меха,
что висит возле шкур,
качаясь средь кож,
с сычугами в соседстве.

135 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их примешь,
коль ты их поймешь:
над гостями не смейся,
в дверь не гони их,
к несчастным будь щедр.

136 Ворота сломаешь,
коль всех без разбора
впускать будешь в дом;
кольцо подари,
не то пожеланья
плохие получишь.

137 Советы мои,
Лоддфафнир, слушай,
на пользу их применишь,
коль ты их поймешь:
если ты захмелел —
землей исцелишься,
ведь землей лечат хмель,
а пламенем — хвори,
понос лечат дубом,
колосьями — порчу,
безумье — луной,
бузиною — желтуху,
червями — укусы
и рунами — чирьи,
земля ж выпьет влагу.

138 Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

139 Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стеная их поднял —
и с древа рухнул.

140 Девять песен узнал я
от сына Бёльторна,
Бестли отца,
меду отведал
великолепного,
что в Одрёрир налит.

141 Стал созревать я
и знанья множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.

142 Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги
и Один их вырезал,

143 Один у асов,
а Даин у альвов,
Двалин у карликов,
у ётунов Асвид,
и сам я их резал.

144 Умеешь ли резать?
Умеешь разгадывать?
Умеешь окрасить?
Умеешь ли спрашивать?
Умеешь молиться
и жертвы готовить?
Умеешь раздать?
Умеешь заклать?

145 Хоть совсем не молись,
но не жертвуй без меры,
на дар ждут ответа;
совсем не коли,
чем без меры закалывать.
Так вырезал Тунд
до рожденья людей;
вознесся он там,
когда возвратился.

146 Заклинанья я знаю —
не знает никто их,
даже конунгов жены;
помощь — такое
первому имя —
помогает в печалях,
в заботах и горестях.

147 Знаю второе, —
оно врачеванью
пользу приносит.

148 Знаю и третье, —
оно защитит
в битве с врагами,
клинки их туплю,
их мечи и дубины
в бою бесполезны.

149 Четвертое знаю, —
коль свяжут мне члены
оковами крепкими,
так я спою,
что мигом спадут
узы с запястий
и с ног кандалы.

150 И пятое знаю, —
коль пустит стрелу
враг мой в сраженье,
взгляну — и стрела
не долетит,
взору покорная.

151 Знаю шестое, —
коль недруг корнями
вздумал вредить мне, —
немедля врага,
разбудившего гнев мой,
несчастье постигнет.

152 Знаю седьмое, —
коль дом загорится
с людьми на скамьях,
тотчас я пламя
могу погасить,
запев заклинанье.

153 Знаю восьмое, —
это бы всем
помнить полезно:
где ссора начнется
средь воинов смелых,
могу помирить их.

154 Знаю девятое, —
если ладья
борется с бурей,
вихрям улечься
и волнам утихнуть
пошлю повеленье.

155 Знаю десятое, —
если замечу,
что ведьмы взлетели,
сделаю так,
что не вернуть им
душ своих старых,
обличий оставленных.

156 Одиннадцатым
друзей оберечь
в битве берусь я,
в щит я пою, —
побеждают они,
в боях невредимы,
из битв невредимы
прибудут с победой.

157 Двенадцатым я,
увидев на дереве
в петле повисшего,
так руны вырежу,
так их окрашу,
что он оживет
и беседовать будет.

158 Тринадцатым я
водою младенца
могу освятить, —
не коснутся мечи его,
и невредимым
в битвах он будет.

159 Четырнадцатым
число я открою

асов и альвов,
прозванье богов
поведаю людям,—
то может лишь мудрый.

160 Пятнадцатое
Тьодрёрир пел
пред дверью Деллинга;
напел силу асам,
и почести — альвам,
и Одину — дух.

161 Шестнадцатым я
дух шевельну
девы достойной,
коль дева мила,
овладею душой,
покорю ее помыслы.

162 Семнадцатым я
опутать смогу
душу девичью;
те заклятья, Лоддфафнир,
будут тебе
навек неизвестны;
хотя хороши они,
впрок бы принять их,
на пользу усвоить.

163 Восемнадцатое
ни девам, ни женам
сказать не смогу я,—
один сбережет
сокровеннее тайну,—
тут песня пресеклась —
откроюсь, быть может,
только жене
иль сестре расскажу.

164 Вот речи Высокого
в доме Высокого,
нужные людям,
ненужные ётунам.
Благо сказавшему!
Благо узнавшим!
Кто вспомнит —
воспользуйся!
Благо внимавшим!

РЕЧИ ВАФТРУДНИРА

[*Один сказал:*]
1 «Дай, Фригг, мне совет,
в путь я собрался
к Вафтрудниру в гости!
В древних познаньях
помериться силой
хочу я с мудрейшим».

[*Фригг сказала:*]
2 «Лучше останься,
Ратей Отец,
в чертогах богов —
Вафтруднир слывет
сильнейшим из ётунов,
кто с ним сравнится!»

[*Один сказал:*]
3 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
видеть хотел бы,
как Вафтруднир в доме
живет у себя».

[*Фригг сказала:*]
4 «Странствуй здоровым,
здоровым вернись,
доброй дороги!
Пусть мудрость тебе
там помощью будет
с ётуном в споре!»

Отправился в путь
Один, чтоб мудрость
турса изведать;
Игг прибыл к владеньям
Има отца
и в палату вошел.

[*Один сказал:*]
6 «Привет тебе, Вафтруднир!
Вот я пришел
поглядеть на тебя;
хочу я постичь
познанья твои,
все ли, мудрый, ты
ведаешь».

[*Вафтруднир сказал:*]
7 «Что за пришелец
в дом мой проник
и слова в меня мечет?
Ты дом не покинешь,
коль не победишь,
состязаясь со мною».

[*Один сказал:*]
8 «Гагнрад мне имя,
мучим я жаждой,
в пути утомился,
жду приглашенья —
долог был путь мой, —
прими меня, ётун».

[*Вафтруднир сказал:*]
9 «Будь у нас, Гагнрад,
гостем в палате,
садись на скамью!
Посмотрим сейчас,
кто в знаньях сильней,
старый турс или ты».

[*Один сказал:*]
10 «Должен молчать
или дельно беседовать
бедный с богатым;
в речах своих буду
меру блюсти,
с хладноребрым сойдясь».

[*Вафтруднир сказал:*]
11 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
что за конь поутру
день нам приносит,
как имя коню?»

[*Один сказал:*]
12 «Скинфакси конь
сияющий день
поутру нам приносит;
слывет у героев
он лучшим конем
с гривой сверкающей».

[*Вафтруднир сказал:*]
13 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
кто конь, несущий
сумрак ночной
над богами благими?»

[*Один сказал:*]
14 «Хримфакси конь
сумрак несет
над богами благими;
пену с удил
роняет на долы
росой на рассвете».

[*Вафтруднир сказал:*]
15 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
как имя реки,
где проходит рубеж
меж богами и турсами?»

[*Один сказал:*]
16 «Ивинг — река,
где проходит рубеж
меж богами и турсами;
воды ее
не застынут вовек,
льдом не оденутся».

[*Вафтруднир сказал:*]
17 «Гагнрад, скажи,
коль стоя ты хочешь
спорить со мною:
как имя равнины,
где встретится Сурт
в битве с богами?»

Один [*сказал:*]
18 «Вигрид — равнина,
где встретится Сурт
в битве с богами,
по сто переходов
в каждую сторону
поле для боя».

Вафтруднир [*сказал:*]
19 «Гость мой, ты сведущ,
садись на скамью,
побеседуем сидя!
Голову мы,
гость мой, назначим
ставкою в споре!»

Один [*сказал:*]
20 «Дай первый ответ,
если светел твой ум
и все знаешь, Вафтруднир:
как создали землю,
как небо возникло,
ётун, открой мне?»

Вафтруднир [*сказал:*]
21 «Имира плоть
стала землей,
стали кости горами,
небом стал череп
холодного турса,
а кровь его морем».

Один [*сказал:*]
22 «Второй дай ответ,
если светел твой ум
и все знаешь, Вафтруднир:
луна как возникла
во тьме для людей,
как создано солнце?»

Вафтруднир [*сказал:*]
23 «Мундильфёри
зовется отец
солнца с луною;
небо обходят
они каждый день,
то времени мера».

Один [*сказал:*]
24 «Дай третий ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
откуда начало
дня над людьми
и ночи с луною?»

Вафтруднир [*сказал:*]
25 «Деллингом звать
день породившего,
Нёр — ночи отец;
измыслили боги
луны измененья,
чтоб меру дать времени».

Один [*сказал:*]
26 «Дай четвертый ответ,
коль умным слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
кто создал зиму
и теплое лето
у богов всеблагих?»

Вафтруднир [*сказал:*]
27 «Виндсваль дал зиму,
а Свасуд — лето,
они им отцы».

Один сказал:
28 «Дай пятый ответ,
коль умным слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
кто в начале времен
был старшим из асов
и родичей Имира?»

Вафтруднир [*сказал:*]
29 «За множество зим
до созданья земли
был Бергельмир турс,
Трудгельмир — имя
турса отца,
и Аургельмир — деда».

Один сказал:
30 «Шестой дай ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
откуда меж турсов
Аургельмир явился,
первый их предок?»

Вафтруднир [*сказал:*]
31 «Брызги холодные
Эливагара
ётуном стали;
отсюда свой род
исполины ведут,
оттого мы жестоки».

Один сказал:
32 «Седьмой дай ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
как же мог ётун,
не знавший жены,
отцом быть потомства?»

Вафтруднир сказал:
33 «У ётуна сильного
дочка и сын
возникли под мышкой,
нога же с ногой
шестиглавого сына
турсу родили».

Один сказал:
34 «Восьмой дай ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
что первое ведаешь,
помнишь древнейшее,
турс многомудрый?»

Вафтруднир сказал:
35 «За множество зим
до созданья земли
был Бергельмир турс;
в гроб его
при мне положили —
вот что первое помню».

Один сказал:
36 «Дай девятый ответ,
коль мудрым слывешь
и все знаешь, Вафтруднир:
ветер откуда
слетает на волны?
Для людей он невидим».

Вафтруднир сказал:
37 «Хресвельг сидит
у края небес
в обличье орла;
он ветер крылами
своими вздымает
над всеми народами».

[*Один сказал:*]
38 «Дай десятый ответ,
коль судьбы богов
ты ведаешь, Вафтруднир:

как меж асами
Ньёрд появился?
Посвящают ему
капища, храмы,
но сам он не ас».

[*Вафтруднир сказал:*]
39 «У ванов в жилище
рожден и в залог
отдан был асам;
когда же настанет
мира конец,
он к ванам вернется».

[*Один сказал:*]
40 «Скажи мне еще,
где каждый день
битвы кипят?»

[*Вафтруднир сказал:*]
41 «Эйнхерии все
рубятся вечно
в чертоге у Одина;
в схватки вступают,
а кончив сраженье,
мирно пируют».

[*Один сказал:*]
42 «Скажи мне теперь,
откуда ты ведаешь
судьбы богов;
о тайнах великих
богов и турсов
ты правду поведал,
турс многомудрый».

[*Вафтруднир*] *сказал:*
43 «О тайнах великих
богов и турсов
поведал я правду:
все девять миров
до дна прошел
и Нифльхель увидел,
куда смерть уводит».

[*Один*] *сказал:*
44 «Много я странствовал,
много беседовал
с благими богами;
кто будет жить
после конца
зимы великанов?»

[*Вафтруднир*] *сказал:*
45 «Спрячется Лив
и Ливтрасир с нею
в роще Ходдмимир;
будут питаться
росой по утрам
и людей породят».

[*Один*] *сказал:*
46 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
как солнце на глади
небесной возникнет,
коль Волк его сгубит?»

[*Вафтруднир*] *сказал:*
47 «Прежде чем Волк
Альврёдуль сгубит,
дочь породит она;
боги умрут,
и дорогою матери
дева последует».

[*Один*] *сказал:*
48 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
какие три девы
высоко над морем
парят в поднебесье?»

Вафтруднир сказал:
49 «Три мощных потока
текут над жильем
дочерей Мёгтрасира;

для людей эти девы —
духи благие,
хоть предки их — турсы».

Один сказал:

50 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
кто наследьем богов
завладеет, когда
пламя Сурта погаснет?»

[*Вафтруднир*] *сказал:*

51 «Будут Видар и Вали
в Асгарде жить,
когда пламя погаснет,
Моди и Магни
Мьёлльнир возьмут,
когда Вингнис погибнет».

[*Один*] *сказал:*

52 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
как Один свою
жизнь завершит,
когда боги погибнут?»

Вафтруднир сказал:

53 «Фенрир проглотит
отца всех людей,
но мстить будет Видар;
пасть разорвет он
свирепую волчью,
возмездье свершая».

Один сказал:

54 «Я странствовал много,
беседовал много
с благими богами;
что сыну Один
поведал, когда
сын лежал на костре?»

Вафтруднир сказал:

55 «Никто не узнает,
что потаенно
ты сыну сказал!
О кончине богов
я, обреченный,
преданья поведал!
С Одином тщился
в споре тягаться:
ты в мире мудрейший!»

РЕЧИ ГРИМНИРА

О сыновьях конунга Храудунга

У конунга Храудунга было два сына: одного звали Агнар, другого — Гейррёд. Агнару было десять зим, а Гейррёду — восемь. Однажды они поехали вдвоем на лодке со своею снастью половить рыбу. Ветер унес их в открытое море. В ночной темноте их лодка разбилась о берег, они вышли на него и встретили там старика. У него они перезимовали. Старуха ходила за Агнаром, а старик — за Гейррёдом. Весной старик дал им лодку. А когда старик и старуха провожали их к берегу, старик поговорил с глазу на глаз с Гейррёдом. Им выдался попутный ветер, и они приплыли к пристани своего отца. Гейррёд был на носу лодки; он выскочил на берег, оттолкнул лодку и сказал: «Плыви туда, где тролли возьмут тебя!» Лодку вынесло в море, а Гейррёд пошел

ко двору своего отца. Его хорошо приняли; отец его тогда уже умер. Гейррёд был выбран конунгом и стал знаменитым мужем.

Один и Фригг сидели однажды на престоле Хлидскьяльв и смотрели на все миры. Один сказал: «Видишь ты Агнара, твоего питомца, который народил детей с великаншей в пещере? А Гейррёд, мой питомец,— конунг и правит страной!» Фригг говорит: «Он так скуп на еду, что морит голодом своих гостей, если ему кажется, что их слишком много пришло». Один говорит, что это величайшая ложь, и они бьются об заклад об этом.

Фригг послала свою служанку Фуллу к Гейррёду. Она велела остеречь его против чар колдуна, который пришел в его земли, и сказала, что его легко узнать по тому, что ни одна собака, как бы она ни была зла, не нападет на него. Что Гейррёд скуп на еду, было действительно величайшей неправдой. Но человека, на которого собаки не стали лаять, он все же велел схватить. Пришелец был в синем плаще и назвался Гримнир. Больше он о себе ничего не сказал, как его ни расспрашивали. Конунг велел пыткой добиться от него ответа и посадить между двух костров. Так он просидел восемь ночей.

У конунга Гейррёда был сын десяти зим от роду, и он звался Агнар в честь брата его отца. Агнар подошел к Гримниру, дал ему напиться из полного рога и сказал, что конунг плохо поступает, пытая его, безвинного. Гримнир отпил. Огонь в это время подобрался так близко к Гримниру, что на нем затлел плащ. Он сказал:

1 Жжешь ты меня,
могучее пламя,
огонь, отойди!
Тлеющий мех
потушить не могу я,
пылает мой плащ.

2 Восемь ночей
я в муках провел
без питья и без пищи:
лишь Агнар меня
напоил, и он будет
властителем воинов,
Гейррёда сын.

3 Счастлив будь, Агнар,—
тебе пожелал
Бог Воинов блага:
какую награду
выше найдешь ты
за влаги глоток!

4 Священную землю
вижу лежащей
близ асов и альвов;
а в Трудхейме будет
Тор обитать
до кончины богов.

5 Идалир — имя
месту, где Улль
палаты построил.
Некогда Альвхейм
был Фрейром получен
от богов на зубок.

6 Третий есть двор,
серебром он украшен
богами благими;
Валаскьяльв двор тот,
он асом воздвигнут
в древнее время.

7 Четвертый — то
Сёкквабекк,
плещут над ним
холодные волны;
там Один и Сага
пьют каждый день
из чаш златокованых.

8 Гладсхейм — то пятый,
там золотом пышно
Вальгалла блещет;
там Хрофт собирает
воинов храбрых,
убитых в бою.

9 Легко отгадать,
где Одина дом,
посмотрев на палаты:
стропила там — копья,
а кровля — щиты
и доспехи на скамьях.

10 Легко отгадать,
где Одина дом,
посмотрев на палаты:
волк там на запад
от двери висит,
парит орел сверху.

11 Трюмхейм — шестой,
где некогда Тьяци
турс обитал;
там Скади жилище,
светлой богини,
в доме отцовом.

12 Седьмой—это Брейдаблик,
Бальдр там себе
построил палаты;
на этой земле
злодейств никаких
не бывало от века.

13 Восьмой—то Химинбьёрг,
Хеймдалль, как слышно,
там правит в палате:
там страж богов
сладостный мед
в довольстве вкушает.

14 Фолькванг — девятый,
там Фрейя решает,
где сядут герои;
поровну воинов,
в битвах погибших,
с Одином делит.

15 Глитнир столбами
из золота убран,
покрыт серебром;
Форсети там
живет много дней
и ладит дела.

16 И Ноатун тоже —
Ньёрд себе там
построил палаты;
людей повелитель,
лишенный пороков,
владеет святилищем.

17 Видара край
покрыли кусты
и высокие травы;
там на коне
герой обещает
отмстить за отца.

18 Андхримнир варит
Сехримнира-вепря

в Эльдхримнире мясо —
дичину отличную;
немногие ведают
яства эйнхериев.

19 Гери и Фреки
кормит воинственный
Ратей Отец;
но вкушает он сам
только вино,
доспехами блещущий.

20 Хугин и Мунин
над миром все время
летают без устали;
мне за Хугина страшно,
страшней за Мунина,—
вернутся ли вороны!

21 Тунд шумит,
Тьодвитнира рыба
играет в стремнине;
поток нелегко
вброд перейти
тем, кто в битве убит.

22 Вальгринд — ворота,
стоящие в поле
у входа в святилище;
неведомы людям
древних ворот
замки и запоры.

Пять сотен палат
и сорок еще
Бильскирнир вмещает;
из всех чертогов
владеет мой сын
самым просторным.

23 Пять сотен дверей
и сорок еще
в Вальгалле, верно;
восемьсот воинов
выйдут из каждой
для схватки с Волком.

25 Хейдрун коза,
на Вальгалле стоя,
ест Лерад листву;
мед сверкающий
в чан она цедит,
тот мед не иссякнет.

26 Эйктюрнир олень,
на Вальгалле стоя,
ест Лерад листву;
в Хвергельмир падает
влага с рогов —
всех рек то истоки;

27 Сид и Вид,
Сёкин и Эйкин,
Свёль и Гуннтро,
Фьёрм и Фимбультуль,
Рейн и Реннанди,
Гипуль и Гёпуль,
Гёмуль и Гейрвимуль
у жилища богов,
Тюн и Вин,
Тёлль и Хёлль,
Град и Гуннтраин.

28 Ви́на — одна,
Вегсвин — другая,
Тьоднума — третья,
Нют и Нёт,
Нённ и Хрённ,
Слид и Хрид,
Сильг и Ильг,
Виль и Ван,
Вёнд и Стрёнд,
Гьёль и Лейфтр,—
те — в землях людей,
но в Хель стремятся.

29 Кермт и Эрмт
и Керлауг обе

Тор вброд переходит
в те дни, когда асы
вершат правосудье
у ясеня Иггдрасиль;
в ту пору священные
воды кипят,
пламенеет мост асов.

30 Гюллир и Глад,
Глер и Скейдбримир,
Синир и Сильвринтопп,
Фальхофнир, Гисль,
Гулльтопп и Леттфети —
те кони носят
асов на суд,
что вершится под сенью
ясеня Иггдрасиль.

31 Три корня растут
на три стороны
у ясеня Иггдрасиль:
Хель под одним,
под другим исполины
и люди под третьим.

32 Рататоск белка
резво снует
по ясеню Иггдрасиль;
все речи орла
спешит отнести она
Нидхёггу вниз.

33 И четыре оленя,
рога запрокинув,
гложут побеги:
Даин и Двалин,
Дунейр и Дуратрор.

34 Глупцу не понять,
сколько ползает змей
под ясенем Иггдрасиль:
Гоин и Моин —
Граввитнира дети,—
Грабак и Граввёллуд,
Офнир и Свафнир,—
они постоянно
ясень грызут.

35 Не ведают люди,
какие невзгоды
у ясеня Иггдрасиль:
корни ест Нидхёгг,
макушку — олень,
ствол гибнет от гнили.

36 Христ и Мист
пусть рог мне подносят,
Скеггьёльд и Скёгуль,
Хильд и Труд,
Хлёкк и Херфьётур,
Гейр и Гейрёлуль,
Рандгрид и Радгрид
и Регинлейв тоже
цедят пиво эйнхериям.

37 Арвак и Альсвинн
солнце наверх
усталые тащат;
боги меха
кузнечные им
положили под плечи.

38 Свалин зовется
щит, он скрывает
солнца сиянье;
коль упадет он,
пламя охватит
и горы и море.

39 Сколль имя Волка,
за солнцем бежит он
до самого леса;
а Хати другой,
Хродвитнира сын,
предшествует солнцу.

40 Имира плоть
стала землей,

кровь его — морем,
кости — горами,
череп стал небом,
а волосы — лесом.

41 Из ресниц его Мидгард
людям был создан
богами благими;
из мозга его
созданы были
темные тучи.

42 Боги и Улль
тем благо даруют,
кто пламя разметет;
если снимут котлы,
откроется взорам
мир сынов асов.

43 Ивальда отпрыски
некогда стали
Скидбладнир строить
для сына Ньёрда,
светлого Фрейра,
струг самый крепкий.

44 Дерево лучшее —
ясень Иггдрасиль,
лучший струг —
Скидбладнир,
лучший ас — Один,
лучший конь — Слейпнир,
лучший мост — Бильрёст,
скальд лучший — Браги
и ястреб — Хаброк,
а Гарм — лучший пес.

45 Лик свой открыл я
асов сынам,
близко спасенье;
скоро все асы
собраны будут
за Эгира стол,
на Эгира пир.

46 Звался я Грим,
звался я Ганглери,
Херьян и Хьяльмбери,
Текк и Триди,
Тунд и Уд,
Хар и Хельблинди;

47 Санн, и Свипуль,
и Саннгеталь тоже,
Бильейг и Бальейг,
Бёльверк и Фьёльнир,
Хертейт и Хникар,
Гримнир и Грим,
Глапсвинн и Фьёльсвинн;

48 Сидхётт, Сидскегг,
Сигфёдр, Хникуд,
Альфёдр, Вальфёдр,
Атрид и Фарматюр;
с тех пор как хожу
средь людей, немало
имен у меня.

49 Гримнир мне имя
у Гейррёда было
и Яльк у Асмунда,
Кьялар, когда
сани таскал;
Трор на тингах,
Видур в боях,
Оски и Оми,
Явнхар и Бивлинди,
Гёндлир и Харбард.

50 У Сёккмимира я
был Свидур и Свидрир,
старого турса
перехитрил я,
Мидвитнира сына
в схватке сразив.

51 Пьян ты, Гейррёд!
Пил ты не в меру,
отныне лишен ты

подмоги моей,
эйнхериев помощи,
милости Одина.

52 Много я рассказал,
но мало ты помнишь;
друг тебя предал;
вижу я меч
прежнего друга —
кровью покрыт он.

53 Игг получит
мечом пораженного,
конец твой настал;
разгневаны дисы,
увидишь ты Одина,
коль смеешь—приблизься!

54 Один ныне зовусь,
Игг звался прежде,
Тунд звался тоже,
Вак и Скильвинг,
Вавуд и Хрофтатюр,
Гаут и Яльк у богов,
Офнир и Свафнир,
но все имена
стали мной неизменно.

Конунг Гейррёд сидел, держа на коленях меч, наполовину обнаженный. Услыхав, что Один тут, он встал, чтобы оградить его от огня. Меч выскользнул у него рукоятью вниз. Конунг споткнулся и упал ничком, а меч пронзил его, и он умер. Тогда Один исчез. Агнар же стал конунгом и долго правил.

ПОЕЗДКА СКИРНИРА

Фрейр, сын Ньёрда, сидел однажды на престоле Хлидскьяльв и обозревал все миры. Он взглянул на Ётунхейм и увидел красивую девушку. Она в это время шла из дома своего отца в кладовую. Увидев эту девушку, Фрейр очень опечалился.

Скирниром звали слугу Фрейра. Ньёрд попросил его поговорить с Фрейром. Тогда Скади сказала:

1 «Скирнир, вставай,
ты должен сейчас
у нашего сына
все разузнать —
чем так разгневан
муж многомудрый».

Скирнир сказал:

2 «Словом недобрым
Фрейр мне ответит,
коль стану пытаться
все разузнать,
чем так разгневан
муж многомудрый».

Скирнир [*сказал:*]

3 «Фрейр, ответь мне,
владыка богов,
поведай, прошу я:
отчего дни за днями
один ты сидишь
в палате пустой?»

Фрейр [*сказал:*]

4 «Как я поведаю,
воин юный,
о тягостном горе?
Альвов светило
всем радость несет,
но не любви моей».

Скирнир [*сказал:*]

5 «Так ли любовь
твоя велика,
чтоб о ней не поведать?
Смолоду вместе
мы всюду с тобой
и верим друг другу».

Фрейр [*сказал:*]

6 «Близ дома Гюмира
мне довелось
желанную видеть;
от рук ее свет
исходил, озаряя
свод неба и воды.

7 Со страстью моей
в мире ничья
страсть не сравнится,
но согласья не жду
на счастье с нею
от альвов и асов».

Скирнир [*сказал:*]

8 «Дай мне коня,
пусть со мною проскачет
сквозь полымя мрачное,
и меч, разящий
ётунов род
силой своею!»

[*Фрейр сказал:*]

9 «Вот конь, возьми,
пусть с тобою проскачет
сквозь полымя мрачное,
и меч, разящий
ётунов род,
если мудрый им бьется».

Скирнир сказал коню:

10 «Сумрак настал,
нам ехать пора
по влажным нагорьям
к племени турсов;
доедем ли мы,
или нас одолеет
ётун могучий?»

Скирнир поскакал в Ётунхейм к жилищу Гюмира. Там были злые псы, привязанные у ворот ограды, окружавшей дом Герд. Он подъехал к пастуху, сидевшему на холме, и приветствовал его:

11 «Скажи мне, пастух, —
ты сидишь на холме,
стережешь все дороги, —
как бы мне слово
деве сказать?
В том псы мне помеха».

[*Пастух*] *сказал:*

12 «К смерти ты близок
иль мертвым ты стал?
. . . .
С дочерью Гюмира
речи вести
тебе не придется».

[*Скирнир*] *сказал:*

13 «Что толку скорбеть,
если сюда
путь я направил?
До часа последнего
век мой исчислен
и жребий измерен».

[*Герд*] *сказала:*

14 «Что там за шум
и грохот я слышу
в нашем жилище?
Земля затряслась,
и Гюмира дом
весь содрогается».

Служанка сказала:

15 «То воин приехал,
сошел он с коня
и пастись пустил его».

[*Герд*] *сказала:*

16 «Гостя проси
в палату войти
и меда отведать!
Хоть я и страшусь,
что это приехал
брата убийца.

17 Ведь ты не из асов
и не из альвов,
не ванов ты сын?
Зачем ты промчался
сквозь бурное пламя
и к нам прискакал?»

[*Скирнир сказал:*]

18 «Я не из асов
и не из альвов,
не ванов я сын,
но я промчался
сквозь бурное пламя
и к вам прискакал.

19 Одиннадцать яблок
со мной золотых,
тебе я отдам их,
если в обмен
ты Фрейра сочтешь
желаннее жизни».

[*Герд сказала:*]

20 «Одиннадцать яблок
в обмен на любовь
никогда не возьму я:
Фрейр никогда
назваться не сможет
мужем моим».

[*Скирнир*] *сказал:*

21 «Кольцо тебе дам,
что на костре
Бальдра сгорело!
Восемь колец
в девятую ночь
из него возникают».

[*Герд*] *сказала:*

22 «Кольца не возьму,
что на костре
Бальдра сгорело!
Вдоволь добра
у Гюмира в доме,
отцовых сокровищ».

[*Скирнир*] *сказал:*

23 «Видишь ты меч
в ладони моей,
изукрашенный знаками?
Голову им
Герд отрублю,
коль согласья не даст».

[*Герд сказала:*]

24 «Угроз не стерплю,
согласьем на них
никогда не отвечу;
но если с Гюмиром
встретишься ты,
вы оба, я знаю,
схватку затеете».

[*Скирнир сказал:*]

25 «Видишь ты меч
в ладони моей,
изукрашенный знаками?
Старого турса
я им поражу,
в поединке падет он.

26 Жезлом укрощенья
ударю тебя,
покоришься мне, дева;

туда ты пойдешь,
где люди тебя
вовек не увидят.

27 На орлиной скале
ты будешь сидеть,
не глядя на мир,
Хель озирая;
еда тебе будет
противней, чем змеи
для взора людского!

28 Чудищем станешь,
для всех, кто увидит!
Пусть Хримнир глазеет,
всяк пусть глазеет!
Прославишься больше,
чем сторож богов,
сквозь решетку глядящая!

29 Безумье и муки,
бред и тревога,
отчаянье, боль
пусть возрастают!
Сядь предо мной —
нашлю на тебя
черную похоть
и горе сугубое!

30 Тролли вседневно
тебя будут мучить
в жилье исполинов;
в дом турсов инея
будешь всегда
безвольно плестись,
неизбежно плестись;
не радость познаешь,
но тяжкое горе
и скорбные слезы.

31 Трехглавого станешь
турса женой
или замуж не выйдешь!
От похоти сохни,
зачахни от хвори!
Будь, как волчец,
что под камень кладут,
жатву закончив!

32 Я в рощу пошел,
в сырую дубраву
за прутом волшебным;
взял прут волшебный.

33 Ты разгневала Одина,
асов главу,
Фрейр тебе враг:
преступная дева,
навлекла ты богов
неистовый гнев.

34 Слушайте, ётуны,
слушайте, турсы,
Суттунга семя,
и сами асы!
Запрет налагаю,
заклятье кладу
на девы утехи,
на девичьи услады!

35 Хримгримнир турс
за решетку смерти
посадит тебя;
тролли напоят
тебя под землею
козьей мочой;
вкуснее питья
ты не получишь,
не по воле твоей,
но по воле моей!

36 Руны я режу —
«турс» и еще три:
похоть, безумье
и беспокойство;
но истреблю их,
так же как резал,
когда захочу».

[*Герд сказала:*]
37 «Нет, лучше прими
привет мой и кубок
старого меда!
Не помышляла я,
что полюблю
ванов потомка».

[*Скирнир сказал:*]
38 «Хочу я прямой
ответ получить
до отъезда отсюда:
когда с сыном Ньёрда
свидеться хочешь
и соединиться?»

[*Герд сказала:*]
39 «Барри зовется
тихая роща,
знакомая нам;
через девять ночей
там Герд подарит
любовь сыну Ньёрда».

Тогда Скирнир поехал назад. Фрейр стоял у входа и приветствовал его и спросил, что слышно:

40 «Скирнир, скажи мне,
прежде чем сбросишь
с коня ты седло:
добился ли ты
девы согласья,
исполнил ли просьбу?»

[*Скирнир сказал:*]
41 «Барри зовется
тихая роща,
знакомая нам;
через девять ночей
там Герд подарит
любовь сыну Ньёрда».

[*Фрейр сказал:*]
42 «Ночь длинна,
две ночи длиннее,
как вытерплю три!
Часто казался мне
месяц короче,
чем ночи предбрачные».

ПЕСНЬ О ХАРБАРДЕ

Тор возвращался с востока и подошел к какому-то проливу. По ту сторону пролива был перевозчик с лодкой. Тор крикнул:

1 «Что там за парень
стоит у пролива?»

Тот ответил:
2 «Что за старик
кричит за проливом?»

[*Тор сказал:*]
3 «Переправь-ка меня!
Дам пищи на завтра:
за спиною в корзине
еда — нет вкуснее!
В путь отправляясь,
наелся я вдоволь
селедок с овсянкой
и сыт до сих пор».

[*Перевозчик сказал:*]
4 «Похвалился едой,
а жребий свой знаешь ли?

У тебя, наверно,
и матери нет».

[*Тор сказал:*]
5 «Весть такая
каждому тягостна —
горько мне слышать
о смерти матери!»

[*Перевозчик сказал:*]
6 «Едва ли тремя ты
дворами владеешь,
если ты бос
и одет как бродяга:
даже нет и штанов!»

[*Тор сказал:*]
7 «Правь-ка сюда,
я скажу, где пристать;
чей ты у берега
держишь челнок?»

[*Перевозчик сказал:*]
8 «Хильдольв челнок
мне поручил,
воин, живущий
в Радсейярсунде;
конокрадов возить
и бродяг не велел он,
но добрых людей
и людей мне известных;
назовись, и тогда
тебя повезу я».

[*Тор сказал:*]
9 «Назову свое имя,
хоть я средь врагов,
и о роде скажу:
я Одина сын,
Мейли я брат
и Магни отец;
ты с владыкой богов
беседуешь — с Тором!
Знать я хочу,
как сам ты зовешься».

[*Перевозчик сказал:*]
10 «Харбард мне имя,
скажу откровенно».

Тор сказал:
11 «А зачем бы тебе скрывать
свое имя, если ты не в
распре?»

[*Харбард сказал:*]
12 «Хотя бы и в распре,
спасусь от тебя,
если мне смерти
судьба не сулит».

[*Тор сказал:*]
13 «Неохота мне вброд
брести по заливу
и ношу мочить;
не то проучил бы
тебя, сопляка,
за брань и насмешки,
на берег выйдя!»

[*Харбард сказал:*]
14 «Я здесь постою,
поджидая тебя;
храбрецов ты не видел
со смерти Хрунгнира».

[*Тор сказал:*]
15 «О том говоришь ты,
как с Хрунгниром, турсом
каменноглавым,
славно я бился,
но я поразил его
в жарком бою.
А что ты делал, Харбард?»

[*Харбард сказал:*]
16 «Сидел я у Фьёльвара
целых пять зим,
на острове том,
что Альгрён зовется;

билились мы там,
убивали врагов,
и то еще делали —
дев соблазняли».

[*Тор сказал:*]
17 «Ну и как у вас шло
с ними дело?»

[*Харбард сказал:*]
18 «Милыми были,
когда покорялись,
разумными были,
верность храня;
веревку они
из песка свивали,
землю копали
в глубокой долине;
я всех был хитрей —
с семью я сестрами
ложе делил,
их любовью владел.
А что ты делал, Тор?»

Тор [*сказал:*]
19 «Я Тьяци убил,
турса могучего,
бросил глаза я
Альвальди сына
в ясное небо;
вот лучший памятник
подвигам Тора,
все видят его.
А что ты делал, Харбард?»

Харбард [*сказал:*]
20 «Соблазнял я искусно
наездниц ночных,
отнимал у мужей их;
жезл волшебства
Хлебард мне отдал,
турс храбрый, а я
рассудка лишил его».

Тор сказал:
21 «Злом отплатил ты
за добрый подарок».

Харбард сказал:
22 «Срежь ветви дубка —
другой разрастется;
всяк занят собой.
А что ты делал, Тор?»

Тор сказал:
23 «На востоке я был,
там истреблял я
злобных жен турсов,
в горы бежавших;
когда б то не сделал,
разросся бы род их
и в Мидгарде люди
жить не смогли б.
А что ты делал, Харбард?»

Харбард сказал:
24 «Я в Валланде был,
в битвах участвовал,
князей подстрекал,
не склонял их к миру;
у Одина — ярлы,
павшие в битвах,
у Тора — рабы».

Тор сказал:
25 «Неравно бы ты
людей разделил,
если властью владел бы».

Харбард сказал:
26 «У Тора сил вдоволь,
да смелости мало;
со страху ты раз
залез в рукавицу,
забыв, кто ты есть;
от страха чихать
и греметь ты не смел, —
не услышал бы Фьялар».

Тор сказал:
27 «Харбард срамной!
Я убил бы тебя,
да пролив мне помеха».

Харбард сказал:
28 «Что спешишь за пролив, —
я не в распре с тобой.
А что ты делал, Тор?»

[*Тор сказал:*]
29 «На востоке я был,
поток охранял,
со мною схватились
Сваранга дети;
камни кидали,
да нечем кичиться им —
первыми стали
мира просить.
А что ты делал, Харбард?»

Харбард сказал:
30 «На востоке я был,
беседовал с девой,
с белокурой я тешился,
тайно встречаясь,
одарял ее щедро, —
она отдалась мне».

Тор [*сказал:*]
31 «То встречи изрядные».

Харбард сказал:
32 «Ты мне бы помог
сохранить эту деву».

Тор [*сказал:*]
33 «Если ведал бы чем,
помог бы охотно».

Харбард сказал:
34 «Поверил бы я,
коль не ждал бы обмана».

[*Тор сказал:*]
35 «Не кусаю я пяток,
как старая обувь».

[*Харбард сказал:*]
36 «А что ты делал, Тор?»

Тор [*сказал:*]
37 «Я жен берсерков
на Хлесей разил;
они извели
волшбою народ».

Харбард [*сказал:*]
38 «Вот дело позорное —
жен истреблять».

Тор [*сказал:*]
39 «То были волчицы,
а вовсе не жены:
разбили мой струг,
на подпорках стоявший,
грозили дубинами
и Тьяльви прогнали.
А что ты делал, Харбард?»

[*Харбард сказал:*]
40 «Был я в дружине,
спешившей сюда
стяг битвы поднять
и копье окровавить».

Тор сказал:
41 «Ты о том говоришь,
чем хотел досадить нам!»

Харбард сказал:
42 «Кольцом я готов
тебе отплатить,
если нам помириться
посредники скажут».

Тор сказал:
43 «Ты где научился
речам глумливым?

Глумливее слов
не слыхал никогда я».

Харбард сказал:

44 «Я их перенял
у древних людей
из домашних курганов».

Тор сказал:

45 «Ты ладно придумал
могильные кучи
курганами звать».

Харбард сказал:

46 «Так придумать я вправе».

Тор сказал:

47 «Отплачу я тебе
за обидные речи,
пролив переплыв:
громче волка ты будешь
выть, коль ударю
молотом мощным!»

Харбард сказал:

48 «С любовником Сив
повстречайся в доме, —
важнее тебе
свершить этот подвиг!»

Тор сказал:

49 «Изрыгаешь ты все,
что в рот тебе лезет,
чтоб мне досадить,
воин трусливый!
Сдается, что врешь ты!»

Харбард сказал:

50 «Правду я молвил,
в пути ты мешкаешь,
был бы далеко,
челн захватив мой».

Тор сказал:

51 «Харбард срамной,
задержал ты меня!»

Харбард сказал:

52 «Я не думал, что станет
Асатбру помехой
в пути перевозчик».

Тор сказал:

53 «Слушай совет мой:
греби-ка сюда!
Брань прекратим,
переправь отца Магни!»

Харбард сказал:

54 «Переправы не жди,
уходи от пролива!»

Тор сказал:

55 «Как в обход мне идти,
коль везти ты не хочешь?»

Харбард сказал:

56 «Быстр был отказ мой,
твой путь будет долог:
до бревна ты дойдешь
и дальше — до камня,
влево возьми —
дойдешь ты до Верланда;
там с сыном Тором
встретится Фьёргюн,
она объяснит
путь в Одина земли,
дорогу к родне».

[*Тор*] *сказал:*

57 «Доберусь ли сегодня?»

[*Харбард*] *сказал:*

58 «На рассвете с трудом».

[*Тор*] *сказал:*

59 «Кратко скажу я
в ответ на глумленья:
тебе за отказ
отомщу при встрече!»

[*Харбард сказал:*]

60 «Да возьмут тебя тролли!»

ПЕСНЬ О ХЮМИРЕ

1 Раз боги с охоты
вернулись с добычей,
затеяли пир,
чтобы всласть насытиться;
прутья кидали,
глядели на кровь —
узнали, что вдоволь
котлов у Эгира.

2 Сидел житель гор,
как ребенок веселый,
похожий на сына
Мискорблинди,
грозно сын Игга
глядел на него:
«Пир асам обильный
ты должен устроить!»

3 Дал турсу задира
заботу немалую;
турс отомстить
порешил всем асам:
мужа Сив он котел
достать попросил,
«в котором я смог бы
сварить вам пиво».

4 Не ведали долго
боги великие,
где им найти
котел подходящий,
пока Тюр по дружбе
Тору не подал —
ему одному —
добрый совет.

5 «Живет на восток
от реки Эливагар
Хюмир премудрый
у края небес,
хранит мой отец
огромный котел,
котлище великий
с версту глубиной».

[*Тор сказал:*]

6 «Добудем ли мы
тот влаговаритель?»

[*Тюр сказал:*]

«Если дело хитро,
друг, поведем».

7 День целый быстро
из Асгарда ехали,
пока не достигли
Эгиля дома;
он в стойла козлов
круторогих поставил;
в палаты вошли,
во владенья Хюмира.

8 Ненавистную бабку
юноша встретил,
было у ней
девять сотен голов;
другая ж хозяйка
вся в золоте вышла,
светлобровая пиво
вынесла сыну.

[*Мать Тюра сказала:*]

9 «Ётуна родич!
Укрыть под котлом
хочу я обоих
вас, храбрецов;
злобен супруг мой
часто бывает
и скуп на еду,
принимая гостей».

10 Но поздно вернулся
распрей зачинщик,
Хюмир суровый,

домой с охоты;
в дом он вошел,
зазвенели льдины,
обмерз у вошедшего
лес на щеках.

[*Мать Тюра сказала:*]
11 «Будь, Хюмир, здоров
и духом весел!
Сын появился
в палатах твоих,
ждали его мы
из дальнего странствия.
Приехал с ним вместе
Хродра противник,
людям он друг;
прозывается Веор.

12 Видишь, сидят
у торцовой стены,
спрятались оба,
их столб заслоняет».
Турс посмотрел,
и надвое треснул
столб, но прежде
балка сломалась.

13 Восемь котлов
с перекладины рухнуло,
один не разбился,
он крепко был выкован.
Вышли они,
а древний ётун
врагов провожал
пристальным взором;

14 добра он не ждал,
в палате увидев
того, кто принес
великаншам горе.
Три были взяты
быка из стада,
ётун велел
к столу их готовить;

15 все три на голову
стали короче,
в яму сложили
печься их туши.
Прежде чем лечь,
муж Сив один
съел двух быков
Хюмира ётуна;

16 показался седому
приятелю Хрунгнира
Хлорриди ужин
очень хорошим.

[*Хюмир сказал:*]
«Вечером завтра
нам всем троим
придется уловом
нашим питаться».

17 Веор сказал,
что готов выйти в море,
если приманку
даст ему ётун.

[*Хюмир сказал:*]
«В стадо иди,
если смелости хватит,
приманки там есть,
турсов губитель!

18 Сдается мне так,
что в стаде быков
приманку для рыбы
легко ты добудешь».
Юноша быстро
в рощу пошел,
увидел он черного
в роще быка;

19 у быка оторвал
турсов губитель
высокую башню
крепких рогов.

[*Хюмир сказал:*]
«Стало не лучше
лодки хозяину,
чем если бы дома
мирно сидел ты».

20 Хозяин козлов
обезьяны родича
подальше просил
направить ладью;
но ётун сказал,
что не станет далеко
в открытое море
в ладье отплывать.

21 Вытащил храбрый
Хюмир китов,—
двух сразу взял
на одно удилище;
а на корме
Одина родич
Веор искусно
вил себе леску.

22 Насадил на крючок
защитник людей,
убийца змея,
голову бычью;
пасть разинул,
наживку увидя,
враждебный богам
пояс земли.

23 Тор-победитель
к борту ладьи
вытащил смело
пестрого змея,
молотом бить
стал он по мерзкой
вершине волос
родича Волка.

24 Взревели чудовища,
стали гудеть
подводные скалы,
земля содрогнулась,
канула снова
на дно эта рыба.
. . . .

25 Невесел был турс,
когда плыли назад;
Хюмир, гребя,
угрюмо молчал,
руль повернул он
в обратную сторону.

[*Хюмир сказал:*]
26 «Исполни работу
со мной пополам!
Китов донеси
до двора моего
или волн козла
привяжи покрепче!»

27 Хлорриди струг
ухватил за нос,
втащил коня моря,
воду не вычерпав;
с веслами вместе
снес он черпак
и вепрей прибоя
двух приволок
меж склонов лесистых
через долину.

28 И все-таки турс,
упорный во всем,
спор продолжал
о силе Тора:
молвил, что в море
может грести он,
но кубок разбить
будет не в силах.

29 И Хлорриди взял
кубок в ладони,
с силой метнул его
в каменный столб;

раздроблен был камень
кубком на части,
но без трещины кубок
вернулся к Хюмиру.

30 Тору подруга
прекрасная турса
добрый совет
подала, ей ведомый:
«В голову Хюмира
кубок метни!
Ётуна череп
крепче, чем кубок!»

31 Встал, колени согнув,
хозяин козлов,
всю силу аса
собрал и напряг он;
невредимой осталась
шлема основа,
а пива податель
разбился на части.

32 «С немалым сокровищем
я распростился,
кубок мой ценный
разбит на куски,—
ётун промолвил,—
как прежде бывало,
сказать не смогу:
ты сварено, пиво!

33 Я ставлю условием,
чтоб вы унесли
без чьей-либо помощи
пива корабль».
Дважды попробовал
Тюр его сдвинуть;
даже не дрогнул
ни разу котел.

34 Моди отец
взялся за край
и к двери пошел
через палату;
вскинул на голову
муж Сив котел:
забренчали о пятки
котельные кольца.

35 Недалеко отъехали.
Одина сын
оглянулся и видит:
из каменных груд
с Хюмиром вместе
с востока идет
войско могучее
многоголовых.

36 Сбросив тогда
тяжкий котел,—
поднял он Мьёлльнир,
смерть приносящий,
и лавы китов
всех перебил.

37 Недалеко отъехали,
вдруг полумертвый
упал на дорогу
Тора козел:
постромок скакун
охромел неожиданно;
Локи зловредный
в том был повинен.

38 Но, как вы слышали,—
каждый, кто знает
слова о богах,
об этом поведает, —
Тор получил
от жителя лавы
обоих детей,
чтоб утрату восполнить.

39 К асам на тинг
Тор возвратился,
котел он принес
Хюмира турса,
и асы теперь
каждую зиму
досыта пили
пиво у Эгира.

ПЕРЕБРАНКА ЛОКИ

Об Эгире и богах

Эгир, который иначе назывался Гюмир, наварил асам пива, когда получил огромный котел, о чем только что было рассказано. На этот пир пришли Один и Фригг, его жена. Тор не пришел, потому что он был в то время на востоке. Сив была там, жена Тора, Браги и Идун, жена его. Тюр был там, он был однорукий, Волк Фенрир откусил ему руку, когда Волка связывали. Там был Ньёрд и жена его Скади, Фрейр и Фрейя, Видар, сын Одина. Локи был там и слуги Фрейра — Бюггвир и Бейла. Много там было асов и альвов. У Эгира было двое слуг — Фимафенг и Эльдир. Светящееся золото освещало палату. Пиво само лилось в кубки. Все должны были соблюдать там мир. Гости с большой похвалой говорили, какие у Эгира хорошие слуги. Локи не стерпел этого и убил Фимафенга. Тогда асы стали потрясать щитами и кричать на Локи. Они прогнали его в лес, а сами сели пировать.

Локи вернулся и встретил Эльдира. Локи обратился к нему:

1 «Эльдир, ответь,
прежде чем ты
с места сойдешь:
о чем на пиру
за пивом хмельным
беседуют боги?»

Эльдир [*сказал:*]

2 «Об оружье своем,
о смелости в битвах
беседуют боги;
но никто из них другом
тебя не зовет —
ни асы, ни альвы».

Локи сказал:

3 «К Эгиру в дом —
войти я решил
и на пир посмотреть;
раздор и вражду
я им принесу,
разбавлю мед злобой».

Эльдир сказал:

4 «Если в палаты
войти ты решил,
на пир посмотреть
и асов забрызгать
грязной бранью —
об тебя ж оботрут ее».

Локи сказал:

5 «Знаешь ли, Эльдир,
если начнем мы
обидно браниться,
я ответами буду
богаче тебя,
если ты не замолкнешь».

После этого Локи вошел в палату. Но когда сидевшие внутри увидели, кто вошел, они все замолкли. Локи сказал:

6 «Я, Лофт, издалека,
жаждой томимый,
в палату пришел,
асов прошу я,
чтоб кто-нибудь подал
мне доброго меда.

7 Что ж вы молчите,
могучие боги,
что слова не скажете?
Пустите меня
на пиршество ваше
иль прочь прогоните!»

Бра[*ги сказал:*]
8 «Не пустят тебя
на пиршество наше
боги могучие;
ибо ведомо им,
кого надлежит
на пир приглашать».

[*Локи сказал:*]
9 «Один, когда-то —
помнишь ли? — кровь
мы смешали с тобою,—
сказал ты, что пива
пить не начнешь,
если мне не нальют».

[*Один сказал:*]
10 «Видар, ты встань,
пусть Волка отец
сядет за стол наш,
чтоб Локи не начал
бранить нечестиво
гостей в доме Эгира».

Тогда Видар встал и налил кубок Локи, но тот, прежде чем выпить, обратился к асам:

11 «Славьтесь, асы,
и асиньи, славьтесь,
могучие боги!
Одного я не стану
приветствовать — Браги,
что сел в середине».

[*Браги*] *сказал:*
12 «Меч и коня
тебе я вручу,
и кольцом откуплюсь я;
не начал бы только
ты ссор затевать;
бойся гнева богов!»

[*Локи*] *сказал:*
13 «Не дашь ты коня
и кольца ты не дашь:
посул твой напрасен;
из асов и альвов,
что здесь собрались,
ты самый трусливый
и схваток страшишься».

[*Браги*] *сказал:*
14 Когда бы не здесь,
не у Эгира в доме
с тобою сошлись мы,
своею рукой
твою голову снял бы
в отплату за ложь».

[*Локи*] *сказал:*
15 «Сидя ты храбр —
украшенье скамьи,—
но в битве беспомощен!

Смелость свою
покажи в сраженье!
Кто смел, тот не медлит».

[*Идун*] *сказала:*

16 «Браги, не надо
У Эгира в доме
ссориться с Локи;
уместны ли распри
среди сыновей
родных и приемных!»

[*Локи*] *сказал:*

17 «Ты, Идун, молчи!
До мужчин ты всех боле
из женщин жадна,
ведь руки твои
того обнимали,
кем брат твой убит».

[*Идун*] *сказала:*

18 «Локи я словом
не оскорбляла
у Эгира в доме:
я Браги смирить
хмельного старалась
и распрю пресечь».

[*Гевьон*] *сказала:*

19 «Зря вы, два аса,
друг друга язвите
речами бранчливыми:
ведает Лофт,
что слывет шутником
и любимцем богов».

[*Локи*] *сказал:*

20 «Ты, Гевьон, молчи!
О юнце я напомню,
тебя совратившем:
дарил он уборы
в обмен на твои
любовные ласки».

Один [*сказал:*]

21 «Безумен ты, Локи,
что дерзостно вздумал
Гевьон гневить:
ведь ей, как и мне,
открыты и ясны
судьбы всех сущих».

[*Локи*] *сказал:*

22 «Ты, Один, молчи!
Ты удачи в боях
не делил справедливо:
не воинам храбрым,
но трусам победу
нередко дарил ты».

[*Один*] *сказал:*

23 «Коль не воинам храбрым,
но трусам победу
нередко дарил я,
то ты под землей
сидел восемь зим,
доил там коров,
рожал там детей,
ты — муж женовидный».

[*Локи*] *сказал:*

24 «А ты, я слышал,
на острове Самсей
бил в барабан,
средь людей колдовал,
как делают ведьмы,—
ты — муж женовидный».

[*Фригг сказала:*]

25 «К чему говорить
о прежних делах,
о том, что свершали
вы, двое асов,
в давнее время;
что́ старое трогать!»

[*Локи сказал:*]

26 «Ты, Фригг, молчи!
Ты Фьёргюна дочь

и нравом распутна:
хоть муж тебе Видрир,
ты Вили и Ве
обнимала обоих».

[*Фригг сказала:*]

27 «Будь тут со мной
у Эгира в доме
Бальдру подобный,
ты б не покинул
пиршество асов
без схватки жестокой».

[*Локи сказал:*]

28 «Хочешь ты, Фригг,
дальше послушать
дерзкие речи:
из-за меня ведь
Бальдр не вернется
к тебе никогда».

[*Фрейя сказала:*]

29 «Безумен ты, Локи,
зачем о злодействах
рассказ ты завел:
все судьбы Фригг,
я думаю, знает,
хоть в тайне хранит их».

[*Локи сказал:*]

30 «Ты, Фрейя, молчи!
Тебя ль мне не знать;
ты тоже порочна:
всем ты любовь
свою отдавала —
всем асам и альвам».

[*Фрейя сказала:*]

31 «Лжив твой язык;
тебя он, я знаю,
к беде приведет:
разгневаны асы
и асиньи тоже,
понурым вернешься ты».

Локи [*сказал:*]

32 «Ты, Фрейя, молчи!
Ты, злобная ведьма,
погрязла в разврате:
не тебе ли пришлось —
пойманной с братом —
визжать с перепугу!»

Ньёрд [*сказал:*]

33 «Беды нет великой,
коль женщина делит
ложе с мужчиной,
хуже, что ас
женовидный, рожавший,
на пир наш пришел».

Локи [*сказал:*]

34 «Ты, Ньёрд, молчи!
Не ты ли богами
был послан заложником;
дочери Хюмира
в рот твой мочились,
как будто в корыто».

Ньёрд [*сказал:*]

35 «Пусть я далеко
заложником был,
но тем я утешен,
что сына родил я,—
дорог он всем,
он — первый из асов».

Локи [*сказал:*]

36 «Ньёрд, перестань!
Похваляться не смей!
Не стану скрывать я:
прижил ты сына
с сестрою родной,—
что может быть хуже!»

Тюр [*сказал:*]

37 «Фрейр самый лучший
в чертоге богов
воинственный всадник;

не обижал он
дев или жен,
отпускал полоненных».

Локи [*сказал:*]
38 «Ты, Тюр, молчи!
Мирить не умел ты
в распре врагов:
правую руку
твою помяну я,
что Фенрир отгрыз».

Тюр [*сказал:*]
39 «Я лишился руки,
а Хродрвитнир где твой!
Оба терпим потерю;
но тяжко и Волку
в цепях дожидаться
заката богов».

Локи [*сказал:*]
40 «Ты, Тюр, молчи!
От меня родила
жена твоя сына;
за бесчестье с тобой
я не расчелся —
стерпел ты, презренный!»

Фрейр [*сказал:*]
41 «Волк должен лежать
в устье реки
до кончины богов;
если ты не замолкнешь —
тотчас же будешь
закован, злодей!»

Локи [*сказал:*]
42 «Ты золото отдал
за Гюмира дочь
и меч свой в придачу;
чем драться ты будешь,
коль Муспелля дети
сквозь Мюрквид
поскачут?»

Бюггвир [*сказал:*]
43 «Был бы я равен
Ингунар-Фрейру
в чертоге счастливом,
я б растерзал,
разорвал бы я в клочья
ворону зловредную».

Локи [*сказал:*]
44 «Что там за мелочь
виляет хвостом,
пресмыкаясь пред
сильными?
Вечно подачек
ты просишь у Фрейра,
за жерновом ноя».

[*Бюггвир сказал:*]
45 «Бюггвир зовусь,
меж людей и богов
быстрым прослыл я;
почетно сидеть мне
с сынами Хрофта
на пиршестве пышном».

[*Локи сказал:*]
46 «Ты, Бюггвир, молчи!
Не умел никогда ты
пищу подать;
не ты ль под столами
в соломе скрывался
при каждом сраженье!»

[*Хеймдалль сказал:*]
47 «Ты, Локи, от пива
рассудка лишился;
замолкнешь ли, Локи?
Язык свой не в силах
тот обуздать,
кто не в меру напьется».

[*Локи сказал:*]
48 «Ты, Хеймдалль, молчи!
От начала времен
удел твой нелегок:
с мокрой спиной

на страже богов
неустанно стоишь ты».

[*Скади сказала:*]
49 «Локи, ты весел,
но будешь недолго
резвиться на воле,
ибо к скале тебя
сына кишками
боги привяжут».

[*Локи сказал:*]
50 «Если к скале меня
сына кишками
боги привяжут —
знай, что я первым
был и последним
в час гибели Тьяци».

[*Скади сказала:*]
51 «Если ты первым
был и последним
в час гибели Тьяци,
то в доме моем
всегда тебе будут
гибель готовить».

[*Локи сказал:*]
52 «Ласковей ты
призывала когда-то
Локи на ложе:
стоит то вспомнить,
коль начали счет мы
деяний недобрых».

Тогда вышла вперед Сив, налила Локи в хрустальный кубок меду и сказала:

53 «Привет тебе, Локи!
Кубок хрустальный
с медом прими
и меня на пиру
могучих богов
в речах не порочь!»

Он взял рог и выпил.

54 «Порочить не стал бы,
когда б ты и впрямь
была неприступной;
но знаю, с одним —
и мне ли не знать! —
изменила ты мужу,—
то был злобный Локи».

[*Бейла сказала:*]
55 «Горы дрожат,
то едет, я думаю,
Хлорриди грозный;
принудит молчать он
того, кто поносит
могучих богов».

[*Локи сказал:*]
56 «Ты, Бейла, молчи!
Ты, жена Бюггвира,
мрази вместилище;
выродок ты
меж богами великими,
скотница грязная!»

Тут вошел Тор и сказал:

57 «Мерзостный, смолкни!
Принудит к молчанью
тебя молот Мьёлльнир!
Скалу твоих плеч
с плеч я снесу,—
конец твой настанет».

[*Локи сказал:*]

58 «Вот и сын Ёрд
прибыл сюда:
что ж браниться ты начал?
Не будешь ты смелым,
с Волком сражаясь,
что Одина сгубит».

[*Тор сказал:*]

59 «Мерзостный, смолкни!
Принудит к молчанью
тебя молот Мьёлльнир!
Вверх я заброшу
тебя на восток,—
сгинешь совсем ты».

[*Локи сказал:*]

60 «Полно тебе
поминать о походах
твоих на восток,—
ты в рукавице
прятался там,
не опомнясь от страха».

[*Тор сказал:*]

61 «Мерзостный, смолкни!
Принудит к молчанью
тебя молот Мьёлльнир!
Правой рукой
на тебя я обрушу
Хрунгнира гибель».

[*Локи сказал:*]

62 «Еще доведется
долго мне жить,
угроз не страшусь я;
Скюрмира были
крепки ремни,
до еды не достать —
от голода гиб ты».

[*Тор сказал:*]

63 «Мерзостный, смолкни!
Принудит к молчанью
тебя молот Мьёлльнир!
Хрунгнира гибель
швырнет тебя в Хель
к воротам смерти».

[*Локи сказал:*]

64 «Я высказал асам,
я высказал асиньям
все, не таясь,
тебе ж уступлю
и отсюда уйду,—
ты станешь сражаться.

65 Пива ты, Эгир,
немало припас,
но напрасно старался:
пусть все, чем владеешь,
в пламени сгинет,
пусть опалит
огонь тебе спину!»

О Локи

После этого Локи, в образе лосося, спрятался в водопаде фьорда Франангр. Там асы поймали его. Он был связан кишками сына своего Нарви, а сын его Нарви превратился в волка. Скади взяла ядовитую змею и повесила ее над лицом Локи. Из змеи капал яд. Сигюн, жена Локи, сидела там и подставляла чашу под капающий яд. А когда чаша наполнялась, она ее выносила, и в это время яд из змеи капал на Локи. Тогда он корчился так сильно, что вся земля дрожала. Теперь это называется землетрясением.

1 Винг-Тор от сна
разъяренный встал;
увидел, что Мьёлльнир
молот пропал,
бородою взмахнул,
волосами затряс,
сын Ёрд повсюду
искать стал и шарить.

2 И речь он такую
повел сначала:
«Слушай-ка, Локи,
тебе я скажу
то, что не знают
ни на земле,
ни в поднéбесье:
похищен мой молот!»

3 Пошли они к дому
Фрейи прекрасному,
и речь он такую
повел сначала:
«Фрейя, не дашь ли
наряд свой из перьев,
чтоб я свой молот
мог бы сыскать?»

Фрейя сказала:

4 «Отдала бы его,
будь золотым он;
ссудила б его,
будь он серебряным».

5 Полетел тогда Локи —
шумели перья,—
умчался он прочь
от жилища асов,
примчался он в край,
где ётуны жили.

6 Трюм на кургане
сидел, князь турсов,
ошейники псам
из золота плел он
и гривы коням
густые приглаживал.

Трюм сказал:

7 «Что там у асов?
Что там у альвов?
Зачем ты один
в Ётунхейм прибыл?»

[*Локи сказал:*]

«Неладно у асов!
Неладно у альвов!
Не ты ли запрятал
Хлорриди молот?»

[*Трюм сказал:*]

8 «Да, я запрятал
Хлорриди молот
на восемь поприщ
в землю глубоко;
никто не возьмет
молот обратно,
разве что Фрейю
в жены дадут мне».

9 Полетел тогда Локи,—
шумели перья,—
умчался из края,
где ётуны жили,
примчался назад
к жилищу асов.
Тор его встретил
среди строений,
и речь он такую
повел сначала:

10 «Успешны ли были
молота поиски?
Прежде чем сел ты,
скорее поведай!

Бывает, кто сядет,
весть позабудет,
тот же, кто ляжет,
лгать начинает».

[*Локи сказал:*]

11 «Успешными были
молота поиски:
у Трюма он спрятан,
у конунга турсов;
никто не возьмет
молот обратно,
разве что Фрейю
в жены дадут ему».

12 Отправились оба
к Фрейе прекрасной,
и речь он такую
повел сначала:
«Брачный убор,
Фрейя, надень!
В Ётунхейм мы
поедем вдвоем».

13 Разгневалась Фрейя,
зафыркала так,
что затряслись
асов палаты,
с нее сорвалось
ожерелье Брисингов:
«Меня бы распутной
назвать пристало,
коль в Ётунхейм я
поеду с тобою!»

14 Тотчас собрались
все асы на тинг
и асиньи все
сошлись на совет,
о том совещались
сильные боги,
как им вернуть
Хлорриди молот.

15 Хеймдалль сказал,
светлейший из асов, —
ванам подобно
судьбу он провидел:
«Тору наденем
брачный убор!
Украсим его
ожерельем Брисингов!

16 Связка ключей
бренчать будет сзади,
женская скроет
колени одежда,
камней драгоценных
на грудь нацепим,
голову пышным
убором накроем!»

17 Тор отвечал,
отважнейший ас:
«Меня назовут
женовидным асы,
если наряд я
брачный надену!»

18 Локи сказал,
рожденный Лаувейей:
«Тор, ты напрасно
об этом толкуешь!
Асгард захватят
ётуны тотчас,
если свой молот
не сможешь вернуть».

19 Тору надели
брачный убор,
украсили грудь
ожерельем Брисингов,
связка ключей
забренчала сзади,
женская скрыла
колени одежда,
камней дорогих
на грудь нацепили,

голову пышным
убором накрыли.

20 Локи сказал,
рожденный Лаувейей:
«Буду тебе я
служанкой доброй,
вместе поедем
с тобою в Ётунхейм!»

21 Пригнали козлов
к дому поспешно
и тотчас впрягли их
для резвого бега.
Горела земля,
рушились горы:
в Ётунхейм ехал
Одина сын.

22 Сказал тогда Трюм,
ётунов конунг:
«Скорей застилайте,
ётуны, скамьи!
Фрейю везут мне,
невесту прекрасную,
Ньёрдом рожденную
из Ноатуна!

23 Коровы тут ходят
золоторогие,
черных быков
немало у турса;
вдоволь сокровищ,
вдоволь каменьев,
только мне Фрейи
одной не хватало».

24 Путники вечером
рано приехали;
ётунам пиво
подано было.
Гость съел быка
и восемь лососей
и лакомства съел,
что для жен припасли,
и три бочки меду
Тор опростал.

25 Сказал тогда Трюм,
ётунов конунг:
«Где виданы девы,
жаднее жевавшие?
Не знал я невест,
наедавшихся так,
и дев, что по стольку
пива глотали!»

26 Рядом сидела
служанка разумная,
слово в ответ
ётуну молвила:
«Восемь ночей
не ела Фрейя,
так не терпелось ей
к турсам приехать».

27 Откинул покров,
поцелуй дать хотел,
но прочь отпрянул
оторопело:
«Что так у Фрейи
сверкают глаза?
Пламя из них
ярое пышет!»

28 Рядом сидела
служанка разумная,
слово в ответ
ётуну молвила:
«Восемь ночей
без сна была Фрейя,
так не терпелось ей
к турсам приехать».

29 Вошла тут проклятая
турсов сестра,
стала просить
даров у невесты:

«Дай мне запястья,
червонные кольца,
коль добиваешься
дружбы моей,
дружбы моей
и приязни доброй».

30 Сказал тогда Трюм,
ётунов конунг:
«Скорей принесите
молот сюда!
На колени невесте
Мьёлльнир кладите!
Пусть Вар десница
союз осенит!»

31 У Хлорриди дух
рассмеялся в груди,
когда могучий
свой молот увидел;
пал первым Трюм,
ётунов конунг,
и род исполинов
был весь истреблен.

32 Убил он старуху,
турсов сестру,
что дары у невесты
раньше просила:
вместо даров
ей удары достались,
вместо колец
колотил ее молот.
Так Тор завладел
молотом снова.

РЕЧИ АЛЬВИСА

[*Альвис сказал:*]
1 «Скамьи готовят,
домой собираться
не время ль невесте?
Всякий решит —
сватовство торопил я;
вернуться пора нам!»

[*Тор сказал:*]
2 «Что за пришелец?
Что бледен твой лик?
Не спал ли ты с трупом?
Ты с великанами
сходен обличьем,—
в мужья не годишься!»

[*Альвис сказал:*]
3 «Альвис зовусь,
под землей я живу,
и дом мой под камнем;
к Возничему ныне
я в гости пришел;
надо слово держать!»

[*Тор сказал:*]
4 «Не соблюдешь ты
слово свое,—
отец я невесты.
Не был я в пору
сговора дома
и не дал согласья».

[*Альвис сказал:*]
5 «Кто этот воин,
который невесте
запретом грозит?
Кто здесь, бродяга,
знает тебя?
Кто твой дурень-отец?»

[*Тор сказал:*]
6 «Винг-Тор зовусь я,
пришел издалека,
я Сидграни сын.
Против воли моей
деву возьмешь ты
и в брак с нею вступишь».

[*Альвис сказал:*]
7 «Хочу обещанье
твое получить
и согласье на свадьбу;
белоснежную деву
в жены возьму,
или жизнь не нужна мне».

[*Тор сказал:*]
8 «Девы любовь
будет с тобой,
мой гость многомудрый,
если ты сможешь
о каждом мире
поведать мне правду.

9 Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
названьем каким
зовется земля
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
10 «Землей — у людей
и Долом — у асов,
Путями — у ванов,
Зеленой — у турсов,
Родящей — у альвов,
у богов она — Влажная».

[*Тор сказал:*]
11 «Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
названьем каким
небо зовется
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
12 «У людей это — Небо,
а Твердь — у богов,
Ткач Ветра — у ванов,
Верх Мира — у турсов
и Кровля — у альвов,
Дом Влажный — у карликов».

[*Тор сказал:*]
13 «Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
как месяц зовется,
что люди видят,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
14 «Месяц он у людей,
Луна — у богов,
а в Хель — Колесо,
у карликов — Светоч,
Спешащий — у турсов,
у альвов — Счет Лет».

[*Тор сказал:*]
15 «Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
как солнце зовется,
что люди видят,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
16 «Солнцем люди зовут,
а боги — Светилом,
Друг Двалина— карлики,
турсы — Пылающим,
Ободом — альвы
и асы — Пресветлым».

[*Тор сказал:*]
17 «Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
как тучу зовут,
что дождь проливает,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
18 «Тучей — люди, а боги —
Надеждой на Дождь,
ваны — Ветром Гонимой,
альвы — Мощь Ветра,
Влажною — турсы,
в Хель — Шлем-
Невидимка».

[*Тор сказал:*]
19 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как ветер зовут,
что дальше всех носится,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
20 «Люди Ветром зовут,
а боги — Летящим,
он Ржущий у асов,
Ревущий — у турсов,
Шумящий — у альвов,
а в Хель он Порывистый».

[*Тор сказал:*]
21 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как называть
привыкли затишье
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
22 «Люди — Затишьем,
Спокойствием — боги,
ваны — Безветрием,
ётуны — Зноем,
Тишью Дня — альвы,
Покоем Дня — карлики».

[*Тор сказал:*]
23 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как море зовут,
струги несущее,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
24 «Люди Морем зовут,
а Водами — боги,
Волнами — ваны,
Влагою — альвы,
Дом Угря — великаны,
а карлики — Глубью».

[*Тор сказал:*]
25 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как зовется огонь,
что горит пред людьми,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
26 «Огнем — у людей,
Жаром — у асов,
у ванов — Бушующим,
Жадным — у турсов,
Жгущим — у карликов,
в Хель он Стремительный».

[*Тор сказал:*]
27 «Альвис, скажи мне, —
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь, —
как лес зовется,
что вырастает,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]
28 «Он Лес у людей,
у богов — Грива Поля,
в Хель — Поросль
Склонов,
Дрова он у турсов,
у альвов — Ветвистый,
у ванов он Прутья».

[*Тор сказал:*]

29 «Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
как имя ночи,
дочери Нёра,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]

30 «Ночь — у людей,
Мгла — у богов,
Покров — у божеств,
у ётунов — Тьма,
у альвов — Сна Радость,
Грёзы Ньёрун —
у карликов».

[*Тор сказал:*]

31 «Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
как нивы зовутся,
где зерна посеяны,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]

32 «Ячмень — у людей,
Злак — у богов,
Всходы — у ванов,
у ётунов — Хлеб,
и Солод — у альвов,
а в Хель то — Поникшее».

[*Тор сказал:*]

33 «Альвис, скажи мне,—
про все, что есть в мире,
наверно, ты знаешь,—
как пиво зовется,
напиток людей,
в разных мирах».

[*Альвис сказал:*]

34 «Пивом люди зовут,
а Брагою — асы,
ваны — Пьянящим,
в Хель Мёдом зовут,
Чистой Влагою — турсы,
Питьем — сыны Суттунга».

[*Тор сказал:*]

35 «Чья еще грудь
вместила бы столько
сведений древних!
Но хитростью мощной
тебя обманул я:
ты в доме застигнут
солнечным светом!»

ПЕСНИ О ГЕРОЯХ

ПЕСНЬ О ВЁЛУНДЕ

О Вёлунде

Жил конунг в Свитьоде, звали его Нидуд. Двое сыновей было у него и дочь по имени Бёдвильд.

Жили три брата — сыновья конунга финнов,— одного звали Слагфид, другого Эгиль, третьего Вёлунд. Они ходили на лыжах и охотились. Пришли они в Ульвдалир и построили себе дом. Есть там озеро, зовется оно Ульвсъяр. Рано утром увидели они на берегу озера трех женщин, которые пряли лен, а около них лежали их лебяжьи одежды,— это были валькирии. Две из них были дочери конунга Хлёдвера: Хладгуд Лебяжьебелая и Хервёр Чудесная, а третья была Эльрун, дочь Кьяра из Валланда. Братья увели их с собой, Эгиль взял в жены Эльрун, Слягфид — Лебяжьебелую, а Вёлунд — Чудесную. Так они прожили семь зим. Потом валькирии умчались в битвы и не возвратились. Тогда Эгиль отправился искать Эльрун, Слагфид пошел на поиски Лебяжьебелой. А Вёлунд остался в Ульвдалире. Он был искуснейшим человеком среди всех людей, известных нам из древних сказаний. Конунг Нидуд велел схватить его, как здесь об этом рассказано.

О Вёлунде и Нидуде

1 С юга летели
над лесом дремучим
девы-валькирии,
битв искавшие;
остановились
на отдых у озера,
лен драгоценный
начали прясть.

2 Первая дева,—
нет ее краше,—
на плечи Эгилю
руки вскинула;
Сванхвит вторая,
в одежде белой
из перьев лебяжьих;
а третья сестра
Вёлунда шею
рукой обвила.

3 Семь протекло
зим спокойных,
а на восьмую
тоска взяла их,
а на девятой
пришлось расстаться;
прочь устремились
в чащу леса
девы-валькирии,
битв искавшие.

4 Вернулись с охоты
стрелок зоркоглазый,
Слагфид и Эгиль
в дом опустелый,
бродили, искали,
вокруг озираясь.
За Эльрун к востоку
Эгиль на лыжах
и Слагфид на юг
за Сванхвит помчались.

5 А Вёлунд один,
в Ульвдалире сидя,
каменья вправлять стал
в красное золото,
кольца, как змеи,
искусно сплетал он;
все поджидал —
вернется ли светлая?
Жена возвратится ли
снова к нему?

6 Ньяров владыка,
Нидуд проведал,
что Вёлунд один
остался в Ульвдалире.
В кольчугах воины
ночью поехали,
под ущербной луной
щиты их блестели.

7 С седел сойдя
у двери жилища,
внутрь проникли,
прошли по дому.
Видят — на лыке
кольца подвешены,—
было семьсот их
у этого воина.

8 Стали снимать их
и снова нанизывать,
только одно
кольцо утаили.
Вёлунд пришел,
стрелок зоркоглазый,
из дальних мест
с охоты вернулся;

9 мясо зажарить
медвежье хотел он;
горела как хворост
сосна сухая,—
высушил Вёлунду
ветер дрова.

10 Сидя на шкуре,
кольца считал
альвов властитель,—
нет одного —
подумал: взяла его,
в дом возвратясь,
Хлёдвера дочь,
валькирия юная.

11 Долго сидел,
наконец заснул.
Проснулся и видит —
беда стряслась:
крепкой веревкой
руки связаны,
стянуты ноги
путами тесными.

[*Вёлунд сказал:*]
12 «Чьи это воины
здесь появились?
кто меня накрепко
лыком связал?»

13 Ньяров владыка,
Нидуд крикнул:
«Откуда ж ты, Вёлунд,
альвов властитель,
в краю этом мог
добыть наше золото?»

[*Вёлунд сказал:*]
14 «Грани поклажи
здесь ты не встретишь,—
Рейна холмы
отселе далеко.
Помню я: больше
было сокровищ
в дни, когда вместе
жили мы, родичи:

15 Хладгуд и Хервёр,
Хлёдвера дочери,
и Кьяра дочь
красавица Эльрун».

16 В дом войдя,
прошла вдоль палаты,
стала и молвила
голосом тихим:
«Из леса идущий
другом не станет».

Конунг Нидуд отдал дочери своей Бёдвильд золотое кольцо, которое он снял с лыковой веревки у Вёлунда, а сам он стал носить меч Вёлунда. Тогда жена Нидуда сказала:

17 «Увидит ли меч он,
кольцо ли у Бёдвильд —
зубы свои
злобно он скалит:
глаза у него
горят, как драконьи;
скорей подрежьте
ему сухожилья,—
пусть он сидит
на острове Северстёд!»

Так и было сделано: ему подрезали сухожилья под коленями и оставили его на острове, что был недалеко от берега и назывался Северстёд. Там он ковал конунгу всевозможные драгоценности. Никто не смел посещать его, кроме конунга. Вёлунд сказал:

18 «На поясе Нидуда
меч мой сверкает,
его наточил я
как можно острее
и закалил
как можно крепче;

мой меч навсегда
от меня унесли,
не быть ему больше
в кузнице Вёлунда;

19 вот и у Бёдвильд
кольцо золотое
жены моей юной...
Как отмстить мне!»

20 Сон позабыв,
молотом бил он —
хитрую штуку
готовил Нидуду.
Двое сынов
Нидуда вздумали
взглянуть на сокровища
острова Севарстёд.

21 К ларю подошли,
ключи спросили,—
коварство их здесь
подстерегало;
много сокровищ
увидели юноши,—
красного золота
и украшений.

[*Вёлунд сказал:*]

22 «В другой раз еще
вдвоем приходите,—
золото это
полу́чите оба!
Только молчите:
ни челядь, ни девы
пусть не знают,
что здесь вы были!»

23 Вскоре позвал
юноша брата:
«Брат, пойдем
посмотрим сокровища!»
К ларю подошли,
ключи спросили,—
коварство их здесь
подстерегало.

24 Головы прочь
отрезал обоим
и под меха
ноги их сунул;
из черепов
чаши он сделал,
вковал в серебро,
послал их Нидуду.

25 Ясных глаз
яхонты яркие
мудрой отправил
супруге Нидуда;
зубы обоих
взял и для Бёдвильд
нагрудные пряжки
сделал из них.

26 Бёдвильд пришла
с кольцом поврежденным,
его показала:
«Ты ведь один
в этом поможешь».

Вёлунд сказал:

27 «Так я исправлю
трещину в золоте,
что даже отец
доволен будет;
больше еще
понравится матери,
да и тебе
по душе придется».

28 Пива принес ей,
хитрец, и взял ее,
и на скамье
дева уснула.
«Вот отомстил я
за все обиды,
кроме одной
и самой тяжелой».

29 Вёлунд сказал:
«Теперь взлечу я
на крыльях, что отняли
воины Нидуда!»
Вёлунд, смеясь,
поднялся на воздух;
Бёдвильд, рыдая,
остров покинула:
скорбела о милом,
отца страшилась.

30 У дома стоит
жена его мудрая,
в дом войдя,
прошла вдоль палаты;
а он на ограду
сел отдохнуть:
«Спишь ли, Нидуд,
Ньяров владыка?»

31 «Нет, я не сплю,—
горе томит меня,
до сна ли теперь,—
сынов я лишился;
губительны были
твои советы!
Сказать бы хотел
Вёлунду слово.

32 Молви мне, Вёлунд,
альвов властитель,
как ты сгубил
сынов моих юных?»

[*Вёлунд сказал:*]
33 «Сперва поклянись мне
крепкой клятвой,
бортом ладьи
и краем щита,
конским хребтом
и сталью меча,
что не сгубил ты
супруги Вёлунда,
что не был убийцей
жены моей милой;
другую жену
мою ты знаешь,—
дитя родит она
в доме твоем!

34 В кузню пойди,—
ты сам ее строил,
кожу с голов
найдешь там кровавую;
головы напрочь
сынам я отрезал
и под меха
ноги их сунул.

35 Из черепов
чаши я сделал,
вковал в серебро
и Нидуду выслал;
ясных глаз
яхонты светлые
мудрой отправил
супруге Нидуда;

36 а из зубов
нагрудные пряжки
я изготовил
и Бёдвильд послал их.
Бёдвильд теперь
беременной стала,
ваша дочь,
вами рожденная».

[*Нидуд сказал:*]
37 «Горше сло́ва
сказать не мог ты,
не было б слово
другое больнее!
Кто же, могучий,
тебя одолеет!
Кто же стрелой
пронзить тебя сможет,
когда ты пари́шь
высоко в небе!»

38 Вёлунд, смеясь,
поднялся в воздух.
Нидуд в горе
один остался.

[*Нидуд сказал:*]

39 «Такрад, вставай,
раб мой лучший,
Бёдвильд зови,
светлоокую деву,
пусть придет,
с отцом побеседует.

40 Правду ли, Бёдвильд,
поведали мне,—
была ли ты с Вёлундом
вместе на острове?»

[*Бёдвильд сказала:*]

41 «Правду тебе,
Нидуд, сказали:
с Вёлундом я
была на острове,
лучше б не знать мне
этого часа!
Я не смогла
противиться силе,
я не смогла
себя защитить!»

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ УБИЙЦЕ ХУНДИНГА

Здесь начинается Песнь о Хельги, убийце Хундинга и Хёдбродда.

Песнь о Вёльсунгах

1 В давние дни
орлы клекотали,
падали воды
со склонов Химинфьёлль;
Хельги тогда,
духом великий,
Боргхильд сын
родился в Бралунде.

2 Ночь была в доме,
норны явились
судьбу предрекать
властителю юному;
судили, что он
будет прославлен,
лучшим из конунгов
прозван будет.

3 Так нить судьбы
пряли усердно,
что содрогались
в Бралунде стены;
нить золотую
свили и к небу —
к палатам луны —
ее привязали.

4 На восток и на запад
концы протянули,
конунга земли
нитью отметили;
к северу бросила
Нери сестра
нить, во владенье
север отдав ему.

5 Горе одно
у славного Ильвинга
и юной жены,
радость родившей:

ворон голодный
каркнул ворону
с ветви высокой:
«Вести узнал я!

6 Сигмунда сын
в кольчуге стоит;
день лишь ему,
но время приспело!
Взор его зорок —
взор воителя,
друг он волкам,
будет нам праздник!»

7 Дружина судила —
витязем станет,
доброе время
настало для воинов;
вождь приехал,
битву покинув,
лук благородный
герою вручил он.

8 Имя дал Хельги
и земли: Хрингстадир,
Сольфьёлль, и Снефьёлль,
и Сигарсвеллир,
Хрингстёд, Хатун
и Химинвангар —
и крови змею
брату Синфьётли.

9 Начал расти
на радость друзьям
вяз благородный,
радости свет;
щедро давал он
верной дружине
жаркое золото,
кровью добытое.

10 Вождь недолго
с войною медлил,
пятнадцать зим
исполнилось князю,
когда убил он
Хундинга храброго,
властителя многих
земель и людей.

11 Виры тогда
требовать стали
Хундинга родичи
у сына Сигмунда;
конунгу месть
замышляли они
за смерть отца
и все, что он отнял.

12 Не дал конунг
выкупа родичам,
не заплатил
за убийство виры;
молвил, что ждет
бури великой,
копий железных
и ярости Одина.

13 Спешат бойцы
на сходку мечей,
быть ей — решили —
у склонов Логафьёлль;
кончен мир Фроди,
рыщут по острову
Видрира псы,
трупов алкая.

14 Князь отдыхал
под Камнем Орлиным
после убийства
Альва и Эйольва,
Хьёрварда с Хавардом —
Хундинга племя;
род изничтожил он
Мимира копий.

15 Вдруг лучи
блеснули у Логафьёлль,
прянули молнии,
ярко сверкавшие:
девы в шлемах
с просторов небесных
мчались в кольчугах,
обрызганных кровью,
свет излучали
копья валькирий.

16 Рано в лесу,
волчьем жилище,
конунг спросил
у дев валькирий,
с бойцами они
домой не поедут ли
нынче ночью;
а битва гремела.

17 С коня наклонясь,
Сигрун валькирия
конунгу молвила
(битва утихла):
«Есть и другие
у дев заботы,
чем пиво пить
с конунгом щедрым.

18 Дочь отдать
обещал отец мой
грозному воину,
Гранмара сыну;
о Хёдбродде я
тебе говорю,
о конунге злом,
отродье кошачьем.

19 Близится время —
конунг придет,
коль место битвы
ему не укажешь
иль не отнимешь
деву у князя».

20 «Убийцу Исунга,
дева, не бойся!
Мечи загремят,
коль буду живым я!»

21 Гонцов послал
оттуда властитель
по суше, по водам
скликать на битву,
щедро сулил
моря сверканье
воинам сильным
и сыновьям их.

[*Хельги сказал:*]
22 «Велите скорей
идти к кораблям,
чтобы отплыть
от острова Брандей!»
Там поджидал
конунг прибытья
рати несметной
с острова Хединсей.

23 От тех берегов,
от мыса Ставнснес,
вышли ладьи его,
золотом убраны;
Хельги тогда
спросил у Хьёрлейва:
«Видел ли ты
властителя дерзкого?»

24 Ответил ему
юноша конунг,
что их и не счесть —
у мыса Трёноейр —
драконоголовых
ладей с дружиной,
что выплывали
из Эрвасунда.

25 «Двенадцать сотен
верных мужей,
а вдвое больше
воинов в Хатуне —
вот князя войско,—
близится битва!»

26 Хельги сорвал
шатер на носу
так, что дружина
от сна пробудилась;
воины видят —
рассвет наступил,—
проворно они
паруса расшитые
начали ставить
в Варинсфьорде.

27 Шумели весла,
железо звенело,
гремели щиты,
викинги плыли;
мчалась стремительно
стая ладей,
несла дружину
в открытое море.

28 Грохот вставал,
когда налетали
сестры Кольги
на длинные кили,
как будто прибой
разбивался о скалы.

29 Выше велел
воинам Хельги
поднять паруса,
на смелых пловцов
рушились волны,
Эгира дочь
опрокинуть пыталась
моря коней.

30 Сигрун дружину
оберегала,
валькирия смелая;
стремилась ладья
от Ран ускользнуть,—
из рук ее рвался
моря олень
близ Гнипалунда.

31 Вечер настал,
в залив Унавагар
входили ладьи
в убранстве ярком,
смотрели на них
со склона Сваринсхауг,
скорбя, озирали
вражью дружину.

32 Тогда спросил
благородный Гудмунд:
«Кто этот вождь,
с дружиной плывущий?
Чьи рати сюда
к берегу правят?»

33 Синфьётли крикнул,
вздернув на мачту
щит червленый
с каймой золотою;
стражем он был,
в спорах искусным,
который героям
умел ответить!

34 «Вечером скажешь,
скликая свиней
и псов собирая,
чтоб корм раздать им,—
Ильвинги славные,
битвы взалкав,
с востока пришли
из Гнипалунда!

35 Там Хёдбродд найдет
конунга Хельги,

что бегства в бою
никогда не ведал,
нередко в битвах
орлов насыщал он,
пока ты дома
рабынь целовал».

[*Гудмунд сказал:*]
36 «Князь, позабыл ты
древние саги,
если героев
встречаешь бранью!
Лакомство волчье —
падаль — глотал ты,
брата убийцей
был твоего,
всем ненавистный,
в груде камней
ползал ты, корчась,
и раны зализывал!»

[*Синфьётли сказал:*]
37 «Колдуньей ты был
на острове Варинсей,
как злобная баба
ложь ты выдумывал;
говорил, что не хочешь
мужей в кольчугах,
что один лишь тебе
Синфьётли нужен!

38 Ведьмой ты был,
злобной валькирией,
ты восставал,
дерзкий, на Одина;
Вальгаллы жители
распрю затеяли,
баба коварная,
из-за тебя!

39 Девять волков
на мысе Саго
мы с тобой вывели,—
был я отцом им!»

[*Гудмунд сказал:*]
40 «Не был отцом ты
волков свирепых,
не был им старшим:
коль не забыл я,
тебя оскопили
у Гнипалунда
турсов дочери
на мысе Торснес!

41 Валялся в лесу ты,
пасынок Сиггейра,
слушая волчьи
знакомые песни;
все на тебя
обрушились беды,
когда ты вонзил
в брата свой меч,
когда злодейством
себя прославил!»

[*Синфьётли сказал:*]
42 «Был ты на Бравеллир
Грани женою,
взнузданным был ты,
к бегу готовым,
я на тебе,
усталом и тощем,
немало скакал
по горным склонам!

43 Был ты в те дни
юнцом бесчестным,
когда у Голльнира
коз выдаивал,
потом оборванкой,
дочерью Имд,
был ты однажды;
что мне ответишь?»

[*Гудмунд сказал:*]
44 «Дай мне раньше
у Волчьего Камня

трупом твоим
воронье насытить,
чем псов и свиней
твоих накормить;
пусть боги тебя
покарают, как должно!»

[*Хельги сказал:*]

45 «Не лучше ли было б
тебе, Синфьётли,
битву вести
орлам на радость,
чем попусту речи
бросать на ветер,
хотя друг друга
вожди ненавидят?

46 Плохи, сдается мне,
Гранмара дети,
хотя о героях
лгать не годится,—
они показали
при Моинсхеймар,
что славно умеют
мечами разить».

47 Погнали коней,
помчались до Сольхейма,
Свипуд и Свейгьод
их уносили
по склонам росистым
в темные долы,
дрожала земля
от бега коней.

48 У самых ворот
встретили воинов,
сказали, что князь
вражеский близко.
Был тут Хёдбродд
в шлеме железном,—
всадников видя,
так он подумал:
«Что это нынче
не веселы Хнифлунги?»

[*Гудмунд сказал:*]

49 «К берегу правят
ладьи боевые,
моря олени,—
длинные реи,
гладкие весла;
щитов там сотни,—
то войско морское,
веселы Ильвинги.

50 Пятнадцать дружин
сходят на берег,
еще семь тысяч
осталось в Согне;
у Гнипалунда
в гавани стали
ладьи черно-синие
в убранстве из золота.
Где еще было
столько их видно!
Хельги не станет
медлить с битвой».

[*Хёдбродд сказал:*]

51 «Пусть кони мчатся
на тинг великий
и скачет Спорвитнир
к Спаринсхейд,
а Мельнир и Мюльнир
до чащи Мюрквид;
пусть не отстанет
никто из воинов,
из тех, чьи мечи
наносят удары!

52 Хёгни зовите
и Хринга сынов,
Ингви и Атли,
старого Альва,—
жаждут они
в битве сразиться;
Вёльсунгов рати
мы разобьем!»

53 Вместе сошлись,
яростно сшиблись
стальные клинки
у Волчьего Камня;
Хельги, убивший
Хундинга в битве,
первым в бою был,
где б ни сражались,
рвался вперед он,
страха не ведал;
желудь духа
княжий был крепок.

54 Ринулись с неба
валькирии в шлемах
князю на помощь,
бой разгорался;
молвила Сигрун —
летали валькирии,
волк пожирал
ворона пищу:

55 «Будешь ты править
долго и счастливо,
конунг достойный,
Ингви потомок;
ты ведь сразил
храброго князя,—
был он убийцей
страх порождавшего.

56 Отныне, властитель,
твои по праву
кольца из золота,
знатная дева;
будешь владеть
долгие годы
дочерью Хёгни
и Хрингстадиром
и многими землями;
кончена битва!»

ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ СЫНЕ ХЬЁРВАРДА

О Хьёрварде и Сигрлинн

Конунга звали Хьёрвард. Было у него четыре жены. Одну звали Альвхильд, сын их звался Хедин. Другую звали Серейд, их сын прозывался Хумлунг. Третья была Синриод, и у них был сын Хюмлинг. Конунг Хьёрвард дал обет жениться на самой красивой женщине. Он узнал, что у конунга Свафнира есть дочь, которая всех прекраснее. Звали ее Сигрлинн.

Идмундом звали его ярла. У него был сын Атли. Он поехал сватать Сигрлинн от имени конунга. Он прожил зиму у конунга Свафнира. Ярла, который воспитывал Сигрлинн, звали Франмаром. У него была дочь по имени Алёв. Ярл дал совет отказать Хьёрварду. И Атли уехал домой.

Атли, сын ярла, стоял однажды у какой-то рощи, а над ним в ветвях сидела птица. Она слышала, что его люди жен Хьёрварда называют красивейшими женщинами. Птица защебетала, и Атли стал слушать ее. Птица сказала:

1 «Сигрлинн ты видел ли,
Свафнира дочь?
Нет ее краше
в целой вселенной!
Хоть и красивей
Хьёрварда жены
воинам кажутся
в Глясислунде».

Атли сказал:

2 «Мудрая птица,
будешь ли дальше
беседовать с Атли,
Идмунда сыном?»

Птица сказала:

«Буду, коль жертву
князь принесет мне;
сама ее выберу
у конунга в доме».

Атли сказал:

3 «Только не выбери
Хьёрварда князя,
ни его сыновей,
ни жен прекрасных,
жен, которыми
конунг владеет.
Торг будет честный,—
то дружбы обычай!»

Птица сказала:

4 «Выберу храм,
возьму алтари
и коров златорогих
из княжьего стада,
коль Сигрлинн будет
на ложе князя,
если за ним
последует всюду».

Это было до того, как Атли поехал. А когда он вернулся и конунг спросил его, какие вести,— он ответил:

5 «Наши старанья
даром пропали:
кони погибли
в горах высоких,
перебирались мы
вброд через Семорн;
а сватовство
к Свафнира дочери
в пышных уборах
не удалось нам».

Конунг велел им поехать во второй раз и сам поехал с ними. А когда они поднялись на гору, то увидели повсюду в Сваваланде пожары и большие клубы пыли от скачущих коней. Конунг спустился с горы и остановился на ночь у одной речки. Атли остался на страже. Он перешел речку и увидел дом. Большая птица сидела на доме, она сторожила его и заснула. Атли метнул копье в птицу и убил ее. А в доме он нашел Сигрлинн, дочь конунга, и Алёв, дочь ярла, и увез обеих. Это ярл Франмар обратился в орла и защищал их от воинов колдовством.

Звали Хродмаром конунга, который сватался к Сигрлинн. Он убил конунга свавов, а страну разграбил и пожег.

Конунг Хьёрвард женился на Сигрлинн, а Атли — на Алёв.

У Хьёрварда и Сигрлинн был сын, высокий и красивый. Он был молчалив. У него не было имени. Однажды он сидел на кургане и увидел, что скачут девять валькирий, и одна из них была самой статной. Она сказала:

6 «Поздно ты, Хельги,
воин могучий,
казной завладеешь
и Рёдульсвеллиром,—
орел кричит рано,—
коль будешь молчать,
пусть даже мужество,
князь, покажешь».

[*Хельги*] *сказал:*

7 «Светлая дева,
что дашь в придачу,
коль имя Хельги
ты дать мне властна!
О том, что скажешь,
подумай крепко!
Не будешь моей —
на что мне имя!»

[*Валькирия*] *сказала:*

8 «Мечи лежат
на Сигарсхольме,
четырьмя там меньше,
чем пять десятков;
есть там один
самый лучший,
золотом убран,—
гибель для копий.

9 С кольцом рукоять,
храбрость в клинке,
страх в острие
для тех, чьим он станет;
на лезвие змей
окровавленный лег,
другой обвивает
хвостом рукоять».

Одного конунга звали Эйлими. У него была дочь Свава. Она была валькирией и носилась по небу и по морю. Она дала Хельги имя и часто потом защищала его в битвах. Хельги сказал:

10 «Неладно решил ты,
конунг Хьёрвард,
хоть ты и славен,
войск предводитель;
сожрать дал огню
князей жилища,
а ты вреда
не видел от воинов.

11 Но Хродмар владеть
смеет богатством,
что некогда было
у родичей наших;
мало за жизнь
свою он боится,
думает — мертвых
наследьем владеет».

Хьёрвард сказал, что даст Хельги воинов, если тот хочет отомстить за деда. Тогда Хельги добыл меч, на который указала ему Свава. Они поехали с Атли, убили Хродмара и совершили много подвигов. Хельги убил великана Хати, который сидел на некоей горе. Они стояли на якоре в Хатафьорде. Атли был на страже первую половину ночи. Хримгерд, дочь Хати, сказала:

12 «Кто эти воины
в Хатафьорде?
Щиты на бортах,
смелы вы с виду,
ничто не страшит вас;
кто же ваш конунг?»

Атли сказал:

13 «Хельги наш конунг,
ты не смогла бы
зло причинить ему;
наши ладьи
железом окованы,—
ведьм не страшимся мы».

14 «Как ты зовешься,
воин могучий? —
молвила Хримгерд.—
Князь тебе верит,
если велел он
стоять на носу».

[*Атли сказал:*]

15 «Атли мне имя,
дрожи, ужасайся,
чудищ гублю я;
часто с ладьи
топил я в море
всадниц ночных.

16 Кто ты, ведьма,
жадная к трупам?
Отца назови мне!
В землю ступай,
и пусть из тебя
дерево вырастет!»

[*Хримгерд сказала:*]

17 «Хримгерд зовусь я,
Хати, отец мой,
великан был могучий;
женщин немало
из дома похитил;
Хельги убил его».

[*Атли сказал:*]

18 «Пред флотом героя
в устье фьорда
торчала ты, ведьма,
дружину вождя
Ран обрекая,
но копьем пронзена ты».

[*Хримгерд сказала:*]

19 «Ты, Атли, ошибся,
во сне ты грезишь!
То мать запирала
ладьи во фьорде,
я ж отпрысков Хлёдвера
в море топила.

20 Теперь не заржешь,
холощеный Атли,
коль хвост задеру я!
Не в зад ли ушло
твое сердце, Атли,
хоть голосом конь ты!»

[*Атли сказал:*]

21 «Испытай на себе —
каков жеребец я:
сойду на берег,
тебя растерзаю!
Стоит мне захотеть —
и хвост ты опустишь!»

[*Хримгерд сказала:*]

22 «Сойди же на берег,
в силе уверенный,—
жди меня в Варинсвик!
Ребра я выпрямлю
воину храброму,
коль мне попадешься!»

[*Атли сказал:*]

23 «Нет, не сойду:
уснула дружина,
вождя стерегу я;
не стану дивиться,
под килем ладьи
ведьму увидев».

[*Хримгерд сказала:*]

24 «Хельги, очнись,
выкуп дай Хримгерд,
Хати убийца!
Ночь бы одну
переспать ей с князем,—
вот был бы выкуп!»

[*Атли сказал:*]

25 «Лодин — жених твой,
противна ты людям,
на острове Толлей
турс обитает,
злой великан,—
вот муж твой достойный».

[*Хримгерд сказала:*]

26 «Милей тебе, Хельги,
та, что с дружиной
гавань искала
ночью минувшей;
дева, вся в золоте,
сошла на берег,
ваш флот охраняла;
из-за нее-то
мне не расправиться
с войском конунга».

[*Атли сказал:*]

27 «Слушай, Хримгерд,
возмещу твое горе,
если князю поведаешь:
одна ли валькирия
флот охраняла
иль много их было?»

[*Хримгерд сказала:*]

28 «Три раза девять,
но светлая дева
мчалась пред ними;
кони дрожали,
с грив их спадала
роса на долины,
град на леса,
урожай обещая;
претило смотреть мне!»

[*Атли сказал:*]

29 «Взгляни на восток —
не разит ли Хельги
рунами смерти?
На суше, на море
спаслась дружина
и княжьи ладьи!

30 Атли тебя
задержал до восхода,—
погибнешь теперь;
в камень приметный
у входа в гавань
ты превратишься!»

Конунг Хельги был величайший воин. Он пришел к конунгу Эйлими и посватался к Сваве, его дочери. Хельги и Свава обменялись обетами и любили друг друга очень сильно. Свава оставалась дома с отцом, а Хельги воевал. Свава была по-прежнему валькирией. Хедин жил дома, в Норвегии, со своим отцом, конунгом Хьёрвардом.

Ехал Хедин домой из леса в вечер под Йоль и встретил женщину-тролля. Она ехала на волке, и змеи были у нее удилами. Она предложила Хедину сопровождать его. «Нет!» — сказал он. Она сказала: «За это ты заплатишь, когда будешь пить обетную чашу!» Вечером стали давать обеты. Привели жертвенного вепря. Люди возлагали на него руку и давали обеты, выпивая обетную чашу. Хедин дал обет жениться на Сваве, дочери Эйлими, возлюблен-

ной Хельги, его брата. И так начал в том раскаиваться, что ушел по дикой тропе на юг. Он встретил Хельги, своего брата. Хельги сказал:

31 «Здравствуй, Хедин,
какие вести?
Что нового слышно
в земле норвежской?
За что тебя, вождь,
из дому выгнали,
почему ты один
идешь мне навстречу?»

[*Хедин сказал:*]

32 «Худшее горе
меня постигло:
выбрал я деву,
рожденную конунгом, —
о невесте твоей
обет произнес я».

[*Хельги сказал:*]

33 «Себя не вини!
Может быть, станет
правым обет твой
для нас обоих:
князь меня вызвал
на мыс песчаный,
на третью ночь
туда я направлюсь;
вряд ли смогу
назад возвратиться;
тогда твой обет
будет ко благу».

[*Хедин сказал:*]

34 «Хельги, сказал ты,
что Хедин достоин
добра от тебя
и даров богатых;
пристойней тебе
свой меч окровавить,
чем мир даровать
дерзким врагам».

Так сказал Хельги, ибо он предчувствовал свою смерть и подозревал, что это его духи-двойники посетили Хедина, когда тот встретил женщину верхом на волке.

Альвом звали конунга, сына Хродмара. Это он оградил ореховыми ветвями поле на Сигарсвеллире, чтоб биться там с Хельги на третью ночь. Тогда сказал Хельги:

35 «На волке верхом
ехала в сумерки
та, что хотела
стать его спутницей;
знала она,
что смерть ожидает
Сигрлинн сына
на Сигарсвеллире».

Там была великая битва, и в ней Хельги получил смертельную рану.

36 От Хельги тогда
Сигар был послан
за дочкой единственной
конунга Эйлими, —
пусть соберется
в дорогу скорее,
если живым
застать хочет князя.

[*Сигар сказал:*]

37 «Хельги меня
сюда отправил,

чтобы с тобой
говорить мне, Свава,
конунг желает
тебя увидеть,
прежде чем он
расстанется с жизнью».

[*Свава сказала:*]
38 «Что же с Хельги,
Хьёрварда сыном?
Ты мне приносишь
горе жестокое!
В волнах он погиб,
мечом ли зарублен, —
я отомщу
за гибель героя!»

[*Сигар сказал:*]
39 «Пал поутру
у Волчьего Камня
конунг, что был
лучшим под солнцем;
Альв победой
мог бы гордиться,
только напрасно
ее одержал он».

[*Хельги сказал:*]
40 «Здравствуй, Свава!
Умерь свою скорбь!
Будет последнею
наша встреча:
кровью исходят
конунга раны;
меч поразил меня
рядом с сердцем.

41 Свава, невеста,
прошу я, не сетуй!
Если меня
послушаться хочешь —
Хедину ты
ложе постелишь,
конунга юного
будешь любить».

[*Свава сказала:*]
42 «Молвила я
в доме родимом
в день, когда Хельги
кольца мне выбрал:
если погибнет —
безвестного князя
не обниму я
по доброй воле».

[*Хедин сказал:*]
43 «Поцелуй меня, Свава!
Не суждено мне
ни в Рогхейм вернуться,
ни в Рёдульсфьёлль тоже,
пока не отмщу
за Хьёрварда сына,
что конунгом был
лучшим под солнцем!»

Говорят, что Хельги и Свава вновь родились.

ВТОРАЯ ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ УБИЙЦЕ ХУНДИНГА

О Вёльсунгах

Конунг Сигмунд, сын Вёльсунга, был женат на Боргхильд в Бралунде. Они назвали своего сына Хельги в честь Хельги, сына Хьёрварда. Хагаль воспитал Хельги.

Одного могущественного конунга звали Хундинг. По его имени страна называется Хундланд. Он был очень воинствен и имел много сыновей, которые воевали. Вражда и столкновения были между конунгом Хундингом и конунгом Сигмундом. Они убивали друг у друга родичей. Конунг Сигмунд и его род назывались Вёльсунги и Ильвинги.

Хельги отправился тайно разведать о дружине конунга Хундинга. Хеминг, сын конунга Хундинга, был дома. А когда Хельги уезжал, он встретил пастушка и сказал:

1 «Хемингу молви,
что Хельги помнит,
какого мужа
убили воины;
серого волка
в доме держали,
конунг Хундинг
думал — то Хамаль».

Хамалем звали сына Хагаля. Конунг Хундинг послал людей к Хагалю, чтобы найти Хельги. А Хельги не мог укрыться иначе, как одеться рабыней и начать молоть зерно. Они искали и не нашли Хельги. Тогда сказал Блинд Злокозненный:

2 «Сверкают глаза
у рабыни Хагаля,—
уж не мужчина ли
жернов вращает?
Ломается жернов,
грохочет основа!

3 Тяжелая доля
досталась герою;
вождю довелось
зерна молоть!
Руке той привычна
меча рукоять,
а вовсе не палка,
что жернов вращает».

Хагаль ответил и сказал:

4 «Дива тут нет,
что грохочет основа,—
конунга дочь
жернов вращает;
носилась она
над облаками,
сражаться могла,
как смелые викинги,
прежде чем Хельги
в плен ее взял;
это сестра
Хёгни и Сигара,
взор ее страшен —
взор Ильвингов девы».

Хельги спасся и отправился на боевой корабль. Он сразил конунга Хундинга, и с тех пор его стали звать Хельги Убийца Хундинга. Он стоял со своим войском в бухте Брунавагар, и там они порезали скот и ели сырое мясо. Одного конунга звали Хёгни. У него была дочь Сигрун. Она была валькирия и носилась по воздуху и по морю. То была родившаяся вновь Свава. Сигрун подъехала к кораблям Хельги и сказала:

5 «Кто там направил
ладью к побережью?
Где вы живете,
смелые воины?
Чего ожидаете
здесь в Брунавагар?
Куда отсюда
вы держите путь?»

[*Хельги сказал:*]

6 «Хамаль направил
ладью к побережью,
все мы живем
на острове Хлесей,
ветра попутного
здесь поджидаем,
путь мы хотим
держать на восток».

[*Сигрун сказала:*]

7 «Где ты сражался,
воин могучий,
где ты кормил
гусят валькирий?
Почему кольчуга
обрызгана кровью,
ешь мясо сырое,
шлем не снимая?»

[*Хельги сказал:*]

8 «Вот что исполнил
на запад от моря
Ильвингов родич,
коль знать желаешь:
медведей убил я
в Брагалунде
и племя орлов
накормил до отвалу;

9 вот и сказал я,
какая причина,
что мало жаркого
в море мы ели».

[*Сигрун сказала:*]

10 «О победе ты молвишь;
Хельги причина,
что конунг Хундинг
в поле погиб;
битва была,
за родича мщенье,
хлынула кровь
струей на мечи».

[*Хельги сказал:*]

11 «Точно ли знаешь,
мудрая женщина,
что воинам этим
за родича мстил я?
Много сынов есть
смелых у конунга,
недружелюбных
к нашему роду».

[*Сигрун сказала:*]

12 «Утром вчера
близко была я,
вождь дружины,
в час гибели князя;
хитрецом назову
Сигмунда сына,
что темные речи
ведет о победе.

13 Тебя я не раз
видала и раньше,
стоял ты в ладье,
залитой кровью,
а вокруг ледяные
волны играли;
что ж хочешь, герой,
от меня таиться?
Хёгни дочь
Хельги узна́ет».

Гранмаром звали могущественного конунга, который жил в Сварингсхауге. У него было много сыновей: первый Хёдбродд, второй Гудмунд, третий Старкад. Хёдбродд был на сходке конунгов. Ему была просватана Сигрун, дочь Хёгни. Но когда она узнала об этом, она поскакала с валькириями по воздуху и морю в поисках Хельги.

Хельги был тогда на горе Логафьёлль, он сражался с сыновьями Хундинга. Там сразил он Альва и Эйольва, Хьёрварда и Херварда. Он был очень утомлен боем и сидел под Орлиным Камнем. Там нашла его Сигрун, и бросилась ему на шею, и целовала его, и сказала, почему она пришла к нему, как об этом говорится в Древней Песни о Вёльсунгах:

14 Сигрун пришла
к счастливому князю,
Хельги она
гладила руки
и целовала
его приветно,
конунгу дева
тогда полюбилась.

15 Сказала ему,
что Сигмунда сына
она полюбила
прежде, чем встретила.

[*Сигрун сказала:*]
16 «Хёдбродду я
в походе обещана,
но за другого
хотела бы выйти;
страшен мне гнев
старшего родича;
волю отца
я не исполнила».

17 Не стала дочь Хёгни
кривить душою,
сказала, что хочет
Хельги любви.

[*Хельги сказал:*]
18 «Стоит ли гнева
Хёгни страшиться
или вражды
вашего рода!
Дева, ты будешь
всегда со мною;
род твой, прекрасная,
мне не страшен».

Хельги собрал тогда большой флот и отправился к Волчьему Камню. Их застигла в море страшная буря. Над ними стали сверкать молнии, и они попадали прямо в корабль. Воины увидели в воздухе девять скачущих валькирий и узнали Сигрун. Тогда буря улеглась, и они в целости добрались до берега.

Сыновья Гранмара сидели на некой горе, когда корабли подплывали к берегу. Гудмунд вскочил на коня и поехал на разведку на гору у гавани. Тогда Вёльсунги убрали паруса. Тут Гудмунд сказал, как об этом было раньше написано в Песни о Хельги:

«Кто этот вождь,
с дружиной плывущий?
Чьи рати сюда
к берегу правят?»

Синфьётли, сын Сигмунда, ответил, и это тоже уже было написано.

Гудмунд поехал домой рассказать о приближающемся войске. Тогда сыновья Гранмара собрали рать. Многие конунги пришли туда. Там был Хёгни, отец Сигрун, и его сыновья Браги и Даг. Произошла большая битва, и все сыновья Гранмара пали и вся их знать. Только Даг, сын Хёгни, получил пощаду и дал клятву Вёльсунгам.

Сигрун пришла на поле битвы и нашла Хёдбродда умирающего. Она сказала:

25 «Не будет у Сигрун,
девы из Севафьёлль,
Хёдбродд-конунг
в объятьях покоиться!
Часто волкам
достаются трупы,—
пали сыны
Гранмара в битве».

Затем она нашла Хельги и очень обрадовалась. Он сказал:

26 «Тебе не во всем,
валькирия, счастье,
в иных событьях
норны повинны:
утром погибли
у Волчьего Камня
Браги и Хёгни,—
я их сразил!

27 А конунг Старкад
пал на Стюрклейвар,
сыны же Хроллауга
на Хлебьёрг убиты;
видел я конунга,
в ярости страшного,
был обезглавлен,
а тело сражалось.

28 Многих родичей
смерть настигла,
трупы их ныне
в землю зарыты;
ты не могла
битве препятствовать,
волей судьбы
раздор ты посеяла».

Тогда Сигрун заплакала. Он сказал:

29 «Сигрун, утешься,
была ты нам Хильд;
судьбы не оспоришь!»

[*Сигрун сказала:*]
«Оживить бы убитых
и в объятиях твоих
укрыться бы мне!»

Вот что сказал Гудмунд, сын Гранмара:

19 «Кто этот конунг,
ладьи ведущий?
Чей стяг боевой
по ветру вьется?
Мира то знамя
не обещает;
отблеск багряный
вокруг дружины».

Синфьётли сказал:

20 «Хёдбродд может
Хельги узнать,
храброго в битвах,
ладьи ведущего;
наследье богатое
вашего рода,
золото Фьёрсунгов
он захватил».

[*Гудмунд сказал:*]

21 «Будем сначала
у Волчьего Камня
палками битвы
с врагами спорить!
Хёдбродд, пора
для мести настала,
слишком часто
нас побеждали!»

[*Синфьётли сказал:*]

22 «Гудмунд, сперва
коз попаси ты,
по скалам крутым
за ними карабкайся,
крепче держи
ветку орешника, —
милей тебе это,
чем сходка мечей!

[*Хельги сказал:*]

23 «Не лучше ли было б
тебе, Синфьётли,
битву вести
орлам на радость,
чем попусту речи
бросать на ветер,
когда вожди
ненавидят друг друга.

24 Плохи, сдается мне,
Гранмара дети,
хотя о героях
лгать не годится,—
они показали
при Моинсхеймар,
что славно умеют
мечами разить».

Хельги женился на Сигрун, и у них были сыновья. Хельги не дожил до старости. Даг, сын Хёгни, принес Одину жертву, чтобы тот помог отомстить ему за отца. Один дал Дагу свое копье. Даг встретил Хельги, своего зятя, у рощи, которая называется Фьётурлунд. Он пронзил Хельги копьем. Хельги пал, а Даг поехал в горы и рассказал Сигрун, что произошло:

30 «Сестра, не хотел бы
о горе поведать
и слезы твои,
сестра, увидеть,—
убит поутру
под Фьётурлундом
герой, меж князьями
самый достойный,
себе подчинявший
воинов смелых».

[*Сигрун сказала:*]

31 «Пускай тебя
покарают те клятвы,
которые дал ты
когда-то Хельги,
клялся ты светлой
влагой Лейфтра
и камнем Унн
в холодной росе!

32 Пусть не плывет
отныне корабль твой,
как бы ни дул
ветер попутный!
Пусть не бежит
конь твой послушно,
когда от врагов
спасенья ты ищешь!

33 Пусть не разит
меч твой в битве,
разве что сам ты
сражен им будешь!
Было бы местью
за гибель Хельги,
если б ты волком
скитался в чаще,
нищим и сирым,
вечно голодным,
разве что трупы
тебя б насыщали!»

Даг сказал:

34 «Сестра, ты безумна,
затмился твой разум,
коль беды зовешь
на голову брата!
Один повинен
в этом несчастье,
меж нами руны
раздора посеяв.

35 Золото брат
тебе предлагает,
Вандильсве весь
и Вигдалир тоже;
половина страны
выкупом станет
за горе твое
и твоих сыновей!»

[*Сигрун сказала:*]

36 «Как ни богато
живу я в Севафьёлль,
жизни не рада
ни утром, ни ночью,
жду, не блеснет ли
войско князя,
Вигблер под князем
сюда не примчится ли, —
как бы тогда я
конунга встретила!

37 Так убегали
в страхе безмерном
перед Хельги враги
и родичи их,
как козы бегут
по горным склонам,
страхом гонимы,
спасаясь от волка.

38 Так возвышался
Хельги меж конунгов,
как ясень гордый
в зарослях терна
или олень,
росой обрызганный,
он из зверей
самый высокий,
рога его блещут
у самого неба!»

Холм был насыпан на могиле Хельги. И когда он попал в Вальгаллу, Один предложил ему править всем наравне с ним самим. Хельги сказал:

39 «Хундинг, сначала
всем ноги омоешь,
огонь разведешь,
и привяжешь собак,
и свиньям дашь пойло,
коней попасешь, —
тогда только смеешь
об отдыхе думать».

Служанка Сигрун шла мимо кургана Хельги и увидела, что Хельги со многими людьми подъехал к кургану. Служанка сказала:

40 «Чудится мне,
или настал
света конец?
Мертвые скачут!
Что же вы шпорите
ваших коней,
разве дано вам
домой возвратиться?»

[*Хельги сказал:*]

41 «Нет, не почудилось
все, что ты видишь,
и не настал
света конец,
хоть мы и шпорим
наших коней,
но не дано нам
домой возвратиться».

Служанка вернулась домой и сказала Сигрун:

42 «Сигрун, скорее
из Севафьёлль выйди,
если ты конунга
хочешь встретить!
Раскрылся курган,
Хельги вернулся!
Раны сочатся,—
просил тебя конунг
кровавые капли
его осушить».

Сигрун пошла в курган к Хельги и сказала:

43 «Так радуюсь я
встрече с тобою,
как рады взалкавшие
Одина соколы,
что убитых почуяли
теплое мясо
иль видят рассвет,
росою омытые.

44 Сперва поцелую
конунга мертвого,
а ты сними
доспех окровавленный;
иней покрыл
волосы Хельги,
смерти роса
на теле конунга,
руки как лед
у зятя Хёгни;
как мне, конунг,
тебя исцелить?»

[*Хельги сказал:*]

45 «Ты в том повинна,
Сигрун из Севафьёлль,
что Хельги обрызган
горя росою:
слезы ты льешь,
убрана золотом,
с юга пришедшая,
солнечноясная;
падают слезы
на князя кровавые,
жгут его грудь,
горем насыщены.

46 Будем мы пить
драгоценный напиток,
хоть счастье и земли
мы потеряли!
Не запевайте
горести песен,

видя мои
кровавые раны!
Отныне в кургане
со мною, убитым,
знатная дева
вместе пребудет!»

Сигрун постелила постель в кургане:

47 «Здесь тебе, Хельги,
ложе готово,—
радости ложе,
Ильвингов родич;
в объятьях твоих
уснуть бы хотела,
как с конунгом я
живым уснула б!»

[*Хельги сказал:*]
48 «Ныне нет ничего,
ни поздно, ни рано,
что невозможным
в Севафьёлль было б,
если в объятьях
мертвого спишь,
в кургане его,
Сигрун, дочь Хёгни,
ты, живая,
рожденная конунгом!

49 Ехать пора мне
по алой дороге,
на бледном коне
по воздушной тропе;
путь мой направлю
на запад от неба,
прежде чем Сальгофнир
героев разбудит».

Хельги и его воины ускакали, а Сигрун со служанкой вернулась домой. На следующий вечер Сигрун велела служанке стоять на страже у кургана. И в сумерки, когда Сигрун пришла к кургану, она сказала:

50 «Если б приехать
сюда собирался
Сигмунда сын
из дома Одина!
Нет, не приедет,
померкла надежда,
если орлы
на ясень садятся,
а люди идут
на тинг сновидений».

[*Служанка сказала:*]
51 «Не будь безумной,
одна не ходи ты,
конунга дочь,
в мертвых жилище!
Ночью сильней
становятся все
мертвые воины,
чем днем при солнце».

Сигрун вскоре умерла от скорби и печали.

В древнее время верили, что люди рождаются вновь, но теперь это считают бабьими сказками. Говорят, что Хельги и Сигрун родились вновь. Он звался тогда Хельги Хаддингьяскати, а она — Кара, дочь Хальвдана, как об этом рассказывается в Песни о Каре. Она была валькирией.

О смерти Синфьётли

Сигмунд, сын Вёльсунга, был конунгом во Фраккланде. Синфьётли был его старшим сыном, вторым был Хельги, третьим — Хамунд. У Боргхильд, жены Сигмунда, был брат, которого звали... И вот Синфьётли, ее пасынок, и... посватались оба к одной женщине, и поэтому Синфьётли убил его. А когда он вернулся домой, Боргхильд велела ему уехать прочь, но Сигмунд предложил ей выкуп, и ей пришлось его принять. На тризне Боргхильд подавала пиво. Она взяла яд — большой полный рог — и поднесла Синфьётли. Но когда он заглянул в рог, он понял, что в нем яд, и сказал Сигмунду: «Мутен напиток, батюшка!» Сигмунд взял рог и выпил. Говорят, что Сигмунд был нечувствителен к яду, так что он не мог повредить ему ни снаружи, ни внутри. Но все сыновья его были нечувствительны к яду только снаружи. Боргхильд поднесла Синфьётли второй рог и просила выпить, и снова произошло то же самое. И в третий раз поднесла она ему рог — и на этот раз понося его за то, что он его не пьет. Он снова сказал то же самое Сигмунду. Тот сказал: «Выпей, сын!» Синфьётли выпил и сразу умер. Сигмунд понес его далеко в своих руках и пришел к некоему узкому и длинному фьорду, и там была небольшая ладья и на ней какой-то человек. Он предложил Сигмунду перевезти его через фьорд. И когда Сигмунд внес труп на ладью, она стала нагруженной полностью. Человек сказал Сигмунду, чтобы тот ехал внутрь фьорда. Человек оттолкнул ладью и сразу же исчез.

Конунг Сигмунд долго жил во владениях Боргхильд, после того как на ней женился. Затем Сигмунд поехал на юг во Фраккланд во владения, которые у него там были. Там он женился на Хьёрдис, дочери конунга Эйлими. Сигурд был их сын. Конунг Сигмунд погиб в битве с сыновьями Хундинга, а Хьёрдис вышла замуж за Альва, сына конунга Хьяльпрека. Сигурд провел там детство.

Сигмунд и все его сыновья намного превосходили всех прочих мужей силой, ростом, мужеством и всеми доблестями. Но Сигурд превосходил их всех, и в преданиях все его называют первым из мужей и великолепнейшим из конунгов.

ПРОРОЧЕСТВО ГРИПИРА

Грипиром звался сын Эйлими, брат Хьёрдис. Он правил землями и был мудрейшим из всех людей и знал будущее. Сигурд ехал один и приехал в палаты Грипира. Сигурда было легко узнать. Он встретил какого-то человека и обратился к нему снаружи перед домом. Тот назвался Гейтиром. Сигурд вступил с ним в разговор и спросил:

1 «Кто здесь живет
в этих палатах?
Как люди зовут
конунга славного?»

[*Гейтир сказал:*]
«Грипир зовется
людей повелитель,
народом он правит
и твердой землей».

[*Сигурд сказал:*]
2 «Мудрого конунга
можно ль увидеть?
Будет ли он
со мной беседовать?
Многое надо мне
молвить владыке,
хочу поскорей
встретиться с Грипиром».

[*Гейтир сказал:*]
3 «Конунг счастливый
Гейтира спросит,
кто этот герой,
Грипира ищущий».

[*Сигурд сказал:*]
«Сигурд зовусь я,
Сигмунда сын,
Хьёрдис имя
матери воина».

4 Гейтир пошел
Грипиру молвить:
«Там человек
прибыл неведомый;
обликом он
великолепен;
хочет, конунг,
с тобой говорить».

5 Покинул владыка
мудрый палаты,
приветливо встретил
князя прибывшего:
«Добро пожаловать,
Сигурд, я ждал тебя!
Гейтир, прими
Грани, коня!»

6 Стали тогда
о многом беседовать
герои великие
в эту встречу.

[*Сигурд сказал:*]
«Молви, коль знаешь,
матери брат:
что суждено
Сигурду в жизни?»

[*Грипир сказал:*]
7 «Будешь велик,
как никто под солнцем,
станешь превыше
конунгов прочих,
щедр на золото,
скуп на бегство,
обличьем прекрасен
и мудр в речах».

[*Сигурд сказал:*]
8 «Скажи, благосклонный
конунг, Сигурду,
мудрый, ответь,
если ты знаешь:
какая удача
меня ожидает,
когда со двора
твоего уеду?»

[*Грипир сказал:*]
9 «Сначала отмстишь
ты, князь, за отца,
за горький конец
конунга Эйлими;
сыновей ты сразишь
конунга Хундинга;
будет твоею
в битве победа».

[*Сигурд сказал:*]

10 «Скажи мне еще,
родич мой, конунг,
правду открой
в мудрой беседе:
видишь ли Сигурда
смелые подвиги,
каких на земле
еще не свершали?»

[*Грипир сказал:*]

11 «Один ты убьешь
свирепого змея,
на Гнитахейд он
лежит, ненасытный;
Регина с Фафниром
ты победишь;
правду Грипир
тебе предвещает».

[*Сигурд сказал:*]

12 «Великое счастье,
если свершу я
подвиг такой,
как ты поведал;
подумай, конунг,
и дальше открой мне,
что еще в жизни
сделать я должен».

[*Грипир сказал:*]

13 «Фафнира логово
ты отыщешь,
сокровище в нем
большое добудешь,
золота грузом
Грани навьючишь,
к Гьюки отправишься,
конунг воинственный».

[*Сигурд сказал:*]

14 «Должен еще ты
в мудрой беседе,
конунг смелый,
вот что поведать:
гощу я у Гьюки,
его покидаю,—
что еще будет
в жизни моей?»

[*Грипир сказал:*]

15 «Спит на горе
конунга дочь,
в доспехах она
по смерти Хельги;
будешь рубить
острым клинком,
броню рассечешь
убийцей Фафнира».

[*Сигурд сказал:*]

16 «Броню рассеку я,
вымолвит слово
юная дева,
от сна пробуждаясь;
что же скажет
Сигурду дева?
Счастье какое
ему предречет?»

[*Грипир сказал:*]

17 «Научит тебя
рунам мудрым,—
усердно их люди
узнать стремятся,—
чужим языкам
и травам целебным;
благословен
да будешь ты, конунг!»

[*Сигурд сказал:*]

18 «Понял тебя,
мудрость постиг я,
прочь оттуда
уехать собрался;
подумай, конунг,
и дальше открой мне,
что еще в жизни
сделать я должен».

[*Грипир сказал:*]

19 «Ты посетишь
Хеймира дом,
радостным будешь
гостем у конунга;
кончил я, Сигурд,
сказал все, что знаю;
полно тебе
спрашивать Грипира!»

[*Сигурд сказал:*]

20 «Слово твое
скорбно мне слышать,—
ты в грядущее
зорко глядишь;
о горе великом
Сигурда ведаешь;
Грипир, о нем
все расскажи!»

[*Грипир сказал:*]

21 «Встала вся юность
твоя предо мной,
ясно твой жребий,
я видел доныне;
напрасно слыву
мудрым провидцем,—
дальше не вижу
жизни твоей!»

[*Сигурд сказал:*]

22 «Я на земле
никого не знаю,
кто видит грядущее
Грипира зорче;
открой мне его,
пусть оно мерзко
иль в преступленье
я буду повинен!»

[*Грипир сказал:*]

23 «Нет, в жизни твоей
не будет позора,—
знай это, Сигурд,
конунг достойный;
навеки прославится
между людьми,
бурю копий зовущий,
имя твое!»

[*Сигурд сказал:*]

24 «Хуже всего,
кажется мне,
Сигурду с князем
на этом расстаться;
путь покажи,
все поведай,
конунг могучий,
матери брат!»

[*Грипир сказал:*]

25 «Будет Сигурду
сказана правда,
если меня он
к тому принуждает,
нелживое слово
мое послушай,
скажу я о дне
смерти твоей».

[*Сигурд сказал:*]

26 «Гнев твой навлечь
не хотел бы, Грипир,
конунг достойный,
советы дающий;
правду хочу
узнать, хоть печальную:
какая у Сигурда
будет судьба?»

[*Грипир сказал:*]

27 «Есть дева у Хеймира,
ликом прекрасная,
Брюнхильд ее
люди зовут,
ей Будли отец,
но отважную деву
конунг смелый
пестует Хеймир».

[*Сигурд сказал:*]
28 «Что до того мне,
что деву светлую,
ликом прекрасную,
пестует Хеймир?
Должен ты правду,
Грипир, поведать,
ибо мой жребий
ясен тебе».

[*Грипир сказал:*]
29 «Лишит тебя счастья
ликом прекрасная
светлая дева,
что пестует Хеймир;
забросишь труды,
забудешь людей,
сна лишишься,
с ней не встречаясь».

[*Сигурд сказал:*]
30 «Как суждено
утешиться Сигурду?
Молви, Грипир,
если ты можешь:
возьму ли в жены,
вено отдам ли
за светлую деву,
конунга дочь?»

[*Грипир сказал:*]
31 «Все вы клятвы
дадите крепкие,
только из них
немногие сдержите;
едва у Гьюки
ночь прогостишь,
сразу забудешь
светлую деву».

[*Сигурд сказал:*]
32 «Что же тогда
сбудется, Грипир?
Буду ли я
душою нетверд?
Покину ли я
прекрасную деву,
которую, мнилось,
крепко любил?»

[*Грипир сказал:*]
33 «Будешь, князь,
коварно обманут,
горе узнаешь
от козней Гримхильд:
дочь ее, дева
светловолосая,
будет тебе
в жены предложена».

[*Сигурд сказал:*]
34 «Гуннара я
родичем стану,
деву Гудрун
в жены возьму?
Доброй женой
князю была бы,
когда б не жалел он
о том, что сделал».

[*Грипир сказал:*]
35 «Гримхильд коварно
козни придумает:
будет просить
к Брюнхильд посвататься
ради Гуннара,
готов вождя;
дашь ты согласье
матери конунга».

[*Сигурд сказал:*]
36 «Вижу теперь —
нависла беда,
горе сулит
Сигурду жребий,
если я стану
свататься к деве,
мне дорогой,
ради другого».

[*Грипир сказал:*]
37 «Все вы друг другу
клятвы дадите,—
Гуннар и Хёгни
и третьим ты, Сигурд;
в путь отъезжая,
обличьем сменяется
Гуннар с тобой;
Грипир не лжет!»

[*Сигурд сказал:*]
38 «Что это значит?
Как поменяемся
с князем обличьем,
в путь отъезжая?
Множатся козни,
не перечесть их,
коварных и страшных;
Грипир, скажи мне!»

[*Грипир сказал:*]
39 «На Гуннара ты
станешь похожим,
но сохранишь
красноречье и мудрость;
ты обручишься
с девой Хеймира;
не отвратить
этой судьбы».

[*Сигурд сказал:*]
40 «Сигурда люди
осудят за это,
горестный жребий
ему угрожает;
я не хотел бы
хитрить коварно
с достойной девой,
лучшей из дев».

[*Грипир сказал:*]
41 «Ты будешь покоиться,
князь благородный,
с девою рядом,
как сын возле матери;
будет за это
хвалимо навеки,
вождь народа,
имя твое.

43 Обе свадьбы
вместе сыграют
Сигурд и Гуннар
в палатах Гьюки;
домой возвратясь,
обличьем обменитесь,
но каждый душу
свою сохранит».

[*Сигурд сказал:*]
42 «За Гуннара дева
достойная выйдет,
славная в мире,
молвишь ты, Грипир,
хоть и пробудет
три ночи подряд
со мною на ложе?
Как мне поверить!

44 К счастью ли будут
эти женитьбы
обоим мужьям?
Молви мне, Грипир!
Будет ли Гуннару
жребием радость,
будет ли радость
уделом моим?»

[*Грипир сказал:*]
45 «Клятвы ты вспомнишь,
но будешь безмолвен,
с Гудрун станешь
счастливо жить;
а Брюнхильд замужество
горьким покажется,
она за обман
искать будет мести».

[*Сигурд сказал:*]
46 «Какой же выкуп
дева возьмет
за то, что мы деву
так обманули?
Деве светлой
клятвы давал я,
их не исполнил,
и дева разгневана».

[*Грипир сказал:*]
47 «Гуннару скажет,
что не сдержал
клятв своих,
ему принесенных,
когда благородный
конунг Гуннар,
Гьюки наследник,
Сигурду верил».

[*Сигурд сказал:*]
48 «Что тогда, Грипир,
молви скорее!
Правым ли будет
ее обвиненье?
Иль клеветою
на нас обоих
будут слова ее?
Грипир, скажи мне!»

[*Грипир сказал:*]
49 «Разгневана будет
жена благородная,
от горя жестоко
с тобой обойдется;
не причинил ты
вреда достойной,
но вы обманули
княжью жену».

[*Сигурд сказал:*]
50 «Поверит ли Гуннар
гневным наветам
и Гутторм с Хёгни —
злым оговорам?
Обагрят ли клинки
Гьюки сыны
кровью их зятя?
Скажи мне, Грипир!»

[*Грипир сказал:*]
51 «Горе на сердце
ляжет Гудрун, —
братья твоими
убийцами будут,
радость покинет
мудрую женщину;
Гримхильд одна
в горе повинна.

52 В том утешенье,
князь, найдешь ты,
что счастья тебе
суждено немало:
здесь на земле,
под солнца жилищем,
не будет героя,
Сигурду равного!»

[*Сигурд сказал:*]
53 «Простимся счастливо!
С судьбой не поспоришь!
Ты, Грипир, по-доброму
просьбу исполнил;
предрек бы ты больше
удачи и счастья
в жизни моей,
если бы мог!»

РЕЧИ РЕГИНА

Сигурд пошел в табун Хьяльпрека и выбрал себе коня, который с тех пор стал называться Грани. Еще до этого к Хьяльпреку пришел Регин, сын Хрейдмара. Он был искуснейшим из людей и карлик ростом. Он был мудр, свиреп и владел колдовством. Регин стал воспитателем и учителем Сигурда и очень любил его. Он рассказал Сигурду о своих предках и о том, как однажды Один, Хёнир и Локи пришли к водопаду Андвари. В этом водопаде было много рыбы. Одного карлика звали Андвари, он давно жил в этом водопаде в образе щуки и добывал себе там пищу. У меня был брат по имени Отр,— сказал Регин,— он часто плавал в водопаде в образе выдры. Однажды он поймал лосося, сел на берегу реки и ел, зажмурившись. Локи бросил в него камнем и убил его. Асам показалось это большой удачей, и они содрали с выдры шкуру. В тот самый вечер они искали пристанища у Хрейдмара и показали ему свою добычу. Тогда мы схватили их и предложили откупиться тем, чтобы наполнить шкуру выдры золотом и засыпать ее снаружи красным золотом. Тогда они послали Локи добыть золота. Он пошел к Ран, получил ее сеть, отправился к водопаду Андвари и забросил там сеть, чтобы поймать щуку. Она прыгнула в сеть. Тогда Локи сказал:

1 «Какая в потоке
рыба плывет
и в беду попадает?
Попытайся у Хель
выкупить голову —
сыщи пламя вод!»

[*Андвари сказал:*]

2 «Андвари мне имя,
Оин — отец мой,
в потоках я плавал;
злобная норна
так мне судила,
что плавать я должен».

Локи сказал:

3 «Молви мне, Андвари,
если ты хочешь
жить с людьми:
какая сынам
человечьим кара,
что словом разят?»

[*Андвари сказал:*]

4 «Тяжкая кара
для тех, кто Вадгельмир
вброд переходит;
клеветники
за коварные речи
платятся долго».

Локи видел все золото, которое было у Андвари. Когда тот отдавал золото, он утаил одно кольцо, и Локи отнял его у Андвари. Карлик ушел в камень и сказал:

5 «Золото это,
что было у Густа,
братьям двоим
гибелью будет,
смерть восьмерым
принесет героям;
богатство мое
никому не достанется».

Асы отдали Хрейдмару золото, набили шкуру выдры и поставили ее на ноги. Затем они должны были засыпать ее золотом. Когда это было сделано, Хрейдмар подошел, увидел один волосок усов и велел засыпать его. Тогда Один вынул кольцо, принадлежавшее Андвари, и покрыл им волосок. Локи сказал:

6 «Отдано золото,
выкуп немалый
за меня получил ты;
сын твой несчастлив —
смерть вам обоим
выкуп сулит!»

Хрейдмар сказал:

7 «Дары ты принес,
но не чую добра в них,
не от сердца они!
С жизнью простились бы,
если бы раньше
опасность увидел».

[*Локи сказал:*]

8 «Хуже еще —
я это знаю
родичей ссоры;
конунгам новым,
еще не рожденным,
они суждены».

Хрейдмар сказал:

9 «Золотом красным
владеть собираюсь,
пока буду жив;
угрозы твои
мне не страшны,
прочь убирайся!»

Фафнир и Регин потребовали у Хрейдмара виру, выплаченную за Отра, их брата. Он отказался отдать ее. И Фафнир пронзил мечом Хрейдмара, своего отца, когда тот спал. Хрейдмар стал звать своих дочерей:

10 «Люнгхейд и Лофнхейд!
Знайте — конец мне!
С нуждою не спорят!»

Люнгхейд ответила:

«Чем же сестра,
отца потеряв,
братьям отмстит!»

Хрейдмар сказал:

11 «Дочь хоть роди,
если сына не будет
у князя и девы
с душою волчьей;
дай дочери мужа
в насущной нужде,
тогда их сын
за тебя отмстит!»

Затем Хрейдмар умер, а Фафнир взял золото. Тогда Регин потребовал свою долю наследства, но Фафнир ему ничего не дал. Регин обратился за советом к сестре своей Люнгхейд, спрашивая, как ему получить отцовское наследство. Она сказала:

12 «Брата просить
надо, как друга,
о любви и о золоте;
не подобает
мечом угрожать,
о наследстве радея!»

Регин сказал это Сигурду. Однажды, когда он пришел к Регину, тот его хорошо принял и сказал:

13 «Вот пришел
Сигмунда сын,
юноша смелый,
в наше жилище;
он храбрее,
чем старые люди,
битвы я жду
от жадного волка.

14 Я воспитаю
конунга-воина;
Ингви потомок
у нас появился;
будет он князем
самым могучим,
лежат по всем странам
нити судьбы».

Сигурд был тогда постоянно с Регином, и тот сказал Сигурду, что Фафнир лежит на Гнитахейде, приняв облик змея. У него был шлем-страшило, которого боялось все живое.

Регин сделал Сигурду меч, который назывался Грам. Он был таким острым, что Сигурд окунал его в Рейн и пускал по течению хлопья шерсти, и меч резал хлопья, как воду. Этим мечом Сигурд рассек наковальню Регина.

После этого Регин стал подстрекать Сигурда убить Фафнира. Сигурд сказал:

15 «Смеялись бы громко
Хундинга родичи,
которые Эйлими
жизни лишили,
если бы конунг
не мстить за отца,
а красные кольца
искать задумал».

Конунг Хьяльпрек дал Сигурду дружину на кораблях, чтобы отомстить за отца. Их застигла большая буря, и они плыли против ветра у какого-то мыса. На утесе стоял некий человек, и он сказал:

16 «Кого это мчат
Ревиля кони
по высоким валам,
по бурному морю?
Паруса кони
пеной покрыты,
морских скакунов
ветер не сдержит».

Регин ответил:

17 «Это с Сигурдом мы
на деревьях моря;
ветер попутный
и нам и смерти;
волны встают
выше бортов,
ныряют ладьи;
кто нас окликнул?»

[*Хникар сказал:*]

18 «Хникар я звался,
убийство свершая
и радуя ворона,
Вёльсунг юный,
теперь я зовусь
человек на утесе,
Фенг или Фьёльнир;
возьмите в ладью!»

Они пристали к берегу, человек взошел на корабль, и тогда буря утихла.

[*Сигурд сказал:*]

19 «Хникар, скажи мне,
ты многое знаешь:
какие приметы
для людей и богов
перед сраженьем
добрыми будут?»

Хникар сказал:

20 «Много есть добрых,
знать бы их только,
знамений в битве;
спутник прекрасный
сумрачный ворон
для древа меча.

21 Вторая примета:
если ты вышел,
в путь собираясь,—
увидеть двоих
на дороге стоящих
воинов славных.

22 Есть и третья:
если услышишь
волчий вой,
если увидишь
воинов раньше,
чем будешь замечен.

23 Никто из бойцов
сражаться не должен,
лицо обратив
к закатному солнцу;
те победят,
чьи очи зорки,
кто в сходке мечей
строится клином.

24 Если споткнешься
перед сраженьем —
примета плохая:
дисы коварные
рядом стали —
раненым будешь.

25 Чист и причесан
должен быть мудрый
и сыт спозаранку,
ибо как знать,
где будет к закату;
блюди свое благо».

У Сигурда была большая битва с Люнгви, сыном Хундинга, и его братьями. В этой битве пал Люнгви и все три брата.

После битвы Регин сказал:

26 «Кровавый орел
острым мечом
у Хундинга сына
вырезан сзади!
Всех сильней
траву обагривший
конунга сын
ворона радует!»

Сигурд поехал домой к Хьяльпреку. Тогда Регин стал подстрекать Сигурда убить Фафнира.

РЕЧИ ФАФНИРА

Сигурд и Регин отправились на Гнитахейд и нашли там след Фафнира, который он оставил, когда полз к водопою. Сигурд вырыл большую яму возле следа и засел в ней. И когда Фафнир пополз от сокровища, он изрыгал яд, и яд падал на голову Сигурда. И когда Фафнир проползал над ямой, Сигурд вонзил ему в сердце меч. Фафнир затрясся и стал бить головой и хвостом. Сигурд выскочил из ямы, и они увидели друг друга. Фафнир сказал:

О смерти Фафнира

1 «Юнец, юнец!
Кем ты рожден?
Чей сын ты, ответь?
О Фафнира ты
свой меч окровавил;
в сердце стоит он!»

Сигурд скрыл свое имя, потому что в древние времена верили, что слова умирающего могущественны, если он проклинает своего недруга, называя его по имени. Он сказал:

2 «Я зверь благородный,
был я всю жизнь
сыном без матери;
нет и отца,
как у людей,
всегда одинок я».

[*Фафнир сказал:*]
3 «Коль нету отца,
как у людей,
чем же рожден ты?»

[*Сигурд сказал:*]
4 «Род мой тебе
еще не ведом,
и сам я тоже:
Сигурд зовусь —
Сигмунд отец мой,
мной ты сражен».

[*Фафнир сказал:*]
5 «Кто тебя подстрекнул,
почему ты решился
жизнь отнять у меня?
Взор твой сверкает,
сын храбреца,
ты с детства был храбрым!»

[*Сигурд сказал:*]
6 «Смелость вела,
помогали руки
и крепкий клинок мой;
храбрым не станет
стареющий воин,
если в детстве был трусом».

[*Фафнир сказал:*]
7 «Знаю: если б возрос
на груди у друзей,—
разил бы рьяно;
но, в неволе рожденный,
стал ты рабом
и робеешь, как раб».

[*Сигурд сказал:*]
8 «К чему твой попрек,
что я далеко
от наследья отца!

Нет, я не раб,
хоть пленником был;
я свободен, ты видишь!»

[*Фафнир сказал:*]
9 «Слышишь ты всюду
слово вражды,
но прав я, поверь:
золото звонкое,
клад огнекрасный,
погубит тебя!»

[*Сигурд сказал:*]
10 «Богатством владеть
всем суждено
до какого-то дня,
ибо для всех
время настанет
в могилу сойти».

[*Фафнир сказал:*]
11 «Норн приговор
у мыса узнаешь
и жребий глупца;
в бурю ты станешь
грести осторожно,
и все ж ты потонешь».

[*Сигурд сказал:*]
12 «Фафнир, скажи мне,
ты мудр, я слышал,
и многое знаешь:
кто эти норны,
что могут прийти
к женам рожающим?»

[*Фафнир*] *сказал:*
13 «Различны рожденьем
норны, я знаю,—
их род не единый:
одни от асов,
от альвов иные,
другие от Двалина».

[*Сигурд*] *сказал:*
14 «Фафнир, скажи мне,
ты мудр, я слышал,
и многое знаешь:
как остров зовется,
где кровь смешают
асы и Сурт?»

[*Фафнир*] *сказал:*
15 «Оскопнир — остров,
богам суждено там
копьями тешиться;
Бильрёст рухнет,
вплавь будут кони
прочь уносить их.

16 Шлем-страшило
носил я всегда,
на золоте лежа;
всех сильнее
себя я считал,
с кем бы ни встретился».

[*Сигурд*] *сказал:*
17 «Шлем-страшило
не защитит
в схватке смелых;
в том убедится
бившийся часто,
что есть и сильнейшие».

[*Фафнир*] *сказал:*
18 «Яд изрыгал я,
когда лежал
на наследстве отцовом».

[*Сигурд*] *сказал:*
19 «Змей могучий,
шипел ты громко
и храбрым ты был;
оттого сильнее
людей ненавидел,
что шлемом владел ты».

[*Фафнир*] *сказал:*

20 «Дам тебе, Сигурд,
совет,— прими его:
вспять возвратись ты!
Золото звонкое,
клад огнекрасный,
погубит тебя!»

[*Сигурд*] *сказал:*

21 «С тобой покончено,
я ж поспешу
к золоту в вереске;
Фафнир, валяйся
средь жизни обломков,—
Хель заберет тебя!»

[*Фафнир сказал:*]

22 «Предан я Регином,
предаст и тебя он,
погибнем мы оба;
сдается мне, Фафнир
с жизнью простится,—
ты, Сигурд, сильнее».

Регина не было, когда Сигурд убивал Фафнира. Он вернулся, когда Сигурд вытирал кровь с меча. Регин сказал:

23 «Привет тебе, Сигурд,
в бою победил ты,
с Фафниром справясь;
из всех людей,
попирающих землю,
ты самый смелый».

[*Сигурд сказал:*]

24 «Как указать,
когда соберутся
богов сыновья,
кто самый смелый?
Многие смелы,
клинка не омыв
во вражьей крови».

[*Регин сказал:*]

25 «Рад ты, Сигурд,
с Грама кровь
о траву отирая;
брат мой родной
тобою убит,
в том виновен я тоже».

[*Сигурд сказал:*]

26 «Виновен ты в том,
что сюда я приехал
по склонам священным;
богатством и жизнью
змей бы владел,—
ты к битве понудил».

Тогда Регин подошел к Фафниру и вырезал у него сердце мечом, который называется Ридиль. Затем он стал пить кровь из раны.

[*Регин сказал:*]

27 «Спать я пойду,
ты ж подержи
в пламени сердце!
Его я потом
отведать хочу
с напитком кровавым».

Сигурд [*сказал:*]

28 «Был ты далеко,
когда обагрял я
о Фафнира меч;
силами я
со змеем померился,
пока отдыхал ты».

Регин [*сказал:*]

29 «Ты дал бы лежать
долго в траве
старику исполину,
если за острый
не взялся бы меч,—
но ведь я его выковал».

[*Сигурд*] *сказал:*

30 «Смелость лучше
силы меча
в битве героев,—
доблестный муж
одержит победу
мечом ненаточенным.

31 Смелому лучше,
чем трусу, придется
в играх валькирий;
лучше храбрец,
чем разиня испуганный,
что б ни случилось».

Сигурд взял сердце Фафнира и стал поджаривать его на палочке. Когда он решил, что оно изжарилось, и кровь из сердца запенилась, он дотронулся до него пальцем, чтобы узнать, готово ли оно. Он обжегся и поднес палец ко рту. Но когда кровь из сердца Фафнира попала ему на язык, он стал понимать птичью речь. Он услышал, как щебечут синицы в кустах. Синица сказала:

32 «Вот конунг Сигурд,
обрызганный кровью,
Фафнира сердце
хочет поджарить;
мудрым сочла бы
дарящего кольца,
если б он съел
сердце блестящее».

[*Вторая сказала:*]

33 «Вот Регин лежит,
он злое задумал,
обманет он князя,
а тот ему верит;
в гневе слагает
злые слова,
за брата отмстит
злобу кующий».

Третья [*сказала:*]

34 «Тула седого
пусть обезглавит,—
в Хель ему место!
Сокровищем всем,
что Фафнир стерег,
один владел бы».

Четвертая [*сказала:*]

35 «Умным сочла бы,
когда б он послушался
наших, сестры,
добрых советов;
о себе бы радел
и радовал ворона;
волка узнаешь
по волчьим ушам».

[*Пятая сказала:*]

36 «Не будет мудрым
ясень сраженья,
каким я войска
считала вершину,
если позволит
уйти человеку,
брат которого
был им убит».

[*Шестая сказала:*]

37 «Глупо поступит,
когда пощадит
низкого недруга;
Регин лежит здесь,
предавший его,
зло он задумал».

[*Седьмая сказала:*]

38 «Пусть великану
он голову срубит
и кольца отнимет;
тогда завладеет
золотом всем,
что у Фафнира было».

[*Сигурд сказал:*]

39 «У судьбы не возьмет
Регин той силы,
что смерть мне сулила б;
вдвоем должны
в Хель поспешать
братья отсюда».

Сигурд отрубил голову Регину. Затем он отведал сердца Фафнира и отпил крови обоих — Регина и Фафнира. Тогда Сигурд услышал, как синицы говорили:

40 «Связывай кольца
красные, Сигурд,
долго тревожиться
конунг не должен!
Знаю, есть дева —
золотом убрана,
прекрасна лицом —
твоей быть могла бы.

41 К Гьюки ведут
зеленые тропы,
страннику путь
укажет судьба!
Конунг достойный
дочь взрастил там,
Сигурд, за деву
ты вено заплатишь.

42 Высокий чертог
на вершине Хиндарфьялль,
весь опоясан
снаружи огнем;
мудрые люди
его воздвигли
из пламени вод,
тьму озарившего.

43 Знаю — валькирия
спит на вершине,
ясеня гибель
играет над нею;
усыпил ее Один,
шипом уколов,—
не того сгубила,
кто был ей указан.

44 Сможешь увидеть
деву под шлемом;
вынес из битвы
Вингскорнир деву;
не в силах Сигрдрива
сон побороть,
конунгов отпрыск,—
так норна велела».

Сигурд поехал по следу Фафнира в его логово и нашел его открытым, и двери были железными, и дверная рама тоже. Железными были также все балки в доме, и дом был закопан в землю. Там Сигурд нашел очень много золота и наполнил им два сундука. Там он взял шлем-страшило, золотую кольчугу, меч Хротти и много сокровищ и нагрузил всем этим Грани. Но конь не хотел идти, пока Сигурд не сел на него.

РЕЧИ СИГРДРИВЫ

Сигурд поднялся на гору Хиндарфьялль и направился на юг во Фраккланд. На горе он увидел яркий свет, как будто горел огонь, и зарево стояло до самого неба. Когда он приблизился, он увидел ограду из щитов и в ограде — знамя. Сигурд вошел в огражденное место и увидел, что там лежит и спит человек в доспехах. Сигурд сперва снял шлем с его головы, и тут он увидел, что это женщина. Кольчуга сидела на ней крепко, словно приросла к телу. Тогда он рассек Грамом кольчугу от ворота вниз и еще поперек, по обоим рукавам. Затем он снял с нее кольчугу, и женщина проснулась, села, увидела Сигурда и сказала:

1 «Кто кольчугу рассек?
Кто меня разбудил?
Кто сбросил с меня
стальные оковы?»

[*Он ответил:*]
«Сигмунда сын,
рубил недавно
мясо для воронов
Сигурда меч».

[*Она сказала:*]
2 «Долго спала я,
долог был сон мой —
долги несчастья!
Виновен в том
Один,
что руны сна
не могла я
сбросить».

Сигурд сел и спросил, как ее зовут. Тогда она взяла рог, полный меда, и дала ему напиток памяти.

[*Она сказала:*]
3 «Славься, день!
И вы, дня сыны!
И ты, ночь с сестрою!
Взгляните на нас
благостным взором,
победу нам дайте!

Славьтесь, асы!
И асиньи, славьтесь!
И земля благодатная!
Речь и разум
и руки целящие
даруйте нам!»

Она назвалась Сигрдривой и была валькирией. Она рассказала, что два конунга вели войну: одного звали Хьяльм-Гуннар, он тогда был старым и очень воинственным, и Один обещал ему победу; другого звали Агнар, он был братом Ауды, и его никто не хотел взять под свою защиту. Сигрдрива погубила в битве Хьяльм-Гуннара. А Один, в отместку за это, уколол ее шипом сна и сказал, что никогда больше она не победит в битве и что будет выдана замуж. «Но я ответила ему, что дала обет не выходить замуж ни за кого, кто знает страх».

Тогда он просит поучить его мудрости, раз она знает, что нового во всех мирах. Она сказала:

5 «Клену тинга кольчуг
даю я напиток,
исполненный силы
и славы великой;
в нем песни волшбы
и руны целящие,
заклятья благие
и радости руны.

Руны победы,
коль ты к ней
стремишься,—
вырежи их
на меча рукояти
и дважды пометь
именем Тюра!

7 Руны пива
познай, чтоб обман
тебе не был страшен!
Нанеси их на рог,
на руке начертай,
руну Науд — на ногте.

8 Рог освяти,
опасайся коварства,
лук брось во влагу;
тогда знаю твердо,
что зельем волшебным
тебя не напоят.

9 Повивальные руны
познай, если хочешь
быть в помощь при родах!
На ладонь нанеси их,
запястья сжимай,
к дисам взывая.

10 Руны прибоя
познай, чтоб спасать
корабли плывущие!
Руны те начертай
на носу, на руле
и выжги на веслах,—
пусть грозен прибой
и черны валы,—
невредимым причалишь.

11 Целебные руны
для врачевания
ты должен познать;
на стволе, что ветви
клонит к востоку,
вырежи их.

12 Познай руны речи,
если не хочешь,
чтоб мстили тебе!
Их слагают,
их составляют,
их сплетают
на тинге таком,
где люди должны
творить правосудье.

13 Познай руны мысли,
если мудрейшим
хочешь ты стать!
Хрофт разгадал их
и начертал их,
он их измыслил
из влаги такой,
что некогда вытекла
из мозга Хейддраупнира
и рога Ходдрофнира.

14 Стоял на горе
в шлеме, с мечом;
тогда голова
Мимира молвила
мудрое слово
и правду сказала,

15 что руны украсили
щит бога света,
копыто Альсвинна
и Арвака уши
и колесницу
убийцы Хрунгнира,
Слейпнира зубы
и санный подрез,

16 лапу медведя
и Браги язык,
волчьи когти
и клюв орлиный,
кровавые крылья
и край моста,
ладонь повитухи
и след помогающий,

17 стекло и золото
и талисманы,
вино и сусло,
скамьи веселья,
железо Гунгнира,
грудь коня Грани,
ноготь норны
и клюв совиный.

18 Руны разные
все соскоблили,
с медом священным
смешав, разослали,—
у асов одни,
другие у альвов,
у ванов мудрых,
у сынов человечьих.

19 То руны письма,
повивальные руны,
руны пива
и руны волшбы,—
не перепутай,
не повреди их,
с пользой владей ими;
пользуйся знаньем
до смерти богов!

20 Теперь выбирай,
коль выбор предложен,
лезвия клен,—
речь иль безмолвье;
решай, а несчастья
судьба уготовит».

[*Сигурд сказал:*]

21 «Не побегу,
даже смерть увидав,
я не трус от рожденья;
советы благие
твои я приму,
покуда я жив».

[*Сигрдрива сказала:*]

22 «Первый совет мой —
с родней не враждуй,
не мсти, коль они
ссоры затеют;
и в смертный твой час
то будет ко благу.

23 Совет мой второй —
клятв не давай
заведомо ложных;
злые побеги
у лживых обетов,
и проклят предатель.

24 А третий совет —
на тинг придешь ты,
с глупцами не спорь;
злые слова
глупый промолвит,
о зле не помыслив.

25 Но и смолчать
ты не должен в ответ,—
трусом сочтут
иль навету поверят;
славы дурной
опасайся всегда;
назавтра убей
лжеца — тем отплатишь
за подлую ложь.

26 Четвертый совет —
если в пути
ведьму ты встретишь,
прочь уходи,
не ночуй у нее,
если ночь наступила.

27 Бдительный взор
каждому нужен,
где гневные бьются;
придорожные ведьмы
воинам тупят
смелость и меч.

28 Пятый совет мой —
увидишь красивых
жен на скамьях,
да не смутится
твой сон, и объятьями
не соблазняй их!

29 Совет мой шестой —
если за пивом
свара затеется,
не спорь, если пьян,
с деревом битвы,—
хмель разуму враг.

30 Песни и пиво
для многих мужей
стали несчастьем,
убили иных
или ввергли в беду,
печальна их участь.

31 Совет мой седьмой —
если ты в распре
с мужами смелыми,
лучше сражаться,
чем быть сожженным
в доме своем.

32 Совет мой восьмой —
зла берегись
и рун коварных;
дев не склоняй
и мужниных жен
к любви запретной!

33 Девятый совет —
хорони мертвецов
там, где найдешь их,
от хвори умерших,
в волнах утонувших
и павших в бою.

34 Омой мертвецу
голову, руки,
пригладь ему волосы;
в гроб положив,
мирного сна
пожелай умершему.

35 Десятый совет —
не верь никогда
волчьим клятвам,—
брата ль убил ты,
отца ли сразил:
сын станет волком
и выкуп забудет.

36 Гнев и вражда
и обида не спят;
ум и оружие
конунгу надобны,
чтоб меж людей
первым он был.

37 Последний совет мой —
друзей коварства
ты берегись;
недолго, сдается мне,
жив будет конунг —
множатся распри».

ОТРЫВОК ПЕСНИ О СИГУРДЕ

[*Хёгни сказал:*] . . . .

1 «В чем пред тобою
Сигурд повинен,
что хочешь ты смелого
жизни лишить?»

[*Гуннар сказал:*]

2 «Сигурд обеты
дал мне и клятвы,
клятвы мне дал
и все нарушил:
меня обманул,
а должен был крепко
клятвы блюсти,
обеты исполнить!»

[*Хёгни сказал:*]

3 «Брюнхильд тебя,
зло замышляя
и горе готовя,
к гневу понудила!
Не простит она Гудрун
счастливого брака
и то не простит,
что ею владел ты».

4 Жарили волка
одни, а другие
резали змей,
иные же злобно
Готторму дали
вороньего мяса
перед тем, как героя
смогли погубить.

5 Гудрун снаружи
стояла, дочь Гьюки,
такие слова
сказала она:
«Где же Сигурд,
воинов вождь,
если братья мои
первыми едут?»

7 Одно лишь в ответ
вымолвил Хёгни:
«Надвое Сигурда
мы разрубили,
конь склонился
над конунгом мертвым!»

8 Сказала тогда
Брюнхильд, дочь Будли:
«Владейте на счастье
землей и оружьем!
Всем бы владел
Сигурд один,
если бы дольше
жизнь сохранил он.

9 Не подобало
там ему править
Гьюки наследьем,
великой дружиной,
если пять сыновей
вырастил Гьюки,
к битвам готовых,
в правленье умелых!»

10 Брюнхильд тогда
от души рассмеялась,
так что жилье
все загудело:
«Долго владеть вам
землей и дружиной,
если смогли вы
князя убить!»

11 Гудрун ответила,
Гьюки дочь:
«Речь ты ведешь
злую, преступную!
Гуннара, боги,
за зло покарайте!
Могильщика Сигурда
месть ожидает!»

11 Убит был Сигурд
к югу от Рейна,—
с дерева ворон
каркнул громко:
«Атли о вас
клинки окровавит!
Злобных убийц
клятвы погубят!»

12 Поздний был вечер,
выпили много,
каждый слова
говорил веселые,
потом улеглись
и спокойно заснули,
Гуннар один
дольше всех бодрствовал.

13 Стал ногой шевелить,
рассуждая долго,
о том начал думать
дружины губивший,
что ворон с орлом
промолвили с дерева,
когда возвращались
братья домой.

14 Брюнхильд, дочь Будли,
конунга дочь,
рано она,
до рассвета, проснулась:
«Хотите иль нет —
о беде говорю я!
О горе скажу,—
как умолчать мне!»

15 Это услышав,
все замолчали,—
понять не могли,
что с женщиной сталось,
отчего она, плача,
о том говорит,
о чем со смехом
просила героев.

[*Брюнхильд сказала:*]

16 «Гуннар, я сон
страшный увидела:
холод в палате
и ложе холодное,
а ты, конунг, едешь,
счастья лишенный,
закованный в цепи
между воителей
вражьей дружины:
так погибнет
весь Нифлунгов род,—
вы нарушили клятвы!

17 Гуннар, ответь мне,
разве забыл ты,
что кровь вы смешали
в знак побратимства!
Плохо ему
ты платишь за дружбу,—
первым другом
тебя считал он!

18 Когда отправился
смелый герой
сватать меня,
тогда доказал он,
что не по-вашему
клятве он верен
той, что давал
юному конунгу:

19 меч положил,
убранный золотом,
конунг великий
меж нами на ложе,—
был клинок
в огне закален,
капли яда
таил он в себе...»

О смерти Сигурда

Здесь в этой песни рассказывается о смерти Сигурда и говорится, что он был убит вне дома. Но некоторые говорят, что он был убит в постели, спящий. А немецкие мужи говорят, что он был убит в лесу. А в Древней Песни о Гудрун говорится, что Сигурд и сыновья Гьюки ехали на тинг, когда его убили. Однако все говорят единогласно, что убийцы нарушили верность ему и напали на него лежащего и не готового к защите.

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

Гудрун сидела над мертвым Сигурдом. Она не плакала, как другие женщины, но грудь ее разрывалась от горя. Жены и мужи подходили утешить ее. Но это было нелегко.

Говорят, что Гудрун отведала сердца Фафнира и поэтому понимала язык птиц.

Вот что еще сложено о Гудрун:

Песнь о Гудрун

1 Так было — смерти
желала Гудрун,
над Сигурдом мертвым
горестно сидя;
не голосила,
руки ломая,
не причитала,
как жены другие.

2 Мудрые ярлы
к ней подходили,
скорбь ее
пытались рассеять.
Не было слез
горючих у Гудрун,—
горе великое
грудь разрывало.

3 Знатные жены
ярлов сидели,
золотом убраны,
против Гудрун;
каждая горе
свое вспоминала,
речь заводила
о самом горьком.

4 Молвила Гьявлауг,
Гьюки сестра:
«Счесть невозможно
несчастья мои,—
я пятерых
мужей потеряла,
трех сестер,
трех сыновей,
восемь братьев —
и все ж живу я!»

5 Не было слез
горючих у Гудрун:
гибель юноши,
конунга смерть,
горе великое
камнем легло.

6 Молвила Херборг,
владычица гуннов:
«Горе мое
еще тяжелее,—
семь сыновей
на юге погибли,
муж мой тоже
в сече зарублен;

7 мать и отец
и четверо братьев
морю достались,—
ветер настиг их,
била волна
о борт корабля.

8 Сама их одела,
сама убрала их,
сама схоронила
тела родимых.
В полгода всех
потерять довелось мне,
не было мне
ни в чем утешенья.

9 В плен тогда же
сама я попала,
рабство изведала
в те полгода;
жену вождя
одевала и обувь
ей подавала
каждое утро.

10 Ревновала она,
бранила меня,
жестокими были
ее побои;
хозяина лучше
нигде не видала,
хозяйки хуже
нигде не встречала!»

11 Не было слез
горючих у Гудрун:
гибель юноши,
конунга смерть,
горе великое
камнем легло.

12 Гулльранд, дочь Гьюки,
молвила так:
«Мудрой слывешь ты,
приемная мать,
а жену молодую
утешить не в силах,—
пусть она видит
мертвого конунга!»

13 Сдернула саван
с тела Сигурда,
к ногам жены
подушку метнула:
«Вот он! Прильни
губами к устам,—
ведь так ты его
живого встречала!»

14 Горестно взор
бросила Гудрун
на голову князя
в сгустках крови,
на очи героя,
померкшие ныне,
на жилье души,
мечом рассеченное.

15 Вскрикнув, грянулась
оземь Гудрун;
косы рассыпались,
вся покраснела,
хлынули слезы
дождем на колени.

16 Горько заплакала
Гудрун, дочь Гьюки,
слез поток
оросил покрывало,
а во дворе
закричали громко

гуси, прекрасные
Гудрун птицы.

17 Молвила Гулльранд,
дочь Гьюки: «Знаю,—
большей любви,
чем ваша, не видели
между людьми,
на земле живущими!
Места себе ты
не находила,
сестра, если Сигурда
нету с тобою!»

[*Гудрун сказала:*]

18 «Сигурд рядом
с сынами Гьюки
как стебель лука,
из трав встающий,
как в ожерелье
камень сверкающий,
самый ценный
среди каменьев!

19 Чтили меня
воины конунга
больше, чем дев
Одина смелых.
Как ивы листва,
стала я жалкой,—
смерть повелителя
сделала это!

20 Ни на скамье его нет,
ни на ложе,—
в этом повинны
Гьюки сыны!
Гьюки сыны
повинны в несчастье,
горькие слезы
льет их сестра!

21 Как ваши клятвы
ложными были,
пусть ваши земли
так опустеют!
Гуннар, не впрок
пойдет тебе золото;
эти запястья —
гибель твоя,
ты ведь Сигурду
клятвы давал!

22 Двор наш видал
дни веселее,
чем день, когда был
оседлан Грани
и Сигурд к Брюнхильд
свататься ехал,—
к женщине злой,
в час зловещий!»

23 Молвила Брюнхильд,
Будли дочь:
«Пусть потеряет
детей и мужа
та, что нынче
слезы пролить
тебе помогла
и речь вернула!»

24 Молвила Гулльранд,
Гьюки дочь:
«Лучше молчи!
Ненавистна ты всем!
Ты виновна
в смерти героев!
Злой судьбы
волнами гонимая,
ты семерых
конунгов горе,
ты мужьям
гибель несешь!»

25 Молвила Брюнхильд,
Будли дочь:
«Атли тогда
зло совершил,
от Будли рожденный
брат мой родной,

когда мы увидели
в доме гуннов
на князе огонь
ложа дракона.
Дорого стоило
то сватовство,
вечно о нем
я сокрушаюсь!»

Став у столба,
собирала силы;
взор Брюнхильд,
дочери Будли,
ярко пылал,
ядом дышала,
глядя на раны
мертвого Сигурда.

Гудрун ушла оттуда в лес, в пустыню, поехала в Данию и жила там у Торы, дочери Хакона, семь полугодий.

Брюнхильд не хотела жить после смерти Сигурда. Она велела убить восьмерых своих рабов и пять рабынь. Затем она пронзила себя мечом насмерть, как об этом рассказывается в Краткой Песни о Сигурде.

КРАТКАЯ ПЕСНЬ О СИГУРДЕ

1 Давно это было, —
Сигурд-воитель,
юный Вёльсунг,
у Гьюки гостил;
клятвы он принял
от братьев обоих,
верности клятвы
от воинов смелых.

2 Сигурду дали
казну и невесту —
юную Гудрун,
Гьюки дочь;
пиры и беседы
долгими были
у Гьюки сынов
и юного Сигурда,

3 пока не уехали
свататься к Брюнхильд,
и Сигурд с ними
вместе поехал,
юный Вёльсунг,
в битвах искусный.
Женой назвал бы
ее, если б мог!

4 Юноша с юга
меч положил
обнаженный на ложе
меж ней и собой;
женщину он
не целовал,
не обнимал
гуннский конунг,
деву сберег он
для сына Гьюки.

5 Она в своей жизни
позора не знала,
обид от судьбы
еще не изведала,
не знала тревог
ни мнимых, ни истинных,
но путь преградила
злая судьба!

6 Сидя под вечер
около дома,
так, не таясь,
дева сказала:
«Будет Сигурд
в объятьях моих,

юный герой,
или умрет!

7 Так я сказала,
а после раскаюсь:
Гудрун — жена его,
я — жена Гуннара,
норны сулили нам
долгое горе!»

8 Часто выходит,
полная злобы,
на льды и снега
в вечернюю пору,
когда он и Гудрун
в постель ложатся
и Сигурд жену
обвивает покровом
и в объятья берет ее
гуннский конунг.

9 «Нет у меня
ни мужа, ни радости,—
радость из гнева
себе изготовлю!»

10 Ненавидя, она
убийство задумала:
«Гуннар, ты скоро
навек потеряешь
землю мою
и меня вместе с нею —
с конунгом мне
счастья не видеть!

11 Поеду туда,
откуда приехала,
там я жила
у родичей близких:
там я останусь
для жизни сонной,
коль не убьешь ты
конунга Сигурда,
если над ним
ты не возвысишься!

12 Сын пусть отправится
вслед за отцом!
Волка кормить
больше не будет!
Легче вражда
идет к примиренью,
если в живых
нет больше сына».

13 Гуннар печально
повесил голову,
день целый сидел он
в смятенье горестном;
не ведал совсем,
как поступать
ему подобало,
не видел он вовсе,
как поступить
ему в этом деле,—
ибо он знал,
что Вёльсунг погибнет
и будет ужасной
эта потеря.

14 Долгое время
томился в раздумье:
прежде такого
еще не бывало,
чтоб конунгов жены
царство бросали.
С Хёгни он стал
совещаться тайно,
тот ему верным
во всем был другом.

[*Гуннар сказал:*]
15 «Всех мне дороже
Брюнхильд, дочь Будли,
всех женщин она
лучше и краше;
скорее готов я
с жизнью расстаться,
чем этой жены
потеряю сокровища!

16 Не хочешь ли князя
убить и богатства
княжьи присвоить?
Отлично владеть
сокровищем Рейна
и жить в довольстве,
правя страною
и радуясь счастью!»

17 Одно лишь в ответ
вымолвил Хёгни:
«Не подобает нам
так поступать —
мечом рассечь
нами данные клятвы,
клятвы, что дали мы,
наши обеты!

18 Не знаем людей
счастливее нас,
пока вчетвером
дружиной мы правим,
пока невредим
гуннский Бальдр войска:
родства на земле
не найти достойнее,
если бы впятером
за долгую жизнь
взрастить сынов
знатного рода!

19 Знаю, откуда
дороги ведут:
Брюнхильд страсть
слишком сильна!»

[*Гуннар сказал:*]

20 «Готторма мы
толкнем на убийство,
младшего брата,
еще неразумного!
Не произнес он
клятвы, что дали мы,
клятв, что давали мы,
наших обетов».

21 Легко согласился
поспешный в поступках:
Сигурду меч
в сердце вонзил.

22 Отмстить захотел
воинственный конунг,
меч свой метнул
в юнца неразумного:
с силою Грам
брошен был в Готторма,
светлый клинок,
рукою смелого.

23 Надвое был
рассечен убийца,
прочь голова
отлетела с плечами,
рухнули ноги,
назад завалились.

24 Гудрун заснула,
горя не зная,
на ложе своем
с Сигурдом рядом —
но пробудилась
в печали и страхе,
увидев на ложе
кровь друга Фрейра.

25 Так сильно она
всплеснула руками,
что духом могучий
поднялся на ложе:
«Гудрун, не плачь,
жена моя юная,—
братья твои
живы еще!

26 Есть у меня
юный наследник,
как его вызволить
из вражьего дома?
Братья твои
задумали новое,

замыслы их
злобны и пагубны.

27 Сына сестры их
такого не будет,
хотя б семерых
ты породила!
Твердо я знаю
причину беды:
Брюнхильд одна
во всем виновата!

28 Дева любила
меня одного,
но Гуннару я
не нанес ущерба;
узы родства
соблюдал и клятвы,
чтоб другом жены его
не был я прозван».

29 Жена застонала,—
конунг скончался:
так сильно она
всплеснула руками,
что зазвенели
кубки в углу,
а во дворе
откликнулись гуси.

30 Тогда рассмеялась
Брюнхильд, дочь Будли,
единственный раз
от души рассмеялась,
когда на ложе
своем услыхала
рыданья громкие
дочери Гьюки.

31 Сказал тогда Гуннар,
вождь дружины:
«Не от веселья
и не от радости
ты рассмеялась,
злобная женщина!
Отчего покраснела,
чудовищ родившая?
Скоро умрешь ты! —
так мне сдается.

32 Тебе подобало б
своими глазами
увидеть, как Атли
мы изрубили бы,
брата увидеть
раны кровавые,
могла бы ты их
ему перевязывать!»

[*Брюнхильд сказала:*]

33 «Тебя не виню:
ты храбро бился!
Злобы твоей
не страшится Атли.
Из вас двоих
проживет он дольше,
и силой тебя
он превзойдет.

34 Скажу я, Гуннар,—
ты сам это знаешь,—
поспешно вы
преступленье свершили!
Свободна во всем,
запретов не зная,
в богатстве жила
я в братнином доме.

35 И замуж я
идти не хотела,
покуда вы, Гьюкунги,
к нам не приехали,—
трое верхом,
великие конунги,—
лучше бы не было
этой встречи!

36 Тому обещалась,
кто, в золоте весь,

правил Грани;
ничем на вас
он не был похожим,
ни взором своим,
ни своим обличьем —
хоть вы и казались
князьями великими!

36 Тогда мне Атли
тайно поведал,
что он делить
достоянье не станет,
ни земли, ни золота,
мне не отдаст
моей половины,
коль замуж не выйду,—
те земли, что мне,
молодой, обещал,
казну ту, что мне,
молодой, отсчитал он.

37 В смятенье тогда
душа моя стала:
убивать ли бойцов мне?
Кольчугу надев,
разить ли дружинников
брату в подмогу?
Все бы тогда
это проведали,
и многим тогда
беды грозили бы.

38 Мы наш уговор
блюсти согласились;
очень хотела я
золото взять —
красные кольца
сына Сигмунда,—
сокровищ иных
я не желала.

40 Один, а не многие,
был мне дорог,
женщины дух
не был изменчивым!
Атли в этом
сам убедится,—
когда он услышит
о смерти моей,—

41 что не слабой была
жена, если заживо
в могилу идет
за мужем чужим,—
то будет месть
за обиду мою!»

42 Поднялся Гуннар,
конунг великий,
на плечи женщине
руки вскинул;
начали все,
один за другим,
ее отговаривать,
силой удерживать.

Всех оттолкнула
она от себя,
всех, кто мешал
долгой поездке.

44 Хёгни он стал
звать на совет:
«Хочу, чтобы воины
были в палате
твои и мои!
Эту жену
не должно пускать
в поездку смертельную,
пока не возникнет
помеха другая:
тогда пусть вершится,
что предназначено!»

45 Одно лишь в ответ
вымолвил Хёгни:
«Пусть не мешают
долгой поездке,
не вернется она

никогда оттуда!
Злобной она
родилась у матери,
рожденной была,
чтобы горе чинить,
многих людей
в беду повергая!»

46 Беседу окончив,
печальный ушел он.
А земля ожерелий
делила сокровища.

47 Добро свое все
она оглядела,
мертвых рабынь
и служанок убитых,
надела кольчугу,—
горестно было ей,—
прежде чем меч
в себя вонзила.

48 Упала она
сбоку на ложе
и, сталью пронзенная,
так промолвила:

49 «Пусть подойдут
те, кто золото хочет
и серебро
мое получить!
Каждой я дам
золотые запястья,
покрывала в узорах,
пестрые ткани!»

50 Все были безмолвны,
все размышляли,
и вместе ей
так все ответили:
«Довольно убитых!
Жизнь дорога нам!
Не надо служанкам
оказывать чести».

51 Тогда, подумав,
жена молодая,
в одежде льняной,
слово промолвила:
«Я не хочу,
чтобы жизни лишались,
из-за меня
смерть принимая!

52 Пусть на ваших костях
не будут обильны
уборы богатые,
Меньи сокровища,
когда доведется
встретиться нам.

53 Гуннар, послушай,
вот что скажу я:
жить для меня
не стало надежды.
Но и ваша ладья
на пути опасном,
пусть даже я
с жизнью расстанусь!

54 Скорей, чем думаешь,
с Гудрун помиритесь,
хоть славной жене,
живущей у конунга,
горестно помнить
о муже погибшем.

55 Деву она
там родила,—
будет Сванхильд
как солнечный луч,
будет светлее
ясного дня.

56 Гудрун, что многим
гибель несла,
замуж ты выдашь
за славного мужа,
но брак тот не будет
очень счастливым;

Атли ее
в жены возьмет,
Будли рожденный,
брат мой родной.

57 Много могу я
припомнить недоброго
о том, как жестоко
была я обманута,
как я жила,
лишенная радости!

58 Ты, Гуннар, на Оддрун
захочешь жениться,
но Атли тебе
не даст согласья;
томиться вы станете
тайным желаньем:
полюбит тебя,
как я бы любила,
если б судьбой
то было назначено!

59 Атли тебя
будет преследовать,
будешь ты в яму
змеиную брошен.

60 Вскоре за этим
другое последует:
с жизнью простится
Атли, теряя
земли свои
и своих сыновей,
ибо в отчаянье
Гудрун его
на ложе пронзит
лезвием острым.

61 Лучше бы Гудрун,
вашей сестре,
за первым мужем,
за мертвым последовать,
если б ей дали
добрый совет
иль смелостью мне
была б она равной!

62 С трудом говорю,
но совет мой она
слушать не станет —
себя не убьет:
ее понесут
высокие волны
в иные края,
в Йонакра земли.

63 . . . .
Йонакра дети;
а Сванхильд ушлет
в другую страну,
дочь, от Сигурда
ею рожденную.

64 Погубит Сванхильд
Бикки совет,
ибо Ёрмунрекк
гибель приносит,—
так исчезнет
Сигурда род,
чтоб Гудрун больше
слез проливала.

65 Просьбу одну
тебе я выскажу,—
просьба моя
будет последняя,—
сложить прикажи
костер погребальный,
пусть будет для нас
для всех просторен,
для тех, кто умер
с Сигурдом вместе.

66 Украсьте костер
коврами, щитами,
рабов положите
и яркие ткани;
пусть рядом со мной
сожжен будет конунг.

67 Будет конунг сожжен
рядом с моими
рабами в уборах
богатых и ярких;
двух ястребов
в головах положите,
тогда будет все
как должно исполнено.

68 И пусть лежит
меч между нами
острый клинок,
как в ночи былые,
когда мы с Сигурдом
вместе лежали
и назывались
женой и мужем.

69 И пусть ему
пяту не отрежет
дверь, на которой
кольцо с украшеньем,
если за ним
вслед я поеду —
наш свадебный поезд
бедным не будет!

70 Пять рабынь мы возьмем
и слуг восьмерых
высокого рода
с собой на костер,
рабынь, что выросли
в доме отцовом,
и то наследье,
что Будли мне отдал.

71 Много сказала я,
больше смогла бы,
когда б мне судьба
на то дала время!
Голос мой глух,
раны горят,
правду одну
говорю, умирая!»

ПОЕЗДКА БРЮНХИЛЬД В ХЕЛЬ

После смерти Брюнхильд было сложено два костра; один — для Сигурда, и этот костер сгорел первым, а Брюнхильд была сожжена на другом костре. Она была в повозке, увешанной драгоценными тканями. Говорят, что Брюнхильд поехала в этой повозке в Хель мимо двора, в котором жила некая великанша. Великанша сказала:

1 «Ты не дерзнешь
через двор мой ехать,—
из камня ограда
его окружает;
ткать бы тебе
больше пристало,
чем ехать следом
за мужем чужим!

2 Зачем из Валланда
ты явилась?
Зачем, неверная,
в дом мой проникла?
Золота Вар,—
если знать ты хочешь,—
руки твои
в крови человечьей!»

[*Брюнхильд сказала:*]

3 «Меня не кори,
в камне живущая,
за то, что бывала я

в бранных походах!
Из нас двоих лучшей
я бы казалась,
если бы люди
меня постигли».

[*Великанша сказала:*]

4 «Брюнхильд, дочь Будли,
для бед великих
тебе довелось
на свет родиться:
ты погубила
Гьюки сынов,
ты разорила
дома их и земли».

[*Брюнхильд сказала:*]

5 «Мудро тебе
из повозки отвечу,
если захочешь
ты, глупая, знать,
как Гьюки сыны
меня заставляли
жить без любви
и обеты нарушить!

6 Конунг смелый
наши одежды,
восьми сестер,
под дубом схватил;
двенадцать зим
мне было в ту пору,
когда обещала я
конунгу помощь.

7 Там в Хлюмдалире
Хильд шлемоносной
меня называли
все мудрые люди.

8 В готском краю
я тогда отправила
в сторону Хель
Хьяльм-Гуннара старого,
победу отдав
Ауды брату:
очень был этим
Один разгневан.

9 Воздвиг для меня
из щитов ограду
белых и красных,
края их смыкались;
судил он тому
сон мой нарушить,
кто ничего
не страшится в жизни.

10 Вокруг ограды
велел он еще
ярко гореть
губителю дерева;
судил лишь тому
сквозь пламя проехать,
кто золото взял
из логова Фафнира.

11 Приехал герой
на Грани своем
туда, где пестун мой
правил владеньем;
лучшим он был,
бойцом храбрейшим,
викинг датский,
во всей дружине.

12 Ложились мы с ним
на ложе одно,
как если б он был
братом моим;
восемь ночей
вместе мы были —
хотя бы рукой
друг друга коснулись!

13 Гудрун, дочь Гьюки,
меня упрекала
за то, что спала я
в объятьях Сигурда;
тут я узнала —

лучше б не знать мне! —
горький обман
брачного выбора.

14 Долго придется
в горькой печали
рождаться на свет
мужам и женам!
С Сигурдом я
теперь не расстанусь!
Сгинь, пропади,
великанши отродье!»

ВТОРАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

Убийство Нифлунгов

Гуннар и Хёгни взяли тогда все золото, наследье Фафнира. Между Гьюкунгами и Атли была тогда вражда. Он обвинял Гьюкунгов в смерти Брюнхильд. Помирились на том, что они должны были отдать ему в жены Гудрун. Они дали ей выпить напиток забвения, прежде чем она согласилась выйти замуж за Атли. Сыновей Атли звали Эрп и Эйтиль. А Сванхильд была дочерью Сигурда и Гудрун.

Конунг Атли пригласил к себе Гуннара и Хёгни и послал к ним Винги и Кнефрёда. Гудрун знала коварный замысел и написала им рунами, чтобы они не приезжали. В подтверждение она послала Хёгни кольцо Андвари, которое она обвязала волчьим волосом.

Гуннар сватался к Оддрун, сестре Атли, но ему ее не отдали. Тогда он женился на Глаумвёр. А Хёгни был женат на Костбере. Сыновей их звали Солар, Сневар и Гьюки.

Когда Гьюкунги приехали к Атли, Гудрун велела своим сыновьям просить оставить Гьюкунгов в живых. Но они не захотели. У Хёгни вырезали сердце, а Гуннара бросили в змеиный ров. Он играл на арфе и усыпил змей, но одна гадюка укусила его в печень.

Конунг Тьодрек был у Атли и потерял там большую часть своих людей. Тьодрек и Гудрун жаловались друг другу на свои несчастья. Она сказала ему:

Песнь о Гудрун

1 «Девой счастливейшей
в женских хоромах
я родилась,
любила я братьев,
покуда мне Гьюки
золота не дал, —
золото дал он
и выдал за Сигурда.

2 Таким был Сигурд
пред Гьюки сынами,
как стебель лука,

из трав встающий,
как легкий олень
меж тварей лесных,
как золота пламя
пред оловом тусклым.

3 Зависть братьев
моих обуяла —
муж мой был лучшим
между героями;
спать не могли,
ни дела обсуждать,
пока они Сигурда
не погубили.

4 Грани примчался,—
слышен был топот,—
Сигурд тогда
сам не приехал;
были все кони
обрызганы кровью,
в пути утомясь,
убийц привезли они.

5 С Грани пошла я
беседовать, плача,
стала расспрашивать,
слезы роняя;
Грани понурил
голову низко —
знал о беде он:
не стало хозяина.

6 Долго терзалась я,
долго молчала,
все же спросить
решилась у Гуннара.

7 Голову скорбно
Гуннар склонил;
Хёгни сказал мне
о смерти жестокой:
«Лежит изрубленный
там за рекой
убивший Готторма,—
отдан волкам он.

8 Взгляни на юг —
вот Сигурд лежит!
Слушай, как воронов
каркает стая,
добычу орлы
с клекотом делят,
волки над мужем
твоим завывают».

[*Гудрун сказала:*]
9 «Хёгни, зачем ты
счастья лишенной
о горе подобном
поведать вздумал?
Пусть сердце твое
ворон терзает
в далекой земле,
которой не знаешь ты».

10 Одно лишь Хёгни
молвил в ответ,—
сумрачен был он
от сильного горя:
«Гудрун, тебе бы
сильней горевать
о том, что сердце
склюют мне вороны!»

11 Одна я ушла
после этой беседы
в лес, чтобы взять
волчью добычу:
не голосила,
руки ломая,
не причитала,
как жены другие,
как мертвая, сидя
над телом Сигурда.

12 Ночь мне казалась —
как в новолунье,
когда над Сигурдом

в горе сидела я;
мнилось, что волки
благо бы сделали,
если б меня
жизни лишили!
Если б сгорела
я, как береза!

13 Пять дней я спускалась
по горным склонам,
пока не увидела
Хальва палаты.

14 Прожила я у Торы
семь полугодий,
у дочери Хакона
в датской земле.
Шитьем золотым
меня забавляла,
вышивая палаты
и витязей датских.

15 Вышили с ней мы
конунгов подвиги,
были на тканях
воины князя,
щиты червленые,
гуннов воители,
с мечами и в шлемах
княжья дружина;

16 по морю струги
Сигмунда плыли —
драконьи морды
и штевни резные;
вышили мы,
как бились на юге
Сигар и Сиггейр
на острове Фьоне.

17 Проведала Гримхильд,
готская женщина,
где я живу
Оставила вышивку,
вызвала сына,
чтобы спросить
своенравного воина,
согласен ли он
сестре отплатить
иль выкуп за мертвого
мужа отдаст он.

18 Гуннар готов был —
и Хёгни тоже —
выплатить золото,
выкуп за распрю.
Спросила она,
кто согласится
коня оседлать,
в повозку запрячь,
скакать на коне,
сокола взвить,
луком из тиса
стрелы пуская.

19 Вальдар датский,
и Ярицлейв с ним,
Эймод третий,
а с ними и Ярицкар
в палату вошли,
подобны князьям,
Лангбарда воины,
в красных плащах,
кольчуги их в золоте,
острые шлемы,
мечи у бедра,
волосы темные.

20 Каждый пытался
подарок вручить мне,
подарок вручить
и в печали утешить,
как будто могли
горе мое
этим унять,
но им я не верила.

21 Гримхильд напиток
мне поднесла

терпкий, студеный,
чтоб горе забыла я:
сдобрен он был
силой земли,
холодной волной
и кровью вепря.

22 Были на роге
багряные руны —
что они значат,
прочесть не могла я:
вереска рыба,
Хаддинги края
несрезанный колос,
звериная пасть.

23 Были в той браге
многие беды,
листья и желудя
жженого пепел,
роса очага
и жертв требуха,
печень свиная,
свары гасящая.

24 Забыли тогда,
что совершили
[*непонятное место*]
Трое князей
ко мне подошли,
прежде чем мне она
молвила слово.

25 «Дам тебе, Гудрун,
золота груду,
все, что отец
в наследье оставил,
кольца червленые,
Хлёдвера земли,
ковер драгоценный
за конунга мертвого.

26 Девушек гуннских,
ткущих искусно,
золотом шьющих
тебе на забаву,—
Будли сокровища
будут твоими,
вся в золоте выйдешь
замуж за Атли!»

[*Гудрун сказала:*]
27 «Нет, не бывать
браку такому,
никогда я за брата
Брюнхильд не выйду!
Мне не пристало
с отпрыском Будли
род умножать
и радостно жить!»

[*Гримхильд сказала:*]
28 «Враждебной не будь
к героям воителям,
хоть и повинны
мы пред тобою!
Снова все будет,
как если б жили
Сигурд и Сигмунд,—
роди сыновей лишь!»

[*Гудрун сказала:*]
29 «Гримхильд, постылы мне
шумные пиршества,
как уступлю я
желаниям Атли,
если трупов чудовище
с Хугином вместе
Сигурда кровь
пили из сердца!»

[*Гримхильд сказала:*]
30 «Великого конунга
я тебе выбрала,
первым из всех
он признан повсюду;
с ним проживешь ты
до самой смерти,
а не захочешь —
не быть тебе замужем!»

[*Гудрун сказала:*]
31 «Нет, не стремись,
к сварам привычная,
злое родство
мне навязать!
Гуннару он
зло причинит,
сердце у Хёгни
вырвет из ребер.
Не буду спокойной,
пока не убью
того, кто забавы
мечей затевает».

32 Горько рыдая,
молвила Гримхильд,
беды сынов
и родичей видя,
злые напасти
для них ожидая:

33 «Еще я дам земли
и с ними дружину,
Винбьёрг и Вальбьёрг,
коль взять ты согласна,—
до смерти владей
и счастлива будь!»

[*Гудрун сказала:*]
34 «Выбор я сделаю,
конунга выберу,
но так поступить
родня принуждает:
не суждено мне
счастливой быть с мужем,
братьев беда
не спасет сыновей!»

35 Воины все
на коней вскочили,
вальские жены
сели в повозки:
семь дней мы ехали
по землям студеным,
семь дней веслами
волны месили
и семь еще дней
посуху шли.

36 Тогда вратари
высокого града
открыли ворота,
чтоб въехать во двор нам.

37 Разбудил меня Атли —
в тревоге была я,
предчувствуя смерть
родичей милых.

[*Атли сказал:*]
38 «Норны меня
пробудили недавно,
зловещую мне
дали загадку:
мне снилось, ты, Гудрун,
дочь Гьюки, вонзила
отравленный меч
в тело мое».

[*Гудрун сказала:*]
39 «Сон про железо
огонь предвещает,—
женщины гнев —
желанья пустые:
язву я выжгу
и вылечу хворь,
хоть бы тебя
я ненавидела».

[*Атли сказал:*]
40 «Снилось еще,
что здесь во дворе
упали побеги,—
их посадил я,—
вырваны с корнем,
облиты кровью,
лежат на столе,—
я должен жевать их.

41 Снилось, что пущены
соколы мною,

голодные птицы,
навстречу погибели;
как будто сердца их,
набухшие кровью,
в горе смешал я
с медом и съел их.

42 Снилось, что пущены
мною щенята,
два их, и воют
оба уныло;
снилось, что падалью
стало их мясо,
что его пожирать
принуждают меня».

[*Гудрун сказала:*]
43 «То воины будут
улов обсуждать,
у белых рыб
отрывая головы:
дохлыми станут
в недолгое время,
перед рассветом
люди съедят их.

Не легла, не спалось мне,
жаждавшей мести,
на ложе моем —
ясно я помню...»

ТРЕТЬЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

Херкьей звалась служанка Атли. Она когда-то была его любовницей. Она сказала Атли, что видела Тьодрека и Гудрун вместе. Атли очень опечалился. Тогда Гудрун сказала:

Песнь о Гудрун

[*Гудрун сказала:*]
1 «Что с тобой, Атли,
сын Будли, скажи мне!
Отчего ты невесел,
чем ты встревожен?
Были бы ярлы
более рады,
коль ты привечал бы
людей и меня!»

[*Атли сказал:*]
2 «Недоброе, Гудрун,
дочь Гьюки, узнал я,—
Херкья сейчас мне
в палате сказала:
с Тьодреком ты
уснула на ложе,
обняв его ласково
под покрывалом».

[*Гудрун сказала:*]
3 «В том я поклясться
тебе готова
клятвой на белом
священном камне:
с сыном Тьодмара
я не свершала
дел, недостойных
мужчины и женщины!

4 Не обнимала
его никогда я,
вождя дружины,
достойного конунга.
С ним встречаясь,
речи вели мы,
и скорбными были
наши беседы.

5 Тьодрек привел
тридцать воителей,
никто из дружины
в живых не остался!
С близкой родней
меня разлучили,
нет моих братьев,
ни воинов храбрых!

6 За Сакси пошли,
за князем южан:
он может котел
освятить кипящий!»

7 Семь сотен людей
в палату вступили,
прежде чем Гудрун
к котлу подошла.

[*Гудрун сказала:*]
8 «Гуннара с Хёгни
позвать не могу я,
братьев моих
мне не увидеть,—
Хёгни мечом бы
отмстил за обиду,—
сама я должна
позор этот смыть».

9 Ладонь в кипяток
до дна погрузила,
со дна подняла
драгоценные камни.

[*Гудрун сказала:*]
«Взгляните, вот суд
свершился священный,—
пусть влага кипит
в котле — я оправдана!»

10 У Атли в груди
душа взыграла,
когда он руки
Гудрун увидел.

[*Атли сказал:*]
«Пусть Херкья теперь
к котлу подойдет,
та, что сгубить
собиралась Гудрун!»

11 Жалок для взора
вид был у Херкьи,
руки свои
в котле обварившей.
Повели тогда деву
в глухое болото —
так смыть обиду
Гудрун смогла.

ПЛАЧ ОДДРУН

О Боргню и Оддрун

Одного конунга звали Хейдрек. Его дочь звали Боргню. Вильмундом звали того, кто был ее любовником. Она не могла разродиться, пока не подоспела Оддрун, сестра Атли. Оддрун была раньше возлюбленной Гуннара, сына Гьюки. Об этом здесь рассказывается.

1 Слышал рассказ я
в древних сагах,
как дева явилась
однажды в Морналанд;
никто из людей
на земле не мог ей,

дочери Хейдрека,
помощь подать.

2 Услышала Оддрун,
Атли сестра,
что тяжкие боли
деву схватили;
из стойла взяла
удилам покорного,
на вороного
седло возложила.

3 Пустила коня
по ровным путям,
пока не достигла
палат высоких;
в дом войдя,
прошла вдоль палаты,
с коня усталого
скинув седло,
и сразу сказала
слова такие:

4 «Что на земле здесь
достойно вниманья?
Какие услышу
в Хуналанд вести?»

[*Служанка сказала:*]
«Боргню лежит здесь,
боль ее мучит,
подруге твоей
не поможешь ли, Оддрун?»

[*Оддрун сказала:*]
5 «Кто же в позоре
этом повинен?
Откуда у Боргню
внезапные боли?»

[*Служанка сказала:*]
6 «Вильмунд зовется
воин, что деву
покровом окутывал
целых пять зим,—
в этом отцу
она не призналась».

7 Больше ни слова
они не сказали:
сев рядом с девой,
радея о помощи,
громко запела,
могуче запела
Оддрун для Боргню
благие заклятья.

8 Двойня родилась —
мальчик и девочка,
славные дети
убийцы Хёгни.
Слово промолвила
в муке предсмертной
дева, молчанье
дотоле хранившая:

9 «Пусть тебе Фригг
и Фрейя помогут
и боги другие,
благо дающие,
как ты отвела
от меня погибель!»

[*Оддрун сказала:*]
10 «Не потому я
пришла на помощь,
что тебя считала
того достойной;
исполнила я,
что обещала,
когда делили
добычу конунги:
всем помогать,
кто помощи ищет».

13 Села тогда
жена и скорбно
о горе своем
рассказывать стала.

[*Оддрун сказала:*]

14 «Вскормили меня
в княжьих хоромах —
всем на радость —
по воле людей.
Владела я счастьем
и отчей землей
всего лишь пять лет,
пока жив был отец мой.

15 Последнее слово
конунг промолвил,
пред смертью своей
так повелел он:
надеть мне уборы
из красного золота
и замуж идти мне
за сына Гримхильд;

16(2) сказал, что другой
на свете не будет
девы, мне равной,
коль не умру я».

[*Боргню сказала:*]

11 «Безумна ты, Оддрун,
твой разум затмился,—
зачем ты, озлобясь,
меня осуждаешь?
А я от тебя
оторваться не в силах,
как будто отцы наши
братьями были!»

[*Оддрун сказала:*]

12 «Я помню слова,
что ты молвила вечером,
Гуннару я
напиток готовила:
деве другой
не довелось бы
так поступить,
как я поступила.

16(1) Брюнхильд он шлем
взять повелел,
сказал, что валькирией
быть суждено ей.

17 Брюнхильд в покоях
ткала покровы,
дружина и земли
ее окружали;
земля и небо
покоились мирно
в час, когда Сигурд
чертог увидел.

18 Вальским клинком
воин ударил,
Брюнхильд палаты
были разрушены;
следом затем
все она сведала,
как ей чинили
обманные козни.

19 За это она
отомстила жестоко,—
все испытали мы
беды великие:
в мире повсюду
молва разнесется,
как Брюнхильд себя
убила на Сигурде!

20 Гуннар был дорог
мне, как Брюнхильд
должен был конунг
стать дорогим.

21 Много колец
красного золота
и выкуп большой
брату предложен был;
а мне предложил он
пятнадцать дворов
и Грани поклажу,
когда б пожелала я.

22 Но Атли сказал,
что от Гьюки сынов
взять никогда
не захочет он вена.
А мы побороть
любовь не могли,
и я к плечу
князя прильнула.

23 Многие родичи
речи вели
о том, что вместе
видели нас;
и Атли молвил,
что мне не пристали
греховный поступок
и дело позорное.

24 Но отрекаться
нельзя от любви,
где править людьми
она начинает!

25 Атли своих
послал соглядатаев
тайно за мною
в темную чащу,—
пришли,— хоть туда
идти бы не след им,—
когда наш покров
постлать мы хотели.

26 Красные им
посулили мы кольца,
чтоб скрыли они
от Атли, что видели,
но поспешили
посланцы Атли
в дом возвратиться
и все рассказать.

27 Но Гудрун от них
ничего не узнала,
а ей бы вдвойне
пристало то ведать.

28 Цокот раздался
копыт золотых,
прибыли к нам
наследники Гьюки,—
вырвали сердце
из ребер у Хёгни,
в ров змеиный
Гуннара ввергли.

29 Случилось тогда
быть мне у Гейрмунда,
там я питье
принялась готовить,
а Гуннар играть
на арфе начал,—
подумал он, видно,
конунг великий,
что помощь ему
оказать поспешу я.

30 Ко мне донеслись
с острова Хлесей
струн голоса,
горестно певшие;
служанкам велела
в дорогу собраться,
князя от смерти
хотела спасти я!

31 Ладья поплыла
через пролив,
пока не достигла
Атли палат.

32 Но тут приползла
коварная мать
конунга Атли,—
истлеть бы проклятой!—
Гуннару в сердце

жало вонзила,
и конуга я
спасти не могла.

33 Нередко дивлюсь,
как ныне могу я,
женщина, в горести
жить и томиться,
если властитель,
мечи вручавший,
в битвах могучий,
как жизнь, мне был дорог!

34 Слушала ты
скорбные речи
о горестных судьбах
моих и родни моей.
Желанья людские
жизнью правят —
так кончается
Оддрун плач».

ГРЕНЛАНДСКАЯ ПЕСНЬ ОБ АТЛИ

Смерть Атли

Гудрун, дочь Гьюки, отомстила за своих братьев, как об этом много рассказывалось: она убила сначала сыновей Атли, а потом самого Атли и сожгла его палаты и всю его дружину. Об этом сложена такая песнь:

1 Атли когда-то
отправил к Гуннару
хитрого мужа
по имени Кнефрёд;
в вотчину Гьюки,
к Гуннару прибыл он,
в дом, к очагу,
к вкусному пиву.

2 Дружинники пили
в вальгалле вино
и гуннам не верили,
молчали предатели;
Кнефрёд воскликнул
недобрым голосом,—
на высокой скамье
сидел южанин.

3 «Атли я послан
сюда с порученьем,
верхом проскакал я
сквозь чащу Мюрквид
просить вас с Гуннаром
к Атли в гости,
в дом свой зовет он
вас, шлемоносные!

Дадут вам щиты
и пики на выбор,
в золоте шлемы,
попоны расшитые,
множество гуннов,
рубахи червленые,
стяги на копьях,
ретивых коней!

5 Широкое даст
Гнитахейд поле,
пики звенящие,
челны златоносные,
золота груды,
и Данпа земли,
и лес знаменитый,
что Мюрквид зовется!»

6 Гуннар тогда
повернулся к Хёгни:
«Что скажешь,
брат младший?
Не знаю я золота
с полей Гнитахейд,
что нашей добычей
давно бы не стало!

7 У нас семь палат,
полных мечами,
их рукояти
в резьбе золотой,
конь мой, я знаю,
коней всех ретивей,
острее мой меч,
красивей мой шлем
из Кьярова дома,
кольчуги из золота,
и лук мой лучше
всех гуннских луков!»

[*Хёгни сказал:*]

8 «Почему нам жена
кольцо прислала
в волчьей одежде?
Остеречь нас хотела?
Волос вплетен был
волчий в кольцо —
по волчьей тропе
придется нам ехать!»

9 Не подстрекали
родичи Гуннара,
молчали советчики,
воины смелые;
велел тогда Гуннар,
как должно владыке
от щедрой души,
на пиршестве княжьем:

10 «Фьёрнир, вставай!
Пусть вкруговую
ковши золотые
пойдут по рукам!

11 Пусть волки наследье
отнимут у Нифлунгов —
серые звери, —
коль я останусь!
Пусть мирные хижины
станут добычей
белых медведей,
коль я не поеду!»

12 Простились люди
с конунгом, плача,
когда уезжал он
из гуннского дома;
сказал тогда юный
наследник Хёгни:
«Путь свой вершите,
как дух вам велит!»

13 Рысью пустили
резвых коней
по горным склонам
сквозь чащу Мюрквид;
Хунмарк дрожал
от топота конского,
гнали покорных
по травам зеленым.

14 Атли владенья
они увидели,
воинов Бикки
на стенах высоких;
в палатах южан
скамьи поставлены,
на стенах тарчи,
щиты и доспехи,
стяги на копьях;
Атли там пил
в вальгалле вино;
стража была
наготове снаружи,
чтоб Гуннара встретить,

когда бы затеял он
с конунгом битву.

15 Первой сестра
братьев приметила —
хмельной не была она —
у входа в палату:
«Гуннар, ты предан!
Гунны коварны,
не справишься с ними,—
спасайся скорее!

16 Лучше б тебе
кольчугу надеть,
а не шлем, окованный
кольцами золота,
ясные дни
проводил бы в седле,
дал бы бледные трупы
норнам оплакивать,
дев гуннских воинственных
впряг в борону бы,
вверг бы ты Атли
в ров змеиный,
а ныне вы сами
в него попадаете!»

[*Гуннар сказал:*]

17 «Не успеть мне, сестра,
Нифлунгов кликнуть,
далеко искать
удалую дружину,
с холмов красных Рейна
воинов храбрых!»

18 Схвачен был Гуннар,
накрепко скован,
друг бургундов,
связан надежно.

19 Хёгни сразил
мечом семерых,
восьмого спихнул
в огонь пылавший.

Так должен смелый
сражаться с врагом,
как Хёгни бился,
себя защищая.

20 Спросили, не хочет ли
готов властитель
золото дать,
откупиться от смерти.

[*Гуннар сказал:*]

21 «Пусть сердце Хёгни
в руке моей будет,
сердце кровавое
сына конунга,
острым ножом
из груди исторгнуто».

22 Вырвали сердце
у Хьялли из ребер,
на блюде кровавое
подали Гуннару.

23 Гуннар воскликнул,
владыка дружины:
«Тут лежит сердце
трусливого Хьялли,
это не сердце
смелого Хёгни,—
даже на блюде
лежа, дрожит оно,—
у Хьялли в груди
дрожало сильнее!»

24 Вождь рассмеялся —
страха не ведал он,—
когда грудь рассекли
дробящего шлемы
и сердце на блюде
подали Гуннару.

25 Гуннар сказал,
славный Нифлунг:

«Тут лежит сердце
смелого Хёгни,
это не сердце
трусливого Хьялли,
оно не дрожит,
лежа на блюде,
как не дрожало
и прежде, в груди его!

26 Атли, ты радости
так не увидишь,
как не увидишь
ты наших сокровищ!
Я лишь один,
если Хёгни убит,
знаю, где скрыто
сокровище Нифлунгов!

27 Был жив он — сомненье
меня донимало,
нет его больше —
нет и сомненья:
останется в Рейне
раздора металл, —
в реке быстроводной
асов богатство!
Пусть в водах сверкают
вальские кольца,
а не на руках
отпрысков гуннских!»

[*Атли сказал:*]
28(1) «Готовьте повозку,
пленник закован!»

29 Атли могучий
ехал на Глауме,
[*непонятное место*]
Гудрун богов
. . . .
слез не лила,
войдя в палату.

[*Гудрун сказала:*]
30 «Клятвы тебя
пусть покарают,
которые Гуннару
часто давал ты,
клялся ты солнцем,
Одина камнем,
ложа конем
и Улля кольцом!»

28(2) И стража сокровищ,
Одина битвы,
поводья рвущий
на гибель повез.

31 Воины конунга
взяли живого,
в ров положили,
где ползали змеи;
в гневе один
Гуннар остался,
пальцами струн
на арфе касаясь;
струны звенели;
так должен смелый —
кольца дарящий —
добро защищать!

32 Атли направил
в путь обратный
коня своего
после убийства.
С топотом кони
теснились в ограде,
звенели доспехи
дружины вернувшейся.

33 Вышла Гудрун,
чтоб Атли встретить
с кубком в руках
золотым, как пристало:
«Конунг, прими
в палатах твоих

от Гудрун звереньшей,
в сумрак ушедших!»

34 Звенели чаши,
от пива тяжелые,
когда собрались
гунны усатые,
в палате толпились
храбрые воины.

35 Плавно вошла
с питьем ясноликая,
еду подала
побледневшему Атли,
сказала ему
слова оскорбленья:

36 «С медом ты съел
сердца сыновей —
кровавое мясо,
мечи раздающий!
Перевари теперь
трупную пищу,
что съедена с пивом,
и после извергни!

37 Не подзовешь,
не возьмешь на колени
Эйтиля с Эрпом,
веселых от пива;
не увидишь, как дротики
крепят на древки,
гривы стригут,
скачут верхом!»

38 Вопили неистово
люди в палате,
коврами увешанной,
плакали гунны;
одна только Гудрун
не стала оплакивать
братьев смелых
и милых сынов,
юных, немудрых,
от Атли рожденных.

39 Золото сеяла
лебяжьебелая,
челяди кольца
дарила червонные;
судьбе покорясь,
раздавала сокровища,
капищ она
не жалела, щедрая.

40 Атли беспечный
пьян был от пива,
меча не схватил,
не противился Гудрун:
иными бывали
их прежние встречи,
когда он при всех
обнимал ее нежно!

41 Постель она с лезвия
кровью насытила
рукой, в Хель ведущей,
выгнала псов,
дверь заперла,
подняла домочадцев,
дом запалила
в отплату за братьев.

42 Всех предала
огню, кто вернулся
из Мюркхейма вспять
после Гуннара смерти;
рушились балки,
дымилось капище,
Будлунгов двор,
щитоносные девы
падали мертвые
в жаркое пламя.

43 Довольно об этом!
Жены другие

кольчуг не наденут
для мести подобной!
Трем конунгам смерть
она принесла,
прежде чем гибель
ее постигла!

Еще подробнее об этом рассказано в Гренландских Речах Атли.

ГРЕНЛАНДСКИЕ РЕЧИ АТЛИ

1 Слышали люди
о сходке воителей,
державших совет,
для многих опасный:
беседы их тайные
беды несли,
сынов же Гьюки
измена сгубила.

2 Конунгам гибель
готовил жребий,
Атли ошибся,
хоть не был он глупым! —
он помощь отринул,
с бедой повстречался —
когда братьев жены
призвал он поспешно.

3 Мудро придумала
умная Гудрун,
все она знала
беседы их тайные;
трудно ей было —
чем братьям поможешь! —
По морю к ним
ей плыть невозможно.

4 Руны нарезала,
Винги их спутал,
прежде чем отдал,—
злодейства вершитель;
за Лимфьорд тогда,
где жили герои,
путь свой направили
Атли посланцы.

5 Радушно их встретили,
огонь разожгли,—
не знали коварных
замыслов воинов;
подарки Атли
приняли дружески,
в доброе веря,
на столб их повесили.

6 Костбера вышла,
Хёгни жена,—
обоих приветить
старалась усердно;
с радостью Глаумвёр,
супруга Гуннара,
заботливо стала
гостей принимать.

7 Стали звать Хёгни,
чтоб Гуннар поехал —
взор увидал бы
зоркий ловушку! —
Гуннар сослался
на Хёгни согласье,
Хёгни сказал:
пусть Гуннар решает.

8 Мед наливали,
несли угощенье,—
вдоволь рогов
выпили пива.

9 Ложе постлать
постарались удобное.
Костбера знала,

как руны разгадывать,
при ярком огне
про себя прочитала их,—
язык за зубами
держала крепко,—
но смысл был неясен
спутанных рун.

10 Легли они вместе
с Хёгни на ложе;
не скрыла достойная
снов, что привиделись,
про них, пробудясь,
поведала конунгу:

11 «Ты ехать собрался —
еще поразмысли!
Редкий средь нас
постичь может руны!
разгадала я те,
что резала Гудрун,—
недоброго жди,
горек твой жребий!

12 Одному я дивлюсь,
объяснить не умею,
что с мудрой случилось:
все спутаны руны!
Понять удалось,
что смерть угрожает,
коль вы поспешите
путь свой начать;
ей рун не хватило,
иль чья-то здесь хитрость!»

[*Хёгни сказал:*]

13 «Подозрительны жены,
мой нрав не таков,
вражды не ищу я,
коль не за что мстить мне!
Подарит нам золото
конунг звенящее;
меня не страшат
слухи тревожные!»

[*Костбера сказала:*]

14 «Плохо придется вам,
если поедете!
Встречи сердечной
теперь вы не ждите!
Снилось мне, Хёгни,—
скрывать я не буду,—
не выгрести вам,
иль напрасно страшусь я!

15 Мне снилось — огонь
охватил покров твой,
высокое пламя
сквозь дым прорывалось!»

[*Хёгни сказал:*]

16 «Простынь здесь немало,
не страшен убыток:
сгорят они скоро,—
вот сна объясненье».

[*Костбера сказала:*]

17 «Мне снилось — в палате
медведь появился,
столбы вырывал
и лапами взмахивал
с топотом громким;
дрожали мы в страхе,—
многие в пасть
к нему попадали!»

[*Хёгни сказал:*]

18 «Твой сон перемену
погоды сулит нам:
был белым медведь? —
это буря с востока!»

[*Костбера сказала:*]

19 «Мне снилось: летел
орел вдоль палаты, —
беда нам грозит!—
он обрызгал нас кровью,—
то Атли двойник,
я узнала по клекоту!»

[*Хёгни сказал:*]

20 «Скот мы зарежем —
вот кровь и прольется;
приснятся орлы —
то быков предвещает!
Нет в Атли предательства,
хоть сны и тревожны».
На том и конец,
как и всякой беседе.

21 Пробудясь, ту же речь
повели благородные:
Глаумвёр встревожилась,
сны вспоминая,
но их объяснили
они различно.

[*Глаумвёр сказала:*]

22 «Мне снилось: повесить
тебя собирались,
и змеи тебя
живого терзают,—
свершилась судьба,—
как сон разгадаешь?

24 Мне снилось: кровавый
меч извлечен
из одежды твоей, —
об этом молчать бы мне!
Мне снилось: копье
тебе в сердце ударило,
волчий вокруг
слышался вой».

[*Гуннар сказал:*]

25 «Псы с громким лаем
стаями бегают:
копий полет
их лай предвещает».

[*Глаумвёр сказала:*]

26 «Мне снилось: поток
течет вдоль палаты,
с ревом свирепым
несется по скамьям,
сбивает вас с ног,
братьев обоих,
не справиться с ним,—
это к несчастью!

28 Мне снилось: умершие
жены сошлись,—
почти без одежды,—
тебя выбирали,
призвать спешили
в палаты свои:
значит, бессильна
защита дис!»

[*Гуннар сказал:*]

29 «Поздно раздумывать,
так решено уж;
судьбы не избегнуть,
коль в путь я собрался;
похоже, что смерть
суждена нам скоро».

30 Собрались на рассвете,
ехать решили,
удержать их другие
старались усердно.
Впятером поскакали,
а слуг вдвое больше
дома осталось,—
неразумно то было!
Сневар и Солар —
Хёгни сыны —
и брат жены его,
Оркнинг по имени,
воин приветливый,
с ними поехали.

31 До фьорда нарядные
ехали с ними,
напрасно стараясь
назад воротить их.

32 Глаумвёр сказала,
супруга Гуннара,—
с Винги вступить
в беседу решилась:
«За встречу у нас
как вы отплатите?
Звать в гости преступно,
вражду затаив!»

33 В ответ начал клясться
Винги усердно:
пусть его великаны
возьмут, если лжет он!
Пусть удавят его,
если мир он нарушит!

34 Промолвила Бера,
сердцем приветная:
«Доброго плаванья
вам и победы!
Пусть все свершится,
у вас без помехи!»

35 Хёгни ответил —
добра им желал он:
«Полно скорбеть вам,
чтоб там ни свершилось!
Помощи мало
от пожеланий,
не помогают
путникам проводы».

36 Посмотрели они
друг на друга, прощаясь;
так решила судьба —
разошлись их пути.

37 Грести принялись,
полкиля сломали,
гребли очень сильно —
гнев обуял их —
порвали ремни,
разломали уключины;
причалив, корабль
не привязали.

38 Потом увидали,
к цели приблизясь:
двор возвышается —
Будли владенье;
затрещали ворота,—
Хёгни стучал в них.

39 Тогда молвил Винги
(молчал бы лучше!):
«Прочь ступайте отсюда,
опасность грозит вам!
Сейчас вас сожгут,
изрубят вас скоро,
я ласково звал вас,
но ложь здесь таилась!
Сделаю петлю,—
повешены будете!»

40 Хёгни ответил —
не стал отступать он,
не страшился грядущих
испытаний суровых:
«Что вздумал пугать нас?
Впустую те речи!
Молчи, или плохо
придется тебе!»

41 На Винги они
набросились вместе,
захрипел он, сраженный
секирами тяжкими.

42 Атли созвал
дружинников смелых;
доспехи надев,
дошли до ограды;
бросали друг другу
брань и угрозы:
«Решили давно мы
лишить вас жизни!»

43 «Не видать, что давно
вы это решили,—
вы еще не готовы,

а воин уж мертв,—
выбыл один
из вашего войска!»

44 Разъярились, услышав
речи такие,
задвигали пальцами,
схватились за копья,
их стали метать,
схоронясь за щитами.

45 Вести дошли
до сидевших в доме,
громко о схватке
крикнул слуга им.

46 В ярости Гудрун
ту весть услыхала,
ожерелья свои
сорвала и бросила,
кольца разбила,
на землю кинув.

47 Вышла во двор,
двери открыв,
бесстрашно вела себя,
братьев встречая,
как подобало,
приветствуя Нифлунгов
приветом последним,
и так им промолвила:

48 «Защитить вас хотела,
не выпустить из дому,—
кто ж рок переспорит —
пришлось вам приехать!»
Мудро просила,
миром не кончат ли,—
отвергли советы,
не стали мириться.

49 Увидела знатная:
беда угрожает —
задумала смелое,
сбросила плащ,
меч обнажила,
родных защищая,—
трудна была схватка
воинов с нею!

50 Двоих повалила
бойцов дочь Гьюки
и еще брата Атли
изранила тяжко,
отсекла ему ногу,—
пришлось унести его.

51 И другого воителя
в Хель отправила,
сразив наповал
твердой рукой.

52 Воспели потом
ту битву великую;
бились отважно
отпрыски Гьюки,
Нифлунги стойко,
до смертного часа
мечами разя,
рассекали кольчуги,
шлемы рубили,
рьяно сражаясь.

53 Утро и полдень
прошли в сраженье,
вечер настал,
и ночь миновала,—
было все поле
залито кровью;
восемнадцать легло
воинов вражьих,
два сына Беры
и брат ее тоже.

54 Атли был гневен,
но все же молвил:
«Страшно взглянуть —
мы в этом виновны!

Тридцать нас было
смелых бойцов:
одиннадцать стало,—
тяжек урон наш!

55 Нас пятеро было —
по смерти Будли,—
двое в Хель уж давно,
и двое убиты.

56 Со многими связан
родством я, не скрою,—
но от родни
счастья не знал я!
Покоя не ведал
с тех пор, как женился:
губила ты родичей,
дом разоряла,
сестру ввергла в Хель,—
вот худшее горе!»

[*Гудрун сказала:*]

57 «Как можешь ты, Атли,
снова корить меня!
Ты сгубил мою мать
и сокровища отнял,
племянницу смерти
предал голодной.
Смешно, что сам ты
счеты затеял!
За все твои беды
славлю богов я!»

[*Атли сказал:*]

58 «Жены этой гордой
горе умножить
вам, ярлы, велю,—
я хочу это видеть!
Гудрун заставьте
горько печалиться,
видеть я жажду
великую скорбь ее!

59 Заживо Хёгни
взрежьте ножом,
вырвите сердце,—
вы так должны сделать!
На крепкой веревке
вздерните Гуннара,
к змеям швырнув его,
подвиг свершите!»

Хёгни сказал:

60 «Делай как хочешь!
Готов ко всему я,
бесстрашным я буду,—
бывало и хуже!
Защищались мы стойко,
пока были силы,
но слабеем от ран
и сдаться должны мы!»

61 Бейти промолвил,
Атли приспешник:
«Хьялли возьмем мы,
а Хёгни не тронем!
Пусть умрет нерадивый,
на смерть обречен он;
не долго протянет
прослывший ленивцем».

62 Страх охватил
котла хранителя,
был он труслив,
в бегство пустился;
клял их ссоры,
скорбел о трудах своих,
о жребии тяжком,—
свиней он жалел
и обильную пищу,
к которой привык он.

63 На повара Будли
нож обнажили;
взвыл жалкий раб,
лезвие видя;
клялся, что станет
поля унавоживать,
труд самый грязный

готов он исполнить,
он милости ждал,
молил о пощаде.

64 Позаботился Хёгни,—
кто так поступил бы! —
просил отпустить
раба обреченного:
«Смертные муки
считаю игрой;
зачем нам внимать
воплям несчастного!»

65 Был схвачен могучий —
нельзя было медлить
и воинам замыслы
откладывать злобные:
Хёгни смеяться
начал — то слышали,—
стойко терпел он
муки тяжелые.

66 Арфу взял Гуннар,
ветвями подошвы
по струнам ударил —
плакали жены,
мужи скорбели,
кто только мог слышать;
рвал струны, Гудрун
весть посылая.

67 Утро не кончилось —
умерли славные,
как должно героям,
встретили гибель.

68 Атли был горд
победой над братьями,
мудрую стал он
корить сурово:
«Вот утро, Гудрун,
где ж твои родичи!
Ты тоже виновна
в этом несчастье!»

[*Гудрун сказала:*]

69 «Счастлив ты, Атли!
Ступай, похваляйся!
Будешь ты каяться,
с бедами встретясь!
Наследством моим
насытишься вдоволь:
не знать тебе счастья,
пока не умру я!»

[*Атли сказал:*]

70 «Знаю вину свою,
вижу, как мог бы
заставить тебя
забыть о распрях:
рабынь тебе дам,
дорогие уборы,
как снег серебро,—
все будет твоим!»

[*Гудрун сказала:*]

71 «Надежду оставь —
все это отвергну!
Я мир разорвать
давно уж решила;
была я неистовой —
яростной буду!
Терпела я жизнь,
пока жив был Хёгни.

72 В одном мы доме
вскормлены были,
вместе резвились,
в роще играли;
дарила нам Гримхильд
дорогие уборы;
как позабуду
братьев убийство!
Кто мне поможет
с ним примириться!

73 Жены покорствуют
мужам жестоким,—
ствол весь погибнет,

коль высохли ветви,
корень подрубишь —
и падает дерево:
отныне ты, Атли,
один здесь владыка!»

74 Легковерен был конунг,
коварства не ждал;
обман бы он понял,
когда б остерегся.
Гудрун притворно
правду таила,
веселой казалась,
скрывая коварство;
пиво несла
для тризны по братьям,
и Атли правил
по близким тризну.

76 На том и конец;
наготовила пива,
грозным был пир,
горе сулил он!
Гибель потомкам
Будли готовила
Гудрун, за братьев
месть совершая.

77 Детей позвала,
на постель уложила,
плакать не стали,
хоть было им страшно;
прильнув к ней, спросили,
что сделать задумала.

[*Гудрун сказала:*]
78 «Молчите! Готовлю
обоим я гибель,
от старости вас
спасти я хочу».

[*Мальчики сказали:*]
«Кто тебе запретит
зарезать детей,—
но не надолго
местью натешишься!»

79 Так предала смерти
братьев свирепая,
обоим вонзила
лезвие в горло.
Атли спросил,
куда сыновья
играть убежали,
что он их не видит.

[*Гудрун сказала:*]
80 «Пойти я готова,
чтоб Атли поведать,—
узнаешь всю правду
у дочери Гримхильд;
тебя не порадую
новостью, Атли;
ты зло пробудил,
погубив моих братьев!

81 Сна я не знала,
с тех пор как погибли,
жаждала мщенья:
весть о нем слушай!
Вот утро,— ты молвил,—
мне памятно это!
Что ж, вечер теперь,—
ты иное узнаешь!

82 Сынов ты лишился
своих любимых,—
из их черепов
я сделала чаши,
для крепости пиво
смешала с их кровью.

83 Взялась их сердца
на вертеле жарить,
тебе их дала
и сказала — телячьи:
один ты их съел,
ни с кем не делился,

крепко сжевал
коренными зубами.

84 Теперь все узнал ты,—
не выдумать горше,—
я так поступила,
поверь, не лгала я!»

[*Атли сказал:*]
85 «Свирепа ты, Гудрун,
коль сделала это,
если кровь сыновей
с пивом смешала,
погубила напрасно
отпрысков наших,
несчастья мои
несчетно умножила!»

[*Гудрун сказала:*]
86 «Тебя б самого
предала я смерти,—
не выдумать казни
для князя такого!
Ты и прежде свершал
преступлений немало
жестоких и злобных
на этой земле;
теперь совершил ты
злодейство тягчайшее,—
сам себе тризну
ты приготовил!»

[*Атли сказал:*]
87 «Костер тебя ждет,
камнями побьют тебя,—
все ты получишь
сполна, по заслугам!»

[*Гудрун сказала:*]
«Жди поутру
подобного горя!
Прекраснее смерть
себе я задумала!»

88 Так в доме своем
друг друга корили,
злобные речи
вели разгневанно.
В ярости Хнифлунг
на подвиг решился,
он Гудрун поведал,
что Атли погубит.

89 Припомнила участь
убитого Хёгни,
сулила успех
убийству грядущему;
скоро для Атли
смерть наступила,—
сын Хёгни отмстил
с помощью Гудрун.

90 От сна пробудясь
могучий промолвил,—
раны свои
запретил перевязывать:
«Кто смерть причинил
Будли потомку?
То скверная шутка —
не справлюсь я с нею!»

[*Гудрун сказала:*]
91 «Правды не скроет
дочь Гримхильд, слушай:
я в том виновна,
что ты умираешь,
сын Хёгни нанес
раны смертельные!»

[*Атли сказал:*]
92 «Взялась ты за меч —
неладно ты сделала:
друг, тебе веривший,
предан тобою!
Тебя против воли
я в жены взял, Гудрун;

93 вдовою была
и властной слыла ты:
недаром тебя
такою считали.
С дружиной великой
сюда мы вернулись,—
и наши пути
нам счастье сулили.

94 Нас окружали
знатные воины,
обилен доход был
от стада огромного,
многим на пользу
богатство мы множили.

95 Вено достойной
досталось немалое,—
тридцать рабов,
семь рабынь хороших,
много к тому
серебра я прибавил.

96 Все это малым
тебе показалось:
доход от земель,
завещанных Будли,
по козням твоим
мне не достался.
Свекровь твоя часто
слезы роняла,
не стало доверия
между супругами».

[*Гудрун сказала:*]

97 «Неправду сказал ты,
но что до того мне!
Была я строптивой,
во сто раз ты хуже:
вы, юные братья,
вражду разжигали,
и в Хель половина
из вас очутилась,
все сокрушилось —
и богатство и счастье.

98 Было нас трое
ко всем беспощадных,
за Сигурдом вслед
страну мы оставили;
каждый правил
своим кораблем,
когда на восток
судьба привела нас.

99 Конунг убит был,
а край захвачен,
херсиры в страхе
стали покорны;
оружьем могли мы
любого оправдывать,
щедро богатство
делили меж бедными.

100 Умер князь гуннов,
кончилось счастье;
горько мне было
вдовой называться,—
худо жилось мне
в хоромах Атли,
потерю мою
позабыть не могла я!

101 Знали мы: с тинга
когда б ты ни прибыл —
тяжбу ты вел,
но не видел удачи,
вечно несмелый,
вечно уступчивый,
молчал ты о том,
как тебя обижали».

[*Атли сказал:*]

102 «Лжешь ты, Гудрун!
Не легче от спора
наша судьба
и страдания наши.

Все приготовь,
как пристало с тобой нам,
когда выносить
меня станут воины!»

[*Гудрун сказала:*]
103 «Струг раздобуду
и гроб разукрашенный,
саван вощеный
для трупа я сделаю,—
как если бы в мире
вместе мы прожили».

104 Атли скончался,
скорбели родичи.
Все, что сулила,
исполнила светлая.
Гудрун сама
помышляла о смерти,
но дольше пришлось
прожить ей на свете.

105 Счастье тому,
чьи сыны, вырастая,
героями будут,
как Гьюки потомки;
памятны вечно
их смелые подвиги
всюду, где станут
их воспевать!

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО ГУДРУН

О Гудрун

Гудрун пошла тогда к морю, после того как она убила Атли. Она вошла в море и хотела покончить с собой. Но она не могла утонуть. Ее отнесло через фьорд в землю конунга Йонакра. Он на ней женился.

Их сыновей звали Сёрли, Эрп и Хамдир. Там же воспитывалась и Сванхильд, дочь Сигурда. Ее выдали замуж за Ёрмунрекка Могучего. У него был советник Бикки. Бикки посоветовал Рандверу, сыну конунга, овладеть ею и все рассказал конунгу. Тот велел повесить Рандвера и приказал, чтобы Сванхильд была растоптана конями. Когда об этом узнала Гудрун, она обратилась к своим сыновьям.

1 Я слышал укоры,
слова обидные,
в горе великом
их говорила
твердая духом
Гудрун сынам своим,
в битву зовя их
речью суровой:

2 «Что вы сидите?
Что спите беспечно?
Как могут смешить вас
беседы веселые?
Если Ёрмунрекк смел
сестру вашу бросить,
юную деву,
коням под копыта,
вороным и белым,
на дороге войны,
серым, объезженным
готским коням!

3 Нет, вы не схожи
с Гуннаром смелым,
храбрость у вас
не та, что у Хёгни,—
мести искать
за сестру вы должны бы,
будь вы подобны
братьям моим
иль духом крепки,
как гуннские конунги!»

4 Хамдир сказал,
духом отважный:
«Не похвалила б ты
подвига Хёгни,
когда они Сигурда
сон прервали;
платки сине-белые,
пестрые ткани
багряными стали
от крови супруга.

5 Была тебе месть
за братьев горестна,
когда сыновей
предавала ты смерти,—
если б могли мы,
единодушные,
сильному князю
отмстить за сестру!

6 Выносите доспехи
конунгов гуннских!
К тингу мечей
ты нас побудила!»

7 Гудрун, смеясь,
в кладовую пошла,
выбрала шлемы,
что были в ларях,
и кольчуги стальные,
снесла сыновьям,—
на резвых коней
вскочили могучие.

8 Хамдир сказал,
духом отважный:
«Назад вернется
к матери в дом
воин, погибший
в готском краю,
чтоб тризну справила
ты по убитым,
по юной Сванхильд
и сыновьям твоим».

9 Гудрун, дочь Гьюки,
пошла, рыдая,
села, печальная,
перед воротами,
стала в слезах
вспоминать былое,
перебирать
горести прежние:

10 «Три я знала огня,
три очага,
трое мужей
в дом меня брали;
лучшим средь них
был конунг Сигурд,—
братья мои
умертвили его!

11 Горшего я
горя не видела,
но злей для меня
задумали горе,
замуж отдав
за конунга Атли!

12 Мальчиков смелых
к себе призвала я;
одна мне в несчастье
месть оставалась:
сынов обезглавить,
Нифлунгов юных.

13 Пошла я на берег,
на норн озлобясь,

хотела избегнуть
их ярого гнева —
подняли волны
меня высокие,
мне не дало
море погибнуть.

14 Взошла я на ложе —
на счастье надеясь! —
князя могучего,
третьего мужа;
детей родила,
наследство хранящих,
наследство хранящих
Йонакра отпрысков.

15 Около Сванхильд
сидели рабыни,
дочь мне была
детей всех дороже;
ярко сияла
Сванхильд в палате,
как солнечный луч
сияет и блещет!

16 Одевала ее
в драгоценные ткани,
выдала замуж
в готскую землю —
горше не знала я
черного горя:
светлые косы,
волосы Сванхильд
втоптаны в грязь
копытами конскими!

17 И горе не меньшее —
муж мой Сигурд,
победы лишенный,
убит был в постели;
и горе жестокое —
к сердцу Гуннара
змеи блестящие
злобно приблизились;
и острое горе —
из груди конунга
вырезать сердце
враги осмелились.

18 Много я помню
зла и печалей.
Серого, Сигурд,
коня оседлай,
пусть быстрый скакун
сюда прибежит!
Нету со мной
ни невестки, ни дочери,
что Гудрун дары
принесли б драгоценные!

19 Помнишь ли, Сигурд,
что сказано было,
когда мы с тобою
сидели на ложе?
Из Хель ты ко мне
хотел возвратиться,
а я для тебя —
расстаться с миром.

20 Ярлы, сложите
самый высокий
из дуба костер
для мертвого конунга:
пусть огонь пепелит
грудь, полную горя,
злую печаль
в сердце растопит!»

21 Пусть у всех ярлов
несчастье пройдет,
пусть жены забудут
печали свои,
когда о горестях
повесть окончится!

1 Злые дела
там свершились,
когда наступило
печальное утро;
в утренний час
черные мысли
о бедах людских
скорбны бывают!

2 Не нынче то было
и не вчера,
это свершилось
в давнее время,
даже не в древности —
в годы древнейшие;
Гьюки рожденная
Гудрун звала
сынов отомстить
за дочь свою Сванхильд.

[*Гудрун сказала:*]
3 «Сванхильд — имя
вашей сестры,
что Ёрмунрекк бросил
коням под копыта,
вороным и белым,
на дороге войны,
серым, объезженным
готским коням!

4 Слава померкла
конунгов рода!
Одни вы в роду
остались в живых.

5 Я одинока,
что в роще осина,
как сосна без ветвей,
без близких живу я,
счастья лишилась,
как листьев дубрава,
когда налетит
ветер нежданно!»

6 Хамдир сказал,
духом отважный:
«Не похвалила б ты
подвига Хёгни,
когда они Сигурда
сон прервали,
ты сидела на ложе,
а убийцы смеялись.

7 Платки сине-белые,
пестрые ткани
багряными стали
от крови супруга:
Сигурд скончался,
над ним ты сидела,
горько скорбя,—
в том Гуннар виновен!

8 Ты думала скорбь
Атли доставить
Эрпа убийством
и смертью Эйтиля,—
себе же на горе:
разить неразумно
острым мечом,
коль сама себя ранишь!»

9 Мудрым был Сёрли,
так он молвил:
«Спорить не стану
с матерью нашей,
но одного
вы еще не сказали:
что просишь ты, Гудрун,
беду накликая?

10 Братьев оплакивай,
милых сынов,
родичей близких,
в битве погибших!
Обоих нас тоже
ты, Гудрун, оплачешь,
всадников смелых! —
к смерти мы близки».

11 Из дому вышли,
фыркая в ярости,
двинулись в путь
через влажные горы
на гуннских конях,
к мести готовые.

14 Сказал тогда Эрп
слова такие,—
герой на коне
возвышался, гарцуя:
«Плохо дорогу
показывать трусам!»
«Очень уж смел
ублюдок»,— сказали.

12 Им повстречался
хитрец по пути.
[*Хамдир сказал:*]
«Чем может помочь
черныш в нашем деле?»

13 Сводный брат обещал,
что помощь окажет,
как ноги друг другу
идти помогают.
[*Хамдир сказал:*]
«Как может нога
ноге быть в помощь
и руки друг другу
как пособят?»

15 Из ножен вынули
ножен железо,
взялись за мечи,
великанше на радость:
на треть у себя
отняли силу —
сразили юнца
ударом смертельным.

16 Встряхнули плащи,
мечи прикрепили,
оделись богато
богорожденные.

17 Нашли они путь —
несчастья дорогу —
и сына сестры
под ветром студеным
на древе казненных
от двора на закат;
мертвец качался,—
там не было радостно.

18 Весело пили
воины в доме,
за шумом не слышали
стука копыт,
пока им рогом
не подали знака.

19 Сказали тогда
Ёрмунрекку,
что стража увидела
воинов в шлемах:
«Обороняйтесь!
Приехали сильные,—
под копытами конскими
погибла сестра их!»

20 Ёрмунрекк смелый
в ответ усмехнулся,

разгладил усы,
не взялся за меч,
вином возбужденный,
тряхнул волосами,
на щит поглядел,
кубком играя
из золота жаркого.

[*Ёрмунрекк сказал:*]
21 «Счастлив я был бы
Сёрли и Хамдира
видеть в палатах,
принять их обоих:
связал бы я сразу
сынков тетивами,
им петли на шеи
обоим накинул бы!»

22 Молвила славная,
стоя с героями,
так говорила
этому юноше:

[*непонятное место*]

могут ли двое
тысячу готов
связать иль побить
в высоких палатах?»

23 Шум поднялся,
падали чаши,
ступали герои
по крови готов.

24 Вымолвил Хамдир,
духом отважный:
«Ждал ты нас, Ёрмунрекк,
видеть желал нас,
братьев принять
в высоких палатах:
вот ноги твои
и руки твои,
Ёрмунрекк, брошены
в жаркий огонь!»

25 Рычаньем ответил
богами рожденный,
конунг в кольчуге,
как ярый медведь:
«Бросайте в них камни,—
ни копья, ни лезвия
их не разят —
отпрысков Йонакра!»

[*Сёрли сказал:*]
26 «Ты злое свершил,
этот мех развязав,
извергает он часто
речи опасные!

27 Ты, Хамдир, смел,
да смышленым ты не был—
обездолены те,
в ком ума не хватает!»

[*Хамдир сказал:*]
28 «Голова бы скатилась,
будь Эрп в живых,
смелый наш брат,
нами убитый,
воинственный муж,—
дисы вмешались,
хранимого в битвах
стремясь уничтожить!

29 Волки для нас
недобрый пример —
грызться не будем,
как норн злые псы,
что вражды не таят,
вырастая в пустыне!

30 Мы стойко бились, —
на трупах врагов
мы — как орлы
на сучьях древесных!
Со славой умрем
сегодня иль завтра —
никто не избегнет
норн приговора!»

31 Сёрли погиб
у торцовой стены,
у задней стены
был Хамдир сражен.

Это называется Древние Речи Хамдира.

ЭДДИЧЕСКИЕ ПЕСНИ,
СОХРАНИВШИЕСЯ НЕ В ОСНОВНОЙ РУКОПИСИ «СТАРШЕЙ ЭДДЫ»

СНЫ БАЛЬДРА

1 Тотчас собрались
все асы на тинг,
и асиньи все
сошлись на совет:
о том совещались
сильные боги,
отчего сны у Бальдра
такие зловещие.

2 Один поднялся,
древний Гаут,
седло возложил
на спину Слейпнира;
оттуда он вниз
в Нифльхель поехал;
встретил он пса,
из Хель прибежавшего.

3 У пса была грудь
кровью покрыта,
на отца колдовства
долго он лаял;
дальше помчался —
гудела земля —
Один к высокому
Хель жилищу.

4 На восток от ворот
выехал Один,
где, как он ведал,
вёльвы могила;
заклинанье он начал
и вещую поднял,
ответила вёльва
мертвою речью:

5 «Что там за воин,
неведомый мне,
что в путь повелел мне
нелегкий отправиться?
Снег заносил меня,
дождь заливал
и роса покрывала, —
давно я мертва».

[*Один сказал:*]

6 «Имя мне Вегтам,
я Вальтама сын;
про Хель мне поведай,
про мир я поведаю;
скамьи для кого
кольчугами устланы,

золотом пол
усыпан красиво?»

[*Вёльва сказала:*]
7 «Мед здесь стоит,
он сварен для Бальдра,
светлый напиток,
накрыт он щитом;
отчаяньем сыны
асов охвачены.
Больше ни слова
ты не услышишь».

[*Один сказал:*]
8 «Вёльва, ответь!
Я спрашивать буду,
чтоб все мне открылось:
еще хочу знать,
кому доведется
стать Бальдра убийцей,
кто сына Одина
смерти предаст».

[*Вёльва сказала:*]
9 «Хёд ввергнет сюда
дерево славы;
ему доведется
стать Бальдра убийцей,
он сына Одина
смерти предаст.
Больше ни слова
ты не услышишь».

[*Один сказал:*]
10 «Вёльва, ответь!
Я спрашивать буду,
чтоб все мне открылось:
еще хочу знать,
кто за убийство
Хёду отплатит,
кем на костер
он будет отправлен».

[*Вёльва сказала:*]
11 «Ринд в западном доме
Вали родит,
и Одина сын
начнет поединок,
рук не омоет,
волос не причешет,
пока не убьет
Бальдра убийцу.
Больше ни слова
ты не услышишь».

[*Один сказал:*]
12 «Вёльва, ответь!
Я спрашивать буду,
чтоб все мне открылось:
еще знать хочу,
кто эти девы,
что будут рыдать,
края покрывал
в небо бросая».

[*Вёльва сказала:*]
13 «Нет, ты не Вегтам,
как я считала,
ты, верно, Один,
ты древний Гаут!»

[*Один сказал:*]
«Ты же не вёльва,
провидица вещая,
ты, верно, мать
трех великанов!»

[*Вёльва сказала:*]
14 «Домой поезжай!
Гордись своей славой!
Отныне сюда
никто не придет,
пока свои узы
Локи не сбросит
и не настанет
гибель богов!»

ПЕСНЬ О РИГЕ

Люди рассказывают в древних сагах, что один из асов, тот, которого звали Хеймдалль, шел однажды своей дорогой вдоль берега одного озера, пришел на какой-то двор и назвался Ригом. Об этом рассказывается в следующей песни:

1 В давние дни
доблестный старый
ас многомудрый,
храбрый и сильный,
странствовал Риг
по дорогам зеленым.

2 Шагал он по самой
средине дороги;
к дому пришел,
дверь была отперта́;
в дом он вошел:
пылал там огонь,
чета стариков
у огня сидела,
прадед с прабабкой
в уборе старушечьем.

3 Риг им советы
умел преподать;
сел он потом
посредине помоста,
а с обеих сторон
сели хозяева.

4 Хлеб им тяжелый
достала прабабка,
грубый, простой,
пополам с отрубями;
блюдо еще им
с едою поставила,
в миске похлебку
на стол принесла
и лучшее лакомство —
мясо телячье;
встал от стола он,
спать собираясь.

5 Риг им советы
умел преподать;
лег он потом
посредине постели,
с обеих сторон
улеглись хозяева.

6 Пробыл он там
три ночи подряд;
и снова пошел
серединой дороги;
девять прошло
после этого месяцев.

7 Родила она сына,
водой окропили,
он темен лицом был
и назван был Трэлем.

8 Стал он расти,
сильней становился,
кожа в морщинах
была на руках,
узловаты суставы,
. . . .
толстые пальцы
и длинные пятки,
был он сутул
и лицом безобразен.

9 Стал он затем
пробовать силы,
лыко он вил,
делал вязанки
и целыми днями
хворост носил.

10 Дева пришла —
с кривыми ногами,
грязь на подошвах,
загар на руках,
нос приплюснут,
и Тир назвалась.

11 Села потом
посредине помоста,
сел рядом с нею
хозяйский сын;
болтали, шептались,
постель расстилали
Тир вместе с Трэлем
целыми днями.

12 Детей родили они,—
жили в довольстве,—
сдается мне, звали их
Хрейм и Фьоснир,
Клур и Клегги,
Кефсир и Фульнир,
Друмб и Дигральди,
Лут и Леггьяльди,
Хёсвир и Дрётт.
Удобряли поля,
строили тыны,
торф добывали,
кормили свиней,
коз стерегли.

13 Были их дочери
Друмба и Кумба,
и Экквинкальва,
и Арипневья,
Исья и Амбот,
Эйкинтьясна,
Тётругхюпья
и Трёнубейна,—
отсюда весь род
рабов начался.

14 Пошел снова Риг
по прямым дорогам,
к дому пришел,
дверь была отперта́,
в дом он проник:
пылал там огонь,
чета сидела,
дружно трудясь.

15 Мужчина строгал
вал для навоя,—
с челкой на лбу,
с бородою подстриженной,
в узкой рубахе;
был в горнице ларь.

16 Женщина там
прялку вращала:
пряжу она
пряла для ткани,—
была в безрукавке,
на шее платок,
убор головной
и пряжки наплечные.
Бабка и дед
были дома хозяева.

17 Риг им советы
умел преподать.

19 Встал от стола он,
спать собираясь,
лег он потом
посредине постели,
с обеих сторон
улеглись хозяева.

20 Пробыл он там
три ночи подряд
и снова пошел
серединой дороги;
девять прошло
после этого месяцев.

21 Ребенка тогда
родила эта бабка,

водой окроплен был
и назван был Карлом;
спеленат он был,
рыжий, румяный,
с глазами живыми.

22 Стал он расти,
сильней становился,
быков приручал,
и сохи он ладил,
строил дома,
возводил сараи,
делал повозки,
и землю пахал.

23 Хозяйку в одежде
из козьей шерсти,
с ключами у пояса,
в дом привезли —
невесту для Карла;
Снёр ее звали;
жили супруги,
слуг награждали,
ложе стелили,
о доме заботились.

24 Детей родили они,—
жили в довольстве,—
звали их Дренг, Халь,
Хёльд и Смид,
Тегн, Брейд и Бонди,
и Бундинскегги,
Буи и Бодди,
Браттскегг и Сегг.

25 Другим имена
еще они дали:
Снот, Бруд и Сванни,
Сварри и Спракки,
Фльод, Спрунд и Вив,
Фейма и Ристилль.
Отсюда все бонды
род свой ведут.

26 Пошел снова Риг
по прямым дорогам;
к дому пришел,
с юга был вход,
не заперт он был,
и па двери кольцо.

27 В дом он вошел,—
пол устлан соломой,—
там двое сидели,
смотря друг на друга,
пальцы сплетая,—
Мать и Отец.

28 Стрелы хозяин
строгал и для лука
плел тетиву
и к луку прилаживал;
хозяйка, любуясь
нарядом своим,
то одежду оправит,
то вздернет рукав.

29 Убор был высокий
и бляха на шее,
одежда до пят,
голубая рубашка,
брови ярче,
а грудь светлее,
и шея белее
снега чистейшего.

30 Риг им советы
умел преподать;
сел он потом
посредине помоста,
а с обеих сторон
сели хозяева.

31 Мать развернула
скатерть узорную,
стол покрыла
тканью льняной,
потом принесла,
положила на скатерть
тонкий и белый
хлеб из пшеницы.

32 И блюда с насечкой
из серебра,
полные яств,
на стол подала,
жареных птиц,
потроха и сало,
в кувшине вино
и ценные кубки;
беседуя, пили
до позднего вечера.

33 Риг им советы
умел преподать;
встал от стола он,
постель разостлал.
Пробыл он там
три ночи подряд
и снова пошел
серединой дороги;
девять прошло
после этого месяцев.

34 Сына Мать родила,
спеленала шелками,
водой окропила,
он назван был Ярлом;
румяный лицом,
а волосы светлые,
взор его был,
как змеиный, страшен.

35 Ярл в палатах
начал расти;
щитом потрясал,
сплетал тетивы,
луки он гнул,
стрелы точил,
дротик и копья
в воздух метал,
скакал на коне,
натравливал псов,
махал он мечом,
плавал искусно.

36 Тут из лесов
Риг появился,
Риг появился,
стал рунам учить;
сыном назвал его,
дал свое имя,
дал во владенье
наследные земли,
наследные земли,
селения древние.

37 Потом через лес
он оттуда поехал
по снежным нагорьям
к высоким палатам;
копье стал метать,
щитом потрясать,
скакать на коне,
вздымая свой меч;
затевал он сраженья,
поля обагрял,
врагов убивал,
завоевывал земли.

38 Восемнадцать дворов —
вот чем владел он,
щедро раздаривал
людям сокровища,
поджарых коней,
дорогие уборы,
разбрасывал кольца,
запястья рубил.

39 По влажным дорогам
посланцы поехали,
путь свой держали
к дому Херсира;
дочь его умная,
с белым лицом
и тонкими пальцами,
Эрной звалась.

40 Посватались к ней,
и в брачном покрове
замуж она
за Ярла пошла;
вместе супруги
жили в довольстве,
достатке и счастье
и множили род свой.

41 Бур звали старшего,
Барн — второго,
Йод и Адаль,
Арви и Мёг,
Нид и Нидьюнг —
играм учились,—
Сон и Свейн —
тавлеям и плаванью,—
был еще Кунд,
а Кон был младшим.

42 Ярла сыны
молодые росли,
щиты мастерили,
стрелы строгали,
укрощали коней,
потрясали щитами.

43 Кон юный ведал
волшебные руны,
целебные руны,
могучие руны;
мог он родильницам
в родах помочь,
мечи затупить,
успокоить море.

44 Знал птичий язык,
огонь усмирял,
дух усыплял,
тоску разгонял он;
восьмерым он по силе
своей был равен.

45 В знании рун
с Ярлом Ригом он спорил,
на хитрость пускаясь,
отца был хитрее:
тогда приобрел он
право назваться
Ригом и ведать
могучие руны.

46 Кон юный поехал
по темному лесу,
дротик метал он,
приманивал птиц.

47 Ворон прокаркал
с ветки высокой:
«Что ты, Кон юный,
птиц приручаешь?
Пристойней тебе
скакать на коне,
. . . .
врагов поражать.

48 У Дана и Данпа
богаче дома,
земли их лучше
владений твоих;
ладьей они править
привыкли искусно
и раны умело
наносят мечом».
. . . .

[Фрейя сказала:]

1 «Проснись, дева дев!
Пробудись, подруга,
Хюндла, сестра,
в пещере живущая!
Ночь непроглядна,
настало нам время
в Вальгаллу ехать,
в чертоги священные!

2 Ратей Отца
попросим о милости!
Золото воинам
он раздает;
шлем дал он Хермоду,
дал и кольчугу,
Сигмунду меч
разящий вручил он.

3 Победу одним,
другим же богатство,
иным красноречье
и разум дает он;
ветер пловцам,
песнопения скальдам
и мужество в битвах
воинам многим.

4 Жертвы для Тора
я приготовлю,
чтоб милость свою
он тебе даровал,
хоть он не жалует
ётунов жен.

5 Волка скорее
из стойла выведи,
пусть он поскачет
с вепрем моим!»

[Хюндла сказала:]

«Плох твой кабан
для дороги богов;
и коня моего
неохота мне мучить.

6 Ты, хитрая Фрейя,
меня испытуешь:
взоры твои
о помощи просят,
ведь милый твой здесь,
на дороге мертвых,
юноша Оттар
Иннстейна сын».

[Фрейя сказала:]

7 «Ошиблась ты, Хюндла,
грезишь во сне ты,
милого нет
на дороге мертвых,
то вепрь сияет
щетиной из золота,
вепрь Хильдисвини,
его мне когда-то
карлики сделали
Даин и Набби.

8 С седел сойдем!
Сядем с тобой,
о княжьих родах
начнем говорить,
о героях, чей род
от богов ведется!

9 Ангантюр спорит
с юношей Оттаром,—
вальский металл
им служит закладом;
помочь я хочу
юному воину
наследье добыть,
что оставили родичи.

10 Алтарь для меня
из камня сложил он,

и камень в стекло
переплавлен теперь;
обагрял он алтарь
жертвенной кровью:
в асиний верил
Оттар всегда.

11 О родичах древних
ты расскажи мне
и родословья
ты перечисли!
Кто родом Скьёльдунг,
кто родом Скильвинг,
кто родом Аудлинг,
кто родом Ильвинг,
кто родом хёльд,
кто херсира сын,
кто из людей
в Мидгарде лучший?»

[*Хюндла сказала:*]

12 «Ты, юный Оттар,
Иннстейна сын,
Иннстейн был сыном
старого Альва,
Альв — сыном Ульва,
Ульв — сыном Сефари,
Сефари был
сын Свана Рыжего.

13 Мать у отца
была твоего
Хледис жрица
в уборах из золота;
был Фроди отцом ей,
а матерью Фриунд;
род этот был
родом героев.

14 Был некогда Али
самым могучим,
Хальвдан до этого
лучший был Скьёльдунг;
победные войны
вел он, воитель,
до края небес
неслась его слава.

15 В родство он вступил
с Эймундом смелым,
холодным мечом
поразил он Сигтрюгга,
женился на Альмвейг,
лучшей из женщин,
у них родилось
восемнадцать сынов.

16 Отсюда род Скьёльдунгов,
отсюда и Скильвинги,
отсюда и Аудлинги,
отсюда и Ильвинги,
хёльды отсюда,
отсюда и херсиры,
в Мидгарде люди
самые лучшие,—
все это — твой род,
неразумный Оттар!

17 Хильдигунн матерью
Фриун была,
дочь Свавы прекрасной
и конунга моря:
все это — твой род,
неразумный Оттар!
Должен ты знать это;
будешь ли слушать?

18 Даг в жены взял Тору,
героев родившую;
то были воины
лучшие в мире:
Фрадмар и Гюрд
и оба Фреки,
Ёсурмар, Ам

и с ними Альв Старый;
должен ты знать это;
будешь ли слушать?

19 Друг их был Кетиль,
Клюна наследник,
дедом твоей
матери был он;
Фроди родился
раньше, чем Кари,
был из них старшим
Альв по рожденью.

20 Еще назову я
Нанну, дочь Нёккви;
сын ее — шурин
отцу твоему;
родство то забыто,
о нем расскажу;
я знала обоих —
Бродда и Хёрви;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

21 Исольв и Асольв,
Эльмода дети,
и Скурхильд,
дочери Скеккиля;
ты их причисли
ко многим героям;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

22 Гуннар Стена
и Грим Закаленный,
Ульв Жадный Зев,
Щитоносец Торир,

23 Буи и Брами,
Барри и Рейфнир,
Тинд и Тюрвинг
и Хаддингов двое;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

24 Ани и Оми
потом родились,
дети от брака
Арнгрима с Эйфурой,—
берсерков буря,
великие беды
шли как пожар
по земле и по морю;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

25 Я знала обоих —
Бродда и Хёрви,
дружинников смелых
Старого Хрольва,
Ёрмунрекк им
обоим отец,
родич он Сигурда,—
слушай рассказ мой! —
славного мужа,
сразившего Фафнира.

26 От Вёльсунга род свой
вождь этот вел,
а Хьёрдис была
из Храудунга рода,
Эйлими родом
из Аудлингов дома;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

27 Гуннар и Хёгни,
наследники Гьюки,
а Гудрун сестрою
была им обоим;
Готторм — тот не был
отпрыском Гьюки,
но все же он брат
Хёгни и Гуннара;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

28 Харальд Клык Битвы,
Хрёрека сын,
Колец Расточителя,
сыном был Ауд,
Ауд Премудрая —
Ивара дочь,
а Радбарда сын
Рандвером звался,
мужи эти — жертва,
богам принесенная;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

29 В живых оставалось
одиннадцать асов,
когда Бальдр пал
у смерти бугра;
обещал тогда Вали
за брата отмстить,
и поразил он
брата убийцу;
все это — твой род,
неразумный Оттар!

30 Бальдра отец
был наследником Бура,
Фрейр в жены взял Герд,
Гюмира дочь,
ётуна родом,
жена его Аурбода;
Тьяци их родич,
к сокровищам жадный,
дочерью Тьяци
Скади была.

31 Я много сказала,
но больше скажу,—
ты знать это должен;
будешь ли слушать?

32 Хаки был сыном
достойнейшим Хведны,
а Хведны отец
Хьёрвардом звался,
Хейд и Хросстьов —
потомки Хримнира.

33 От Видольва род свой
все вёльвы ведут,
от Вильмейда род
ведут все провидцы,
а все чародеи —
от Черной Главы,
а ётунов племя —
от Имира корня.

34 Я много сказала,
но больше скажу,—
ты знать это должен;
будешь ли слушать?

35 В давние годы
родился однажды
могучий герой
из рода богов;
дочери ётунов —
девять их было —
родили его
у края земли.

36 Я много сказала,
но больше скажу,—
ты знать это должен;
будешь ли слушать?

37 Родила его Гьяльп,
родила его Грейп,
родила его Эйстла,
родила его Эйргьява,
родила его Ангейя,
Атла и Ульврун,
Имд и Ярнсакса
героя родили.

38 Взял силу земли он,
студеного моря
и силу кабаньей
жертвенной крови.

39 Я много сказала,
но больше скажу, —
ты знать это должен;
будешь ли слушать?

40 От Ангрбоды Локи
Волка родил,
а Слейпнир — сын Локи
от Свадильфари;
еще одно чудище,
самое злое,
на свет рождено
Бюлейста братом.

41 Найдя на костре
полусгоревшее
женщины сердце,
съел его Локи;
так Лофт зачал
от женщины злой;
отсюда пошли
все ведьмы на свете.

42 Ветер вздымает
до неба валы,
на сушу бросает их,
небо темнеет;
мчится буран,
и бесятся вихри;
это предвестья
кончины богов.

43 Родился один
самый могучий,
силы земли
питали его;
самый, как слышно,
великий властитель,
родич для всех
людей на земле.

44 Но будет еще
сильнейший из всех,
имя его
назвать я не смею;
мало кто ведает,
что совершится
следом за битвой
Одина с Волком».

[*Фрейя сказала:*]

45 «Памяти пива
дай выпить вепрю,
чтоб каждое слово
вепрь мой помнил,
когда исчислять
наследники будут
родичей всех
на третье утро».

[*Хюндла сказала:*]

46 «Прочь уходи!
Спать я хочу;
доброго слова
ты не услышишь;
ты по ночам,
распутная, бегаешь,
как Хейдрун с козлами
бегать умеет.

47 Ты к Оду стремилась,
желаньем томясь,
и другие к тебе
под подол забирались;
ты по ночам,
распутная, бегаешь,
как Хейдрун с козлами
бегать умеет».

[*Фрейя сказала:*]

48 «Огнем исполиншу
я окружу,
отсюда тебе
ни за что не уйти!»

[*Хюндла сказала:*]

49 «Я вижу огонь,
вапылала земля;
откупиться от смерти
каждый хотел бы:
Оттару пиво
ты поднеси,—
будет в нем яд
растворен смертельный!»

[*Фрейя сказала:*]

50 «Не вызовет зла
заклятье твое,
хоть ты, исполинша,
злом угрожаешь:
пусть испивает
напиток чудесный,
прошу у богов я
помощи Оттару!»

ПЕСНЬ О ГРОТТИ

Почему волото называется «му́ка Фроди»? На это отвечает следующая сага. Скьёльд был сын Одина. От него пошли все Скьёльдунги. Он жил и правил в стране, что теперь называется Дания, а тогда называлась Готланд. У Скьёльда был сын по имени Фридлейв, который правил после него. Сына Фридлейва звали Фроди. Он принял власть от своего отца в то время, когда Август Цезарь установил мир во всем мире. Тогда родился Христос. И так как Фроди был самый могущественный из конунгов в северных странах, считают, что он установил мир всюду, где говорят на датском языке, и люди называют это «мир Фроди». Ни один человек не причинял вреда другому, даже если ему попадался убийца его отца или брата, свободный или связанный. Тогда не было ни одного вора или разбойника, так что одно золотое кольцо долго лежало на поле Ялангрсхейд.

Однажды конунг Фроди поехал в гости в Свитьод к конунгу, которого звали Фьёльнир. Он купил там двух рабынь, которых звали Фенья и Менья. Они были большие и сильные. В то время было в Дании два жернова, таких больших, что никто не был настолько силен, чтобы вертеть их. И эти жернова обладали тем свойством, что они намалывали то, что пожелал моловший на них. Эти жернова назывались Гротти. Хенгикьёфтом называют того, кто дал жернова конунгу Фроди. Конунг Фроди сказал, чтобы рабынь подвели к жерновам, и велел им намолоть золота. Они так и сделали, намололи сперва золото, мир и счастье для Фроди. Тогда он не стал давать им ни отдыха, ни сна, более долгого, чем нужно, чтобы кукушка помолчала или прокуковала.

И говорят, что они спели песнь, которая называется Песнь о Гротти...

1 Вот появились
в палатах конунга
вещие девы
Фенья и Менья;
Фроди они,
Фридлейва сыну,
сильные девы,
отданы в рабство.

2 К мельнице их
подвели обеих,
жернов вращать
велели тяжелый;
не дал им Фроди
ни на миг передышки,
пока они песню
ему не запели.

3 Начали песню,
прервали молчанье:
«Поставим-ка жернов,
камни поднимем!»
Дальше молоть
повелел он девам.

Пели, швыряя
вертящийся камень,
спали в тот час
челядинцы Фроди;
молвила Менья,
молоть продолжая:

5 «Намелем для Фроди
богатства немало,
сокровищ намелем
на жернове счастья;
в довольстве сидеть ему,
спать на пуху,
просыпаться счастливым;
славно мы мелем!

6 Никто здесь не должен
зло замышлять,
вред учинять
иль убийство готовить;
рубить не пристало
острым мечом
даже брата убийцу,
в узах лежащего!»

7 Он им сказал:
«Срок вам для сна —
пока куковать
не кончит кукушка
иль, замолчав,
опять не начнет!»

8 «Фроди, ты не был
достаточно мудр,—
приязненный к людям,—
рабынь покупая:
ты выбрал по силе,
судил по обличью,
да не проведал,
кто они родом.

9 Хрунгнир с отцом
храбрейшими были,
но Тьяци мог с ними
в силе тягаться;
Иди и Аурнир
родичи наши,
ётунов братья,
мы их порожденье.

10 Гротти не вышла б
из серого камня,
камень бы твердый
земли не покинул,
так не мололи бы
ётунов девы,
когда б волшебства
не было в мельнице.

11 Мы девять зим,
подруги могучие,

в царстве подземном
росли и трудились;
нелегкое дело
девам досталось —
утесы и скалы
мы с места сдвигали.

12 Камни вздымали
на стену турсов
так, что вокруг
содрогалась земля,
так мы швырнули
вертящийся камень,
что впору мужам лишь
было схватить его.

13 За этим вослед
мы, вещие девы,
в Свитьоде вместе
вступали в сраженья;
рубили кольчуги,
щиты рассекали,
путь через войско
себе пробивая.

14 Конунга свергли,
сражаясь за Готторма,
смелому князю
помочь мы смогли;
не было мира
до гибели Кнуи.

15 Так, дни за днями,
мы доблестно бились,
что слава пошла
о сраженьях наших;
мы копьями там
кровь проливали,
мечи обагряли
вражеской кровью.

16 Вот мы пришли
к палатам конунга,
мы обездолены,
отданы в рабство;
холод нас мучит,
и ноги ест грязь,
мы жернов вращаем,
нам плохо у Фроди!

17 Рукам дать покой бы,
жернов не двигать, —
смолола я больше,
чем было мне сказано!
Нельзя дать покой
рукам, пока вдоволь
помола для Фроди
мы не намелем!

18 В руки бы дали
крепкие древки,
мечи обагренные!
Фроди, проснись!
Фроди, проснись,
если хочешь ты слышать
старые песни
и древние саги!

19 От палат на восток
вижу я пламя —
то весть о войне,
знак это вещий;
войско сюда
скоро приблизится,
князя палаты
пламя охватит.

20 Ты потеряешь
Хлейдра престол,
червонные кольца
и камень волшебный.
Девы, беритесь
за рычаги!

Нам здесь не согреться
кровью сраженных.

21 Сильно молоть
я постаралась,
видя грядущую
гибель для многих;
прочь с основанья,
в ободьях железных,
сброшена мельница,—
мелем мы снова!

22 Мелем мы снова:
сын Ирсы местью
Фроди ответит
за гибель Хальвдана;
братом ее
назван он будет
и сыном ее;
мы это знаем».

23 Девы мололи,
меряясь силами,
юные были
как ётуны в гневе;
балки тряслись,
основа слетела,
надвое жернов
тяжелый расколот.

24 Слово сказала
тогда исполинша:
«Мы Фроди смололи
славный помол;
вдосталь над жерновом
девы стояли».

ПЕСНЬ ВАЛЬКИРИЙ

1 Соткана ткань
большая, как туча,
чтоб возвестить
воинам гибель.
Окропим ее кровью,
накрепко ткань
стальную от копий
кровавым утком
битвы свирепой
ткать мы должны.

2 Сделаем ткань
из кишок человечьих;
вместо грузил
на станке — черепа,
а перекладины —
копья в крови,
гребень — железный,
стрелы — колки́;
будем мечами
ткань подбивать!

3 Хьёртримуль, Хильд,
Саннгрид и Свипуль,
мечи обнажив,
начали ткать;
сломятся копья,
треснут щиты,
если псы шлема
вцепятся в них.

4 Мы ткем, мы ткем
стяг боевой;
был он в руках
у конунга юного;
выйдем вперед,
ринемся в бой,
где наши друзья
удары наносят!

5 Мы ткем, мы ткем
стяг боевой;
конунгу вслед
пора нам скакать!

Гёндуль и Гунн
за ним помчались,
кровь на щитах
увидят они.

6 Мы ткем, мы ткем
стяг боевой;
рвутся вперед
смелые воины.
Конунга жизнь
мы защитим,—
нам выбирать,
кто в сече погибнет.

7 Будут землей
люди владеть,
что жили досель
на дальних мысах;
Бриану конунгу
смерть суждена;
Сигурда ярла
копья пронзят.

8 Ирам готов
горький удел,
память о нем
вечною будет;
соткана ткань,
поле боя в крови;
о мертвых по свету
молва прошумит.

9 Страшно теперь
оглянуться: смотри!
По небу мчатся
багровые тучи;
воинов кровь
окрасила воздух,—
только валькириям
это воспеть!

10 Спели мы славно
о конунге юном;
слава поющим!
Слышавший нас
песню запомнит,
людям расскажет
о том, что слышал
от жен копьеносных!

11 Мечи обнажив,
на диких конях,
не знающих седел,
прочь мы умчимся.

ПЕСНЬ О ХЛЁДЕ

1 Хумли, как слышно,
гуннами правил,
а гаутами — Гицур,
Ангантюр — готами,
данами — Вальдар,
а валами — Кьяр
и Альрек Храбрый —
англов народом.

2 Хлёд родился
в гуннской земле,
в священном лесу,
с ножом и мечом,
остро отточенным,
в шлеме украшенном,
в длинной кольчуге
и с резвым конем.

3 Хлёд с востока,
наследник Хейдрека,
в Архейм, к жилищу
готов приехал,—
наследье свое
собирался он требовать.
Тризну там Ангантюр
правил по Хейдреку.

4 Человека он встретил
перед чертогом,
и поздно прибывшему
так он промолвил:

«Ступай, человек,
в палату высокую,
скажи, чтоб со мной
побеседовал Ангантюр!»

Тот вошел, стал перед столом конунга, приветствовал Ангантюра и сказал:

5 «Хлёд появился,
наследник Хейдрека,
смелый воитель,
брат он тебе,
он гордо в седле
сидит, возвышаясь;
с тобою он хочет,
конунг, беседовать».

6 Зашумели в палате,
встали сидевшие,—
всем знать хотелось,
что скажет Хлёд
и как отвечать
Ангантюр станет.

Тогда Ангантюр сказал: «Добро пожаловать, брат мой Хлёд! Садись с нами за пир! Выпьем прежде всего меду в память нашего отца и к славе всех нас!» Хлёд ответил: «Мы приехали сюда не для того, чтобы набивать животы». Затем он сказал:

7 «Я хочу половину
наследия Хейдрека:
доспехов, мечей,
скота и приплода,
сокровищ казны,
жерновов скрипящих,
рабов и рабынь
с их ребятами вместе,

8 и лес знаменитый,
что Мюрквид зовется,
на готской земле
могилы священные,
камень чудесный
в излучинах Данпа,
кольчуг половину,
у Хейдрека бывших,
земель и людей
и блестящих колец».

Ангантюр сказал:

9 «Сначала расколется
щит сверкающий,
и с холодным копьем
столкнется копье,
и воинов много
падет на траву,
прежде чем Тюрвинг
начну я делить
или дам тебе, Хумлунг,
долю наследства.

10 Родич, тебе я
кубки вручу,
и скот, и сокровища,
сколько захочешь;
по дюжине сотен
людей и коней
и столько же воинов
вооруженных.

11 Дам я дары
каждому мужу, —
дороже у них
не бывало подарков;
каждому дева
достанется в жены,
деве же каждой
я дам ожерелье.

12 Серебром я тебя
покрою, сидящего,
золотом звонким
осыплю, идущего,
так что покатятся
кольца повсюду;
треть ты возьмешь
готской земли».

При конунге Ангантюре был тогда Гицур Грютингалиди, воспитатель конунга Хейдрека. Он был тогда очень стар. Когда он услышал слова конунга Ангантюра, ему показалось, чтот тот предлагает слишком много, и он сказал:

13 «Щедро сулишь ты
рабыни отродью,
сыну рабыни,
от князя рожденному.

Этот ублюдок
сидел на кургане,
в то время как конунг
наследство делил».

Хлёд очень рассердился на то, что его назвали сыном рабыни и ублюдком после посулов брата. Он сразу же уехал со всеми своими людьми и направился домой в гуннскую землю к конунгу Хумли, отцу его матери. И он рассказал Хумли, что его брат Ангантюр не дал ему равной доли наследства. Конунг Хумли спросил, что произошло между ними, и очень рассердился, узнав, что Хлёд, сын его дочери, был назван сыном рабыни. Он сказал:

14 «Мы проведем
эту зиму в довольстве,
станем беседовать,
мед распивая;
гуннов научим
оружье готовить
и смело его
в бой понесем.

15 Славную, Хлёд,
соберем мы дружину,
доблестно будут
воины биться,
герои-юнцы
на двухлетках-конях,
войско такое
будет у гуннов».

Эту зиму конунг Хумли и Хлёд пробыли дома. Но весной они собрали такое большое войско, что в гуннской земле совсем не осталось мужей, способных носить оружие<...> Пять тысяч было в каждом полку, и в каждой тысяче было тринадцать сотен, и в каждой сотне — четыре отряда по сорок воинов, и таких полков было тридцать три.

Собрав это войско, они поехали в лес, который называется Мюрквид. Он отделяет гуннскую землю от земли готов. Когда

они вышли из леса, перед ними оказались большие селения на широкой равнине, а посреди равнины стояла великолепная крепость. Там правила Хервёр, сестра Ангантюра и Хлёда, и с ней был Ормар, ее воспитатель. Они должны были оборонять границу от гуннских ратей, и у них было большое войско.

Однажды утром Хервёр стояла на башне над городскими воротами. Она взглянула на юг в сторону леса и увидела большие клубы пыли от скачущих коней, и эта пыль надолго закрыла солнце. Затем она увидела, как в клубах пыли что-то сверкает, как золото,— великолепные щиты, окованные золотом, позолоченные шлемы и светлые кольчуги. Тогда она поняла, что это войско гуннов и что оно очень многочисленно. Она быстро спустилась, позвала своего трубача и велела ему трубить сбор. Затем Хервёр сказала: «Берите оружие и готовьтесь к битве! А ты, Ормар, поезжай навстречу гуннам и предложи им бой перед южными воротами крепости». Ормар сказал:

16 «Конечно, поеду
и щит понесу,
с готами вместе
буду сражаться!»

Тогда Ормар выехал из крепости навстречу гуннам. Он громко закричал, зовя их к стенам крепости: «Я предлагаю вам битву на поле перед южными воротами!»⟨...⟩ Но так как гунны были гораздо многочисленнее, войско Хервёр стало нести большие потери. В конце концов Хервёр была убита и вокруг нее погибла большая часть ее войска.

Когда Ормар увидел гибель Хервёр, он обратился в бегство, а с ним все, кто еще оставался в живых⟨...⟩. Представ перед конунгом Ангантюром, он сказал:

17 «С юга я прибыл
с такими вестями:
в пламени лес,
Мюрквида чаща,
залита кровью
готов земля.

18 Знаю, что в битве
Хейдрека дочь,
сестра твоя, пала,
сраженная насмерть,
гунны ее
убили и с нею
воинов многих
из готского войска.

19 Легче ей было
битву начать,
чем свадебный пир
или с милым беседу».

Когда конунг Ангантюр услышал это, он сжал губы и долго молчал. Наконец он сказал: «Не по-братски поступил с тобой Хлёд, сестра моя благородная!» Затем он окинул взором свою дружину, которая была немногочисленна, и сказал:

20 «Много нас было
за чашею меда,
да мало осталось
для ратного дела.

21 Нету в дружине
моей никого,
кто бы поехал
и щит бы понес,
чтобы вызвать на бой
гуннское войско.
хотя б я прибавил
к просьбам награду».

Гицур Старый сказал:

22 «Не стану просить
в награду себе
даже ничтожной
золота доли;
но я поеду
и щит понесу,
чтоб гуннам вручить
жезл войны».

〈...〉Гицур надел хорошие доспехи и вскочил на своего коня. как юноша. Затем он сказал конунгу:

23 «Куда мне позвать
гуннов для схватки?»

Конунг Ангантюр сказал:

24 «К Дюльгье зови их,
на Дунхейд зови,
зови их в пределы
Ёссурских гор;
там го́тов дружины
в битвах нередко
победу и славу
себе добывали».

И вот Гицур ускакал и ехал долго, пока не подъехал к войску гуннов. Он приблизился настолько, что его могли услышать, и крикнул громким голосом:

25 «Войску разгром
и гибель вождю!
Подняты стяги,
против вас Один!

26 Зову я вас к Дюльгье,
на битву сзываю
на Дунхейд, в пределы
Ёссурских гор!

Усейте поля
своими телами,
пусть Один направит
копье, как сказал я!»

Услышав слова Гицура, Хлёд сказал:

27 «Схватите скорее
Гицура Старого!»

А конунг Хумли сказал:

28 «Посланца не троньте,—
один он приехал».

<…>Гицур пришпорил своего коня и поскакал к конунгу Ангантюру. Он предстал пред ним и приветствовал его. Конунг спросил, был ли он у гуннов. Гицур сказал: «Я говорил с ними и позвал их на поле битвы на Дунхейде и в долины Дюльгьи». Ангантюр спросил, как велико войско гуннов. Гицур сказал: «Их великое множество».

29 Шесть боевых
у гуннов полков,
в каждом пять тысяч,
а в тысяче — сотни
счетом тринадцать,
в каждой же сотне
вчетверо больше
воинов смелых».

На следующий день они начали битву. Они бились целый день и вечером вернулись в свои шатры. Так они сражались восемь дней<…>. День и ночь к Ангантюру подходили подкрепления со всех сторон, так что у него было не меньше народу, чем вначале. Битва стала еще жарче, чем раньше<…>. Готы защищали свою свободу и свою родину, сражаясь против гуннов, они поэтому стойко держались и подбадривали друг друга. К концу дня натиск готов стал так силен, что полки гуннов дрогнули. Увидев это, Ангантюр вышел из ограды щитов, стал во главе войска и, взяв Тюрвинг в руки, начал рубить людей и коней. Ограда щитов вокруг конунга гуннов была прорвана, и братья сошлись друг с другом. Тут Хлёд пал, и конунг Хумли пал, и гунны обратились в бегство, а готы убивали их, и убитых было так много, что реки оказались запружены и вышли из берегов, и долины были заполнены мертвыми лошадьми и людьми и залиты кровью. Ангантюр пошел тогда на поле боя посмотреть на убитых и нашел своего брата Хлёда. Тогда он сказал:

30 «Сокровищ тебе
немало сулил я,
немало добра
мог бы ты выбрать;
битву начав,
не получил ты
ни светлых колец,
ни земель, ни богатства.

31 Проклятье на нас:
тебя я убил!
То навеки запомнят;
зол норн приговор!»

Ангантюр долго был конунгом в Хрейдготаланде. Он был могуч, щедр и воинствен, и от него произошли роды конунгов.

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

ПЕРЕВОД СО СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО Ю. КОРНЕЕВА

АВЕНТЮРА I

1 Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей.
Про их пиры, забавы, несчастия и горе
И распри их кровавые услышите вы вскоре.

2 Жила в земле бургундов девица юных лет.
Знатней ее и краше еще не видел свет.
Звалась она Кримхильдой и так была мила,
Что многих красота ее на гибель обрекла.

3 Любить ее всем сердцем охотно б каждый стал.
Кто раз ее увидел, тот лишь о ней мечтал.
Наделена высокой и чистою душой,
Примером быть она могла для женщины любой.

4 Взрастала под защитой трех королей она.
Бойцов смелей не знала бургундская страна.
То были Гунтер, Гернот, млад Гизельхер удалый.
Сестру от всех опасностей любовь их ограждала.

5 Всем взяли — и отвагой и щедростью они,
И род их достославный был знатен искони.
Владели эти братья Бургундией втроем,
И многих гуннов Этцеля сразил их меч потом.

6 На Рейне в Вормсе жили с дружиной короли,
И верность нерушимо вассалы их блюли:
Не изменили долгу герои даже там,
Где смерть им уготовила вражда двух знатных дам.

7 Была в крещенье Утой их мать наречена.
Отец их Данкрат умер, и перешла страна
По праву и закону под власть его сынов.
А смолоду он тоже был грозою для врагов.

8 Могущественны были три брата-короля.
Служили им оплотом, как вам поведал я,
Богатыри-вассалы, привыкшие к победам,
Отважные воители, которым страх неведом.

9 Владетель Тронье Хаген, и Ортвин Мецский с ним,
И Фолькер из Альцая, что слыл бойцом лихим,
И Данкварт, храбрый витязь, брат Хагена меньшой,
И два маркграфа — Эккеварт и Гере удалой.

10 Начальником над кухней был в Вормсе Румольт смелый.
Следили он, и Синдольт, и Хунольт, чтоб имела
Дружина все, что нужно для честного житья.
А сколько добрых воинов не называю я!

11 За чашника был Синдольт, воитель, полный сил.
Постельничим был Хунольт, конюшим Данкварт был,
И стольник Ортвин Мецский, его племянник славный,
С ним честь владык Бургундии оберегал исправно.

12 О том дворе блестящем, о тех богатырях,
О подвигах великих и доблестных делах,
При жизни совершенных отважными бойцами,
Я мог бы вам без устали рассказывать часами.

13 И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,
Как будто вольный сокол у ней в дому прижился,
Но был двумя орлами заклеван перед нею.
Смотреть на это было ей всех смертных мук страшнее.

14 Про сон свой вещий Уте поведала девица,
И мать ей объяснила, какой в нем смысл таится:
«Тот сокол — славный витязь. Пусть Бог хранит его,
Чтоб у тебя не отняли супруга твоего».

15 «Нет, матушка, не надо о муже толковать.
Хочу, любви не зная, я век провековать.
Уж лучше одинокой до самой смерти жить,
Чем, потеряв любимого, потом о нем тужить».

16 «Не зарекайся, дочка,— так Ута ей в ответ.—
Без милого супруга на свете счастья нет.
Познать любовь, Кримхильда, придет и твой черед,
Коль витязя пригожего Господь тебе пошлет».

17 Сказала королевна: «Нет, госпожа моя,
Любви конец плачевный не раз видала я.
Коль платится страданьем за счастье человек,
Ни с кем себя венчанием я не свяжу вовек».

18 И вот, любви чуждаясь, прекрасна и юна,
Покоем наслаждаясь, жила она одна
И сердце не дарила ни одному бойцу,
Покуда витязь доблестный с ней не пошел к венцу.

19 То был тот самый сокол, что снился ей во сне.
И страшно отомстила она потом родне,
Кем у нее был отнят супруг и господин:
Погибли многие за то, что принял смерть один.

АВЕНТЮРА II

О ЗИГФРИДЕ

20 В ту пору в Нидерландах сын королевский жил.
От Зигмунда Зиглиндой рожден на свет он был
И рос, оплот и гордость родителей своих,
На нижнем Рейне в Ксантене, столице крепкой их.

21 Носил он имя Зигфрид и, к славе сердцем рьян,
Перевидал немало чужих краев и стран,
Отвагою и мощью везде дивя людей.
Ах, сколько он в Бургундии нашел богатырей!

22 Еще юнцом безусым был королевич смелый,
А уж везде и всюду хвала ему гремела.
Был так высок он духом и так пригож лицом,
Что не одной красавице пришлось вздыхать о нем.

23 Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной.

24 Когда ж герою время жить при дворе пришло,
Его там каждый встретил сердечно и тепло.
Он стал желанным гостем в кругу прекрасных дам,
Он им пришелся по сердцу и это видел сам.

25 Отныне с пышной свитой он начал выезжать.
Богато одевали его отец и мать.
Он у мужей, искусных в совете и в бою,
Учился быть правителем и честь блюсти свою.

26 Стал скоро в состоянье носить доспехи он,
Затем что был с рожденья бесстрашен и силен.
На женщин все упорней он пылкий взор стремил.
Его вниманье льстило им: любой был Зигфрид мил.

27 Узрев, что сыну время сан рыцарский носить,
Велел вассалов Зигмунд на пир к себе просить
И в сопредельных землях дал знать через гонцов,
Что дарит платьем и конем своих и пришлецов.

28 На празднество созвали всех юношей, чей род
По возмужанье право стать рыцарем дает,
И препоясал Зигмунд в день торжества того
Мечом и королевича, и сверстников его.

29 Про праздник тот рассказы дивят людей поныне.
Гостеприимный Зигмунд был щедр на благостыню.
Радушней, чем Зиглинда, не знал хозяйки мир.
Недаром столько витязей к ним съехалось на пир.

30 Всем однолеткам сына — четыремстам бойцам
Король одежду роздал: над ней немало дам
В честь Зигфрида трудились все дни до торжества.
Они каменья в золото оправили сперва,

31 А после их нашили на бархат дорогой —
Ведь смелым и пристало носить наряд такой.
Был в день солнцеворота тот пышный праздник дан,
Где принял Зигфрид рыцаря достоинство и сан.

32 Пошли оруженосцы и рыцари в собор.
Служили, как ведется со стародавних пор,
Юнцам мужи и старцы на этих торжествах.
Все ожидали празднества с веселием в сердцах.

33 Пока во славу Божью обедня в храме шла,
Толпа простого люда на площади росла.
Народ валил стеною: не всякому опять
Чин посвященья в рыцари удастся увидать.

34 Потом воитель каждый был оделен конем.
Большой турнир устроил король перед дворцом.
Дрожмя дрожали стены от грохота копыт —
Всегда потеха ратная отважных веселит.

35 Сшибались молодые и старые бойцы.
Обламывались копий каленые концы,
Со свистом отлетая с ристалища к дворцу.
Усердно бились витязи, как удальцам к лицу.

36 Но поднял Зигмунд руку, и развели бойцов.
Ах, сколько там валялось изрубленных щитов
И сколько с их застежек попадало камней!
Они траву усеяли, как жар, сверкая в ней.

37 Потом за стол уселся с гостями властелин.
Для них не пожалел он отборных яств и вин.
В одно мгновенье ока прошла усталость их.
Король на славу чествовал приезжих и своих.

38 Весь день, до поздней ночи, гуляли храбрецы.
В искусстве состязались бродячие певцы,
А гости награждали их от своих щедрот.
Тот пир прославил Зигмунда и весь его народ.

39 Король позволил сыну, как делал встарь и сам,
В лен города и земли пожаловать друзьям,
И сверстников отважных так оделил герой,
Что был своей поездкою доволен гость любой.

40 Семь дней тянулся праздник, не молкли шум и смех,
И золотом Зиглинда одаривала всех,
Чтоб сын ее пригожий стал людям мил и люб:
Не будет тот им по сердцу, кто на даянье скуп.

41 Стал самый бедный шпильман за эти дни богат.
Был каждый приглашенный так щедр и тороват,
Как будто жить осталось ему лишь до утра.
Пышней и расточительней не видел мир двора.

42 Когда ж простились гости с радушным королем,
Знатнейшие вассалы речь завели о том,
Что Зигфриду пора бы воссесть на отчий трон.
Но даже слышать не хотел об этой чести он.

43 Пока живут на свете его отец и мать,
Он, сын их, на корону не станет притязать;
Но если враг посмеет грозить родной стране,
Заменит он родителя охотно на войне.

АВЕНТЮРА III

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ПРИЕХАЛ В ВОРМС

44 Так жил воитель смелый, не ведая забот,
Покуда не услышал в свой час и свой черед
О девушке бургундской, что так была мила.
Она и счастье Зигфриду и горе принесла.

45 Ходил по многим странам слух о ее красе,
За добрый нрав и разум ее хвалили все,
И так везде пленяла мужчин молва о ней,
Что не было у Гунтера отбою от гостей.

46 Но между тех, кто б с нею охотно в брак вступил,
Никто Кримхильде не был настолько люб и мил,
Чтоб в сердце королевны мог воцариться он:
Еще не знала девушка того, кто ей сужден.

47 Меж тем стал думать Зигфрид: кого в супруги взять?
Кто б жениху такому решился отказать?
Кто из знатнейших женщин не жаждал брака с ним?
Недаром он Кримхильдою был так потом любим.

48 Он о любви все чаще мечтал день ото дня,
И стали все упорней дружина и родня
Твердить, чтоб в жены выбрал он ровню по рожденью.
И Зигфрид так ответствовал на эти наставленья:

49 «С бургундской королевной хочу я в брак вступить —
Ничья краса не может Кримхильдину затмить.
Славнейший император, мечтай он о жене,
Ее бы счел невестою, достойною вполне».

50 Весь двор пришел в волненье, узнав ответ его,
И Зигмунд огорчился за сына своего.
Старик-король боялся, что кончится бедой
Любовь его наследника к бургундке молодой.

51 Когда ж поведал Зигмунд Зиглинде обо всем,
Она загоревала об отпрыске своем:
Ей страх большой внушали бургунды искони.
И сына отговаривать взялись вдвоем они.

52 Но молвил пылкий Зигфрид: «Мой дорогой отец,
Уж лучше не пойду я вовеки под венец,
Коль не могу жениться на той, кого люблю,
И в этом, как ни гневайтесь, я вам не уступлю».

53 «Ну, раз ты так настойчив,— король в ответ ему,—
Не стану я перечить желанью твоему
И облегчу чем в силах тебе твои труды.
Но помни: люди Гунтера спесивы и горды.

54 А смелый Хаген стоит всех прочих, взятых вместе.
Ревниво он печется о королевской чести.
Гляди, мой сын, чтоб ссоры у вас не вышло с ним,
Коль мы к такой красавице посвататься решим».

55 Лишь усмехнулся Зигфрид: «Отец, да что мне в том?
Коль я свою невесту не получу добром,
Ее я силой вырву у братьев-королей,
А земли их и подданных возьму в придачу к ней».

56 Король ему, нахмурясь: «Опасные слова!
А вдруг на Рейн к бургундам их донесет молва?
Тогда тебе не видеть вовеки их страны:
Я знаю, Гунтер с Гернотом отважны и сильны.

57 К тому ж,— добавил Зигмунд,— я помню, сын мой милый,
Что брать себе невесту не подобает силой.
Но коль охрану хочешь ты взять с собой туда,
Тебе надежных спутников сыщу я без труда».

58 Ответил королевич: «Иду я не в поход,
И мне с дружиной ехать к бургундам не расчет.
Снискать любовь Кримхильды едва ль сумею я,
Коль силою оружия ей навяжусь в мужья.

59 Нет, я ее добуду лишь доблестью своей.
Я еду сам-двенадцать к бургундам в Вормс за ней.
А вас прошу пристойно одеть моих бойцов».
Тут Зигмунд их пожаловал мехами двух цветов.

60 Заплакала Зиглинда, узнав про сватовство,—
Так боязно ей стало за сына своего.
А вдруг уже не будет ему пути назад?
Вдруг жизни люди Гунтера ее дитя лишат?

61 Но он пошел в покои, где горевала мать,
И начал королеву любовно утешать:
«Вам, матушка, о сыне лить слезы ни к чему.
В бою с любым противником легко я верх возьму.

62 Вы лучше тех, кто едет со мною в край чужой,
Снабдите на дорогу одеждою такой,
В какой предстать бургундам мы без стыда могли бы,
И вам скажу за это я великое спасибо».

63 Она в ответ: «Коль скоро стоишь ты на своем,
Тебе не откажу я, дитя мое, ни в чем
И дам такое платье всем спутникам твоим,
Чтоб рыцари знатнейшие завидовали им».

64 Ей отдал королевич признательный поклон.
«Со мной людей немного,— учтиво молвил он,—
Нас будет лишь двенадцать. Сбирайте ж сына в путь.
Мне на Кримхильду гордую не терпится взглянуть».

65 Созвала дам Зиглинда, а те, чтоб ей помочь,
Прилежно за работой сидели день и ночь.
И Зигфриду успели одежду к сроку сшить.
Не внял он просьбам подданных поездку отложить.

66 Чтоб с честью сын покинул родной страны предел,
Отец доспехом ратным снабдить его велел.
Он ни кольчуг блестящих, ни шлемов, ни щитов
Не пожалел для Зигфрида и для его бойцов.

67 Но вот приспело время к бургундам путь держать.
Весь двор, стеня, собрался героя провожать.
Кто знал, вернется ль Зигфрид домой, к родне своей?
Кладь уложили путники на вьючных лошадей,

68 А сами ловко сели на скакунов лихих.
Отделкой золотою сверкала сбруя их.
Собой гордиться было к лицу таким бойцам.
Сын попросил родителей: «Дозвольте ехать нам».

69 Те дозволенье дали, хотя их страх терзал,
А Зигфрид на прощанье им ласково сказал:
«Напрасно не тревожьтесь, не плачьте обо мне.
За жизнь мою вы можете спокойны быть вполне».

70 Душили слезы женщин, тоска гнела мужчин.
Унынью предавались они не без причин:
Подсказывало сердце в тот миг, наверно, им,
Что многим плакать предстоит по ближним и родным.

71 Застал в пути героев рассвет седьмого дня.
Бойцы скакали к Вормсу, оружием звеня.
Они тропой вдоль Рейна неслись во весь опор,
И золотом поблескивал их воинский убор.

72 Все в прочных звонких шлемах, при каждом новый щит,
Они являли взору великолепный вид.
Мир не знавал им равных — столь дорогой наряд
Носил любой, кто Зигфридом в Бургундию был взят.

73 До самых шпор свисало мечей их острие.
Большого веса было у каждого копье,
У Зигфрида же — ровно в две пяди толщиной.
Легко броню распарывал конец его стальной.

74 У них и кони были красавцы хоть куда —
Поперсие из шелка, злаченая узда.
Народ глазеть сбегался на витязей чужих.
Потом и люди Гунтера встречать явились их.

75 Вот рыцари к приезжим спешат со всех сторон
И, как велит обычай, им отдают поклон.
Щиты оруженосцы снимают с рук гостей
И под уздцы заботливо берут их лошадей.

76 Коней усталых в стойла они уже ведут,
Но Зигфрид, витязь смелый, бургундов просит тут:
«Нет, нет, пусть наши кони останутся при нас.
Мы снова в путь намерены пуститься сей же час.

77 Вы ж нам не откажите в услуге превеликой:
Хочу я знать, где Гунтер, Бургундии владыка.
Кому известно это, тому молчать не след».
И так промолвил Зигфриду один бургунд в ответ:

78 «Коль впрямь король вам нужен, как вы сейчас сказали,
Его увидеть можно вон в том просторном зале.
В кругу своей дружины он восседает там,
Внимая многоопытным и доблестным мужам».

79 Меж тем шепнули вормсцы владыке своему,
Что чужеземец знатный пожаловал к нему
Со свитой в пышном платье, в сверкающей броне,
А как их звать — не ведает никто во всей стране.

80 Осведомился Гунтер у всех, кто был кругом,
Откуда эти люди в уборе дорогом —
При каждом меч блестящий, широкий новый щит,
И был он раздосадован, что двор в ответ молчит.

Но встал тут Ортвин Мецкий и королю сказал
(То был могучий воин и преданный вассал):
«Пускай мой дядя Хаген придет и бросит взгляд
На незнакомых витязей, что у ворот стоят.

82 Уж он-то их узнает, ручаюсь в этом я.
Недаром он объездил все страны и края».
За Хагеном поспешно король послал гонцов,
И витязь прибыл во дворец с толпой своих бойцов.

83 Спросил с поклоном Хаген, что королю угодно.
«Явился в Вормс со свитой воитель благородный,
А кто он — неизвестно. Взгляд на пришельцев бросьте.
Быть может, вы нам скажете, откуда наши гости».

84 «Извольте»,— молвил витязь, открыл окно во двор
И в удальцов приезжих вперил свой острый взор.
Их платьем и оружьем был Хаген восхищен,
Но понял, что в Бургундии не мог их видеть он,

85 И молвил: «Эти люди, откуда б ни пришли,
Иль королей посланцы, иль сами короли.
У них на славу кони, да и наряд хорош.
В них сразу знатных рыцарей по виду узнаешь.

86 Я вам, — добавил Хаген, — вполне могу ручаться,
Хоть и не приходилось мне с Зигфридом встречаться,
Что это он со свитой стоит перед дворцом.
Себя он сразу выдает и статью и лицом.

87 О нем уже немало дошло до нас вестей.
Сразил он нибелунгов, двух братьев-королей:
Из них был Шильбунг старшим и Нибелунг меньшим.
Тот бой затмил все подвиги, содеянные им.

88 Слыхал я, что без свиты, с конем своим сам-друг,
Однажды ехал Зигфрид и гору видит вдруг,
А под горой толпятся какие-то бойцы.
Тогда еще не ведал он, кто эти храбрецы.

89 То были нибелунги, которые когда-то
Там, на горе, в пещере, зарыли клад богатый,
А ныне порешили достать и разделить.
Могло такое зрелище любого удивить.

90 Подъехал витязь ближе к толпе бойцов чужих,
И, путника приметив, вскричал один из них:
«Вон, Зигфрид Нидерландский, прославленный герой!..»
Да, навидался удалец чудес под той горой!

91 Тут Шильбунг с Нибелунгом встречать его пошли.
Вняв общему совету, просили короли,
Чтоб клад отважный витязь делить им пособил,
И были столь настойчивы, что Зигфрид уступил.

92 Там ка́мней драгоценных была такая груда,
Что их на ста подводах не увезли б оттуда,
А золота, пожалуй, и более того.
Таков был клад, и витязю пришлось делить его.

93 Меч нибелунгов взял он в награду за труды,
Но помощью своею довел лишь до беды:
Остались недовольны два брата дележом
И с Зигфридом рассорились, виня его во всем.

94 Хотя и охраняли особу королей
Двенадцать великанов, лихих богатырей, —
Что толку? Поднял Зигфрид свой Бальмунг, добрый меч,
И великаньи головы в траву упали с плеч.

95 Семь сотен нибелунгов он истребил в бою,
А те, кто помоложе, страшась за жизнь свою,
Его молили слезно, чтоб соизволил впредь
Он их землей и замками, как государь, владеть.

96 Затем воздал воитель двум братьям-королям,
Хоть, жизни их лишая, чуть не погиб и сам:
С ним бой затеял Альбрих, мстя за своих господ,
Но карлик поражение изведал в свой черед.

97 Не смог и он тягаться с противником таким.
На гору победитель взлетел, как лев, за ним,
Плащ-невидимку отнял, и в плен был Альбрих взят.
Вот так во власти Зигфрида и оказался клад.

98 Расправившись со всеми, кто с ним вступил в сраженье,
Распорядился витязь, чтоб клад на сохраненье
В пещеру потайную был вновь перенесен,
И Альбриха к сокровищу приставил стражем он.

99 А тот ему поклялся его слугою стать,—
Сказал владелец Тронье и продолжал опять:
— Таков отважный Зигфрид, храбрейший из мужей.
Досель еще не видел мир бойца, его сильней.

100 Могу я и другое порассказать о нем.
Он страшного дракона убил своим мечом,
В крови его омылся и весь ороговел.
С тех пор чем ни рази его, он остается цел.

101 Быть должен принят с честью воитель молодой,
Чтоб нам за нерадушье он не воздал враждой.
Нехудо будет лаской того к себе привлечь,
Кто совершает чудеса, пуская в ход свой меч».

102 Сказал могучий Гунтер: «Наш смелый Хаген прав.
Все в госте обличает неукротимый нрав.
Он в бой, судя́ по виду, готов вступить всегда.
Ему навстречу надлежит мне выйти, господа».

103 «И это,— молвил Хаген,— для чести не урон.
Ведь он не первый встречный, а королем рожден.
К тому ж бойца такого к нам из чужой земли
Дела не пустяковые, наверно, привели».

104 В ответ король бургундский: «Нам этот гость приятен:
Ведь мы теперь узнали, что он и смел и знатен.
Найдет он здесь почетный и ласковый прием».
И Гунтер вышел к Зигфриду со всем своим двором.

105 Бургундами учтиво был встречен знатный гость.
Знавать людей радушней ему не довелось,
И Гунтеру он отдал поклон от всей души
За то, что с ним хозяева так были хороши.

106 Спросил король немедля: «Узнать хотел бы я,
Как и зачем попали вы в здешние края.
Что нужно, смелый Зигфрид, на Рейне в Вормсе вам?»
И гость сказал хозяину: «Ответ охотно дам.

107 Слыхал в стране отцовской я от людей не раз,
Что состоит немало лихих бойцов при вас.
Любой король гордился б вассалами такими.
И силами померяться мне захотелось с ними.

108 Рассказывают также, что храбры вы и сами,
Что равного в бесстрашье вам нет меж королями.
По сопредельным странам гремит о вас молва,
И жажду убедиться я, насколь она права.

109 Как вы, я — тоже витязь, и ждет меня корона,
Но доказать мне надо, что я достоин трона
И что владеть по праву своей страной могу.
Я ставлю честь и голову в залог, что вам не лгу.

110 Коль впрямь бойца отважней, чем вы, не видел свет,
Я спрашивать не стану, согласны вы иль нет,
А с вами бой затею и, если верх возьму,
Все ваши земли с замками у вас поотниму».

111 Немало удивились король и двор его,
Когда они узнали от гостя своего,
Что он все достоянье отнять у них решил.
Дружину возмущенную безмолвный гнев душил.

112 «Ну нет,— ответил Гунтер, Бургундии властитель,—
Тем, чем владел так долго и с честью наш родитель,
Вовеки чужеземцу не дам я завладеть
Иль права зваться рыцарем лишен я буду впредь».

113 Упрямо молвил Зигфрид: «Я на своем стою,
И коль меня оружьем не сломишь ты в бою,
Я на престол твой сяду, как сядешь ты на мой,
Коль скоро в силах справиться окажешься со мной.

114 Земель твоих бургундских мое наследье стоит.
Так пусть число владений и подданных удвоит
Тот, кто убьет другого и разрешит наш спор».
Тут смелый Хаген с Гернотом вступили в разговор.

115 Воскликнул Гернот: «Что вы! Зачем нам враждовать?
Не станем у другого мы землю отбивать —
И без того обширна бургундская страна.
По праву нам, как отчина, принадлежит она».

116 Своим ответом Гернот друзей разгневал так,
Что бросил Ортвин Мецский, прославленный смельчак:
«Мне миролюбье ваше не по душе пришлось.
Ведь вызовом без повода нас всех обидел гость.

117 Пусть даже с целым войском он к нам сюда придет,
А вас и ваших братьев покинет наш народ,
С ним в одиночку биться я буду до конца
И от привычки хвастаться отважу гордеца».

118 Воитель нидерландский от гнева покраснел:
«Тебе со мной тягаться не след, хоть ты и смел.
Я — государь могучий, а ты — вассал простой.
Не справиться и дюжине таких, как ты, со мной».

119 Меч вынул Ортвин Мецский движением одним —
Ему недаром Хаген был дядею родным.
Но сам боец из Тронье молчал, чем всех дивил.
По счастью, Гернот Ортвина в тот миг остановил.

120 Воскликнул он: «Вам, Ортвин, сдержаться надлежит —
Ведь Зигфрид нам пока что не причинил обид.
Для нас почетней будет поладить с ним добром.
Тогда мы не противника, а друга в нем найдем».

121 Могучий Хаген молвил: «Как каждый ваш вассал,
Задет я нашим гостем: он ясно показал,
Что с умыслом недобрым приехал к нам сюда,
Хоть зла ему не сделали вы, наши господа».

122 Ответил смелый Зигфрид: «Коль не по нраву вам
То, что сказал я, Хаген, здесь вашим господам,
Придется вам увидеть, как под руку свою
Возьму я всю Бургундию, а их сломлю в бою».

123 «Не допущу я ссоры»,— вмешался Гернот тут
И приказал вассалам, пусть все себя ведут
Так, чтоб надменной речью гостей не раздражать.
Притих и Зигфрид, устрашась Кримхильду потерять.

124 Промолвил Гернот: «Биться вам с нами не расчет.
Ведь в том, что бесполезно цвет наших стран падет,
Нам будет чести мало, вам тоже проку нет».
И Зигфрид, отпрыск Зигмунда, сказал ему в ответ:

125 «Зачем так медлит Хаген и Ортвин поутих?
Что ж на меня не двинут они друзей своих?
Иль те боятся схватки и пыл их поостыл?»
Бургунды не ответили — им Гернот запретил.

126 Сын Уты молвил снова: «Прошу вас гостем быть.
Здесь вам и вашим людям все рады угодить.
А я с родней своею всегда служить готов».
И стал вином он потчевать могучих пришлецов.

127 Сказал державный Гунтер: «Попро́сите добром —
И никогда отказа не встретите ни в чем.
Все — жизнь и достоянье — мы отдадим за вас».
Гнев господина Зигфрида от этих слов угас.

128 Приезжим снять доспехи бургунды помогли
И лучшие покои в дворце им отвели.
Там Зигфрида и свиту с дороги отдых ждал.
С тех пор герой в Бургундии желанным гостем стал.

129 Тех почестей, какими его там осыпали,
И тысячную долю я опишу едва ли.
Он этим был обязан лишь доблестям своим:
Кто б Зигфриду ни встретился, все восхищались им.

130 Какой потехой ратной ни тешился бы двор,
Был в каждой Зигфрид первым, всему наперекор.
В метании ли копий, в бросании ль камней
Он был любых соперников ловчее и сильней.

131 Когда же развлекались бойцы по вечерам
Учтивою беседой в кругу прекрасных дам,
Те глаз не отводили от гостя своего —
Такою страстью искренней дышала речь его.

132 Он им во всех затеях всегда был рад помочь,
Но сам лишь о Кримхильде мечтал и день и ночь,
Да и она, хоть деву еще не видел он,
Тайком все чаще думала, как смел он и силен.

133 Чуть во дворе потеху затеет молодежь,
От окон королевну силком не оторвешь:
На рыцарские игры весь день глядит она,
И больше никакая ей забава не нужна.

134 Узнай об этом Зигфрид, как витязь был бы рад,
Что на него бросает Кримхильда теплый взгляд!
Ведь он всем сердцем жаждал так пылко и давно,
Чтоб было с милой свидеться ему разрешено.

135 Когда же прерывалась для отдыха игра
И гость в толпе героев стоял среди двора,
Отважный сын Зиглинды был так хорош собой,
Что чувства нежные будил он в женщине любой.

136 Нередко думал Зигфрид: «Когда ж предлог найду я
Воочию увидеть Кримхильду молодую?
Ее люблю я пылко и здесь давно гощу,
Но с ней еще не встретился и оттого грущу».

137 Когда ж объезд владений свершали короли,
Они с собою брали весь цвет своей земли
И — к горю королевны — сопровождал их гость.
Не раз ему по девушке потосковать пришлось.

138 Вот так,— и я порукой в том, что молва не лжет,—
В земле бургундов прожил воитель целый год,
Но все еще не видел той, кем он был пленен,
С кем счастье и страдание потом изведал он.

АВЕНТЮРА IV

О ТОМ, КАК ОН БИЛСЯ С САКСАМИ

139 Однажды в Вормс примчались гонцы из стран чужих.
Два короля могучих на Рейн послали их,
Чтоб объявить трем братьям жестокую войну.
Повергла весть в смятение бургундскую страну.

140 Скажу я вам, что первым из этих королей
Был Людегер, правитель саксонских областей,
И Людегастом Датским звался из них второй.
Немало сильных воинов вели они с собой.

141 Услышав о приезде неведомых гонцов,
Бургундские вельможи спросили пришлецов:
«Что передать велели нам ваши короли?»
И к Гунтеру немедленно посланцев отвели.

142 Сказал король учтиво: «Прошу вас быть гостями.
Но я еще не знаю, кто вас прислал с вестями.
Нам это без утайки должны вы объявить».
Гонцы в ответ, хоть Гунтера боялись прогневить:

143 «Мы обо всем доложим вам, государь, честь честью.
От вас мы скрыть не вправе столь важные известья.
Узнайте же: послали сюда, в ваш край родной,
Нас Людегер и Людегаст, что вам грозят войной.

144 Немало вы чинили им всяческих обид,
И в них — то нам известно — гнев против вас кипит.
Хотят они нагрянуть на Рейн и Вормс занять.
Поверьте мне, огромная у них готова рать.

145 Недель через двенадцать они с ней выйдут в поле,
А вы пока сзывайте друзей, числом поболе,
Не то у вас все замки и земли отберут.
Немало будет сломано мечей и копий тут.

146 Но лучше было б миром уладить дело вам
И для переговоров послать гонца к врагам.
Тогда уж не ворвется к вам в землю войско их
И много славных рыцарей останется в живых».

147 Отважный Гунтер молвил: «Повременить прошу,
Пока я все не взвешу и твердо не решу.
Совет держать я должен с вассалами своими:
Хочу прискорбной новостью я поделиться с ними».

148 Король был опечален, вздыхал он тяжело.
Ему на сердце камнем известие легло.
За Гернотом немедля послать он приказал
И Хагена с вельможами созвал в приемный зал.

149 Когда они собрались, сказал им Гунтер так:
«Грозит границам нашим опасный, сильный враг.
Всем нам его вторженье сулит немало бед».
И Гернот, витязь доблестный, вскричал ему в ответ:

150 «От бед нам меч защита, отвага наш оплот.
Где суждено погибнуть, там смерть тебя найдет.
Не поступлюсь я честью, чтоб жизнь свою продлить.
Нас вражье нападение должно лишь веселить».

151 Боец из Тронье молвил: «Совет ваш нехорош.
На рать датчан и саксов без войска не пойдешь,
А мы ведь не успеем собрать свои отряды».
И он добавил: «Зигфриду сказать про все нам надо».

152 Король посланцев в Вормсе на отдых поместил
И задевать приезжих бургундам запретил.
Решил он, что разумней не раздражать врагов,
Не разузнав, кто из друзей встать за него готов.

153 Ходил невесел Гунтер, забыв покой и сон,
И растревожил гостя своим уныньем он.
Увидел нидерландец его тоску-кручину
И стал просить хозяина назвать ее причину.

154 Сказал отважный Зигфрид: «Давно меня дивит
Ваш непривычно мрачный и удрученный вид.
Что вас, король, лишило веселия былого?»
И молвил Гунтер доблестный ему такое слово:

155 «Не с каждым поделиться король печалью может.
Таить я в сердце должен то, что меня тревожит:
Ведь правду открывают лишь преданным друзьям».
В лице меняясь, знатный гость внимал его речам.

156 Он Гунтеру ответил: «Располагайте мной.
Я вам прийти на помощь готов в беде любой.
Коль верный друг вам нужен, я буду им для вас,
Покуда не придет конец и мне в свой срок и час».

157 «Пусть бог воздаст вам, Зигфрид, за эту речь сполна.
Нам дорога не помощь, хоть и нужна она,
А то, как поспешили ее вы предложить.
Сочтемся мы услугою, коль суждено мне жить.

158 Я вам скажу, какая стряслась со мной беда.
Мои враги прислали своих гонцов сюда,
Войну мне объявили и нас врасплох застали:
Ведь нашу землю недруги доселе не топтали».

159 «Тревогой не терзайтесь при мысли о войне,—
На это молвил Зигфрид,— а разрешите мне
Поднять за вас оружье, вам к выгоде и чести,
И пусть вассалы ваши в бой идут со мною вместе.

160 Поверьте, тридцать тысяч отборных храбрецов
Сломлю в жестокой сече я с тысячью бойцов,
И будет пораженье нанесено врагу».
Рек Гунтер: «Не останусь я перед тобой в долгу».

161 «Итак, мне соизвольте дать тысячу мужей —
Ведь здесь всего двенадцать со мной богатырей,
И недругов принудить сумею к бегству я.
Всегда вам будет преданно служить рука моя.

162 Пусть Хаген, Данкварт, Ортвин и Синдольт удалой,
Что вами так любимы, идут в поход со мной.
Мне также нужен Фолькер, бесстрашный человек —
Ведь знаменосца лучшего я не найду вовек.

163 Велите возвращаться на родину гонцам,
Затем что очень скоро мы сами будем там,
А я от нападенья ваш край обороню».
Тогда король велел сзывать дружину и родню.

164 Явились за ответом послы к нему опять
И с радостью узнали, что могут уезжать.
Великодушный Гунтер их щедро одарил
И отослал с охраною, чем сильно ободрил.

165 Он молвил на прощанье: «Такой я дам ответ:
Идти на нас войною врагам расчета нет;
Пускай не нарушают покой моей страны,
Иль плохо это кончится, коль мне друзья верны».

166 Богатые подарки он дал гостям потом —
Не дорожился Гунтер казною и добром.
Послы же, чтоб отказом его не гневать зря,
Все приняли и отбыли, судьбу благодаря.

167 Когда ж пределов датских они достигли снова
И Людегасту стало известно слово в слово,
Какой ответ на Рейне был дан его гонцам,
Отмстить решил он в ярости бургундским гордецам.

168 Добавили посланцы: «Во вражеской земле
Есть храбрецов немало, и блещет в их числе
Приезжий витязь Зигфрид. Из Нидерландов он».
Король был этой новостью встревожен и смущен.

169 Она усугубила старания и тщанье,
С какими войско к бою готовили датчане,
И скоро двадцать тысяч отборных смельчаков
Повел отважный Людегаст походом на врагов.

170 И Людегер Саксонский стянул свои войска.
Набралось сорок тысяч иль больше сорока
Датчан и саксов в рати обоих королей.
В Бургундии тем временем король сзывал друзей.

171 Его родня, и братья, и Хаген удалой,
И все их люди были вступить готовы в бой.
Все знали: неизбежна кровавая война,
И многим славным витязям сулит конец она.

172 Как только снарядилась в поход опасный рать,
Ее из Вормса стали за Рейн переправлять.
Бесстрашный Фолькер знамя назначен был нести,
А Хагену доверили дружинников вести.

173 Поехал с войском Синдольт, и Хунольт не отстал —
Не зря так щедро Гунтер всегда их награждал.
В поход пошли и Данкварт, и Ортвин Мецский с ним —
Прославиться в сражении легко бойцам таким.

174 Сказал могучий Зигфрид: «Король, останьтесь тут.
Коль скоро ваши люди в поход со мной идут,
Живите в Вормсе мирно и охраняйте дам.
Ни вас, ни ваших подданных в обиду я не дам.

175 Врагам, идущим к Рейну, чтоб Вормсом овладеть,
Я докажу, что лучше б им по домам сидеть,
И сам победоносно по землям их пройду.
Они вам вызов бросили себе же на беду».

176 От Рейна через Гессен, противнику навстречу,
Повел дружину Зигфрид, вступить готовый в сечу.
В пути он жег и грабил окрестную страну —
Пусть пожалеют недруги, что начали войну.

177 Когда ж достигло войско саксонских рубежей,—
Не подступал вовеки к ним супостат страшней! —
Неустрашимый Зигфрид соратников спросил:
«Кому с оруженосцами прикрыть поручим тыл?»

178 Ответили бургунды: «Известен Данкварт силой.
Пусть вместе с молодежью нас прикрывает с тыла.
А коль ему в придачу мы Ортвина дадим,
В любом бою останется отряд наш невредим».

179 Тогда промолвил Зигфрид: «Я сам в дозор поеду.
Коль над врагом желаем мы одержать победу,
Нам надо знать, откуда на нас он двинет рать».
И начал отпрыск Зигмунда доспехи надевать.

180 В дорогу снарядившись, он приказанье дал,
Чтоб войско взяли Хаген и Гернот под начал,
И во владенья саксов, один, погнал коня,
Немало шлемов изрубил он там в теченье дня.

181 И вот он видит в поле несметные войска.
Людей в них сорок тысяч иль больше сорока.
Неизмеримо меньше у Зигфрида бойцов,
Но храбреца лишь радует обилие врагов.

182 Вдруг витязю навстречу другой наездник мчит.
Он в панцире и шлеме, при нем копье и щит.
Врагом замечен Зигфрид, и враг замечен им,
И вот уже сближаются они один с другим.

183 А был,— скажу вам это,— тот всадник удалой,
Чей щит сверкал на солнце отделкой золотой,
Сам Людегаст: он тоже отправился в дозор.
Скакун под датским королем летел во весь опор.

184 Датчанин гневным взглядом окинул чужака.
Коням всадили шпоры наездники в бока.
Во вражий щит нацелясь, склонились копья их,
И Людегаст встревожился, хоть был могуч и лих.

185 С разбега сшиблись кони и на дыбы взвились,
Потом друг мимо друга, как ветер, пронеслись.
Бойцы их повернули и съехались опять,
Чтоб счастье в схватке яростной мечами попытать.

186 Врага ударил Зигфрид, и дрогнула земля.
Столбом взметнулись искры над шлемом короля,
Как будто кто-то рядом большой костер зажег.
Бойцы друг друга стоили: взять верх никто не мог.

187 Все вновь и вновь датчанин разит врага сплеча.
Щиты звенят протяжно, встречая сталь меча.
Тут, Людегаста видя в опасности большой,
На помощь тридцать воинов спешат к нему толпой,

188 Но поздно: крепкий панцирь, сверкающий огнем,
Уже три раза Зигфрид успел рассечь на нем.
Весь меч у нидерландца от вражьей крови ал.
Беду почуял Людегаст и духом вовсе пал.

189 Он запросил пощады, сказал, кто он таков,
Поклялся, что вассалом стать Зигфриду готов.
Но в этот миг примчались и бой пришельцу дали
Те тридцать датских воинов, что схватку увидали.

190 Свою добычу Зигфрид не отдал им назад.
Воитель знал, что пленник и знатен и богат,
И за него сражался столь яростно и люто,
Что всем его защитникам пришлось куда как круто.

191 В живых один остался из тридцати датчан.
В залитом кровью шлеме он ускакал в свой стан,
Где горестную новость все угадали сразу —
Служили раны вестника заменою рассказу.

192 Когда узнало войско, что в плен попал король,
Вассалам датским сердце стеснили страх и боль,
А Людегер от гнева побагровел с лица —
Так он скорбел, что брат его в руках у пришлеца.

193 Так Людегаст отважный и угодил в полон,
И был в бургундский лагерь насильно увезен,
Где Зигфрид под охрану сдал Хагену его,
И эта весть в уныние не ввергла никого.

194 Поднять знамена Зигфрид бургундам дал приказ.
«Вперед! — воззвал он к войску.— Ждет нынче слава нас.
И если не погибну я от руки врагов,
Появится в Саксонии сегодня много вдов.

195 За мной, герои Рейна! Не отставать, друзья!
Вам прорублю дорогу сквозь вражье войско я
И покажу, как шлемы раскалывать мечом.
Мы с Людегера дерзкого навеки спесь собьем».

196 Тут Гернот и бургунды вскочили на коней,
И поднял Фолькер знамя над головой своей.
За шпильманом могучим все устремились в бой.
Блистательное зрелище отряд являл собой.

197 Хоть тысяча, не больше, бургундов шли в набег
Да с ними нидерландцев двенадцать человек,
От пыли, взбитой ими, померк вокруг простор.
Щиты их золоченые огнем слепили взор.

198 Тем временем и саксы выстраивались к бою.
Мечи их отличались отменной остротою.
С врагом рубиться насмерть была готова рать.
Кому же земли с замками охота отдавать?

199 Вот их вожди воззвали к воителям: «Вперед!»
Но тут на саксов Зигфрид ударил в свой черед
Со свитой, в Вормс прибывшей с ним из родных краев.
Немало обагрила кровь в тот день стальных клинков.

200 Разили Синдольт, Хунольт и Гернот наповал
Столь быстро, что датчанин иль сакс не успевал
Им доказать, как лихо умеет драться он.
Немало слез тот бой исторг из глаз прекрасных жен.

201 Бесстрашный Фолькер, Хаген и Ортвин бились так,
Что с каждым их ударом еще один шишак
Напитывался кровью и от нее тускнел.
Свершил и Данкварт доблестный немало славных дел.

202 Датчане тоже были в бою не новички.
В щиты вонзались с лязгом булатные клинки,
И ветер гул ударов над полем разносил.
Дрались, под стать союзникам, и саксы что есть сил.

203 Бургунды напирали на саксов и датчан,
Им нанося немало таких глубоких ран,
Что кровь, залив доспехи, стекала на седло.
Сражение у витязей за честь и славу шло.

204 А в самой гуще боя стоял немолчный стук —
То Зигфрид Нидерландский крушил щиты вокруг.
Делила с ним дружина нелегкий ратный труд:
Куда бы он ни ринулся, она уж тут как тут.

205 По ярким шлемам саксов текла ручьями кровь.
В ряды их королевич врубался вновь и вновь.
За ним никто из рейнцев не поспевал вдогон.
Клинком себе прокладывал путь к Людегеру он.

206 Три раза нидерландец сквозь вражью рать пробился.
Затем могучий Хаген с ним рядом появился,
И тут уж утолили они свой пыл сполна:
Урон немалый понесла саксонская страна.

207 Но Зигфрида приметил и Людегер лихой.
Узрев, как он вздымает в бою над головой
Клинок свой, добрый Бальмунг, и саксов им разит,
Король в душе почувствовал жестокий гнев и стыд.

208 Кругом кипела схватка, звенела сталь мечей.
Полки бросались в сечу все злей и горячей,
Но чуть сошелся Зигфрид с противником своим,
Как саксы прочь отхлынули — так страшно стало им.

209 Когда их властелину поведали о том,
Что Людегаст отважный захвачен был врагом,
Он долго мнил, что брата лишь Гернот мог пленить,
И только под конец узнал, кого ему винить.

210 Король с такою силой нанес удар врагу,
Что конь под нидерландцем шатнулся на бегу,
Однако не свалился, и через миг седок
Вновь яростно обрушиться на Людегера смог.

211 А Хаген, Данкварт, Фолькер и Гернот гнали прочь
Всех саксов, государю пытавшихся помочь.
Им славно Синдольт, Хунольт и Ортвин помогали.
Удары их без промаха бегущих настигали.

212 Меж тем сошлись вплотную два царственных бойца.
Хотя над ними копья свистели без конца
И дротики впивались в край их щитов стальных,
Лишь за своим противником следил любой из них.

213 Вот спешились герои и начали опять
Ударами лихими друг друга осыпать,
Не замечая даже, что бой вокруг идет
И в них, что ни мгновение, летит копье иль дрот.

214 У короля порвалась застежка под щитом.
Почуял королевич, что справится с врагом.
Уже немало саксов умолкнуло навек.
Ах, сколько ярких панцирей меч Данкварта рассек!

215 Вдруг Людегер, чей натиск вторично был отбит,
Увидел, что короной украшен вражий щит.
Король могучий понял, что за боец пред ним,
И крикнул громким голосом воителям своим:

216 «Мои вассалы, битву прервите сей же час.
Сын Зигмунда сегодня войной пошел на нас.
Здесь Зигфрид Нидерландский — его я узнаю.
Видать, сам черт привел меня столкнуться с ним в бою».

217 Велел он, чтоб дружина знамена опустила.
Ему на мир врагами дано согласье было,
Коль с ними, как заложник, на Рейн поедет он.
Так Людегер был Зигфридом в покорность приведен.

218 Вожди посовещались и прекратили бой.
Сложили наземь саксы, нарушив ратный строй,
Кто щит, кто шлем разбитый, кто целиком доспех —
Следы мечи бургундские оставили на всех.

219 Отдав приказ носилки для тех соорудить,
Кто из-за ран тяжелых совсем не мог ходить,
Меж пленных стали Гернот и Хаген выбирать —
На Рейн пятьсот заложников им удалось угнать.

220 Датчане возвратились на родину бесславно.
Снедало их унынье, а саксов и подавно:
Не принесла им битва удачи и похвал,
Любой из них о родиче иль друге горевал.

221 Вновь к Вормсу шли бургунды, доспехи взяв на вьюк.
В сражении победу добыл им гость и друг,
И в том, что только Зигфрид рассеял их врагов,
Любой дружинник Гунтера поклясться был готов.

222 Гонцов проворных Гернот послал на Рейн вперед.
«Пускай друзья узнают, что кончился поход
И что за честь бургундов я постоять сумел,
Свершив с дружиной нашею немало славных дел».

223 Гонцы-оруженосцы, не мешкая в пути,
В столицу поспешили известье привезти.
Возликовали вормсцы, забыв свои печали,
И женщины расспрашивать гонцов не уставали

224 О подвигах бургундов, об их борьбе с врагом.
Был и к Кримхильде позван один гонец тайком:
Поговорить открыто она не смела с ним —
Ведь вместе с войском шел и тот, кто ею был любим.

225 Когда в покой к Кримхильде посланец был введен,
Такую речь услышал от королевны он:
«Скажи мне все, что знаешь, и коли весть — не ложь,
Ты здесь получишь золото и друга обретешь.

226 Ответь, как брат мой Гернот и все мои друзья,
И многих ли меж ними недосчитаюсь я,
И кто был в битве первым, поведай непритворно».
«Меж нами трусов не было,— сказал гонец проворный,—

227 Но тем, кто всех смелее давал отпор врагу,—
И верьте, королевна, ни словом я не лгу,—
Был Зигфрид Нидерландский, ваш благородный гость,
Чьи подвиги в сражении мне видеть довелось.

228 Хоть мощный Хаген, Данкварт и прочие бойцы
Себя на поле боя вели, как храбрецы,
Все их труды — забава, пустая трата сил
В сравнении с деяньями, что Зигфрид совершил.

229 С противником могучим они сражались честно,
Но то, что сделал Зигфрид, поистине чудесно.
Никто не знает счета убитым им врагам.
Поплакать он о родичах заставил многих дам.

230 Он друга сердца отнял из них не у одной.
Обрушивал на шлемы он свой клинок стальной
Так, что ручьем багряным хлестала кровь из ран.
Всем взял воитель доблестный: он смел и в сече рьян.

231 Чинил и Ортвин Мецский врагу немалый вред:
Кто был хоть раз в сраженье его мечом задет,
Тот ранен или тлеет в сырой земле теперь.
Но никогда еще никто не нес таких потерь,

232 Какие войско саксов,— призна́юсь в этом смело,—
Сражаясь с вашим братом, от Гернота терпело.
Бургунды были в битве так грозны и ужасны,
Что больше вражьи происки их чести не опасны.

233 Врагов свергали наземь они с лихих коней.
Все поле оглашали удары их мечей.
Так безуде́ржно рейнцы кипели пылом бранным,
Что лучше б бой не затевать ни саксам, ни датчанам.

234 Когда пошла стеною на саксов наша рать,
Бойцы из Тронье тоже себя им дали знать.
Немало жизней Хаген пресек мечом своим.
Найдется что́ порассказать о нем его родным.

235 А Синдольт, Хунольт, Румольт, за Гернотом идя,
С противником рубились не хуже их вождя,
И Людегеру долго себя придется клясть
За то, что он осмелился на Гунтера напасть.

236 И все же высший подвиг, каким себя навек
В кровавой битве может прославить человек,
Был Зигфридом могучим бестрепетно свершен.
Толпу вельможных пленников ведет с собою он.

237 Отважный витязь силой принудил к сдаче их.
Им Людегаст захвачен, король датчан лихих,
И Людегер Саксонский, его державный брат.
Еще о многом, госпожа, я вам поведать рад.

238 Двух этих государей взял нидерландец сам.
И раньше доставалось немало пленных нам,
Но все ж намного меньше, чем он ведет с собой».
Рассказ гонца был по сердцу Кримхильде молодой.

239 «Пятьсот иль больше даже из них идут пешком,
А восемьдесят стража,— вы знать должны о том,—
Ввиду их ран тяжелых сама должна нести.
Вот что такое Зигфриду стать поперек пути!

240 Спесивцы объявили Бургундии войну,
А ныне оказались у Гунтера в плену
И к радости всех вормсцев сегодня будут здесь».
Весельем преисполнила Кримхильду эта весть.

241 Алее свежей розы она зарделась вдруг
При мысли, что вернется ее сердечный друг,
Что юный витязь Зигфрид остался цел в бою.
Порадовалась девушка и за родню свою.

242 Красавица сказала: «Тебе за твой рассказ
Отсыплю десять марок я золотом сейчас
И подарю одежду, расшитую шелками».
Не худо весть приятную доставить знатной даме!

243 И золото и платье дала гонцу она.
Меж тем ее подружки столпились у окна
И вскоре увидали, как к городу идет
Отряд бургундских витязей, закончивший поход.

244 Несли того, кто ранен; шел тот, кто невредим.
Внимать приветным кликам не стыдно было им.
Верхом поехал Гунтер воителей встречать.
Он, горести свои забыв, повеселел опять.

245 К своим и к чужеземцам равно был ласков он,
Как это и пристало тому, кто сел на трон:
Питать король обязан признательность к вассалам,
За честь его сражавшимся с бесстрашьем небывалым.

246 Затем державный Гунтер порасспросил дружину,
Кто из бойцов бургундских нашел в бою кончину.
Убитых насчитали всего лишь шестьдесят.
Оплакали, как водится, тех, кто могилой взят.

247 На уцелевших тоже оставил метку враг:
Почти у всех изрублен был щит или шишак.
У стен дворца дружина сошла с лихих коней.
Вокруг толпа несметная хвалу гремела ей.

248 По Вормсу Гунтер войско расставил на постой,
Велев, чтоб принимали приезжих с теплотой,
А уж о тех, кто ранен, пеклись, как о родных.
Не обошел он милостью и пленников своих.

249 Он Людегасту молвил: «Я в Вормсе рад вас видеть.
Хотя меня жестоко дерзнули вы обидеть,
Теперь, когда вы пленник, я зла не помню вам.
Пусть Бог за дружбу верную воздаст моим друзьям».

250 Тут Людегер воскликнул: «Воздать им есть за что!
Заложников знатнее не брал еще никто.
Мы щедро вам отплатим казною и добром
За обращенье мягкое и ласковый прием».

251 Сказал король бургундский: «Свободу вам даю
В обмен на обещанье тайком страну мою
Не покидать, покуда не отпущу вас я».
Ему ответил Людегер: «Вот вам рука моя».

252 Распорядился Гунтер, чтоб всем был отдых дан.
В постели уложили тех, кто страдал от ран,
И принесли здоровым вино и крепкий мед,
Чтоб позабыли витязи, как труден был поход.

253 Убрали с глаз немало изрубленных щитов
И седел, побуревших от крови седоков,—
Пусть жены слез напрасных при виде их не льют.
Недешево воителям дался их ратный труд.

254 Хотя гостей и было у Гунтера полно,
Всех — и своих и пленных — он чествовал равно;
А об увечных пекся он так самозабвенно,
Что сердце всех заложников завоевал мгновенно.

255 На тех, кто ранен, Гунтер казны не пожалел.
Он лекарей искусных приставить к ним велел —
Пусть на ноги поднимут героев поскорей.
Осы́пал и подарками король своих гостей.

256 Домой не соглашался их Гунтер отпустить
И всех просил в столице подольше погостить.
Собрав вельмож, он молвил: «Как наградить бойцов,
Столь доблестно Бургундию спасавших от врагов?»

257 Ответил брату Гернот: «Отпустим их отсель,
Но пусть они вернутся к нам через шесть недель,
И пиршество мы с вами в их честь устроим тут —
Тогда уж раны тяжкие у многих заживут».

258 Собрался в Нидерланды и Зигфрид уезжать,
И сколько ни пытался хозяин возражать,
Его склоняя в Вормсе пожить еще чуть-чуть,
Не будь сестры у Гунтера, гость тронулся бы в путь.

259 Служил он не за плату — богат он без того,
К тому же сам хозяин в долгу был у него
За подвиги, которых так много он свершил
В тот день, когда с бургундами их недругов крушил.

260 Нет, лишь Кримхильды ради остался в Вормсе гость,
И вскоре увидаться ему с ней довелось.
Красавицу назвал он, как и мечтал, женой
И отбыл с новобрачною к отцу, в свой край родной.

261 Устраивал нередко в те шесть недель до пира
Для молодежи Гунтер забавы и турниры
И приказал за Вормсом, у самых рейнских вод,
Разбить просторные шатры для тех, кого он ждет.

262 Когда всего неделя до празднества осталась,
Красавица Кримхильда у братьев допыталась,
Что пир державный Гунтер намерен дать друзьям,
И эта весть заставила всех благородных дам

263 Сесть за шитье нарядов, не медля ни минуты.
Тем временем узнала и королева Ута,
Что в Вормс на пир прибудут соседи и вассалы.
Она достать из кладовых одежду приказала.

Блюдя обычай древний и честь детей своих,
Богато королева одела челядь их,
А также дам придворных без счета и числа
И в дар приезжим витязям по платью припасла.

АВЕНТЮРА V

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛ КРИМХИЛЬДУ

265 Все больше в Вормс на Рейне съезжалось с каждым днем
Бойцов, на праздник званных бургундским королем,
И всех гостей хозяин радушно привечал:
Любой в подарок скакуна и платье получал.

266 Всем приглашенным Гунтер, готовясь к торжеству,
Отвел места по сану, рожденью, старшинству,
Хоть только государей сошлось за тридцать там.
Соперничали в пышности наряды знатных дам.

267 Млад Гизельхер и Гернот со свитою своей
Достойно принимали пришельцев и друзей.
Приветливое слово для всех у них нашлось.
С почетом и учтивостью был встречен каждый гость.

268 Повсюду так сверкали и восхищали взгляд
То щит с отделкой пышной, то дорогой наряд,
То золотою нитью расшитое седло,
Что и у тяжко раненных уныние прошло.

269 Те, кто из-за увечий с постели встать не мог,
Забыли, что осталось им жить короткий срок.
Никто не думал больше о хворых и недужных:
Одно лишь было на уме у горожан досужных —

270 Удастся ль этот праздник и чтó он им несет.
На пире королевском надеялся народ
Повеселиться вволю и всласть попить вина.
У всех бургундов радостью душа была полна.

271 В день троицын, с зарею, сошлись со всех концов
На берег Рейна толпы приезжих удальцов.
Собралось их пять тысяч иль более того
На шумное, нарядное, честнóе торжество.

272 Разумен был хозяин: давно заметил он,
Что нидерландский витязь в его сестру влюблен,
Хотя еще ни разу не видел Зигфрид той,
Что затмевала всех девиц своею красотой.

273 Неустрашимый Ортвин дал королю совет:
«Чтоб удался ваш праздник и было все как след,
Велите, пусть немедля пожалуют сюда
Красавицы, чьей прелестью Бургундия горда.

274 Отрады нет мужчине и скукой он томим,
Когда прекрасных женщин не видно рядом с ним.
Дозвольте и сестрице с гостями сесть за стол».
В восторг немало витязей такой совет привел.

275 Ответил славный Гунтер: «Я так и поступлю».
Признательны все были за это королю.
Он приказал, чтоб Ута и с ней сестра его,
Равно как все их женщины, пришли на торжество.

276 Подоставали дамы из скрынь и кладовых
Немало пышных платьев, уборов дорогих,
Запястья, серьги, кольца понадевали все —
Пусть витязи приезжие дивятся их красе.

277 А юноши — те тоже мечтали, осмелев,
Привлечь к себе вниманье бургундских знатных дев,
Которых не случалось им видеть до сих пор.
Трон отдал бы любой из них за нежный женский взор.

278 Сто родичей приставил король к сестре своей,
Чтоб стражею почетной они служили ей.
Вкруг юной королевны с мечами шли они,
Как у владык Бургундии ведется искони.

279 В то утро дочку Ута на пир сопровождала,
И следовало с нею придворных дам немало —
Сто или даже больше — в одежде дорогой.
Не меньше шло и девушек с Кримхильдой молодой.

280 Едва они успели с крыльца во двор сойти,
Как выстроились гости стеной вдоль их пути:
Любой воитель тешил себя надеждой сладкой,
Что сможет на красавицу взглянуть хотя б украдкой.

281 Как луч зари багряной из мрачных облаков,
Предстала королевна пред взором смельчаков,
И все свои печали забыл мгновенно тот,
Кто по прекрасной девушке томился целый год.

282 Каменьем драгоценным наряд ее сверкал,
А лик, как роза утром, был нежен, свеж и ал.
Когда б ей повстречался хулитель самый злобный,—
И тот изъяна б не нашел в красавице подобной.

283 Как меркнут звезды ночью в сиянии луны,—
Когда она на землю взирает с вышины,
Так дева затмевала толпу своих подруг.
Не диво, что у всех мужчин забилось сердце вдруг.

284 Шла пред Кримхильдой стража, ей расчищая путь,
А витязи теснились, чтоб только как-нибудь
Увидеть ту, чья прелесть слепила все глаза.
Взор Зигфрида туманили то счастье, то слеза.

285 Он сокрушенно думал: «Напрасные мечты!
Меня своей любовью не осчастливишь ты,
А без тебя в могилу сведет меня тоска».
То в жар, то в дрожь от этих дум бросало смельчака.

286 У Зигмунда на диво пригожий сын возрос.
Казался он картиной, которую нанес
Художник на пергамент искусною рукой.
Мир не видал еще красы и статности такой.

287 Учтиво оттесняла толпу с дороги стража,
И гости расступались, не возмущаясь даже:
Такой восторг и радость в сердца бойцов лихих
Вселяла поступь чинная красавиц молодых.

288 Возвысил голос Гернот: «Мой господин и брат,
Здесь тот, кто всей душою вам услужить был рад,
И вы при всех за это должны воздать ему.
Вот мой совет, и слов своих назад я не возьму.

289 Пусть к Зигфриду Кримхильда с приветом обратится.
Подобная учтивость сторицей возместится.
Такую честь впервые сестра бойцу окажет,
И нас со славным витязем навеки дружба свяжет».

290 За нидерландцем Гунтер послал своих людей,
И был отыскан ими герой в толпе гостей.
«Ступайте к государю — перед лицом двора
Сегодня вас приветствием почтит его сестра».

291 Возрадовался Зигфрид, услышав эту весть.
Теперь он был не скорбью, а счастьем полон весь
При мысли, что Кримхильда с ним говорить должна.
Приветствовала дружески воителя она.

292 Предстал пред ней зардевшись прославленный смельчак,
А дочь почтенной Уты ему сказала так:
«Неустрашимый Зигфрид, примите мой привет».
И духом богатырь воспрял, надеждою согрет.

293 Он деве поклонился, и руку подала
Кримхильда нидерландцу и рядом с ним пошла,
На спутника украдкой бросая нежный взор.
Никто четы прекраснее не видел до сих пор.

294 Я утверждать не смею, считал иль нет герой,
Что руку пожимает она ему порой,
Но не могу поверить, что скрыть ей удалось
Любовь, которую в нее вселил отважный гость.

295 Ни ярким летним утром, ни в светлый день весенний
Не испытал воитель столь сладостных волнений,
Как в миг, когда бок о бок шел с тою наконец,
Кого с такой охотою повел бы под венец.

296 И каждый витязь думал: «Я был бы счастлив тоже
Пройтись с Кримхильдой рядом иль разделить с ней ложе».
Но в жизни не сумел бы никто среди гостей
Служить учтивей Зигфрида владычице своей.

297 Дружинники простые и гордые князья,
Все на чету смотрели, дыханье затая.
Поцеловать героя велел сестре король,
И тут еще счастливее стал гость, чем был дотоль.

298 Увидев это, молвил в сердцах король датчан:
«Привет Кримхильды куплен ценою многих ран —
Нанес их Зигфрид в сече мне и бойцам моим.
Не приведи нас бог опять войну затеять с ним».

299 Вновь королевне стража очистила дорогу.
Направилась Кримхильда в собор молиться богу,
А с нею и вельможи, и много знатных дам,
Но разлучен был с девушкой герой при входе в храм.

300 Торжественно и чинно за нею свита шла,
И так была Кримхильда нарядна и мила,
Что всех мужчин при виде подобной красоты
Тревожили напрасные, но сладкие мечты.

301 Всю службу нетерпенье терзало удальца,
Хоть и благословлял он свой жребий без конца
За то, что благосклонность и нежность прочитал
Во взоре и пожатье той, о ком весь год мечтал.

302 В конце обедни первым покинул церковь он
И был, дождавшись девы, к ней снова подведен.
Вот тут героя стала Кримхильда в первый раз
Благодарить за то, что он бургундов в битве спас.

303 Красавица сказала: «Пусть по заслугам вам
Воздаст Господь за храбрость и преданность друзьям,
А мы вас будем, Зигфрид, всегда любить душевно».
И нидерландец с нежностью взглянул на королевну.

304 Он пламенно воскликнул: «Слугой везде и всюду
Я вплоть до самой смерти вам, госпожа, пребуду.
Что б вы ни приказали, свершить готов и рад
Я все для той, чьи милости мне слаще всех наград».

305 Двенадцать дней веселых шел в Вормсе пир горой,
И каждый день Кримхильду сопровождал герой,
Когда пора ей было на праздник выходить:
Во всем-то Гунтер Зигфриду старался угодить.

306 Шумя, смеясь, ликуя с зари и до зари,
Утехам предавались везде богатыри —
И за столом в покоях, и под шатром небес.
Немало Ортвин с Хагеном творили там чудес.

307 Какою бы забавой ни пожелали вдруг
Приезжие развлечься, чтоб скоротать досуг,
Верх эти два бургунда немедля брали в ней
К великой чести Гунтера и всей страны своей.

308 Участвовать в забавах хотелось даже тем,
Кто из-за ран недавно не мог ходить совсем.
Теперь же снова с ними тягались их друзья
В умении владеть щитом, в метании копья.

309 Приветливый хозяин был щедр на угощенье —
Ведь королю зазорно, когда за упущенья
Или за скупость гости корят его потом.
Всегда охотно сиживал он с ними за столом.

310 Сказал он на прощанье: «Я вам припас дары,
И взять их до отъезда вы будете добры.
Прошу, не отвергайте даянья моего.
Вам по заслугам, витязи, вручаю я его».

311 Ему в ответ датчане: «Спасибо вам за пир,
Но мы хотим, чтоб с нами вы заключили мир.
Без этого из Вормса нас отпускать грешно —
Довольно вами Дании потерь нанесено».

312 Хотя здоров и крепок был вновь король датчан,
Хоть Людегер Саксонский оправился от ран,
Их войско претерпело и впрямь большой урон.
Посовещаться с Зигфридом был Гунтер принужден.

313 Спросил он нидерландца: «Скажи, что делать нам?
Заложники уедут заутра по домам,
Но прежде мир желают со мною заключить.
Как быть мне? — вот чему меня прошу я научить.

314 Условья мира, Зигфрид, я от тебя не скрою.
Пятьсот коней, груженных казною золотою,
Дать в выкуп обещает мне побежденный враг».
Ответил витязь: «Поступать не подобает так.

315 Нет, отпустите пленных без выкупа домой,
А чтоб они не смели идти на вас войной,
Обоих государей заставьте слово дать
На вас и ваших подданных вовек не нападать».

316 «Согласен»,— молвил Гунтер и с Зигфридом вдвоем
Заложникам немедля пошел сказать о том,
Что золота не примет от пленников своих.
Пусть отправляются домой, где все заждались их.

317 Послушавшись совета, который Гернот дал,
Щиты с казною Гунтер велел доставить в зал,
И каждому на долю досталось от него
Пять сотен марок золотом иль более того.

318 Король гостей не раньше в дорогу отпустил,
Чем каждый из приезжих Кримхильду посетил,
Чтоб и она, и Ута могли проститься с ним.
Герои были польщены вниманием таким.

319 Вновь после их отъезда притих дворец пустынный.
Остался в нем лишь Гунтер с роднею и дружиной.
Вершил дела правленья он днем, а ввечеру
Со свитой вместе навещал красавицу-сестру.

320 Отважный Зигфрид тоже решил покинуть двор,
Где так и не добился Кримхильды до сих пор.
Был опечален Гунтер, но возражать не смел.
По счастью, гостя удержать млад Гизельхер сумел.

321 Воскликнул он: «Куда вы и чем вам плохо тут,
Где двор и брат мой Гунтер так любят вас и чтут,
Где столько знатных женщин, чья прелесть тешит глаз?
Нет, Зигфрид благороднейший, не покидайте нас!»

322 Сказал могучий Зигфрид: «Таким речам я рад.
Пусть с нас щиты снимают, коней ведут назад.
На родину бы отбыл я до скончанья дня,
Но юный друг мой Гизельхер отговорил меня».

323 Вот так был Зигфрид в Вормсе остаться принужден,
Но на судьбу за это не обижался он:
В каких других владеньях, в каком другом краю
Он мог бы видеть каждый день любимую свою?

324 Гостил он у бургундов, пленен красой ее,
И проводил в забавах беспечное житье,
Хоть с каждым днем сильнее его томила страсть,
Из-за которой суждено ему и было пасть.

АВЕНТЮРА VI

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ПОЕХАЛ В ИСЛАНДИЮ ЗА БРЮНХИЛЬДОЙ

325 Молва распространяла в прирейнских странах весть,—
А в странах тех немало девиц пригожих есть,—
Что хочет славный Гунтер обзавестись женой.
Король и впрямь любовь питал к красавице одной.

326 Царила королева на острове морском,
Была она прекрасна и телом, и лицом,
Но женщины сильнее не видел мир доселъ.
Она могла, метнув копье, насквозь пробить им цель

327 И, бросив тяжкий камень, прыжком его догнать.
В трех состязаньях с нею был верх обязан взять
Любой, кто к королеве посвататься решался,
Но, проиграв хотя б одно, он головы лишался.

328 Вот так она сгубила немало удальцов.
Узнали и на Рейне о ней в конце концов,
И славный вормский витязь о деве возмечтал.
Союз их брачный роковым потом для многих стал.

329 Сказал правитель рейнский: «Я отправляюсь в путь
И счастья попытаю, а там уж будь что будь:
Иль за морем Брюнхильду добуду в жены я,
Иль скатится до времени с плеч голова моя».

330 Возвысил голос Зигфрид: «Вам уезжать не след.
Все знают, сколь жестокий Брюнхильдой дан обет.
Нет, голову не стоит терять из-за нее.
Оставить вам разумнее намеренье свое».

331 «Коль ехать,— молвил Хаген,— и вправду вам охота,
Просите, чтобы с вами опасность и заботы
Неустрашимый Зигфрид по дружбе разделил.
Ведь он обычаи и нрав Брюнхильды изучил».

332 Король воскликнул: «Зигфрид, надеюсь, ты не прочь
Отправиться со мною и в сватовстве помочь?
Коль за морем Брюнхильду добыть удастся нам,
Я за тебя — лишь пожелай — и жизнь и честь отдам».

833 Сын Зигмунда ответил: «Тебе помочь я рад
И от тебя за службу не попрошу наград,
Коль ты готов мне в жены отдать сестру свою.
Уже давно я к ней любовь в душе своей таю».

834 «Готов,— уверил Гунтер,— и в том тебе клянусь.
Коль я, добыв Брюнхильду, в Бургундию вернусь,
С Кримхильдой в брак ты вступишь, разделишь с нею ложе
И будешь жить да поживать с супругою пригожей».

835 Герои дали клятву, что слово соблюдут.
Их ждал в стране заморской безмерно тяжкий труд.
Немало пережили они опасных дней,
Пока с Брюнхильдой сладили и в Вормс вернулись с ней.

836 Чтоб быть всегда готовым к опасности любой,
Плащ-невидимку Зигфрид в дорогу взял с собой.
Добычу эту Зигфрид у Альбриха отбил,
Когда он вызван карликом на поединок был.

837 Едва свой плащ волшебный воитель надевал,
Тот разом мощь такую владельцу придавал,
Что Зигфрид силой равен был дюжине бойцов.
Без этого сгубила бы Брюнхильда удальцов.

838 К тому же, обладая сокровищем таким,
Герой, что б он ни делал, был для людей незрим.
Вот так в краю заморском и удалось ему
Добыть Брюнхильду хитростью, к несчастью своему.

839 «Скажи, бесстрашный Зигфрид, не следует ли мне,
Чтоб приняли с почетом меня в чужой стране,
Взять за море с собою внушительную рать?
Я тысяч тридцать воинов легко могу собрать».

840 Ответил нидерландец: «Сбери хоть тысяч сто —
Живым из рук Брюнхильды не ускользнет никто.
Грознее королевы еще не видел свет.
Нет, Гунтер, друг мой доблестный, я дам иной совет.

841 Как витязям пристало, всего лишь вчетвером
Мы спустимся по Рейну, и морем поплывем,
И явимся к Брюнхильде, а там уж будь что будь.
Сейчас я перечислю тех, кому сбираться в путь.

342 Из них ты будешь первым: вторым меня возьми ты;
Пусть третьим станет Хаген — он витязь знаменитый;
А коль примкнуть четвертым и Данкварт к нам готов,
В любом бою дадим отпор мы тысяче врагов».

343 «Скажи мне также, Зигфрид,— спросил король тогда,—
Покамест мы с тобою не отбыли туда,
В каком я должен платье предстать Брюнхильде милой,
Чтоб доброй славы Гунтера оно не посрамило».

344 «В нарядах наилучших, какие только есть.
Богатырям скупиться не позволяет честь.
Одет народ богато там, где Брюнхильда правит,
И нас за платье бедное молва потом ославит».

345 Сказал отважный Гунтер: «Коль так, пойду-ка я
Узнать, не пособит ли мне матушка моя.
Пускай для нас одежду нашить она велит,
Чтоб не краснеть нам за морем за наш убогий вид».

346 Владетель Тронье Хаген ему ответил смело:
«Нет, мать подобной просьбой обременять не дело,
Но вы сестре скажите, что помощь вам нужна,
И в путь с большой охотою нас соберет она».

347 Король дал знать Кримхильде, что к ней в покои скоро
Он с Зигфридом могучим придет для разговора.
Принарядилась дева, чтоб с честью встретить их.
Не в тягость был красавице приход гостей таких.

348 Оделась попышнее и свита, ей под стать.
Кримхильду не заставил король бургундский ждать.
Едва вошел он к деве со спутником своим,
Она, учтиво с места встав, пошла навстречу им.

349 Сказала королевна: «Привет примите мой!
Вам, милый брат, и гостю я рада всей душой.
Признайтесь, что за дело вас привело сюда.
Чем услужить мы, женщины, вам можем, господа?»

350 Державный Гунтер молвил: «Отвечу вам с охотой.
Обременен я ныне немалою заботой.
Со сватовством мы едем в заморские края,
И в платье подобающем, сестра, нуждаюсь я».

351 «Прошу покорно: сядьте и расскажите мне,
Чью вы любовь хотите снискать в чужой стране»,—
Такой вопрос Кримхильда учтиво задала
И за руки своих гостей с улыбкою взяла.

352 Пошли они все трое и сели на скамью,
А там парча лежала, и по ее тканью
Узоры золотые бежали тут и там.
Взыграли духом витязи в кругу столь знатных дам.

353 На королевну Зигфрид посматривал украдкой.
Взирать на нидерландца ей тоже было сладко:
Ведь он любил Кримхильду превыше всяких благ.
Недаром вскоре с витязем она вступила в брак.

354 Промолвил славный Гунтер: «Любезная сестра,
Мы за Брюнхильдой едем, нам отплывать пора,
Но мы отбыть не можем без помощи твоей:
Мне нужно платье для меня и для моих друзей».

355 «Любезный брат мой Гунтер,— в ответ ему она,—
Во всем любую помощь, какая вам нужна,
Я окажу охотно и не прощу тому,
Кто в этом не последует примеру моему.

356 Меня, достойный витязь, упрашивать не надо.
Я вам, как господину, повиноваться рада.
Какой ни пожелали б вы мне отдать приказ,
Исполнен всепокорнейше он будет сей же час».

357 «Так вот, сестра, прошу я, чтоб ты своей рукой
Скроила нам побольше одежды дорогой,
И пусть твои девицы для нас сошьют ее.
Откладывать не хочется мне сватовство мое».

358 Красавица сказала ему в ответ на это:
«Шелк у меня найдется, нужны лишь самоцветы.
Пусть их в щиты насыплют и принесут скорей».
Ни словом Гунтер с Зигфридом не возразили ей.

359 Спросила королевна: «Кто с вами поплывет?
Знать это, брат мой милый, мне надо наперед».
Сестре ответил Гунтер: «Мы едем вчетвером:
Я, Зигфрид, Хаген с Данквартом, лихим богатырем.

360 Всем четверым придется,— запомни, королевна! —
Менять свою одежду три раза ежедневно,
И так мы будем делать подряд четыре дня,
Чтоб двор Брюнхильды в скупости не укорял меня».

361 Едва простились гости и удалились прочь,
Созвать велела свиту достойной Уты дочь
И отобрала тридцать отменных мастериц
Из множества сбежавшихся в покои к ней девиц.

362 Каменья понашили искусницы сперва
На шелк из Зазаманки, зеленый, как трава,
И аравийский, белый, как первый снег зимой,
А ткань пришлось раскраивать красавице самой.

363 С умением и толком работа шла у них.
Покрыли этим шелком меха зверей морских.
На те меха глядели бургунды как на чудо.
Но про одежду я сказал еще не все покуда.

364 Кримхильде привозили не раз издалека
Ливийский и марокккский тончайшие шелка.
Нашлось их в Вормсе больше, чем при любом дворе,
И было ничего не жаль для Гунтера сестре.

365 Казался слишком дешев ей даже горностай
Для тех, кто за невестой в заморский ехал край.
Для них был выбран бархат чернее, чем агат.
И в наши дни украсил бы бойца такой наряд!

366 Он златом аравийским и ка́мнями сверкал.
Хоть труд искусниц юных был тяжек и немал,
За семь недель девицы закончили шитье.
Собрали и воители оружие свое.

367 Тем временем на Рейне корабль надежный им
Построили бургунды с усердием большим,
Чтоб смело вышел в море король на судне том.
Недаром знатным девушкам пришлось спешить с шитьем.

368 От королевны Гунтер узнал в свой срок и час,
Что в точности исполнен им отданный приказ:
Одежда понашита для всех бойцов его,
И больше он откладывать не должен сватовство.

369 За спутниками Гунтер отправил по гонцу —
Пусть явятся и скажут, к лицу иль не к лицу
И впору иль не впору обновы им пришлись.
Обрадовались витязи и тотчас собрались.

370 И каждый рукодельниц благодарил сердечно:
На всех бойцах одежда сидела безупречно,
У всех наряды были столь пышны и богаты,
Что в них предстать с достоинством могли Брюнхильде сваты.

371 Осыпав похвалами искусниц молодых,
Вновь поблагодарили бойцы за платье их
И начали прощаться с учтивостью такой,
Что увлажнилось много глаз невольною слезой.

372 Сказала королевна: «Мой брат, останьтесь здесь.
Ведь и у нас на Рейне прекрасных дам не счесть.
Не лучше ли вам дома найти себе жену,
Чем плыть, рискуя головой, в заморскую страну?»

373 Знать, сердце ей шепнуло, что всем беда грозит.
С Кримхильдой вместе свита заплакала навзрыд.
Так много слез струилось у женщин из очей,
Что потускнело золото нагрудных их цепей.

374 Она сказала: «Зигфрид, вам поручаю я
Того, кто мне дороже, чем жизнь и честь моя.
Пусть Гунтера повсюду от бед хранит ваш меч».
И протянул ей руку гость в ответ на эту речь.

375 Он обещал Кримхильде: «Пока я не паду,
Ваш брат,— ручаюсь в этом,— не попадет в беду.
Жив и здоров со мною на Рейн вернется он».
И отдала красавица воителю поклон.

376 Затем взвели на судно ретивых скакунов.
Снесли туда доспехи и платье удальцов.
Все было в путь готово, настал прощальный миг.
У королевны молодой померк от скорби лик.

377 Красавицы у окон столпились, все в слезах.
Гудел попутный ветер в надутых парусах.
Стоял на судне Гунтер среди друзей своих.
«Кого ж мы кормчим сделаем?»— спросил король у них.

378 «Меня,— ответил Зигфрид.— Я наш корабль туда,
Где царствует Брюнхильда, доставлю без труда:
Пути-дороги в море давно знакомы мне».—
«Прощай!» — сказали весело бойцы родной стране.

379 Дал Зигфрид Нидерландский ладье багром толчок,
И к морю все быстрее понес ее поток.
Встал Гунтер самолично у крепкого руля,
И вскоре скрылась из виду бургундская земля.

380 На корабле хватало отборных яств и вин —
Всем нужным в путь запасся бургундский властелин.
Довольно было места и людям и коням.
Спокойно судно прочное скользило по волнам.

381 От ветра мачта гнулась, поскрипывал канат.
За двадцать миль от Вормса бойцов застал закат.
Нес к морю неуклонно их судно Рейн седой.
Кто знал тогда, что кончатся все их труды бедой!

382 Двенадцатое утро они в пути встречали,
Когда в страну Брюнхильды корабль валы примчали
И башни Изенштейна взнеслись над гладью вод.
Из путников лишь Зигфриду знаком был остров тот.

383 Спросил державный Гунтер, когда увидел он,
Что остров и обширен, и густо населен:
«Чье здесь владенье, Зигфрид, чьи замки и земля?»
Не затруднили витязя вопросы короля.

384 Он тотчас же промолвил: «Могу ответить — чье.
Здесь царствует Брюнхильда, живет народ ее.
Плывем мы к Изенштейну, Брюнхильдиной твердыне.
Немало там вы встретите прекрасных женщин ныне.

385 Уговоримся сразу, как отвечать им так,
Чтоб и себя не выдать, и не попасть впросак.
С Брюнхильдой шутки плохи, а к ней явиться мы
Обязаны сегодня же, до наступленья тьмы.

386 Так вот, когда предстанем мы девушке пригожей,
Вам надлежит, герои, твердить одно и то же:
Что Гунтер — мой владыка, а я — вассал его.
Тогда уж он наверняка добьется своего».

387 Свое высокомерье на время обуздав,
Все трое согласились, что нидерландец прав.
Вот почему от смерти спастись им удалось,
Когда с Брюнхильдой Гунтеру вступить в борьбу пришлось.

388 «Король,— добавил Зигфрид,— я не тебе служу,
А той, кем больше жизни и чести дорожу.
Я для тебя согласен сейчас на все пойти,
Дабы потом в сестре твоей супругу обрести».

АВЕНТЮРА VII

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ДОБЫЛ БРЮНХИЛЬДУ

389 Все ближе к Изенштейну нес судно пенный вал,
И Гунтер в окнах замка внезапно увидал
Немало дев, взиравших на витязей чужих.
Король был раздосадован тем, что не знает их.

390 Он спутнику промолвил: «Узнать я был бы рад,
Что это за девицы у окон встали в ряд,
Вперяя взоры в море, где наш корабль бежит,
И почему у них такой высокомерный вид?»

391 Ему ответил Зигфрид: «Вы лучше осторожно
На тех девиц взгляните и молвите неложно,
Какую б вы избрали, когда б вам выбор дать».
Воскликнул Гунтер доблестный: «Нетрудно угадать!

392 С осанкой горделивой стоит она одна
В одежде белоснежной вон у того окна.
Пленила взор мой жадный она красой своей,
И если б был мне выбор дан, женился б я на ней».

393 «Ты не ошибся, Гунтер. Сбылась твоя мечта:
Перед тобой Брюнхильда, перед тобою та,
В кого ты понаслышке уже давно влюблен».
Красою девы царственной король был ослеплен.

394 Она уйти велела прислужницам своим:
Невместно на приезжих глядеть из окон им.
Исполнили послушно они приказ ее,
Но лишь затем, чтоб тут же вновь приняться за свое.

395 Принарядившись наспех, они опять тайком
Приникли к узким окнам в надежде хоть глазком
(От века любопытством страдает женский пол!)
Взглянуть на тех, кого Господь в их дальний край привел.

396 Сошли четыре гостя на берег с корабля.
По сходням королевич свел лошадь короля,
И Гунтер словно вырос — так был он горд и рад,
Что взоры женские за ним в подобный миг следят.

397 Надежно нидерландец держал его коня,—
А был тот конь могучий и резв, и полн огня,—
Покуда Гунтер в стремя ногою не ступил,
Но все услуги Зигфрида король потом забыл.

398 Хоть быть слугой впервые пришлось в тот день ему
И не держал с рожденья он стремя никому,
Проделал это Зигфрид, не устыдившись дам,
И своего коня затем на сушу вывел сам.

399 У короля бургундов и Зигфрида бела,
Как первый снег, одежда и масть коней была.
У каждого на локте сверкал блестящий щит.
Собой являли витязи великолепный вид.

400 К Брюнхильде в замок мчалась четверка смельчаков,
И скакуны их были достойны седоков:
Поперсия и седла сплошь в дорогих камнях,
Бубенчики из золота на узких поводах.

401 Отточенные копья вздымали удальцы.
До самых шпор свисали у них мечей концы,
А меч был остр и тяжек у каждого бойца,
И все это заметила Брюнхильда из дворца.

402 За нидерландцем Данкварт и смелый Хаген мчались.
Красой и шириною щиты их отличались,
И был крыла воронья чернее их наряд,
О чем сказанья древние поныне говорят.

403 Унизанная густо индийскими камнями,
Одежда их сверкала в лучах зари огнями.
Вот так, оставив судно у побережных скал,
Сын Зигмунда с бургундами до замка доскакал.

404 Насчитывалось башен там восемьдесят шесть,
Да три больших палаты, да зал, который весь
Был мрамором отделан зеленым, как трава.
В том дивном зале двор и ждал гостей в день сватовства.

405 Ворота распахнулись, и замок отворен,
И люди королевы бегут со всех сторон,
Дабы достойно встретить гостей, прибывших к ней.
Снимают слуги с них щиты, уводят их коней.

406 Постельничий им молвил: «Клинки и шишаки
Мне на храненье сдайте».— «Нам это не с руки,—
Вскричал владелец Тронье.— Носить хочу свой меч я».
Но королевич Хагена унял разумной речью:

407 «При входе в этот замок сдают оружье гости.
Таков обычай здешний, а потому без злости
Смолчать и покориться разумней будет вам».
Был Хаген раздосадован, но внял его словам.

408 Вином их угостили, и был им отдых дан.
Тем временем немало бойцов-островитян
Уже стекалось к замку в одеждах дорогих,
Но пышностью затмить гостей не мог никто из них.

409 Извещена Брюнхильда была людьми своими,
Что к ней приплыли гости, чье неизвестно имя,
Хотя весь облик — царствен, наряд — ему под стать,
И слугам стала госпожа вопросы задавать.

410 Сказала королева: «Вы разузнать должны,
Что здесь за незнакомцы и из какой страны,
И как их именуют, и для чего сюда
Явились эти витязи, чья поступь так горда».

411 Один исландец молвил: «Признаться должен честно,
Что эти чужеземцы мне тоже неизвестны,
Хотя один уж очень на Зигфрида похож,
И я принять их ласково советовал бы все ж.

412 Второй из них столь важен в спокойствии своем,
Что знатную особу узнать нетрудно в нем.
Такой боец, бесспорно, был королем рожден.
Смотрите, как величествен, как неприступен он!

413 Хоть третий из приезжих запальчив и гневлив,
Он, как и остальные, поистине красив.
Но этот воин злобой, сдается мне, объят —
Недаром мечет он вокруг такой свирепый взгляд.

414 И самый младший тоже весьма хорош собой.
На вид куда скромнее он девушки любой.
Вот и сейчас стоит он, потупив чинно взор,
Но худо будет тем, кто с ним дерзнут затеять спор.

415 Хотя учтив, приветлив и весел он всегда,
Но многих дам поплакать заставит без труда,
Коль честь его затронуть решатся их друзья —
Таких, как он, воителей не часто видел я».

416 Сказала королева: «Подайте платье мне.
Коль очутился Зигфрид затем в моей стране,
Что возымел надежду вступить со мною в брак,
Он головой поплатится за свой безумный шаг».

417 Красавица Брюнхильда оделась побыстрей
И вышла к чужеземцам со свитою своей
Из ста иль даже больше одетых пышно дам,
Сгоравших от желания скорей предстать гостям.

418 По сторонам Брюнхильды, с мечами наголо,
Пятьсот иль даже больше бойцов исландских шло —
Успел с досадой Гунтер число их подсчитать,
Когда пред королевою пришлось приезжим встать.

419 Теперь я, правды ради, поведаю сполна,
Что, Зигфрида увидев, промолвила она:
«Приветствую вас, Зигфрид, в моем родном краю.
Зачем пожаловали вы в Исландию мою?»

420 «Передо мною первым такую речь держа,
Ко мне не по заслугам добры вы, госпожа.
Мой господин — пред вами, и вам при нем не след
К его вассалу скромному свой обращать привет.

421 Он уроженец Рейна, но бросил край родной,
Чтоб за морем Брюнхильду назвать своей женой.
В намерении этом он непоколебим.
Подумайте, разумно ли вам состязаться с ним.

22 Он Гунтером зовется, король могучий он.
Одной любовью только сюда он приведен.
Что мне еще добавить? Я здесь лишь потому,
Что в путь угодно было взять меня с собой ему».

423 Она в ответ: «Коль скоро ты лишь простой вассал
И господин твой вправду моей любви взалкал,
В трех состязаньях должен он победить меня,
А проиграет — вас казнят до истеченья дня».

424 Владелец Тронье молвил: «Нам, госпожа, ответьте,
В чем будут заключаться три состязанья эти.
Ужель они и вправду столь трудны могут быть,
Что мой король откажется от мысли вас добыть?»

425 «Он бросить должен камень, догнать его прыжком,
Затмить меня в уменье цель поражать копьем.
С решеньем не спешите,— добавила она,—
Не то вас ждет бесчестие и смерть вам суждена».

426 Ответ отважный Зигфрид в сторонку короля,
Его не падать духом вполголоса моля:
«Спокойствие храните и будьте посмелей.
Ручаюсь вам, что хитростью возьму я верх над ней».

427 Сказал державный Гунтер: «На все пойти я рад.
Пусть будут состязанья труднее во сто крат,
Без колебаний жизнью я, госпожа, рискну,
Коль этою ценой могу в вас обрести жену».

428 Увидев, что на гостя ей страху не нагнать,
Брюнхильда состязанье решила начинать
И свите приказала: пусть та ей поспешит
Дать панцирь раззолоченный и добрый звонкий щит.

429 Под панцирь королевой надет подлатник был.
Ничей клинок ни разу его не прорубил.
Пошли на тот подлатник ливийские шелка,
И золотом расшила их искусная рука.

430 Смутила гордость девы гостей отважных дух.
Был Хаген нем и мрачен, взор Данкварта потух.
Что станет с государем? Как Гунтера спасти?
«Домой,— так оба думали,— нам нет уже пути».

431 Меж тем на берег Зигфрид отправился тайком.
Там их корабль качался, колеблем ветерком.
Плащ-невидимку витязь из тайника достал,
Надел его и в тот же миг незрим для глаза стал.

432 Вернувшись спешно в замок, увидел удалец,
Что все для состязанья готово наконец,
Через толпу прокрался и подошел к друзьям,
По-прежнему невидимый тем, кто собрался там.

433 Был круг для игр очерчен, а за его чертою
Семьсот исландцев встали железною стеною.
Звенели их доспехи, оружие блестело.
За состязаньем наблюдать им госпожа велела.

434 Вступила в круг Брюнхильда, но вооружена
Была скорей для боя, чем для игры она.
Сияло золотое, блестящее шитье
На пышном платье шелковом, надетом на нее.

435 Несли за нею следом оруженосцы щит,
Что золотом червонным искусно был обит
И прочными стальными застежками снабжен.
Брюнхильде в состязаниях служил прикрытьем он.

436 Расшит ремень подщитный каменьем был у ней.
Травы каменье это казалось зеленей
И пламенело ярче, чем золото щита.
Да, лишь героем быть могла Брюнхильда добыта!

437 Хоть щит ее широкий из золота и стали
Четыре сильных мужа с натугой поднимали
И был он посредине в три пяди толщиной,
Справлялась с ним играючи она рукой одной.

438 Когда увидел Хаген, как этот щит тяжел,
Лихой боец из Тронье в изрядный гнев пришел
И Гунтеру промолвил: «Погибнуть мы должны.
Вы в дьяволицу сущую, король мой, влюблены».

439 Я про одежду девы еще не кончил речь.
Поверх брони спускалась у ней рубаха с плеч
Из ткани, что красою всем женщинам мила,—
Из ацагоукских шелков рубаха та была.

440 Затем велела дева копье себе подать.
Она его умела без промаха кидать.
Огромно было древко тяжелого копья
И остры наконечника каленые края.

441 На то копье железа истратили немало —
Четыре с половиной четверика металла.
Три воина Брюнхильды несли его с трудом,
И горько пожалел король о сватовстве своем.

442 Державный Гунтер думал: «Да что же здесь творится?
Сам черт живым не выйдет из рук такой девицы,
И окажись я чудом в Бургундии моей,
Поостерегся б докучать я вновь любовью ей».

443 Сказал отважный Данкварт, брат Хагена меньшой:
«В том, что сюда приехал, я каюсь всей душой.
Мы — витязи лихие; тем горше будет стыд,
Коль обезглавить женщина таких бойцов велит.

Нет, плыть на этот остров нам было ни к чему
Вот если б брат мой Хаген и я, под стать ему,
Мечи свои не сдали на сохраненье здесь,
С людей Брюнхильды сразу бы слетела вся их спесь.

445 Но если б даже дали исландцы нам уйти,
А я сто раз им честью поклялся мир блюсти,
Все ж до того, как пал бы мой господин в бою,
Пришлось бы гордой девушке утратить жизнь свою».

446 Ответил Хаген брату: «И в плен не взяли б нас,
И плыли б мы спокойно на родину сейчас,
Когда бы нам вернули доспехи и клинки.
Тогда б уж было чваниться Брюнхильде не с руки».

447 Услышала Брюнхильда двух братьев разговор
И молвила с усмешкой, взглянув на них в упор:
«Коль впрямь они так смелы и нравом горячи,
Пусть им доспехи отдадут и возвратят мечи».

448 Дала приказ Брюнхильда —и вот мечи несут.
От радости зарделся отважный Данкварт тут.
«Пусть начинают игры! — воскликнул громко он.—
Пока при нас оружие, король не побежден».

449 Безмерной силой дева была наделена.
Внести метальный камень велела в круг она,
А этот тяжкий камень размером был таков,
Что подняли его с трудом двенадцать смельчаков.

450 Вслед за копьем метала она его всегда.
Почуяли бургунды, что им грозит беда.
«Вот горе! — молвил Хаген.— Король влюбился зря:
В мужья ей нужно дьявола, а не богатыря».

451 Проворно засучила Брюнхильда рукава
И щит на левый локоть повесила сперва,
Затем рукою белой схватилась за копье.
Испуг король почувствовал, увидев прыть ее.

452 Бой начался, и Гунтер простился б с головою,
Когда бы друга Зигфрид не подменил собою.
Он за плечо бургунда украдкой тронул вдруг
И этим пуще прежнего привел его в испуг.

453 «Да кто ж это коснулся оплечья моего?» —
Подумал муж отважный, не видя никого,
И тут услышал шепот: «Мой друг, воспрянь душой!
Я — Зигфрид, и с Брюнхильдою мы выиграем бой.

454 На локоть незаметно повесь мне щит свой прочный
И повторяй за мною мои движенья точно.
Ты только притворяйся — все сделаю я сам».
Король, душою вновь воспряв, внимал его словам.

455 «Коль никому не скажешь ты о моем обмане,
Ты избежишь бесчестья, которому заране
Обречь тебя сегодня воительница мнит.
Смотри, какой уверенный у королевы вид!»

456 Тут дева-богатырша копье метнула в цель.
Столь страшного удара в сражениях досель
Могучий сын Зиглинды не отбивал щитом.
Из стали искры брызнули и вверх взвились столбом.

457 Конец копья каленый сквозь щит прошел, звеня,
И грянул в прочный панцирь, исторгнув сноп огня.
Толчок поверг бы наземь воителей лихих,
Но спас от верной гибели плащ-невидимка их.

458 Кровь хлынула струею из Зигфридова рта.
Отпрыгнул нидерландец и вырвал из щита
Застрявшее в навершье Брюнхильдино копье,
Чтоб отплатить противнице оружием ее.

459 Но жалость к королеве вдруг овладела им,
И он копье направил вперед концом тупым,
С такою силой древко в исландку он метнул,
Что издала ее броня протяжный звонкий гул.

460 Столбом взметнулись искры, сверкнула сталь, как жар,
И ощутила дева чудовищный удар.
На землю им Брюнхильду сын Зигмунда свалил:
У Гунтера для этого недоставало сил.

461 Вскричала королева, вскочив с земли сырой:
«Спасибо, Гунтер знатный, вам за удар лихой!»
Она ведь полагала, что с нею бьется он.
Нет, ей другим, кто посильней, удар был нанесен.

462 Затем огромный камень, лежавший рядом с ней,
Взметнула богатырша над головой своей
И вдаль его швырнула, придя в великий гнев,
И прыгнула вослед ему, кольчугой зазвенев.

463 В двенадцати саженях упал он на песок,
Но королеву дальше уже унес прыжок.
Тогда за камень Гунтер схватился для того,
Чтоб все подумали, что сам он и метнул его.

464 Был витязь нидерландский высок, силен и смел.
Он бросить камень дальше, чем девушка, сумел
И обогнал в полете его одним прыжком,
Хотя и прыгал не один, а вместе с королем.

465 Когда же пал на землю тот камень необхватный,
То близ него, как прежде, стоял лишь Гунтер знатный.
Отважный нидерландец его вторично спас.
От гнева лик красавицы зардел в последний раз.

466 Решив, что перепрыгнул король почти весь круг,
Брюнхильда объявила толпе вельмож и слуг:
«Ко мне, мои вассалы, ко мне, моя родня!
Вы — подданные Гунтера с сегодняшнего дня».

467 С себя доспехи сняли и дева и жених.
Пред Гунтером Бургундским, владыкой новым их,
Пришлось склонить колени исландским удальцам:
Все думали, что выиграл он состязанье сам.

468 Он поклонился деве, как витязю к лицу,
И протянула руку Брюнхильда удальцу,
Ему передавая свою страну и трон,
Чем даже Хаген доблестный был умиротворен.

469 Бургундов попросила Брюнхильда наконец
Пожаловать немедля с ней вместе во дворец.
Теперь прием радушный нашел там каждый гость,
Что по душе и Данкварту и Хагену пришлось.

470 Меж тем отважный Зигфрид опять сумел схитрить,
Успев в надежном месте плащ-невидимку скрыть,
Затем вернулся в замок, вошел в приемный зал
И там, при дамах, Гунтеру такую речь сказал:

471 «Король, что ж не спешите вы игры начинать?
Мне, вашему вассалу, не терпится узнать,
Что ждет — венец иль плаха владыку моего?»
И все подумали, что он не видел ничего.

472 Спросила королева: «А по какой причине
Вы, Зигфрид, пропустили те игры, в коих ныне
Ваш господин победу стяжал своей рукой?»
И Хаген из Бургундии ей дал ответ такой:

473 «Нас так смутил сначала суровый ваш прием,
Что в час, когда тягались вы с рейнским королем,
Ушел на берег Зигфрид и наш корабль стерег.
Вот почему он, госпожа, на играх быть не мог».

474 Отважный Зигфрид молвил: «Признаюсь откровенно,
Я рад, что смелый витязь сломил ваш нрав надменный,
Что и на вас управа нашлась среди мужчин
И увезет вас, госпожа, на Рейн мой властелин».

475 Красавица сказала: «Не торопитесь так.
С вассалами обдумать должна я этот шаг.
Родимый край не раньше смогу покинуть я,
Чем мне на то согласие дадут мои друзья».

476 Брюнхильда разослала по острову гонцов,
Чтоб те мужей созвали со всех его концов.
Пускай ее вассалы к ней в Изенштейн спешат —
В дар каждому из них она даст дорогой наряд.

477 К Брюнхильдиному замку со всей ее земли
Дружины королевы и днем и ночью шли.
«Беда! — воскликнул Хаген.— Пока мы медлим тут,
Сюда мужи исландские с оружием идут.

478 А вдруг, собрав вассалов со всей земли своей,—
Ведь мы отнюдь не знаем, что на уме у ней,—
На нас она внезапно возьмет да нападет?
Ох, всем нам эта девушка наделает хлопот!»

479 Сказал могучий Зигфрид: «Я и на этот раз
Предотвращу опасность, что вам грозит сейчас,
И приведу на помощь таких бойцов сюда,
Каких еще никто из вас не видел никогда.

480 Меня вы не ищите — уеду я тайком.
Пусть сохранит Создатель вам жизнь в краю чужом,
Пока не подоспеют, за Зигфридом вослед,
К вам десять сотен воинов, которым равных нет».

481 Державный Гунтер молвил: «Не медлите в пути
И постарайтесь быстро подмогу привести».
Ответил Зигфрид: «Скоро вернусь я с удальцами,
А вы Брюнхильде скажете, куда я послан вами».

АВЕНТЮРА VIII

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ЕЗДИЛ ЗА СВОИМИ НИБЕЛУНГАМИ

482 Плащ-невидимка снова воителю помог
Тайком уйти на взморье и там найти челнок.
Взял королевич весла, уселся на скамью,
И словно ветром унесло от берега ладью.

483 Стрелой она летела, греб Зигфрид все сильней,
Но думали исландцы, гребца не видя в ней,
Что гонит лодку ветер, и только он один.
Нет, то работал веслами Зиглинды смелый сын.

484 Весь день и ночь в придачу он греб что было сил.
Сто длинных миль иль больше сын Зигмунда проплыл
И увидал с рассветом в тумане пред собой
Край нибелунгов, где хранил он клад бесценный свой.

485 Он вытащил на берег суденышко свое,
Пошел к горе соседней, поднялся на нее
И в замок, там стоявший, стучаться громко стал,
Как всякий путник делает, когда в пути устал.

486 Ждал нидерландец долго у запертых ворот —
Закрыт врагу надежно был доступ в замок тот,
Пока на окрик гостя и непрестанный стук
Привратник, ростом исполин, не отозвался вдруг.

487 Был этот страж суровый отважен, зол, силен.
С оружьем даже ночью не расставался он.
«Кто ломится в ворота?»— воскликнул великан.
Тут Зигфрид голос изменил и ввел его в обман.

488 Ответил он: «Я — витязь. Впусти скорей меня,
Не то с постели мягкой до наступленья дня
Поднимет многих в замке мой верный спутник-меч».
Разгневала привратника столь дерзостная речь.

489 Спустя минуту к бою готов был он совсем:
Схватил свое оружье, надел огромный шлем,
Повесил щит на локоть, ворота распахнул
И к пришлецу незваному, рассвирепев, шагнул.

490 Как смеет гость тревожить хозяев здешних мест?
Бил исполин так сильно, что гул пошел окрест.
Щит Зигфрида удары выдерживал с трудом,
И все застежки прочные полопались на нем.

491 Свист палицы железной услышав над собой,
Стал Зигфрид опасаться, что проиграет бой,
И все ж не рассердился на своего врага:
Он счастлив был, что у него столь преданный слуга.

492 Весь замок нибелунгов от грохота дрожал.
Врывались через окна и лязг и крики в зал.
Но гость осилил стража и, повалив, скрутил,
Чем нибелунгов доблестных встревожил и смутил.

493 В той потайной пещере, где Зигфрид спрятал клад,
Услышал грозный Альбрих, как панцири звенят.
Он взялся за оружье и побежал туда,
Где смелый гость привратника вязал не без труда.

494 Был карлик и отвагой и силой наделен,
Броней и прочным шлемом надежно защищен.
Держал в руке могучей он золотой кистень.
Пришлось вторично Зигфриду сражаться в этот день.

495 Кистень с семью шипами был тяжек до того,
Что разъяренный Альбрих при помощи его
Одним ударом метким разбил герою щит.
Сын Зигмунда почувствовал, что смерть ему грозит.

496 Он бросил щит разбитый, вложил в ножны клинок:
Слуге, который честно его же клад стерег,
Не мог удар смертельный он сгоряча нанесть —
Быть даже в гневе сдержанным повелевает честь.

497 В объятиях железных сдавил врага смельчак,
За бороду седую его рванувши так,
Что карлик взвыл от боли и побелел с лица.
Подобного приема он не ждал от пришлеца.

498 «Пощады! — вскрикнул Альбрих. — Даю вам, рыцарь, слово,
Что если бы я не был вассал бойца другого,
Кому до смерти верность поклялся я блюсти,
Во мне слугу отменного могли б вы обрести».

499 Стал, как и великана, пришлец его вязать
И мощными руками пребольно сжал опять.
«Да кто ж вы?» — молвил пленник, когда нажим ослаб.
Герой ответил: «Зигфрида тебе узнать пора б».

500 Сказал могучий Альбрих: «Я счастлив видеть вас.
Делами доказали вы и на этот раз,
Что взяли власть по праву над нашею страною.
Коль вы мне жизнь оставите — располагайте мною».

501 Промолвил витязь Зигфрид: «Ступай да поскорей
Сыщи меж нибелунгов мне десять сот мужей
Отважных, сильных, рослых, привычных к бою смлада».
Он умолчал лишь об одном — зачем сыскать их надо.

502 Веревки с великана и карлика он снял.
Помчался Альбрих в замок, влетел с разбегу в зал
И крикнул нибелунгам: «С себя стряхните сон!
К нам Зигфрид припожаловал. Вас хочет видеть он».

503 Всех нибелунгов поднял с постели этот крик.
Одежду и доспехи они надели вмиг,
К воротам устремились трехтысячной толпой,
И встречен был торжественно вассалами герой.

504 За рвенье королевич их поблагодарил,
Вина с дороги выпил и так заговорил:
«Я за море с собою вас, удальцы, возьму».
Готов был каждый нибелунг сопутствовать ему.

505 Но выбрал из трех тысяч мужей отважных этих
Воитель нидерландский всего одну лишь треть их.
Велел одеться пышно он спутникам своим —
В страну Брюнхильды завтра же они отбудут с ним.

506 Он молвил: «Не забудьте, что все вы без изъятья
Предстать очам Брюнхильды должны в богатом платье.
Взирать на вас там будет немало знатных дам,
А значит, понаряднее одеться нужно вам».

507 Они отплыли утром, чуть заалел восток.
Нарадоваться Зигфрид на спутников не мог:
Их кони были резвы, богато платье их.
Не стыдно было ко двору везти бойцов таких.

508 Пригожие девицы стояли на стене.
Спросила королева: «Скажите, девы, мне,
Кто жалует к нам в гости и чьи это суда
Под парусами белыми стрелой летят сюда?»

509 Властитель рейнский молвил: «К вам так стремился я,
Что от меня в дороге отстала рать моя,
Но я послал за нею, и вот плывет она».
В гостей вперили жадный взор все девы, как одна.

510 Стоял, от всех поодаль, на судне головном
Неустрашимый Зигфрид в наряде дорогом.
Спросила королева: «Почтить мне их приветом,
Иль вы не видите, король, нужды особой в этом?»

511 Король в ответ: «Вы встретить их у дворца должны.
Вниманьем вашим будут вассалы польщены».
Всех обласкала дева, как наказал он ей,
И обошлась лишь с Зигфридом чуть-чуть похолодней.

512 С бойцов доспехи сняли, им отвели жилье.
Смекнул жених Брюнхильды, что в замке у нее
Нельзя гостей столь многих удобно расселить,
И молвил, что пора ей с ним в Бургундию отплыть.

513 Брюнхильда объявила: «Отличен будет мной
Тот, кто гостей одеждой и золотой казной
Мне одарить поможет». И Данкварт ей сказал
(Млад Гизельхеру он служил и был его вассал):

514 «Уж коль ключи доверить благоволите мне вы,
Гостей не обделю я дарами, королева,
А обделю, так буду один и виноват».
Всем доказал брат Хагена, что он не скуповат.

515 Едва ему Брюнхильда ключи велела дать,
Как стал он всех казною без счета награждать.
Бедняк, кому богатством казалась раньше марка,
Отныне мог в довольстве жить за счет его подарка.

516 По сотне фунтов разом давал он всем подряд,
И тот, кто накануне обноскам был бы рад,
Роскошною одеждой теперь дворец дивил.
Не в меру щедрый казначей Брюнхильду прогневил.

517 «Король, я опасаюсь,— воскликнула она,—
Что ваш слуга ретивый мое добро сполна
Раздарит, не оставив мне ровно ничего.
Скажу спасибо я тому, кто сдержит прыть его.

518 Торопится он слишком — еще не умерла я.
К тому ж сама сумею, коль смерти возжелаю,
Я отчее наследье истратить без труда».
Такого казначея мир не видел никогда!

519 Владетель Тронье молвил: «Поболее, чем здесь,
И золота и платья у нас на Рейне есть.
Добро везти с собою вам, госпожа, не след —
У государя моего ни в чем нехватки нет».

520 Сказала королева: «Не сомневаюсь в том,
И все же мы в дорогу десятка два возьмем
Казною и шелками наполненных ларцов,
Чтоб в Вормсе одарить могла я мужниных бойцов».

521 Тут принесли ей груды каменьев дорогих,
Но по ларцам рассыпал уже не Данкварт их,
А спальники Брюнхильды, над чем исподтишка
Посмеивался с Хагеном ее жених слегка.

522 Спросила королева: «Кого назначить мне
Блюстителем престола в моей родной стране?»
Промолвил Гунтер знатный: «Такой ответ я дам:
Пусть будет здесь наместником тот, кто угоден вам».

523 Ближайшего из присных — был деве дядей он —
Назначила Брюнхильда блюсти исландский трон:
«Пусть вам подвластны будут мой край и мой народ,
Пока их под руку свою сам Гунтер не возьмет».

524 По слову королевы две тысячи мужей,
А также нибелунги, приехавшие к ней,
Отправились на берег и там на корабли
Снесли свое оружие и лошадей взвели.

525 Взяла с собой Брюнхильда, блюдя свой сан и честь,
Девиц придворных — сотню, дам — восемьдесят шесть,
И всем им не терпелось в Бургундию отплыть.
Зато оставшимся пришлось немало слез пролить.

526 Простясь, как подобает, с народом и страной,
Расцеловалась дева с ближайшею родней
И тут же знак к отплытью поторопилась дать,
И больше ей не довелось отчизну увидать.

527 От скуки по дороге никто не изнывал:
Тот тешился беседой, тот игры затевал.
Гудел попутный ветер в надутых парусах.
Все на чужбину ехали с веселием в сердцах.

528 Но не исторг у девы жених любви залог,
Покуда не приплыли они в свой час и срок
На Рейн, в страну бургундов, где в Вормсе наконец
Повел король ликующий Брюнхильду под венец.

АВЕНТЮРА IX

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ПОСЛАН В ВОРМС

529 В десятый раз зардела заря на небосклоне,
Когда бургундам молвил лихой владетель Тронье:
«Известье в Вормс на Рейне пора отправить нам.
Давно бы нашему гонцу быть надлежало там».

530 «Вы правы, друг мой Хаген,— сказал король в ответ,—
И лучшего посланца, чем вы, конечно, нет.
В Бургундию родную отправьтесь сей же час
И нашим милым землякам поведайте про нас».

531 «Нет,— отмахнулся витязь,— в гонцы я не гожусь
И с большею охотой здесь, в море, потружусь,
Оберегая женщин, поклажу и казну,
Пока не возвратимся мы в бургундскую страну.

532 Пусть лучше Зигфрид едет гонцом от вас туда.
Он ваше порученье исполнит без труда.
А если вам отказом ответит он в досаде,
Его просите уступить сестрицы вашей ради».

533 Послал державный Гунтер за Зигфридом людей
И молвил: «Мы подходим к родной стране моей,
И должен известить я сестру и мать о том,
Что в стольный Вормс мы вскорости по Рейну приплывем.

534 Коль быть гонцом согласны вы, друг бесстрашный мой,
В долгу я не останусь, когда вернусь домой».
Не согласился Зигфрид, но Гунтер стал опять
С настойчивыми просьбами к герою приступать.

535 «Вам за услугу эту воздам не только я —
Вовеки не забудет о ней сестра моя,
Пригожая Кримхильда, которой Зигфрид мил».
Тут королевич сразу же решенье изменил.

536 «Служить гонцом я счастлив вам, Гунтер благородный,
Я для сестрицы вашей готов на что угодно.
Ужели отказать я хоть в чем-нибудь решусь
Той, чье благоволение утратить так страшусь?»

537 «Тогда скажите Уте, что сватовство свое
Осуществил с успехом счастливый сын ее.
Скажите также братьям и всем друзьям моим,
Что ныне в добром здравии в отчизну мы спешим.

538 Вас передать прошу я сестре моей пригожей
Земной поклон от брата и от Брюнхильды тоже.
Пусть ведает вся челядь и каждый мой вассал,
Что я добился за морем того, чего желал.

539 Пусть Ортвин, мой племянник, немедля разобьет
И уберет богато шатры у рейнских вод,
И пусть без промедленья даст знать моей родне,
Что я на свадьбу всех прошу пожаловать ко мне.

540 Уведомите, Зигфрид, сестру мою особо,
Что буду я Кримхильде признателен до гроба,
Коль, встретившись впервые с невестою моей,
Радушье и внимание она окажет ей».

541 Брюнхильде Зигфрид отдал почтительный поклон.
Со свитой королевы затем простился он
И в Вормс помчался сушей, чтоб обогнать суда.
Никто гонца проворнее не видел никогда.

542 Скакало с нидерландцем две дюжины бойцов.
Весь город всполошило прибытье храбрецов —
Узнав, что королевич вернулся к ним один,
Решили вормсцы в ужасе: «Погиб наш господин!»

543 Как только Зигфрид спрыгнул с коня у стен дворца,
Сбежал ему навстречу млад Гизельхер с крыльца,
За ним вдогонку Гернот, который закричал,
Узрев, что королевич в Вормс без Гунтера примчал:

544 «С приездом, смелый Зигфрид! Я был бы слышать рад,
Что с Гунтером случилось. Где наш любезный брат?
Ужель не совладал он с Брюнхильдой молодою
И завершилось сватовство великою бедою?»

545 «Ни вам, ни вашим ближним тревожиться не след.
Через меня мой спутник вам шлет большой привет.
С чужбины возвратился он цел и невредим.
С хорошими известьями вперед я послан им.

546 Вы лучше так устройте, чтоб я сию ж минуту
Мог повидать Кримхильду и королеву Уту —
Мне передать велели невеста и жених,
Что к счастью обоюдному все сладилось у них».

547 Млад Гизельхер ответил: «Идемте к ним сейчас.
Ручаюсь, будет рада сестра увидеть вас.
Она о брате слезы и днем и ночью льет,
Но все ее сомнения рассеет ваш приход».

548 «Я, — молвил смелый Зигфрид, — ей предан всей душой,
Все для нее свершу я с охотою большой,
Но мой приход внезапный перепугает дам».
И Гизельхер пообещал, что предварит их сам.

549 Он отыскал немедля свою сестру и мать
И стал с веселым видом такую речь держать:
«К нам Зигфрид Нидерландский явился во дворец.
Он Гунтером вперед на Рейн отправлен как гонец.

550 Я вас прошу покорно принять скорей его.
Пускай он все расскажет про брата моего —
Ведь им же вместе ездить в Исландию пришлось».
Немалые волнения доставил дамам гость.

551 Они оделись наспех, и был в покои к ним
Введен посланец знатный с почтением большим.
Предстал Кримхильде Зигфрид к восторгу своему,
И обратилась девушка приветливо к нему:

552 «С приездом, славный Зигфрид, храбрейший из мужей!
Но где ж державный Гунтер, король страны моей?
Ужель мой брат могучий Брюнхильду не сломил?
Коль на чужбине он погиб, мне белый свет не мил».

553 Сказал отважный витязь: «Не лейте больше слез.
Я радостные вести, красавица, привез
И жду за них награды, положенной гонцам.
Жив и здоров ваш смелый брат, меня пославший к вам.

554 Он и его невеста должны быть скоро тут
И в ожиданье встречи родне поклоны шлют.
Вы плачете напрасно, ручаюсь в этом честью».
Кримхильда век не слышала отраднее известья.

555 Оборкой платья белой, как первый зимний снег,
Она смахнула слезы с ланит, ресниц и век.
Прошли ее печали, рассеялась тревога,
За что она была гонцу признательна премного.

556 Кримхильда сесть велела посланцу на скамью
И молвила сердечно: «Признательность мою —
Вот все, что дать в награду могу я вам, смельчак:
Тому не нужно золота, кто им богат и так».

557 «Будь я,— ответил Зигфрид,— богаче в тридцать раз,
Любой подарок принял я и тогда б от вас».
Красавица зарделась: «Благодарю за честь»,
И приказала спальнику дары гонцу принесть.

558 Две дюжины запястий, широких, золотых,
Украшенных рядами каменьев дорогих,
Дала послу Кримхильда, но не взял их герой,
А щедро ими одарил ее прислужниц рой.

559 Когда ж и Ута стала его благодарить,
Он молвил: «Вас обеих я должен предварить,
Что просьбу к вам имеет король, ваш сын и брат.
Коль вы ее исполните, он будет очень рад.

560 Надеется он твердо, что всех гостей его
Вы примете с почетом, и хочет, сверх того,
Чтоб вышли вы со свитой на берег их встречать.
Я думаю, его не след отказом огорчать».

561 Воскликнула Кримхильда: «Вовек не откажу!
Всегда с большой охотой я брату услужу.
Что мне он ни прикажет, я все исполню вмиг».
И заалел от радости ее прекрасный лик.

562 Теплей не принимали ни одного посла.
Не будь ей стыдно, дева его бы обняла.
Когда ж он с ней учтиво простился наконец,
Все сделали бургунды так, как им велел гонец.

563 Созвали Синдольт, Хунольт, а также Румольт смелый
Дворцовую прислугу и принялись за дело,
Спеша убрать к прибытью невесты с женихом
Шатры, уже разбитые на берегу речном.

564 Отважный Ортвин с Гере трудились, им под стать.
Они гонцов к вассалам успели разослать,
На свадьбу государя прося их всех прибыть.
Не управлялись женщины себе наряды шить.

565 В дворцовых помещеньях все стены до одной
Увешали коврами в честь Гунтера с женой.
Богато изукрашен был пиршественный зал.
С веселым нетерпением весь город свадьбы ждал.

566 Родные и вассалы трех братьев-королей
И день и ночь скакали на Рейн встречать гостей.
Все в Вормсе неизменно приезжим были рады,
Все доставали из ларцов богатые наряды.

567 Внезапно от дозорных известия пришли,
Что корабли Брюнхильды уже видны вдали.
Народ на берег хлынул, поднялись шум и гам —
Всегда на храбрецов взглянуть охота храбрецам.

568 Промолвила Кримхильда своим подружкам тут:
«Те, кто со мною вместе гостей встречать идут,
Одежду побогаче пусть вынут из ларцов,
Чтоб заслужили мы хвалу приезжих удальцов».

569 Затем явилась стража, чтоб дам сопровождать.
И челядь поспешила коней к крыльцу подать —
На берег предстояло им женщин отвезти.
Их сбруя так была пышна, что краше не найти.

570 Отделкой золотою слепили седла взгляд.
На сбруе самоцветы нашиты были в ряд.
Порасставляла челядь для всадниц молодых
Подножки золоченые, подстлав меха под них.

571 Перед крыльцом дворцовым, как помнить вы должны,
Наездниц знатных ждали лихие скакуны.
Поперсия их были из шелка дорогого —
Никто из вас, наверное, и не видал такого.

572 Придворных дам, а было их восемьдесят шесть,
Взяла с собой Кримхильда, блюдя свой сан и честь.
Шли вслед за ними девы, одна милей другой,
Покамест не носившие повязки головной.

573 Горели ленты ярко в их русых волосах.
Богатыри смотрели с волнением в сердцах,
Как пятьдесят четыре девицы эти шли
Встречать с почетом Гунтера, владыку их земли.

574 Богатством отличались наряды дев и дам.
Красавицы мечтали понравиться гостям
И потому оделись с изяществом таким,
Что мог лишь тот, кто очень глуп, быть равнодушен к ним.

575 На оторочку платьев пошли у них у всех
И шкурки горностая, и соболиный мех.
Шелк рукавов широких запястья облегали.
Нет, все уборы их назвать под силу мне едва ли.

576 Была неотразима их гордая краса.
Вкруг талий обвивались цветные пояса.
Под тонким феррандином из аравийских стран
Угадывался явственно прелестный гибкий стан.

Корсаж с тугой шнуровкой высоко грудь вздымал,
И яркостью наряды румянец затмевал.
Переполняла радость сердца прекрасных дев.
Честь эта свита сделала б любой из королев.

578 Вот так они собрались, и сели на коней,
И поскакали к Рейну с толпой богатырей,
Был каждый из которых вооружен щитом
И ясеневым дротиком с каленым острием.

АВЕНТЮРА X

О ТОМ, КАК БРЮНХИЛЬДУ ПРИНЯЛИ В ВОРМСЕ

579 Вот, наконец, увидел на берегу народ,
Что через реку Гунтер с гостями в Вормс плывет,
А дамы вниз по склону съезжают чередой,
И лошадь каждой в поводу ведет боец лихой.

580 Гребли усердно гости, проворны и сильны.
Стрелой по рейнским волнам летели их челны,
И с каждым взмахом весел все близилась земля,
Где ждали с нетерпением бургунды короля.

581 Теперь повествованье я поведу о том,
Как королева Ута со свитою верхом
Направилась на берег, чтоб сына встретить там.
Немало познакомилось в тот день бойцов и дам.

582 Сначала герцог Гере коня Кримхильды вел,
Но у ворот дворцовых к ней Зигфрид подошел
И дальше всю дорогу служил прекрасной он,
За что ее взаимностью был вскоре награжден.

583 Коня почтенной Уты вел Ортвин под уздцы.
За ними вслед попарно — девицы и бойцы.
Вовек никто не видел,— признáюсь вам по чести,—
Там много смелых воинов и жен прекрасных вместе.

584 Кримхильду развлекали на всем пути герои
То удалою скачкой, то воинской игрою,
Покамест кавалькада к реке не подошла
И витязи учтивые не сняли дам с седла.

585 Но вот король причалил, и ринулась родня
К воде, ему навстречу, доспехами звеня,
В бою потешном копья ломая сгоряча
И о щиты соседние шипом щита стуча.

586 С челна, в котором Гунтер подъехал прямо к месту,
Где находились дамы, встречавшие невесту,
Свел за руку Брюнхильду ликующий жених.
Как камни драгоценные, сверкал наряд на них.

587 Приветлива с невесткой, с ее людьми мила,
Красавица Кримхильда к исландке подошла,
И, сдвинув осторожно венки с чела рукой,
Расцеловались девушки с учтивостью большой.

588 Сказала королевна: «Безмерно рада я,
Равно как наша свита и Ута, мать моя,
Здесь видеть вас, чья прелесть дивит весь белый свет».
И поклонилась вежливо Брюнхильда ей в ответ.

589 Тут обнялись две девы вновь и еще тесней.
Едва ль бывала встреча когда-нибудь теплей!
И госпожа Кримхильда, и королева-мать
Не уставали вперебой невестку обнимать.

590 Меж тем к воде сбежалось немало удальцов.
Исландкам помогали они сойти с челнов,
И каждый, руку гостьи в своей руке держа,
Шел с ней туда, где девушек ждала их госпожа.

591 Знакомств немало было в то утро сведено,
Немало поцелуев приветливо дано.
Пока бойцы на берег вели приезжих дев,
Весь двор дивился прелести двух юных королев.

592 Кто знал их лишь по слухам, тот убедился разом,
Что не напрасно верил восторженным рассказам
И что обеим девам прикрас отнюдь не надо,
Чтоб всех соперниц затмевать и восхищать все взгляды.

593 Кто мнил себя судьею по части красоты,
Тот восхвалял Брюнхильды точеные черты;
А кто был и постарше, и малость поумнее,
Тот предпочтенье отдавал Кримхильде перед нею.

594 Собралось там немало прекрасных дев и жен.
Сбегавший к Рейну берег был ими запружен,
А в поле, отделявшем столицу от реки,
Шатры из шелка высились, нарядны и легки.

595 Но вот толпу густую, шумевшую кругом,
Бургундские вельможи рассеяли с трудом,
И, чтоб спастись от зноя, к тем шелковым шатрам
Три королевы двинулись в сопровожденье дам.

596 А гости и бургунды на лошадей вскочили,
И поле потемнело от черной тучи пыли,
Как будто дым пожара простерся над землей.
То витязи затеяли на копьях конный бой.

597 Взирало с восхищеньем немало дев на них,
И Зигфрид, мне сдается, особенно был лих,
Когда перед шатрами носился взад-вперед,
И нибелунгов вслед за ним скакало десять сот.

598 Чтоб женские наряды вконец не запылить,
Король распорядился потеху прекратить.
Владетель Тронье Хаген остановил бойцов,
И возражать ему не стал никто из храбрецов.

599 Дал Гернот приказанье: «Не уводить коней!
Едва наступит вечер и станет холодней,
Мы до ворот дворцовых проводим дам опять.
Как только двинется король, старайтесь не отстать».

600 Уставшие изрядно от воинской игры,
Пошли герои к дамам в нарядные шатры
И за беседой с ними день скоротали так,
Что даже не заметили, как стал спускаться мрак.

601 Вечернею прохладой пахнуло наконец,
И королевы ехать собрались во дворец.
Сопровождали женщин бойцы на всем пути,
И не могли они глаза от спутниц отвести.

602 Как требует обычай, они потехой ратной
В дороге развлекали красавиц многократно,
Пока у стен дворцовых, блюдя свой долг и честь,
Учтиво им не помогли с высоких седел слезть.

603 Друг с дружкой распростились три королевы там,
И Ута с милой дочкой в сопровожденье дам,
Храня приличьям верность, ушла в свои покои.
Какой царил повсюду шум, веселие какое!

604 Теперь настало время засесть за пир честной.
Гостей встречали Гунтер с красавицей-женой.
Бургундская корона у девы на челе
Сверкала ослепительно в вечерней полумгле.

605 Как говорят сказанья, ломились от еды
Столов, накрытых пышно, бессчетные ряды.
Вин, и медов, и пива хватало там вполне,
А уж гостей наехавших не сосчитать и мне!

606 Коль уверять вас станут, что побогаче все ж
Порой бывали свадьбы,— не верьте: это ложь.
Ведь Гунтер даже воду, чтоб руки умывать,
Велел в тазах из золота приезжим подавать.

607 Но сам правитель рейнский еще не вымыл рук,
Как Зигфрид Нидерландский ему напомнил вдруг
Об исполненье клятвы, им данной до того,
Как плыть в Исландию склонил он друга своего.

608 Гость молвил: «Разве слово вы не дали тогда,
Что в день, когда с Брюнхильдой воротитесь сюда,
Пригожую Кримхильду я получу в супруги?
Иль ни во что не ставите вы все мои услуги?»

609 «Вы всеконечно правы,— сказал король в ответ.—
Вовеки не нарушу я данный мной обет
И пособлю вам, Зигфрид, чем только я могу».
И за сестрою тотчас же он отрядил слугу.

610 Когда она со свитой войти хотела в зал,
Ей Гизельхер навстречу по лестнице сбежал.
«Немедля отошлите всех дам своих назад.
Лишь вас одну зовет к себе наш государь и брат».

611 Красавица Кримхильда направилась за ним
На середину зала, где за столом большим
Сидел король с Брюнхильдой, супругою своей,
Среди толпы наехавших из разных стран гостей.

612 Бургундии властитель промолвил: «Будь добра,
И мой обет исполнить мне помоги, сестра.
За одного героя просватана ты мной.
Отказом нас не огорчай и стань его женой».

613 Ответила Кримхильда: «Тут просьбы ни к чему:
Не откажу вовеки я брату своему.
Быть вам во всем покорной — обязанность моя.
Я рада выйти за того, кто избран мне в мужья».

614 Под взором девы Зигфрид мгновенно вспыхнул весь
И молвил, что слугою ей быть почтет за честь.
Поставив их бок о бок, ее спросили вновь,
Отдаст ли королевичу она свою любовь.

615 Хоть долго стыд девичий ей сковывал язык,
Не изменило счастье герою в этот миг:
Сказала «да» чуть слышно в конце концов она,
И тут же Зигфриду была женой наречена.

616 Когда же были клятвы обоими даны
В том, что друг другу будут они по гроб верны,
Красавицу в объятья воитель заключил
И поцелуй при всем дворе от девы получил.

617 Круг, их двоих обставший, внезапно поредел,
И Зигфрид против зятя за стол с женою сел.
Был к радости всеобщей на это место он
Своими нибелунгами с почетом отведен.

618 Увидев, как золовка близ Зигфрида сидит,
Надменная Брюнхильда почувствовала стыд,
И горестные слезы, одна другой крупней,
На щеки побледневшие закапали у ней.

619 Спросил король бургундский: «Что огорчает вас?
Чем омрачен нежданно блеск ваших ясных глаз?
Вам радоваться б надо, что вы приобрели
Так много новых подданных, и замков, и земли».

620 Ответила Брюнхильда: «Могу ль не лить я слез,
Коль тяжкую обиду мой муж сестре нанес,
За своего вассала ее решив отдать?
Как, видя рядом с ней его, от горя не рыдать?»

621 Сказал державный Гунтер: «Я объясню позднее,
Зачем мне было нужно, чтоб в брак вступил он с нею.
Покамест же об этом и думать не должны вы,
Тем более что проживут они свой век счастливо».

622 Она ему: «И все же Кримхильду жалко мне.
Не будь я в вашей власти — ведь я в чужой стране,
Не подпустила вас бы я к ложу ни на шаг,
Пока б вы не ответили, зачем вам этот брак».

623 Державный Гунтер молвил: «Тогда вы знать должны,
Что благородный Зигфрид — король большой страны.
Богат он и землею, и замками, как я.
Вот почему он избран мной моей сестре в мужья».

624 Речь короля Брюнхильду утешить не смогла,
Тут высыпали гости во двор из-за стола,
И от потехи ратной вновь задрожал дворец.
Но Гунтер с нетерпеньем ждал, чтоб ей пришел конец.

625 Хотелось поскорее ему возлечь с женой.
Был славный витязь занят в тот миг мечтой одной —
О том, как он познает любовные услады.
Все пламенней бросал король на молодую взгляды.

626 Но вот и попросили гостей турнир прервать:
Молодоженам время настало почивать.
По лестнице спустились две королевы вместе.
Тогда еще не полнились сердца их жаждой мести.

627 Заторопилась свита вдогонку молодым.
Дорогу освещали постельничие им.
За Гунтером немало вассалов знатных шло.
Но было их у Зигфрида не меньшее число.

628 В свои опочивальни герои удалились.
Перед любовным боем сердца их веселились —
Казалось, в нем победа обоим суждена.
И Зигфрид ею в эту ночь насытился сполна.

629 Когда воитель ложе с Кримхильдой разделил
И утолила дева его любовный пыл,
Ценить свою супругу стал больше жизни он.
Милей была ему она, чем десять сотен жен.

630 Но речь об их утехах вести я не охоч.
Послушайте-ка лучше о том, как эту ночь
Провел король бургундский с красавицей женой.
Уж лучше б он возлег не с ней, а с женщиной иной.

631 Ввели супругов в спальню, и разошелся двор,
И дверь за молодыми закрылась на запор,
И Гунтер мнил, что близок миг торжества его.
Увы! Не скоро он сумел добиться своего.

632 В сорочке белой дева взошла на ложе нег,
И думал славный витязь: «Я овладел навек
Всем тем, к чему стремился так долго и так страстно».
Теперь он был вдвойне пленен Брюнхильдою прекрасной.

633 Огонь, горевший в спальне, он потушил скорей
И, подойдя к постели, прилег к жене своей.
Король, желанья полон, от счастья весь дрожал
И дивный стан красавицы в объятьях пылко сжал.

634 Всю чашу наслаждений испил бы он до дна,
Когда бы сделать это дала ему жена.
Но мужа оттолкнула она, рассвирепев.
Он встретил там, где ждал любви, лишь ненависть и гнев.

635 «Подите прочь! — сказала красавица ему. —
Я вижу, что́ вам нужно, но не бывать тому.
Намерена я девство и дальше сохранять,
Пока не буду знать всего, что мне угодно знать».

636 Сорочку на Брюнхильде король измял со зла.
Стал брать жену он силой, но дева сорвала
С себя свой крепкий пояс, скрутила мужа им,
И кончилась размолвка их расправой с молодым.

637 Как ни сопротивлялся униженный супруг,
Он был на крюк настенный подвешен, словно тюк,
Чтоб сон жены тревожить объятьями не смел.
Лишь чудом в эту ночь король остался жив и цел.

638 Недавний повелитель теперь молил, дрожа:
«С меня тугие путы снимите, госпожа.
Я понял, королева, что мне не сладить с вами,
И вам не стану докучать любовными делами».

639 Но не сумел мольбами Брюнхильду тронуть он.
Его жена спокойно вкушала сладкий сон,
Пока опочивальню рассвет не озарил
И Гунтер на своем крюке не выбился из сил.

640 Тогда спросила дева: «Не стыдно ль будет вам,
Коль вашим приближенным войти сюда я дам
И все они увидят, что вас связала я?»
Король промолвил ей в ответ: «Погибнет честь моя,

641 Но вам от срама тоже себя не уберечь.
Поэтому дозвольте мне рядом с вами лечь,
И коль уж так противна вам мужняя любовь,
Я даже пальцем не коснусь одежды вашей вновь».

642 Брюнхильда согласилась с супруга путы снять
И королю на ложе дала взойти опять,
Но, повинуясь деве, так далеко он лег,
Что до ее одежд рукой дотронуться не мог.

643 Явились утром слуги будить господ своих
И в новые наряды одели молодых.
Весь двор был весел духом и шумно ликовал,
Один виновник торжества скорбел и тосковал.

644 Блюдя обычай, чтимый от века в том краю,
Король в собор к обедне повел жену свою.
Пришел туда и Зигфрид с Кримхильдой в свой черед.
Был полон храм, и вкруг него стеной стоял народ.

645 С почетом превеликим, как королям к лицу,
Пошли две пары вместе торжественно к венцу,
И радовались люди, на молодых смотря,
Что их союз теперь скреплен у божья алтаря.

646 Шестьсот бургундов юных созвали короли
И в рыцарское званье с почетом возвели.
Возликовал весь город, и тут же меж собой
Был рыцарями новыми потешный начат бой.

647 Трещали древки копий, сверкала сталь щитов.
Красавицы из окон глядели на бойцов.
Лишь Гунтеру хотелось остаться одному:
Восторг, одушевлявший всех, несносен был ему.

648 Но хоть король таился от зятя своего,
Тот, как он ни был счастлив, заметил грусть его
И шурину промолвил: «Узнать бы я не прочь,—
Коль не обидит вас вопрос,— что́ принесла вам ночь?»

649 Сказал хозяин гостю: «Лишь стыд и срам безмерный.
Женился не на деве — на черте я, наверно.
Я к ней со всей душою, она ж меня, мой друг,
Связала и повесила на крюк в стене, как тюк.

650 Пока я там терзался, жена моя спала
И лишь перед зарею с крюка меня сняла.
Но я позор мой в тайне хранить тебя молю».
Гость молвил: «О случившемся я всей душой скорблю.

651 Но помогу тебе я, коль ты дозволишь мне,
И нынче лечь придется с тобой твоей жене
Так, чтобы ты отказа ни в чем не получил».
Он этим обещанием скорбь Гунтера смягчил.

652 Прибавил нидерландец: «Забудь свою тревогу.
Хоть был я нынче ночью тебя счастливей много
И жизни мне дороже теперь сестра твоя,
Заставлю и Брюнхильду стать тебе женою я.

653 Когда в постель ложиться вам будет с ней пора,
Плащ-невидимка скроет меня от глаз двора,
И вслед за вами в спальню я проберусь, незрим,
А ты прикажешь уходить постельничим своим.

654 Когда ж погаснут свечи в руках юнцов-пажей,
Знай: это я явился сбить спесь с жены твоей.
Гордячку я сегодня в покорность приведу,
Коль в схватке с богатыршею за друга не паду».

655 Король ему: «Лишь девства Брюнхильду не лишай,
А в остальном что хочешь над нею совершай,
И если даже смерти предашь мою жену,
Вовек тебе расправу с ней я не вменю в вину».

656 Ответил нидерландец: «Ручательство даю,
Что не намерен девства лишать жену твою —
Ведь мне моя Кримхильда милей всех дев и жен».
И Гунтер словом Зигфрида был удовлетворен.

657 Весь день в столице длился у рыцарей турнир.
Они его прервали лишь в час, когда на пир
Опять настало время вести прекрасных дам
И разъезжаться всадникам велели по домам.

658 Едва от них очищен был подступ ко дворцу,
Как обе королевы направились к крыльцу,
И каждую епископ к столу сопровождал.
Валом валили витязи вослед за ними в зал.

659 Душой и сердцем весел был Гунтер вечер весь.
Поверил он, что Зигфрид собьет с Брюнхильды спесь,
И день ему казался длинней, чем тридцать дней,—
Так не терпелось королю возлечь с женой своей.

660 Конца честно́го пира дождался он с трудом.
Но вот все гости встали, и подкрепиться сном
Пошли две королевы с толпою дам своих.
Ах, сколько смелых витязей сопровождало их!

661 Неустрашимый Зигфрид с Кримхильдою сидел.
С безмерною любовью он на нее глядел,
И руку пожимала жена ему в ответ,
Как вдруг она увидела, что мужа рядом нет.

662 Пропал, как в воду канул, ее сердечный друг.
Спросила королева в недоуменье слуг:
«Кто увести отсюда мог мужа моего?
Кем вырвана из рук моих была рука его?»

663 Затем она умолкла, а Зигфрид в этот миг
Уже к Брюнхильде в спальню, невидимый, проник.
Там погасил он свечи в руках пажей-юнцов,
И Гунтер понял: Зигфрид здесь и в бой вступить готов.

664 Старательно исполнил король его наказ:
Велел он свите спальню покинуть сей же час
И двери в опустевший супружеский покой
Немедля на двойной засов закрыл своей рукой.

665 Он свет задул у ложа, и Зигфрид с девой лег,
Затем что по-иному вести себя не мог,
Склонять к игре любовной Брюнхильду начал он,
Чем был король обрадован и все же огорчен.

666 Но прежде чем коснулся хоть пальцем гость ее,
Воскликнула Брюнхильда: «Вы снова за свое?
Коль не уйметесь, Гунтер, я вас свяжу опять».
Да, много муки с ней пришлось ему в ту ночь принять.

667 Был Зигфрид осторожен — упорно он молчал,
Но Гунтер ясно слышал (увидеть — мрак мешал),
Что зять не посягает на честь его жены
И что отнюдь не ласками они поглощены.

668 Брюнхильдой принят Зигфрид и впрямь за мужа был:
Едва в объятьях деву он стиснул что есть сил,
Как сбросила с постели она его толчком,
И о скамейку стукнулся с размаху он виском.

669 Смельчак, вскочив проворно, на ложе прянул вновь,
Чтоб вынудить Брюнхильду принять его любовь,
Но получил от девы столь яростный отпор,
Какого из мужчин никто не встретил до сих пор.

670 Увидев, что паденьем не отрезвлен супруг,
Она вскочила с ложа и закричала вдруг:
«Вы мять мою сорочку дерзнули, грубиян,
И будет вам за это мной урок вторично дан».

671 В охапку смелый витязь был схвачен девой милой.
Связать его Брюнхильда, как Гунтера, решила,
Чтоб он не смел тревожить ее во время сна,
И за сорочку мятую с ним разочлась сполна!

672 Он был силен, но все же Брюнхильды не сильней
И вскоре убедился, что шутки плохи с ней.
Как Зигфрид ни боролся с могучею женой,
Ей удалось его зажать меж шкафом и стеной.

673 «Увы! — храбрец подумал.— Пропали все мужья,
Коль здесь от рук девицы погибну нынче я:
Как только разнесется везде об этом весть,
Забудут жены, что на них управа в доме есть».

674 Король, дрожа за друга, весь обратился в слух.
Тут Зигфрид устыдился, воскрес в нем прежний дух.
Он с силами собрался и, преисполнясь гнева,
Решил любой ценой сломить упорство королевы.

675 Король все ждал развязки, вперяя взор во мрак.
Меж тем Брюнхильда руки врагу сдавила так,
Что брызнул ток кровавый из-под ногтей его,
Но нидерландец доблестный добился своего

676 И укротил Брюнхильду, превозмогая боль.
Он не сказал ни слова, но услыхал король,
Как богатыршу с маху на ложе бросил он
И так прижал, что вырвался у ней протяжный стон.

677 Она — рукой за пояс, чтоб им врага связать,
Но Зигфрид, увернувшись, сдавил ее опять,
И разом затрещали все кости у нее,
И деве обуздать пришлось тщеславие свое.

678 «Король,— она взмолилась,— не убивай меня.
Тебе покорна стану я с нынешнего дня
И больше мужней воле перечить не дерзну.
Теперь я вижу, что смирить способен ты жену».

679 Гость отошел от ложа, как если бы совлечь
Хотел с себя одежду, чтоб после с девой лечь,
Но, удаляясь, пояс и перстень золотой
Успел тайком с Брюнхильды снять и унести с собой.

680 Он отдал их Кримхильде, а для чего — бог весть.
Наверное, беспечность всему виною здесь.
Из-за нее и принял он смерть в свой час и срок...
Меж тем король ликующий с красавицей возлег.

681 Жене дарил он ласки, как мужу долг велит,
И та их принимала, смирив свой гнев и стыд.
На ложе сладкой неги, бледна, утомлена,
Мощь и гордыню прежнюю утратила она.

682 Равна по силе стала она любой из жен.
Ее красой безмерной был Гунтер восхищен.
Он от жены отказа не получил ни в чем.
Что пользы спорить, коль супруг поставил на своем?

683 Всю ночь в его объятьях Брюнхильда провела,
Пока перед рассветом не поредела мгла...
Тем временем из спальни, в полночной тишине,
Незримо Зигфрид выскользнул и поспешил к жене.

684 На нежные расспросы он отвечать не стал
И даже пояс с перстнем Кримхильде передал
Лишь дома, в Нидерландах, когда на трон воссел.
И все же он своей судьбы избегнуть не сумел!

685 Иным, чем накануне, хозяин встал с одра:
Был духом бодр и весел он к радости двора
И всех, кто в Вормс приехал, чтоб короля почтить.
Старались гостю каждому бургунды угодить.

686 Две полные недели тянулся пир честной.
Веселье не стихало ни днем, ни в час ночной,
И развлекались гости, как было им угодно.
Не пожалел на них казны хозяин благородный.

687 Одеждой, и конями, и всяческим добром,
И золотом червонным, и звонким серебром
Он одарить приезжих велел своей родне,
Чтоб каждый щедростью его доволен был вполне.

688 Пораздарил и Зигфрид с дружиною своей
Из тысячи могучих воинственных мужей
Все, с чем на Рейн к бургундам приехали они —
Наряды, седла, скакунов. Умели жить в те дни!

689 Подарки раздавали так много дней гостям,
Что им уж не терпелось уехать по домам.
Да, с Гунтером в радушье никто не мог сравниться.
Так свадебные торжества закончились в столице.

АВЕНТЮРА XI

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД С ЖЕНОЙ ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ

690 Когда простились гости с хозяином честны́м,
Сын Зигмунда промолвил дружинникам своим:
«Пора и нам сбираться в родную сторону»,—
И этой речью искренне порадовал жену.

691 Она сказала мужу: «Когда мы едем в путь?
Нам лучше бы с отъездом повременить чуть-чуть —
Сперва удел мой братья мне выделить должны».
Но горд был Зигфрид и не внял таким словам жены.

692 Три короля явились и молвили ему:
«Даем вам слово, Зигфрид, что зятю своему
До смерти мы готовы служить в делах любых».
И поклонился он шурьям за обещанье их.

693 Млад Гизельхер промолвил: «Часть замков, и земель,
И стран, принадлежавших по праву нам досель,
Мы выделим Кримхильде, и пусть сестра моя
Владеет ею вместе с тем, кто избран ей в мужья».

694 Увидел нидерландец, сколь дорог он шурьям,
И дружески ответил бургундским королям:
«Пускай хранит Всевышний и вас, и ваш народ,
Но достоянья вашего Кримхильда не возьмет.

695 Не нужно нам столь щедро ей выделенной доли.
Уж коль сидеть придется мне с нею на престоле,
У нас довольно будет и замков, и земли.
А в остальном я ваш слуга, как прежде, короли».

696 Кримхильда возразила: «Мне в землях нужды нет,
Но вот бойцов бургундских нам отвергать не след.
Иметь таких вассалов любой король охоч,
И поделить их с братьями была бы я не прочь».

697 Сестре ответил Гернот: «Любых себе возьми.
Поделимся охотно с тобою мы людьми.
У нас их тридцать сотен. Тебе мы треть дадим».
Тут королева юная за Ортвином лихим

698 И Хагеном из Тронье послала поскорей.
Угодно ль им с роднею пойти на службу к ней?
Ответил Хаген гневно, услышав речи эти:
«Не вправе Гунтер уступать нас никому на свете.

699 Пускай другие служат вам на чужбине дальной,
А мы, бойцы из Тронье, блюдем свой долг вассальный:
Всегда мы состояли при наших королях,
И наше место при дворе, а не в чужих краях».

700 Звать Хагена с собою Кримхильда зареклась
И в дальнюю дорогу проворно собралась.
С ней тридцать две девицы, пятьсот бойцов лихих.
Граф Эккеварт сопровождал сестру владык своих.

701 Достойно проводили весь двор и Гунтер сам
Девиц, оруженосцев, и рыцарей, и дам,
И те, расцеловавшись с друзьями и родней,
Простились, всем довольные, с родимою страной.

702 Три короля бургундских вперед вельмож послали,
Чтобы они заране ночлег приготовляли
И у Кримхильды с мужем был каждый вечер кров:
А Зигфрид в Ксантен Зигмунду дал знать через гонцов,

703 Что вскоре возвратится его отважный сын,
Но в отчую столицу прибудет не один —
Прекрасная Кримхильда, дочь Уты, едет с ним.
Был Зигмунд несказанно рад известиям таким.

704 Он молвил: «Слава богу! Я доживу до дня,
Когда у власти сменит мой смелый сын меня
И с ним престол разделит пригожая жена.
Удвоит блеск его венца своей красой она».

705 На радостях Зиглинда, блюдя свой сан и честь,
На платье бархат алый дала гонцам за весть,
И золота немало, и много серебра,
И разодела с пышностью дам своего двора.

706 Решив, что сыну ныне, когда женился он,
Пора короноваться и сесть на отчий трон,
Для торжества Зиглинда убрать велела зал,
А Зигмунд встретить Зигфрида придворным приказал.

707 Не знаю, принимали ль еще кого-нибудь
Теплее, чем героев, державших в Ксантен путь.
Отправилась Зиглинда с толпой бойцов и дам
Навстречу королевичу, Кримхильде и гостям.

708 До самого заката была в дороге мать —
Так ей хотелось сына с невесткою обнять.
Лишь к ночи повстречала она их на пути
И поспешила в стольный град к супругу отвезти.

709 Забыли скорбь Зиглинда и Зигмунд в этот час.
Они расцеловались с невесткой много раз
И долго из объятий не выпускали сына.
Радушно ими принята была его дружина.

710 В свой зал приемный Зигмунд на пир позвал гостей.
В мгновенье ока сняли девиц и дам с коней —
Помочь им поспешили бойцы наперебой.
За честь служить красавицам считал из них любой.

711 Был Гунтер щедр, но Зигмунд — его щедрее все ж.
Столь дорогой одежды на свете не найдешь,
Какую в дар Зиглинда приезжим раздавала.
Хозяйки тороватее вовеки не бывало.

712 Гостей, на праздник званных, она одела так,
Что в платьях златотканых ходил былой бедняк.
Везде сверкали лалы, блестели жемчуга.
С вельможей знатным в пышности соперничал слуга.

713 А Зигмунд нидерландцам такую речь сказал:
«Пусть знает каждый родич и каждый мой вассал,
Что сын мой Зигфрид сменит меня у власти ныне».
Весть эта по сердцу пришлась народу и дружине.

714 Был Зигфрид коронован и возведен на трон,
И стал судьей верховным в своих владеньях он,
А суд супруг Кримхильды старался так вершить,
Чтоб страх перед возмездием неправому внушить.

715 Народом Зигфрид правил со славой девять лет,
А год пошел десятый — и родила на свет
Его супруга сына на радость всей родне
И к ликованью общему в столице и в стране.

716 Был Гунтером в честь дяди он наречен в купели,
И дали это имя младенцу не без цели:
Пусть будет смел и славен, во всем родне под стать.
Его с великим тщанием старались воспитать.

717 Но с госпожой Зиглиндой недолго пожил внук:
Оплаканная всеми, она скончалась вдруг,
И дочь достойной Уты теперь уже одна
Все бремя власти на себе нести была должна.

718 Тем временем на Рейне Брюнхильдою пригожей
На свет наследник трона произведен был тоже,
И, как пришлось мне слышать, в честь зятя своего
Король бургундский Зигфридом решил назвать его.

719 Был юный принц достоин родителей своих.
Назначил сыну Гунтер наставников таких,
Чтоб стал он мудрым мужем и доблестным бойцом.
Ах, скольких славных родичей лишился он потом!

720 Поныне повествуют преданья прошлых дней
О вольной шумной жизни лихих богатырей
И там, где Зигфрид правил отцовскою страной,
И там, где Гунтер пребывал с дружиной и родней.

721 Меж государей первым по мощи Зигфрид был:
К нему, кто Нибелунга и Шильбунга убил,
Их земли и вассалы по праву перешли,
И не могли тягаться с ним другие короли.

722 Принадлежал к тому же несметный клад ему —
Такой не доставался дотоле никому.
Богатство это Зигфрид добыл под той горой,
Где смерти предан им в бою был не один герой.

723 Стяжал там королевич немеркнущую славу,
Но и без этой битвы считаться мог по праву
Он первым между всеми, кто сиживал в седле.
Бойца грознее не было от века на земле.

АВЕНТЮРА XII

О ТОМ, КАК ГУНТЕР ПОЗВАЛ ЗИГФРИДА НА ПИР

724 Брюнхильда задавала себе вопрос всегда:
«С какой Кримхильда стати так чванна и горда?
Ведь муж моей золовки поныне наш вассал,
Хотя уже давно у нас на службе не бывал».

725 Брюнхильду эти мысли не раз лишали сна.
В душе она глубоко была уязвлена
Тем, что на службу Зигфрид досель не прибыл к ней,
И правду выведать сполна хотела все сильней.

726 Тогда она у мужа осведомилась ловко,
Нельзя ль ей будет снова увидеться с золовкой.
Но хоть вопрос подобный невинен был вполне,
Король ответил нехотя красавице-жене.

727 Сказал державный Гунтер: «Об этом позабудь.
От Ксантена до Вормса не столь короток путь,
Чтоб приглашать Кримхильду сюда имел я право», —
На что Брюнхильда молвила надменно и лукаво:

728 «Как подданный ни знатен, как ни прославлен он,
Все ж воля государя и для него закон».
Король лишь усмехнулся — ему-то лучше знать,
Что в Вормсе жил не как вассал его отважный зять.

729 Взмолилась королева: «Мой милый муж, устрой,
Чтобы приехал Зигфрид сюда с твоей сестрой.
Давным-давно с Кримхильдой нам повидаться надо.
Поверь, что буду встрече с ней я бесконечно рада.

730 О том, как с ней, прекрасной душою и лицом,
Перед моею свадьбой сидели мы вдвоем,
Поныне вспоминаю с большой любовью я.
Была достойна Зигфрида, мой друг, сестра твоя».

731 Брюнхильда так просила, что Гунтер уступил:
«Знай, в Вормсе их увидеть я сам бы счастлив был.
Не трать же слов напрасно — согласье я даю
Их пригласить через гонцов на Рейн, в страну мою».

732 Она ему: «Так жажду я свидеться с родными,
Что ты сказать мне должен, кого пошлешь за ними,
Когда велишь в дорогу отправиться гонцам
И скоро ли мой зять с женой прибудут в гости к нам».

733 «Скажу,— король ответил.— Я ленников своих
Пошлю к ним три десятка». К себе призвал он их
И снарядил в дорогу, Брюнхильда ж припасла
По платью пребогатому для каждого посла.

734 Державный Гунтер молвил: «Запомните, герои:
Когда посольство примут мой зять с моей сестрою,
Вы им передадите дословно от меня,
Что любит их по-прежнему вся вормсская родня,

735 Что мы с женой их просим пожаловать сюда
И будем за согласье признательны всегда,
Что мы обоих в гости к солнцевороту ждем
И что они найдут у нас заслуженный прием.

736 Моей сестре особо скажите, что она
С супругом непременно приехать к нам должна,
А Зигмунда уверьте, когда вас примет он,
Что здесь, на Рейне, чтут его и шлют ему поклон».

737 Тут дамы, и Брюнхильда, и королева-мать
Немало наказали приветов передать
Всем тем, кто в Нидерланды с Кримхильдой отбыл встарь,
И отправляться приказал посланцам государь.

738 Готов посольство править был каждый из гонцов,
Они проворно сели на добрых скакунов
И понеслись галопом — неблизкий путь их ждал.
Охрану им надежную король в дорогу дал.

739 Послы скакали быстро и не щадя коней,
Но к Зигфриду попали лишь через двадцать дней.
Он в замке нибелунгов в ту пору находился.
В Норвежской марке замок тот на скалах громоздился.

740 Король с женою были чуть свет извещены,
Что витязи явились к ним из чужой страны:
Они — в бургундском платье и вид у них лихой.
Кримхильда с ложа спрыгнула, вняв новости такой.

741 Во двор велела глянуть она одной из дам,
И та ей объявила, что видит Гере там
И что успели гости уже сойти с седла.
В волненье мысль о земляках Кримхильду привела.

742 «Взгляни, мой друг, кто прибыл в наш замок на заре.
Стоит,— она вскричала,— граф Гере во дворе.
Сюда его с друзьями прислал мой милый брат».
Бесстрашный Зигфрид ей в ответ: «Таким гостям я рад».

743 Встречать гонцов из Вормса сбежался замок весь.
Им выказать радушье любой считал за честь.
Возликовал и Зигмунд, про их приезд узнав:
Король был стар, но сохранил гостеприимный нрав.

744 Тут отвели покои для отдыха гостей,
И челядь у приезжих взяла их лошадей.
Затем послов позвали в большой приемный зал,
Где Зигфрид близ жены своей на троне восседал.

745 Они учтиво встали, когда вошли гонцы.
Тепло был принят Гере, а с ним и все бойцы,
Которым Гунтер ехать в посольство повелел.
Маркграфу предложили сесть, но он не захотел.

746 «Хотя с дороги дальней немудрено устать,
Нам, государь, пред вами дозвольте постоять,
Пока мы не расскажем, как надлежит гонцам,
С чем Гунтер и Брюнхильда нас сюда прислали к вам.

747 Садиться нам не время: мы передать должны
Привет, что шлют вам Ута, а с ней ее сыны —
Млад Гизельхер и Гернот, родные и друзья,
И все, кого, сбираясь в путь, успел увидеть я».

748 «Пусть бог,— промолвил Зигфрид,—воздаст шурьям моим,
А я люблю их нежно и доверяю им.
Моя супруга — также. Теперь сказать должны вы,
По-прежнему ль мои друзья здоровы и счастливы.

749 Давно я их не видел. Быть может, кто-нибудь
Дерзнул за это время на честь их посягнуть?
Коль так, приду на помощь я им, как в дни былые,
И недруг их поплатится за умышленья злые».

750 Отважный витязь Гере сказал ему в ответ:
«Живут мои владыки без горестей и бед.
Они на пир веселый вас, государь, зовут.
Ведь Зигфрида, поверьте мне, глубоко в Вормсе чтут.

751 Они супругу вашу приехать просят с вами,
Как только снова минет зима с ее снегами.
До дня солнцеворота вас будут дожидаться».
Король ему: «Едва ль смогу с родней я повидаться».

752 Тогда посол бургундский заговорил опять:
«На Рейн зовет вас Ута, супруги вашей мать,
И Гизельхер, и Гернот. Грех им не дать согласья:
Сестру и зятя вновь обнять почтут они за счастье.

753 Брюнхильда, королева и госпожа моя,
Со свитою вас просит о том же, что и я.
Она б безмерно рада увидеть вас была».
Пришлась Кримхильде по сердцу такая речь посла.

754 В родстве был с нею Гере. На радостях она
Маркграфа усадила и всем дала вина.
Тут старый Зигмунд тоже пришел в приемный зал
И там, бургундов увидав, приветливо сказал:

755 «Вам, Гунтеровы люди, вам, витязи, привет!
Что ж вы не появлялись здесь целых десять лет,
С тех пор как сын мой Зигфрид Кримхильде стал супругом?
Не подобает свойкам пренебрегать друг другом».

756 Посланцев ободрило радушие такое.
Усталость и заботы с них сняло как рукою.
За стол их усадили, и пир пошел честной.
Не обделили яствами гонцов король с женой.

757 Шло девять дней веселье у Зигфрида с посольством,
Но, наконец, пресытясь хозяйским хлебосольством,
Бургунды намекнули, что время ехать им.
Тогда король прийти к нему велел друзьям своим.

758 В таких словах совета у них он попросил:
«Меня мой шурин Гунтер на праздник пригласил.
Мне самому в охоту увидеть свояка,
Да больно до Бургундии дорога далека.

759 Зовут со мной Кримхильду на Рейн мои шурья,
Но утомить в дороге боюсь супругу я
И сам не знаю — ехать или не ехать мне,
Хоть тридевять земель пройду, чтоб услужить родне».

760 Ответили вассалы: «Езжайте в добрый час,
Коль погостить на Рейне охота есть у вас,
Но пусть сопровождает вас тысяча бойцов,
Чтоб с честью были приняты вы у своих шурьев».

761 Тут Зигмунд Нидерландский вошел и слово взял:
«Что ж, сын мой, об отъезде отцу ты не сказал?
Рад, если ты не против, я буду к вам примкнуть
И сотню добрых витязей возьму с собою в путь».

762 «Коль ехать вам угодно, любезный мой отец,
Я буду только счастлив,— ответил удалец.—
Мы выступим отсюда через двенадцать дней».
Дал Зигфрид спутникам своим одежду и коней.

763 Когда сказали Гере и остальным гонцам,
Что Зигфрид согласился прибыть на пир к шурьям,
Уехали бургунды к владыке своему
С известьем, что на празднество прибудет зять к нему.

764 Король и королева, как говорят сказанья,
Подарков столько дали посланцам на прощанье,
Что не смогли их кони подобный груз поднять
И вьючных лошадей на Рейн с собой пришлось им гнать.

765 С отцом совместно Зигфрид дружинников одел,
А Эккеварт на совесть о дамах порадел:
Маркграф велел, чтоб были для них привезены
Наряды наилучшие со всех концов страны.

766 Щиты и седла стали готовить удальцы.
Все, кто на Рейн сбирались,— и дамы и бойцы —
В избытке получили, что́ нужно было им.
Вез Зигфрид свиту пышную с собой к друзьям своим.

767 Меж тем гонцы скакали дорогою знакомой,
И через три недели посольство было дома,
И Гере спрыгнул наземь с седла перед дворцом,
Где он тепло и радостно был встречен всем двором.

768 С расспросами пристали и стар и млад к гонцу,
Но он ответил вормсцам, как витязю к лицу:
«Все Гунтер сам расскажет, увидевшись со мной»,—
И в зал пошел, где ожидал послов король с родней.

769 Вскочил он им навстречу. Затем его жена
Сказала, как посланцам признательна она
За службу и усердье. Потом король спросил:
«Маркграф, как принял вас мой зять, который мне так мил?»

770 «Зарделся,— молвил Гере,— от радости он весь,
Когда ему с супругой от вас привез я весть.
Вам с госпожой Брюнхильдой его отец и он
Шлют самый искренний привет и дружеский поклон».

771 Тогда вопрос маркграфу Брюнхильда задала:
«Все так же ли Кримхильда учтива и мила,
И вправду ли приедет она к нам с мужем в гости?»
Ответил Гере доблестный: «Сомненья в том отбросьте».

772 Посла к себе и Ута велела пригласить,
Чтоб о здоровье дочки его порасспросить,
И радостью исполнил он королеву-мать,
Сказав, что вскорости она обнимет дочь опять.

773 Поведали посланцы, как щедр был Зигфрид к ним,
Их одарив казною и платьем дорогим.
Пленили всех вассалов трех братьев-королей
Подарки эти пышностью и красотой своей.

774 «Нетрудно,— молвил Хаген,— казаться тороватым,
Когда владеешь кладом, у нибелунгов взятым.
До самой смерти Зигфрид не расточит тот клад.
Заполучить в Бургундию его я был бы рад».

775 Весь Вормс нетерпеливо гостей высоких ждал.
Их поскорей увидеть мечтал любой вассал,
И рук не покладая с зари и до зари
К приезду их готовили дворец богатыри.

776 И стольник Ортвин Мецский, и чашник Синдольт смелый
Без отдыха трудились — у них хватало дела:
Уж коли пир назначен, зал в срок убрать изволь.
Постельничего Хунольта дал в помощь им король.

777 Начальник кухни Румольт с отрядом поваров
Орудовал умело десятками котлов,
Чанов, кастрюль, кувшинов, горшков и сковород.
Тот, кто на праздник явится, голодным не уйдет.

АВЕНТЮРА XIII

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД С ЖЕНОЙ ПРИЕХАЛИ НА ПИР

778 Теперь мы, предоставив бургундов их трудам,
Расскажем, как Кримхильда с толпой придворных дам
Из края нибелунгов на Рейн держала путь.
Навряд ли зрелище пышней видали где-нибудь.

779 Шел вслед обоз огромный с одеждой дорогою.
Так ехал смелый Зигфрид со свитой и женою,
Чтоб к шурину и другу поспеть на торжество.
Увы, он не подозревал, что ждет беда его!

780 Его сынку в ту пору так мало было лет,
Что переезд ребенку пойти бы мог во вред,
И первенца оставил король в родном краю,
И больше отрок не видал отца и мать свою.

781 Сопровождал героя его отец седой.
Когда бы ведал Зигмунд, что кончится бедой
Веселый пир на Рейне, он сына и невестку
Не отпустил бы ни за что в опасную поездку.

782 Гонцов послал с дороги к трем королям их зять,
И люди Уты гостя поехали встречать.
Отправил с ними Гунтер своих богатырей,
А сам стал думать, как принять приезжих потеплей.

783 Пошел в покой к супруге и молвил государь:
«Ты помнишь, как Кримхильда тебя встречала встарь?
Не менее радушной теперь ты быть должна».—
«И буду: я ж ее люблю»,— ему в ответ она.

784 «Я жду их завтра утром,— сказал король жене,—
И выехать навстречу велит учтивость мне:
Не принимал я в жизни гостей столь дорогих.
Сбирайся, если ты со мной желаешь встретить их».

785 Брюнхильда приказала, созвав придворных дам,
Им всем принарядиться так, чтоб предстать гостям
В одежде самой лучшей, богатой и красивой,
И выполнять ее приказ взялись они ретиво.

786 На лошадей вельможи им пособили сесть.
Встречать гостей желанных весь двор и город весь
Помчались за Брюнхильдой и Гунтером вослед.
Столь теплой встречи родичей еще не видел свет.

787 Была с высокой гостьей Брюнхильда так мила,
Что в этот день невестка золовке воздала
За прежнее радушье и ласковый прием.
Дивились их учтивости все, кто стоял кругом.

788 Вслед за женой и Зигфрид с дружиной подскакал.
Тяжелый конский топот на поле не смолкал,
И тучей черной пыли заволоклось оно.
Повсюду было витязей и дам полным-полно.

789 Когда король бургундский увидел, что пред ним
Неустрашимый Зигфрид с родителем своим,
Он так обоим молвил: «Привет мой вам, друзья!
Вас видеть в Вормсе счастливы моя родня и я».

790 Сказал почтенный Зигмунд: «Воздай вам бог, коль так.
С тех пор как сын мой Зигфрид вступил с Кримхильдой в брак,
Я о свиданье с вами мечтал неоднократно».
Ответил Гунтер: «Слышать мне такую речь приятно».

791 Был Зигфрид принят с честью, как государь и друг.
Его расположенья искали все вокруг.
Млад Гизельхер и Гернот пеклись о госте так,
Что бóльшего радушья он желать не мог никак.

792 Вот съехались вплотную супруги королей,
И дамам, пожелавшим на землю слезть с коней,
Поторопились помощь герои предложить.
Хватило дела всем, кто рад был женщине служить.

793 Перемешались свиты обеих королев,
И умилились сердцем воители, узрев,
Как обнялись при встрече супруги их владык.
Свели знакомство меж собой немало дам в тот миг.

794 И гостьи и бургундки с учтивостью такой
Друг к дружке устремлялись с протянутой рукой,
Так нежно целовались по многу раз подряд,
Что восторгались витязи, на них бросая взгляд.

795 Но счел державный Гунтер, что в Вормс пора скакать,
А по пути, чтоб видел его отважный зять,
Как глубоко он всеми в краю бургундском чтим,
Турнир устроить приказал король мужам своим.

796 Бойцов в той схватке славной взял Хаген под начал,
И Ортвин за порядком с ним вместе наблюдал.
Им все повиновались — их мощь внушала страх.
А как они заботились о дорогих гостях!

797 Пока шел бой потешный у городских ворот,
Хозяева с гостями не двигались вперед.
Под свист каленых копий и звон щитов стальных
Казались долгие часы минутами для них.

798 Гостей король оттуда повез к себе в палаты.
Роскошные попоны, расшитые богато,
У женщин из-под седел свисали до земли.
Вновь у дворца воители слезть дамам помогли.

799 Отвел приезжим Гунтер покои сей же час.
С золовки не спускала меж тем Брюнхильда глаз.
Кримхильда красотою пленяла всех кругом —
Светлей и чище золота была она лицом.

800 А гости все стекались, шумя, толпясь, пыля,
Пока конюший Данкварт по слову короля
Над Зигфридовой свитой не принял попеченье.
Для каждого сумел найти он тотчас помещенье.

801 Затем гостей хозяин велел просить за стол.
Пир и в дворцовом зале, и во дворе пошел.
Король богатый задал на славу торжество:
Ни в чем приезжим не было отказу у него.

802 Исполнен дружелюбья, он с ними пил и ел,
А зять его с женою, как встарь, напротив сел.
К столу их провожало немало удальцов —
Двенадцать сотен доблестных, испытанных бойцов.

803 Когда позанимали они места кругом,
Красавица Брюнхильда подумала тайком,
Что мир вовек не видел столь сильного вассала,
Но к Зигфриду в тот миг враждой еще не воспылала.

804 Веселье затянулось в тот вечер допоздна.
У многих даже платье промокло от вина:
Гость поднятую чару допить не успевал,
Как чашник влагу пенную в нее уж подливал.

805 Как на пирах ведется, хозяева велели
Постлать для дам приезжих удобные постели.
Всех, кто на праздник прибыл, ждал ласковый прием.
С большим почетом каждый гость был встречен королем.

806 Когда же день забрезжил сквозь толщу облаков,
Открыли дамы крышки дорожных сундуков
И вынули одежду, хранившуюся в них.
Она слепила взор огнем каменьев дорогих.

807 Еще не отбыл Гунтер к заутрене в собор,
А уж от звона стали гудел дворцовый двор:
Сошлись оруженосцы и рыцари толпой,
Чтоб в честь хозяина начать большой потешный бой.

808 Над рейнскою столицей разнесся громкий звук —
То трубы загудели, запели флейты вдруг,
И Вормс проснулся разом, хотя он был велик,
И на коней воители вскочили в тот же миг.

809 Излюбленной забаве герои предались.
Сердца их молодые отвагою зажглись.
Щитами прикрываясь и горяча коней,
Кидались витязи туда, где бой гремел сильней.

810 Сражался сам хозяин и все его друзья,
А из дворцовых окон, дыханье затая,
За круговертью схваток, вскипавших там и сям,
Следило много милых дев и благородных дам.

811 Всех увлекла потеха, за часом час летел,
Но колокол соборный призывно загудел,
И подвели к воротам коней для дам и дев,
И в храм вельможи повезли обеих королев.

812 У паперти их сняли воители с седла.
К золовке не питала еще Брюнхильда зла.
Рука в руке вступили они под кров святой,
Но обернулась их приязнь раздором и враждой.

813 Окончилась обедня, и во дворец опять
Поехали хозяйка и гостья пировать,
И дружбу их ни разу не омрачила тень,
Пока над Вормсом не рассвел одиннадцатый день.

АВЕНТЮРА XIV

О ТОМ, КАК КОРОЛЕВЫ ПОССОРИЛИСЬ

814 В тот день, перед вечерней, потехой ратной вновь
Погорячить решили себе герои кровь.
От топота и кликов гудел дворцовый двор,
А из дворца на витязей бросали дамы взор.

815 Сидели королевы бок о бок у окна,
И вдруг о двух героях пришла им мысль одна.
Промолвила Кримхильда: «Супруг мой так силен,
Что мог бы подчинить себе и вашу землю он».

816 Брюнхильда возразила: «Напрасные мечты!
Вот если б пережили всех нас твой муж да ты,
Наш край и впрямь достался б супругу твоему,
Но раз мой Гунтер здравствует, вовек не быть тому».

817 Ответила Кримхильда: «Ты лучше посмотри,
Насколько Зигфрид краше, чем все богатыри.
Меж ними он — как месяц меж звезд порой ночной.
Горжусь я тем, что он меня назвал своей женой».

818 Брюнхильда не смолчала: «Как Зигфрид ни хорош,
Ни храбр, ни прям душою, признать должна ты все ж,
Что Гунтер, брат твой смелый,— знатней и удалей.
С ним не идет в сравнение никто из королей».

819 Воскликнула Кримхильда: «Поверь, сестра моя,
Превозношу супруга не без причины я:
Себя он так прославил в дни мира и войны,
Что Зигфрид с Гунтером твоим величием равны».

820 «Тебя я не хотела, Кримхильда, оскорбить,
Но с Гунтером не может супруг твой ровней быть.
Об этом я узнала от них самих в те дни,
Когда искать моей руки приехали они.

821 Тогда твой брат отвагой любовь мою стяжал,
И Зигфрид мне признался, что он — простой вассал.
А коли так, вассалом он должен и считаться».
Красавица Кримхильда ей: «Как это может статься?

822 Не верю я, чтоб братья и вся моя родня
За подданного выдать осмелились меня,
А потому покорно прошу тебя, подруга,
Не говорить подобных слов про моего супруга».

823 «Я говорить их буду,— Брюнхильда ей в ответ.—
Мне с мужем отрекаться от подданных не след:
Пускай и впредь нам служат, как долг и честь велят».
Тут на невестку кинула Кримхильда гневный взгляд.

824 «Придется все ж отречься тебе от одного:
Мой муж слугою не был вовек ни у кого.
Знатнее, чем твой Гунтер, его отважный зять,
И ты должна свои слова назад немедля взять.

825 Вот что еще мне странно: коль впрямь он ленник твой
И ты повелеваешь по праву им и мной,
Как он посмел так долго вам дани не платить?
Тебе надменный свой язык пора б укоротить».

826 Воскликнула Брюнхильда: «Свой чванный нрав уйми!
Ведь мы еще посмотрим, кто больше чтим людьми —
Ты или я, чьей воле покорен каждый здесь».
И тут уж вовсе королев объяли злость и спесь.

827 «Пусть будет так, Брюнхильда, как ты сейчас сказала.
Ты моего супруга считаешь за вассала,
А я при всех, кто службой обязан вам и нам,
Перед тобою, первая, войду сегодня в храм.

828 Сегодня ж ты увидишь, что выше родом я
И что славней, чем Гунтер, тот, кто мне дан в мужья.
Отучишься ты думать, что я — твоя раба.
А коль воображаешь ты, что это похвальба,

829 Я повторяю снова, что первой в храм войду
У всех твоих вассалов и женщин на виду,
Чтоб моему величью дивился вормсский двор».
Вот так меж королевами и начался раздор.

830 Брюнхильда заключила: «Коль ты убеждена,
Что верностью вассальной пренебрегать вольна,
Ты от меня отдельно со свитой в храм пойдешь».
И ей вдогонку бросила Кримхильда: «Ну, так что ж?»

831 Затем велела дамам: «Оденьтесь сей же час.
Пускай в восторг бургунды придут, увидев вас,
И знают, что не в меру их госпожа горда,
И я от чванства отучу Брюнхильду навсегда».

832 Принарядились дамы, и, свиту оглядев,
Из всех на праздник в Вормсе прибывших с нею дев
В собор взяла с собою Кримхильда сорок три.
Шли с ними люди Зигфрида, бойцы-богатыри.

833 Шелк яркий аравийский на женщинах сверкал,
Но даже он, казалось, бледнел и померкал,
Как только на Кримхильду бросали вормсцы взгляд —
Так царственно роскошен был в тот день ее наряд.

834 Народ давался диву: знать, что-нибудь стряслось,
Коль обе королевы идут к вечерне врозь —
Ведь раньше их, бывало, не разольешь водой.
Увы, кто знал, что их раздор для всех чреват бедой!

835 Тем временем Брюнхильда со свитою своей
Направилась к собору и встала у дверей.
Беседа завязалась у витязей и дам,
А тут и гостья подошла ко входу в божий храм.

836 Наряд ее прислужниц был сказочно хорош —
Такой вовек не снился и дочерям вельмож.
За Зигфридом не бедно жила его жена:
Богатством тридцать королев могла затмить она.

837 Вам подтвердил бы каждый, кто был в тот миг у храма,
Что в жизни он не видел пышней одетой дамы,
Чем спутницы Кримхильды, пришедшие в собор.
Она принарядила их невестке вперекор.

838 Итак, столкнулись свиты обеих королев,
И тут хозяйка гостье, от злобы побелев,
Надменно приказала не преграждать пути:
«Пускай супруга ленника даст госпоже пройти».

839 Разгневанно Кримхильда воскликнула в ответ:
«Молчи! Твое злоречье тебе самой во вред.
Как саном королевским кичиться может та,
Кто подданным своим была в наложницы взята?»

840 «Кого же ты, Кримхильда, наложницей зовешь?» —
«Тебя, и ты не смеешь сказать, что это ложь.
Впервые насладился твоею красотой
Не Гунтер, твой законный муж, а милый Зигфрид мой.

841 Ужель тебе рассудок в ту ночь не подсказал,
Что, к хитрости прибегнув, возлег с тобой вассал?
Уймись и грех свой тайный не ставь себе в заслугу».
Брюнхильда ей: «Твои слова я передам супругу».

842 «Изволь! Ты не уронишь меня во мненье брата.
Сама ты возгордилась, сама и виновата.
Коль подданной своею ты смела счесть меня,
Меж нами больше дружбы нет с сегодняшнего дня».

843 Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней,
Вошла в собор Кримхильда со свитою своей.
Вот так вражда меж ними и началась с тех пор,
И помутнел от горьких слез у многих ясный взор.

844 Какою благолепной вечерня ни была,
Брюнхильда с нетерпеньем конца ее ждала.
В надменной королеве кипели желчь и злость,
Из-за которых многим смерть потом принять пришлось.

845 Из церкви божьей выйдя, подумала она:
«Бранчливая гордячка мне объяснить должна,
За что меня дерзнула наложницей назвать.
Коль Зигфрид впрямь расхвастался, ему несдобровать!»

846 Тут вышла и Кримхильда с толпою удальцов.
Брюнхильда ей: «Постойте! Из ваших бранных слов
Мне видно, что назвали наложницей меня вы.
Кто, дерзкая обидчица, вам дал на это право?»

847 Кримхильда ей: «Дорогу! Ответ на ваш вопрос
Дает вот этот перстень, что Зигфрид мне принес
В ту ночь, когда на ложе вы с ним взошли вдвоем».
Да, для Брюнхильды этот день стал самым черным днем.

848 Она в ответ сказала: «Не спорю, перстень — мой,
Но у меня украден он чьей-то злой рукой,
И кем он был похищен, теперь я вижу ясно».
Тут обуял обеих гнев, безмерный и ужасный.

849 Воскликнула Кримхильда: «Нет, не воровка я.
Умолкни, иль навеки погибла честь твоя.
Да, ты принадлежала супругу моему,
И пояс, что на мне надет,— порукою тому».

850 Из шелка Ниневии был этот пояс свит,
Каменьями унизан и жемчугом расшит.
Заплакала Брюнхильда при взгляде на него
И так сказала подданным супруга своего:

851 «Пускай властитель рейнский сюда придет сейчас
И от меня услышит, как я вот здесь, при вас,
Его родной сестрою была оскорблена.
Наложницею Зигфрида я ею названа».

852 Пришел державный Гунтер и с ним весь цвет страны.
Король спросил с участьем у плачущей жены:
«Кто вам посмел обиду, любовь моя, нанесть?»
В ответ Брюнхильда: «У меня для слез причины есть.

853 Твоей сестрой бесчестью я предана при всех.
Она твердит, что тайно я совершила грех
И что не ты, а Зигфрид со мною первый лег».
Король вспылил: «Несправедлив и лжив ее упрек».

854 «Она бесстыдно носит мой перстень золотой
И драгоценный пояс, что был потерян мной.
От горя и обиды мне белый свет не мил,
И я молю, чтоб ты с меня пятно позора смыл».

855 Сказал ей муж: «Мы зятя к ответу призовем.
Коль он в бахвальстве грешен, пусть повинится в том;
А нет — пусть опровергнет слова жены своей».
И повелел он Зигфрида позвать к нему скорей.

856 Явился нидерландец, в слезах увидел дам
И молвил удивленно собравшимся мужам:
«Что заставляет женщин так горько слезы лить
И для чего меня король просил к нему прибыть?»

857 В ответ державный Гунтер: «Скрывать не стану, зять.
Осмелилась невестке сестра моя сказать,
Что ты Брюнхильду первым познал в обиду мне
И этим не побрезговал похвастаться жене».

858 Вскричал могучий Зигфрид: «Коль ты, мой шурин, прав,
Поплатится Кримхильда за свой сварливый нрав,
А я великой клятвой при всем дворе готов
Поклясться, что не говорил супруге этих слов».

859 Сказал властитель рейнский: «С тобою мы согласны.
Не будет эта клятва ни лишней, ни напрасной.
Она тебя очистит от подозрений в лжи».
Тут окружили Зигфрида бургундские мужи,

860 А Зигфрид поднял руку и смело клятву дал.
Тогда воскликнул Гунтер: «Теперь я увидал,
Что мне не причинили вы никакого зла
И что моя сестра на вас напраслину взвела».

861 Отважный Зигфрид молвил: «Весьма жалею я
О том, что оскорбила в сердцах жена моя
Пригожую Брюнхильду, чей муж — мой верный друг».
Переглянулись витязи, стоявшие вокруг.

862 Он продолжал: «Мой шурин, обязанность мужчины —
Укоротить супруге язык не в меру длинный.
Ты дай урок Брюнхильде, а я Кримхильде дам.
Из-за ее бесчинств меня постигли стыд и срам».

863 Но гордых женщин было уже не укротить.
Брюнхильда продолжала по целым дням грустить,
И жалость все вассалы почувствовали к ней,
И Хаген доблестный пошел к владычице своей.

864 Он расспросил, в чем дело, о чем скорбит она,
И ей поклялся смело, что Зигфриду сполна
Воздаст за поношенье, бесчестье и позор
Иль в жизни радости ему не видеть с этих пор.

865 Он с Гернотом могучим и Ортвином втроем
Лишить героя жизни задумали тайком.
Но Гизельхер услышал, о чем ведется речь,
И молвил заговорщикам, чтоб друга оберечь:

866 «Вам, витязи, об этом невместно рассуждать.
За что хотите смерти вы Зигфрида предать?
Ужель заплатит жизнью прославленный герой
За то, что вздорят женщины по пустякам порой?»

867 Ответил Хаген: «В поле траве не место сорной.
Держать чужих ублюдков в своем дому зазорно.
Погибнет тот, кто клеплет на нашу госпожу,
И пусть не жить мне самому, коль слова не сдержу».

868 Тогда вмешался Гунтер: «От зятя никогда
Я с братьями не видел бесчестья и вреда.
За что же ненавидеть и убивать того,
Кто, кроме блага, мне и вам не сделал ничего?»

869 На это Ортвин Мецкий дал королю ответ:
«Хоть он силен безмерно, ему спасенья нет,
И лишь мигнуть вам стоит, чтоб я его убил».
Так ими обречен на смерть безвинно Зигфрид был.

870 От слова к делу, правда, не перешел никто.
Лишь Хаген государю нашептывал про то,
Как много стран захватит по смерти зятя он.
Молчал король, но явно был расстроен и смущен.

871 А гости в честь Кримхильды затеяли турнир
И много крепких копий, к ней едучи на пир,
Переломать успели от храма до дворца.
Бургундам же великий гнев переполнял сердца.

872 Сказал вассалам Гунтер: «Умерьте вашу злость.
Пусть здравствует и дальше наш благородный гость.
К тому ж могуч он слишком — ему отпор не дашь,
Коль, на беду, он вызнает про тайный сговор ваш».

873 «Он нас,— ответил Хаген,— не заподозрит даже.
Беды не опасайтесь — я так все дело слажу,
Что за позор Брюнхильды мы Зигфриду отмстим.
Его до смерти буду я считать врагом своим».

874 Спросил король бургундский: «Но как убить его?» —
«От вас я,— молвил Хаген,— не скрою ничего.
Пришлем мы неизвестных здесь никому гонцов
К вам с объявлением войны от имени врагов.

875 Как только сообщите вы зятю про войну,
Вам вызовется Зигфрид помочь, как в старину,
И тут уж он погибнет по жениной вине,
Затем что тайну мужнюю Кримхильда выдаст мне».

876 Так короля на низость сумел вассал подбить,
И Зигфрида бургунды решили погубить,
Пока он все не вызнал и не убил их сам.
Да, много славных витязей унес раздор двух дам!

АВЕНТЮРА XV

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ПРЕДАН

877 Чуть солнце в день четвертый сверкнуло поутру,
Как тридцать два посланца явились ко двору
С известьем, что войною враги на Вормс идут.
Какое горе и тоска объяли женщин тут!

878 Немедля чужеземцев король к себе призвал,
И лжегонцы сказали, что в стольный Вормс прислал
Их Людегер Саксонский, тот самый государь,
Который Зигфридом разбит и в плен был угнан встарь.

879 Присесть радушный Гунтер велел гостям своим,
Один из них ответил: «Мы лучше постоим,
Покуда вам не скажем то, что сказать должны.
Узнайте ж, государь, что вы — в преддверии войны.

880 Вас Людегер Саксонский на смертный бой зовет
И с Людегастом Датским на вас идет в поход.
За старые обиды отмстить он вам грозит».
Тут сделал Гунтер вид, что он известием убит.

881 Велел посланцам мнимым он отвести покой.
Не мог бесстрашный Зигфрид, да и никто другой,
Злой умысел бургундов в то время разгадать.
Но им потом за все пришлось самим же пострадать.

882 В сомненье пребывая, прав Хаген или нет,
Все вновь и вновь с друзьями король держал совет,
И дело бы, пожалуй, уладилось добром,
Когда бы Хаген не стоял упорно на своем.

883 За тайным совещаньем застав их как-то раз,
Вопрос супруг Кримхильды им задал сей же час:
«Что короля печалит и всех его бойцов?
Коль он обижен кем-нибудь, я отомстить готов».

884 Сказал державный Гунтер: «Как тут веселым быть!—
Вновь Людегер со мною задумал в бой вступить
И с Людегастом вместе на нас ведет войска».
Ответил витязь доблестный: «Коль так, моя рука

885 От смерти и бесчестья бургундов оградит,
А недругов, как прежде, постигнут срам и стыд.
Опустошу их земли, смету их замки я.
Да будет в том порукою вам голова моя.

886 Останьтесь дома, шурин, с дружиною своей.
В поход возьму я только моих богатырей —
Чтоб справиться с врагами, мне большего не надо.
Мои вассалы, как и я, всегда служить вам рады».

887 В ответ король отвесил признательный поклон,
Как будто ждал от зятя подмоги вправду он,
И Зигфриду промолвил: «Я рад таким словам»,
А тот сказал: «Теперь враги не страшны больше вам».

888 Затем для виду Гунтер готовить войско стал,
Чтоб гость его случайно обман не разгадал;
А Зигфрид Нидерландский созвал бойцов своих,
И вскоре собрались они в доспехах боевых.

889 «Родитель мой,— промолвил сын Зигмунда отцу,—
Войну живой рукою мы приведем к концу
И в стольный Вормс с победой воротимся опять,
А вы останьтесь здесь, где вам король не даст скучать».

890 Взметнулись ввысь знамена, как будто впрямь война.
Не зная, в чем тут дело, смятенная страна
Весь этот шум и сборы за правду принимала,
И с Зигфридом рвались в поход бургундские вассалы.

891 Доспехи погрузили на вьючных лошадей.
Готов был в поле Зигфрид вести своих людей,
И тут к Кримхильде Хаген пришел в последний миг —
Мол, попрощаться хочет он с сестрой своих владык.

892 Сказала королева: «Я счастлива, что мне
Достался муж, способный во всем помочь родне.
Шурьев не даст в обиду мой Зигфрид никогда,
Чем я,— прибавила она,— довольна и горда.

893 А вас, владетель Тронье, люблю я всей душой
И услужить готова вам с радостью большой.
Вы ж на моем супруге не вымещайте зла
За то, что оскорбленье я Брюнхильде нанесла».

894 Кримхильда продолжала: «Мне дан и так урок.
Когда известно стало, сколь дерзостный упрек
В порыве злобы мною невестке брошен был,
Меня разгневанный супруг безжалостно побил».

895 «Вы с нею помириться еще найдете случай,—
В ответ промолвил Хаген.— Поведайте мне лучше,
Чем Зигфриду я мог бы в бою полезен быть.
Такую честь я никому не склонен уступить».

896 Красавица сказала: «Я не страшусь того,
Что в битве жизнь отнимут у мужа моего.
Покуда хладнокровен и осторожен он,
Не будет Зигфрид доблестный противником сражен».

897 Коварный Хаген молвил: «Коль опасенья есть,
Что могут в сече рану ему враги нанесть,
Мне, госпожа, откройте, как отвести беду,
И от него я ни на шаг в бою не отойду».

898 Воскликнула Кримхильда: «С тобою мы родня,
И ты сберечь супруга обязан для меня.
Тебе его вверяю». И Хагену она
Сболтнула то, о чем по гроб молчать была б должна.

899 «Мой муж,— она сказала,—и храбр, и полон сил.
Однажды под горою дракона он сразил,
В его крови омылся и стал неуязвим.
Не взять супруга моего оружьем никаким.

900 И все ж, когда я знаю, что Зигфрид бой ведет,
Что каждый миг в героя летит копье иль дрот,
Безумный страх за мужа испытываю я
И от предчувствий тягостных болит душа моя.

901 Лишь ты один узнаешь, как родственник и друг,
Куда быть может ранен мой дорогой супруг,
Но за доверье, Хаген, мне верностью воздай
И неотступно Зигфрида в бою сопровождай.

902 Когда в крови дракона он омываться стал,
Листок с соседней липы на витязя упал
И спину меж лопаток на пядь прикрыл собой.
Вот там, увы, и уязвим супруг могучий мой».

903 Владетель Тронье молвил: «Нашейте, коли так,
На пышную одежду ему условный знак.
Чтоб видел я, где мною прикрыт быть должен он».
Вот тут и был герой на смерть женою обречен.

904 Ответила Кримхильда: «Я твой совет приму
И шелковою нитью супругу своему
Едва заметный крестик на месте вышью том,
А ты в сраженье прикрывай его стальным щитом».

905 Сказал на это Хаген: «Прикрою, госпожа»,—
И распростился с нею, от радости дрожа.
Вот так, спасти желая супруга своего,
Кримхильда помогла сама врагам сгубить его.

906 Воитель подозрений отнюдь не возымел.
Тут нечему дивиться: никто бы не сумел
Искуснее, чем Хаген, сеть ков и лжи сплести
И к женщине встревоженной в доверие войти.

907 Опять настало утро, и Зигфрид на врагов
Повел с собой дружину из тысячи бойцов,
Своей родне бургундской надеясь порадеть.
Поехал Хаген рядом с ним, чтоб крестик разглядеть.

908 Все высмотрев украдкой, велел он двум гонцам
Скакать с известьем новым наперерез войскам:
Мол, Людегер раздумал на Рейн идти в поход
И впредь на земли Гунтера вовек не посягнет.

909 Не вдруг решился Зигфрид коня поворотить —
Ведь он за дерзкий вызов хотел врагам отмстить.
С трудом уговорили его вернуться вспять.
С признательностью Гунтером был встречен смелый зять.

910 Король воскликнул: «Зигфрид, да наградит вас бог!
Вы вновь врагам не дали застать меня врасплох.
Я за усердье ваше навек в долгу у вас,
И вы мне всех моих друзей дороже во сто раз.

911 Теперь, когда сумели вы саксов отпугнуть,
В Вогезский лес направим мы завтра утром путь:
Там я травить медведей и кабанов люблю.
(Коварный Хаген подсказал все это королю).

912 Гостей предупрежу я, что едем мы с зарею.
Кто хочет поразмяться, тех я возьму с собою;
А те, кому по чаще за зверем гнаться лень,
Здесь в разговорах с дамами пускай проводят день».

913 Не отказался Зигфрид участвовать в охоте.
«Я рад поехать с вами, коль вы меня возьмете.
Нужны мне только ловчий да пара добрых псов,
И с вами в лес отправиться я хоть сейчас готов».

914 В ответ учтиво молвил бургундский властелин:
«Для вас найдется ловчий, и даже не один,
А три иль все четыре, и лес им так знаком,
Что вы с добычей знатною вернетесь вечерком».

915 Тут Зигфрид Нидерландский ушел в покой к жене,
И с Хагеном остался король наедине,
Чтоб обсудить, как лучше сгубить бойца лихого.
Спокон веков не видел мир предательства такого!

АВЕНТЮРА XVI

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ УБИТ

916 С веселым видом Гунтер и Хаген удалой
Заутра отправлялись из Вормса в лес густой
Лосей, медведей, зубров и кабанов травить.
Что может истым витязям милей охоты быть?

917 С собой везли бургунды съестных припасов много.
Без опасений Зигфрид собрался в путь-дорогу,
Но у ручья лесного лишился жизни он:
На смерть Брюнхильдой мстительной смельчак был обречен.

918 Навьючили поклажу бойцы на лошадей.
За Рейном очутиться хотелось им скорей.
Пошел к супруге Зигфрид и с ней прощаться стал,
Но сердце королевы страх томил и угнетал.

919 Кримхильду витязь обнял и начал утешать:
«Даст бог, с тобою скоро мы свидимся опять.
Я должен отлучиться на три-четыре дня,
А ты покуда здесь побудь с роднею без меня».

920 Тут страшная догадка ей разум озарила.
Припомнила Кримхильда, что́ Хагену открыла,
И, Зигфриду признаться в своей вине боясь,
Слезами покаянными бессильно залилась.

921 «Не езди на охоту,— промолвила она.—
Мне сон дурной приснился: гнались два кабана
По лугу за тобою, и все цветы вокруг
Внезапно стали красными. Не езди, мой супруг!

922 Рыдаю я от страха — мне кажется, что здесь
Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть.
Он нам из мести может наделать много бед.
Останься и не уезжай — вот мой тебе совет».

923 Он молвил: «Дорогая, назад вернусь я скоро.
Здесь у меня к тому же ни с кем не вышло ссоры
И все без исключенья благоволят ко мне —
Ведь я, Кримхильда, лишь добра желал твоей родне».

924 «Поверь, не зря слезами мой отуманен взор.
Мне сон дурной приснился: стоял ты меж двух гор,
И вдруг они упали, и ты раздавлен был.
Останься, чтобы твой отъезд мне сердце не разбил».

925 Супругу витязь обнял, прижал к груди своей,
Лобзаньями утешил, потом простился с ней
И поспешил вдогонку за шурином своим,
И больше мужа увидать ей не пришлось живым.

926 Героев в лес дремучий помчали скакуны.
Взял Гунтер на охоту с собой весь цвет страны.
Лишь Гизельхер и Гернот отсутствовали там —
Не шло веселие на ум двум младшим королям.

927 Был переправлен первым за Рейн большой обоз.
Немало в тяжких вьюках с собою Гунтер вез
Вин, хлеба, мяса, рыбы — всего, в чем есть всегда
У короля радушного изрядная нужда.

928 Как только стан разбили,— а расположен он
Был на лесной опушке, где начинался гон,—
От приближенных Гунтер узнал, что прибыл зять,
И отдал приказание к охоте приступать.

929 Через минуту были все на местах своих,
И смелый нидерландец спросил у остальных:
«Друзья, а кто укажет нам в чаще леса путь
К местам, где зверя красного сумеем мы вспугнуть?»

930 В ответ промолвил Хаген: «Нам лучше разделиться
И не сходиться вместе, пока охота длится.
Пусть каждый промышляет один и без помех.
Мы поглядим потом, кто был удачливее всех.

931 Поделим меж собою мы ловчих и собак,
И всяк, куда захочет, направить может шаг,
И честь тому, кто первым окажется из нас».
Тут разойтись охотники решили сей же час.

932 Сказал супруг Кримхильды: «Немного нужно мне —
С меня одной собаки достаточно вполне,
Коль этот пес проворен и след легко берет,
Я в том, что зверю не уйти, ручаюсь наперед».

933 Один искусный ловчий, взяв гончую с собой,
Владыку Нидерландов провел лесной тропой
Туда, где дичь водилась в обилии таком,
Что за собакой поспевал герой с большим трудом.

934 Но хоть зверей немало в чащобе поднял пес,
Им всем удар смертельный сын Зигмунда нанес:
Был скакуна любого резвее конь под ним,
И сам он — тоже не чета охотникам другим.

935 Во всяком деле Зигфрид примером всем служил.
Он первым в это утро добычу уложил:
Был им подсвинок дикий без промаха сражен.
Затем на льва огромного в лесу наткнулся он.

936 Зверь, вспугнутый собакой, прочь от людей пустился,
Но богатырь проворно за лук тугой схватился,
И, трижды прыгнув, хищник на землю мертвым пал,
За что от спутников храбрец наслушался похвал.

937 Стрелою златоперой пронзенные насквозь,
Свалились тур матерый, четыре зубра, лось.
От Зигфрида ни разу не ускользнула дичь —
Ведь даже лань его скакун мог на бегу настичь.

938 Вновь след взяла собака, но в тот же миг она
Метнулась в гущу леса, завидев кабана.
Спасая пса, охотник помчался к зверю вскачь,
И ринулся на смельчака разгневанный секач.

939 Взмахнул мечом воитель, и вепрь свалился с ног.
На свете только Зигфрид свершить такое мог.
Пока, над зверем стоя, собаку он свистел,
Слух о его деянии всю местность облетел.

940 Охотники взмолились: «Оставьте ради бога
На нашу долю, Зигфрид, добычи хоть немного,
Не то опустошите вы этот лес вконец».
И улыбнулся шутке их польщенный удалец.

941 В недавно тихой чаще стояли шум и гам,
И разносило эхо по долам и горам
Смех, крики, конский топот и тявканье борзых:
Бежало их две дюжины в тени дерев густых.

942 Зверей понастреляли богатыри немало —
Ведь каждому хотелось во что бы то ни стало
Охотничьей удачей пред всеми отличиться,
Но с Зигфридом не удалось ни одному сравниться.

943 Однако постепенно сморил героев зной,
И потянулись к стану они тропой лесной.
Обильную добычу вез каждый зверолов,
И повара без отдыха трудились у костров.

944 Распорядился Гунтер гостей поторопить —
Пора уж им вернуться и силы подкрепить,
И громко рог призывный разнес повсюду весть
О том, что хочет государь за стол с друзьями сесть.

945 Тут ловчий нидерландцу сказал: «Прошу прощенья,
Но я раскаты рога заслышал в отдаленье,
А это знак, что Гунтер нас на привале ждет».
Так молвил он и рог к губам приблизил в свой черед.

946 Ответил смелый Зигфрид: «Туда и поспешим».
Пустилась свита следом за королем своим,
Но тут медведя поднял внезапный стук копыт,
И крикнул витязь, услыхав, как грозный зверь рычит:

947 «Мне здесь медведь попался. Спустите пса, друзья.
Изрядно распотешу всех наших нынче я,
Живым и целым зверя доставив на привал.
Боюсь я только одного — чтоб он не убежал».

948 Со сворки пса спустили, нырнул в кусты медведь,
За ним помчался Зигфрид, но не преодолеть
Коню лихому было кустарника густого,
И зверь уже надеялся удрать от верхового.

949 На землю спрыгнул витязь, и через краткий миг
Беспечного медведя он на бегу настиг,
Но не убил, не ранил, а только взял живьем,
Связал покрепче и к седлу приторочил ремнем.

950 Ни зубы в ход, ни когти медведь пустить не мог.
К охотничьему стану повез его седок
В надежде распотешить товарищей своих.
Как ликовал тогда герой, как был красив и лих!

951 Как царственно и гордо он ехал через бор!
Клинок его широкий свисал до самых шпор.
Рог с золотой насечкой носил он на боку
И тяжкое копье в руке вздымал на всем скаку.

952 Охотника нарядней не видел мир дотоле.
Пошел у нидерландца на шапку мех соболий.
Из шелка цвета угля был у него кафтан,
Обвит тесьмою дорогой вместительный колчан.

953 От этого колчана струились ароматы —
Был шкурою пантеры отделан он богато.
Лишь сам могучий Зигфрид свой смертоносный лук
Мог натянуть без ворота, одною силой рук.

954 На плащ его роскошный из выдровых мехов
Нашиты были сверху меха других цветов.
Был этот плащ просторный и легок, и хорош,
И канителью золотой насквозь прострочен сплошь.

955 Как мы уже сказали, меч Зигфрида стальной
Изрядной отличался длиной и шириной —
Любые шлемы Бальмунг в сраженье пробивал.
Так ехал, весел и могуч, охотник на привал.

956 Еще одно поведать о нем я пе успел.
Колчан его ломился от златоперых стрел,
Чей острый наконечник был ширипою в пядь.
Кто сбит такой стрелою с ног, тому уже не встать.

957 К охотничьему стану примчался вихрем он,
И ринулись бургунды к нему со всех сторон.
На землю спрыгнув, витязь им бросил удила.
Привязан был большой медведь к луке его седла.

958 Он снял со зверя путы. Разинул пленник пасть,
Расправил с ревом лапы и восвояси шасть.
Залаяли собаки, раздались вопли слуг,
И начался переполох на всей опушке вдруг.

959 В испуге удирая куда глаза глядят,
Зверь забежал на кухню, рассеял поварят,
В костры поопрокипул котлы и вертела.
Эх, сколько яств из-за него испачкала зола!

960 С мест повскакала челядь, вскочили господа.
Медведь остервенился, и приказал тогда
Король ему вдогонку со свор спустить борзых.
Уж то-то славный был денек у витязей лихих!

961 За копья и за луки охотники взялись.
Они за зверем долго по зарослям гнались,
Но выстрелить боялись, чтоб не поранить псов.
Весь лес гудел от топота и громких голосов.

962 Медведь прибавил ходу, спасаясь от собак.
Не удавалось людям настичь его никак.
Лишь муж Кримхильды зверя в лесной глуши нагнал,
Убил мечом и приволок обратно на привал.

963 Бургундов в изумленье проворством он привел.
Тут пригласил хозяин охотников за стол,
И на лугу зеленом они уселись в круг,
И потянулась с яствами к ним вереница слуг.

964 Любое угощенье в достатке было там,
И если б не забыли вина подать гостям,
Чему виной не скупость, а умысел дурной,
Гордиться бы хозяин мог, что задал пир такой.

965 «Дивлюсь я,— молвил Зигфрид.— Еды довольно тут.
А вот вина упорно к столу не подают.
Коль этак принимают охотников у вас,
Не буду вам товарищем я в следующий раз.

966 Такого обхожденья никак я ждать не мог».
С прискорбьем лицемерным король в ответ изрек:
«Придется, видно, чем-то нам заменить вино.
По небреженью Хагена отсутствует оно».

967 Сказал владетель Тронье: «Да, я виной всему.
Мне, государь мой, мнилось, не знаю — почему,
Что в Шпессарт на охоту мы повезем гостей.
Туда я и послал вино, но буду впредь умней».

968 Сердито молвил Зигфрид: «Вы удружили всем.
Сюда б доставить надо вам было вьюков семь
С кларетом и медами, а если уж их нет,
Вдали от Рейна разбивать нам было стан не след».

969 Ответил хитрый Хаген: «Не гневайтесь, друзья.
К ручью с водой студеной дорогу знаю я
И, если вам угодно, туда вас отведу».
Сколь многим витязям принес его совет беду!

970 Измучен смелый Зигфрид был жаждою вконец.
Поэтому поспешно поднялся удалец,
Чтоб за водой студеной отправиться к ручью.
Ах, внял совету Хагена он на беду свою!

971 Зверей, которых Зигфрид успел понастрелять,
Велели на телегах в столицу отослать.
Всяк, кто добычу видел, охотника хвалил.
Лишь Хаген изменил ему и кровь его пролил.

972 Пошли герои к липе, стоявшей над ручьем,
И тут промолвил Хаген: «Наслышан я о том,
Что в беге верх над всеми берет наш знатный гость.
Пусть скажет, правду или ложь мне слышать довелось».

973 Ответил смелый Зигфрид: «Разумней в этом вам
Воочью убедиться, чем доверять словам:
Бежим наперегонки, коли желанье есть.
Кто первый будет у ручья, тому хвала и честь».

974 «Согласен,— молвил Хаген.— Размяться мне в охоту».—
«Тогда,— воскликнул Зигфрид,— получите вы льготу:
Я дам, улегшись наземь, вам убежать вперед».
Был Гунтер, слыша это, рад, что все на лад идет.

975 Добавил нидерландец: «За вами гнаться сзади
Я собираюсь в полном охотничьем наряде,
На руку щит повесив, с колчаном за спиной».
С собою взял он также лук, копье и меч стальной.

976 С себя одежду Гунтер вплоть до сорочки снял.
Примеру государя последовал вассал.
К ручью, как две пантеры, бургунды понеслись
И все же позже Зигфрида до цели добрались.

977 Что бы ни делал витязь, был первым он везде.
Отставших поджидая, спустился он к воде,
Приставил к ближней липе тяжелое копье
И меч с колчаном положил на землю близ нее.

978 Свой щит отбросил Зигфрид, от жажды еле жив,
Но даже здесь остался любезен и учтив:
Дал королю бургундов сперва напиться он.
Ах, плохо был за вежливость храбрец вознагражден!

979 Звенел ручей студеный, вода была чиста,
И Гунтер с наслажденьем в ней омочил уста.
Напившись, он поднялся и отошел опять,
И наклонился к роднику его отважный зять.

980 Вот тут-то за сердечность ему и воздал друг.
Отнес подальше Хаген меч Зигфрида и лук,
Схватил копье героя и, напрягая взгляд,
Всмотрелся в крестик, что нашит был на его наряд.

981 Как только Зигфрид воду рукою зачерпнул,
Бургунд, нацелясь в крестик, копье в него метнул.
Кровь брызнула из раны на Хагена струей.
Никто досель не совершал такой измены злой.

982 До сердца через ребра прошло копье его.
Не бегал в жизни Хаген еще ни от кого
Быстрей, чем в этот полдень по зарослям лесным.
Едва лишь Зигфрид раненый сообразил, что́ с ним,

983 Вскочил он и, неистов, метнулся вдоль ручья
С засевшим меж лопаток в спине концом копья:
Сыскать пытался витязь свой лук иль добрый меч,
Чтоб смерти, как и надлежит, предателя обречь.

984 Но из-за тяжкой раны он не нашел меча.
Лишь щит лежал, как прежде, у звонкого ключа.
Помчался с ним вдогонку за Хагеном смельчак,
И приближенный Гунтера уйти не смог никак.

985 Был Зигфрид ранен насмерть, но жаждал отомстить.
Он так сумел в убийцу своим щитом пустить,
Что лопнул щит и наземь посыпались дождем
Каменья драгоценные, сверкавшие на нем.

986 От мощного удара свалился с ног злодей
И разом загудела земля в округе всей.
Будь меч у нидерландца, изменнику б конец —
Так, даже в миг предсмертных мук, был страшен удалец.

987 Но вот он пошатнулся, внезапно ослабел,
Глаза его померкли, стал лик прекрасный бел,
И смерть на нем незримо поставила печать.
Ах, скольким женщинам пришлось о Зигфриде рыдать!

988 Всем богатырским телом пал на цветы герой.
На мураву из раны струилась кровь рекой.
Но, от тоски и боли уже лишаясь сил,
Он все-таки успел проклясть тех, кто его сгубил.

989 Сказал боец сраженный: «Вы низки и трусливы,
Коль за мои услуги мне так воздать могли вы.
Я был всегда вам верен и вами же убит.
Но ждут за это весь ваш род позор и вечный стыд.

990 Предательски и подло заколот вами я.
На вас и ваших детях пребудет кровь моя.
Что из того, что ею вы утолили месть,
Коль все, кто честен, вправе вас изменниками счесть?»

991 Охотники сбежались туда, где он лежал.
Днем гнева и печали тот день для многих стал.
Всяк, кто не чужд был чести, рыдал над храбрецом.
Грех было бы не горевать о витязе таком!

992 Стал и король бургундский оплакивать его,
Но раненый промолвил: «Что пользы от того,
Что слезы о злодействе льет сам виновник зла?
Не скроет скорбь притворная постыдные дела».

993 Сказал жестокий Хаген: «Скорбеть и впрямь не след —
Ведь мы теперь свободны от всех забот и бед.
Отныне не опасен нам ни один боец.
Я рад, что вас от гордеца избавил наконец».

994 «Легко теперь хвалиться! — чуть слышно Зигфрид рек.—
Когда б друзей в измене я заподозрить мог,
С лица земли давно бы вы были сметены.
Но полно! Думать должен я лишь о судьбе жены.

995 И участь сына также в меня вселяет страх.
Господь да не попустит, чтоб он в людских глазах
Безвинно опорочен был с детства до могилы
За то, что низость некогда его родня свершила».

996 Возвысил голос слабый смельчак в последний раз:
«Коль честности хоть капля, король, осталась в вас
И вы еще способны кого-нибудь любить,
Я вас молю моей жене во всем опорой быть.

997 При вас, по-королевски, Кримхильда жить должна.
Защитником ей будьте — ведь вам сестра она,
А я уж не увижусь ни с батюшкой, ни с ней.
Всем милых нелегко терять, а ей всего трудней».

998 Цветы вокруг покрылись багряною росой.
Со смертью неминучей вступил в борьбу герой,
Но бой недолго длился — утратил речь храбрец,
И дням его земным пришел безвременный конец.

999 Когда все убедились, что вечным сном он спит,
Был труп его положен на золоченый щит,
И стали вормсцы думать, как им ловчей схитрить,
Чтоб преступленье Хагена от посторонних скрыть.

1000 «Повинны мы в злодействе,— промолвили вельможи.—
Поэтому нам надо твердить одно и то же —
Что Зигфрид в одиночку охотиться любил
И, заблудясь в лесу, убит разбойниками был».

1001 Сказал владетель Тронье: «Труп отвезу я сам.
Пусть все Кримхильда знает — не страшно это нам.
Гордячка честь Брюнхильды осмелилась задеть.
С какой же стати мне ее жалеть теперь и впредь?»

АВЕНТЮРА XVII

О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ОПЛАКАН И ПОГРЕБЕН

1002 Назад за Рейн вернулся лишь с сумерками двор.
Едва ль охота хуже бывала до сих пор:
Пролились из-за зверя, убитого на ней,
И слезы женщин горькие, и кровь богатырей.

1003 Теперь мы вам расскажем, как мститель вероломный,
Высокомерный Хаген, под кровом ночи темной
Владыку нибелунгов, заколотого им,
К дверям Кримхильды отнести велел мужам своим.

1004 Положен у порога был труп богатыря.
Знал Хаген, что Кримхильда, едва сверкнет заря,
Наткнется непременно на тело мужа там:
К заутрене она всегда ходила в божий храм.

1005 Как только в церкви стали звонить в колокола,
Своих девиц придворных Кримхильда подняла.
Ей подали одежду и принесли ночник,
И труп один из спальников заметил в этот миг.

1006 Забрызган кровью Зигфрид был с головы до ног,
И своего владыку слуга узнать не смог,
Хотя зажженный факел в руках его дымил.
Кримхильду о несчастии он и уведомил.

1007 Готовы были дамы в собор идти уже,
Когда явился спальник и молвил госпоже:
«Лежит убитый витязь у вашего порога».
Кримхильда плакать начала — проснулась в ней тревога.

1008 Она еще не знала, что это муж ее,
Но чуяла, что счастье утратила свое.
Нет, не случайно Хаген склонял ее к тому,
Чтоб тайну Зигфрида она доверила ему!

1009 Была догадкой этой Кримхильда сражена.
Не вымолвив ни слова, лишилась чувств она,
Но тут же с громким воплем пришла в себя опять,
И стали приближенные бедняжку утешать:

1010 «Быть может, к вашей двери чужой подброшен труп».
Кровь брызнула от горя у королевы с губ.
«Нет, нет,— она вскричала,— там Зигфрид мой лежит.
Брюнхильде в угождение он Хагеном убит».

1011 За дверь Кримхильда вышла на мертвеца взглянуть,
И голову герою приподняла чуть-чуть,
И мужа опознала, хоть мукой искажен
И весь в крови был лик того, кто Зигмундом рожден.

1012 Кримхильда застонала, кляня судьбу свою:
«О горе мне, злосчастной! Сражен ты не в бою,
А пал от рук убийцы — ведь добрый щит твой цел.
Ах, если б только знала я, кто сделать это смел!»

1013 Все дамы и девицы рыдали вместе с ней,
О Зигфриде погибшем скорбя душою всей.
Оскорблена Брюнхильда была его женой,
И умертвил воителя из мести Хаген злой.

1014 Сказала королева: «Пусть кто-нибудь из вас
Всех наших нибелунгов разбудит сей же час
И Зигмунду доставит ужасное известье,
Чтоб мог мой свекор Зигфрида со мной оплакать вместе».

1015 Один из слуг поспешно отправился туда,
Где Зигфридовы люди вкушали сон тогда.
Сперва они решили, что им солгал гонец.
Лишь женский плач их убедил в противном наконец.

1016 Затем к отцу героя направил вестник путь.
Лежал в постели Зигмунд, но глаз не мог сомкнуть:
Ему томили сердце тревога и кручина.
Наверно, он предчувствовал, что не увидит сына.

1017 «Мой государь, проснитесь! К вам от Кримхильды я.
Оплакать хочет с вами владычица моя
Нежданную утрату, которой равных нет.
Вы вместе с ней постигнуты страшнейшею из бед».

1018 Спросил, вставая, старец: «В своем уме ль ты, друг?
Что за беда случиться могла с Кримхильдой вдруг?»
Гонец ответил, плача: «Скрывать от вас не смею:
Пал Зигфрид, сын ваш доблестный, сражен рукой злодея».

1019 Почтенный Зигмунд молвил: «Не место шуткам здесь,
А я могу лишь шуткой считать такую весть.
Не повторяй же больше, что умер сын мой милый.
Будь это так, о нем бы лил я слезы до могилы».

1020 «Вы мне вольны не верить, но слышите вы стоны?
То госпожа Кримхильда со свитою смятенной
Оплакивает гибель супруга своего».
Тут Зигмунд побелел с лица, и страх объял его.

1021 Собрал король немедля сто витязей своих.
Туда, где плач был слышен, бегом повел он их.
Они мечи стальные держали наголо,
И нибелунгов десять сот вослед за ними шло.

1022 Из уваженья к дамам одни, вскочив с постели,
Одеться поприличней и второпях успели:
Спешили в том, в чем были, на шум и крик другие.
От горя обезумели воители лихие.

1023 Пришел к Кримхильде Зигмунд и молвил ей с тоской:
«Гостить я в час недобрый поехал в край чужой.
Но кто лишил вас мужа, кем сына я лишен
В стране, где все ему друзья и всем был другом он?»

1024 «Знай я, кто это сделал,— в ответ ему она,—
За мужа расквитаться сумела б я сполна.
Убийца не дождался б пощады от меня,
И вдоволь бы наплакалась о нем его родня».

1025 Склонясь над сыном, Зигмунд припал к его устам.
Вассалы, дамы, челядь — все, кто собрался там,
Так сильно горевали о павшем удальце,
Что стон стоял и в городе — не только во дворце.

1026 Никак друзья утешить Кримхильду не могли.
Но вот одежду слуги с героя совлекли.
Был он обмыт, обряжен со тщательностью всей
И на носилки водружен под плач его людей.

1027 Сказали нибелунги: «Сдается нам, что тот,
Кем Зигфрид был заколот, здесь, во дворце, живет.
Нам надлежит к ответу предателя призвать».
И разом бросились они доспехи надевать.

1028 Одиннадцати сотням испытанных бойцов,
Сверкавших сталью шлемов и золотом щитов,
Приказ дать мог бы Зигмунд оружье в ход пустить,
А он не меньше их желал убийце отомстить.

1029 Не знали гости только, с кем биться надо им —
Вполне возможно даже, с хозяином самим:
Ведь это Гунтер зятя охотиться увез.
Кримхильду вид их яростный перепугал до слез.

1030 Как сердце скорбь о муже несчастной ни гнела,
Она о нибелунгах не думать не могла
И, зная, что бургунды в бою раздавят их,
Увещевать по-дружески взялась друзей своих:

1031 «Что, государь мой Зигмунд, вам в голову пришло?
У Гунтера вассалов несметное число,
И, если вы решитесь ударить на него,
Полягут наши витязи здесь все до одного».

1032 В ответ бойцы сомкнули еще тесней ряды.
Их удержать пыталась она на все лады —
То просьбой, то приказом, но ей никто не внял:
Не слышен голос разума тому, кто в ярость впал.

1033 Она сказала свекру: «Вам выждать есть расчет,
Пока удобный случай судьба нам не пошлет.
Когда известен станет виновник преступленья,
Он у меня не избежит заслуженного мщенья.

1034 Теперь еще не время злодея покарать.
У королей бургундских неисчислима рать —
По тридцать рейнцев выйдет на каждого из вас,
Но по заслугам им Господь воздаст в свой срок и час.

1035 Прошу вас, милый свекор, не покидать меня,
И пусть мне наши люди по наступленье дня
В гроб положить помогут супруга моего».—
«Да будет так»,— ответили ей все до одного.

1036 Поведать вам словами удастся мне едва ли,
Как безутешно дамы и витязи рыдали.
Вормс оглашен их плачем был из конца в конец,
И горожане толпами сбегались во дворец.

1037 Скорбел в столице каждый с гостями наравне.
Никто не мог ответить, как и по чьей вине
Погиб бесстрашный Зигфрид, пример всем удальцам.
Простолюдинки вторили рыданьям знатных дам.

1038 Из золота литого, а также серебра
Гроб кузнецы герою ковать взялись с утра.
Был полосами стали обшит надежно он.
Как завопили женщины, услышав в кузне звон!

1039 Когда настало утро и небо заалело,
Кримхильда приказала нести к собору тело
Того, кто был при жизни ей богом дан в мужья.
Вслед за носилками, в слезах, шли все ее друзья.

1040 С высоких колоколен полился звон волной,
К заупокойной службе сзывая люд честной.
Явился к храму Гунтер с толпой своих бойцов.
Пришлось и злому Хагену прийти на скорбный зов.

1041 Король Кримхильде молвил: «Сестра, тебя мне жаль.
Нас всех преисполняет безмерная печаль.
Скорбеть мы будем вечно по мужу твоему».
Несчастная ответила: «Скорбеть вам ни к чему.

1042 Когда бы вы и вправду к сестре питали жалость,
Я б о супруге милом сейчас не убивалась.
Зло не произошло бы, не поощряй вы зла.
Ах, лучше бы не Зигфрид мой — сама я умерла!»

1043 Прибавила Кримхильда в ответ на речи брата:
«Нетрудно оправдаться тем, кто не виноваты:
Им нужно только к трупу вплотную подойти,
Чтоб подозренья от себя навеки отвести».

1044 Не раз случалось чудо на памяти людей:
Едва лишь приближался к убитому злодей,
Как раны начинали опять кровоточить.
Так удалось и Хагена в то утро уличить.

1045 Чуть подошел он к телу, раскрылась рана вновь.
Заплакал вдвое громче весь Вормс, увидев кровь,
И только Гунтер молвил: «Здесь Хаген ни при чем.
Разбойниками Зигфрид был убит в лесу густом».

1046 Кримхильда возразила: «Знакома с ними я.
Бог даст, отмстят им, Гунтер, сполна мои друзья.
Меня лишили мужа ты сам и Хаген твой».
Тут гости — за оружие, и чуть не грянул бой.

1047 Но молвила вассалам вдова: «Повременим».
Затем к останкам зятя, дабы проститься с ним,
Млад Гизельхер и Гернот приблизились в слезах,
И непритворная печаль читалась в их глазах.

1048 Но начиналась служба, и труп внесен был в храм.
Мужчины, жены, дети — все ринулись к дверям.
Совсем сторонним людям — и тем был Зигфрид мил.
Не диво, что в тот день о нем весь город слезы лил.

1049 Млад Гизельхер и Гернот сказали так: «Сестра,
Покойник не воскреснет, а скорбь унять пора.
Тебя мы не оставим, пока живем на свете».
Но утешенья не дали вдове и речи эти.

1050 Закончили работу к полудню кузнецы,
И труп переложили с носилок в гроб бойцы,
Хоть долго это сделать Кримхильда не давала.
На то, чтоб убедить ее, ушло труда немало.

1051 Был драгоценным шелком труп витязя накрыт.
Кто ни смотрел на тело, все плакали навзрыд.
В тоске великой Ута, и свита вместе с ней,
Печалилась о Зигфриде, славнейшем из мужей.

1052 Имел друзей немало он и в стране врагов:
Едва был в гроб положен храбрейший из бойцов
И причет начал службу, как на помин души
Посыпались и золото, и медные гроши.

1053 Но тут Кримхильда свите промолвила, скорбя:
«Я не хочу, чтоб люди в расход ввели себя
Из-за меня, злосчастной, и мужа моего.
Я на помин его души раздам казну его».

1054 Совсем еще младенцев — и тех в тот день печальный
Деньгами оделили для лепты поминальной.
Шли вплоть до самой ночи друзья героя в храм.
Сто с лишним панихид над ним пропето было там.

1055 Когда же смолкло пенье и все пошли домой,
Промолвила Кримхильда: «Пусть кто-нибудь со мной
Останется в соборе и бдит всю ночь до света
Над тем, с чьей смертью лишена я счастья в жизни этой.

1056 Три дня, три ночи в храме я проведу без сна —
На мужа наглядеться я досыта должна.
Даст бог, за это время умру я в свой черед
И благодетельный конец моим скорбям придет».

1057 Вернулись горожане под кров родной опять,
Кримхильда же осталась о муже горевать.
Лишь причет, да монахи, да свита были с ней
В теченье этих горестных трех дней и трех ночей.

1058 Тем было тяжелее над телом в храме бдить,
Что многим не давала печаль ни есть, ни пить,
Хоть Зигмунд яств немало принесть велел туда.
Да, с нибелунгами стряслась великая беда.

1059 Все эти трое суток, как повествуют были,
Над гробом панихиду священники служили.
Зато из них беднейший стал богачом с тех пор —
Так много золотой казны понанесли в собор.

1060 А кто концы с концами сводил едва-едва,
Тем много тысяч марок пораздала вдова
Из денег, что оставил ей Зигфрид по кончине —
Пусть на помин его души их тратят люди ныне.

1061 Дабы не стерлась память о Зигфриде вовек,
Монастыри, а также недужных и калек
Кримхильда одарила участками земли.
В одежде новой от нее все нищие ушли.

1062 Когда на третье утро обедня началась,
На кладбище соборном, где с ночи собралась
Вся рейнская столица, раздались плач и стон;
Друзьям героя дорог был и по кончине он.

1063 Я знаю из преданий, дошедших до меня,
Что тридцать тысяч марок за те четыре дня
На поминанье мужа Кримхильда раздарила.
Увы, ему не помогли его краса и сила!

1064 Но вот обедню в храме допели до конца.
Исполнились тоскою и скорбью все сердца.
Гроб подняли вассалы и понесли к могиле.
Кому покойник дорог был, те горько слезы лили.

1065 Хотя за гробом много мужчин и женщин шло,
Все искренне грустили, всем было тяжело.
На кладбище был Зигфрид отпет в последний раз.
Ах, сколько клириков туда сошлось в тот горький час!

1066 Покамест до могилы Кримхильда добрела,
Рыдающая свита не раз должна была
Холодною водою бедняжку отливать.
Не доводилось никому так сильно горевать!

1067 Осталась только чудом тогда в живых она,
Хотя была заботой всех дам окружена.
К вассалам обратилась вдова с такой мольбой:
«Прошу вас, люди Зигфрида, о милости большой.

1068 Хоть малую утеху доставьте мне, злосчастной,—
Дозвольте снова глянуть на лик его прекрасный».
Она так умоляла, лила так много слез,
Что крышку с гроба пышного снять витязям пришлось.

1069 Когда взглянуть ей дали на мужа своего,
Приподняла Кримхильда рукой чело его
И, труп обняв, припала к нему в последний раз.
Не слезы от тоски, а кровь текла у ней из глаз.

1070 Прощалась с телом долго несчастная вдова.
Она сама от горя была полумертва,
Сознание теряла и не могла идти,
И на руках ее пришлось оттуда унести.

1071 И вот в сырую землю героя опустили.
Безмерно нибелунги о Зигфриде грустили.
Был смертью сына Зигмунд так сильно удручен,
Что больше не видал никто, чтоб улыбнулся он.

1072 Горюя о погибшем и недругов кляня,
Иные из вассалов не ели по три дня.
Но день настал четвертый — и полегчало им.
О мертвом веки вечные нельзя грустить живым.

АВЕНТЮРА XVIII

О ТОМ, КАК ЗИГМУНД ВОЗВРАТИЛСЯ ДОМОЙ

1073 Пришел к невестке Зигмунд и грустно молвил ей:
«Не жалуют на Рейне таких, как мы, гостей,
И я предпочитаю вернуться в край родной.
Угодно ли, Кримхильда, вам отправиться с мной?

1074 Нельзя измену брата вменять сестре в вину,
И в гибели супруга я вас не упрекну,
Но буду в память сына, столь дорогого мне,
Отцовскую привязанность питать к его жене.

1075 И после смерти мужа вы сохранить должны
Ту власть, какою были при нем облечены.
Венец его носите на зависть всем врагам,
А люди Зигфрида служить охотно будут вам».

1076 Кримхильда согласилась, и сборы начались.
Седлать коней ретивых вассалы принялись,
А дамы и девицы — одежду доставать.
В стране врагов невмоготу им стало пребывать.

1077 Узнав, что хочет Зигмунд Кримхильду взять с собою,
Родня к ней обратилась со слезною мольбою
Остаться там, где братья и мать ее живут.
Вдова сказала с горечью: «Не выдержу я тут.

1078 Легко ль мне будет видеть вседневно и всечасно
Того, кем Зигфрид отнят был у меня, злосчастной?»
Млад Гизельхер ответил: «Но у тебя есть мать,
И твой прямой дочерний долг — ее не покидать.

1079 Зависеть ты не будешь от недругов своих:
Всем нужным обеспечу сестру я и без них».
Кримхильда возразила ему на эти речи:
«Нет, смерть от горя ждет меня, коль Хагена я встречу».

1080 «Да я к тебе и близко не подпущу его.
Живи у Гизельхера, у брата своего,—
Он в горести утешит тебя, сестра моя».—
«Да,— молвила несчастная,— нуждаюсь в этом я».

1081 Упрашивал Кримхильду не только младший брат.
Мать, Гернот и родные — твердили все подряд,
Что здесь о ней сумеют заботиться они,
А во владеньях Зигфрида нет у нее родни.

1082 «Мы все,— прибавил Гернот,— умрем в свой срок и час.
Смерть побеждает даже сильнейшего из нас.
Не забывай об этом и покорись судьбе.
А жить всего разумнее здесь, у своих, тебе».

1083 Кримхильда уступила в конце концов им всем,
А Зигмунд собирался на родину меж тем.
Он погрузить доспехи велел на лошадей
И приготовился домой вести своих людей.

1084 Старик-король к невестке пришел и объявил:
«Здесь, в Вормсе, оставаться у нас нет больше сил.
В дорогу нибелунги уже снаряжены.
Мы ждем лишь вас, чтобы уйти из вражеской страны».

1085 Ответила Кримхильда: «Не стоит ждать меня.
Мне жить в земле бургундской советует родня —
Ведь в крае нибелунгов я буду всем чужой».
Унынье в сердце Зигмунда вселил ответ такой.

1086 Он возражать ей начал: «А я скажу иное.
Поедемте со мною, и власть над всей страною
Я, как при жизни сына, вам передам опять.
Никто вас в гибели его не станет обвинять.

1087 Ваш долг — со мною ехать: у вас ребенок есть.
Его осиротите вы, оставаясь здесь,
А там опорой станет он вам, когда взрастет.
Пока ж он мал, вас с ним не даст в обиду мой народ».

1088 Она в ответ: «Мой свекор, не еду с вами я.
Разумней мне остаться там, где родня моя,
Которая мне в скорби послужит утешеньем»,
На что ей люди Зигфрида сказали с раздраженьем:

1089 «Еще, наверно, мало стряслось несчастий с нами,
Коль наша королева пренебрегла друзьями
И жить предпочитает там, где враги живут.
Не дай нам бог еще раз так попировать, как тут!»

1090 «В седло, мои вассалы, и с богом по домам.
Не бойтесь нападенья — я вам охрану дам.
Когда ж вернетесь в земли супруга моего,
Служите так же, как ему, наследнику его».

1091 Услышав, что Кримхильда такое говорит,
Все Зигмундовы люди заплакали навзрыд.
С тоской внимал невестке и сам старик-король:
При мысли о разлуке с ней испытывал он боль.

1092 В сердцах воскликнул Зигмунд: «Будь проклят этот пир!
Ручаюсь я, не видел и не увидит мир,
Чтоб гость был принят хуже, чем сын мой горемычный,
Вовек меня в Бургундию не зазовут вторично».

1093 А Зигфридовы люди сказали вслух: «Как знать!
Быть может, и придется здесь побывать опять.
Коль станет нам известно, кто Зигфрида сгубил,
Враги увидят, как любим покойник нами был».

1094 Затем простился Зигмунд с невесткою своей.
Ее он крепко обнял и грустно молвил ей:
«Без радости мы едем в родимые края.
Впервые в полной мере здесь изведал горе я».

1095 Повел из Вормса к Рейну король своих бойцов,
Не требуя охраны и не боясь врагов:
Ведь если б нибелунгам и навязали бой,
То постоять бы за себя сумел из них любой.

1096 Сам Зигмунд слов прощальных не молвил никому,
Но Гизельхер и Гернот приблизились к нему
И дали гостю клятву, что вместе с ним скорбят
И что никто из них пред ним ни в чем не виноват.

1097 Сказал с прискорбьем Гернот: «Пусть бог меня сразит,
Коль ведал я, что будет ваш смелый сын убит.
Нет, я не слышал даже, чтоб говорили худо
Здесь про того, кого всю жизнь оплакивать я буду».

1098 Млад Гизельхер охраной снабдил гостей своих.
До самых Нидерландов сопровождал он их.
Домой с недоброй вестью приехали они,
И старый Зигмунд встречен был рыданьями родни.

1099 Сказать вам не могу я, что дальше с ними стало.
Я знаю лишь, как в Вормсе Кримхильда горевала.
Она превозмогала отчаянье свое
Лишь потому, что Гизельхер был около нее.

1100 Настала для Брюнхильды минута торжества.
Ей было горя мало, что слезы льет вдова.
Она к своей золовке питала лишь вражду,
Чем в свой черед и на себя накликала беду.

АВЕНТЮРА XIX

О ТОМ, КАК КЛАД НИБЕЛУНГОВ БЫЛ ПЕРЕВЕЗЕН В ВОРМС

1101 Когда лишиться мужа пришлось Кримхильде вдруг,
Граф Эккеварт остался при ней с толпою слуг.
По целым дням сидел он с несчастною вдовою
И горевал о Зигфриде с ней вместе всей душою.

1102 Близ вормсского собора ей выстроили дом.
Был он обставлен пышно, хватало места в нем.
Там заперлась Кримхильда и только по утрам
Ходила мужа поминать со свитой в божий храм.

1103 Оттуда отправлялась она в мороз и в зной
На кладбище, где Зигфрид лежал в земле сырой.
Там Господа Кримхильда, как верная подруга,
Молила о спасении души ее супруга.

1104 Нередко к ней являлась и королева-мать.
Не уставала Ута Кримхильду утешать,
Но дочь ее, как прежде, была тоски полна.
Вовеки не печалилась так ни одна жена,

1105 Чей муж погиб до срока, в расцвете лет и сил.
Вдову душою твердой создатель наделил.
Она грустила долго о Зигфриде своем
И отомстила за него с лихвой врагам потом.

1106 Три с половиной года — ручаюсь в этом вам —
Кримхильда предавалась унынью и слезам,
Ни Гунтеру ни разу словечка не сказав,
Ни глаз на злого Хагена ни разу не подняв.

1107 И вот владетель Тронье промолвил: «Государь,
Не худо бы с сестрою вам сблизиться, как встарь.
Когда б опять в доверье к Кримхильде вы вошли,
Клад нибелунгов мы б к себе на Рейн перевезли».

1108 Король сказал: «Считаю совет разумным я
И попрошу, чтоб братья — они ведь с ней друзья —
Кримхильду убедили со мною примириться».
На это Хаген возразил: «Она не покорится».

1109 С маркграфом Гере вместе был Ортвин призван в зал.
Отправиться к Кримхильде король им приказал.
Млад Гизельхер и Гернот сопровождали их,
И Гернот стал увещевать сестру в словах таких:

1110 «Довольно о супруге скорбеть вам день и ночь.
Он умер, и слезами ему нельзя помочь.
Король, наш брат, клянется вам, госпожа, к тому же,
Что нет у вас причин винить его в убийстве мужа».

1111 Она сказала: «В этом я не виню его.
Убил не он, а Хаген супруга моего.
Злодею я открыла, где Зигфрид уязвим,
Зато и каюсь, что была столь откровенна с ним.

1112 Когда б я мужней тайны не выдала сама,
Мне б не пришлось от горя теперь сходить с ума.
Нет, тех, кем сгублен Зигфрид, я не могу простить».
Тут начал Гизельхер сестру за Гунтера просить.

1113 Она дала согласье на встречу с королем,
И к ней явился Гунтер со всем своим двором.
Лишь Хаген не решился отправиться туда —
Уж слишком много причинил Кримхильде он вреда.

1114 А Гунтер оправдался и ею был прощен.
С сестрой расцеловался в знак примиренья он.
Давно бы уж поладить сумел с Кримхильдой брат,
Когда бы он не чувствовал, что вправду виноват.

1115 Немало при свиданье пролито было слез.
Забыла зло Кримхильда всем, кто ей вред нанес,
И в сердце затаила лишь к Хагену вражду —
Ведь это он один навлек на Зигфрида беду.

1116 Затем вдове внушили, что клад на Рейн она
Из края нибелунгов перевезти должна:
Как свадебный подарок, его ей дал супруг,
И неразумно выпускать сокровище из рук.

1117 Она за этим кладом, который в недрах гор
Могучий карлик Альбрих стерег с давнишних пор,
Послала восемь тысяч бургундов удалых.
Вели с собою Гизельхер, а также Гернот их.

1118 Гостей завидел Альбрих и так сказал друзьям:
«Отряжены Кримхильдой они ва кладом к нам.
Я ж отказать не смею владычице своей —
Как свадебный подарок клад супругом отдан ей.

1119 Осталось бы, конечно, сокровище у нас,
Когда б бесстрашный Зигфрид до срока не угас
И не исчез бесследно в могиле вместе с ним
Плащ-невидимка, что всегда героем был носим.

1120 Уж лучше б не был витязь заброшен к нам судьбою:
Себе на горе взял он плащ-невидимку с бою
И добыл во владенье край отдаленный наш».
Тут побежал разыскивать ключи от клада страж.

1121 Под самою горою разбили рейнцы стан,
И братьям королевы был клад несметный сдан.
Они на берег моря его перевезли
И стали для отправки в Вормс грузить на корабли.

1122 О нем чудес немало рассказывают были;
Четыре дня и ночи с горы его возили
Двенадцать до отказа нагруженных возов,
И в сутки делал каждый воз не меньше трех концов.

1123 Лишь золото да камни тот составляли клад.
Когда бы дать в нем долю на свете всем подряд,
Он и на марку меньше от этого б не стал.
Недаром Хаген так давно им завладеть мечтал.

1124 Был там и жезл волшебный: кто им владеть умел,
Тот власть над целым миром в своих руках имел.
Утратил смелый Альбрих не только клад в те дни;
За Гернотом уехала и часть его родни.

1125 Когда же возвратились два короля домой
И в Вормсе клад вернули сполна сестре родной,
Там золотом набили все башни и подвалы.
Сокровища несметнее на свете не бывало.

1126 Но тысячею кладов Кримхильда б поступилась
И стать последней нищей охотно согласилась,
Когда б супруга к жизни могла вернуть она.
Вовеки мужу не была столь предана жена.

1127 Теперь, когда Кримхильде был клад ее вручен,
На Рейн съезжаться стали бойцы со всех сторон,
И так их осыпала подарками вдова.
Что повсеместно шла о ней похвальная молва.

1128 Стал государю Хаген нашептывать с тревогой:
«И бедным и богатым дарит она так много,
Что витязи на службу к ней повалят валом,
А это для Бургундии не кончится добром».

1129 «Сестра — хозяйка клада,— изрек король в ответ.—
Как с ним она поступит, мне, право, дела нет.
Утратить слишком страшно мне вновь приязнь ее,
Чтоб я мешал ей расточать имущество свое».

1130 На это молвил Хаген: «Нет, женщину вовек
Не подпустил бы к кладу разумный человек.
Богатства у Кримхильды вам отобрать пора,
Пока вас до беды, король, не довела сестра».

1131 Сказал державный Гунтер: «Поклялся я, что впредь
Кримхильде не придется обид от нас терпеть,
И слова не нарушу: она — сестра моя».
Воскликнул Хаген: «Пустяки! За все в ответе я».

1132 Ему поддался Гунтер, обет свой преступил —
И у вдовы отобран тот клад несметный был,
Ключи ж от клада в руки дал Хагену король.
Был этим Гернот оскорблен, как никогда дотоль.

1133 А Гизельхер воскликнул: «Я Хагена уйму
И притеснять Кримхильду не разрешу ему.
Давно б его осек я, не будь мы с ним в родстве».
Так вновь был нанесен ущерб беспомощной вдове.

1134 Промолвил Гернот: «В тягость нам будет этот клад.
Его мы в воды Рейна опустим, милый брат,
Чтоб не вселял он зависть вовеки ни в кого».
Тут к Гизельхеру, вся в слезах, пришла сестра его.

1135 Она сказала: «Брат мой, сестре защитой будь.
Заставь вдове несчастной ее добро вернуть».
Ей Гизельхер ответил: «Уехать надо нам.
Когда ж воротимся, твой клад тебе верну я сам».

1136 Сопровождать в дорогу трех братьев-королей
Отправилось немало вассалов и друзей.
Один лишь Хаген дома остаться пожелал —
Кримхильде горе новое он приуготовлял.

1137 Пока в отъезде были три венценосных брата,
В Лохгейм на Рейне Хаген увез тот клад богатый
И утопил, чтоб после воспользоваться им,
Но так и не пришлось ему владеть добром чужим.

1138 Когда в столицу братья вернулись наконец,
С толпою дам Кримхильда явилась во дворец.
Узнав, что ей обида нанесена опять,
Не мог негодования млад Гизельхер сдержать.

1139 В своих владыках Хаген такую вызвал злость,
Что двор ему покинуть на долгий срок пришлось,
Но все ж был королями прощен вассал опальный.
Зато стяжал он ненависть вдовы многострадальной.

1140 Еще когда им в реку клад не был погружен,
Друг другу дали клятву три короля и он,
Не прикасаться к кладу, покуда жизнь их длится,
И никому не открывать, где он теперь хранится.

1141 А для вдовы настала печальная пора.
Ее всего лишили — и мужа и добра,
И сердце ей томили обида и кручина,
Предел которым положить сумела лишь кончина.

1142 Так, после смерти мужа,— я вам ручаюсь в том,—
Тринадцать лет Кримхильда жила, скорбя о нем.
О Зигфриде не в силах забыть она была,
За что и воздавалась ей людьми везде хвала.

АВЕНТЮРА XX

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ЭТЦЕЛЬ ПОСЛАЛ В БУРГУНДИЮ ЗА КРИМХИЛЬДОЙ

1143 По смерти Хельхи Этцель стал спрашивать друзей,
Кого б ему вторично избрать женой своей.
«Коль в брак вступить вы склонны,— ответили друзья,—
Пошлите сватов, государь, в бургундские края.

1144 Живет вдова на Рейне, прекрасна и знатна.
Супругу вашу Хельху заменит вам она.
Достойней, чем Кримхильда, для вас подруги нет —
На ней сам Зигфрид был женат, тому тринадцать лет».

1145 «Мне,— рек державный Этцель,— Кримхильда не чета.
Язычник я доселе, она же чтит Христа,
И если б согласилась вдова моею стать,
Я б это, без сомнения, за чудо мог считать».

1146 Вельможи возразили: «Попробовать не грех.
Славнее и богаче вы государей всех.
Достоинства такие прельстить вдову должны,
А вам вовеки не найти прекраснее жены».

1147 «Кому из вас,— промолвил им Этцель в свой черед,—
Знакомы край прирейнский и тамошний народ?» —
«Кримхильду в колыбели когда-то я качал,—
Так Рюдегер Бехларенский владыке отвечал.—

1148 И братьев королевы я знал в былые дни.
Зовутся Гунтер, Гернот и Гизельхер они.
Разумные в совете, отважные в бою,
Они ревниво берегут честь предков и свою».

1149 Спросил маркграфа Этцель: «Мой друг, скажи мне честно,
Насколько между нами супружество уместно
И вправду ли Кримхильда так хороша собой,
Что лучшие мои друзья одобрят выбор мой».

1150 «Мой государь, красива жена у вас была,
Но прелестью Кримхильда и Хельху превзошла.
Прекрасней королевы не видел мир вовек.
Тот, кто супругом станет ей,— счастливый человек».

1151 Воскликнул Этцель: «Сватай Кримхильду за меня
И знай, что если только я доживу до дня,
Когда па ложе с нею взойти удастся мне,
За труд ты будешь, Рюдегер, вознагражден вполне.

1152 Коль ехать ты согласен, дадут тебе и свите
Коней, оружье, платье — все, что ни захотите.
Ни в чем нужды не будешь ты знать, мой друг, в пути.
Лишь постарайся в жены мне Кримхильду привезти».

1153 Но Рюдегер учтиво сказал ему в ответ:
«Нет, ваше достоянье мне расточать не след.
Меня казной так щедро вы оделили встарь,
Что ваш посол вас не введет в расходы, государь».

1154 Державный Этцель молвил: «В дорогу поспеши,
А я здесь буду небо молить от всей души
О полном и скорейшем успехе сватовства.
Дай бог, чтоб не отринула моей любви вдова».

1155 Маркграф ответил: «Скоро я двинусь за рубеж,
Но платьем и оружьем позапасусь допрежь,
Чтоб мы себя на Рейне сумели показать,
Туда с собой пятьсот мужей я собираюсь взять.

1156 Хочу я, чтоб бургунды при нашем появленье
О том, кому мы служим, сказали в изумленье:
«Неслыханно, наверно, их государь силен,
Коль может столько витязей послать в посольство он».

1157 А вы не дозволяйте советчикам дурным
Твердить, что был Кримхильдой сын Зигмунда любим.
В стране гостил он вашей, и вы его знавали.
Воитель столь же доблестный на свете был едва ли».

1158 «Ну, что ж! — воскликнул Этцель.— Коль был женат на ней
Славнейший и знатнейший из всех богатырей,
Искать руки Кримхильды отнюдь не стыдно мне
И для меня ее краса желаннее вдвойне».

1159 Тут Рюдегер закончил: «Коль вы на брак согласны,
Дам знать я Готелинде, жене моей прекрасной,
Что вы к Кримхильде сватом отправили меня.
На сборы ж надо будет мне двадцать четыре дня».

1160 Гонца в родной Бехларен послал к жене маркграф,
И к радости и к скорби ей повод вестью дав:
Да, мужу лестно сватом у государя быть,
Но можно ль Хельху милую когда-нибудь забыть?

1161 Когда была ей новость гонцом сообщена,
Спросила со слезами сама себя она,
Какую королеву теперь пошлет ей бог,
И Хельху вспомнила добром, и подавила вздох.

1162 С усердьем долг исполнить всегда готов и рад,
Из Венгрии уехал через неделю сват.
Он по пути был Вену намерен посетить,
Чтоб там для спутников своих одежду захватить.

1163 А Готелинда с дочкой в Бехларене родном
Свиданья ожидали с супругом и отцом.
Снедало нетерпенье их девушек и дам —
Хотелось всем скорей предстать приезжим удальцам.

1164 Маркграф одежду в Вене взял для своих людей.
Немалый груз был взвален на вьючных лошадей,
Но так обоз надежно оберегала стража,
Что на него никто в пути не покусился даже.

1165 Когда маркграф в Бехларен привел бойцов своих,
Нашел он помещенье для каждого из них
И к каждому отнесся с радушием большим.
Как Готелинда счастлива была свиданью с ним!

1166 Была их дочка рада еще сильней, чем мать:
Отца давно хотелось ей снова повидать;
К тому ж взглянуть на гуннов она была не прочь.
С улыбкою промолвила им маркграфиня-дочь:

1167 «Привет тебе, отец мой, и вам, его бойцы!»
Учтиво поклонились в ответ ей удальцы.
А знатной Готелинде хотелось одного —
Скорее все повыспросить у мужа своего.

1168 Когда лежал в постели с ней за полночь супруг,
Она ему шепнула: «Не скажешь ли, мой друг,
Зачем владыкой гуннов ты послан в край чужой».
Ответил Рюдегер: «Скажу с охотою большой.

1169 К бургундам государем как сват я отряжен.
Взамен прекрасной Хельхи подругу ищет он,
И этою подругой Кримхильда стать должна.
Власть над землею гуннскою разделит с ним она».

1170 Жена ему: «Удачи моли себе у бога.
Слыхали о Кримхильде хорошего мы много.
Она, как Хельха, будет нам доброй госпожою,
И государыне такой я рада всей душою».

1171 «Любезная супруга,— маркграф в ответ сказал,—
Тех витязей, которых с собой на Рейн я взял,
Одеждою пристойной снабдить не премини,
Чтоб в путь с душой спокойною отправились они».

1172 Сказала маркграфиня: «Любого из бойцов,
Коль он принять подарок из рук моих готов,
Всем, что в дороге нужно, снабжу охотно я».
Маркграф в ответ: «Приятна мне такая речь твоя».

1173 Шелк и меха достала она из кладовых.
Плащи нашили дамы для витязей лихих
И в новое одели их с головы до ног.
Супруге ткани выбирать сам Рюдегер помог.

1174 С рассветом дня седьмого своих людей посол
Через страну баварцев в Бургундию повел,
И хоть добра немало отряд с собою вез,
Разграбить не смогли в пути разбойники обоз.

1175 На Рейн посол приехал через двенадцать дней.
Дошло о том известье до братьев-королей,
И в зал дворцовый Гунтер вассалов пригласил.
Когда же собрались они, король у них спросил,

1176 Кто знает, что за люди к его двору явились.
Меж тем, на гуннов глядя, прохожие дивились
Обилию поклажи и платьям дорогим.
Как видно, гости знатные пожаловали к ним.

1177 Был размещен на отдых уже весь люд приезжий,
А во дворце и в Вормсе шли разговоры те же —
Кто эти иноземцы и прибыли отколь.
«Как звать их?» — кликнув Хагена, спросил его король.

1178 Сказал владетель Тронье: «Ответить бы не прочь я,
Да нужно мне сначала увидеть их воочью.
Вот если я ответа вам и тогда не дам,
То, значит, из далеких стран они явились к нам».

1179 Пришельцы отдохнули с дороги сколько надо,
Затем переменили обычные наряды
На пышную одежду искусного покроя
И вслед за сватом во дворец поехали толпою.

1180 Отважный Хаген молвил, когда взглянул в окно:
«Хоть я в гостях и не был у Этцеля давно,
Но вам могу ручаться, что скачет там стремглав
Не кто иной, как Рюдегер, бехларенский маркграф».

1181 Рек Гунтер: «Не поверю я, Хаген, никогда,
Чтоб он из края гуннов приехал к нам сюда».
Король еще не кончил, как Хаген увидал,
Что Рюдегера правильно в прибывшем угадал.

1182 Он выбежал с друзьями во двор встречать гостей,
А там уже слезало пятьсот бойцов с коней,
Все в панцирях блестящих и платье дорогом.
Оказан гуннским воинам был ласковый прием.

1183 «Привет,— воскликнул Хаген,— вам гости дорогие,
Бехларенский правитель и витязи лихие!
Мы рады видеть в Вормсе столь доблестных бойцов».
Порадовала речь его приезжих удальцов.

1184 Бургунды обступили гостей со всех сторон,
И молвил Ортвин Мецкий, послу отдав поклон:
«Ничей приезд доныне — и в этом нет сомненья —
Нас так еще не радовал, как ваше посещенье».

1185 За честь сказал «спасибо» от всей души посол
И со своей дружиной в дворцовый зал пошел.
В то время находился с друзьями Гунтер там.
Король, любезно с места встав, направился к гостям.

1186 К ним подошел и Гернот, за старшим братом вслед.
Послу с большим радушьем ответив на привет
И обласкав героев, что вместе с ним вошли,
Маркграфа взяли за руки учтиво короли.

1187 Бехларенца бок о бок с собою усадил
В знак уваженья Гунтер, и кравчий нацедил
Приезжим вдоволь меду и лучшего вина,
Какое может произвесть прирейнская страна.

1188 Встречать гостей явился млад Гизельхер поспешно,
С ним Гере, Данкварт, Фолькер, и все они сердечно
Поздравили с приездом достойного посла.
Равно, как прочим, встреча с ним приятна им была.

1189 Шепнул владетель Тронье бургундскому владыке:
«Мы оказать всем гуннам должны почет великий.
Муж милой Готелинды — наш старый, верный друг.
Примите же поласковей его бойцов и слуг».

1190 Державный Гунтер молвил: «Желаньем я сгораю
Узнать, что происходит в далеком гуннском крае.
Надеюсь, Этцель с Хельхой здоровы, как и встарь?»
Маркграф ему: «Отвечу вам охотно, государь».

1191 Встал Рюдегер и встали все, кто вошел с ним в зал.
«Коль вы узнать хотите,— он королю сказал,—
Что за событья ныне у нас в стране случились,
Дозвольте передать ту весть, с какой мы к вам явились».

1192 «Маркграф,— воскликнул Гунтер,— ждать не намерен я,
Пока ко мне сойдутся держать совет друзья,
И выслушать согласен сейчас же вашу весть.
Вас самолично принимать считаю я за честь».

1193 Сказал посол достойный: «Король великий мой
Вас повелел уверить, что предан всей душой
И вам, властитель рейнский, и вашим ближним он.
Всем вормсцам от него привез я дружеский поклон.

1194 Вам сообщает также о горе он своем.
Его супруга Хельха уснула вечным сном.
Она осиротила, так рано умерев,
И всех нас, подданных ее, и многих знатных дев,

1195 Которые взрастали с младенчества при ней.
Никто о них не сможет заботиться нежней.
Безмерною печалью страна и двор объяты,
А Этцелю не позабыть вовек такой утраты».

1196 Державный Гунтер молвил: «Пусть бог воздаст ему
За дружеские чувства к народу моему.
Все рады здесь привету, который нам он шлет,
И услужить ему всегда готовы в свой черед».

1197 Сказал отважный Гернот, Бургундии король:
«Весть о кончине Хельхи нам причиняет боль:
Мы все за добродетель ее глубоко чтили».
И это вормсцы многие немедля подтвердили.

1198 Тут Рюдегер почтенный заговорил опять:
«Мне, государь, дозвольте еще кой-что сказать.
Поведать вам по правде велел мой господин,
Как ныне, Хельху схоронив, тоскует он один.

1199 А он слыхал, что Зигфрид погиб во цвете лет
И у Кримхильды милой супруга больше нет.
Поэтому он просит руки вдовы прекрасной,
Чтоб с нею разделить престол, коль вы на то согласны».

1200 Сказал любезно Гунтер — всегда он был учтив:
«Я не могу ответить, Кримхильду не спросив,
По нраву ли придется ей ваше предложенье.
Дня через три я сообщу вам о ее решенье».

1201 Бургунды так убрали покои для гостей,
Что Рюдегер подумал: «Я здесь среди друзей».
Пеклись о нем все вормсцы, а Хаген — тот вдвойне:
С маркграфом он дружил, гостя у Этцеля в стране.

1202 Велев посланцу гуннов ответа ждать три дня,
Король распорядился, чтоб вся его родня
И все его вассалы пришли держать совет,
Должна супругой Этцеля Кримхильда стать иль нет.

1203 Отдать ее за гунна все согласились разом,
И только Хаген молвил: «Утратили вы разум!
Нам этот брак, напротив, расстроить надлежит,
Что там ответить Этцелю Кримхильда ни решит».

1204 «Ну, нет! — воскликнул Гунтер.— Она — сестра моя,
И сестриному счастью мешать не вправе я.
Коль Этцелю готова женой Кримхильда стать,
О лучшей доле для нее не можем мы мечтать».

1205 «Отвергли б,— бросил Хаген,— вы это сватовство,
Коль Этцеля бы знали, как знаю я его.
Ведь если в самом деле он трон разделит с нею,
Недешево расплатитесь вы за свою затею».

1206 Король ему ответил: «Вовек тому не быть.
К тому же и не смог бы наш зять нас погубить:
Мы никогда не будем застигнуты врасплох».
Но Хаген вновь и вновь твердил: «Король, расчет ваш плох».

1207 Спросили Гизельхера и Гернота потом,
Быть иль не быть Кримхильде за гуннским королем,
И оба брата дали согласие на брак.
Не удавалось убедить лишь Хагена никак.

1208 Тут Гизельхер Бургундский стал вразумлять вассала:
«Кримхильде причинили вы, Хаген, зла немало,
И если счастье снова познать ей суждено,
То вам замужеству ее препятствовать грешно».

1209 Млад Гизельхер добавил: «На вас одном вина
За то, что к вам враждою сестра моя полна:
Вред столь безмерный вами Кримхильде нанесен,
Что в горе и несчастиях ей равных нет средь жен».

1210 Рек Хаген: «Я б не спорил, не знай я наперед,
Что, коль женою Этцель Кримхильду назовет,
Она, наш давний недруг, возьмет-таки свое:
Немало будет витязей на службе у нее».

1211 На эти речи Гернот ответил: «Не беда!
Нам ни сестра, ни Этцель не причинят вреда:
Покуда оба живы, мы к гуннам ни ногой.
Нет, честь не дозволяет нам расстроить брак такой».

1212 Твердил упрямо Хаген: «С ума сошли вы, что ли?
Ведь коль заменит Хельху Кримхильда на престоле,
Она уж не преминет беду на нас навлечь.
Нет, о ее замужестве идти не может речь».

1213 Млад Гизельхер, сын Уты, вспылил и молвил так:
«Не каждый здесь меж нами, как вы, Кримхильде враг.
Я, что б вы ни сказали, ее удаче рад.
Вреда и зла родной сестре желать не может брат».

1214 Умолк сердито Хаген и помрачнел лицом,
А Гунтер, смелый Гернот и Гизельхер втроем
Решили, что не станут мешать сестре своей,
Коль с Этцелем в супружество вступить угодно ей.

1215 Промолвил славный Гере: «Вдове внушу легко я,
Что отвергать нет смысла ей сватовство такое.
Богат владыка гуннов, могуч и знаменит.
Брак с ним за все страдания ее вознаградит».

1216 Немедля к королеве отправился вассал
И, встреченный радушно, Кримхильде так сказал:
«Готовьте мне награду за радостную весть.
Все ваши беды кончились — вас ждет большая честь.

1217 Велел вам брат ваш Гунтер поведать, госпожа,
Что прибыло посольство к нам из-за рубежа:
Сильнейший и славнейший меж всеми королями
В законное супружество вступить желает с вами».

1218 «Ни вам, ни государю,— она в ответ гонцу,—
Над женщиной несчастной смеяться не к лицу.
Кому еще на свете могу я быть нужна?
Какую радость мужу даст подобная жена?»

1219 Затем, узнав, что Гере ее не убедить,
К вдове решили Гернот и Гизельхер сходить
И долго ей внушали, как братья и друзья,
Что Этцеля она должна избрать себе в мужья.

1220 На все лады старались, но так и не смогли
Склонить к второму браку Кримхильду короли.
Тогда они взмолились: «Пусть будет так, сестрица,
Но хоть посланцу Этцеля дозвольте к вам явиться».

1221 Она в ответ: «Согласна на это я вполне.
Был Рюдегер достойный всегда любезен мне.
Вот если бы приехал сюда гонец иной,
Вовеки б не добился он свидания со мной».

1222 Добавила Кримхильда: «Скажите, чтоб посол
Со мною завтра утром поговорить пришел.
Я сообщу маркграфу сама свое решенье».
И королева впала вновь в печаль и сокрушенье.

1223 Но Рюдегер почтенный как раз и вел к тому,
Чтоб повидаться с нею дозволили ему.
Маркграф умом был светел и жизнью умудрен,
И в том, что убедит вдову, не сомневался он.

1224 Когда заутра в храме обедня отошла,
Народ взглянуть сбежался на гуннского посла,
Который вел к Кримхильде богатырей своих
В доспехах раззолоченных и платьях дорогих.

1225 Всю ночь прогоревала, глаз не сомкнув, она,
А утром рано встала и села у окна.
Обычный вдовий траур был, как всегда, на ней,
Зато уж женщины ее оделись попышней.

1226 Вошел лишь сам-двенадцать в покои к ней маркграф,
И встретила Кримхильда, поспешно с места встав,
Его у самой двери с радушием большим,
Чтоб показать, как глубоко вошедший ею чтим.

1227 На стулья указала вдова своим гостям.
Вокруг нее сидело немало милых дам,
Зато вельмож бургундских там было не видать,
Коль Эккеварта смелого и Гере не считать.

1228 Там не цвели улыбки, не раздавался смех —
Сочувствие к Кримхильде переполняло всех.
У ней промокло платье от горьких слез насквозь,
Что зоркому бехларенцу заметить удалось.

1229 Посол возвысил голос, такую речь держа:
«Дозвольте мне с друзьями подняться, госпожа,
И, перед вами стоя, вам сообщить ту весть,
Из-за которой мы, гонцы, и очутились здесь».

1230 Она в ответ: «Вас видеть я рада всей душой
И вам внимать готова с охотою большой:
Всегда приятно слушать подобного посла».
Но догадались многие, что весть ей не мила.

1231 Бехларенский правитель сказал вдове тогда:
«Со свитою достойной прислал меня сюда
Мой повелитель Этцель, чтоб вам поведал я,
Что просит он, Кримхильда, вас избрать его в мужья.

1232 Он вам любовь и дружбу решился предложить,
Чтоб в мире и согласье до смерти с вами жить,
Как жил с покойной Хельхой, владычицей моей,
Которую оплакивал немало долгих дней».

1233 Ответила Кримхильда: «Маркграф, не стал бы тот,
Кто знает, как жестоко печаль вдову гнетет,
Просить, чтоб согласилась она на брак с другим.
Ведь мною лучший из мужей когда-то был любим».

1234 Посол не отступился: «Когда душа болит,
Ничто ее быстрее и лучше не целит,
Чем преданная дружба и верная любовь.
Найдите мужа по сердцу, и оживете вновь.

1235 Король мой — обладатель двенадцати корон.
Вас, став супругом вашим, венчает ими он,
И всем распоряжаться вы будете вольны
В тех трех десятках государств, что им покорены.

1236 Коль сесть вам доведется на Этцелев престол,
У вас, как и у Хельхи,— так продолжал посол,—
На службе будет много прославленных бойцов
И много девушек и дам из княжеских родов.

1237 Вас Этцель заверяет, коль вы на брак согласны,
Что даст страною править вам столь же полновластно,
Как управляла Хельха, пока была в живых.
Хозяйкою вы будете у нас в делах любых».

1238 Сказала королева: «Могу ли я опять,
Изведав столько горя, в супружество вступать?
Так много слез пролито по смерти мужа мной,
Что больше никому по гроб не стану я женой».

1239 Но гунны возразили: «Не говорите так.
Почет, богатство, счастье — все принесет вам брак.
Желанья ваши будет предупреждать супруг,
А у него достаточно и ленников и слуг.

1240 Из дев, служивших Хельхе, и тех, что служат вам,
Себе такую свиту составите вы там,
Что будут к вам съезжаться бойцы из разных стран.
Не отвергайте наш совет: от всей души он дан».

1241 Она в ответ учтиво: «Беседу мы прервем,
Но коль вы утром снова ко мне придете в дом,
Вам сообщить смогу я решение свое».
И гуннские воители покинули ее.

1242 Когда ушли на отдых все спутники посла,
Кримхильда Гизельхера и Уту призвала
И твердо объявила, что замуж не пойдет
И что в тоске по Зигфриду весь век свой проведет.

1243 Но Гизельхер промолвил: «Сказали гунны мне,—
И этому я верю, сестра моя, вполне,—
Что ты печаль забудешь, став королевой их.
Как ни суди об Этцеле, завидный он жених.

1244 От Роны вплоть до Рейна он всех людей славней.
От Эльбы и до моря нет короля сильней.
Ты радоваться будешь, что обвенчалась с ним —
Положит этот брак конец страданиям твоим».

1245 «Что говоришь ты, брат мой? — воскликнула вдова.—
Осталось мне лишь плакать, покуда я жива.
Украсить двор супруга собой не может та,
Кем навсегда утрачена былая красота».

1246 Тут ласково сказала ей королева-мать:
«Должна совету братьев, дитя мое, ты внять.
Себе ж на благо, дочка, друзей своих послушай,
А то уж слишком долго скорбь тебе терзает душу».

1247 Подумала Кримхильда, что будет вновь она
Казною и одеждой всех одарять вольна,
О чем напрасно Бога молила много раз,
С тех пор как Зигфрид, муж ее, безвременно угас.

1248 Но тут же спохватилась: «Коль христианка я,
Язычника невместно мне избирать в мужья,
Не то моим уделом до смерти будет стыд.
Нет, гунн своим могуществом меня не соблазнит».

1249 На том и порешила почтенной Уты дочь,
Однако размышляла еще весь день и ночь
И плакала в постели до самого утра,
Пока идти к заутрене ей не пришла пора.

1250 Три короля бургундов туда явились тоже
И речь вели с Кримхильдой, идя из церкви Божьей,
О том, что руку гунна ей отвергать не след,
Но не обрадовал вдову их дружеский совет.

1251 Посланцев пригласили в покои к ней затем,
А так как ожиданье наскучило им всем,
То, чтоб скорей услышать в ответ иль «нет», иль «да»
И распроститься с вормсцами на долгие года,

1252 Решил покончить с делом немедленно маркграф,
Хозяевам радушным и их сестре сказав,
Что медлить он не может — не близок путь домой.
Был встречен у порога сват Кримхильдою самой.

1253 Учтиво и любезно он стал просить ее
Ему поведать тотчас решение свое —
Ведь он еще не знает, что́ Этцелю сказать,
Но от Кримхильды услыхал бехларенец опять,

1254 Что в брак вступать вторично у ней охоты нет.
«Вы, госпожа, неправы,— промолвил он в ответ.—
Зачем вам бесполезно свою красу губить,
Когда могли бы счастливы вы с новым мужем быть?»

1255 Но просьбы были тщетны, покамест наконец
Кримхильду не уверил вполголоса гонец,
Что облегчит ей бремя ее невзгод былых,
И сразу легче сделалось вдове от слов таких.

1256 Он ей сказал: «Не плачьте, владычица моя.
Когда бы вашим другом у гуннов был лишь я,
То и тогда б любого, кто оскорбил бы вас,
От рук моих дружинников никто уже не спас».

1257 Она, услышав это, утешилась вполне
И молвила маркграфу: «Тогда клянитесь мне,
Что за меня отмстите любым моим врагам».
И ей ответил Рюдегер: «Такой обет я дам».

1258 С вассалами своими он перед нею встал,
Ей крепко стиснул руку и громко клятву дал
Во всем служить Кримхильде и обнажить свой меч,
Коль это будет надобно, чтоб честь ее сберечь.

1259 Верна осталась мужу и в этот миг вдова.
«Пускай,— она решила,— меня чернит молва.
Что в том, коль я меж гуннов друзей себе сыщу
И недругу с их помощью за Зигфрида отмщу?

1260 Их королю подвластно немало храбрецов,
Я ж привязать сумею к себе его бойцов:
Быть щедрою нетрудно, когда твой муж богат;
А в Вормсе Хаген скаредный прибрал к рукам мой клад».

1261 «На брак,— она сказала,— могла б я согласиться,
Но ваш король — язычник, не хочет он креститься.
К лицу ли христианке идти с ним под венец?» —
«Отбросьте в том сомнения,— ответил ей гонец.—

1262 У Этцеля на службе довольно христиан.
К тому ж другая вера — в супруге не изъян:
Кто вам мешает мужа к крещению склонить?
Ничто вам не препятствует с ним жизнь соединить».

1263 Вновь молвили ей братья: «Согласье дай, сестра.
Забыть печаль и горе тебе давно пора».
Они втроем Кримхильду упрашивали так,
Что с Этцелем вдова вступить пообещала в брак.

1264 Пожав маркграфу руку, она произнесла:
«В край гуннов я готова сопровождать посла,
Но прежде чем уехать, с собой я позову
Тех, кто решил не покидать несчастную вдову».

1265 Бехларенец на это промолвил в свой черед:
«Пусть их при вас лишь двое, зато со мной — пятьсот.
Надежной стражей будет в пути такая рать,
И незачем в Бургундии вам свиту набирать.

1266 С отъездом поспешите — нам медлить здесь не след,
И верьте: я с дружиной исполню свой обет
Во всем беспрекословно повиноваться вам,
Иль пусть уделом будут мне бесчестие и срам.

1267 Послушайтесь совета — его дает вам друг:
За сбруей и конями скорее шлите слуг,
А сами собирайте в дорогу дев своих.
Немало к нам бойцов в пути примкнет, увидев их».

1268 Осталось у Кримхильды кой-что с тех давних дней,
Когда покойный Зигфрид на Рейн приехал с ней.
Пристойно снарядиться сумела в путь она.
Нашлись и седла добрые для всех девиц сполна.

1269 Запас одежд хранила вдова с былых времен.
Теперь меж спутниц ею он был распределен,
Чтоб не пришлось краснеть им за свой убогий вид,
Приехав к гуннам, чей король богат и знаменит.

1270 Осмотр ларцам и скрыням с нарядами чиня,
Трудилась королева четыре с лишним дня.
Велела кладовые затем она открыть —
Хотелось ей людей посла достойно одарить.

1271 Хоть клада нибелунгов лишиться ей пришлось,
Того, что у Кримхильды отнять не удалось,
Сто лошадей на вьюках не увезли бы сразу.
Но Хаген воспротивился и тут ее приказу.

1272 Он молвил: «От Кримхильды прощенья я не жду
И золото не выдам, чтоб не попасть в беду.
Вдове я не позволю распоряжаться им —
Она его намерена раздать врагам моим.

1273 Как гуннам груз подобный ни трудно увезти,
Им лошадей поможет она приобрести,
А после на меня же их исподволь натравит.
Нет, Хагена ключи отдать Кримхильда не заставит».

1274 До слез такие речи Кримхильду довели.
Помочь пообещали ей братья-короли,
Но даже им отказом ответил их вассал,
И только Рюдегер вдове с улыбкою сказал:

1275 «Вам, госпожа, не надо о золоте тужить.
Ведь Этцеля сумели вы так приворожить,
Что он не пожалеет для вас казны своей,
А уж ее не издержать вам до скончанья дней».

1276 «Нет в мире королевы,— она в ответ ему,—
Которой бы достался клад, равный моему,
Но Хаген вероломный прибрал его к рукам».
Тут Гернот, устыдясь, пошел в сокровищницу сам.

1277 Рукою королевской он двери распахнул,
И тридцать тысяч марок своей сестре вернул,
И вместе с нею гуннов стал оделять казной.
Порадовался этому и Гунтер всей душой.

1278 Но Этцелев посланец промолвил: «Государь,
Пусть даже королеве вернут весь клад, что встарь
Из края нибелунгов был в Вормс перевезен,
Ни госпожой моей, ни мной не будет принят он.

1279 Велите деньги спрятать — какая в них нужда?
Я золота немало и сам привез сюда.
На путь обратный хватит с лихвой у нас его.
Не гневайтесь, но не возьму у вас я ничего».

1280 А девушки Кримхильды меж тем без лишних слов
Ее добро грузили в двенадцать сундуков
Да так, что ухитрились их доверху набить
Наичистейшим золотом, какое может быть.

1281 Лишь десять сотен марок не уместилось там,
И раздала Кримхильда их тут же по церквам,
За Зигфрида усердно молиться наказав.
Столь нерушимой верностью был поражен маркграф.

1282 «Найду ль,— вдова спросила,— я здесь, в земле родной,
Друзей, готовых к гуннам последовать за мной?
Тот, кто согласен ехать, пусть из казны моей
Получит деньги, чтоб купить одежду и коней».

1283 Дал Эккеварт отважный на это ей ответ:
«У вас я, королева, на службе много лет.
Вам, что бы ни случалось, я оставался верен
И столь же преданным слугой быть до конца намерен.

1284 С собой возьму я к гуннам пятьсот мужей своих.
Защитников надежных вы обретете в них.
Меня ж к разлуке с вами принудит смерть одна».
И поклонилась витязю признательно она.

1285 Но час отъезда пробил, коней ввели во двор,
И слезы омрачили друзьям Кримхильды взор.
Преисполняла Уту и многих дам печаль —
Так было с бедною вдовой им расставаться жаль.

1286 Везла с собой Кримхильда сто знатных юных дев,
Их, как и подобало, богато разодев.
Неистово рыдали они в тот день от горя,
Но утешители для них нашлись у гуннов вскоре.

1287 С собою для охраны взяв тысячный отряд,
Млад Гизельхер и Гернот, как долг и честь велят,
Сопровождали долго печальницу-сестру,
Но брат их Гунтер с полпути вернулся ко двору.

1288 Начальник кухни Румольт, и Ортвин вместе с ним,
И благородный Гере с усердием большим
До самого Дуная заботились о том,
Чтоб на ночлегах не было у дам нужды ни в чем.

1289 Посол перед отъездом гонцов послал вперед —
Пусть Этцелю доложат, что Рюдегер везет
Прекрасную Кримхильду к владыке своему.
Сумел жену в Бургундии маркграф добыть ему.

АВЕНТЮРА XXI

О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ЕХАЛА К ГУННАМ

1290 Но мы гонцов оставим — теперь рассказ пошел
О том, как в землю гуннов невесту вез посол,
А Гизельхер и Гернот в теченье многих дней
Служили провожатыми бехларенцу и ей.

1291 Лишь Пферринга достигнув, у берега Дуная,
Просить решились братья, чтоб им сестра родная
Дозволила вернуться в бургундские края,
И с ней, пролив немало слез, расстались как друзья.

1292 Млад Гизельхер промолвил: «Сестрица, не забудь,
Что если кто обидит тебя когда-нибудь
Иль по иной причине ты попадешь в беду,
Тебе по зову первому на помощь я приду».

1293 С бургундами простились дружинники посла.
Вдова родных и ближних сердечно обняла
И поспешила дальше приречною тропой.
С ней сто четыре девушки в одежде дорогой

1294 Из тонких, разноцветных, слепящих взор шелков.
Вокруг скакало много бехларенских бойцов.
При каждом щит надежный, копье и меч булатный.
Бургунды же поехали к себе на Рейн обратно.

1295 Держала путь Кримхильда через баварский край
На Пассау, где с Инном сливается Дунай
И монастырь старинный стоит, поныне цел.
Епископ Пильгрим, муж святой, тем городом владел.

1296 Когда о том, кто едет, известно стало там,
Помчался князь-епископ навстречу пришлецам —
Кримхильде приходился он дядею родным.
Весь Пассау последовал немедленно за ним.

1297 Не зря рвались баварцы встречать гостей своих:
Девицы королевы пленили взоры их.
Свести знакомство с ними был каждый витязь рад.
Сумел удобно разместить всех прибывших прелат.

1298 Пока епископ Пильгрим с Кримхильдой был в пути,
Уже успело в город известие прийти
О том, что он прибудет с племянницей вдвоем,
И ей купцы устроили торжественный прием.

1299 Просил ее хозяин подольше погостить,
Но Эккеварт промолвил: «Вы нас должны простить
За то, что не удастся нам задержаться тут.
Давно уже в Бехларене приезда гостьи ждут».

1300 А Готелинда с дочкой и свитою своей
Готовилась к прибытью супруга и гостей.
Была жена маркграфа им предупреждена,
Что выказать внимание вдове она должна —

1301 Пусть выедет с дружиной на Эннс ее встречать.
Велела Готелинда своих бойцов собрать
И двинулась в дорогу, и повалил валом
Вослед за ней простой народ, кто пеший, кто верхом.

1302 Меж тем до Эффердинга Кримхильда доскакала.
Живет в стране баварской лихих людей немало,
И воры на дорогах шалят там искони.
Ограбить поезд свадебный вполне могли б они.

1303 Но Рюдегер к отпору был день и ночь готов.
С собою вел он больше чем тысячу бойцов.
К тому ж его вассалов несметное число
За маркграфинею на Эннс встречать невесту шло.

1304 На лодках переправив за Траун поезжан,
Сват их доставил к Эннсу, где в чистом поле стан
Раченьем Готелинды разбит заране был.
Имелось там все нужное для подкрепленья сил.

1305 Навстречу королеве, покинув свой шатер,
Со свитою помчалась она во весь опор.
Звон бубенцов на сбруе разнесся далеко.
Столь теплой встречей был маркграф взволнован глубоко.

1306 Потешный бой затеяв в честь новой королевы,
По сторонам дороги, как справа, так и слева,
Вассалы Готелинды неслись за госпожой.
Была Кримхильда тронута учтивостью такой.

1307 Чем ближе подъезжали к бургундкам смельчаки,
Тем больше крепких копий ломалось на куски.
Самих себя в отваге бойцы превосходили —
Ведь девушки пригожие за схваткою следили.

1308 Но вот она утихла, два поезда сошлись,
И возгласы приветствий повсюду раздались,
И Рюдегер навстречу супруге полетел.
У всех, кто дамам рад служить, в тот день хватило дел.

1309 Когда живым и целым предстал жене посол,
Она печаль забыла и страх ее прошел.
О муже Готелинда тревожилась напрасно —
Вернулся он, и не один, а со вдовой прекрасной.

1310 Приветом обменявшись с супругою своей,
Маркграф велел вассалам снять женщин с лошадей,
И по сердцу пришелся его приказ бойцам:
Был, как всегда, любой из них к услугам милых дам.

1311 Узрев, что маркграфиня сошла с коня на луг
И к венценосной гостье спешит с толпой подруг,
Остановила разом Кримхильда скакуна,
И приближенными с седла была снята она.

1312 Епископ с Эккевартом к ней тотчас подошли.
Они ее навстречу хозяйке повели.
Толпа пред королевой с почтеньем раздалась,
И гостья с Готелиндою сердечно обнялась.

1313 Сказала маркграфиня с учтивостью большой:
«Вам, госпожа Кримхильда, я рада всей душой
И счастлива поздравить с приездом в земли наши
Ту, кто — как вижу я теперь — всех женщин в мире краше».

1314 «Воздай вам бог за ласку,— ответила вдова,—
А я — должница ваша, пока сама жива
И жив жених мой Этцель, сын Ботлунга могучий».
Ах, им еще неведом был их жребий неминучий!

1315 Бургундки устремились к бехларенкам бегом,
И на траве расселись красавицы рядком —
Знакомство за беседой удобнее сводить.
А витязи им всячески старались угодить.

1316 Вина велели гостьям хозяева подать,
А в полдень дамы сели на лошадей опять
И отбыли на отдых в просторные шатры,
Где до вечерних сумерек спасались от жары.

1317 Потом они с удобством всю ночь проспали в них.
Тем временем покинул маркграф гостей своих
И полетел в Бехларен, неутомим и рьян,
Чтоб глянуть, все ль готово там к прибытью поезжан.

1318 Пришельцев принял город с радушием большим.
Все окна распахнулись с зарей навстречу им.
Для всех них помещенье в Бехларене нашлось.
Признателен хозяевам остался каждый гость.

1319 Увидев, что Кримхильду к ним в замок мать везет,
Дочь Рюдегера вышла со свитой из ворот
И новой королеве отвесила поклон.
Немало знатных девушек сошлось там с двух сторон.

1320 Взяв за руки друг дружку, они вступили в зал.
Размером и убранством он взоры поражал.
Шумел Дунай привольный под окнами его.
Там отдыхали путницы все утро дня того.

1321 Не знаю я, как время девицы коротали,
Однако мне известно, что витязи роптали:
Бургундам надоело подолгу женщин ждать,
Бехларенцы ж мечтали их в пути сопровождать.

1322 Так тронула Кримхильду заботливость посла,
Что юной маркграфине она преподнесла
Запястья золотые, двенадцать штук числом,
И платье лучшее свое с узорчатым шитьем.

1323 Хоть клада нибелунгов пришлось лишиться ей,
Она, как встарь, умела привлечь к себе людей
И, в скудости оставшись по-прежнему щедра,
Нашла подарки для всего маркграфова двора.

1324 На это Готелинда ответила ей тем,
Что воинам бургундским, без исключенья всем,
Вручила на дорогу и праздничный наряд,
И много дорогих камней, слепивших блеском взгляд.

1325 Когда, откушав, гостья садилась вновь в седло,
Хозяйка так любезно, сердечно и тепло
Ей выказать сумела почтение свое,
Что в благодарность обняла Кримхильда дочь ее.

1326 А девушка сказала: «Я знаю наперед,
Что к вам меня родитель с охотою пошлет,
Коль быть придворной вашей вы разрешите мне»,
Чем гостье и дала понять, что ей верна вполне.

1327 Простившись с Готелиндой и юной маркграфиней,
Кримхильда сесть велела на скакунов дружине
И двинулась со свитой к ограде городской,
И долго им бехларенки махали вслед рукой.

1328 Бургундки с ними больше ни разу не встречались.
Без остановок гости до замка Мёльк домчались.
Его владелец Астольд ждал на дороге их.
Велел он им подать вина в сосудах золотых.

1329 От Астольда Кримхильда узнала, что должна
Спускаться вдоль Дуная на Маутерн она,
А там уж не собьются с дороги поезжане:
Везде австрийцы их встречать сбегаются заране.

1330 Простился там епископ с племянницей своей
И пожелал, чтоб с мужем жилось счастливо ей
И чтоб она, как Хельха, о подданных пеклась.
Да, высоко теперь опять Кримхильда вознеслась!

1331 На Трайзен прибыл поезд, когда зардел закат.
Бехларенцев оттуда отправили назад —
Уже спешили гунны к реке навстречу им.
Они невесту встретили с почтением большим.

1332 Владел там Этцель замком на берегу речном,
И королева Хельха живала часто в нем.
Богат, просторен, крепок, к тому ж красив на вид,
Тот замок Трайзенмауэр весьма был знаменит.

1333 Кримхильда стала Хельхе преемницей достойной —
По щедрости бургундка была ровня покойной,
За что ее и чтила вся гуннская страна,
Где после долгих бед душой воспряла вновь она.

1334 Себя прославил Этцель так, что из всех краев
К его двору стекалось немало удальцов.
Был с каждым он приветлив, учтив и щедр без меры,
Будь то боец языческой иль христианской веры.

1335 Такого не увидишь теперь уже вовек.
Любой, владыке гуннов служивший человек,
Какой бы он при этом ни соблюдал закон,
Был Этцелем за преданность сполна вознагражден.

АВЕНТЮРА XXII

О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ОБВЕНЧАЛАСЬ С ЭТЦЕЛЕМ

1336 Все те три дня, что в замке Кримхильда провела,
Клубами по дорогам густая пыль плыла,
Как будто загорелись окрестные поля.
То мчались в Трайзенмауэр вассалы короля.

1337 Меж тем от приближенных узнал и сам король,
Забыв при этой вести былую скорбь и боль,
Что прибыла Кримхильда уже в его страну.
Немедля выехал встречать он новую жену.

1338 Мчась по дорогам людным под гул разноязыкий,
Со свитою к Кримхильде летел король великий.
Его сопровождали бойцы из разных стран —
Он взял с собой язычников, равно как христиан.

1339 То на дыбы вздымая своих коней лихих,
То снова с громким криком пришпоривая их,
Скакали русы, греки, валахи и поляки.
Бесстрашием и ловкостью блеснуть старался всякий.

1340 Из луков печенеги — они там тоже были —
Влет меткою стрелою любую птицу били.
Вослед за их шумливой и дикою ордою
Бойцы из Киевской земли неслись густой толпою.

1341 В Тульн, город на Дунае, что в Австрии стоит,
Стеклись встречать Кримхильду мужи, чьи речь и вид
Ей были незнакомы,— и все они потом
Из-за нее безвременно уснули вечным сном.

1342 Вперед владыка гуннов послал с дороги к ней
Две дюжины вассальных князей и королей.
Любой из них был знатен, учтив, прославлен, смел
И Хельхину преемницу узреть скорей хотел.

1343 Примчался в Тульн с дружиной из семисот бойцов
Валашский герцог Рамунг, храбрец из храбрецов.
С ним вместе прибыл Гибих, король большой страны.
Несли людей их быстрые, как птицы, скакуны.

1344 Отважный Хорнбог тоже отправился вперед.
Ему вдогонку мчалось вассалов десять сот.
По гуннскому обычью наездники лихие
Влетели с громким гиканьем в ворота городские.

1345 Датчанин Хаварт, Ирнфрид, тюрингский удалец,
И прямодушный Иринг, прославленный храбрец,
С достоинством предстали жене владыки их
В сопровожденье тысячи двухсот бойцов своих.

1346 Привел за ними следом трехтысячный отряд
Высокородный Блёдель, что Этцелю был брат.
С осанкой горделивой вокруг бросая взор,
К своей невестке будущей он мчал во весь опор.

1347 Затем явились Этцель и Дитрих Бернский с ним.
Скакали толпы гуннов за королем своим.
Воителям бесстрашным там пе было числа.
Печаль Кримхильды сразу же при виде их прошла.

1348 А Рюдегер промолвил: «Приехал ваш супруг.
Поцеловать вам надо его знатнейших слуг.
Не в силах удостоить вы этой чести всех,
Но тем, кого я назову, отказывать в ней грех».

1349 Велел с седла на землю невесту снять посол.
С коня державный Этцель со свитою сошел.
Не в силах медлить дольше, заторопился он
Навстречу той, с кем разделить был счастлив власть и трон.

1350 Слыхал я, что покуда они друг к другу шли,
Два знатных государя за нею шлейф несли.
Когда ж бургундка к гунну была подведена,
Поцеловала Этцеля приветливо она.

1351 Сползла назад повязка с ее златых волос.
Пленительным румянцем лицо ее зажглось,
И всяк нашел, что Хельхи она еще милей.
Тут Блёдель первым пожелал расцеловаться с ней.

1352 Принять его лобзанье маркграф ей дал совет.
За ним явились Гибих и Дитрих Бернский вслед.
Она поцеловала двенадцать удальцов,
Поклоном поприветствовав всех остальных бойцов.

1353 Покуда с нею Этцель стоял в кругу вельмож,
Потешный бой затеять успела молодежь —
Всегда стремится юность блеснуть на поле чести.
Сражались там язычники и христиане вместе.

1354 Как Дитриховы люди метать умели дрот!
Они с такою силой его пускали в ход,
Что он щиты стальные пронизывал насквозь.
Немало их пробить в тот день и немцам довелось.

1355 Оружие звенело, взметались тучи пыли.
Все Этцелевы гости и гунны в бой вступили.
Богатыри сражались с бесстрашием большим,
Покамест знак прервать турнир король не подал им.

1356 В шатер великолепный пошел с невестой он.
Был множеством палаток шатер тот окружен.
Ждал женщин утомленных желанный отдых там,
И повели воители туда девиц и дам.

1357 В шатре для королевы поставлен был послом
Красивый трон, накрытый столь дорогим ковром,
Что сам владыка гуннов при взгляде на него
За выбор поблагодарил вассала своего.

1358 Не знаю я, что Этцель бургундке говорил.
Известно мне однако, что он смирял свой пыл
И не просил Кримхильду принять его в объятья —
До свадьбы разрешил маркграф им лишь рукопожатья.

1359 Достойно завершился меж тем потешный бой.
Богатыри расстались, довольные собой.
Повсюду воцарились покой и тишь опять,
И люди Этцеля пошли в палатки отдыхать.

1360 Проспали в них спокойно всю ночь богатыри,
Когда же тьму рассеял свет утренней зари,
Они проворно встали, вскочили вновь в седло,
И состязание опять в честь Этцеля пошло.

1361 Вести по чести схватку велел король им всем.
Из Тульна в Вену поезд отправился затем.
Его прибытья ждали в том городе уже.
Немало вышло знатных дам навстречу госпоже.

1362 Все было там готово, что нужно для гостей.
Преисполняла радость сердца богатырей.
Невесту пышной свадьбой король решил почтить,
Но в Вене стольких пришлецов не мог он разместить,

1363 И Рюдегер в селеньях за городской чертой
Всех тех, кто не был гостем, поставил на постой.
Тем временем Кримхильда с рассвета допоздна
Толпою знатных витязей была окружена.

1364 Ни Рюдегер, ни Дитрих не расставались с нею.
Все гуннские вельможи, усилий не жалея,
Старались, чтоб доволен был свадьбой каждый гость.
Друзьям бехларенца скучать там тоже не пришлось.

1365 Вступил в закон с Кримхильдой на троицу король.
Могущество такое не снилось ей дотоль:
Ведь даже смелый Зигфрид, ее былой супруг,
Держать не мог бы столько же дружинников и слуг.

1366 Добра она так много пораздала гостям,
Что витязи шептались, дивясь ее дарам:
«Мы думали, Кримхильда в большой нужде живет.
А у нее по-прежнему казне потерян счет».

1367 Семнадцать суток в Вене тянулся праздник шумный,
И было б похвальбою, пустой и неразумной,
Сказать, что видел свадьбу пышнее этой мир.
Ведь Этцель в новое одел всех прибывших на пир.

1368 И даже в Нидерландах, тринадцать лет назад,
Хоть Зигфрид был и славен, и знатен, и богат,
Кримхильде не служили бойцы в числе таком,
Как там, где в брак вступить пришлось ей с гуннским
королем.

1369 И никогда столь щедро — что в наши дни, что встарь —
Не раздавал в подарок на свадьбе государь
Просторных и удобных плащей такой цены,
Какими Этцель оделил приезжих в честь жены.

1370 Вели себя и гости хозяевам под стать.
Был рад любой и каждый последнее раздать.
Стыдились там на просьбу ответить словом «нет».
Кой-кто сберег лишь тот наряд, что был на нем надет.

1371 И все ж Кримхильде Зигфрид припомнился не раз,
И слезы побежали б у ней из ясных глаз,
Когда б их не сдержала она усильем воли —
Ведь ей оказан был почет, неслыханный дотоле.

1372 Хоть в скупости никто бы не упрекнул гостей,
Во много крат был Дитрих других вельмож щедрей.
Он роздал все, что Этцель ему за службу дал.
От Дитриха и Рюдегер не очень-то отстал.

1373 К восторгу чужеземных и гуннских смельчаков
Немало опорожнил тяжелых сундуков
С серебряной, а также и золотой казною
Достойный Блёдель, правивший венгерскою страною.

1374 По десять сотен марок иль более того
От Этцеля досталось двум шпильманам его.
Из них был первым Вербель, вторым же Свеммель был.
Вот так король в супружество с Кримхильдою вступил.

1375 Через семнадцать суток они расстались с Веной,
И по дороге гунны с отвагой неизменной
До самого прибытья в пределы их земли
В честь венценосных молодых потешный бой вели.

1376 Стал в Хаймбурге старинном весь поезд на ночлег.
Такого многолюдства там не было вовек.
Владыка гуннов счету не знал своим бойцам.
А сколько у него в стране цвело пригожих дам!

1377 В богатом Майзенбурге все сели на суда,
И стала видом сушу напоминать вода:
Везде чернеют люди и кони громко ржут.
Всласть дамы утомленные поотдохнули тут.

1378 Не поленились гунны так сбить суда свои,
Что их не мог разрушить напор речной струи.
На палубах стояли шатры в большом числе,
Как будто не средь волн они, а где-то на земле.

1379 Гонцов с дороги Этцель отправил в замок свой.
Все, кто там жил, взыграли от радости душой.
Воспитанницы Хельхи почуяли уже,
Что жить нехудо будет им при новой госпоже.

1380 Ее прибытья ждали они, повеселев.
Нашла Кримхильда в замке немало знатных дев.
Одних лишь королевен меж ними было семь.
Их прелесть восхищение внушала гуннам всем.

1381 Когда скончалась Хельха, их под крыло свое
Пришлось принять Геррате, племяннице ее,
Отец которой Нентвин был славным королем.
Вступила с Дитрихом она в супружество потом.

1382 Был искренне приятен приезд Кримхильды ей,
И щедро одарила она честных гостей.
Женитьбой новой Этцель доволен был вполне:
Владычицу достойную он дал своей стране.

1383 Жену по сходням с судна на берег свел он сам,
Назвал ей поименно девиц, стоявших там,
И все они с почтением отвесили поклон
Той, кто по праву заняла отныне Хельхин трон.

1384 Прислуживать Кримхильде за честь считал любой.
Она же раздарила все, что везла с собой.
Досталось гуннам много различного добра —
Камней, одежды, золота, а также серебра.

1385 Такою властью вскоре король облек жену,
Какой не обладала и Хельха в старину.
Его друзья, вассалы и родичи сполна
Повиновались слепо ей, пока жила она.

1386 При ней печаль забыли и двор, и вся земля.
Веселье днем и ночью шло в замке короля,
Где Этцель и Кримхильда гостей встречали так,
Что развлеченье находил себе по нраву всяк.

АВЕНТЮРА XXIII

О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ДОБИЛАСЬ, ЧТОБЫ БРАТЬЕВ ЕЕ ПРИГЛАСИЛИ НА ПИР

1387 Со славою и честью — мне лгать расчета нет —
За Этцелем Кримхильда жила шесть с лишним лет,
А в год седьмой их брака господь послал ей сына
К великой гордости отца и всей его дружины.

1388 Сумела королева супруга улестить,
И Этцель ей дозволил ребенка окрестить.
Был Ортлибом в купели младенец наречен.
Весь гуннский край порадовал своим рожденьем он.

1389 Была при жизни Хельха для подданных как мать.
Во всем с нее Кримхильда пример старалась брать.
Геррата нравы гуннов узнать ей помогла,
Хоть слезы о покойнице по-прежнему лила.

1390 Как во владеньях гуннских, так и за рубежом
Кримхильду поминали всегда и все добром,
Затем что королевы щедрей не видел свет.
Вот так со славой протекло двенадцать с лишним лет.

1391 Кримхильда убедилась, что исполнять готов
Ее приказы каждый из мужниных бойцов.
Но хоть ей здесь служило двенадцать королей,
Она не позабыла зла, что причинили ей.

1392 Не раз ей вспоминалась былая жизнь ее,
И в крае нибелунгов счастливое житье,
И Хаген, поступивший столь беззаконно с нею,
И стала размышлять она, как отомстить злодею.

1393 «Для этого мне нужно, чтоб он попал сюда».
Брат Гизельхер ночами ей снился иногда,
И нежно целовала она его во сне.
Увы, погибнуть должен был и он в чужой стране!

1394 Вновь пробудил сам дьявол, бургундам на беду,
В ней прежнюю обиду и к Гунтеру вражду,
Хоть встарь облобызалась в знак мира с ним она.
Опять одежда у нее была от слез влажна.

1395 Кримхильда сокрушалась и днем, и в час ночной,
Что стала против воли язычнику женой.
А кто ее принудил? На ком вина лежит?
Все те же Хаген с Гунтером, кем Зигфрид был убит.

1396 Отныне лишь о мести тайком она мечтала
И думала: «Коль скоро я вновь богата стала
И недругам заклятым могу сполна воздать,
Пришел черед и Хагену жестоко пострадать.

1397 Тем, кем погублен Зигфрид, я не забыла зла,
И если б снова с ними судьба меня свела,
За мужа заплатили б они его вдове».
Вот что за мысли у нее засели в голове.

1398 Был предан королеве любой ее вассал —
Не зря казною гуннов столь щедро осыпал
Граф Эккеварт отважный, Кримхильдин казначей.
Никто в державе Этцеля не смел перечить ей.

1399 И вот она решила: «Мой муж так добр со мною,
Что даст он мне возможность увидеться с роднею
И приглашенье в гости пошлет шурьям своим».
Кто знал тогда, что смерть она готовила родным.

1400 Почил король однажды и, отходя ко сну,
Сжал, как всегда, в объятьях красавицу-жену —
Кримхильду больше жизни любил седой супруг,
И тут былые недруги припомнились ей вдруг.

1401 Она сказала мужу: «Супруг и государь,
Коль скоро мной довольны и ныне вы, как встарь,
Хочу я убедиться, что так оно и есть,
И оказать моей родне прошу большую честь».

1402 Ответил Этцель сразу — он не умел хитрить:
«Готов желанье ваше я удовлетворить
И вашим славным братьям на деле доказать,
Какую дружбу ради вас питает к ним их зять».

1403 Промолвила Кримхильда: «Не скрою я от вас,
Мне очень бы хотелось, чтоб у сестры хоть раз
Млад Гизельхер, и Гернот, и Гунтер побывали,
А то уж люди тут меня безродною прозвали».

1404 Воскликнул Этцель пылко: «Владычица моя,
Принять здесь ваших братьев почту за счастье я,
Коль дальняя дорога не испугает их».
Возликовала у нее душа от слов таких.

1405 Прибавила Кримхильда: «Тогда через гонцов
Уведомите в Вормсе всех трех своих шурьев,
Что в гости с нетерпеньем сестра и зять их ждут,
И в скором времени они с дружиной будут тут».

1406 Король ответил: «Просьбу не повторяйте дважды —
Сынов почтенной Уты сильней я видеть жажду,
Чем хочется на братьев вам снова бросить взор.
Жаль, что они не вспомнили о нас до этих пор.

1407 Доверю быть послами я шпильманам своим
И, если вы согласны, уже заутра им
В бургундские пределы отправиться велю».
С зарею смелых шпильманов призвали к королю.

1408 Они без промедленья явились в пышный зал,
Где Этцель на престоле с супругой восседал.
Король на Рейн обоих в посольство отрядил,
Им выбрал сотоварищей и платьем всех снабдил.

1409 В путь собрались посланцы, две дюжины числом,
И велено им было великим королем
Звать Гунтера с дружиной к нему на пир честной.
Потом был тайный разговор у них с его женой.

1410 Державный Этцель молвил: «Скажите в Вормсе так:
Своим шурьям желаю я всех возможных благ
И жду, что побывает у нас моя родня.
Гостей приятней, чем они, нет в мире для меня.

1411 Коль ближние Кримхильды проведать нас хотят,
Я у себя принять их сердечно буду рад.
Пусть в дальний путь сбираться начнут уже сейчас —
Хочу я летом видеть их на пиршестве у нас».

1412 Спросил отважный Свеммель, из шпильманов один:
«К какому надо сроку прибыть им, господин?
День празднества заране назвать прошу нижайше».
Король сказал послу в ответ: «Солнцеворот ближайший».

1413 «Исполним»,— молвил Вербель, и тут гонцам шепнуть
Сумела королева, чтоб до отъезда в путь
Они для разговора зашли в покои к ней.
Немало этот разговор сгубил богатырей.

1414 «Коль мне,— она сказала,— вы услужить не прочь
И передать согласны моим родным точь-в-точь
Все то, в чем их уверить я от души хочу,
Я вам наряд богатый дам и вас озолочу.

1415 Представ на Рейне, в Вормсе, пред братьями моими,
Должны вы неизменно твердить в беседах с ними,
Что грустной не случалось меня здесь видеть вам
И что привет сердечный шлю я всем своим друзьям.

1416 Пускай исполнят просьбу супруга моего
И к нам на пир прибудут хотя бы для того,
Чтоб их сестру безродной не смели гунны звать.
На месте их я съездила б сюда уже раз пять.

1417 Пусть знает брат мой Гернот, прославленный герой,
Что не любим никем он так сильно, как сестрой.
Надеюсь, он на праздник, который будет здесь,
Вассалов лучших привезет, чтоб оказать мне честь.

1418 Скажите Гизельхеру, что по его вине
Ни разу в жизни плакать не приходилось мне
И для меня обняться отрадно будет вновь
С тем, от кого я видела лишь верность и любовь.

1419 Поведайте и Уте, какой мне тут почет.
А если Хаген дома остаться предпочтет,
Спросите, кто ж укажет бургундам путь сюда —
Ведь здесь, у гуннов, долго жил он в юные года».

1420 Не поняли посланцы, зачем так нужно ей,
Чтоб был владетель Тронье в числе ее гостей.
Пришлось ошибку эту им искупить в бою,
Где Хаген взял недешево с врагов за жизнь свою.

1421 Затем гонцам посланье к трем королям вручили,
Они казны и платья довольно получили,
Чтоб при дворе бургундском им было чем блеснуть,
И государь с супругою их отпустили в путь.

АВЕНТЮРА XXIV

О ТОМ, КАК ВЕРБЕЛЬ И СВЕММЕЛЬ ПРАВИЛИ ПОСОЛЬСТВО

1422 Хоть шпильманы в дороге не мешкали нимало,
А все ж еще быстрее везде известно стало,
Что повелел им Этцель на праздник звать шурьев.
Стал этот праздник роковым для многих удальцов.

1423 Посланцы, не слезая с седла по целым дням,
Из края гуннов мчались к бургундским рубежам.
Не зря они спешили: не вправе медлить тот,
Кто приглашение на пир трем королям везет.

1424 В Бехларене оказан им был прием почетный.
Их всем необходимым маркграф снабдил охотно.
С женой своей и дочкой просил посланцев он
Друзьям на Рейне передать приветы и поклон.

1425 В дорогу он дозволил отбыть гостям своим
Не прежде, чем подарки вручить успели им.
Сынам почтенной Уты, а также ей самой
Велел поведать Рюдегер, что чтит их всей душой.

1426 Он наказал Брюнхильду уведомить о том,
Что искренне ей предан и рад служить во всем.
Когда же на конь снова вскочили два гонца,
Хозяйка обещала им молить за них творца.

1427 Задерживаться Вербель в Баварии не мог,
Но в Пассау он все же заехал на денек.
Скажу вам, не гадая, просил его иль нет
Епископ Пильгрим передать своей родне привет,

1428 Что золотом осыпал двух шпильманов прелат
И рек: «Уверьте вормсцев, что буду очень рад
Детей сестры увидеть я у себя в стране.
Их навестить на родине едва ль удастся мне».

1429 Как ехали посланцы, к бургундам путь держа,
Я до сих пор не знаю, но с целью грабежа
Никто на них в дороге не думал нападать,
Затем что гнева Этцеля любой страшился тать.

1430 Явились в Вормс на Рейне через двенадцать дней
Два шпильмана отважных со свитою своей.
Немедля доложили об этом королям,
И Гунтер слово обратил к бургундским удальцам:

1431 «Кто эти чужестранцы и из какой земли?»
Но королю ответить вельможи не могли.
Тогда владетель Тронье был спешно призван в зал.
Он Вербеля со Свеммелем узнал и так сказал:

«То шпильманы лихие у Этцеля на службе.
Они в года былые со мною жили в дружбе
И присланы, наверно, к нам вашею сестрой.
В честь Этцеля примите их с любезностью большой».

1433 Гонцы дворца достигли и въехали во двор.
Мир шпильманов столь гордых не видел до сих пор.
К приезжим подбежала толпа проворных слуг,
Чтоб вещи и оружие принять у них из рук.

1434 Наряд дорожный гуннов был так богат, что в нем
Они могли бы тут же предстать пред королем.
Сочли послы, однако, что слишком он неярок,
И предложили челяди их платье взять в подарок.

1435 На это меж бургундов охотники нашлись,
И пришлецы в такую одежду облеклись,
Что — головой ручаюсь — не слышал слыхом свет,
Чтоб был когда-нибудь посол роскошнее одет.

1436 Затем с почетом были отведены они
Туда, где ждал их Гунтер в кругу своей родни.
Встал Хаген торопливо и устремился к ним.
Ему гонцы учтивые в ответ: «Благодарим».

1437 Осведомился тотчас он у друзей былых,
Во здравии ли Этцель и что слыхать у них.
Немедля отозвался из шпильманов один:
«По-прежнему наш край цветет и здрав наш властелин».

1438 Со спутниками Вербель был к трону подведен.
Через толпу героев с трудом пробрался он,
Зато уж принял гуннов учтивее король,
Чем принимал других послов когда-нибудь дотоль.

1439 К ним обратился Гунтер: «С приездом, господа!
Я Этцелевым людям безмерно рад всегда.
Мне, шпильманы, сдается, моей сестры супруг
Сюда по делу важному своих отправил слуг».

1440 С поклоном молвил Вербель в ответ на речь его:
«Да, прибыл я по воле владыки моего.
Ваш зять с сестрою вашей вам шлют привет большой
И заверяют, что они вас любят всей душой».

1441 «Приятно это слышать,— сказал король послам.—
Как поживает Этцель и хорошо ли там,
У вас в стране, Кримхильде, родной сестре моей?»
Вновь смелый шпильман слово взял: «На свете нет людей,

1442 Которые бы жили счастливей, чем она.
Судьбой довольны Этцель, дружина и страна.
Когда к вам отправлялся с товарищами я,
Здоровы были мой король и вся его семья».

1443 «Растроган я приветом,— воскликнул Гунтер тут,—
Который зять с сестрою мне так любезно шлют.
Сердечное спасибо и вам, гонцы, за весть,
А то уже тревожиться стал о сестре я здесь».

1444 Два младших государя явились в зал чуть позже —
Не сразу их успели уведомить вельможи,
Что от сестры любимой известие пришло.
Млад Гизельхер ее послов приветствовал тепло:

1445 «Любой, кто служит зятю,— для нас желанный гость.
Когда бы вам приехать на Рейн ни довелось,
Тут вы друзей найдете и обойдутся с вами,
Как обходиться надлежит со старыми друзьями».

1446 Промолвил Свеммель: «В этом у нас сомнений нет.
Я выразить не в силах, сколь искренний привет
Мне вам король с супругой велели передать.
Во всем судьбою взысканы у вас сестра и зять.

1447 Она меня просила напомнить вам о том,
Что вы всегда друг друга любили с ней вдвоем.
Но самым первым делом мы сообщить должны,
Что вас и братьев ждет на пир король моей страны.

1448 Шурьев он приглашает прибыть к его двору.
А если не угодно вам повидать сестру,
Рассчитывает Этцель, что, дав ему отказ,
Вы хоть поведаете нам, чем прогневил он вас,

1449 Будь вы совсем чужими владыке моему,
И то пора бы в гости приехать вам к нему.
А уж родных-то братьев своей супруги славной
Увидеть у себя в стране он вправе и подавно».

1450 Сказал на это Гунтер: «Послы, ответ я вам,
Потолковав с друзьями, через неделю дам,
А вы пока с дороги ступайте отдыхать —
Неблизкий и нелегкий путь вас скоро ждет опять».

1451 Возвысил голос Вербель: «Прошу простить за смелость,
Но не уйдет наш отдых, и очень бы хотелось
Нам с госпожою Утой поговорить сперва».
Млад Гизельхер такой ответ дал на его слова:

1452 «Препятствовать не станем мы в этом вам, друзья.
С охотой и радушьем вас примет мать моя,
И ваш приход доставит большую радость ей —
Вы присланы Кримхильдою, родной сестрой моей».

1453 Затем он гуннов к Уте отвел без долгих слов.
Весьма приятно было ей увидать послов.
Она им оказала внимание и честь,
Они же передали ей от милой дочки весть.

1454 Хозяйке храбрый Свеммель сказал, шагнув вперед:
«Вам наша королева привет сердечный шлет.
Сильней всего на свете — я слово в том даю —
Прижать к груди хотелось бы Кримхильде мать свою».

1455 «Увы,— вздохнула Ута,— ничем тут не помочь.
Сама уже давно бы я навестила дочь,
Лежи чуть-чуть поближе от нас ее страна.
Дай бог, чтоб были счастливы и Этцель и она.

1456 Ничей приезд желанней, чем ваш, мне быть не мог.
Когда вам в путь сбираться опять настанет срок,
Заранее об этом меня предупредите».
И обещали ей гонцы дать знать о дне отбытья.

1457 Потом на отдых были они отведены.
Меж тем король бургундский со всех концов страны
Своих друзей ближайших созвал держать совет,
Чтó лучше и разумнее — поехать или нет.

1458 Знатнейшие меж ними уверили его,
Что к Этцелю он должен прибыть на торжество.
Лишь Хаген, разъяренный, как никогда дотоль,
Сказал вполголоса: «Мы все погибнем там, король.

1459 Сестры остерегаться по гроб вам надлежит:
Немало претерпела она от нас обид.
Собственноручно мною убит ее супруг,
А вы на праздник к Этцелю решились ехать вдруг!»

1460 Король в ответ: «Что было, того не будет вновь.
Кримхильда возвратила родным свою любовь,
Когда в знак примиренья мне поцелуй дала.
Нет, друг мой Хаген, лишь на вас она быть может зла».

1461 Угрюмо Хаген бросил: «Словам послов не верьте,
Обид не позабудет она до самой смерти.
Вам потерять придется у гуннов жизнь и честь.
Всем нам супруга Этцеля тайком готовит месть».

1462 Не согласился Гернот с ним и на этот раз:
«Страшиться мщенья, Хаген, причина есть у вас,
Но то, что вы боязни за жизнь свою полны,
Еще не значит, что сестры мы избегать должны».

1463 Млад Гизельхер добавил: «Коль скоро за собою
Вы знаете провинность перед моей сестрою,
Останьтесь здесь, на Рейне, а нас сопровождать
Поедут те, кто никогда не смел ей досаждать».

1464 Вскипел владетель Тронье: «В край Этцеля дорогу
Получше, чем другие, я знаю, слава богу,
И в этом убедитесь вы, государь, вполне,
Коль с непреклонностью такой внять не хотите мне».

1465 Начальник кухни Румольт был мнения того же:
«Скакать на праздник к гуннам вам, короли, негоже.
Иль гости в Вормс не ездят? Иль оскудел ваш двор?
Вы все с советом Хагена считались до сих пор.

1466 Но раз теперь нет веры тому, что он сказал,
Вам повторит и Румольт, ваш преданный вассал:
Покинуть не стремитесь отечество свое.
Что общего у вас с сестрой и Этцелем ее?

1467 Чем плохо вам на Рейне, где ваша жизнь прекрасна,
Где вражеские козни нисколько не опасны,
Где дорогого платья у вас полным-полно,
Где милых дам вы любите и пьете всласть вино?

1468 К тому ж еды вкуснее нигде вам не дадут.
Но если даже это вас не удержит тут,
Подумайте о женах — уж ради них одних
Без толку рисковать собой не след в краях чужих.

1469 Страна у вас богата, вот и останьтесь в ней,
Где вы от бед нежданных защищены верней,
Чем во владеньях гуннов: бог весть, что будет там.
Послушайтесь же Румольта — добра хочу я вам».

1470 Возвысил голос Гернот: «Оставим спор пустой.
Коль так любезно в гости зовут нас зять с сестрой,
Ответить им отказом не позволяет честь,
А те, кто на подъем тяжел, пусть остаются здесь».

1471 Сказал на это Хаген: «Посмотрим, кто был прав.
Меня не осуждайте за мой строптивый нрав,
А лучше снарядитесь в дорогу к гуннам так,
Чтоб нас врасплох не захватил и самый хитрый враг.

1472 Коль вы решили ехать, извольте дать приказ
Вассалам в Вормс собраться, а я найду для вас
Меж ними десять сотен бойцов как на подбор,
Которые помогут вам Кримхильде дать отпор».

1473 Обрадовался Гунтер: «Такой совет мне мил».
Во все концы державы гонцов он отрядил
И созывать вассалов в столицу им велел.
Кто из бургундов знал тогда, какой их ждет удел!

1474 Сошлись они по зову владыки своего.
Три тысячи их было иль более того.
Распорядился Гунтер коней и платье дать
Всем тем, кто к гуннам вызвался его сопровождать.

1475 Помчался в Тронье Данкварт, что Хагену был брат.
Оттуда он с собою привел большой отряд.
Слепили взор оружьем и платьем дорогим
Все восемьдесят витязей, приехавшие с ним.

1476 Примкнул и шпильман Фолькер к дружине королей.
Пришло с ним вместе тридцать его богатырей
В нарядах столь роскошных, что лучшие едва ли
У государей на плечах когда-нибудь бывали.

1477 Не понимать превратно прошу слова мои.
Был Фолькер из презнатной, владетельной семьи,
А шпильманом был прозван в краю своем родном
Лишь потому, что сызмалу умел владеть смычком.

1478 Из тех, кто ехать к гуннам был с королем готов,
Взял Хаген десять сотен отборных удальцов.
Была ему их доблесть по опыту известна.
Тот, кто их знал, не мог о них не отозваться лестно.

1479 Все время об отъезде вели посланцы речь —
Могла на них задержка гнев Этцеля навлечь,
Но Хаген помешать им старался что есть сил.
Его поступками и тут расчет руководил.

1480 Он Гунтеру промолвил: «Почествовать гостей
Мы здесь должны подольше, чтоб только за семь дней
До нашего отъезда они пустились в путь.
Тогда нас будет недругам труднее обмануть.

1481 Кримхильда не успеет собрать друзей своих
И натравить не сможет на нас заране их,
А если и натравит, придется худо им:
Мы с тысячью бойцов всегда врагу отпор дадим».

1482 И вот сперва снабдили дружинников с лихвой
Оружьем, конской сбруей, одеждой дорогой —
Всем, что с собой в дорогу им нужно было взять,
И лишь потом король к себе гонцов призвал опять.

1483 Так Гернот обратился к послам, вошедшим в зал:
«На пир явиться к зятю король согласье дал.
Мы вместе с ним приедем — не сомневайтесь в том —
И с искреннею радостью сестру к груди прижмем».

1484 Спросил учтиво Гунтер: «Скажите, Свеммель смелый,
Когда назначен праздник, чтоб в гуннские пределы
Я к сроку прибыл с теми, кого туда возьму».
«В ближайший же солнцеворот»,— гонец в ответ ему.

1485 В тот день король впервые к Брюнхильде благородной
Пойти гостям дозволил, коль это им угодно.
Но тут вмешался Фолькер — он чуял наперед,
Что ей лишь огорчение доставит их приход:

1486 «Послы, не в духе нынче владычица моя,
И обождать до завтра советовал бы я.
Тогда она вас примет — даю вам в этом слово».
Но и назавтра к ней гонцов не допустили снова.

1487 Тогда, чтоб их обида рассеялась вполне,
Стал к ним державный Гунтер внимательней вдвойне.
С казною золотою щиты он им вручил.
Старался подражать ему весь двор по мере сил.

1488 Млад Гизельхер и Гернот, и Ортвин с Гере тож
Добра им дали столько, что все и не сочтешь.
Однако отказались послы принять его —
Они страшились прогневить владыку своего.

1489 Такое слово Вербель промолвил королю:
«Я взять назад подарки вас, государь, молю.
Предупредил нас Этцель, что брать их нам не след —
У верноподданных его ни в чем нехватки нет».

1490 Как сильно ни разгневан был Гунтер на послов
За то, что отказались те от его даров,
Он их принять заставил одежду и казну,
Которые и увезли они в свою страну.

1491 Млад Гизельхер по просьбе обоих скрипачей
Отвел перед отъездом их к матери своей,
И Ута им велела уверить дочку в том,
Что счастья и удачи мать желает ей во всем.

1492 Парчой их оделила и золотом она,
Затем что мать любая так поступать должна —
Пусть видят все, как ею ценимы дочь и зять.
Поэтому пришлось гонцам у ней подарки взять.

1493 Потом, простясь со всеми, с кем их судьба свела,
В обратный путь к Дунаю пустились два посла,
А чтоб никто в дороге им не посмел вредить,
До самой Швабии велел их Гернот проводить.

1494 Когда же восвояси вернулась их охрана,
Поехали и дальше посланцы невозбранно.
Ни скакунов, ни платья не отняли у них —
Страшило имя Этцеля везде людей лихих.

1495 Друзей уведомляли гонцы на всем пути,
Что вскоре должен Гунтер с дружиной здесь пройти —
Он властелином гуннским на праздник приглашен.
Об этом Пильгрим в Пассау был также извещен.

1496 Когда через Бехларен посольство проезжало,
В мгновенье ока новость весь город обежала,
И Рюдегер с женою в большой восторг пришли
При мысли, что хотят прибыть к ним братья-короли.

1497 Гонцы, достигнув Грана, где Этцель пребывал,
Явились к государю, как долг повелевал.
От радости и счастья зарделся он с лица,
Узнав, что шлют ему шурья поклоны без конца.

Когда предупредили послы жену его,
Чтоб королева братьев ждала на торжество,
Она возликовала и шпильманов за весть
Осыпала подарками, как требовала честь.

1499 Она сказала: «Вербель и Свеммель, вы одни
Мне можете поведать, кто из моей родни
В совете дал согласье на пир приехать к нам
И что об этом говорил там Хаген королям».

1500 «Он как-то рано утром,— в ответ один посол,—
С большим негодованьем речь о поездке вел.
Все мнили, что на праздник зазорно не прибыть,
Лишь Хаген повторял, что здесь хотят их погубить.

1501 Все трое ваших братьев бесспорно будут тут.
Кого же из вассалов они с собой возьмут —
Мы в точности не знаем, хоть можем утверждать,
Что шпильман Фолькер королей решил сопровождать».

1502 Отозвалась Кримхильда: «Невелика беда,
Коль с Фолькером я в жизни не встречусь никогда.
Иное дело Хаген, прославленный боец.
Его у нас мне хочется увидеть наконец».

1503 Отправилась Кримхильда к супругу своему
И с ласковой улыбкой промолвила ему:
«Довольны ль вестью с Рейна вы, повелитель мой?
Сбылось мое желание увидеться с родней».

1504 «Я угодить вам счастлив,— король в ответ жене,—
И вас могу уверить, что ваши братья мне
Милее и дороже, чем кровная родня.
Прибытие их радует заранее меня».

1505 Державный Этцель слугам немедля приказал
Скамейками уставить его дворец и зал,
Дабы гостям желанным нашлось где разместиться.
Был вынужден он вскорости за это поплатиться.

АВЕНТЮРА XXV

О ТОМ, КАК НИБЕЛУНГИ ЕХАЛИ К ГУННАМ

1506 Теперь оставим гуннов — нам рассказать пора
О хлопотах и сборах бургундского двора.
Гостей богаче вормсцев не видел мир давно.
Оружье, платье, скакуны — все было им дано.

1507 С собой на праздник Гунтер взял витязей лихих.
Шло к гуннам десять сотен и шесть десятков их,
А также девять тысяч слуг и простых бойцов.
Оплакали друзья потом всех этих удальцов.

1508 Но вот коней взнуздали, настал прощальный миг,
И шпейерский епископ, уже седой старик,
Пригожей Уте молвил: «Король готов отбыть.
Пусть наших родичей господь не даст врагам сгубить».

1509 Сказала детям Ута: «Останьтесь здесь все трое.
Приснился нынче ночью мне сон дурной, герои,
Как будто всех пернатых в Бургундии у нас
Сразил неведомый недуг в один и тот же час».

1510 «Не страшны сны дурные,— воскликнул Хаген гордо,—
Тому, кто служит долгу и чести верен твердо.
Поэтому на месте владыки моего
Я постарался б тотчас же отбыть на торжество.

1511 Отправиться к Кримхильде мы все отнюдь не прочь.
У ней найдется дело любому, кто охоч
Во имя государя отвагою блеснуть».
Потом он горько пожалел, что торопился в путь.

1512 Конечно, Хаген дал бы совет совсем иной,
Когда б не донял Гернот его насмешкой злой.
Тот бросил: «Хаген помнит, кем Зигфрид был убит,
Вот и боится, что он сам Кримхильдой не забыт».

1513 Владетель Тронье вспыхнул: «Нет, страх неведом мне.
Коль скучно, государи, вам жить в родной стране,
Последовать за вами я к Этцелю готов».
Немало изрубил он там и шлемов и щитов.

1514 Уже суда стояли у берега реки.
Взялись грузить проворно поклажу смельчаки.
До самого заката хватило им хлопот.
Всем не терпелось поскорей отправиться в поход.

1515 Велел король бургундский за Рейном стан разбить:
Еще хоть ночь Брюнхильда хотела с ним пробыть,
И до рассвета Гунтер с супругою вдвоем
Утехи ложа брачного вкушал в шатре своем.

1516 С зарею трубным звуком был лагерь пробужден.
В последний раз герои прижали к сердцу жен.
Не довелось обняться им больше никогда —
Друг с другом разлучила их Кримхильда навсегда.

1517 Сынам пригожей Уты служил один вассал
Усердно, верно, храбро, как долг повелевал.
В то утро он открыто признался королю:
«О том, что едете вы все ж, глубоко я скорблю».

1518 Затем добавил Румольт — так звался тот смельчак:
«Уж если здесь остаться не склонны вы никак,
Скажите хоть, кто должен без вас престол блюсти.
Ах, для чего себя послам вы дали обвести!»

1519 «Хранить мой трон и сына ты, Румольт, будешь сам.
Изволь повиноваться во всем желаньям дам,
И облегчай посильно несчастным бремя бед,
И не страшись, что причинят нам у Кримхильды вред».

1520 Давно уж наготове стояли скакуны.
Герои, нетерпеньем и радостью полны,
Перед дорогой дальней спешили жен обнять.
Как горько из-за них родне пришлось потом стенать!

1521 Но вот они толпою пошли к коням своим,
А дамы сокрушенно вослед глядели им.
Наверно, сердце многим шептало в этот час,
Что видят братьев и мужей они в последний раз.

1522 Заколыхались стяги, ряды пришли в движенье.
Следили за бойцами в тревоге и волненье
Их земляки-бургунды с обоих склонов гор,
А витязи ликующе неслись во весь опор.

1523 Так вместе с королями отправились в поход
Вассалы-нибелунги — их было десять сот
И всех, вдали от ближних, у гуннов смерть ждала:
Кровь Зигфрида по-прежнему Кримхильде сердце жгла.

1524 Взял Данкварт, смелый воин, дружину под начал,
А Хаген, муж бывалый, пред строем первый мчал
И выбирал дорогу для спутников своих.
В восточную Франконию вдоль Майна вел он их.

1525 Оттуда к Швальбенфельду герои поскакали.
Был вид их так отважен, доспехи так сверкали,
Что всюду им немало дивился люд честной.
К Дунаю подошел отряд с двенадцатой зарей.

1526 Владетель Тронье первым спустился вниз к воде —
Бессменно нибелунгов он охранял везде.
На землю спрыгнул Хаген с поводьями в руке
И привязал коня к ветле, от волн невдалеке.

1527 Была пора разлива, на всей реке — ни судна.
Смекнули нибелунги, что им придется трудно:
Не переплыть Дуная — он чересчур широк.
Попрыгали они с коней в тревоге на песок.

1528 «Король,— воскликнул Хаген,— опасность перед нами.
Седой Дунай разлился, он весь покрыт волнами,
И если вы решите переправляться тут,
Боюсь, что многие на дно сегодня же пойдут».

1529 В сердцах ответил Гунтер: «Я это вижу сам,
И вы нас не стращайте, а помогите нам.
Ступайте, поищите — авось, найдется брод,
Где люди переправятся да и обоз пройдет».

1530 «Ну, нет,— промолвил Хаген,— тонуть не склонен я.
На кое-что получше сгодится жизнь моя.
Сведут меня в могилу лишь дорогой ценой —
Сначала гунны силою померятся со мной.

1531 На поиски пойду я, а вы побудьте здесь.
Наверно, перевозчик тут где-нибудь да есть.
В край Гельфрата доставит он всех нас, короли».
И поднял Хаген удалой свой добрый щит с земли.

1532 Герой на левый локоть надел его затем,
До глаз на лоб надвинул стальной блестящий шлем
И меч поверх кольчуги на пояс привязал.
Тот обоюдоострый меч любой доспех пронзал.

1533 По зарослям прибрежным бродя туда-сюда,
Воитель вдруг услышал, как плещется вода,
И вскоре ключ прохладный предстал его глазам.
Купались сестры вещие со звонким смехом там.

1534 Подкрадываться Хаген к ним стал, держась в тени,
Однако различили его шаги они
И вовремя отплыли, и он их не настиг,
Хоть их одеждой завладел за этот краткий миг.

1535 Сказала Хадебурга, одна из вещих жен:
«Коль вами будет, Хаген, наряд наш возвращен,
Мы вам, достойный витязь, откроем сей же час,
Чем празднество у Этцеля закончится для вас».

1536 Носясь, как птицы, сестры едва касались волн,
И, видя это, Хаген был нетерпенья полн:
Коль скоро им проникнуть в грядущее дано,
У них обязан вызнать он, что статься с ним должно.

1537 Промолвила вещунья: «Ручательство даю,
Что с вами не случится беды в чужом краю.
Без страха отправляйтесь и знайте наперед —
Окажут вам у Этцеля неслыханный почет».

1538 Словам ее был Хаген так неподдельно рад,
Что сразу отдал сестрам волшебный их наряд.
Когда ж его надели провидицы опять,
Они решились витязю всю правду рассказать.

1539 Воскликнула Зиглинда, вторая из сестер:
«Сын Альдриана Хаген, мы лгали до сих пор,
Боясь, что, рассердившись, уйдешь ты с нашим платьем.
Знай, угрожает смерть тебе и всем твоим собратьям.

1540 Вернись, пока не поздно, иль ждет тебя конец.
Не с доброй целью к гуннам ты зазван, удалец.
Вы едете на гибель, а не на торжество.
Убьют вассалы Этцеля вас всех до одного».

1541 «Не лгите,— молвил Хаген,— вам это ни к чему.
Не может быть, чтоб пали мы все лишь потому,
Что нам одна особа мечтает навредить».
Тут попытались сестры вновь пришельца убедить.

1542 Одна из них сказала: «Назначено судьбою
Тебе лишиться жизни и всем друзьям с тобою.
Нам ведомо, что только дворцовый капеллан
Вернется в землю Гунтера из чужедальних стран».

1543 Отважный Хаген вспыхнул: «Довольно слов, всезнайки!
Того сочту я смелым, кто скажет без утайки
Трем нашим государям, что перебьют всех нас.
Ответьте лучше, как попасть нам за Дунай сейчас».

1544 Она ему: «Коль скоро стоишь ты на своем,
То знай: вверх по теченью есть за рекою дом.
Живет в нем перевозчик, и тут другого нет».
Заторопился Хаген прочь, чуть выслушал ответ.

1545 «Постойте! — закричала из вещих жен одна.—
Вам, Хаген, на прощанье совет я дать должна,
Чтоб ваш отряд в дороге не потерпел урон.
Страной владеет здесь маркграф, зовется Эльзе он.

1546 Брат Эльзе Гельфрат правит баварскою землей.
По ней вам ехать надо с опаскою большой.
Всего же пуще бойтесь рассориться в пути
С тем, без кого вам ни за что Дунай не перейти.

1547 Так вспыльчив перевозчик, что худо вам придется,
Коль с ним у вас размолвка иль ссора заведется.
Пускай ему заплатит за труд владыка ваш.
Слуга он верный Гельфрату и переправы страж.

1548 Коль ждать он вас заставит, кричите что есть сил:
«Я — Амельрих злосчастный» — такой боец тут жил,
Но родину покинул, спасаясь от врагов.
К вам перевозчик приплывет, услышав этот зов».

1549 Признательность воитель ей выразил кивком
И, с сестрами расставшись, в кустах исчез молчком.
Он берегом песчаным пошел вверх по реке
И вскорости увидел дом за нею вдалеке.

1550 Он крикнул так, что голос донесся за Дунай:
«Живее, перевозчик, мне лодку подавай.
Коль на баварский берег меня перевезешь,
Получишь золотой браслет — взгляни, как он хорош».

1551 Богат был перевозчик, ни в чем не знал нужды.
Не очень-то прельщался он платой за труды
И слуг держал надменных, хозяину под стать.
Долгонько Хагену пришлось на берегу стоять.

1552 Тогда, перекрывая шум волн и ветра вой,
Герой возвысил снова могучий голос свой:
«Я — Амельрих, служивший у Эльзе вплоть до дня,
Когда изгнали с родины мои враги меня».

1553 Браслет он в воздух поднял на острие клинка,
Чтоб золото увидел гордец издалека
И низменную алчность оно в нем разожгло.
Тут перевозчик наконец схватился за весло.

1554 Для молодой супруги решил он взять браслет.
Кто обуян корыстью, тому спасенья нет.
На золото польстился по жадности глупец
И в стычке с грозным Хагеном нашел себе конец.

1555 Проворно перевозчик Дунай преодолел,
Но за рекой не встретил того, кого хотел,
Чем был в такую ярость и злобу приведен,
Что Хагену отважному свирепо бросил он:

1556 «Хоть Амельрихом тоже, быть может, вас зовут,
Другого человека я мнил увидеть тут.
Мы с ним родные братья, а вы солгали мне.
Сидите в наказание на этой стороне».

1557 «Свой гнев,— ответил Хаген,— уймите, бога ради,
И знайте: не придется вам нынче быть в накладе,
Коль вы перевезете товарищей моих,
С которыми приехал я сюда из стран чужих».

1558 Воскликнул перевозчик: «Не трать напрасно слов.
У тех, кому служу я, немало есть врагов,
И к ним я не намерен возить бог весть кого.
Коль жизнь твоя тебе мила, прочь с судна моего!»

1559 «И все ж браслет возьмите,— сказал герой ему.—
Придете вы на помощь отряду моему.
Коней в нем десять сотен да столько ж человек».
Но перевозчик закричал: «Не быть тому вовек!»

1560 Веслом своим тяжелым спесивец что есть сил
С размаху чужестранца по голове хватил,
И Хаген на колени упал, ошеломлен.
Гневливей перевозчика еще не видел он.

1561 Затем, чтоб не поднялся пришедший в ярость гость
И взяться за оружье ему не удалось,
Силач врага ударил по темени багром,
Но это для него, увы, не кончилось добром.

1562 Багор о шлем разбился, а Хаген вынул меч,
И голова скатилась у грубияна с плеч,
И витязь, вслед за телом, швырнул ее на дно,
О чем бургундам было им потом сообщено.

1563 Едва вассала Эльзе бургунд успел сразить,
Как лодку тут же стало течением сносить.
Встал на корме воитель и на весло налег
И все же повернуть назад отнюдь не сразу смог.

1564 Вверх по Дунаю судно в конце концов пошло,
Но тут переломилось широкое весло.
Хоть не нашлось другого, не оробел смельчак.
Ремнем подщитным он связал обломки кое-как

1565 И к берегу причалить с большим трудом сумел.
Над самою водою там лес густой шумел
И ждал вассала Гунтер с дружиною своей.
Сбежалась Хагена встречать толпа богатырей.

1566 Бургунды были рады, что витязь с ними вновь.
Когда же увидали они на судне кровь
Спесивого невежи, чью голову он снес,
Друзьями задан Хагену был не один вопрос.

1567 Шел пар от свежей крови, и Гунтер угадал,
Как завладел ладьею его крутой вассал.
Спросил он: «Где же судно вы, Хаген, раздобыли
И где же перевозчик сам? Знать, вы его убили?»

1568 Отперся хитрый Хаген: «Нашел я этот челн.
Он кем-то был привязан к ветле у самых волн,
А перевозчик даже не встретился со мною,
И если вправду он убит, не я тому виною».

1569 Король бургундский Гернот прервал беседу их:
«Я сильно опасаюсь за жизнь друзей своих —
Вдруг опрокинет лодку волною невзначай.
Как мы без перевозчиков переплывем Дунай?»

1570 Воскликнул Хаген: «Слуги, поклажу снять с коней!
Служил на перевозе я в юности своей
И равного мне было на Рейне не найти.
Даст бог, сумею к Гельфрату я вас перевезти».

1571 Коней загнали в воду ударами кнутов,
Чтоб вплавь они пустились одни, без седоков,
И реку переплыли лихие скакуны,
Хоть многие и были вниз теченьем снесены.

1572 На судно погрузили затем казну и кладь,
И стал владетель Тронье друзей переправлять.
Когда б он не работал весь этот день веслом,
Не быть бы многим витязям на берегу другом.

1573 Он десять сотен вормсцев сперва отвез туда,
Потом своих вассалов — красавцев хоть куда,
А после девять тысяч простых бойцов и слуг.
Трудился Хаген допоздна, не покладая рук.

1574 Когда отряд успешно им был перевезен,
Владетель Тронье вспомнил слова тех вещих жен,
Которых за купаньем врасплох он захватил.
За это жизнью капеллан чуть-чуть не заплатил.

1575 Над утварью церковной стоял сей муж святой,
Руками опираясь о бок челна крутой.
Не послужил защитой ему духовный сан —
Был за борт сброшен Хагеном несчастный капеллан.

1576 «Остановитесь, Хаген!» — вскричали смельчаки,
Извлечь пытаясь жертву из бурных вод реки.
Млад Гизельхер от гнева едва не онемел,
Но Хаген все ж свой замысел осуществить сумел.

1577 Король бургундский Гернот сказал ему в сердцах:
«За что погибнуть должен наш капеллан в волнах?
Зачем в Дунай глубокий его швырнули вы?
Любой другой лишился бы за это головы».

1578 Священник бедный на борт карабкался напрасно —
В беде бургунды были помочь ему не властны:
Ладьею правил Хаген, а он концом шеста
На дно спровадить норовил служителя Христа.

157 Надежду на спасенье утратив наконец,
Пустился вплавь священник, хоть был плохой пловец.
И от жестокой смерти его избавил Бог:
Добрался он до берега и вылез на песок.

1580 Стал выжимать он платье, благодаря Творца.
Увидел это Хаген и помрачнел с лица,
А про себя подумал: «Нам всем конец суждеп.
Не ложь, а правду слышал я от этих вещих жен».

1581 Едва была поклажа на сушу снесена,
Владетель Тронье в щепы разнес борты челна
И отогнал подальше от берега его
К большому изумлению отряда своего.

1582 Спросил в смятенье Данкварт: «Что ты наделал, брат?
На чем же мы поедем, когда на Рейн назад
Из королевства гуннов нас Гунтер поведет?»
Но Хаген не сказал ему, что за удел их ждет.

1583 Он только молвил: «Судно я изломал сейчас,
Чтоб ни один предатель, коль есть такой меж нас,
Покинуть не решился товарищей в беде.
Пусть знает: трусу всюду смерть — и в сече, и в воде».

1584 С бургундами на праздник скакал один боец.
Он звался шпильман Фолькер, и этот удалец
В делах был смел и пылок, в речах — остер и прям.
Понравился ему ответ, что Хаген дал друзьям.

1585 Коней бойцы взнуздали и собрались в дорогу.
У них пока что было потерь совсем немного:
Пришлось лишь капеллану вернуться с полпути
И в одиночестве, пешком, домой на Рейн брести.

АВЕНТЮРА XXVI

О ТОМ, КАК ДАНКВАРТ УБИЛ ГЕЛЬФРАТА

1586 Когда все оказались на правом берегу,
Спросил державный Гунтер: «Кого же я могу
Проводником назначить в чужой для нас стране?»
Могучий Фолькер вызвался: «Доверьте это мне».

1587 На это молвил Хаген: «Молчать прошу я всех!
Сначала мненье друга послушать вам не грех.
Плохую весть сегодня принес я, господа.
Не будет нам в Бургундию возврата никогда.

1588 Мне поутру открыли две вещие жены,
Что все мы на чужбине найти конец должны,
И я предупреждаю сородичей своих:
Готовьтесь дать отпор врагам — у нас немало их.

1589 Я думал, что вещуньи ввели меня в обман,
Когда они сказали: «Из вас лишь капеллан
Живым домой вернется», но то была не ложь —
Его хотел я утопить, а он не сгинул все ж».

1590 Известье облетело мгновенно все ряды.
Герои побледнели в предчувствии беды.
Легко ли, направляясь на празднество к друзьям,
Услышать неожиданно, что ты погибнешь там?

1591 Под Мерингом успешно отряд был переправлен
И алчный перевозчик за дерзость обезглавлен.
И вот продолжил Хаген: «Врагов я нажил тут.
Они на нас, наверное, в дороге нападут.

1592 Был здешний перевозчик сражен мечом моим,
И это, без сомненья, уже известно им.
Нам встретить их достойно придется, земляки.
Пусть знают Эльзе с Гельфратом, остры ль у нас клинки.

1593 Сраженья ждать недолго — пред нами смелый враг,
И скакунов нам лучше перевести на шаг,
Дабы никто не думал, что бегство предпочли мы».
Воскликнул витязь Гизельхер: «Он прав неоспоримо.

1594 Но все-таки кого же нам отрядить вперед?»
Ответили бургунды: «Пусть Фолькер нас ведет.
Здесь храбрый шпильман знает все тропы и пути».
Едва успели эту речь они произнести,

1595 Как во главе дружины уже стоял скрипач.
Броня на нем сверкала, был конь его горяч.
Значок из ткани красной он прикрепил к копью.
Потом за королей своих герой погиб в бою.

1596 О том, что перевозчик, их верный страж,— в могиле,
Извещены и Гельфрат и Эльзе тотчас были.
Разгневавшись, велели они людей сбирать,
И стягиваться начала под их знамена рать.

1597 Полдня не миновало, а уж во весь опор
Скакали к ним вассалы, бойцы как на подбор,
Чтоб отомстить за гибель собрата своего.
Сошлось их к Гельфрату семьсот иль более того.

1598 Маркграфы за врагами отправились вдогон.
Из них был каждый злобой настолько ослеплен,
Что в схватку не терпелось вступить им поскорей,
Но плохо это кончилось для них и их друзей.

1599 Владетель Тронье с тылу бургундов прикрывал.
Защитника надежней едва ли мир знавал.
Шли с ним его вассалы и Данкварт, брат меньшой.
Заране все предусмотрел он с мудростью большой.

1600 Последний луч заката угас меж облаков.
Был Хаген озабочен судьбою земляков.
Прикрыть себя щитами велел вассалам он —
Вот-вот баварцы нападут на них со всех сторон.

1601 Вокруг и в самом деле был слышен стук копыт.
Все поняли, что недруг по их следам спешит.
Отважный Данкварт бросил: «Начнется бой сейчас.
Потуже должен подвязать свой шлем любой из вас».

1602 Бойцы остановились, и тут из темноты
Сверкнули им навстречу блестящие щиты.
Тогда, прервав молчанье, спросил владетель Тронье:
«Кто вы и почему за мной отправились в погоню?»

1603 Маркграф баварский Гельфрат сказал ему в ответ:
«Сюда мы прискакали своим врагам вослед.
Мой перевозчик кем-то сегодня был убит.
Об этом славном витязе душа моя скорбит».

1604 «Так это,— молвил Хаген,— был перевозчик твой!
Да, я его прикончил, но он всему виной,
Затем, что первый ссору со мною завязал.
Еще немного — и меня убил бы твой вассал.

1605 Ему я и одежду и золото сулил,
Коль он нас переправит, но грубиян вспылил
И так меня ударил по темени веслом,
Что, ярым гневом воспылав, за зло воздал я злом.

1606 Извлек молниеносно из ножен я клинок,
И, насмерть пораженный, гордец свалился с ног.
Знай, я немалый выкуп дать за него готов».
Однако Гельфрат не утих и после этих слов.

1607 Вскричал он пылко: «Хаген, не сомневался я,
Что, коль поедет Гунтер через мои края,
Урон немалый будет нам причинен тобою.
Но ты за перевозчика заплатишь головою».

1608 Конец копья наставил на Хагена маркграф,
И понеслись друг к другу противники стремглав.
С неукротимым Эльзе схватился Данкварт смело,
Во мраке зазвенела сталь, и битва закипела.

1609 Нигде бойцов бесстрашней вы видеть не могли б!
Могучий Гельфрат с ходу врага на землю сшиб,
И на коне бургунда поперсье порвалось.
Впервые Хагену с седла свалиться довелось.

1610 Везде трещали копья, повсюду шла резня.
Хоть оглушен был Хаген падением с коня,
В себя пришел он сразу и на ноги вскочил.
Удар маркграфа лишь вдвойне его ожесточил.

1611 Кому-то из вассалов коней стеречь велев,
Враги, в чьих гордых душах пылал великий гнев,
С неистовой отвагой вступили в пеший бой,
Покамест их товарищи сражались меж собой.

1612 Хоть был владетель Тронье могуч, проворен, смел,
На щит его обрушить свой меч маркграф сумел.
Взметнулись к небу искры, и лопнул добрый щит.
Почуял воин Гунтера, что смерть ему грозит.

1613 Он Данкварта окликнул: «На помощь, милый брат,
Иль гибель уготовит мне дерзкий супостат!
Я с витязем столь сильным один не совладаю».
Ответил Данкварт: «С ним сейчас расправлюсь без труда я».

1614 Одним прыжком к баварцу приблизился боец,
И под мечом бургунда маркграф нашел конец.
Как Эльзе ни пытался за Гельфрата воздать,
Его вассалы дрогнули и обратились вспять.

1615 Понес злосчастный Эльзе в ту ночь большой урон.
Он сам был тяжко ранен, и брат его сражен,
И восемьдесят лучших, отборнейших бойцов
Приняли смерть под натиском бесстрашных пришлецов.

1616 Бежала с поля боя баварская дружина.
Кто мешкал хоть минуту, того ждала кончина.
От грохота ударов тряслась земля кругом —
То мчались люди Хагена в погоню за врагом.

1617 Но скоро Данкварт в ножны вложил свой меч булатный
И громко крикнул: «Время нам повернуть обратно.
Исходит недруг кровью — с него посбита спесь,
А наших с тылу некому прикрыть, пока мы здесь».

1618 Когда до места схватки отряд добрался снова,
Своей дружине Хаген сказал такое слово:
«Взгляните, скольких ныне недостает меж нас
И кто в сраженье с Гельфратом безвременно угас».

1619 Лишь четырех героев друзья недосчитались.
К тому ж бойцы из Тронье с врагами расквитались:
Изрядно потускнели щиты стальные их
От крови ста иль более баварцев удалых.

1620 Тут показался месяц из тучи на мгновенье,
И рек вассалам Хаген: «Прошу вас о сраженье
Не говорить покуда трем королям моим.
Пусть душу до утра ничто не омрачает им».

1621 Когда бойцы нагнали тех, кто вперед ушел,
Сморила их усталость — был бой почной тяжел,
И многие роптали: «Да скоро ли привал?» —
«Никто нас в гости здесь не ждет, — так Данкварт отвечал. —

1622 С седла и не надейтесь до бела дня сойти».
Ему, кто над дружиной начальствовал в пути,
Дал знать отважный Фолькер, что утомилась рать.
Пусть сообщит, где место им для отдыха избрать.

1623 Бесстрашный Данкварт бросил: «Неведомо мне это.
Слезать с коней нельзя нам до самого рассвета,
А утром можно будет и на траве вздремнуть».
Героев не порадовал такой ответ ничуть.

1624 У них от вражьей крови весь панцирь побурел,
Но этого во мраке никто не усмотрел.
Когда же солнце снова сверкнуло из-за гор,
Король, взглянув на Хагена, сказал ему в упор:

1625 «Не очень вас заботит честь ваших королей,
Коль вы вступили в схватку без помощи моей.
Признайтесь хоть, чьей кровью покрыт ваш щит стальной».
Ответил Хаген: «Дали нам баварцы ночью бой.

1626 Но друг их, перевозчик, остался неотмщен.
Неустрашимый Гельфрат был Данквартом сражен,
А Эльзе спасся бегством, лишившись ста бойцов.
Я ж потерял лишь четырех из ваших удальцов».

1627 Где стал на отдых Гунтер — поныне я не знаю,
Но разнеслось известье по землям вдоль Дуная
О том, что дети Уты на празднество спешат.
Был каждый житель Пассау их приближенью рад.

1628 А князь-епископ Пильгрим возликовал вдвойне,
Затем что счастлив видеть был у себя в стране
Трех королей бургундских, племянников своих.
На славу принял он гостей и всю дружину их.

1629 Встречать приезжих вышел святитель на дорогу,
Но слишком мал был город, а их — чрезмерно много,
И лагерь за Дунаем разбили короли.
Всех нибелунгов на судах туда перевезли.

1630 Продлилось ровно сутки их пребыванье там.
Не отказал епископ ни в чем своим гостям.
Направились в Бехларен затем три короля,
О чем узнали Рюдегер и вся его земля.

1631 В нее уже въезжали бургунды шагом скорым,
Как вдруг воитель некий представился их взорам —
Он прямо на границе забылся крепким сном,
И Хаген ловко завладел его стальным клинком.

1632 Тут Эккеварт достойный — так звался воин тот —
Проснулся и увидел: меча недостает.
Пропажею был витязь расстроен и смущен:
Выходит, плохо рубежи оберегает он.

1633 Смельчак сказал в унынье: «Умру я от стыда!
Не в добрый час бургунды приехали сюда.
С тех пор как умер Зигфрид, мне белый свет не мил.
Ах, господин мой Рюдегер, свой долг я позабыл!»

1634 Услышав это, Хаген ему клинок вернул,
А также шесть браслетов любезно протянул:
«Прими-ка их на память, и будем впредь дружить.
Не трус ты, коль пошел один границу сторожить».

1635 Так Эккеварт ответил: «Пусть вам воздаст Творец,
А я не ездить к гуннам прошу вас, удалец.
У Хагена немало врагов меж ними есть.
Они убийце Зигфрида давно готовят месть».

1636 «Защитой,— молвил Хаген,— да будет нам Создатель.
Пока что нас не смеет тревожить неприятель
И лишь одна забота снедает сердце мне —
Где мы найдем на эту ночь приют у вас в стране.

1637 Устали наши кони, припасы истощились,
Достать же их за деньги мы б тут напрасно тщились.
Поэтому мы ищем того, кто хлеб и кров
Великодушно разделить с приезжими готов».

1638 Воскликнул страж: «Найдется такой хозяин тут.
Вам Рюдегер охотно даст пищу и приют.
Клянусь, никто не примет вас более учтиво,
Чем он, коль завернуть к нему согласны по пути вы.

1639 Он славится радушьем во всех краях чужих.
Так много в нем достоинств, что счесть труднее их,
Чем на лугу весеннем возросшие цветы.
Всегда для гостя у него ворота отперты».

1640 «Моим посланцем будьте,— король ему в ответ.—
Скачите и узнайте, согласен или нет
Принять меня с дружиной маркграф, наш старый друг.
Пусть верит: не забуду я вовек его услуг».

1641 Промолвил страж: «Охотно исполню ваш приказ»,—
И в путь с веселым сердцем пустился сей же час,
Чтоб обо всем маркграфу поведать честь по чести.
Давно не слышал Рюдегер такой приятной вести.

1642 Увидел он, что скачет посланец по дороге,
Узнал его и молвил бехларенцам в тревоге:
«Спешит вассал Кримхильды граф Эккеварт сюда.
Наверное, врагами нам учинена беда».

1643 Встречать гонца к воротам отправился маркграф,
А гость, на землю спрыгнув и меч свой отвязав,
Хозяину немедля пересказал те речи,
Которые от пришлецов он услыхал при встрече:

1644 «Король бургундский Гунтер прислал сюда меня.
Он, Гизельхер и Гернот, а также их родня
Мне кланяться велели бехларенским друзьям.
От Хагена и Фолькера привет особый вам.

1645 А смелый Данкварт, взявший дружину под начал,
Перед моим отъездом спросить вас наказал,
Не слишком ли вам трудно найти и хлеб и кров
Не для одних лишь королей, но и для всех бойцов».

1646 С сердечною улыбкой маркграф в ответ ему:
«Я с радостью великой трех королей приму.
Для них и всех, кто с ними, всегда открыт мой дом.
Я столь желанным мне гостям не откажу ни в чем».

1647 «У Данкварта немало воителей лихих.
С ним едет десять сотен и шесть десятков их
Да ровно девять тысяч простых бойцов к тому ж».
Но был обилию гостей лишь рад достойный муж.

1648 Посланцу он промолвил: «Спасибо вам за весть.
Для всех, кто б ни приехал, найдется место здесь.
Считаю я за счастье служить друзьям своим.
В седло, вассалы и родня! Вперед, навстречу им!»

1649 И витязи и слуги седлать коней взялись.
Слова их господина им по душе пришлись.
Тем рьяней исполняли они приказ его.
Лишь Готелинда до сих пор не знала ничего.

АВЕНТЮРА XXVII

О ТОМ, КАК ОНИ ПРИЕХАЛИ В БЕХЛАРЕН

1650 Маркграф к жене и дочке в покои поспешил
И радостную новость обеим сообщил:
Со старыми друзьями он ждет сегодня встречи —
Три брата их владычицы Кримхильды недалече.

1651 Сказал маркграф супруге: «Любезная жена,
По-дружески ты встретить трех королей должна,
Когда они в Бехларен заедут по пути.
Особенным вниманием и Хагена почти.

1652 Еще о двух бургундах не след нам забывать.
Один зовется Данкварт, другого Фолькер звать.
Облобызайте с дочкой в уста всех шестерых
И обхожденьем ласковым стяжайте дружбу их».

1653 Пообещав маркграфу исполнить все точь-в-точь,
Своих девиц и женщин созвали мать и дочь
И пышную одежду достали из ларцов.
Немало задал им хлопот приезд лихих бойцов!

1654 Не портили румяна лицо прекрасных дам,
Зато на косы каждой — клянусь, не лгу я вам! —
Надет весьма искусно был золотой венок,
Чтоб буйный ветер волосы им растрепать не мог.

1655 Однако нам негоже мешать им в их трудах.
Я расскажу вам лучше о том, как на конях
Друзья маркграфа мчались встречать трех королей.
Радушно приняли они столь дорогих гостей.

1656 Приблизились бургунды к воротам городским,
И так хозяин молвил, навстречу выйдя им:
«Приезд ваш, государи,— для нас большая честь.
И вас, и ваших витязей сердечно любят здесь».

1657 Ему был отдан ими признательный поклон,
За то что так приветлив и дружелюбен он.
Особенно почетный ждал Фолькера прием,
А Хагена — тем более; маркграф был с ним знаком.

1658 Хозяин обошелся и с Данквартом учтиво,
Но тот сказал: «Печетесь о нас вы хлопотливо,
А где дружина наша приют себе найдет?»
Маркграф в ответ: «Вкушайте сон, не ведая забот.

1659 Никто дружине вашей не причинит вреда.
Хотя добра немало вы привезли сюда,
У ваших вормсцев шпору — и ту не украдут,
Такой надежной стражею их окружу я тут.

1660 Бойцы, живей за дело — вот место для шатров.
Все, что у вас похитят, я возместить готов.
Узду с коней снимите, пастись пустите их».
Теплей никто не принимал вовек гостей своих.

1661 Так, на поле, в палатках расположилась рать.
Не довелось ни разу ей лучше отдыхать,
Чем искренне довольны остались короли.
Затем со всею свитою их в замок повезли.

1662 В воротах, ожидая прибытия гостей,
Стояли маркграфиня и дочка рядом с ней.
Запястья золотые поверх шелков надев,
Пришло туда, за ними вслед, немало дам и дев.

1663 Каменьями украшен у каждой был наряд.
Все до одной пленяли красою редкой взгляд.
Подъехали бургунды и спрыгнули с седла.
Ах, как у них учтива речь, как стать горда была!

1664 Толпа прекрасных женщин и тридцать шесть девиц —
От века мир не видел таких прелестных лиц! —
С вассалами маркграфа направилась к гостям:
Героям лестно услыхать привет от знатных дам.

1665 Дочь Рюдегера, помня, о чем просил маркграф,
И королей бургундских в уста поцеловав,
Лобзанием хотела и Хагена почтить,
Но долго страх пред ним была не в силах победить.

1666 Исполнила, однако, она отцов приказ,
Хотя в лице при этом менялась много раз.
Затем бесстрашный Данкварт лобзаньем был почтен,
А также Фолькер — затмевал отвагой многих он.

1667 Взят за руку был ею млад Гизельхер потом.
Проследовал он в замок со спутницей вдвоем.
Державный Гунтер руку хозяйке старшей дал
И вместе с Готелиндою вступил в обширный зал.

1668 С самим маркграфом в паре отважный Гернот шел.
Уселись в зале дамы и витязи за стол.
Велел подать хозяин вина гостям своим.
Нигде не принимали их с радушием таким.

1669 Вселяла дочь маркграфа в мужчин восторг большой.
К ней каждый витязь втайне тянулся всей душой.
Тут нечему дивиться: и красотой она,
И сердцем добродетельным была наделена.

1670 Все видели, конечно, что их мечты напрасны.
Но и другие дамы там были столь прекрасны,
Что вскорости герои утешились опять.
К тому ж скрипач хозяину помог гостей занять.

1671 Затем бойцам и дамам, как исстари велось,
Для отдыха расстаться на час-другой пришлось,
И приготовить к пиру хозяин зал велел.
Для чужеземцев он ни вин, ни яств не пожалел.

1672 С приезжими воссела за стол жена его,
Но дочке запретила идти на торжество —
Остаться надлежало со сверстницами ей.
Весьма ее отсутствие расстроило гостей.

1673 Поэтому, насытясь и выпив всласть вина,
Бургунды попросили, чтоб вышла к ним она,
И завязался в зале веселый разговор.
Отважный Фолькер был в речах особенно остер.

1674 Воскликнул шпильман громко: «Прославленный маркграф,
Господь явил вам милость, столь щедро вас взыскав
Красавицей-женою, разумной и достойной,
С которой доживете вы до старости спокойно.

1675 Будь я король могучий, а не простой вассал,
Я б вашу дочь в супруги всенепременно взял
И с ней безмерно счастлив был до скончанья лет.
Девицы добродетельней, знатней и краше нет».

1676 Но Рюдегер ответил: «Мечтать не смею я,
Что станет государю женою дочь моя —
Изгнанники мы с нею, в чужой земле живем.
Пускай она красавица — а много ль проку в том?»

1677 На это молвил Гернот учтиво, как всегда:
«Когда б искать невесту приспела мне нужда,
Вступить с подобной девой я был бы счастлив в брак».
Сказал, в поддержку королю, владетель Тронье так:

1678 «Давно жениться хочет млад Гизельхер, ваш брат.
Как все его вассалы, я буду горд и рад,
Коль с юной маркграфиней он под венец пойдет.
Служить столь знатной госпоже любой за честь почтет».

1679 Маркграфу с Готелиндой польстила эта речь,
И тут же все решили, что Гизельхер наречь
Дочь Рюдегера должен невестою своей:
Отнюдь она рождением не ниже королей.

1680 Что суждено судьбою, тому не миновать.
Родители велели девицу в зал позвать.
В зятья взять Гизельхера был ими дан обет.
А он всегда их дочь любить поклялся им в ответ.

1681 Пообещали Гунтер и Гернот удалой,
Что после брачной ночи в подарок молодой
Земли и замков много даст новая родня.
Сказал на это Рюдегер: «Нет замков у меня,

1682 Зато по гроб я буду вам верен, короли,
А чтобы брак на Рейне неравным не сочли,
В приданое за дочкой назначим мы с женою
Сто лошадей с серебряной и золотой казною».

1683 Как исстари ведется, невеста и жених
На середину вышли, и там обстали их
Вассалы молодые ликующим кольцом.
На Гизельхера с завистью взирали все кругом.

1684 Бехларенку спросили, согласна ли она
Избрать его в супруги, но, от стыда красна,.
Красавица не в силах была промолвить «да».
В любви признаться девушка стесняется всегда.

1685 Однако, выждав время, ей приказал отец
Согласьем Гизельхеру ответить наконец,
И тот рукою белой ее к груди прижал.
Увы, недолго девушке герой принадлежал!

1686 «Как требует обычай,— сказал маркграф гостям,—
Вам, короли бургундов, я дочь свою отдам,
Когда вы в Вормс от гуннов поедете назад».
Столь мудрому решению был в зале каждый рад.

1687 Но увидал хозяин, что отдохнуть пора.
Ушла к себе в светлицу невеста до утра,
И гости опочили; когда же день рассвел,
Маркграф опять приветливо их пригласил за стол.

1688 Откушав, Гунтер свите сбираться в путь велел,
Но Рюдегер и слышать об этом не хотел:
«Должны еще хоть малость вы здесь побыть, друзья.
Столь дорогих гостей у нас не часто вижу я».

1689 На это молвил Данкварт: «Нет, медлить нам грешно.
Откуда вы возьмете хлеб, яства и вино,
Чтоб снова чуть не сутки такую рать кормить?»
Маркграф в ответ: «Прошу меня отказом не срамить.

1690 Бехларенцы пока что добром не оскудели.
У нас припасов хватит еще на две недели
Для всех, кто вместе с вами отправился в дорогу.
Мне дал богатства всякого державный Этцель много».

1691 Как вормсцы ни пытались уехать поскорей,
Не отпускал хозяин еще три дня гостей.
Коней и платья столько пораздарил им он,
Что за радушье был везде молвой превознесен.

1692 Когда ж пришла бургундам пора расстаться с ним,
Он стал еще щедрее к гостям своим честным.
Ни в чем не отказал им хозяин хлебосольный.
Приемом и подарками остались все довольны.

1693 Но вот оруженосцы приезжих удальцов
К воротам подогнали ретивых скакунов,
И, взяв щиты, герои направились к коням.
Настало время выступать в дорогу королям.

1694 Бургундам, покидавшим поочередно зал,
Хозяин на прощанье подарки предлагал.
Был Рюдегер согласен последнее раздать им —
Ведь он рассчитывал назвать млад Гизельхера зятем.

1695 Надежную кольчугу он Гунтеру вручил,
И знатный гость отказом его не огорчил,
Хоть принимать подарки и не любил дотоль.
Поклоном поблагодарил даятеля король.

1696 По приказанью мужа маркграфовой женой
Был Герноту на память предложен меч стальной.
Не предал он в сраженье владельца своего —
В числе других сам Рюдегер пал от клинка того.

1697 Считала маркграфиня, что оказать она
Какой-то знак вниманья и Хагену должна —
То, что король приемлет, вассал обязан взять.
И все-таки решился гость хозяйке отказать.

1698 Владетель Тронье молвил: «Мне ничего не надо,
Но коль и впрямь подарком меня почтить вы рады,
Я захватить с собою не прочь бы к гуннам щит,
Который вон на той стене, как видите, висит».

1699 Услышала хозяйка, что́ Хаген произнес,
И помутнели очи у ней от горьких слез:
Припомнился ей Нудунг и то, как жизнь свою
До срока из-за Витеге утратил он в бою.

1700 Она сказала: «Просьбу исполнить я согласна.
Зачем к себе так рано призвал господь всевластный
Того, кого в сраженье сей добрый щит не спас!
О нем, погибшем в цвете лет, я плачу и сейчас».

1701 Подарка грозный Хаген достоин был вполне.
Встав с места, маркграфиня направилась к стене,
И белыми руками тяжелый щит сняла,
И витязю бургундскому его преподнесла.

1702 Камнями дорогими он сплошь усыпан был
И так сверкал на солнце, что взор огнем слепил.
Все десять сотен марок иль более того
В любое время дали бы владельцу за него.

1703 Унес с собою Хаген подарок дорогой.
Не обделен остался и Данкварт удалой:
Был юной маркграфиней наряд ему вручен.
В одежде этой щеголял потом у гуннов он.

1704 Воители подарков не взяли бы, конечно,
Когда бы не держался хозяин так сердечно,
Что было невозможно ему не уступить.
И все ж бургундам вскорости пришлось его убить.

1705 Чтоб выразить хозяйке почтение свое,
Сыграл учтивый Фолькер на скрипке для нее
И песню спел при этом, да так, что всех вокруг
Мысль о прощанье с ближними в тоску повергла вдруг.

1706 Шкатулку маркграфиня тут принести велела
И на руку герою по-дружески надела
Двенадцать штук браслетов, чеканных, золотых.
«На празднество у Этцеля с собой возьмите их

1707 И в честь мою подарок носите, не снимая.
Когда ж на Рейн обратно поедете с Дуная,
Доставьте всем нам радость, Бехларен посетив».
Желанье дамы исполнял скрипач, пока был жив.

1708 Сказал гостям хозяин: «Я с вами еду сам,
А чтоб вреда в дороге не причинили нам,
С собою мы захватим внушительную стражу».
Взвалили тут на лошадей немалую поклажу.

1709 Отправилось с маркграфом пять сотен удальцов.
Всем дал он и одежду, и добрых скакунов.
С веселым сердцем мчались они вослед за ним,
Но возвратиться не пришлось ни одному к родным.

1710 Дочь и супругу обнял маркграф в прощальный миг.
К устам невесты юной млад Гизельхер приник.
Бойцы к груди прижали пригожих жен своих.
Ах, долго женщины потом оплакивали их!

1711 Раскрылись всюду окна, везде чернел народ.
В седло герои сели и двинулись в поход.
Лились ручьями слезы у дам и дев из глаз —
Недоброе предчувствие гнело их в этот час.

1712 Так горестно стенали красавицы тогда,
Как будто впрямь с мужьями прощались навсегда,
А те скакали к гуннам ликующей толпой,
Вниз по Дунаю двигаясь прибрежною тропой.

1713 Маркграф достойный слово к бургундам обратил:
«Теперь на вашем месте я б гуннов известил
О том, что вы с дружиной спешите в их владенья.
Исполнит счастьем Этцеля такое сообщенье».

1714 По Австрии помчался гонец во весь опор,
И вскоре всполошился весь людный гуннский двор,
Узнав, что гости с Рейна на празднество спешат.
Державный Этцель этому был несказанно рад.

1715 Велев своим вассалам приготовляться к встрече,
Он молвил: «Нибелунги отсюда недалече.
С большим радушьем братьев прими, жена моя.
Своим приездом нам с тобой окажут честь шурья».

1716 Вскочила королева и встала у окна.
Как друга ждет подруга, ждала родных она
И взоры неотрывно вперяла в земляков,
А муж ее не находил от восхищенья слов.

1717 Воскликнула Кримхильда: «Вот радость для меня!
В доспехах пышных едет сюда моя родня.
Кто золота желает и жаждет быть в чести,
Пусть вспомнит, сколько мне обид посмели нанести».

АВЕНТЮРА XXVIII

О ТОМ, КАК БУРГУНДЫ ПРИБЫЛИ К ГУННАМ

1718 Был Хильдебрандом Бернским о вормсцах извещен
Его питомец Дитрих, и стал невесел он,
Услышав, с чем явился к нему старик-вассал,
Но все ж приветливо принять бургундов приказал.

1719 Распорядился Вольфхарт, чтоб подали коней,
И в поле Дитрих отбыл с толпой богатырей:
Спешил свои услуги он предложить гостям,
А рейнцы между тем шатры уже разбили там.

1720 Когда увидел Хаген, кто подъезжает к ним,
Почтительно промолвил он королям своим:
«Я вас прошу подняться и выйти, господа.
Должны мы с честью встретить тех, кто к нам спешит сюда.

1721 То края Амелунгов могучие сыны,
Чьи души благородства и мужества полны.
Ведет их Дитрих Бернский — я с ним давно знаком.
Не след гнушаться дружбою с подобным смельчаком».

1722 Как долг гостеприимства и вежливость велят,
На землю спрыгнул Дитрих, за ним — его отряд,
И устремились бернцы к палаткам пришлецов,
На все лады приветствуя приезжих удальцов.

1723 С тяжелым сердцем Дитрих трем королям предстал:
Выходит, понапрасну надежду он питал,
Что Рюдегер сумеет бургундов остеречь.
И к детям Уты обратил герой такую речь:

1724 «Привет вам, Гунтер, Гернот и Гизельхер младой,
Вам, Хаген, шпильман Фолькер и Данкварт удалой!
Но помните, что Зигфрид Кримхильдой не забыт.
О нибелунге доблестном досель она скорбит».

1725 Воскликнул Хаген гордо: «Что нам ее кручина!
Немало лет промчалось со дня его кончины.
О том, кто не воскреснет, к чему скорбеть без толку?
Пусть лучше любит Этцеля, чем плакать втихомолку».

1726 «Пусть,— молвил Дитрих Бернский,— спит Зигфрид вечным сном.
Но речь, державный Гунтер, веду я не о нем.
Покуда дни Кримхильды еще не сочтены,
Щит нибелунгов, жизнь свою вы поберечь должны».

1727 «Как мне еще беречься? — король в ответ ему.—
Не вправе был не верить я зятю своему,
Когда меня просили прибыть на торжество
Два шпильмана от имени Кримхильды и его».

1728 Шепнул тут государю владетель Тронье снова:
«Король, не остается вам выхода иного,
Как Дитриха с друзьями тайком уговорить
Намеренья Кримхильды нам по-дружески раскрыть».

1729 Последовали тотчас совету короли
И Дитриха из Берна в сторонку отвели.
«Великодушный Дитрих, поведай без прикрас,
Что королева думает затеять против нас».

1730 «Что вам еще поведать? — сказал правитель Берна.—
Одно лишь о Кримхильде я знаю достоверно:
С зарей встает и молит она в слезах творца,
Чтоб он воздал за Зигфрида, могучего бойца».

1731 «Ничем тут не поможешь, пусть плачет весь свой век,—
Воскликнул шпильман Фолькер, отважный человек.—
Мы ж ко двору поедем, а там посмотрим сами,
Как обойтись и поступить решили гунны с нами».

1732 И ко двору бесстрашно бургунды поскакали,
А гунны жадных взоров с приезжих не спускали
И Хагена старались меж ними угадать.
Его всем людям Этцеля хотелось увидать.

1733 Давно владений гуннских достигла весть о том,
Что Зигфрид Нидерландский сражен его копьем,
Хоть силой муж Кримхильды всех в мире затмевал.
Вот отчего о Хагене здесь каждый толковал.

1734 Хорош собой был витязь — осанист, длинноног,
В плечах косая сажень, да и в груди широк.
Лицом и взглядом грозным внушал он людям страх,
И серебрилась седина уже в его кудрях.

1735 Отвел покои Этцель для знатных пришлецов.
Однако в зал отдельный слуг и простых бойцов
Кримхильда поместила, желая брату зла,
И там вся челядь вормсская истреблена была.

1736 Определен был Данкварт в начальники над ней.
Ему державный Гунтер велел беречь людей
И присмотреть, чтоб было все нужное у них.
На совесть порадел герой о ратниках своих.

1737 Неласково с гостями хозяйка обошлась.
С одним лишь Гизельхером Кримхильда обнялась,
А с прочими не стала здороваться совсем.
Заметив это, подвязал потуже Хаген шлем.

1738 Владетель Тронье бросил: «Такой прием холодный
Обиду и тревогу вселит в кого угодно.
Встречают здесь учтиво не каждого из нас.
Как видно, мы отправились сюда не в добрый час».

1739 Ответила Кримхильда: «Учтив с гостями тот,
Кому доставить радость способен их приход.
А с чем таким из Вормса явились вы ко мне,
Чтоб рада вас принять была я у себя в стране?»

1740 С усмешкой молвил Хаген: «Когда б я знал заране,
Что за гостеприимство вы требуете дани,
Поверьте, согласился б я по миру пойти,
Чтоб только вам, владычица, подарок привезти».

1741 «Тут речь не о подарке — прошу я своего.
Что с кладом нибелунгов? Где скрыли вы его?
По праву им владела я в прошлые года.
Его-то и велел сам бог вам привезти сюда».

1742 «Неужто вы забыли, что много лет назад
По воле государей увез я этот клад
И бросил в воды Рейна, и он пошел на дно.
Ему до Страшного суда лежать там суждено».

1743 На это королева такой ответ дала:
«О нем все это время я много слез лила.
Он мне подарен мужем, а значит — мнила я —
Вы привезти хоть часть его должны в мои края».

1744 «Пусть черт вам клады возит, — сказал владетель Тронье. —
Уже и без того я нагружен крепкой броню,
Щитом, мечом и шлемом, хоть из родной страны
Мной не в подарок вам они сюда привезены».

1745 Кримхильда нибелунгов предупредила тут:
«У нас оружье гости при входе в зал сдают,
И я на сохраненье от вас его приму».
На это Хаген возразил: «Вовек не быть тому.

1746 Да разве допущу я, чтоб на виду у всех
Хозяйка надрывалась, таская мой доспех?
Учил меня родитель беречь прекрасных дам.
Носить свое оружие и впредь я буду сам».

1747 Промолвила Кримхильда: «Я предана опять.
Доспехи не желают мой брат и Хаген снять.
Предостерег, наверно, их некий доброхот.
Коль я проведаю, кто он, его кончина ждет».

1748 Побагровев от гнева, ответил Дитрих ей:
«И Хагена лихого, и знатных королей
Предостерег по дружбе я и никто иной.
Попробуй, ведьма злобная, расправиться со мной».

1749 Хоть стало от обиды у ней темно в глазах,
Кримхильда промолчала — внушал ей Дитрих страх —
И отошла подальше от недругов своих,
Окинув на прощание свирепым взглядом их.

1750 Тут за руки друг друга два славных мужа взяли.
Один из них был Хаген, другого Дитрих звали.
С бургундом витязь бернский повел такую речь:
«Мне очень жаль, что дали вы сюда себя завлечь.

1751 С Кримхильдой не случайно повздорить вам пришлось».—
«Посмотрим мы, что будет»,— ему ответил гость.
Покамест шел меж ними учтивый разговор,
Державный Этцель обратил на чужеземца взор.

1752 Спросил он приближенных: «А как зовется тот,
С кем Дитрих наш беседу по-дружески ведет?
Высокий ум и душу все обличает в нем.
Наверно, он на свет рожден был доблестным отцом».

1753 Один из слуг Кримхильды сказал: «Мой господин,
Он — уроженец Тронье и Альдриана сын.
Вид у него учтивый, зато суровый нрав,
И убедитесь вы еще, насколько был я прав».

1754 «Как я могу увидеть, суров он или нет?» —
Недоуменно молвил король ему в ответ.
Ведь он еще не ведал намерений жены,
Не знал, что ею родичи на смерть обречены.

1755 «Я помню Альдриана — служил мне верно он
И в рыцари был мною за храбрость посвящен.
Охотно с ним делился я золотом своим,
И незабвенной Хельхою он тоже был любим.

1756 Потом прислал он сына в заложники ко мне,
И с Вальтером Испанским тот жил у нас в стране.
Когда же Хаген вырос, он был отпущен мной,
А Вальтер с Хильдегундою бежал в свой край родной».

1757 О прошлом вспомнил Этцель и убедился снова,
Что видит пред собою соратника былого.
Достойно гуннам Хаген в дни юности служил,
Зато немало их в бою под старость уложил.

АВЕНТЮРА XXIX

О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ПРЕПИРАЛАСЬ С ХАГЕНОМ, А ОН НЕ ВСТАЛ ПЕРЕД НЕЮ

1758 Но вот прервал беседу бургундский удалец
И с Дитрихом из Берна расстался наконец.
Через плечо глазами окидывая зал,
Искал себе он спутника и вскоре отыскал.

1759 С млад Гизельхером Фолькер стоял плечом к плечу,
И Хаген обратился учтиво к скрипачу,
Прося, чтоб вышел шпильман с ним вместе из дворца.
Он знал его как сильного, бесстрашного бойца.

1760 Покуда в людном зале шел громкий разговор,
Тайком спустились Хаген со шпильманом во двор
И вдоль него неспешно направили шаги.
В таких героев не могли вселить испуг враги.

1761 Перед дворцом соседним — жила Кримхильда в нем —
Уселись на скамейку воители вдвоем.
Огнем сверкали брони на витязях лихих.
Всем, кто там был, хотелось знать, как величают их.

1762 Как будто на заморских, невиданных зверей,
Толпой глазели гунны на двух богатырей.
Заметила Кримхильда обоих из окна,
И помрачнела Этцеля пригожая жена.

1763 Опять у ней померкли глаза от горьких слез.
Вассалы, видя это, ей задали вопрос,
Что ввергнуть так внезапно ее в тоску могло.
Она сказала: «Витязи, от Хагена все зло».

1764 У королевы гунны допытываться стали:
«Как так? Ведь мы недавно веселой вас видали.
Но пусть силен спесивец, который вас задел,—
Лишь дайте знак, и не уйдет от нас он жив и цел».

1765 «Молю вас на коленях,— в ответ Кримхильда им,—
Расправиться нещадно с обидчиком моим.
Кто за меня отплатит и Хагена убьет,
Тому я дам в награду все — богатство, власть, почет».

1766 Проворно снарядилось тут шестьдесят бойцов.
Любой за королеву был в бой вступить готов.
Они, посовещавшись, решили сгоряча
Сразить немедля Хагена, а с ним и скрипача.

1767 Но взор остановила Кримхильда на бойцах
И, видя, как их мало, воскликнула в сердцах:
«Того, чего хотите, добьетесь вы навряд —
Не сломит в схватке Хагена столь небольшой отряд.

1768 Но хоть властитель Тронье отважен и силен,
Тот, кто сидит с ним рядом, еще страшней, чем он.
Могучий шпильман Фолькер — опасный человек.
Без подкрепленья с ними вы не сладите вовек».

1769 Бойцам позвать на помощь товарищей пришлось.
Четыре сотни гуннов в доспехи облеклось.
Владела королевой одна лишь мысль — отмстить,
И многим жизнью довелось за это заплатить.

1770 Увидев, что дружина готова бой начать,
Кримхильда удержала своих людей опять:
«Я подождать немного приказываю вам.
Сперва в короне выйду я сама к моим врагам.

1771 Вы все должны услышать, в чем грешен предо мной
Владетель Тронье Хаген, обидчик давний мой.
Из гордости признает он вслух вину свою,
А уж тогда мне все равно, что станет с ним в бою».

1772 Назад отважный шпильман внезапно бросил взор
И сразу же заметил, что из дому во двор
По лестнице Кримхильда ведет мужей своих,
И Хагена предостерег скрипач в словах таких:

1773 «Взгляните, сотоварищ, вон та, что зазвала
Нас на веселый праздник, но нам желает зла.
Толпой бойцы с мечами валят за ней вослед.
Ни у одной из королев столь грозной свиты нет.

1774 Не к вам ли, друг мой Хаген, они полны вражды?
Коль так, остерегайтесь, иль не минуть беды.
Быть начеку вам надо, чтоб жизнь спасти и честь.
Сдается мне, на лицах их нетрудно гнев прочесть.

1775 На их груди широкой — я вам ручась в том —
Под шелковой одеждой броня горит огнем.
Зачем они в доспехах — не знаю я покуда,
Но к бою, если бой грозит, готовым быть не худо».

1776 Воскликнул Хаген гневно: «Прекрасно понял я,
Чего они здесь ищут,— нужна им жизнь моя.
Затем при них оружье, затем они в броне.
Но не закажут путь на Рейн враги такие мне.

1777 Ответьте, друг мой Фолькер, могу ли я просить,
Чтоб вы мне пособили их натиск отразить.
Коль будете со мною вы в этот трудный час,
В беде и битве никогда я не покину вас».

1778 Промолвил смелый шпильман: «Скажу вам наперед:
Пусть против вас сам Этцель всю рать свою пошлет,
Я и тогда охотно на помощь вам приду
И ни на шаг не отступлю, покуда не паду».

1779 «Мой Фолькер благородный, да наградит вас бог!
Соратника надежней я и желать не мог.
Мне никого не надо, раз вы со мною вместе.
Пусть появляются враги — мы встретим их честь честью».

1780 Скрипач ему ответил: «Пора подняться нам.
Сидеть не подобает при появленье дам,
Кримхильда — королева, и мы, не встав пред ней,
Уроним, без сомнения, себя в глазах людей».

1781 «Клянусь вам нашей дружбой,— воскликнул Хаген в гневе,—
Не выкажу почтенья вовек я королеве.
Ведь если перед нею я с места поднимусь,
Ее бойцы подумают, что ссоры я боюсь.

1782 Не будем больше с вами вести об этом речь.
Пред тою, кто желает на смерть меня обречь,
Я вежливости ради не стану шею гнуть,
И гнев супруги Этцеля не страшен мне отнюдь».

1783 Тут вытянул он ноги и положил на них,
Высокомерно глянув на недругов своих,
Клинок в ножнах, обшитых парчовою каймой.
Увидев рукоять его с отделкой золотой

1784 И с яблоком из яшмы, зеленой, как трава,
Заплакала Кримхильда, от горя чуть жива:
Меч Зигфрида узнала она в оружье том,
Намеренно показан ей он был ее врагом.

1785 К себе поближе Фолькер придвинул свой смычок,
Который был столь длинен, тяжел, остер, широк,
Что при нужде владельцу он мог служить клинком.
Так и сидели на скамье два витязя рядком.

1786 Был душам их высоким неведом страх совсем,
И не вставать решили они ни перед кем.
Но тут Кримхильда вышла к ним наконец во двор
И завела с бургундами недобрый разговор:

1787 «Кто вас, надменный Хаген, зазвал в мои края?
Ужель вы полагали, что позабыла я,
Как из-за вас страдала в прошедшие года?
Лишились, видно, вы ума, коль прибыли сюда».

1788 «Никем,— ответил Хаген,— не зазван к вам сюда я,
А лишь по долгу чести на пир сопровождаю
Трех королей бургундских, чей верный я вассал.
В любой поездке и досель я их сопровождал».

1789 Она сказала: «Хаген, признайтесь сей же час,
Известно ль вам, за что я так ненавижу вас.
Вы Зигфрида убили, супруга моего.
До смерти не устану я оплакивать его».

1790 «Давно мне все известно,— Кримхильде молвил он.—
Да, я тот самый Хаген, кем Зигфрид был сражен.
Его собственноручно я смел с лица земли
За то, что бранью вы до слез Брюнхильду довели.

1791 Расчета, королева, мне отпираться нет.
Лишь я один — виновник всех ваших прошлых бед
И хоть сейчас за это ответ держать готов.
Пусть тот, кто мне отмстить решил, отмстит без лишних слов».

1792 Кримхильда обратилась к пришедшим с ней бойцам:
«Вы слышите, признался в своей вине он сам,
И что с ним дальше станет — мне все равно уже».
Молчанием ответили вассалы госпоже.

1793 Ведь если б гунны все же затеяли сраженье,
Они б лишь новой славой покрыли, без сомненья,
Двух витязей бургундских, испытанных в боях.
То, что клялись они свершить, им не дал сделать страх.

1794 Один из них промолвил: «Что ж мы молчим, друзья?
Исполнить обещанье отказываюсь я.
Зачем нам после смерти богатство, власть и честь?
Из-за супруги Этцеля мы все поляжем здесь».

1795 «Я мнения того же,— проговорил другой,—
И в жизни не отважусь на безнадежный бой
Со скрипачом могучим, чей взор свиреп и лют,
Пусть даже горы золота за это мне дают.

1796 О Хагене мне тоже рассказывать не надо —
Со мною вел знакомство владетель Тронье смлада.
Мы двадцать два сраженья с ним вместе пережили.
Нередко жены о мужьях из-за него тужили.

1797 Когда его держали заложником у нас,
Он с Вальтером Испанским ходил в поход не раз,
У Этцеля на службе стяжав большую славу,
И сохраняется досель она за ним по праву.

1798 А ведь в ту пору витязь едва входил в года.
Увы, давно уж седы те, кто был юн тогда!
Теперь же грозный Хаген не юноша, а муж
И Зигфридовым Бальмунгом вооружен к тому ж».

1799 В конце концов, сраженье затеять не посмев
И этим королеву повергнув в скорбь и гнев,
Сочли за благо гунны исчезнуть поскорей —
Так сильно их перепугал вид двух богатырей.

1800 Сказал бесстрашный шпильман: «Теперь нам стало ясно,
Что предостерегали нас люди не напрасно.
Вернемся же немедля к трем нашим королям,
Чтоб их задеть и в бой втянуть не вздумалось врагам.

1801 Там, где, не зная страха, стоит за друга друг,
Оружье выпадает у недруга из рук.
Чтоб отреклись злодеи от умыслов дурных,
Порой довольно показать, что не боишься их».

1802 «Вы правы»,— молвил Хаген, воитель знаменитый,
И в зал они вернулись, где короли со свитой
Стояли, ожидая, пока их примет зять.
Не смог при виде этого герой-скрипач смолчать

1803 И бросил государям: «К лицу ль гостям таким
Столь долго ждать свиданья с хозяином своим?
Велите, чтоб немедля к нему пустили вас».
Тогда разбились витязи на пары сей же час.

1804 Державный Гунтер рядом с владыкой бернским шел,
А Гернота лихого отважный Ирнфрид вел.
За ними выступали, друг другу руку дав,
Млад Гизельхер и Рюдегер, бехларенский маркграф.

1805 Хоть с кем-то из хозяев шел каждый гость вдвоем,
Не разлучился Хаген и тут со скрипачом.
Заставить их расстаться лишь смерти удалось,
И многим женам из-за них наплакаться пришлось.

1806 Сопровождали гордо трех братьев-королей
Их славная дружина из тысячи мужей
И шестьдесят вассалов, всегда готовых к бою,
Которых Хаген на Дунай из Тронье взял с собою.

1807 Бургундским государям, их обогнав чуть-чуть,
Указывали Иринг и смелый Хаварт путь,
А за порядком Данкварт и Вольфхарт наблюдали.
Боец, им равный доблестью, нашелся б там едва ли.

1808 Когда властитель рейнский вступил в приемный зал,
Державный Этцель с трона нетерпеливо встал
И так радушно принял всех, кто вошел туда,
Как не встречали их еще нигде и никогда.

1809 «Примите, Гунтер, Гернот и Гизельхер, привет.
Мне повстречаться с вами хотелось много лет.
На Рейн я с этой целью и посылал гонцов,
Я видеть также очень рад всех ваших удальцов.

1810 С двумя из них мне встреча особенно приятна.
Давно с женой мы ждали, когда вы, Фолькер знатный,
И вы, владетель Тронье, пожалуете к нам.
Она вам это сообщить дала наказ послам».

1811 Сказал на это Хаген: «Я говорил с послами
И если б к вам не прибыл с моими королями,
То ради вас явился б на праздник и без них».
Тут за руку хозяин взял гостей столь дорогих.

1812 Шурьев с собою Этцель па троне усадил,
И в золотые чаши приезжим нацедил
Проворный кравчий вволю медов и сладких вин,
И быть как дома попросил их гуннский властелин.

1813 Державный Этцель молвил: «Да будет вам известно!
Ничто мне в этом мире не может быть так лестно,
Как знать, что не отвергли вы наше приглашенье.
Приезд ваш для моей жены — большое утешенье.

1814 Себя с недоуменьем я спрашивал не раз,
Каким своим поступком мог так прогневать вас,
Что в гости лишь одни вы не едете ко мне.
Я счастлив наконец принять вас у себя в стране».

1815 Тут Рюдегер достойный вмешался в разговор:
«От счастья не напрасно у вас сияет взор —
Супруги вашей братья вам преданы и верны,
А их воители полны отваги беспримерной».

1816 Бургундов принял Этцель в канун солнцеворота,
И сколько ни живу я, а все ж не слышал что-то,
Чтоб где-нибудь встречали радушнее друзей.
Повел он сам к столу шурьев, а также их людей.

1817 Никто такого пира не видел отродясь.
Хмельная влага в чаши рекою там лилась,
И потчевал хозяин с открытою душой
Своих гостей, прославленных во всех краях молвой.

АВЕНТЮРА XXX

О ТОМ, КАК ХАГЕН И ФОЛЬКЕР СТОЯЛИ НА СТРАЖЕ

1818 К закату день склонился, и мрак окутал мир.
Бургунды утомились, и стал им пир не в пир.
Был долгий путь нелегок, в постель пора бы лечь,
И первым Хаген с Этцелем завел об этом речь.

1819 Тогда и Гунтер молвил: «Храни хозяев, боже!
Хотим мы удалиться и отдохнуть на ложе,
А утром в час урочный вернемся в этот зал».
И от души согласие на то хозяин дал.

1820 С мест повскакали гунны, гостей обстав кольцом,
И крикнул смелый Фолькер: «Вы тронулись умом,
Коль под ноги суетесь таким богатырям.
К нам подступать не пробуйте, иль худо будет вам.

1821 Уж так смычком я двину, коль разозлят меня,
Что многих будет вскоре оплакивать родня.
Уйдите-ка с дороги, пока я не вскипел.
Все смельчаками мнят себя, да ведь не каждый смел».

1822 Увидев, как разгневан его бесстрашный друг,
Окинул Хаген взором тех, кто стоял вокруг,
И бросил: «Храбрый шпильман разумный дал совет.
Вам, воины Кримхильдины, тесниться здесь не след.

1823 Коль зла вы нам хотите, не тратьте силы зря.
Вы за свое возьметесь, когда сверкнет заря,
А ночью не мешайте нам почивать без ссор,
Как повелось у витязей со стародавних пор».

1824 Приезжих положили в огромном зале спать,
Для каждого поставив просторную кровать.
Спокойно сну предаться там можно было б им,
Когда бы не замыслила Кримхильда месть родным.

1825 Лежали на постелях, разостланных для них,
Аррасские подушки из тканей дорогих.
На пышных одеялах с парчовою каймой
По шелку аравийскому вился узор златой.

1826 А покрывала были у всех честных гостей
Из белых горностаев и черных соболей.
Так дивно и удобно устроен был ночлег,
Что лучше ни один король не почивал вовек.

1827 Но Гизельхер промолвил: «Все это не к добру.
Есть у меня причины подозревать сестру.
Увы, прием радушный бедой для нас чреват.
Боюсь, что нам с дружиною заказан путь назад».

1828 Сказал на это Хаген: «Оставьте страх покуда.
Всю ночь стоять на страже у входа в зал я буду
И до зари тревожить вас никому не дам,
А утром каждый за себя заступится и сам».

1829 Поклон ему отвесив, бургунды разошлись,
С себя одежду сняли и тотчас улеглись —
Давно уж сну предаться любой из них мечтал,
А Хаген, витязь доблестный, вооружаться стал.

1830 Воскликнул смелый шпильман—не лег он спать с друзьями:
«Мне постоять на страже дозвольте, Хаген, с вами,
Пока заря не вспыхнет и не рассеет тьму».
И Хаген с благодарностью ответствовал ему:

1831 «Великодушный Фолькер, пусть вам воздаст творец!
Когда со мной бок о бок стоит такой боец,
В бою меня вовеки не одолеть врагу.
Услугой с вами я сочтусь, коль смерти избегу».

1832 Надев стальные брони, а также шишаки,
Повесили герои щиты на сгиб руки
И стали на пороге, где в ожиданье дня
О притолоки оперлись, покой друзей храня.

1833 Но тут же щит свой Фолькер оставил на земле,
Вернулся в зал и скрипку там отыскал во мгле.
Во двор оттуда с нею опять спустился он,
Решив бургундам усладить их первый, чуткий сон.

1834 На камень он уселся со скрипкою своей.
Вовек на свете не жил скрипач его смелей.
Так ласково и нежно он заиграл в тиши,
Что шпильману признательны все были от души.

1835 Не пожалел воитель умения и сил.
Смычок его напевом все зданье огласил.
Волною плыли звуки, сливаясь и журча,
И многих убаюкало искусство скрипача.

1836 Увидев, что уснули соратники его,
Он снова встал у двери близ друга своего
И на руку повесил надежный щит опять,
Чтоб в случае нужды отпор мужам Кримхильды дать.

1837 В полночный час иль раньше заметил вдруг смельчак,
Как блещут чьи-то шлемы сквозь непроглядный мрак.
То воины Кримхильды сошлись во двор толпой,
Решив застичь гостей врасплох и навязать им бой.

1838 Скрипач возвысил голос: «Друг Хаген, мне сдается,
Что скоро потрудиться обоим нам придется.
Людей вооруженных заметил я во тьме.
Ручаюсь вам, недоброе у гуннов на уме».

1839 «Молчите,— молвил Хаген.— Пусть ближе подойдут.
Они нас не увидят, а мы их встретим тут
И столько крепких шлемов мечами рассечем,
Что повернут враги назад с позором и стыдом».

1840 Но в этот миг на двери какой-то гунн взглянул
И, различив двух стражей, товарищам шепнул:
«Нам нынче не добиться того, чего хотим.
У входа в зал столкнемся мы со шпильманом лихим.

1841 На лоб скрипач надвинул стальной блестящий шлем,
Ни разу не пробитый в сражениях никем.
Как жар, в полночном мраке броня горит на нем.
Оберегает сон друзей он с Хагеном вдвоем».

1842 Вспять гунны повернули, от страха побледнев,
И другу молвил Фолькер, придя в великий гнев:
«Дозвольте мне пуститься вдогонку пришлецам.
Два слова я хочу сказать Кримхильдиным бойцам».

1843 «Нет, ради дружбы нашей, ни шагу от порога! —
Ему ответил Хаген.— Взгляните, как их много.
Куда б вы ни ступили, вас окружат везде.
Я к вам приду на выручку, и тут уж быть беде.

1844 Пока мы с вами будем врагов сметать с пути,
Успеют два-три гунна украдкой в зал войти
И там среди уснувших такое натворить,
Что нам по гроб о родичах придется слезы лить».

1845 «Тогда, по крайней мере, им объявить бы надо,
Что мы их здесь видали,— сказал скрипач с досадой.
Пусть отрицать не сможет потом никто из них,
Что посягал предательски на жизнь гостей своих».

1846 И бросил Фолькер гуннам, бежавшим прочь в испуге:
«Куда вы так спешите? Зачем на вас кольчуги?
Вы на разбой, наверно, собрались в эту ночь?
Коль так, мы с сотоварищем готовы вам помочь».

1847 Враги не отзывались — язык сковал им страх.
«Тьфу, трусы и злодеи! — вскричал герой в сердцах.—
Во сне хотели, видно, вы смерти нас предать.
К лицу ли честным витязям на спящих нападать?»

1848 Узнала королева нерадостную весть,
И пуще запылали в ней ненависть и месть.
Так гнев ее ужасен и беспощаден был,
Что многих смелых воинов он вскоре погубил.

АВЕНТЮРА XXXI

О ТОМ, КАК ОНИ ХОДИЛИ В СОБОР

1849 Промолвил смелый Фолькер: «В кольчуге я продрог,
Да и рассвет, я чую, теперь уж недалек —
Коль ветерком пахнуло, недолго ждать зари».
И в дом будить соратников пошли богатыри.

1850 Луч утреннего солнца сквозь окна брызнул в зал,
И поднимать с постели бургундов Хаген стал:
В собор к обедне ранней идти пора пришла,
По-христиански там уже звонят в колокола.

1851 Неслось оттуда пенье, звучавшее не в лад,—
Несходен с христианским языческий обряд,
Но все ж герои с ложа вскочили поскорей.
Боялись службу пропустить мужи трех королей.

1852 Богатую одежду надели удальцы.
В такой не щеголяли еще ничьи бойцы.
Был этим смелый Хаген немало огорчен.
«Потребен здесь иной наряд,— друзьям промолвил он.—

1853 Вам всем теперь известно, как дело обстоит
И сколько неприязни Кримхильда к нам таит.
Возьмите в руки лучше не розы, а клинки
И вместо обручей на лоб надвиньте шишаки.

1854 Не избежать сегодня нам с вами битвы тяжкой.
Прикройте ж грудь кольчугой — не шелковой рубашкой,
Не пестрый плащ берите, а добрый щит с собой,
Чтоб быть во всеоружии, коль нам навяжут бой.

1855 Ведите, государи, вассалов ваших в храм,
Где вознесут моленья они к Творцу, чтоб нам
Предсмертные мученья он облегчил в бою.
Мы все без исключения умрем в чужом краю.

1856 Пусть каждый честный воин в грехах, свершенных им,
Покается смиренно пред богом всеблагим
И знает, что к обедне идет в последний раз,
Коль царь небесный защитить не соизволит нас».

1857 Отправились молиться с дружиной короли,
Но встали перед храмом и в двери не вошли —
Совет им подал Хаген не заходить в собор:
«Держаться вместе мы должны, чтоб гуннам дать отпор.

1858 Друзья мои, поставьте свои щиты у ног
И первого, кто скажет вам слово поперек,
Разите без пощады, чтоб наповал убить.
Лишь дерзость нам оградою отныне может быть».

1859 К господню храму Хаген с отважным скрипачом
По площади соборной направились вдвоем —
Хотелось с королевой столкнуться им в дверях.
Сверкал неукротимый гнев у витязей в очах.

1860 Тут показался Этцель с супругою своей.
Роскошная одежда была в тот день на ней.
Вздымая тучи пыли, за ними следом шло
Вассалов их воинственных несметное число.

1861 Заметив, что доспехи на всех гостях блестят,
Хозяин с изумленьем всмотрелся в их наряд
И рек: «Зачем в кольчугах пришли мои друзья?
Коль им обиду нанесли, ее заглажу я.

1862 А если был случайно ущерб им причинен,
По первому же слову он будет возмещен —
Пусть только скажут прямо, что нужно сделать мне.
Как жаль, что кто-то оскорбил их у меня в стране!»

1863 «Никем,— ответил Хаген,— мы не оскорблены,
А лишь блюдем обычай своей родной страны —
На пир три дня являться в доспехах и с мечами.
Обидь нас кто, об этом вам мы доложили б сами».

1864 На Хагена Кримхильда, услышав эту ложь,
Со злобою взглянула, но промолчала все ж.
Не смела опровергнуть она слова его,
Хоть помнила обычаи народа своего.

1865 Ведь если бы всю правду ее супруг проведал,
Раздору бы начаться державный Этцель не дал.
Вот почему смирила свой нрав его жена,
Хоть ненавистью к родичам была, как встарь, полна.

1866 Стояли два бургунда у входа в божий храм,
И только на две пяди они по сторонам
Неспешно отступили, когда Кримхильда к ним
Высокомерно подошла со всем двором своим.

1867 Побагровели гунны от дерзости такой
И дать уже бургундам готовы были бой,
Но вовремя сдержались — внушал им Этцель страх,
И дело, к счастью, кончилось лишь толкотней в дверях.

1868 На площадь после службы все высыпали вновь,
И гунны лихо сели на добрых скакунов.
Кримхильду провожало семь с лишним тысяч их,
А также много знатных дев, красавиц молодых.

1869 Кримхильду в зал дворцовый отвез ее супруг.
Там у окна уселся с женою он сам-друг.
За ними встали дамы, вперяя взгляд во двор,
Куда съезжались на турнир бойцы во весь опор.

1870 Бесстрашный Данкварт тоже поспел к началу боя.
За ним оруженосцы и слуги шли толпою,
Ведя для нибелунгов оседланных коней,
И не было там скакунов, разубранных пышней.

1871 Когда в седло вскочили с дружиной короли,
Стоять призвал их Фолькер за честь родной земли
И биться так, чтоб в схватке стяжать почет и славу.
Пришелся землякам его такой совет по нраву.

1872 Рад показать был каждый, на что способен он.
В обширный двор стекались бойцы со всех сторон.
Далеко разносился ударов тяжкий гром,
И любовались битвою Кримхильда с королем.

1873 Пятьсот мужей отважных, что Дитриху служили,
Туда верхом примчались, взметая клубы пыли.
С приезжими схватились они бы, как один,
Когда б им это разрешил их славный господин.

1874 Меж смелых бернцев было богатырей немало,
Но Дитриху известно намеренье их стало,
И, сильно опасаясь за подданных своих,
Он вызвать не дал им на бой бургундов удалых.

1875 Пришло на смену бернцам бехларенцев пятьсот.
Щитами прикрываясь, носились взад-вперед
Они вдоль стен дворцовых во всем вооруженье,
Но Рюдегер почтенный был не рад их появленью.

1876 К своим вассалам верным немедля подскакав,
Разумными словами им объяснил маркграф,
Что Гунтеровы рейнцы весьма раздражены
И уклониться от игры бехларенцы должны.

1877 Ушли герои с поля, очистив место там
Воинственным тюрингам и датским удальцам.
Их было десять сотен, как люди говорят.
Обломки копий сыпались на землю, словно град.

1878 Вели дружину Ирнфрид и Хаварт, муж достойный,
Но встретили их гости с надменностью спокойной
И отразили натиск тюрингских храбрецов,
Разбив на части множество сверкающих щитов.

1879 На вормсцев двинул Блёдель трехтысячную рать,
И глаз была не в силах Кримхильда оторвать
От схватки исступленной, что перед нею шла.
По-прежнему сородичам она желала зла.

1880 В бой устремился Рамунг, с ним — Хорнбог, Шрутан,
Гибих.
Вы все бы им дивились, коль увидать могли б их.
Неустрашимо гунны с бургундами дрались.
Обломки копий над дворцом, свистя, взвивались ввысь.

1881 Но все же это было лишь воинской игрой,
Хотя сражались вормсцы со смелостью такой,
Что от ударов мощных гудели двор и зал,
И каждый зритель искренне героев восхвалял.

1882 Столь рьяно в гущу схватки кидались смельчаки,
Что вскоре забелели от пота чепраки
На их конях ретивых, набегавшихся вволю.
Ни гости, ни хозяева не уступали поля.

1883 Соратникам промолвил бесстрашный Фолькер так:
«Всерьез схватиться с нами едва ль посмеет враг.
Коль в ссору не втянули нас гунны даже тут,
То с нами затевать ее и дальше не дерзнут.

1884 Коней на отдых в стойла мы отвести велим,
А как начнет смеркаться, турнир возобновим.
Быть может, свежий вечер Кримхильду охладит,
И за отвагу нас она хвалою наградит».

1885 Но тут могучий шпильман заметил, что на двор
Какой-то гунн пригожий влетел во весь опор.
Пышней любой из женщин был витязь разряжён —
Понравиться одной из них хотел, наверно, он.

1886 «Не упущу я случай,— сказал скрипач друзьям.—
Сейчас при дамах рухнет с седла любимец дам.
Вы только не мешайте мне проучить его.
А коль Кримхильда взбесится, так что нам до того?»

1887 «Оставьте,— молвил Гунтер,— намеренье свое.
Коль ссора неизбежна, не мы начнем ее —
Пускай лежит на гуннах, а не на нас вина».
Меж тем хозяин все сидел с супругой у окна.

1888 «Мне б тоже,— вставил Хаген,— продолжить бой хотелось.
Пусть витязи и дамы оценят нашу смелость
И меж собой хотя бы о ней поговорят,
Коль скоро у хозяйки нет для нас иных наград».

1889 Коня отважный Фолькер погнал обратно вскачь.
Поверг в большое горе и дам и дев скрипач.
Пронзен был гунн красивый копьем врага насквозь.
Немало слез пролить о нем всем женщинам пришлось.

1890 Последовал и Хаген за шпильманом лихим.
Все шестьдесят вассалов помчались вместе с ним
И яростную схватку затеяли опять,
А Этцель продолжал за ней с женою наблюдать.

1891 Чтоб Фолькер не остался один среди врагов,
Три короля с дружиной из тысячи бойцов
Ему без промедленья на помощь поспешили.
Немало вражеских щитов их копья сокрушили.

1892 Когда красавца-гунна скрипач убил на месте,
Воззвали со слезами его друзья о мести
И на расспросы ближних: «Кем родич наш сражен?» —
Ответили, что Фолькером был предан смерти он.

1893 Родня маркграфа-гунна, который пал в бою,
Схватилась за оружье, чтоб честь спасти свою
И отплатить убийце погибшего бойца.
Заметив это, выбежал сам Этцель из дворца.

1894 Звучали вопли гуннов все горестней и злей,
И спешилась дружина трех братьев-королей,
Готовясь в рукопашной дать недругам отпор,
Но тут хозяин подоспел и прекратил раздор.

1895 Когда за меч схватился один маркграфов друг,
У гунна Этцель вырвал оружие из рук
И разогнал буянов, в сердцах на них крича:
«Меня вы опозорите, напав на скрипача.

1696 Я видел, как он дрался и как врага убил —
Не умысел, а промах тому виною был.
Ему я не позволю обиду нанести
И долг гостеприимства впредь заставлю вас блюсти.

1897 Оставьте-ка в покое гостей моих честных».
Увидев, что хозяин горой стоит за них,
Без лишних опасений велели короли,
Чтоб слуги приняли коней и в стойла отвели.

1898 Забыть о ссоре Этцель вассалам приказал
И об руку с шурьями пошел обратно в зал.
Когда ж умылись вормсцы, им подали еду,
Но много было там людей, питавших к ним вражду.

1899 Пока гостей хозяин усаживал за стол,
К Кримхильде смелый Дитрих со свитой подошел,
И разговор коварный с ним повела она:
«Властитель Бернский, помощь мне до крайности нужна».

1900 Тут Хильдебранд вмешался: «Я не помощник той,
Кто смелым нибелунгам желает смерти злой.
Подобная затея не кончится добром:
Отвагою померятся они с любым врагом».

1901 А Дитрих королеве учтиво молвил так:
«Исполнить вашу просьбу я не могу никак.
Меж вашими родными и мною счетов нет,
И в ход пускать оружие мне против них не след.

1902 Да и к лицу ль об этом вам, госпожа, просить?
Поверьте, люди будут везде вас поносить,
Коль братьев вы убьете, их заманив сюда.
Нет, мстить я им за Зигфрида не стану никогда».

1903 На Дитрихе осекшись, она не унялась
И Блёделю в награду за помощь поклялась
Дать Нудунгову марку, но, Данквартом сражен,
Так щедрым даром и не смог воспользоваться он.

1904 Сказала королева: «Ах, деверь, помоги!
Пируют в этом зале сейчас мои враги,
Которыми был Зигфрид, мой милый муж, убит.
Я буду век служить тому, кто мстить мне пособит».

1905 Ответил Блёдель: «Знайте, владычица моя,
Что на гостей при брате напасть не смею я.
У Этцеля бургунды теперь в такой чести,
Что я пропал, коль им дерзну обиду нанести».

1906 «Зато найдешь ты, Блёдель, заступницу во мне.
Дам золота тебе я, а серебра — вдвойне
И сил не пожалею, чтоб ты в свой час и срок
Женой невесту Нудунга торжественно нарек.

1907 Я Нудунгову марку тебе пообещала,
Но к ней земель и замков в придачу дам немало.
Ты в жизни испытаешь все радости сполна.
Ручаюсь в этом словом я, а слову я верна».

1908 Когда услышал Блёдель про множество наград,
Из коих был невесте всего сильнее рад,
Решился за Кримхильду он обнажить свой меч.
Костьми из-за нее пришлось ему с дружиной лечь.

1909 Промолвил он невестке: «Вернитесь в зал опять,
А я уж постараюсь внезапно шум поднять.
Вы с Хагеном сочтетесь сегодня наконец.
Доставлен будет связанным к вам Гунтеров боец».

1910 «К оружью! — крикнул Блёдель дружинникам своим.—
Сейчас мы над врагами расправу учиним.
Угодно королеве, чтоб дал я бой гостям.
Сегодня жизнью, храбрецы, рискнуть придется вам».

1911 Увидев, что послушен и верен деверь ей,
Кримхильда в зал к супругу вернулась поскорей
И села там, где Этцель с бургундами сидел.
Приуготовлен ею был им горестный удел.

1912 Давно в ней жажда мести все чувства заглушила.
Вражду любой ценою разжечь она решила
И привести велела малютку-сына в зал.
Кто женщину безжалостней когда-нибудь видал?

1913 Пошли за юным принцем четыре удальца,
И приведен был Ортлиб к столу его отца.
Владетель Тронье тоже сидел за тем столом.
Ребенка, злобой обуян, он умертвил потом.

1914 Взглянул державный Этцель на сына своего
И, полон дружелюбья, сказал дядьям его:
«Вот тот, кто мне подарен был вашею сестрой.
Пусть всей родне отрадою наследник служит мой.

1915 Он будет добрый витязь, коль в вас пойдет, шурья.
Двенадцать стран обширных ему оставлю я.
Тогда, прославлен, знатен, отважен и силен,
Всем вам, друзья и родичи, опорой станет он.

1916 Услуги — и немалой — я жду от вас, как зять.
Когда придет вам время отбыть на Рейн опять,
Дозвольте, чтобы с вами поехал сын сестры,
И будьте с мальчиком всегда сердечны и добры.

1917 Пусть под присмотром вашим племянник ваш растет.
За это, став мужчиной, мой Ортлиб в свой черед
Тому, кто вас обидит, сумеет дать отпор».
Кримхильда молча слушала весь этот разговор.

1918 Владетель Тронье молвил: «Зачем на воспитанье
Брать нашим государям его до возмужанья?
Ему, судя по виду, совсем недолго жить.
Едва ль я буду Ортлибу когда-нибудь служить».

1919 На неучтивца глянул хозяин, помрачнев.
Он не сказал ни слова, переборол свой гнев,
Но в сердце уязвленном тревогу ощутил:
Увидел Этцель явственно, что Хаген не шутил.

1920 Потупился он скорбно, а гости-короли
От дерзости вассала в смущение пришли,
Но в разговор вмешаться им не позволил стыд.
Они еще не ведали, что Хаген учинит.

АВЕНТЮРА XXXII

О ТОМ, КАК ДАНКВАРТ УБИЛ БЛЁДЕЛЯ

1921 Меж тем был к битве Блёдель уже вполне готов.
Пошло с ним десять сотен испытанных бойцов
В зал, где с прислугой Данкварт сидел и пировал.
Там скоро меж героями раздор забушевал.

1922 Когда к столам бургундов направил Блёдель шаг,
Поднялся Данкварт с места и гунну молвил так:
«Вам, государь мой Блёдель, мы рады, как всегда.
Поведайте, что вас прийти заставило сюда».

1923 Надменно Блёдель бросил: «Не радуйся, пришлец.
Приход мой означает, что ждет тебя конец.
Расплатишься ты ныне за братнюю вину —
За то, что Хагеном сражен был Зигфрид в старину».

1924 Воскликнул Данкварт: «Полно! Ужели мы должны
Жалеть о том, что были к друзьям приглашены?
Когда скончался Зигфрид, мне было мало лет,
И не обязан я держать за смерть его ответ».

1925 «Его убили Гунтер и Хаген, а за это
Тебе платить придется — с обоими в родстве ты.
Бургунды, защищайтесь! Вам больше нет спасенья,
И кровью вашей утолит Кримхильда жажду мщенья».

1926 «Коль вы,— ответил Данкварт,— стоите на своем,
Мне жаль, что столковаться пытался я с врагом»,—
И выскочил проворно из-за стола герой,
Вытаскивая на ходу клинок булатный свой.

1927 Одним ударом гунну снес голову он с плеч
И, пнув ее ногою, сказал такую речь:
«Сей свадебный подарок ты в гроб возьмешь с собою,
Хотя невесту Нудунга и не назвал женою.

1928 Пусть к ней теперь другие затеют сватовство.
Ты гнался за приданым — и получил его».
О замыслах Кримхильды был Данкварт извещен —
Сумел доброжелателя найти меж гуннов он.

1929 Едва лишь рухнул Блёдель, как все его вассалы
Оружье обнажили, не мешкая нимало,
И ринулись на челядь бургундских королей,
Но горько поплатились те, кто в бой втянул гостей.

1930 Возвысил голос Данкварт и крикнул землякам:
«Друзья, теперь вам ясно, что здесь готовят нам
И для чего Кримхильда нас зазвала к себе.
Сражайтесь! Если умирать, так умирать в борьбе».

1931 Кто был не при оружье, тот в ход пустил скамью.
Столы, кувшины, стулья — сгодилось все в бою.
У смельчаков и слуги бывают смельчаками.
На гуннах челядь шишаки дробила рундуками.

1932 Без шлемов и доспехов дрались бургунды так,
Что выбит был из зала вооруженный враг.
Пятьсот иль больше гуннов та схватка унесла.
Ручьями с победителей кровь недругов текла.

1933 Узнал с прискорбьем каждый, кто Этцелю служил,
Что голову в сраженье безвременно сложил
Высокородный Блёдель с толпой мужей своих.
Брат Хагена со слугами повинны в смерти их.

1934 Вооружились гунны, две тысячи числом,
И, прежде чем прослышал их государь о том,
Ворвались в двери зала лавиною кольчужной
И в бой вступили с челядью почти что безоружной.

1935 Как ни старались вормсцы напор врага сдержать,
Сломила их упорство языческая рать.
Хотя они и были отважными людьми,
Им всем до одного в тот день пришлось полечь костьми.

1936 Резни кровопролитней от века не бывало.
Двенадцати вассалов у Данкварта не стало,
Да пало девять тысяч слуг и простых бойцов,
И только сам он уцелел под натиском врагов.

1937 Умолкли шум и крики, стенанья отзвучали,
И, зал окинув взором, исполненным печали,
Сказал бесстрашный Данкварт: «Мертвы мои друзья,
И с гуннами лицом к лицу один остался я».

1938 Ремень щита на локте стянул потуже он
И о мужьях поплакать заставил многих жен.
Хоть сыпались удары дождем на смельчака,
Немало обагрил кольчуг он острием клинка.

1939 Сын Альдриана молвил: «С дороги, гунны, прочь!
Здесь духота такая, что мне дышать невмочь.
Хочу за дверь я выйти и воздуха глотнуть».
И прорубил герой мечом себе из зала путь.

1940 Когда, разгоряченный, он выскочил во двор,
Там снова подступили враги к нему в упор:
Тот, кто еще не видел дел, совершенных им,
Мнил, что нетрудно справиться с бургундом удалым.

1941 Воскликнул смелый Данкварт: «Когда бы знал мой брат,
Как Этцелевы люди сейчас меня теснят,
Давно б помог мне Хаген иль пал со мною здесь.
Дай Бог, чтоб кто-нибудь ему успел доставить весть».

1942 Сказали гунны: «Будешь ты сам таким гонцом,
Когда твой труп безгласный мы к Хагену снесем.
Пусть боль и скорбь впервые проймут его до слез.
Тебе не жить: ты Этцелю большой ущерб нанес».

1943 Ответил он: «Вы правы: трем нашим королям
Я о коварстве вашем поведать должен сам.
Вы лучше не грозитесь, а дайте мне дорогу.
Кровь кой-кому пустить могу еще я, слава Богу».

1944 Врагов рассеял Данкварт ударами клинка,
Но гунны стали копья метать издалека.
Так много их застряло в щите бойца, что он
Был тяжестью немалою в движениях стеснен.

1945 Отбросил щит воитель и ринулся вперед.
«Теперь,— решили гунны,— от нас он не уйдет».
Но витязь не сдавался, а бился втрое злей.
Стяжал он славу в этот день отвагою своей.

1946 Со всех сторон бросались мужи Кримхильды в бой.
Померяться с бургундом хотел из них любой.
А Данкварт шел на гуннов, как вепрь на свору псов.
Кто и когда смелей, чем он, мечом крушил врагов?

1947 Дымились лужи крови на всем пути его.
Никто не мог бы лучше явить пример того,
Как надлежит в сраженье вести себя бойцу.
Вот так он и пробил себе дорогу ко дворцу.

1948 Едва там стали слышны ударов лязг и стук,
У стольников и кравчих все выпало из рук.
Раздался крик: «К оружью!» — и встречен был храбрец
Толпою новых недругов у входа во дворец.

1949 «Уйдите-ка с дороги,— сказал герой устало.—
Не ввязываться в схватку вам, стольники, пристало,
А королю с гостями прислуживать честь честью.
Прочь с лестницы! Я тороплюсь к своим владыкам с вестью».

1950 Тех, кто его пытался наверх не допустить,
Сумел мечом тяжелым воитель укротить,
А прочие бежали — такой он страх внушил.
Да, много Данкварт в этот день чудесных дел свершил.

АВЕНТЮРА XXXIII

О ТОМ, КАК БУРГУНДЫ БИЛИСЬ С ГУННАМИ

1951 Слуг Этцеля отбросив, смельчак пробился в зал,
Дверь распахнул широко и на пороге встал.
Забрызган кровью витязь был с головы до ног.
В руке держал он наголо булатный свой клинок.

1952 Окликнул брата Данкварт так, чтобы все слыхали:
«Не в меру, милый Хаген, вы засиделись в зале.
Поведать вам и Богу хочу я скорбь свою —
Всех наших слуг до одного лишились мы в бою».

1953 Владетель Тронье крикнул: «Кто уничтожил их?»
Ответил Данкварт: «Блёдель с толпой мужей своих,
Хотя он поплатился за это очень скоро:
Ему я голову мечом отсек без разговора».

1954 Сказал на это Хаген: «Жалеть его невместно.
Кто, с витязем сражаясь, погиб, как витязь честный,
Того должны живые счастливцем почитать,
И даже женщинам о нем не следует рыдать.

1955 Но почему от крови броня у вас красна?
Сдается мне, вам рана была нанесена.
Того, кто поднял, Данкварт, на вас свой дерзкий меч,
Сам сатана от рук моих не сможет уберечь».

1956 «Оставьте страх напрасный — ваш Данкварт жив-здоров.
Я мокр от крови красной, но это кровь врагов.
Их уложил я столько, что сбился бы со счета,
Когда бы трупы сосчитать пришла мне вдруг охота».

1957 «Мой брат,— воскликнул Хаген,— оберегайте дверь,
Чтоб ни один из гуннов не ускользнул теперь.
Я ласковых хозяев порасспросить хочу,
За что их люди предали всех наших слуг мечу».

1958 «Покорен,— молвил Данкварт,— я нашим королям.
Коль скоро приставляют они меня к дверям,
Ручаюсь, не сыскать им привратника верней».
В унынье ввергла эта речь Кримхильдиных мужей.

1959 А Хаген усмехнулся: «Я вижу с удивленьем,
Что гуннские герои охвачены смятеньем.
Наверно, им не любо, что у дверей застыл
Тот, кто об истребленье слуг бургундам возвестил.

1960 Слыхал я, что Кримхильда о прошлом не забыла
И будет жажда мести кипеть в ней до могилы.
Помянем же усопших хозяйкиным вином
И гуннам за него платить с наследника начнем».

1961 На Ортлиба обрушил жестокий Хаген меч,
И голова ребенка, слетев со слабых плеч,
Кримхильде на колени упала тяжело,
И тут кровопролитие у витязей пошло.

1962 Наставник принца тоже не избежал конца.
Застигнутый ударом бургундского бойца,
Простился с головою и навзничь рухнул он.
Ах, плохо воспитатель был за труд вознагражден!

1963 Играл на скрипке Вербель пред королем своим.
К нему метнулся Хаген, взмахнул мечом стальным
И руку музыканту по локоть отрубил.
«На, получай за то, что ты гонцом к бургундам был!»

1964 Несчастный шпильман вскрикнул: «Где ты, рука моя?
Что вам, владетель Тронье, худого сделал я,
Когда посольство правил и жил у вас в стране?
Чем, руку потеряв, держать смычок отныне мне?»

1965 Но что за дело было до жалоб скрипача
Тому, кто исступленно врагов разил сплеча?
Удары сыпал Хаген, клинок его свистел,
Валились на пол с грохотом десятки мертвых тел.

1966 Вступился шпильман Фолькер за друга своего,
И заходил со звоном смычок в руках его,
Но не по струнам скрипки — по темени врагов.
Их много стало у него меж гуннских смельчаков.

1967 Три короля пытались унять бойцов лихих,
Но глас благоразумья был слишком слаб и тих,
Чтоб Хаген или Фолькер прислушались к нему.
Где вспыхнул бой, там гнев уже не обуздать уму.

1968 Поняв, что нет надежды беду предотвратить,
За благо счел и Гунтер оружье в ход пустить.
Кольчуг блестящих много король мечом рассек
И доказал в тот день, что он — бесстрашный человек.

1969 Могучий Гернот в схватку вступил за братом вслед
И воинству хозяев принес изрядный вред.
У смелого бургунда от крови стал багрян
Тот меч, что Рюдегером был ему в подарок дан.

1970 Пришел друзьям на помощь и Уты сын меньшой.
Им причинен был гуннам ущерб весьма большой.
Мечом он вражьи шлемы со звоном сокрушал.
Никто столь славных подвигов досель не совершал.

1971 Отважны были люди бургундских королей,
Но Гизельхер рубился всех земляков смелей.
За витязем бесстрашным никто поспеть не мог.
Везде, где меч его взлетал, враги валились с ног.

1972 Однако гунны были противникам под стать
И за себя умели нехудо постоять.
Сверкали и свистели мечи со всех сторон.
Стенаньями и воплями дворец был оглашен.

1973 Дверь осаждали гунны из зала и извне:
Одни рвались снаружи на выручку родне,
Другие путь пытались пробить себе во двор,
Но Данкварт, на пороге встав, им всем давал отпор.

1974 Шла там, где он сражался, жестокая резня.
Крушил на гуннах шлемы клинок его, звеня,
И все же он навряд ли б остался жив и цел,
Когда бы старший брат его о нем не порадел.

1975 Владетель Тронье крикнул лихому скрипачу:
«Друг Фолькер, об услуге я вас просить хочу.
Взгляните, как у входа мой брат тесним врагами.
Спасите Данкварта, иль он падет под их мечами».

1976 «Иду»,— ответил шпильман и двинулся к дверям.
Играл все ту же песню он по пути врагам —
На шлемах, а не струнах, мечом, а не смычком.
Остались рейнцы смелые довольны скрипачом.

1977 Он Данкварту промолвил: «Прислал меня ваш брат,
И разделить я с вами ваш труд нелегкий рад.
Спина к спине мы встанем, оберегая вход,—
Снаружи вы, я изнутри, и недруг не пройдет».

1978 Теперь снаружи Данкварт за лестницей следил,
И вниз катился каждый, кто к двери подходил,
А Фолькер отбивался от гуннов изнутри.
Отбросили противников назад богатыри.

1979 И крикнул шпильман громче, чем сеча грохотала:
«Мы наглухо закрыли, друг Хаген, двери зала.
Их заперли для гуннов мечи двух смельчаков,
Надежные и прочные, как тысяча замков».

1980 Когда услышал Хаген о том, что вход закрыт,
Он за спину закинул стальной широкий щит
И за обиды начал расплачиваться так,
Что перестал спасенья ждать отчаявшийся враг.

1981 Вскочил правитель Берна проворно на скамью
И, увидав, что Хаген уже успел в бою
Десятки крепких шлемов на части раздробить,
Сказал: «Он чашу горькую заставит нас испить».

1982 Был устрашен хозяин отвагою гостей.
Немало перебили они его друзей,
И сам он из-за вормсцев лишиться жизни мог.
От них и королевский сан его б не уберег.

1983 Кримхильда обратилась со слезною мольбой
К владыке Амелунгов: «Спаси меня, герой,
И помоги нам с мужем покинуть этот зал.
Коль Хаген подойдет ко мне, мой смертный час настал».

1984 Но Дитрих ей ответил: «Как помогу я вам?
В опасности смертельной я нахожусь и сам.
Кипит такая ярость в бургундах удалых,
Что в пору мне теперь спасать себя, а не других».

1985 «Нет, выведи отсюда меня, мой храбрый друг,
Не то погибнет Этцель, державный мой супруг,
И я паду с ним рядом от вражьего клинка».
Ни разу к смерти не была Кримхильда так близка.

1986 «Ну что ж, я выйти с вами попробую во двор,
Хотя не приходилось мне видеть с давних пор
Богатырей столь многих в неистовстве таком.
Из-под разбитых шлемов кровь бежит у них ручьем».

1987 Бесстрашный Дитрих начал скликать своих бойцов.
Его могучий, звонкий, как звуки рога, зов
Разнесся над толпою и огласил дворец.
Безмерной силой наделен был бернский удалец.

1988 Сказал бургундам Гунтер, как только понял он,
Чьим кличем грохот боя так властно заглушен:
«Я слышу, как взывает к друзьям правитель Берна.
Кого-то из его людей убили мы, наверно.

1989 Взгляните, как рукою он машет, встав на стол.
Боюсь я, чтоб на помощь он гуннам не пришел.
Прервите схватку, рейнцы, и Дитриха спрошу я,
За что к бургундам возымел он злобу столь большую».

1990 Как только Гунтер отдал бойцам такой приказ,
Оружье опустили вассалы сей же час:
Покорны государю все были, как один.
И вот что Дитриху сказал бургундский властелин:

1991 «Коль причинили бернцам ущерб мои друзья,
Любое возмещенье вам дать согласен я.
Должны вы грех невольный нам, Дитрих, извинить.
У нас и в мыслях не было обиду вам чинить».

1992 «Худого,— молвил Дитрих,— от вас я не видал.
Вы мне лишь дайте мирно покинуть этот зал
И вывести отсюда всех бернских удальцов.
За это верно вам служить до смерти я готов».

1993 Но тут вмешался Вольфхарт: «Зачем просить о том,
Чтоб отперли нам выход, закрытый скрипачом?
Замки куда покрепче сбивал наш добрый меч».
Воскликнул Дитрих: «Черт бы вас побрал за эту речь!»

1994 Ответил бернцу Гунтер: «Вы можете уйти
И всех, кого хотите, с собою увести.
Лишь тем, с кем мы враждуем, я ускользнуть не дам:
Урон чрезмерный нанесли сегодня гунны нам».

1995 Услышав это, Дитрих обвил одной рукой
Дрожащую Кримхильду, а Этцеля — другой
И к выходу из зала повел поспешно их.
Шли вместе с витязем шестьсот его мужей лихих.

1996 А Рюдегер достойный, бехларенский маркграф,
Промолвил: «Будет лучше, коль, бернцам выйти дав,
И мне вы удалиться позволите из зала.
Досель меж мной и вормсцами вражда не возникала».

1997 И Гизельхер Бургундский сказал ему в ответ:
«Причин для ссоры с вами у нас и ныне нет.
Бехларенцев мы любим, как истинных друзей,
И не мешаем вам уйти с дружиною своей».

1998 Зал Рюдегер достойный оставил в свой черед,
За ним — его вассалы, а было их пятьсот,
И каждый расположен к бургундам всей душой.
Но нанесли они потом гостям урон большой.

1999 Один из гуннов видел, как Дитрих за порог
Пригожую Кримхильду и Этцеля увлек.
По их примеру к бернцам пристроился и он,
Но был у двери Фолькером замечен и сражен.

2000 По лестнице спустившись и выходя во двор,
Владыка гуннов бросил назад тревожный взор.
«Увы, теперь я тоже таким гостям не рад.
Они всех воинов моих сегодня истребят.

2001 Зачем,— прибавил Этцель,— я праздник затевал?
Встал, на несчастье наше, скрипач у входа в зал.
Как дикий вепрь, он грозен, как сущий дьявол, зол.
Еще спасибо, что хоть я от рук его ушел.

2002 Его напев смертелен, его смычок багров.
Играючи, прикончил он множество бойцов.
Не знаю я, чем Фолькер так сильно разъярен.
Вовек никто не причинял мне больше зла, чем он».

2003 Уйти бургунды дали всем, кто им был не враг,
И тут же вновь на гуннов набросились, да так,
Что им сполна воздали за земляков своих.
Ах, сколько шпильман изрубил доспехов дорогих!

2004 Поднялся шум у двери, и громко Гунтер рек:
«Вы слышите, мой Хаген, как Фолькеров смычок
Из шлемов исторгает напев свой удалой?
Покрыт он кровью алою, а не натерт смолой».

2005 «Король,— ответил Хаген,— жалею я безмерно,
Что в одиночку бьется мой сотоварищ верный.
Прийти к нему на помощь я должен был давно.
Ведь мы с ним навсегда друзья, коль жить нам суждено.

2006 Взгляните, как усердно он нынче служит вам,
Как расторопно ходит по вражьим головам
И пробивает шлемы смычок богатыря.
Брал Фолькер ваше золото и серебро не зря.

2007 Я отродясь не видел такого скрипача.
На гуннов низвергает он лезвие меча,
И жалобную песню поет на них броня.
Не грех ему в награду дать и платье и коня».

2008 Дрались упорно гунны, оставшиеся в зале,
Но все в жестокой сече добычей смерти стали.
Умолкли крик и стоны, утихли лязг и стук,
И выпустили витязи оружие из рук.

АВЕНТЮРА XXXIV

О ТОМ, КАК ОНИ ВЫБРАСЫВАЛИ УБИТЫХ ИЗ ЗАЛА

2009 Передохнуть уселись бойцы и короли,
А смелый шпильман Фолькер и Хаген вниз сошли.
Они на страже встали у выхода во двор
И, на щиты облокотясь, вступили в разговор.

2010 Тут Гизельхер Бургундский воззвал к другим героям:
«Не время наслаждаться, соратники, покоем,
Сперва должны убитых мы вынести из зала.
Ударят вскоре вновь на нас Кримхильдины вассалы.

2011 Мешать нам будут трупы, валяясь под ногами,
Когда опять мы вступим в сражение с врагами
И, до того как гунны задавят нас числом,
Еще не одного из них израним иль убьем».

2012 Услышав это, Хаген сказал: «Вот речь мужчины!
Я счастлив быть слугою такого властелина.
Подать совет подобный мог лишь боец лихой,
Каким и показал себя король наш молодой».

2013 Воители за дело взялись без долгих слов
И вынесли из зала семь тысяч мертвецов.
Вниз с лестницы бросали во двор тела они
Под вопли и рыдания сбежавшейся родни.

2014 Был кое-кто из гуннов и ранен-то слегка.
Уход за ними спас бы им жизнь наверняка,
Паденье же добило Кримхильдиных мужей
К великому прискорбию их плачущих друзей.

2015 «Теперь,— промолвил Фолькер,— я убежден вполне
В том, что про гуннов люди рассказывали мне:
Они — народ никчемный и хуже баб любых.
Чем раненых оплакивать, лечили лучше б их».

2016 Насмешливое слово за правду посчитав,
Приблизился поспешно к дверям один маркграф —
Израненного друга он унести решил,
Но шпильман доблестный копьем насквозь его пронзил.

2017 Увидев это, гунны пустились наутек
И на бегу убийцу бранили кто как мог.
Один со злости даже копье в него метнул.
Скрипач оружье это взял и вслед врагам швырнул.

2018 Оно над всей толпою со свистом пронеслось,
Ударилось о землю и так в нее впилось,
Что отступить от зданья заставил гуннов страх.
Впервые Фолькер поселил его у них в сердцах.

2019 Меж тем дружины Этцель уже стянул во двор,
И с королем вступили в недобрый разговор
Смельчак-скрипач и Хаген, хоть дерзостная речь
Теперь лишь беды новые могла на них навлечь.

2020 «Отважен,— крикнул Хаген,— народ в бою лишь там,
Где государь вассалов ведет в сраженье сам,
Вот так, как поступают три короля мои.
Недаром с их мечей бегут кровавые ручьи».

2021 Был Этцель не из робких, за щит он взялся свой.
«Грех,— молвила Кримхильда,— вам рисковать собой.
Сумеет грозный Хаген и с вами совладать.
Вы лучше гуннам золота пообещайте дать».

2022 Но Этцель рвался в битву и был к советам глух.
Не часто в государе живет столь смелый дух.
Пришлось насильно свите его остановить.
А дерзкий гость все продолжал хозяина язвить.

2023 Он рек: «Не потому ли взъярился на меня ты,
Что Зигфрид Нидерландский, убитый мной когда-то,
Считаться, право, может сородичем твоим?
Еще задолго до тебя спала Кримхильда с ним».

2024 Задели королеву поносные слова,
И слезы удержала она едва-едва.
Как смел на людях Хаген ее затронуть честь?
И вот какую речь тогда ей подсказала месть:

2025 «Я, мужний щит наполнив казною золотою,
Ее, в придачу к землям и замкам, дам герою,
Которым будет Хаген, обидчик мой, сражен.
Пусть только голову врага ко мне доставит он».

2026 «Где гунны? — молвил Фолькер.— Что ж не идут сюда?
Я воинов ленивей не видел никогда —
Они не сходят с места, хоть их награда ждет.
Напрасно Этцель посулил им плату наперед.

2027 Хлеб государя даром вся их орава ест.
Вот и сейчас без дела они торчат окрест,
А не спешат на помощь владыке своему.
За что мужами их зовут — никак я не пойму».

АВЕНТЮРА XXXV

О ТОМ, КАК БЫЛ УБИТ ИРИНГ

2028 Маркграф датчанин Иринг, озлясь, сказал в ответ:
«Я долгу неизменно был верен с детских лет.
Не раз мою отвагу изведал враг в бою.
Мой меч подайте мне, и спесь я с Хагена собью».

2029 Владетель Тронье молвил: «Со мной не пробуй драться,
А если уж решился, вели своим убраться.
Пусть лучше не мечтают тайком проникнуть в зал —
Всех вниз спущу я с лестницы, как их родню спускал».

2030 «Довольно,— крикнул Иринг,— с меня пустых речей!
Случалось мне тягаться с врагами посильней.
С тобой и в одиночку, бахвал, управлюсь я.
Не пособит тебе в бою заносчивость твоя».

2031 Направился он к залу, но Хаварт удалой,
Тюринг отважный Ирнфрид, воитель молодой,
И десять сот иль больше испытанных бойцов
С ним вместе двинулись на двух бургундских удальцов.

2032 У Фолькера мгновенно зажегся гневом взгляд,
Когда скрипач увидел, какой большой отряд
За Ирингом отважным ко входу в зал спешит —
Все в новых прочных шишаках, у всех на локте щит.

2033 «Мой Хаген, полюбуйтесь, как ваш соперник смел.
Он с вами в одиночку управиться хотел,
Но десять сот иль больше мужей с собой ведет.
Он лгал, и эта ложь пятно на честь его кладет».

2034 Друг Хаварта воскликнул: «Пусть все уходят прочь.
Слыть за лгуна и труса я вовсе не охоч.
Уж если дал я слово, то слово я сдержу.
И в одиночку Хагена, как он ни лих, сражу».

2035 Он чуть не на коленях стал заклинать родных,
Чтоб вмешиваться в схватку не смел никто из них,
Но долго их упорства сломить не мог никак —
Все знали, до чего силен его жестокий враг.

2036 Однако Иринг все же поставил на своем
И наконец остался с противником вдвоем,
Чтобы себя прославить иль честно смерть принять,
И поединок витязи решили начинать.

2037 Копье датчанин поднял, к груди свой щит прижал
И Хагену навстречу по лестнице взбежал,
А тот от двери зала уже спешил к врагу,
Копье, длиной немалое, вздымая на бегу.

2038 Метнули разом копья друг в друга смельчаки.
Щиты пробив, оружье сломалось на куски.
Обломки древков в воздух взлетели, засвистев,
И за мечи взялись бойцы, придя в великий гнев.

2039 Могуч и храбр был Хаген: врага он так рубнул,
Что по двору и залу разнесся громкий гул.
Все зданье сотрясали тяжелые удары,
Но Хагена не одолел датчанин в схватке ярой.

2040 Увидев, что противник ему не по плечу,
Маркграф шаги направил к лихому скрипачу.
«Его-то,— думал Иринг,— я посильнее буду».
Но Фолькер тоже отражать врагов умел нехудо.

2041 На щит маркграфа рухнул клинок его, звеня,
И отлетели пряжки подщитного ремня.
Не связываться Иринг со шпильманом решил
И с Гунтером Бургундским бой затеять поспешил.

2042 Друг другу оказались соперники под стать.
Как ни старались оба победу одержать,
Не получили даже царапины они:
Булат — и тот не пробивал надежной их брони.

2043 От Гунтера отпрянув и тщетный бой прервав,
На Гернота с разбега набросился маркграф,
Из вражеской кольчуги сноп искр исторг мечом,
Однако сам чуть не убит был грозным королем.

2044 Все ж Иринг увернулся и четырех мужей,
Прибывших с Рейна в свите бургундских королей,
Сразить поочередно за краткий миг успел.
Заметил это Гизельхер и гневом закипел.

2045 «Вам, государь мой Иринг,— в сердцах воскликнул он,—
За тех воздать я должен, кто вами был сражен».
И с этими словами король, шагнув вперед,
Датчанина ударил так, что наземь рухнул тот.

2046 В крови пред Гизельхером лежал он недвижим,
И, видя это, каждый, кто наблюдал за ним,
Мнил, что маркграфу больше не взяться за клинок,
Но нет, не ранен Иринг был, а только сшиблен с ног.

2047 Падением так сильно был оглушен храбрец,
Что сам уже не ведал, живой он иль мертвец.
Сознания лишила его на время боль —
Столь сокрушительный удар нанес ему король.

2048 Когда же понемногу беспамятство прошло,
Тайком подумал Иринг: «А я судьбе назло
Не только жив, но даже не ранен никуда,
Хоть силу Гизельхерову запомню навсегда».

2049 Когда б бургунды знали, что враг не пострадал,
Удел куда печальней датчанина бы ждал.
Он голоса их слышал и размышлял тревожно,
Как невредимым ускользнуть от Гизельхера можно.

2050 Вскочил внезапно Иринг и бросился во двор.
По счастью для маркграфа, был на ногу он скор.
Но за порогом Хаген предстал ему опять,
И беглецу пришлось себе дорогу прорубать.

2051 «Теперь,— подумал Хаген,— не избежишь ты смерти,
Уж разве что прискачут тебе на помощь черти».
И все ж бургунд был ранен — рассек шишак на нем
Могучий Иринг Васкеном, своим стальным мечом.

2052 Когда почуял Хаген, что рану получил,
Клинком над головою взмахнул он что есть сил.
Муж Хаварта пустился бежать, покуда цел,
А Хаген вниз по лестнице вослед за ним летел.

2053 Но если б даже втрое была она длинней,
И то не смог бы витязь врага сразить на ней —
Себя коснуться Иринг бургунду не давал.
Лишь искры из его щита противник выбивал.

2054 К друзьям маркграф вернулся, оставшись невредим.
Кримхильде доложили, что Ирингом лихим
Ее обидчик ранен в отчаянном бою,
И выразить пришла она признательность свою.

2055 «Пусть за отвагу, Иринг, воздаст тебе Творец!
Меня ты, славный воин, утешил наконец —
Я вижу, вся кольчуга у Хагена красна».
И щит иссеченный с бойца сама сняла она.

2056 «Его вы,— молвил Хаген,— благодарите рано.
Я с жизнью не расстанусь от столь пустячной раны.
Вот если б снова схватку со мной он завязал,
Я б тоже счел, что это муж, а не пустой бахвал.

2057 Не радуйтесь, что стала красна броня моя.
Теперь еще свирепей на гуннов ринусь я,
И первым будет Иринг за все держать ответ,
Хотя вассалом Хаварта я лишь слегка задет».

2058 Встал на ветру датчанин и снял с себя шишак —
Дать поостыть кольчуге намерен был смельчак.
Его превозносили за храбрость все вокруг,
И от таких хвалебных слов воспрял он духом вдруг.

«Возобновлю я схватку,— вскричал маркграф лихой,—
И гордеца-бургунда сражу своей рукой.
Друзья, вооружиться вы мне должны помочь».
И взял он новый крепкий щит, отбросив старый прочь.

2060 С великим тщаньем Иринг был в битву снаряжен.
Копье потяжелее нарочно выбрал он,
Надеясь, что бургунда пронзит оно насквозь.
А Хаген за врагом следил, и в нем кипела злость.

2061 Противнику навстречу, сгорая нетерпеньем,
Он первый устремился по лестничным ступеням,
Метнул копье в маркграфа и взялся за клинок.
Могуч был Иринг, но сломить он Хагена не смог.

2062 Мечи щиты пробили и в панцири впились,
И пламя от ударов столбом взметнулось ввысь.
Датчанину глубоко булат плечо задел,
И силой Хавартов вассал мгновенно оскудел.

2063 Теперь лишь защищался израненный маркграф,
До самого забрала пробитый щит подняв.
Им мысль одна владела — как жизнь свою спасти.
Но горший вред ему сумел соперник нанести.

2064 Муж Гунтера нагнулся и, подобрав копье,
Метнул в противоборца оружие свое.
Застряло в лобной кости у Иринга оно.
Знать, было витязю в тот день погибнуть суждено.

2065 Он до своих добрался в предчувствии конца,
Но снять шишак датчанам не удалось с бойца,
Пока копье из раны не вырвали они,
И рухнул навзничь удалец под крик и плач родни.

2066 Об этом королева была извещена.
Над Ирингом склонилась с рыданием она —
Так было ей прискорбно, что пал лихой вассал,
А он супруге Этцеля при всех родных сказал:

2067 «Не лейте слез напрасно, владычица моя.
Они помочь бессильны: так тяжко ранен я,
Что неизбежно должен сегодня умереть.
Служить ни вам, ни Этцелю мне не придется впредь».

2068 Датчанам и тюрингам он дал такой совет:
«Дары от королевы вам принимать не след.
За золото Кримхильда на смерть отправит вас.
Тот, кто пойдет на Хагена, умрет, как я сейчас».

2069 Тут побледневший Иринг был должен замолчать,
И смерть на нем незримо поставила печать.
Датчане застонали, но тут же всей толпой
Схватились за оружие и устремились в бой.

2070 Ворвались храбрый Ирнфрид и Хаварт в двери зала.
За ними десять сотен вассалов их бежало.
Все разом загудело и затряслось кругом.
На вормсцев копья острые посыпались дождем.

2071 Затеял схватку Ирнфрид со шпильманом лихим,
Но был достойно встречен противником своим.
Ландграфа грозный Фолькер мечом ударил так,
Чтоб лоб оружье рассекло, пробив стальной шишак.

2072 Лихой тюринг бургунда рубнул клинком сплеча,
И расскочились звенья в кольчуге скрипача,
И пламенем холодным сверкнул ее металл,
Но Фолькер все же уложил ландграфа наповал.

2073 Напал датчанин Хаварт на Хагена со злобой.
Они чудес немало в тот день свершили оба.
Звенели непрерывно мечи в руках бойцов.
Владетель Тронье недруга сразил в конце концов.

2074 Вселила гнев и ярость кончина их вождей
И в датских и в тюрингских неистовых мужей,
И стали в двери зала ломиться смельчаки.
Десятки шлемов были там изрублены в куски.

2075 Бургундам крикнул Фолькер: «Впустите их сюда.
Им золота Кримхильды не видеть никогда.
Мы за нее с врагами произведем расчет.
Никто из них живым у нас обратно не уйдет».

2076 Едва втянулся в зданье весь вражеский отряд,
Удары на пришельцев посыпались, как град,
И с плеч голов немало на мокрый пол слетело.
Сражался славно Гизельхер, и Гернот бился смело.

2077 Везде мечи взлетали, свистя, круша, рубя,
Бургунды в этой битве прославили себя.
Все тысяча четыре врага, что в зал вступили,
До одного истреблены мечами рейнцев были.

2078 Вновь тишина настала, умолкли шум и гам.
Одна лишь кровь убитых по сточным желобам
С журчанием негромким сбегала вниз во двор.
Вот так был людям Этцеля жестокий дан отпор.

2079 Свои щиты бургунды поставили у ног
И отдохнуть немного присели, кто где мог.
Остался только Фолькер у входа в зал стоять,
Чтоб первым в сечу ринуться, коль вспыхнет бой опять.

2080 Скорбела королева, король был удручен.
От слез померкли очи у гуннских дев и жен.
Шептал им тайный голос, что скоро смерть у них
Вновь похищать начнет друзей, мужей, детей, родных.

АВЕНТЮРА XXXVI

О ТОМ, КАК КОРОЛЕВА ПРИКАЗАЛА ПОДЖЕЧЬ ЗАЛ

2081 «Снять шлемы! — крикнул Хаген соратникам усталым. —
Я вместе с другом встану на страже перед залом,
И если гунны снова посмеют в ссору лезть,
Я тотчас королям моим подам об этом весть».

2082 Бургунды сняли шлемы с разгоряченных лбов
И сели на останки поверженных врагов.
Их изрубили рейнцы в сражении мечами
За то, что худо обошлись хозяева с гостями.

2083 Король с женой решили, что ими дотемна
Должна еще раз битва пришельцам быть дана.
Собрали всех способных мечом владеть людей,
И двадцать тысяч воинов напали на гостей.

2084 Близ королей бургундских брат Хагена стоял,
Как вдруг увидел Данкварт врагов у входа в зал.
Он бросился к порогу и встретить их успел.
Все мнили, что храбрец погиб, но он остался цел.

2085 Покуда ночь над миром не распростерла тень,—
А летом отступает пред ней не скоро день,—
Вели сраженье вормсцы, как витязям к лицу.
Пришел от их мечей конец не одному бойцу.

2086 Совпал с солнцеворотом тот долгий страшный бой.
Свела Кримхильда счеты с ближайшею родней,
За прошлые обиды ей отомстив вполне,
Но Этцелю всю жизнь пришлось жалеть об этом дне.

2087 Встревожились бургунды, когда спустился мрак.
Им думалось: не лучше ль, чем маяться вот так,
Самим напасть на гуннов и доблестно почить
Иль все же попытаться мир с врагами заключить.

2088 И Этцеля решились три короля позвать.
Кто им в стране враждебной вонмет скорей, чем зять?
От свежей крови красны, от панцирей черны,
Спустились братья вниз во двор и стали у стены.

2089 На зов явился Этцель, Кримхильда с ним пришла.
Весь край им был подвластен, и рать их все росла.
Король бургундам бросил: «Зачем я зван сюда?
На мировую не пойду я с вами никогда.

2090 Вы нанесли мне нынче такой большой урон,
Что он лишь вашей кровью быть может искуплен.
Мой сын сражен был вами, истреблена родня.
Ни мира, ни прощения не ждите от меня».

2091 «Ты нас,— промолвил Гунтер,— напрасно не кори.
Убили нашу челядь твои богатыри.
Скажи, в чем пред тобою мы провинились вдруг.
Ведь я тебе доверился и мнил, что ты мне друг».

2092 Млад Гизельхер Бургундский спросил врагов своих:
«Пусть Этцелевы люди, те, что еще в живых,
Поведают открыто, чем я их оскорбил.
К ним едучи, руководим я добрым чувством был».

2093 Ответствовали гунны: «От доброты твоей
Немолчный стон сегодня стоит в округе всей.
К нам занесло из Вормса тебя не в добрый час.
Ты со своими братьями осиротил всех нас».

2094 Державный Гунтер снова воскликнул с возмущеньем:
«Куда разумней дело закончить примиреньем.
Полезно это будет обеим сторонам.
Несправедлив ваш государь, вреда желая нам».

2095 Гостям хозяин молвил: «И сравнивать смешно
Обиды ваши с горем, что мне причинено.
Я из-за вас лишился достоинства и чести
И ни за что не допущу, чтоб вы избегли мести».

2096 Сказал могучий Гернот на это королю:
«Тогда я вас и Бога лишь об одном молю —
Чтоб, вам же к чести, дали вы нам во двор сойти:
На воле легче погибать, чем сидя взаперти.

2097 Коль нам конец назначен, пускай скорей придет.
Дружины ваши свежи, число их все растет,
А мы жестоким боем утомлены смертельно.
К чему свои страдания затягивать бесцельно?»

2098 Заколебались гунны, и Этцель был готов
Согласием ответить на просьбу пришлецов,
Но примириться с этим Кримхильда не могла
И так вассалам молвила, желая братьям зла:

2099 «Не отвергайте, гунны, мой дружеский совет.
Вам хитрости бургундов потворствовать не след.
Коль вырвутся из зала у вас во двор они,
Опять недосчитаетесь вы многих из родни.

2100 Ведь если даже смерти вы предадите их,
Но дети Уты чудом останутся в живых,
Да на ветру остынут и дух переведут,
Такие витязи урок вам и втроем дадут».

2101 Млад Гизельхер ответил: «Пригожая сестра,
Я вижу, ты желала мне зла, а не добра,
Когда меня просила прибыть на торжество.
За что грозит мне смертью рать супруга твоего?

2102 Тебе хранил я верность и не чинил вреда,
И лишь по той причине отправился сюда,
Что твердо был уверен в любви сестры ко мне.
Умерь свой гнев, иль смертный час пришел твоей родне».

2103 «Пощады вам не будет,— ответила она.—
Я Хагеном из Тронье была оскорблена,
Да так, что до могилы обиды не прощу
И все, что он мне задолжал, с вас, родичи, взыщу.

2104 Однако не останусь я к просьбам безучастна,
Коль вы его назначить заложником согласны,
Тогда я буду с вами о мире толковать
И вспомню, что дала нам жизнь одна и та же мать».

2105 Сказал могучий Гернот: «Да не попустит Бог,
Чтоб нашего вассала мы отдали в залог.
Мы тысячею братьев пожертвуем скорей,
Чем предадим хоть одного из верных нам людей».

2106 Млад Гизельхер воскликнул: «Друзья, мы все падем,
Но с недругами счеты по-рыцарски сведем.
Пусть трус ценой измены спасает жизнь свою,
А я уж лучше с гуннами померяюсь в бою».

2107 Как подобало, Данкварт прибавить не преминул:
«Вовек того не будет, чтоб брата я покинул.
Любую участь, Хаген, разделим мы с тобой,
А те, кому не нужен мир, пусть получают бой».

2108 Воззвала королева: «Богатыри, вперед!
Кто за меня отплатит и Хагена убьет,
Того вознагражу я, как долг и честь велят.
Штурмуйте лестницу, чтоб в зал врагов загнать назад.

2109 Во двор не выпускайте проклятых пришлецов.
Велю поджечь строенье я с четырех концов
И вормсцам по заслугам воздам на этот раз».
Охотно люди Этцеля исполнили приказ.

2110 Они мечи и копья пустили в ход опять
И со двора бургундов сумели в зал прогнать,
Как ни сопротивлялись три брата-короля,
С дружинниками верными опасности деля.

2111 Чтоб побыстрей на гибель сородичей обречь,
Жена владыки гуннов велела дом поджечь,
А тут пахнуло ветром, и зданье занялось.
Кому изведать больше мук, чем рейнцам, довелось?

2112 «Увы! — они кричали.— Наш смертный час настал.
Уж лучше б полегли мы, рубясь у входа в зал.
Да сжалится над нами всевидящий Творец!
Готовит королева нам мучительный конец».

2113 Один из них промолвил: «Мы все умрем, друзья.
Нас Этцель нам на горе зазвал в свои края.
Такая жажда сушит и жжет нутро мое,
Что, кажется, сойду с ума я скоро от нее».

2114 Ответил Хаген: «Витязь, коль жажда вас томит,
Не погнушайтесь кровью тех, кто в бою убит,—
Она в подобном пекле полезней, чем вино.
К тому ж других напитков тут не сыщешь все равно».

2115 С одним бургундом рядом валялся мертвый враг.
Склонил колени воин, снял с головы шишак
И к свежей ране трупа припал иссохшим ртом.
Впервые кровь он пил и все ж доволен был питьем.

2116 Он Хагену промолвил: «Да наградит вас Бог!
Совет ваш мудрый жажду мне утолить помог.
Вам за него я буду признателен по гроб.
Быть даже лучшее вино вкуснее не могло б».

2117 Поняв, что был их другу совет разумный дан,
Пить кровь бургунды стали у мертвецов из ран,
И это столько силы прибавило бойцам,
Что отняли они потом друзей у многих дам.

2118 Вокруг героев пламя ревело все сильней.
Спасались под щитами они от головней,
Но их невыносимо терзали зной и дым.
Нет, не бывало никому трудней, чем было им.

2119 Воскликнул Хаген: «К стенам! Прикроют нас они,
И нам на шлемы падать не будут головни,
А упадут — втопчите их сразу в кровь ногой.
Эх, знатный же нам задан пир хозяйкой дорогой!»

2120 Не скоро луч рассвета блеснул из темноты,
Но до зари стояли, склонившись на щиты,
Лихой скрипач и Хаген у выхода во двор,
Чтоб новым проискам врагов дать при нужде отпор.

2121 Сказал с рассветом Фолькер: «Вернемся в зал, мой друг.
Пусть гунны полагают, что после долгих мук
Сполна в огне пожара погибла наша рать.
Тем неожиданней на них ударим мы опять».

2122 Млад Гизельхер Бургундский промолвил в свой черед:
«Повеяло прохладой — как видно, день встает.
Дай Бог, чтоб для бургундов не стал он днем печали.
Не в добрый час к сестре моей на праздник мы попали».

2123 Один из вормсцев крикнул: «Недолго ждать зари.
Нет выхода другого теперь, богатыри,
Как взять оружье в руки и грянуть на врагов.
Кримхильда скоро двинет вновь на нас своих бойцов».

2124 Хозяин мнил, что гости не дожили до дня,
Что все они погибли от ран и от огня,
Но в зале оставалось еще шестьсот мужей,
И слуг отважней не имел никто из королей.

2125 Едва туда Кримхильда лазутчиков послала,
Те сразу увидали, что рейнские вассалы
По-прежнему толпятся вокруг владык своих,
Как будто ни огонь, ни сталь — ничто не взяло их.

2126 Узнав, что часть бургундов избегла смерти все же,
Известье королева сочла нелепой ложью.
«Как это может статься? — воскликнула она.—
Я думала, что вся их рать огнем истреблена».

2127 Хотелось жить бургундам и в этот страшный час,
Но не нашлось такого, кто б их от смерти спас:
Все гунны только злобу питали к пришлецам.
Гостям осталось лишь одно — мстить за себя врагам.

2128 Поздравить с добрым утром их Этцель приказал,
И хлынули потоком его вассалы в зал.
Их копья на пришельцев посыпались дождем,
А те, как витязям к лицу, обороняли дом.

2129 С отвагой беспримерной бросались гунны в бой:
Награду от Кримхильды стяжать хотел любой,
Да и приказ монарший исполнить заодно,
Но многим было в битве той погибнуть суждено.

2130 Вассалы королевы недаром бились смело.
Во двор щиты с казною принесть она велела,
И деньги брал без счета любой ее слуга.
Кто б дал дороже, чем она, за голову врага?

2131 Зато у ней и было бойцов не перечесть.
«Сейчас,— воскликнул Фолькер,— собьем мы с гуннов спесь,
Хотя впервые вижу я их в таком задоре.
Вассалов Этцель золотом осыпал нам на горе».

2132 Воззвали вормсцы к гуннам: «Богатыри, сюда!
Пора нам с долгой тяжбой покончить навсегда,
Кто пасть сегодня должен, тот пусть падет скорей».
И разом копья острые впились в щиты гостей.

2133 Что мне сказать еще вам? Двенадцать сот бойцов
Не раз бросались с ревом на рейнских удальцов,
Чью пылкость охлаждала лишь кровь, хлеща из ран.
Столь неуемной яростью был каждый обуян,

2134 Что больше и не думал никто о примиренье.
Бедой для нападавших закончилось сраженье —
Отважнейших вассалов в нем потерял король.
Немало слез у их родни исторгли скорбь и боль.

АВЕНТЮРА XXXVII

О ТОМ, КАК БЫЛ УБИТ РЮДЕГЕР

2135 Едва отбили рейнцы тот приступ поутру,
Муж Готелинды милой явился ко двору,
И, услыхав повсюду рыдания и стон,
В сердечном сокрушении заплакал горько он.

2136 «Увы! — маркграф воскликнул.— Не мил мне белый свет.
Ужель уладить ссору надежды больше нет?
И рад бы я вмешаться, да много ль проку в том?
Не буду даже выслушан я нашим королем».

2137 У Дитриха из Берна он приказал узнать,
Не согласится ль Этцель призывам к миру внять,
Но тот ему ответил: «Бургундов не спасти.
Не разрешит противников король нам развести».

2138 Один воитель гуннский, случайно увидав,
Как утирает слезы бехларенский маркграф,
Приблизился к Кримхильде и злобно ей сказал:
«Взгляните, как себя ведет сильнейший ваш вассал,

2139 С которым обращались как с другом вы досель.
Немало он подарков, и замков, и земель
От вашего супруга в награду заслужил.
Так почему же нынче он меча не обнажил?

2140 Выходит, дела нету ему до наших слез —
Ведь он-то от бургундов ущерба не понес.
Я слышал, не обидел его отвагой Бог,
Однако это доказать нам Рюдегер не смог».

2141 Окинул гневным взором бехларенец того,
Кто вел такие речи с Кримхильдой про него.
Он думал: «Ты на людях чернишь меня, подлец,
Но убедишься ты сейчас, что я и впрямь храбрец».

2142 Он ринулся на гунна и, крепко сжав кулак,
Советчика дурного в лицо ударил так,
Что разом жизнь угасла в поверженном лгуне,
Но Этцель, это увидав, мрачнее стал вдвойне.

2143 Воскликнул честный витязь: «Издохни, мерзкий трус!
Я сам скорблю глубоко, что нынче не дерусь
И до сих пор дружину на рейнцев не веду.
Причина есть и у меня питать к гостям вражду.

2144 И я бы мог немало наделать им вреда,
Когда бы самолично их не привез сюда.
Коль скоро я бургундам служил проводником,
Не подобает, чтоб меня сочли они врагом».

2145 Взглянул король на гунна, лежавшего в пыли,
И Рюдегеру бросил: «Да, мне вы помогли,
Но только мало проку от помощи такой —
И без того недешево обходится нам бой».

2146 Маркграф ему ответил: «Я лишь обиду смыл.
При всех меня покойник бесстыдно осрамил,
Сказав, что я не стою наград, мне данных вами.
Пусть не язвит он впредь других поносными словами».

2147 Явилась королева и тоже увидала,
Сколь страшной смерти предал маркграф ее вассала,
И покатились слезы у ней из ясных глаз.
Она спросила: «Рюдегер, за что вы злы на нас

2148 И отягчить хотите нам бремя наших бед?
Вы сами мне и мужу твердили много лет,
Что жизнью да и честью для нас рискнуть готовы.
Как весь наш двор, считали мы, что держите вы слово.

2149 Ужели вы забыли, в чем клятву дали встарь,
Когда меня в супруги избрал ваш государь?
Служить вы обещали мне до скончанья дней,
А нам такой слуга, как вы, сейчас всего нужней».

2150 «Да, госпожа, вы правы: принес я клятву вам,
Что ради вас, коль надо, и жизнь и честь отдам,
Но никогда не клялся, что душу погублю.
На пир, а не на смерть я вез бургундов к королю».

2151 Воскликнула Кримхильда: «Припомните, маркграф,
Как вы давали клятву, рукой мне руку сжав,
Отмстить тому, кем будет задета честь моя».
Он молвил: «Вам не отказал ни в чем ни разу я».

2152 Сам Этцель обратиться к нему был принужден.
Склонил с женой колени перед вассалом он.
Дослушал государя с тоской в душе смельчак
И на мольбы о помощи ему ответил так:

2153 «Увы, зачем доныне щадила смерть меня?
Знать, Богом я отринут, коли́ дожил до дня,
Когда презреть придется мне дружбу, верность, честь —
Все, что для нас заветного на этом свете есть.

2154 К какому бы решенью сейчас я ни пришел,
Любое будет только одним из равных зол,
А оба отвергая, я трусом бы прослыл.
Да просветит мой разум Тот, кто жизнь в меня вселил!»

2155 Но Этцель и Кримхильда стояли на своем,
И я вам без утайки поведаю о том,
Как после долгих споров им уступил храбрец,
Дал рейнцам бой и в том бою нашел себе конец.

2156 Знал Рюдегер достойный, что, обнажив клинок,
Лишь новые несчастья на всех бы он навлек
И сам бы неизбежно был осужден молвой.
Вот оттого и возражал он Этцелю с женой.

2157 «Король,— промолвил витязь,— я буду только рад,
Коль все награды ваши возьмете вы назад.
Мне ничего не надо — ни замков, ни земель.
Уж лучше я в изгнание с сумой уйду отсель».

2158 «Кто ж мне тогда поможет? — король в ответ ему.—
Нет, я назад ни земли, ни замки не возьму,
А разделю, напротив, с тобою власть свою,
Коль за меня моим врагам ты отомстишь в бою».

2159 «Не знаю я, что делать,— сказал маркграф опять.—
В Бехларене бургундов мне довелось принять,
Хлеб-соль водил я с ними, дарил подарки им.
Так вправе ль приуготовлять я смерть гостям своим?

2160 Хоть посчитают люди, что стал я трусом низким,
Не страх меня снедает, а мысль, что другом близким
Имею я несчастье владыкам рейнским быть
И с ними, на свою беду, хотел в родство вступить.

2161 Я дочь свою просватал за младшего из них:
Ведь Гизельхер — завидный по всем статьям жених.
Ручаюсь головою, еще не видел свет,
Чтоб был так смел, силен, учтив король столь юных лет».

2162 Вновь молвила Кримхильда, о помощи моля:
«Ах, друг мой, пожалейте меня и короля!
Подумайте хотя бы о том, какой урон
Был нынче нам, хозяевам, гостями нанесен».

2163 С отчаяньем на это ей Рюдегер сказал:
«Итак, своею кровью заплатит ваш вассал
За все, чем вы взыскали в былые дни его,
И больше мне доказывать не надо ничего.

2164 Теперь лишусь не только земель и замков я.
Безвременно прервется сегодня жизнь моя,
А вы уж позаботьтесь о тех, кто дорог мне —
О всех моих бехларенцах, о дочке и жене».

2165 Король, услышав это, опять воспрял душой.
«Пусть небо,— он воскликнул,— воздаст тебе, герой,
А я твоих домашних вовеки не покину,
Хоть и уверен, что в бою не ждет тебя кончина».

2166 Заплакала Кримхильда, поверив наконец,
Что жизнь и душу ставит на ставку удалец,
А он промолвил: «Долгу я верность соблюду,
Как мне ни горько, что друзьям я принесу беду».

2167 Расстался с государем маркграф в большой тоске.
Пошел он и вассалов сыскал невдалеке.
Дружинникам отважным дал Рюдегер приказ:
«К оружью! Принужден вести я на пришельцев вас».

2168 Оруженосцам тут же велели смельчаки
Подать кольчуги, копья, щиты и шишаки,
И каждый снарядился, как мужу подобало.
Бургундам вскоре сделали они вреда немало.

Шло с Рюдегером в битву пять сотен храбрецов
Да, сверх того, двенадцать Кримхильдиных бойцов,
К бехларенцам примкнувших, чтоб славу заслужить.
Не знали витязи, что им уже недолго жить.

2170 Маркграф шишак надежный надвинул на чело,
Мечи его вассалы держали наголо,
У каждого на локте висел широкий щит.
Внушил тревогу Фолькеру воинственный их вид.

2171 Узнав, что к двери зала бехларенцы спешат,
Млад Гизильхер Бургундский был несказанно рад —
Он счел, что на подмогу к нему явился тесть.
Как можно было иначе понять такую весть?

2172 Соратникам он молвил: «На счастье наше с вами,
Успели мы в дороге обзавестись друзьями.
Как славно, что невесту мне ниспослал Творец!
В последний миг на помощь нам приспел ее отец».

2173 «С чего вы это взяли? — скрипач в ответ ему.—
Тому, кто хочет мира, ей-богу, ни к чему
К нам для переговоров вести такую рать.
Нет, нас за земли с замками ваш тесть решил продать».

2174 Все это смелый шпильман еще не досказал,
Как Рюдегер добрался уже до входа в зал
И на пороге молча поставил щит к ногам,
Не пожелав хотя б кивком послать привет друзьям.

2175 Затем, возвысив голос, предупредил гостей:
«Сражайтесь, нибелунги, с дружиною моей.
Я к вам пришел, герои, не с миром, но с мечом.
Я прежде вашим другом был, а ныне стал врагом».

2176 Бургунды приуныли, услышав речь его.
Немало натерпелись они и без того.
Поэтому жестоко терзала и гнела
Их мысль, что даже Рюдегер — и тот им хочет зла.

2177 Сказал с испугом Гунтер: «Помилуй вормсцев, Боже!
Ужели отвернулись от нас, маркграф, вы тоже
И не на кого больше надеяться нам здесь?
Нет, я не верю, что презреть могли вы долг и честь».

2178 Но Рюдегер печально промолвил королю:
«Поклялся я Кримхильде, что с вами в бой вступлю,
А госпожу не вправе обманывать слуга.
Обороняйтесь, витязи, коль жизнь вам дорога».

2179 На это дал маркграфу король ответ такой:
«Вам следовало б раньше к нам воспылать враждой.
Вы так нам были верны и так любили нас,
Что мы от друга вправе ждать того же и сейчас.

2180 Когда б вы согласились нам нынче дать пощаду,
Мы все до самой смерти служить вам были б рады
За щедрые подарки, что нам вы поднесли,
Когда нас в землю Этцеля на празднество везли».

2181 И Рюдегер воскликнул: «С какою бы охотой
Я снова вас осыпал подарками без счета,
Когда б повиноваться лишь зову сердца мог
И мне за это не грозил в предательстве упрек!»

2182 Возвысил голос Гернот: «Одумайтесь, маркграф!
Ужель, нас так сердечно в Бехларене приняв,
Вы только зла хотите теперь гостям своим?
А мы ведь пригодимся вам, коль смерти избежим».

2183 Но Рюдегер ответил: «Ах, если бы Творец
На Рейн вам дал вернуться, а мне послал конец,
Чтоб этою ценою бесчестья я избег!
Убив друзей, себя стыдом покрою я навек».

2184 Опять промолвил Гернот: «Мне было б тяжело,
Когда б такого мужа сраженье унесло.
Пусть, Рюдегер, за щедрость вам Бог воздаст с лихвой.
Я ваш подарок — добрый меч — всегда ношу с собой.

2185 Он нынче безотказно хозяину служил.
Я им немало гуннов с размаху уложил.
Он так блестящ и звонок, надежен и остер,
Что мир оружья лучшего не видел до сих пор.

2186 Но если нападете вы на моих родных
И смерти предадите кого-нибудь из них,
Вас вашим же подарком убью немедля я,
Хоть мне супругу вашу жаль, а с вами мы друзья».

2187 «Ах, господин мой Гернот, дай Бог, чтоб было так,
И в поединке с вами пал ваш невольный враг.
Ведь если целы вормсцы останутся в бою,
Смогу оставить я на вас жену и дочь свою».

2188 Млад Гизельхер, сын Уты, сказал на это: «Тесть,
Неужто вы забыли, что все вас любят здесь?
Ваш долг — не биться с нами, а нам в беде помочь,
Иначе станет до венца вдовою ваша дочь.

2189 Коль с нами поведете вы разговор мечом,
Раскаяться придется мне поневоле в том,
Что вас я чтил глубоко, во всем вам доверял
И в жены вашу дочь, маркграф, поэтому избрал».

2190 Бехларенец ответил: «Коль всемогущий Бог
Сподобит вас вернуться на Рейн в свой час и срок,
Мой грех не вымещайте на дочери моей
И, невзирая ни на что, останьтесь верны ей».

2191 Млад Гизельхер промолвил: «Я ей не изменю,
Но если нападете вы на мою родню
И тех, кто жив покуда, начнете убивать,
Придется с вашей дочерью и с вами мне порвать».

2192 «Так пусть нас Бог рассудит!» — вскричал маркграф с тоской
И поднял щит, готовясь вести дружину в бой,
И начал подниматься по лестнице к дверям,
Но Хаген сверху закричал бехларенским бойцам:

2193 «Не торопитесь кровью оружье обагрить.
В последний раз мы с вами хотим поговорить,
Пока не перебили нас всех до одного,
Хоть, право, пользы Этцелю не будет от того».

2194 Муж Гунтера прибавил: «Я сильно озабочен.
Как ни широк и звонок, как ни тяжел и прочен
Тот щит, что Готелиндой мне в дар преподнесен,
Но гуннских копий и мечей не выдержал и он.

2195 Вот если б соизволил ты, Господи всезрящий,
Чтоб Рюдегер достойный мне отдал щит блестящий,
Который он на локоть так ловко нацепил,
С таким прикрытьем я бы в бой и без брони вступил».

2196 «Его тебе, мой Хаген, я сам вручил давно бы,
Когда б не знал, что это вселит в Кримхильду злобу.
А впрочем, для чего мне теперь ее любовь?
Возьми мой щит — Бог даст, на Рейн ты с ним вернешься вновь».

2197 У многих покраснели глаза от жарких слез,
Когда свой щит воитель так щедро преподнес
Тому, с кем было биться приказано ему.
Не делал больше он с тех пор подарков никому.

2198 На что владетель Тронье был грозен и суров,
Но и его, как прочих бургундских удальцов,
Бехларенец глубоко растрогал и потряс
Своим великодушием в предсмертный грозный час.

2199 Сказал маркграфу Хаген: «О, доблестный боец,
Пускай за благородство тебе воздаст Творец!
Никто с тобой на свете в радушье не сравнится,
И память о твоих делах навеки сохранится.

2200 Как сознавать мне больно, что мы — враги отныне!
И без того довольно с нас горя на чужбине,
А тут еще с друзьями придется драться нам».
Ответил Рюдегер: «Скорблю об этом я и сам».

2201 «Я разочтусь немедля с тобой за щедрый дар,
И как бы ни был нынче твой натиск лют и яр,
Пусть даже ты всех рейнцев до одного убьешь,
Меч на тебя, мой Рюдегер, не подниму я все ж».

2202 Учтиво поклонился бехларенец в ответ.
Заплакали бургунды, поняв — надежды нет.
Неотвратима схватка, в которой смерть найдут
И много вормсцев, и маркграф, всех доблестей сосуд.

2203 Из зала сверху крикнул ему скрипач лихой:
«Коль обещал не трогать вас сотоварищ мой,
Вам, Рюдегер, я тоже не причиню вреда.
У вас за ласковый прием в долгу мы навсегда.

2204 Я вот о чем прошу вас сказать своей жене:
Браслеты золотые она вручила мне,
Велев, чтоб их у гуннов носил я в честь ее:
Смотрите — обещание я выполнил свое».

2205 Маркграф на это молвил: «Дай Бог еще не раз
Моей супруге милой почтить подарком вас,
А я про вашу верность ей, Фолькер, расскажу,
Коль голову в сражении сегодня не сложу».

2206 Герою-музыканту такую клятву дав,
Воспламенился духом и поднял щит маркграф.
Взбежал он по ступеням и на гостей напал.
По-богатырски Рюдегер удары рассыпал.

2207 Как Хаген, так и шпильман, чтоб не нарушить слово,
Подальше отступили от витязя лихого,
Но и без них там было так много смельчаков,
Что нелегко бехларенцу пришлось в толпе врагов.

2208 Ему ворваться Гунтер и Гернот дали в дом,
Чтоб за порогом зала покончить с храбрецом.
Лишь Гизельхер старался к нему не подходить,
Надеясь и себя спасти, и тестя пощадить.

2209 В отваге состязаясь с владыкою своим,
Дружинники маркграфа спешили вслед за ним.
Сверкали и свистели их острые клинки,
И от ударов лопались щиты и шишаки.

2210 Хоть долгий бой изрядно бургундов утомил,
У них для новой схватки еще хватило сил.
Мечами пробивали они броню насквозь.
Немало славных подвигов свершить им довелось.

2211 Как только в зал успели бехларенцы вбежать,
Взялись скрипач и Хаген врагов уничтожать.
В той схватке не щадили герои никого,
Стараясь лишь не поразить маркграфа самого.

2212 Не видел мир поныне второй такой резни.
Трещали, разрываясь, подщитные ремни,
И со щитов каменья летели в кровь и грязь,
И дико лязгали мечи, о панцири щербясь.

2213 Маркграф не ведал страха и первым шел туда,
Где злей всего кипела кровавая страда.
Наглядно доказали дела богатыря,
Что он за храбрость был молвой превознесен не зря.

2214 Как Гунтер, так и Гернот отважно бой вели.
Бехларенцев нещадно рубили короли,
А Гизельхер и Данкварт сражались так с врагом,
Что стал злосчастный этот день для многих Судным днем.

2215 Но Рюдегер достойный не отставал от них,
Без счета истребляя бургундов удалых,
Чем был один из рейнцев так сильно разъярен,
Что смертный час бехларенца решил приблизить он.

2216 Вскричал могучий Гернот — так звался рейнец тот:
«Мне, Рюдегер, терпенья уже недостает
Смотреть на то, как косит моих мужей ваш меч.
Я вижу, смерти вы нас всех намерены обречь.

2217 Столь многим нашим людям вы принесли кончину,
Что я подарком вашим убить вас не премину.
Ко мне оборотитесь, чтоб рассчитаться мог
Я с вами за полученный в Бехларене клинок».

2218 На многих яркий панцирь от крови потемнел,
Пока маркграф добраться до Гернота сумел,
И все ж, до славы жадны, они вступили в бой,
Щиты свои надежные держа перед собой.

2219 Однако не укрыться им было за щитами —
Любую сталь герои могли пробить мечами.
Сквозь шлем удар смертельный маркграф нанес врагу,
Но не остался и король у недруга в долгу.

2220 Взметнул над головою он Рюдегеров дар
И, кровью истекая, нанес такой удар,
Что меч завязки шлема рассек, пройдя сквозь щит,
И удалец бехларенский был наповал убит.

2221 От сотворенья мира до нынешних времен
Даритель не был хуже за щедрость награжден.
С маркграфом рядом рухнул его недавний враг,
И Хаген, это увидав, в сердцах промолвил так:

2222 «Безмерную утрату сегодня понесли мы:
Смерть двух таких героев — ущерб непоправимый.
Вот и пускай залогом расплаты за него
Останутся бехларенцы здесь все до одного».

2223 Воскликнул Гунтер: «Горе! Мой милый брат угас.
Все мыслимые беды обрушились на нас.
И Рюдегера тоже мне вечно будет жаль.
Постигла обе стороны великая печаль».

2224 Когда о смерти брата млад Гизельхер узнал,
Пришлось куда как худо тем, кто ворвался в зал.
Такую там дружину смерть набрала себе,
Что ни один бехларенец не уцелел в борьбе.

2225 А после Хаген, Данкварт, и Фолькер из Альцая,
И Гизельхер, и Гунтер, оружием бряцая,
Пошли туда, где Гернот с маркграфом полегли,
И слезы у богатырей от скорби потекли.

2226 «Смерть,— Гизельхер промолвил,— крадет у нас друзей.
Но осушите слезы, и встанем у дверей,
Чтоб ветер наши брони немного остудил.
Увы, сегодня умереть Господь всем нам судил».

2227 Остались вновь без дела бургундские вассалы.
Кто прислонился к стенке, кто сел на что попало,
И удивился Этцель, что в зале шум утих —
Ведь он не знал о гибели бехларенцев лихих.

2228 Разгневалась Кримхильда: «Хорош у нас слуга!
Честь короля ни капли ему не дорога.
Нет, Рюдегер не только не покарал врагов,
Но и без боя отпустить их всех на Рейн готов.

2229 Напрасно не скупились мы на дары ему.
Неверен оказался он долгу своему
И с нашими гостями пошел на мировую».
На это Фолькер сверху дал ей отповедь такую:

2230 «К несчастью, вы ошиблись, и я сказал бы вам,
Не будь грешно за лгуний считать столь знатных дам,
Что Рюдегера нынче вы низко оболгали.
Нам мира ни его мужи, ни он не предлагали.

2231 Маркграф приказ так честно старался исполнять,
Что смерть со всей дружиной пришлось ему принять.
Искать слугу другого я вам совет даю —
Свой долг исполнил до конца бехларенец в бою.

2232 Сейчас вы убедитесь, что Рюдегер сражен».
И труп на зло Кримхильде к дверям был принесен,
Чтоб Этцель мог увидеть его бескровный лик.
Впервые гуннскую страну такой удар постиг.

2233 Едва ли мы сумеем вам передать словами,
Как обливались дамы и витязи слезами,
Какой жестокой болью терзались их сердца,
Когда им был показан прах усопшего бойца.

2234 Рыдала королева, от горя побледнев,
А разъяренный Этцель, рыча, как грозный лев,
И повергая в трепет всех, кто стоял кругом,
Скорбел во всеуслышанье о леннике своем.

АВЕНТЮРА XXXVIII

О ТОМ, КАК БЫЛИ ПЕРЕБИТЫ ДРУЖИННИКИ ДИТРИХА

2235 Стенаньями и плачем был оглашен дворец.
Один из храбрых бернцев услышал наконец,
Как гунны причитают и льют потоки слез.
Об этом воин Дитриху немедленно донес.

2236 Сказал он господину: «Спешу вам доложить,
Что, хоть пришлось довольно на свете мне пожить,
Таких истошных воплей не слышал никогда я.
Боюсь, что с нашим королем стряслась беда большая.

2237 Он иль жены лишился, иль сам в бою убит.
С чего б иначе плакать всему двору навзрыд?
Наверно, зла немало понатворили гости,
Коль стонут гуннские мужи от горя и от злости».

2238 Ответил витязь бернский: «Не будь в сужденьях скор.
Быть может, ты выносишь пришельцам приговор
За грех, свершенный теми, кто их втянул в беду.
Я обещал бургундам мир и слово соблюду».

2239 Воскликнул смелый Вольфхарт: «Я выспросить берусь,
Что гуннов повергает в такую скорбь и грусть;
Когда же разузнаю, о чем они вопят,
С известьями, мой государь, к вам поспешу назад».

2240 На это Дитрих молвил: «Где все кипит враждой,
Там праздные расспросы кончаются бедой —
Лишь пуще раздражают они бойцов всегда.
Вы, Вольфхарт, вспыльчивы, и вам нельзя идти туда».

2241 Он приказал, чтоб Хельфрих шел ко двору скорей
И вызнал у хозяев иль даже у гостей,
Кто вверг всех гуннов разом в отчаянье такое,
Что их стенания полны безмерною тоскою.

2242 Спросил гонец у гуннов: «Чем вы удручены?»
Один из них ответил: «Отрада всей страны,
Любимец государя и каждого из нас,
Убит маркграф бехларенский бургундами сейчас.

2243 С ним вся его дружина легла на поле чести».
Вовек не слышал Хельфрих печальнее известья.
Слезами обливаясь, подавлен, потрясен,
Пришел со страшной новостью к владыке Берна он.

2244 Спросил вассала Дитрих: «Что вы узнали там
И по какой причине в слезах вернулись к нам?»
Промолвил Хельфрих: «Можно ль не исходить слезами,
Коль добрый Рюдегер сражен бургундскими бойцами?»

2245 Вскричал властитель бернский: «Пусть грех простит им Бог!
Их на такое дело толкнуть лишь дьявол мог.
Чем заслужил покойный столь горестный удел?
Ведь он же вормсцев так любил и так о них радел».

2246 Вскипел отважный Вольфхарт: «Коль вправду он убит,
С лихвой дружина наша за смерть его отмстит,
Иначе люди скажут, что предан нами друг —
Немало добрый Рюдегер нам оказал услуг».

2247 Владыка амелунгов уселся у окна.
Решив узнать сначала, на ком лежит вина,
А уж потом виновных к ответу призывать,
Он Хильдебранда с рейнцами послал потолковать.

2248 Брать Хильдебранд с собою не стал ни щит, ни меч:
По-дружески с гостями вести хотел он речь,
Но этим так разгневан был сын сестры его,
Что даже накричал в сердцах на дядю своего.

2249 Рек Вольфхарт: «Коль придете вы к рейнцам без брони,
Вас примут неучтиво, и высмеют они,
И от себя с позором прогонят, может быть;
А коль в доспехах явитесь, вам не дерзнут грубить».

2250 И внял старик советам горячего юнца.
Едва вооружиться успел он до конца,
Как бернцы окружили его со всех сторон.
Был этим Хильдебранд седой немало удивлен.

2251 Он их спросил: «Куда вы с мечами наголо?» —
«Пусть видит дерзкий Хаген, как много нас пришло,
Иначе он обидит и вас насмешкой злою».
И согласился взять старик соратников с собою.

2252 Заметил смелый Фолькер, из зала бросив взор,
Что Дитриховы люди пересекают двор —
Щиты у них на локте, мечи блестят в руках,
И королей предупредил скрипач в таких словах:

2253 «Подходят к залу бернцы, и мнится мне, вражда,
А не стремленье к миру их привела сюда,
Иначе бы доспехи им были не нужны.
Боюсь, и с ними будем мы затеять бой должны».

2254 Едва отважный шпильман все это досказал,
Как Хильдебранд с дружиной пришел ко входу в зал,
На землю щит поставил и закричал гостям:
«Богатыри, что́ Рюдегер худого сделал вам?

2255 Мне господин мой Дитрих велел спросить у вас,
Не ложное ль известье он получил сейчас
И правда ли, что вами маркграф убит в бою.
Коль это так, нам не избыть до смерти скорбь свою».

2256 Сказал владетель Тронье: «Известие правдиво,
Хоть я б желал, чтоб ложью его считать могли вы,
А Рюдегер достойный остался жив и цел
И не пришлось оплакивать нам всем его удел».

2257 Когда известно стало, что впрямь маркграф убит,
Все Дитриховы люди заплакали навзрыд.
Текли у бернцев слезы со щек, бород, усов.
Унынье преисполнило сердца лихих бойцов.

2258 Промолвил герцог Зигштаб, один из их числа:
«Отраду нашу битва навеки унесла.
Пал тот, кто кров и пищу давал нам в дни изгнанья.
До срока меч врага прервал его существованье».

2259 Сказал печально Вольфвин, бесстрашный удалец:
«Когда б сражен сегодня был мой родной отец,
Я и тогда навряд ли скорбел бы так душой.
Не вынести его жене утраты столь большой».

2260 Могучий Вольфхарт гневно воскликнул в свой черед:
«Кому теперь придется вести войска в поход,
Как их водил когда-то бехларенский маркграф?
Нас, амелунгов, навсегда осиротил он, пав».

2261 От этих слов заплакал он сам еще сильней,
С ним — Хельфрих, Вольфбранд, Хельмнот и много их друзей,
А Хильдебранд бургундам, рыдая, возгласил:
«Молю вас сделать то, о чем наш государь просил.

2262 Велите труп из зала к порогу принести,
Чтоб мы могли оплакать и с честью погрести
Того, кто свято верность хранил друзьям своим —
И нам, лишенным родины, и вам, и остальным.

2263 Мы, бернцы, здесь чужие, и он чужим был тоже.
Поэтому нам в просьбе отказывать негоже.
Должны, хотя б по смерти, маркграфу мы воздать
То, что от нас он вправе был при жизни ожидать».

2264 Державный Гунтер молвил: «Хвала и честь тому,
Кто и по смерти друга готов служить ему.
Мы, люди, умираем, а верность — никогда.
Почтите же усопшего — был добр он к вам всегда».

2265 Но тут вмешался Вольфхарт: «Просить нам надоело.
Извольте-ка, бургунды, немедля выдать тело.
Оплот и радость нашу убили вы в сраженье,
Так не мешайте хоть предать маркграфа погребенью».

2266 Скрипач ему: «Не ждите от нас таких услуг.
Возьмите тело сами, коль нужен вам ваш друг —
Лежит, в крови купаясь, он недвижимо здесь.
Вот этим и окажете вы Рюдегеру честь».

2267 С трудом сдержался Вольфхарт и так сказал в ответ:
«Уймитесь! Нашу рану вам растравлять не след.
За грубость, сударь шпильман, воздал бы я с лихвой,
Не запрети нам Дитрих наш вступать с гостями в бой».

2268 Промолвил Фолькер бернцу: «Блюдет запреты тот,
Кому их малодушье нарушить не дает,
И я отнюдь героем не назову его».
Одобрил Хаген от души речь друга своего.

Могучий бернец вспыхнул: «Горазды вы шутить,
Но ваш язык сумею я так укоротить
И так расстроит скрипку вам мой клинок булатный,
Что вы меня попомните, прибыв на Рейн обратно».

Ответил Фолькер: «Будьте уверены вполне,
Что если струны скрипки расстроите вы мне,
То, прежде чем вернусь я на Рейн родимый вновь,
Ваш ныне столь блестящий шлем покроет ржою кровь».

2271 Племянник Хильдебранда рванулся к двери в зал.
По счастью, дядя силой задиру удержал.
«Как видно, ты рехнулся, коль обнажаешь меч.
Ведь это может на тебя гнев Дитриха навлечь».

2272 «Пустите льва на волю,— опять съязвил скрипач.—
Вам, старец, с ним не сладить — он чересчур горяч.
Но как бы смел он ни был, я так его приструню,
Что заречется у меня он похваляться втуне».

2273 Поносными словами был бернец разъярен.
Себя щитом надежным прикрыл поспешно он
И шпильману навстречу помчался, словно лев.
Пустились вслед за ним друзья, придя в великий гнев.

2274 Как ни был Вольфхарт молод, проворен, полон сил,
А все же старый дядя его опередил
И первым устремился по лестнице к дверям.
Вот так был амелунгами навязан бой гостям.

2275 Скрестили грозный Хаген и Хильдебранд клинки.
Неукротимой злобой пылали смельчаки.
Звенели и трещали щиты в руках у них,
И красный ветер поднялся от их мечей стальных.

2276 Но в этом поединке взять верх никто не смог:
Противников с собою унес людской поток,
И проложить друг к другу не удалось им путь.
Меж тем схватились музыкант и Вольфхарт грудь на грудь.

2277 Неустрашимый бернец рубнул бургунда так,
Что вплоть до самых стяжек рассек на нем шишак;
Но тут удар ответный нанес скрипач мечом,
И искры из брони врага посыпались дождем.

2278 Безудержная ярость кипела в их сердцах.
Дымились от ударов кольчуги на бойцах.
Но смелый бернец Вольфвин их развести сумел.
Кто встал меж двух таких врагов, тот в самом деле смел.

2279 Пример радушья Гунтер в тот день являл собой:
С любым из амелунгов был рад вступить он в бой;
А Гизельхер и брата бесстрашьем затмевал:
Он шишаки десятками на бернцах разбивал.

2280 Сын Альдриана Данкварт был мужествен всегда.
Немало гуннам сделал и раньше он вреда,
Но все ж ни с чем сравниться не может тот урон,
Который братом Хагена был бернцам нанесен.

2281 Шли Ритшард, Гербарт, Хельфрих и Вихарт на врага
Так, словно бы нисколько им жизнь не дорога.
Бросался Вольфбранд в сечу, круша, разя, рубя.
Отвагой бернцы превзошли тогда самих себя.

2282 В глазах у Хильдебранда сверкал безумный гнев.
С ним рядом бился Вольфхарт, вконец рассвирепев,
И не один из вормсцев простерся, недвижим.
Так мстили люди Дитриха за Рюдегера им.

2283 Сражался герцог Зигштаб едва ль не всех храбрей.
Ах, сколько добрых шлемов он сшиб с богатырей!
Да, много гордых рейнцев до срока и поры
Убил сей ленник Дитриха и сын его сестры.

2284 Заклокотала ярость в груди у скрипача,
Когда увидел Фолькер, как Зигштаб бьет сплеча
И по кольчугам вормсцев ручьями кровь течет.
Он подскочил к противнику, и герцог в свой черед

2285 Изведал, сколь искусен бургунд в науке ратной.
Взметнул могучий шпильман высоко меч булатный,
И дух отважный бернец на месте испустил,
Но старый Хильдебранд врагу за друга отомстил.

2286 «Увы! — вскричал воитель. — Соратник дорогой,
Тебя свирепый Фолькер сразил своей рукой,
Но у меня сегодня и он не минет гроба».
Вовеки не был Хильдебранд столь преисполнен злобы.

2287 На шпильмана низвергся такой удар клинка,
Что расскочились стяжки щита и шишака.
Осколками стальными вокруг покрылся пол.
Плашмя упал лихой скрипач, затих и отошел.

2288 В ряды бургундов бернцы врубались вновь и вновь.
Из рассеченных шлемов ключом хлестала кровь.
Блестящие кольчуги на витязях рвались.
Куски мечей изломанных, свистя, взлетали ввысь.

2289 Была потеря друга для Хагена стократ
Страшней и тяжелее всех остальных утрат,
Хоть их герой немало понес в чужом краю.
О, как за сотоварища он отомстил в бою!

2290 «Вон верный мой сподвижник и лучший друг лежит.
Он старым Хильдебрандом повержен и убит,
Но рук моих убийце теперь не миновать».
Повыше Хаген поднял щит и в бой вступил опять.

2291 Неустрашимый Данкварт был Хельфрихом сражен,
И хоть успел пред смертью с врагом расчесться он,
Млад Гизельхер и Гунтер слезу смахнули с глаз,
Увидев, что такой боец безвременно угас.

2292 Уж в третий раз по залу шел из конца в конец
Племянник Хильдебранда, могучий удалец,
Направо и налево удары нанося
И рейнцев на своем пути безжалостно кося.

2293 Щит Гизельхер поправил и бернцу молвил так:
«Я вижу, мне попался весьма опасный враг.
Оборотись-ка, Вольфхарт, коль ты и вправду смел.
Твоим бесчинствам положить давно пора предел».

2294 Оборотился Вольфхарт в ответ на эту речь
И к королю бургундов пошел, вздымая меч.
Был шаг его столь тяжек, что из-под ног бойца
Взлетали струи крови вверх, до самого лица.

2295 Но сын пригожей Уты не дрогнул пред врагом.
Млад Гизельхер так ловко орудовал мечом,
Что с ним и бернцу было не сладить в рукопашной.
Вовек столь юный государь не дрался столь бесстрашно.

2296 На Вольфхарте кольчугу клинок его пробил,
И амелунг могучий смертельно ранен был.
Залился кровью алой он с головы до ног.
Удар подобный нанести лишь истый витязь мог.

2297 Когда почуял бернец, что смерть ему грозит,
Он от себя отбросил уже ненужный щит
И с силою такою нанес удар сплеча,
Что шлем и панцирь короля рассек концом меча.

2298 Бок о бок с Гизельхером простерся враг его.
Из бернцев не осталось в живых ни одного.
Лишь Хильдебранда минул печальный их удел.
Как горько старый богатырь о Вольфхарте скорбел!

2299 Всех спутников и Гунтер в той сече потерял.
Загромождали трупы залитый кровью зал.
Отыскан Хильдебрандом племянник был меж них.
Сжал дядя с плачем витязя в объятиях своих.

2300 Сородича он поднял и с ним к дверям пошел,
Но сразу рухнул наземь — тот слишком был тяжел.
Тут полумертвый Вольфхарт, придя в себя на миг,
Увидел, как его спасти пытается старик.

2301 Он молвил: «Мне не властен уже никто помочь,
И вы, любезный дядя, бегите лучше прочь,
Чтоб не нанес вам Хаген ущерба и вреда.
Поверьте, пуще прежнего пылает в нем вражда.

2302 Родне моей велите не горевать напрасно:
От слез мертвец не встанет,— а смерть моя прекрасна!—
Ведь я на поле чести нашел себе конец,
И победил меня король, а не простой боец.

2303 К тому ж я не остался в долгу у пришлецов.
Из-за меня поплачет на Рейне много вдов,
И если люди спросят вас о моей кончине,
Ответьте, что один прервал я сотню жизней ныне».

2304 Но тут припомнил Хаген, кем Фолькер был сражен,
И Хильдебранду крикнул с угрозой гневной он:
«Сведу я счеты с вами за скорбь свою сейчас.
Немало славных воинов вы отняли у нас».

2305 Ударил Хильдебранда он Бальмунгом стальным,—
Тот меч ему достался в лесу, где Зигфрид им
Предательски заколот был давнею порой,—
Но старый бернец не сробел и смело принял бой.

2306 Муж Дитриха обрушил на недруга клинок,
Который был на диво остер, тяжел, широк.
Однако Хаген смерти на этот раз избег,
Остался невредим и сам броню врага рассек.

2307 Почувствовав, что сильно он Бальмунгом задет
И на победу в схватке надежды больше нет,
Зияющую рану старик рукой зажал
И, щит закинув за спину, из зала убежал.

2308 Из всех, кто там сражался, лишь двое были целы —
Король бургундский Гунтер и Хаген, витязь смелый,
И к Дитриху из Берна с известием о том
Спешил его седой слуга, израненный врагом.

2309 Владыка амелунгов был мрачен и угрюм.
Когда ж его внимание привлек внезапный шум
И, весь покрытый кровью, беглец предстал ему,
С тревогой задал он вопрос вассалу своему:

2310 «Скажите, как случилось, что с головы до пят
Обагрены вы кровью? Кто в этом виноват?
У вас с гостями стычка, наверно, вышла все же,
Хоть говорил я, что вступать вам с ними в бой негоже».

2311 И Хильдебранд признался: «Лишь этот черт из Тронье
Виновен в понесенном сегодня мной уроне.
Я Хагеном был ранен, когда хотел уйти.
Не знаю сам, как удалось мне ноги унести».

2312 Властитель бернский молвил: «Заслуженная кара!
Благодарите Бога, что вы годами стары,
Не то и сам убил бы я вас без разговору.
Я мир бургундам обещал, а вы ввязались в ссору».

2313 «Мой государь, простите вассала своего.
Хлебнули горя ныне мы все и без того.
Просил я вормсцев выдать труп Рюдегера нам,
Но так и не склонили слух они к моим мольбам».

2314 «Выходит, это правда, что Рюдегера нет?
Как горько, что покинул он нас во цвете лет
И мужа Готелинда отныне лишена!
Сестра двоюродная мне по матери она».

2315 При мысли, что соратник и друг его убит,
С собой не сладил Дитрих — заплакал он навзрыд.
«Увы, мой благодетель, покинут я тобой
И должен о тебе скорбеть до сени гробовой!

2316 Мне, Хильдебранд, скажите, от чьей руки жестокой
Пал Рюдегер отважный до времени и срока».
Старик ответил: «Гернот мечом его убил,
Но смерти в свой черед и сам маркграфом предан был».

2317 Сказал на это Дитрих: «Тогда я в зал пойду
И счеты за обиду с бургундами сведу.
К оружью призовите моих богатырей
И прикажите мой доспех подать мне поскорей».

2318 Но Хильдебранд промолвил: «Кто ж явится на зов,
Коль больше не осталось теперь у вас бойцов?
Из всей дружины вашей лишь я один в живых».
Был Дитрих смел, но задрожал и он от слов таких.

2319 Страшней удара витязь не получал вовек.
Он застонал: «Ах, Дитрих, несчастный человек,
Ты стал, король недавний, последним бедняком!
Всех подданных лишился ты, отринутый Творцом.

2320 Но как могло случиться,— воскликнул он опять,—
Что удалось пришельцам победу одержать?
Ведь их не обессилить столь долгий бой не мог.
Наверно, за мои грехи меня карает Бог.

2321 Но раз уже мне выпал столь горестный удел,
Скажите, кто из вормсцев в сраженье уцелел».—
«Клянусь Царем небесным,— рек Хильдебранд в ответ,—
В живых лишь Гунтер с Хагеном, всех прочих — больше нет».

2322 «Увы! На свет я, видно, в недобрый час рожден.
Погиб могучий Вольфхарт — бургундом он сражен.
Где Вольфбранд, Зигштаб, Вольфвин, и с кем теперь верну
Себе я амелунгскую родимую страну?

2323 Отважный Хельфрих, Гербарт и Вихарт тоже пали.
До смерти не избуду я скорби и печали.
Не знать отрады в жизни мне с нынешнего дня.
Ах, лучше б вместе с ними смерть скосила и меня!»

АВЕНТЮРА XXXIX

О ТОМ, КАК ДИТРИХ БИЛСЯ С ГУНТЕРОМ И ХАГЕНОМ

2324 Поднялся Дитрих с места, доспехи сам достал,
И в них ему облечься помог старик-вассал.
Так сокрушался бернец и в горе был таком,
Что от стенаний витязя дрожмя дрожал весь дом.

2325 Но, с силами собравшись, он овладел собой,
Надел на левый локоть свой добрый щит стальной
И вместе с Хильдебрандом отправился туда,
Где с бернскою дружиною произошла беда.

2326 «Спешит,— промолвил Хаген,— к нам Дитрих через двор,
И у него от гнева огнем пылает взор.
Он был обижен нами и мщенья вожделеет.
Вот мы сейчас и поглядим, кто в схватке одолеет.

2327 Хотя правитель Берна на вид несокрушим,
Известен повсеместно бесстрашием своим
И нам за смерть вассалов мечтает отомстить,
Я все ж отважусь с ним в бою оружие скрестить».

2328 Той речи бернцы вняли еще издалека —
Во двор из зала вышли два рейнца-смельчака
И там, к стене прижавшись, стояли у дверей.
Поставил Дитрих наземь щит и глянул на гостей.

2329 Затем возвысил голос: «Я знать хочу, король,
За что же причинили вы мне такую боль.
Изгнанник я бездомный, живу в краях чужих,
А вы меня лишаете всех радостей моих.

2330 С вас, вормсцев, было мало, что Рюдегер, наш друг,
Наш давний благодетель, погиб от ваших рук.
Вы всех моих вассалов убили сверх того,
Хотя не сделал вам, король, я ровно ничего.

2331 А вы ведь испытали и сами на себе,
Как тяжело и горько друзей терять в борьбе,
Как после их утраты душа у нас болит.
Ах, до чего же грустно мне, что Рюдегер убит!

2332 Людей, меня несчастней, еще не видел свет,
Но до чужой печали вам, рейнцы, дела нет.
Моих бойцов отборных вы в сече истребили,
И перестану слезы лить о них я лишь в могиле».

2333 «Не так уж мы виновны,— вскричал владетель Тронье.—
Нас вынудили бернцы сегодня к обороне —
Они вломились сами с оружьем в этот зал.
Вам кто-то о случившемся неправду рассказал».

2334 «Но Хильдебранд клянется, что амелунги вас
Труп Рюдегера выдать просили много раз,
А вы лишь насмехались над слезной их мольбой.
Могу ль я допустить, что лжет мне мой вассал седой?»

2335 «Нет, с вами был он честен,— признался Гунтер смело,—
Но верьте, что не выдал я вашим людям тело,
Чтоб Этцеля — не бернцев задеть и оскорбить.
Все б обошлось, когда б не стал ваш Вольфхарт нам
грубить».

2336 «Пусть так,— ответил Дитрих,— но долг и честь велят,
Чтоб за беду платился тот, кто в ней виноват,
И если ты со мною желаешь примиренья,
Изволь сейчас же, Гунтер, дать мне удовлетворенье.

2337 Коль ты с вассалом вместе согласен сдаться мне,
За вашу безопасность ручаюсь я вполне.
Не подпущу я гуннов к заложникам моим,
Надежнейшим защитником и другом буду им».

2338 Воскликнул Хаген: «Боже, спаси нас и помилуй!
Пока мы невредимы, не оскудели силой
И дать отпор достойный способны всем врагам,
Два столь могучих воина в плен не сдадутся вам».

2339 На это Дитрих молвил: «Не говорите так.
Ведь по вине бургундов, хотя им был не враг,
Всего лишился в жизни я с нынешнего дня,
И долг ваш, Гунтер с Хагеном, вознаградить меня.

2340 Рукой моею правой и честью вам клянусь,
Что лично вас доставить на Рейн не поленюсь,
Что раньше сам погибну, чем вред вам дам нанесть,
И не взыщу с вас за ущерб, мне причиненный днесь».

2341 Владетель Тронье бросил: «Не тратьте время даром.
Здесь не возьмете пленных вы с Хильдебрандом старым —
Постигнет нас бесчестье, коль разнесется слух,
Что убоялись мы врагов, притом всего лишь двух».

2342 Тут Хильдебранд вмешался: «Клянусь Творцом небесным,
Мой государь явился к вам с предложеньем лестным.
Пойти на мир почетный должны вы, Хаген грозный,
Пока уладить все добром еще отнюдь не поздно».

2343 «Да,— усмехнулся Хаген,— куда почетней сдаться,
Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться,
Как сделали вы нынче, прервав наш бранный спор,
Хоть смельчаком вас, Хильдебранд, считал я до сих пор».

2344 «Вот вы,— старик ответил,— смеетесь надо мной,
А кто под Васкенштайном, забыв свой долг прямой,
В бой с Вальтером Испанским вступить не захотел,
На щит уселся и с него на смерть друзей глядел?»

2345 «Молчите! — крикнул Дитрих седому удальцу.—
Браниться, как старухам, мужчинам не к лицу.
Вы, Хильдебранд, отныне не раскрывайте рот —
С меня довольно и без вас печали и забот».

2346 А Хагену он молвил: «О чем, у зала стоя,
Вы с королем беседу вели между собою,
И правильно ль расслышал я, подходя к дверям,
Что силами померяться со мной угодно вам?»

2347 «Я впрямь,— признался Хаген,— так говорил недавно.
Пока мне верно служит меч нибелунгов славный,
Я с вами потягаться согласен хоть сейчас.
Гневлюсь я, что в заложники вы взять хотели нас».

2348 Увидев по ответу, что схватка предстоит,
Проворно бернец поднял с земли свой добрый щит,
И Хаген тут же прыгнул на недруга с крыльца.
Меч нибелунгов засверкал в руках у храбреца.

2349 Смекнул могучий Дитрих, что сильно Хаген зол,
И с превеликим тщаньем опасный бой повел,
Стараясь понадежней стальным щитом прикрыться.
Он знал, как страшен враг его, коль скоро разъярится.

2350 Сообразив, сколь Бальмунг широк, тяжел, остер,
Он избегал сходиться с противником в упор
И, лишь когда почуял, что тот не сладит с ним,
Бургунду рану тяжкую нанес мечом своим.

2351 «Тебя,— подумал бернец,— усталость доконала.
С тобой покончить просто, да чести в этом мало.
Хочу я, чтоб достался ты, Хаген, мне живой,
И ради этого рискну, пожалуй, головой».

2352 Отбросив щит, он вормсца руками обхватил;
Тот стал сопротивляться, собрав остатки сил,
Но скоро рухнул наземь под натиском его
К безмерному отчаянью владыки своего.

2353 Был Хаген бернцем связан и отведен потом
Туда, где находились Кримхильда с королем.
Она повеселела, увидев, что в плену
Храбрец, который столько зла ей сделал в старину.

2354 В поклоне королева склонилась до земли.
«От смерти и позора вы, Дитрих, нас спасли.
Пусть счастье вам за это сопутствует вовек,
А я по гроб у вас в долгу, бесстрашный человек».

2355 В ответ герой промолвил владычице надменной:
«Прошу вас, королева, чтоб жив остался пленный.
Теперь его бояться причины больше нет.
Пускай живет и возместит вам причиненный вред».

2356 Она врага велела в темницу отвести,
Чтоб там, от всех сокрытый, сидел он взаперти.
Меж тем державный Гунтер взывал у входа в зал:
«Куда же бернский богатырь, обидчик мой, пропал?»

2357 К нему вернулся Дитрих, услышав этот зов.
Был Гунтер силой равен славнейшим из бойцов.
Отважно устремился навстречу бернцу он,
И тотчас огласил весь двор клинков булатных звон.

2358 Как ни был бернский витязь могуч, проворен, смел,
Он лишь каким-то чудом остался жив и цел —
Так беззаветно Гунтер рубился в том бою,
Так вымещал на недруге тоску и боль свою.

2359 Мир не знавал доселе подобных силачей.
Гудел дворец огромный от стука их мечей.
Старались друг на друге бойцы рассечь шишак,
И Гунтер доказал, что он доподлинный смельчак.

2360 Но был король измучен, а бернец бодр и свеж.
Он Гунтера осилил, как Хагена допрежь.
Пробил кольчугу вормсца клинок его меча,
И хлынула из раны кровь, красна и горяча.

2361 Связал бургунду руки победоносный враг,
Хоть с государем пленным не поступают так.
Но Дитрих знал: коль рейнцев освободить от пут,
Всех, кто к ним ни приблизится, они вдвоем убьют.

2362 Потом правитель бернский, прославленный храбрец,
Отвел свою добычу к Кримхильде во дворец.
При виде скорби брата забыв печаль и боль,
Она сказала Гунтеру: «Привет мой вам, король!»

2363 Он молвил: «Поклонился б я вам, моя сестра,
Когда бы вы хотели сородичам добра.
Но приуготовляли вы нам не встречу — месть.
Недаром плохо приняты и я и Хаген здесь».

2364 Возвысил голос Дитрих: «Вам, госпожа моя,
Заложников презнатных привел сегодня я.
Доныне в спорах ратных никто не брал таких.
Прошу в награду за труды — оставьте их в живых».

2365 Взяв с королевы слово, что пленных пощадят,
В слезах пошел воитель куда глаза глядят.
Но клятве оказалась Кримхильда неверна —
У двух бургундских витязей жизнь отняла она.

2366 Велела их Кримхильда держать в темнице врозь,
И больше им друг друга узреть не довелось,
Покуда брата смерти сестра не предала
И с головою короля к вассалу не пришла.

2367 Когда владетель Тронье был отведен в тюрьму,
Явилась королева и молвила ему:
«Верните то, что взяли вы у меня когда-то,
А не вернете — я велю казнить и вас и брата».

2368 Лишь усмехнулся Хаген: «Не след меня стращать.
Поклялся вашим братьям о кладе я молчать,
Покамест не узнаю, что умерли все трое,
И где он — этого я вам до гроба не открою».

2369 Она в ответ: «От клятвы освобожу я вас»,—
И обезглавить брата велела сей же час,
И к Хагену обратно вернулась поскорей,
Отрубленную голову влача за шелк кудрей.

2370 На государя глянул в последний раз вассал,
К Кримхильде повернулся и с вызовом сказал:
«Напрасно ты ликуешь, что верх взяла в борьбе.
Знай: я поставил на своем благодаря тебе.

2371 Погиб державный Гунтер, король моей страны.
Млад Гизельхер и Гернот врагами сражены.
Где клад — про это знаем лишь я да Царь Небес.
Его ты, ведьма, не найдешь — он навсегда исчез».

2372 Она в ответ: «Остались в долгу вы предо мной.
Так пусть ко мне вернется хоть этот меч стальной,
Которым препоясан был Зигфрид, мой супруг,
В тот страшный день, когда в лесу он пал от ваших рук».

2373 Из ножен королевой был извлечен клинок,
И пленник беззащитный ей помешать не смог.
С плеч голову Кримхильда мечом снесла ему.
Узнал об этом муж ее к прискорбью своему.

2374 «Увы! — воскликнул Этцель с горячими слезами.—
Убит рукою женской храбрейший меж мужами,
Превосходил отвагой он всех, кто носит щит,
И смерть его, хоть он мой враг, мне совесть тяготит».

2375 А Хильдебранд промолвил: «Себе я не прощу,
Коль за бойца из Тронье сполна не отомщу.
Пусть даже я за это погибну в свой черед,
Та, кем был обезглавлен он, от кары не уйдет».

2376 Старик, пылая гневом, к Кримхильде подскочил.
Мечом своим тяжелым взмахнул он что есть сил.
Она затрепетала, издав короткий крик,
Но это ей не помогло — удар ее настиг.

2377 Жену владыки гуннов он надвое рассек.
Кто обречен был смерти, тот смерти не избег.
Стенал в унынье Этцель, и Дитрих вместе с ним,
Скорбя по славным ленникам и родичам своим.

2378 Бесстрашнейшим и лучшим досталась смерть в удел.
Печаль царила в сердце у тех, кто уцелел.
Стал поминальной тризной веселый, пышный пир.
За радость испокон веков страданьем платит мир.

2379 Сказать, что было дальше, я не сумею вам.
Известно лишь, что долго и дамам и бойцам
Пришлось по ближним плакать, не осушая глаз.
Про гибель нибелунгов мы окончили рассказ.

ПРИМЕЧАНИЯ

БЕОВУЛЬФ

Единственная дошедшая до наших дней рукопись «Беовульфа», датируемая концом X в., входит в так называемое Ко́ттонское собрание и хранится сейчас в Британском музее. Текст был записан благодаря счастливому стечению обстоятельств. Англию христианизовали с двух сторон: с севера (ирландцы) и с юга (миссия папы Григория). Южная миссия шла от католиков и не потерпела бы траты пергамента на языческие стихи даже в христианской оправе. Но ирландское христианство само представляло собой смесь новой веры с язычеством, и германские обычаи были близки ему. Не удивительно, что чуть ли не вся поэзия создавалась на севере и только переписывалась у саксов. Папская миссия потерпела неудачу, и в Англии не было такого уничтожения старых текстов, как в ряде других стран. В более поздние века поэму спас сказочный сюжет: она уцелела среди прочих текстов о «деяниях чудовищ». В 1731 г. рукопись пострадала от пожара, а главное — от его последствий: из-за того что вовремя не были приняты меры по спасению пергамента, обуглившиеся края листов продолжали осыпаться. Текст поэмы разделен на 44 главы. Иногда новая глава начинается внутри сложного предложения (эта особенность подлинника обычно не сохраняется в переводах). Сам заголовок поэмы добавлен современными издателями.

В 1786—1787 гг. исландец Торкелин (Grímur Jónsson Thorkelin) был в Англии и сделал два списка с поэмы (один сам, а другой заказал неизвестному копиисту). В то время на краях можно было прочесть гораздо больше, чем сейчас. Он же был первым издателем текста (1815 г.). С тех пор «Беовульф» издавался около двадцати раз целиком (не считая переизданий) и примерно столько же раз переводился на английский. Поэма переводилась также на немецкий (десять раз), датский, французский, итальянский (трижды), шведский, норвежский (лансмол) и голландский (по одному разу). Кроме того, Торкелин перевел весь текст на латынь. Поэму переводили дословно и с попыткой воспроизвести атмосферу подлинника, ритмом оригинала, пятистопным ямбом, размером баллад, нибелунговой строфой и свободным сти-

хом, с аллитерацией и без нее, с огромным количеством архаизмов и простым языком. Даже прозаические переводы очень заметно отличаются друг от друга по манере изложения и характеру стилизации.

Публикуемый ниже текст — первый перевод «Беовульфа» на русский язык. Как уже частично говорилось во вступительной статье (стр. 8), точное воспроизведение поэтических особенностей «Беовульфа» и «Эдды» противоречило бы нормам современной поэтики. Главная из этих особенностей — аллитерация. В каждом полустихе было не меньше одного слова, начинавшегося на тот же согласный, что и в соседнем. Кроме того, все гласные аллитерировали между собой. Ударение в древнеанглийском и древнеисландском чаще всего падало на первый слог корня, и на полустих приходилось по два слога с акцентом. Они отбивали такт, как метроном, а неударные слоги (сколько бы их ни было) проговаривались за примерно одинаковые интервалы времени: быстро, если их было много, и медленно, если их было мало. В таких условиях начало ударного слога было самым важным участком слова, и аллитерация подчеркивала именно эти функционально значимые точки стиха. Легко видеть, что аллитерационный стих был хорошо приспособлен для фонетических особенностей этих языков. Ритм «Беовульфа» основывается на чередовании долгих и кратких слогов, но зависит и от количества слогов в полустихе, хотя регулярный дольник отсутствует. Существовал ряд метрических типов, которыми автор «Беовульфа» пользуется с большим искусством. Но русскому (так же как и современному английскому и немецкому) читателю древнеанглийские стихи кажутся прозой. Аллитерация для него не более чем второстепенное украшение текста, подобно тому как для древнеанглийского поэта была рифма. Рифма внутри строки в сочетаниях типа «гол как сокол» встречалась не так уж редко, но была дополнительной, несущественной частью стиха. С другой стороны, поэты той поры почти никогда не рассматривали аллитерацию как стилистическое средство. Лишь в нескольких случаях две длинные строки подряд имели одинаковую (сквозную) аллитерацию, и можно предположить, что это не небрежность, а особый прием. В «Беовульфе» есть и другие приемы подобного рода: ассонансы, игра слов. Так, мрачный каламбур проходит через все описание Гренделя: по-древнеанглийски «гость» и «дух» звучали очень похоже, а Грендель часто называется злым и проклятым духом, но он же и незваный гость. Однако главное в звуковой ткани «Беовульфа» — это смена метрических типов и неумолкающая аллитерация. Переводчик «Беовульфа» сохранил аллитерацию (хотя не всегда на первом слоге), но он не мог сохранить ее древней функции, поэтому читатель в большинстве случаев даже не услышит созвучий типа «призВАл ДерЖавный Делить с ДруЖиной уДары сраЖений», «сЛуЖили им ЛоЖами»... и пр. Кроме того, в переводе аллитерируют не только первые согласные и не только начала ударных слогов. Строки в «Беовульфе» очень длинны и конец строки часто не совпадает с концом предложения; полустих же краток и динамичен. Исландцы, которые понимают свои древние памятники без перевода и, следовательно, из всех германских народов слышат их лучше, чем

кто бы то ни было, печатают «Старшую Эдду» только полустроками. Так же поступил в свое время с «Беовульфом» один из первых его издателей Торп (B. Thorpe). Изданный полустихами, русский перевод позволяет воспринять текст «Беовульфа» как поэтический.

Современный читатель напрасно стал бы искать в «Беовульфе» привычные ему приемы: в поэме мало сравнений, эпитеты довольно условны, а метафор нет вовсе. У англосаксонского поэта были совсем иные средства воздействия на слушателей. О некоторых из них будет сказано в примечаниях к отдельным строчкам. Но с самого начала следует обратить внимание па то, что в «Беовульфе» масса необиходных поэтических слов и поражающее обилие синонимов, особенно для понятий, связанных с княжеской властью, мореходством и войной. В русском тексте эта черта древнеанглийского поэтического стиля частично сохранена.

В англосаксонской поэме X века очень многое непривычно для нас. Отсутствуют знакомые приемы обозначения одновременности событий (см. прим. к ст. 917); основной сюжет все время прерывается отступлениями, и эти отступления сами составляют свой собственный сюжет, в котором есть и план и система, хотя ни то ни другое не видно при первом чтении; оба сюжета взаимодействуют по своим, не всегда очевидным для нас правилам; многие события рассказаны не подряд; все время встречаются намеки на людей и сраженья, о которых уже, по крайней мере, тысячу лет никто ничего не помнит, а персонажи поэмы зашифрованы малопонятными нам кеннингами (Хигелак — наследник Свертинга, а королева Хюгд — дочь Хереда, но о Свертинге и Хереде мы только и узнаем из этих кеннингов). Тролли и драконы для нас — существа из мифов, а для людей того времени они были совершенно реальны. Исследователи «Беовульфа», т. е. многие поколения лингвистов, литературоведов, историков, археологов, толковали сложные места в поэме, описывали ее ритм, выясняли истоки древнеанглийского эпоса, его связи с мифом, легендой и историей, разыскивали параллели с Библией, со скандинавской и ирландской традицией, обнаруживали влияние Гомера, латинских авторов и отцов церкви, устанавливали точный возраст поэмы и ее отношение к другим памятникам древнеанглийской литературы. Из «Беовульфа» узнавали об этике и этикете германцев, об их религии, времяпрепровождении и быте. Текст «Беовульфа» служил неисчерпаемым источником самых разнообразных сведений. И лишь сравнительно недавно к специалистам пришло откровенье, что перед ними не литературное ископаемое, а прекрасные стихи. Тогда и появились обстоятельные работы о стиле поэмы и о секрете ее художественного воздействия. Последние пятнадцать лет явились свидетелями нового расцвета беовульфоведения. После того как была обнародована теория двух американских фольклористов Пэрри и Лорда (M. Parry, A. B. Lord), многие исследователи стали искать формульную основу и тематический каркас поэмы, т. е. те готовые части, которые всегда использует сказитель эпоса. М. Пэрри, специалист по древнегреческому эпосу, изучал творчество сказителей на Балканах и пришел к выводу, что текст героических поэм не вы-

учивается певцом наизусть, а импровизируется, но импровизируется по определенным правилам: певец без перерыва комбинирует словесные формулы и все время использует традиционные темы, т. е. привычные для этого жанра группы идей (приезд героя, отъезд героя, прибытие посла и т. п.). Пэрри погиб молодым от несчастного случая, и его теория приобрела особенно широкую известность после выхода книги А.-Б. Лорда «Певец-сказитель» (A. B. Lord «Singer of Tales»). Эта теория применялась и к изучению «Беовульфа». Цель исследований состояла в том, чтобы установить, был ли «Беовульф» продуктом импровизации или произведением, сочиненным так, как сочиняются поэмы и романы в наши дни. Формульно-тематическая основа «Беовульфа» (угадывавшаяся многими и раньше) была очень убедительно вскрыта в работах фольклористов и не вызывает сейчас никаких сомнений, но отсюда ничего не следует относительно истории возникновения англосаксонского эпоса, поскольку в ту эпоху и сказители, и профессиональные поэты, т. е. люди, вполне осознававшие себя авторами своих стихов, пользовались одной и той же манерой повествования. Школе Пэрри — Лорда противостоит в английской филологии другая, утверждающая, что «Беовульф» имел определенного автора, знавшего и языческие сказания, и латинские стихи, и отцов церкви. Интерес сосредоточился теперь на личности поэта: был ли он неграмотным певцом или образованным человеком (монахом?), начитанным в церковной и светской литературе, и правомерна ли такая постановка вопроса в эпоху, когда от устного творчества переходят к письменной литературе; совместимы ли импровизация и высокое художественное мастерство; импровизировал ли он свои стихи или записал готовый текст. Во многом по-новому стали изучать аудиторию поэта. Англосаксы VII—VIII вв. образовывали военно-аристократическое общество, сочетавшее варварство с глубоким интересом к литературе, а Нортумбрия (королевство на севере Англии) была главным центром европейской культуры того времени. Но важно было сузить понятие «аудитория», чтобы лучше понять замысел поэта.

О «Беовульфе» написано так необозримо много, что каждая строчка в нем может стать поводом для разностороннего обсуждения. В несравненном по глубине анализа издании Клэбера («Beowulf and The Fight at Finnsburg». Edited, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices by Fr. Klaeber. Third edition with first and second supplements. D. C. Heath and Company. Lexington, Massachusetts, 1950) текст «Беовульфа» занимает неполных 120 страниц, а предисловие и комментарии (не считая словаря и цитат из разных источников) — почти 300 страниц петитом, при том что большинство сведений в них все же дано намеком (ссылкой на библиографию). В издании Добби («Beowulf and Judith». Edited by E. van K. Dobbie. New York, Columbia University Press, 1953; «The Anglo-Saxon Poetic Records», IV), где рассматриваются только лингвистические вопросы, на 98 страниц текста 170 страниц комментариев (петитом), а в библиографии 600 названий. Комментарий, помещенный ниже, несравненно более скромен и преследует только две цели: разъяснить исторические намеки и кенинги и обратить

внимание читателя на систему художественных средств поэмы. Хотя исторические выкладки помогают разобраться в хитросплетении войн и династических конфликтов, к ним надо относиться с большой осторожностью: во-первых, в науке нет общепринятого мнения по рассматриваемым вопросам, во-вторых, мы не знаем, было ли у древнего поэта ясное представление о тех событиях, последовательность и взаимозависимость которых с таким трудом восстанавливают современные ученые.

2.[1] *...о доблести данов, о конунгах датских...*— Действие первой части «Беовульфа» происходит во владениях датского короля (конунга) Хродгара, поэтому вся поэма открывается прославлением данов.

7. *Найденыш* — Скильд Скевинг, легендарный основатель датского королевского рода, появился среди данов бездомным ребенком; его уход (ст. 26 след.) окружен такой же таинственностью, как и прибытие.

10. *Дорогой китов* — морем, океаном; один из примеров кеннинга, т. е. иносказательного описания предмета.

12. *Добрый был конунг.*— Концовки подобного рода (обычно дидактического характера) очень характерны для «Беовульфа».

16. *В век безначалия.*— Древние германцы входили в княжеские дружины. Дружина означала не только службу и награды, но и защиту от посягательств других сильных мира сего, поэтому для воина не было большего несчастья, чем остаться без покровительства князя. О причинах безначалия у данов см. прим. к ст. 901 след.

18. *Беовульф.*— Это еще не герой поэмы, а другой Беовульф, сын Скильда Скевинга (герой поэмы — гаут, или, что то же самое, ведер, а не дан). Имя Беовульф, как и все многосложные имена, встречающиеся ниже (Хигелак, Эггтеов и пр.), произносится с ударением на первом слоге.

32 след. *Челн крутогрудый вождя дожидался...*— Как стало ясно после раскопок кургана в Саттон Ху (Sutton Hoo, ср. вступ. ст., стр. 12), описание похорон Скильда Скевинга не просто глубоко поэтичная аллегория смерти: германских конунгов действительно иногда хоронили подобным образом (но обычно мертвые тела сжигали на погребальном костре: ср. ст. 1114 след., 2125—2126 и похороны Беовульфа в последней главе).

56. *Хальфдан*, т. е. «полудан»; его мать была дочерью шведского короля, так что Хальфдан был даном не наполовину, а на три четверти.

79. *Хеорот* и означает «олень». Возможно, дело было не только в том, что зал украсили оленьими рогами, но и в том, что олень служил символом королевской власти, а в еще более древние времена — предметом религиозного поклонения.

81 след. *Дом возвышался... недолговечный...*— Сожжение Хеорота не описано в поэме (ср. лишь ст. 782), но мрачные пророчества и предсказания

---

[1] Цифры в примечаниях к «Беовульфу» обозначают порядковый номер стиха.

гибели тому, что сейчас процветает, постоянны в германской поэзии (ср. прим. к ст. 2024 след., где излагаются события, приведшие к уничтожению дворца).

90 след. *...преданье // повел от начала, от миротворенья...*— Типичный пример песни на христианский сюжет (пересказ первых глав «Ветхого завета»). События, о которых повествуется в «Беовульфе», относятся к языческой эпохе, но в том виде, в каком поэма дошла до нас, она сочинена христианским поэтом и вся пронизана христианской фразеологией. Ссылок же на эпизоды из Библии в ней мало (и только на «Ветхий завет»). Ср. вступ. ст., стр. 11 и примечание к ст. 175 след.

107. *Не рад был Каин...*— Грендель, как и все великаны, возводится автором к родоначальнику всякого зла Каину.

128. *...был после пиршества плач великий!* — Это в значительной мере символическая картина: в древнеанглийской поэзии сама жизнь часто уподобляется пиру (ср. ст. 6 и особенно 1006—1008), а смерть — неизбежной расплате за него.

130. *Муж безупречный* — Хродгар.

147. *Двенадцать зим.*— Германцы мерили время зимами. Двенадцать — условное число (как и большинство чисел в «Беовульфе») и не обязательно означает, что Беовульф узнал о несчастьях Хродгара лишь на тринадцатый год после первого набега Гренделя (ср. ст. 1769, 2208 и прим. к ним).

157. *...цену крови платить и не думает...*— По германским обычаям, искупить убийство можно было денежным штрафом, вирой (так называемым вергельдом), и существовала точная цена, которую следовало заплатить за любого человека. Грендель же убивал безнаказанно.

168 след. *...только места высокого... трона кольцедарителя.*— В подлиннике эти строки плохо понятны и, может быть, речь идет не о троне конунга, а о Божьем престоле и о том, что милость Господня не была дана Гренделю, или о том, что, хотя Грендель и проводил ночи в зале, он не стал ближе к трону, т. е. не разделил судьбы остальных ратников Хродгара, или о том, что Хродгар не смел подойти к своему трону (ср. след. прим.).

175 след. *...молились идолам... не чтили Всевышнего.*— Это непонятное место, так как автор недавно рассказал, что да́ны были христианами и что придворный поэт складывал песни о сотворении мира Богом. Сам Грендель тоже противостоит воинам Хродгара как порождение дьявола и богомерзкий дух. Здесь же говорится совсем иное. Понимание данных строк зависит от того, как разные комментаторы оценивают роль христианского элемента в поэме. Основные линии интерпретации таковы.

1) Слушатели «Беовульфа», как и сам поэт, успели уже глубоко проникнуться идеями христианства. Языческий сюжет полностью приспособлен к новому мировоззрению. В VIII в., когда был создан «Беовульф», все, конечно, знали, что скандинавы — язычники, но язычник не мог быть центральным лицом эпического повествования, и поэтому даны и гауты представлены как христиане,—обстоятельство, мало кого беспокоившее. В X же веке, когда

записан «Беовульф», скандинавы не только еще оставались язычниками, но и превратились в злейших врагов англосаксов (походы викингов, эпоха Скандинавского завоевания), и весь отрывок — очевидное позднее добавление писца, которому хотелось плохо отозваться о данах и уготовить им место в аду (Whitelock).

2) Поэт был довольно безразличен к христианству. Его интересовали подвиги, а они могли быть взяты только из языческого прошлого. Эпизод отступничества данов сочинен тогда же, когда и вся поэма, а не добавлен впоследствии. Поэт просто хотел рассказать, до какого отчаяния дошли люди Хродгара. Они испробовали все средства, и все напрасно. Поэт мог заставить их молиться Богу, и тогда Беовульф явился бы как ответ на молитву, но он избрал другой путь. Есть безусловное несоответствие между началом поэмы и этим эпизодом, но таких несоответствий в поэме множество, и никто их не замечал. Что же касается исторической стороны дела, то хорошо известно, что христианизированные германцы не раз возвращались к язычеству в минуту смертельной опасности (Sisam).

3) «Беовульф» — это поэма о языческих временах, но рассказанная христианином. Общий тон и этическая позиция поэта, безусловно, христианские: проповедуются умеренность и альтруизм, Бог признается движущей силой всего происходящего в мире, а сочувствие везде на стороне слабого; можно найти черты сходства между Беовульфом и Христом, а дракон, хотя и не исчадие ада,— хорошо известный символ дьявола в церковной литературе, так что все битвы героя направлены против сил зла в христианском смысле этого слова. Нельзя себе представить, что «Беовульф» сочинен в языческие времена и лишь переписан христианином. Не исключено, что обсуждаемый эпизод — действительно намек на отступничество доведенных до отчаянья данов. Но возможно и то, что, сделав данов VI в. христианами, поэт иногда забывал о самим же себе навязанном анахронизме. Кроме того, как показывает текстологический анализ, «Беовульф» был сочинен позднее древнеанглийской поэмы «Даниил» и испытал ее влияние. В «Данииле» есть рассказ о том, как вавилоняне приносят жертвоприношения идолам, и эпизод в «Беовульфе» выглядит как эхо этого рассказа. Но в «Данииле» повествование идет естественно, а в «Беовульфе» литературное подражание оказалось неуместным (Klaeber).

4) Беовульф — сплав лучших черт языческого и христианского идеалов. Поэт сочинял для христиан, и это определило тональность рассказа, но он, несомненно, и сам был человеком, глубоко убежденным в правоте христианского учения. Даны же были язычниками. Непонятные строки 168 след. (см. прим. к ним) означают, что Хродгар не мог приблизиться к собственному трону, так как не знал милости Божьей; это и было его величайшей бедой. Другими словами, автор прямо утверждает, что Хродгар — язычник, и в эпизоде с языческими храмами нет речи об отступничестве; напротив, подчеркивается, что даны верили не в истинного Бога, а в идолов и были достойно наказаны. Говоря так, поэт делал вынужденную уступку своему вре-

мени. Он лишь позволяет себе сказать, что язычество доброго Хродгара и его подданных не вина, а беда этих людей. Он и не мог не сделать данов язычниками, поскольку все в Англии знали, что их северные соседи — идолопоклонники. Поэт поступил очень мудро, сразу назвав религию данов и гаутов. Потом он разрешил им выражать свои чувства в соответствии с привычками англосаксонской аудитории (Brodeur) (в этой версии, частично восходящей к Чеймберсу, не объяснено, почему языческий поэт поет в Хеороте песнь о создании мира на библейский сюжет). В настоящее время едва ли возможно принять однозначное решение относительно этого трудного места.

200. *Лебединая дорога*, так же как и *дорога китов* (ст. 10),— море.

218. *...с попутным ветром, скользя, как птица...*— Воины Беовульфа плыли на парусном судне. Сравнение с птицей было особенно естественно для древнеанглийского поэта, потому что нос таких судов часто имел форму гусиной шеи.

248 след. *И я ни в жизни // не видел витязя...* — Страж сразу выделил Беовульфа среди воинов (обычная ситуация в эпосе).

260. *...раскрыл сокровищницу слов благородных...*— Часто встречающееся перифрастическое выражение, означавшее «заговорил».

264. *Отец мой, Эггтеов.*— Ответ Беовульфа характерен: герой называет не свое имя, а имя князя, которому служит, и имя отца.

305. *Вепри-хранители.*— Вепрь был священным животным у ряда скандинавских племен, и его изображением часто украшались шлемы (ср. прим. к ст. 1287).

321. *На пестрые плиты...*—Дорога была вымощена по римскому образцу.

339. *...не ради прибежища, как изгнанники...*— Древние германцы часто изгонялись за преступления, что особенно хорошо известно по исландским сагам, но отряд Беовульфа приехал на чужбину по доброй воле (ср. «путь желанный», ст. 216).

344. *...я, воин Беовульф...*— Только здесь герой впервые назван по имени.

349. *Вождь венделов.*— Едва ли венделы — это вариант названия восточногерманского племени вандалов. В Уппланде (Швеция) есть поселение Вендель (Vendel), а в Северной Ютландии (Дания) есть Вендиль (Vendill), и Вульфгар скорее был уроженцем какого-то из этих двух мест. Более вероятно, что его родина — Уппланд. Высказывались предположения, что в шведских междоусобицах (которые упоминаются в последних главах «Беовульфа», см. прим. к ст. 2379 след.) участвовали две партии: продатская (Онела, принадлежавший шведской королевской линии, был зятем Хальфдана, ср. ст. 61—62, а сам Хальфдан тоже был шведско-датского происхождения — ср. прим. к ст. 56) и прошведская, причем венделы якобы поддерживали первую из них. Таким образом пытались объяснить, почему столь высокую должность при Хродгаре занимал *не*дан.

376. *Хредель* — основатель гаутской династии, отец трех сыновей (в

том числе Хигелака) и дочери, ставшей впоследствии женой Эггтеова. Беовульф — внук Хределя, племянник Хигелака и сын Эггтеова.

398 след. *...а ваше оружие покуда оставьте...*— Обычное условие при входе к князю (ср. «Песнь о нибелунгах», строфы 406—407).

406—407. *...кольчуга искрилась... сплетенная в кузнице.*— В «Беовульфе» множество подобных описаний доспехов и мечей, в которых сквозит восхищение германцев перед искусными изделиями из металла (ср. выше ст. 322 след.). В эпоху Тацита (I в. н. э.) германцы еще не умели плавить металл.

455. *Вилунд* (в «Старшей Эдде» Вёлунд) — искуснейший кузнец, известный всем германским племенам. Он напоминает Гефеста (Вулкана) греко-римской мифологии.

460. *Хадолаф.*— Этот воин больше нигде не упоминается.

470. *...да умер Херогар прежде времени!* — У Хальфдана (ст. 60—61) было три сына: Херогар, Хродгар и Хальга — и дочь. После смерти отца власть перешла к Херогару, который, судя по словам Хродгара, правил недолго и, видимо, умер молодым. Впоследствии корона досталась второму брату, хотя у Херогара уже был сын Херовард (ст. 2162). Неизвестно, каким образом и почему Хродгар оттеснил от трона своего племянника (скорее всего, Херовард был слишком молод).

471 след. *...я же немедля в оплату крови...*— Хродгар заплатил вергельд за Хадолафа и тем искупил вину Эггтеова (ср. прим. к ст. 157). Речь Хродгара построена очень тонко: хотя в беде и вынужденный принять помощь от пришельца, он спешит напомнить Беовульфу, что подвиги, которые тот собирается свершить,— лишь платеж старого долга, доставшегося ему от отца.

500 след. Выступление *Унферта* (его имя означает «сеющий смуту», «подстрекатель») кажется на редкость неуместным, да и сам Унферт — во многом противоречивая и даже загадочная фигура. Смелый, но ревнивый к чужой славе, он прекрасно осведомлен о том, что происходит у соседей (никто, кроме него, не знал о состязании Беовульфа и Бреки). Он сидит на почетном месте, но должность его неясна (советник? поэт? оратор? шут?). Он убил родных братьев (ст. 589—590), но не утратил своего положения при дворе. Он обращается к гостю, явившемуся спасти данов от страшной беды, с оскорбительными словами, но никто не прерывает его. Однако с композиционной и художественной точек зрения эпизод с Унфертом — большая удача поэта, так как с самого начала служит прославлению Беовульфа и вселяет в слушателей надежду, что ему по плечу поединок даже с самым сильным противником (ср. ст. 1807 след., 1456 след. и прим. к ним).

546. *Пятеро суток.*— Унферт говорит (ст. 517): «семеро суток». Скорее всего, Беовульф и Брека плыли после расставания еще двое суток.

574 след. *Судьба от смерти // того спасает, кто сам бесстрашен.*— Один из наиболее ярких афоризмов в «Беовульфе». Германцы постоянно говорили об обреченных смерти. Таким ничто не могло помочь, ибо Судьба поставила на них свою печать. Но остальные, не обреченные, должны были в

трудную минуту постоять за себя сами, тогда и Судьба проявляла к ним благосклонность.

583. *К финским скалам.*— В подлиннике сказано «на землю финнов». Но Беовульф плыл на север от гаутов, и, куда бы их ни помещать (в Вестеръётланд или в Северную Ютландию), он не мог оказаться на финском побережье Балтийского моря. Но финнами могли называться жители Финнхедена (Finnheden) на юге Швеции. И наконец, то же название могло относиться к саамам Финнмаркена (Finnmarken), на крайнем севере Норвегии. Последний вариант несколько более вероятен, хотя путь оказывается непомерно длинным. Однако к географическим познаниям поэта надо относиться с такой же осторожностью, как и к историческим: вполне вероятно, что у него не было четкого представления о сцене действия.

614. *Вальхтеов.*— Первая часть ее имени (Вальх) означает «кельт», так что жена Хродгара, видимо, была чужестранкой. Некоторые исследователи указывают, что племя хельмингов, к которому она принадлежала, происходит из Восточной Англии.

617. *...вождю наследному* — Хродгару.

656. *Кроме тебя, никому...*— Имеется в виду: никому из иноземцев.

661. *...и добудешь награду...*— Это обещанье заплатить за подвиг привычно и совершенно естественно для древнего германца: князю полагалось быть щедрым, и воин испытывал прилив сил и отваги, если знал, что его ждет награда (см. подробнее вст. ст. стр. 14). Беовульф приехал к Хродгару не за золотом, но и он, конечно, ожидал, что его ратный труд будет оценен по достоинству.

678 след. Слова Беовульфа входят в ритуал битвы: перед сражением противники старались сокрушить друг друга грозной похвальбой (для которой в древнеанглийском даже было специальное слово). Необычно здесь лишь то, что похвальба звучит до появления врага (но после прихода Гренделя ее уже было бы не произнести!).

700 след. В древнеанглийской поэзии, и особенно в «Беовульфе», исход события очень часто предсказывался заранее. Слушателей заботил не столько традиционный сюжет (хотя и он был далеко не безразличен), сколько встреча с любимыми персонажами, обсуждение понятных всем ситуаций и мастерство сказителя.

704. *...воины спали...*— То, что гауты могли уснуть в такую ночь, кажется необъяснимым. Но тем более величественно предстает фигура бодрствующего Беовульфа.

721. *Шел ратобитец // злосчастный к смерти.*— Третий раз говорится о том, что Грендель идет в Хеорот. Это нагнетает напряженность, создает впечатление неотвратимости смертельной схватки. На самом же деле схватка с Гренделем не была для Беовульфа слишком тяжелой. Последующие встречи с матерью Гренделя и драконом стоили ему несравненно больших усилий. Но искусственно созданная поэтом атмосфера ужаса (совершенно отсутствующая там, где противник действительно могуч) маскирует легкость победы.

Также и роскошный пир назавтра после битвы подчеркивает важность случившегося. И действительно, хотя и давшаяся ему сравнительно легко, эта битва — кульминация всей жизни Беовульфа, тот последний момент в ней, когда, сражаясь с исчадиями ада, чудовищами и силами зла, он еще чувствует свое превосходство. Грендель не случайно называется злосчастным: своими преступлениями он обречен на гибель и одиночество, и у сказителя, хорошо знающего, что значит изгнание для любого смертного, порой прорывается нечто, похожее на сочувствие к нему.

741. ... *тут же воина...*— Много позже, из рассказа вернувшегося домой Беовульфа (ст. 2076), станет известно имя воина — Хандскио (Рукавица). В поэме есть несколько эпизодов, рассказанных дважды и даже трижды, и каждый раз описание варьируется и возникают дополнительные подробности. Гибель соплеменника дает Беовульфу мотив личной мести в битве с Гренделем, но современного читателя поражает, что Беовульф не вступился за Хандскио, а неподвижно следил за происходящим со своего ложа.

778. *...об этом люди мне рассказали...*— Обычная эпическая формула такого рода, ссылка на вполне естественный и, как казалось, надежный источник, ибо история у древних германцев неотделима от эпоса (ср. вст. ст. стр. 6). И Беовульф узнал о Гренделе из песен.

782. *...это под силу лишь дымному пламени.*— Намек на то же событие, что и в ст. 81 (см. прим. к нему).

785. *Северных данов.*— Скильдинги называются в поэме и северными, и южными, и западными, и восточными данами.

805 след. *...он от железных мечей, от копий // заговорен был...*— Когда Беовульф решил победить Гренделя лишь силой своих рук (ст. 678 след.), он не мог знать, что меч и не помог бы ему. Рукопашная — излюбленный Беовульфом способ сражения (ср. прим. к ст. 2500 след.). Фольклористы заметили, что эта черта героя англосаксонского эпоса восходит к древнейшему источнику поэмы, а именно к сказке о медведе (медведю же естественно удушать противников в своих объятиях). Действительно имя Беовульф может толковаться как «волк пчел», т. е. как кеннинг для медведя. Но «Беовульф» — художественное произведение, и в нем существенны не напластования источников (каждый сюжет имеет корни в других сюжетах), а поэтические мотивы, и гораздо важнее понять, какую роль играет в характеристике героя отказ от оружия, чем установить литературное происхождение этого хода. Для аудитории поэмы история вопроса не могла быть интересной.

857 след. *...они возглашали: да славится Беовульф.*— Таково первое прославление Беовульфа, предшествующее более официальному чествованию на пиру. Фраза о том, что нет другого, кто был бы достойней старшинствовать, пророческая, поскольку Беовульф станет впоследствии князем. Но поэт тактично добавляет хвалу и Хродгару, дабы не противопоставлять их друг другу и не умалять роли конунга. Кроме того, восхваление щедрого и муд-

рого властителя выглядело вполне естественно, независимо от обстоятельств.

867 след. Сцена возвращения дает представление о том, как слагались древнегерманскими поэтами краткие героические песни о только что происшедших событиях.

875 след. *...все, что слышал о подвигах Сигмунда... а драконова плоть сгибла в пламени.*— В Песни о Сигмунде история этого героя рассказана поэтом «Беовульфа», быть может, в своем первоначальном виде, но без всяких подробностей. Однако она хорошо известна по «Саге о Вёльсунгах» (русский перевод Б. И. Ярхо, «Academia», 1934). В саге говорится, что у короля Вёльсунга (в «Беовульфе» Сигмунд назван Вёльсингом, т. е. потомком Вёльса) были близнецы: мальчик Сигмунд и девочка Сигни. Сигни насильно выдали замуж за гаутского короля Сиггейра. Брак этот оказался роковым для всей семьи, так как Сиггейр зазвал своего тестя в гости и убил там вместе с дружиной, и лишь Сигмунд спасся бегством и поселился в лесу. И он и Сигни стали готовиться к мести. Для Сигни отец, кровный родственник, дороже и ближе, чем муж, и она ждет, когда вырастут сыновья, чтобы использовать их как орудие мести, но сыновья оказались недостаточно мужественными, и тогда Сигни, переодевшись ведьмой, нашла брата в лесу и родила сына от него. Этот мальчик, названный Синфьётли, рос истинным Вёльсунгом. В «Беовульфе» он Фитела, и это имя, хотя и похоже на (Син)фьётли, соответствует ему не полностью. Кроме того, здесь он племянник Сигмунда, и, возможно, перед нами какой-то другой вариант сказания. Когда Синфьётли исполнилось десять лет, мать отослала его к Сигмунду, не подозревавшему, что сын Сигни — это и его сын. Сигмунд и Синфьётли долго прожили в лесу вместе и в конце концов подожгли дворец Сиггейра. Что же касается убийства дракона, то дошедшая до нас скандинавская и немецкая традиция приписывает его не Сигмунду, а его прославленному сыну Сигурду. Сигурд — герой многих песен «Старшей Эдды» («Пророчество Грипира» и след.) и центральный персонаж «Песни о нибелунгах» (где он зовется Зигфридом). В «Старшей Эдде» рассказано о гибели дракона Фафнира (см. «Речи Регина», «Речи Фафнира», а также «Младшую Эдду»; Л., 1970, с. 74—75), но там Сигурд убивает его не на скале, как Сигмунд в «Беовульфе», а в яме, и дракон не сгорает в собственном пламени. Эпизод с драконом имеет столь же определенное отношение к будущим событиям, как и слова о праве Беовульфа быть князем, ибо, вернувшись на родину, Беовульф сразился с огнедышащим драконом, и эта последняя схватка стала величайшим из его подвигов.

901 след. *А допрежде того... чем неправедный Херемод!*— О Херемоде (имя которого означает «воинственный дух»), сыне неизвестного нам датского короля Эггвелы, будет еще рассказано в прощальной речи Хродгара (ст. 1709 след.). Херемод, упоминающийся и в других источниках,— великий герой, но его деспотизм и скупость сделали его проклятьем для подданных. Хотя сказано (ст. 913), что Херемод правил в землях Скильдингов (в подлиннике он прямо назван благородным Скильдингом), имя Скильдингов употребляется

здесь как синоним для данов, поскольку его династия предшествовала династии Скильда, и именно падение и гибель Херемода привели к тому «безначалию» (ст. 16), спасеньем от которого был приход мифического Скильда. Таким образом, Беовульф сравнивается со знаменитейшими героями прошлого: Сигмундом и Херемодом, что само по себе большая честь, но Песнь о Херемоде с ее откровенной концовкой — это еще и история с моралью: певец предупреждает Беовульфа, что и до него были славные мужи, но чрезмерная гордость может погубить и достойного.

902. *...и подпал под власть адской силы...*— В подлиннике темное место. Может быть, оно действительно значит, что Херемод погиб и стал добычей дьявола («злолукавого врага»), но не исключена версия, что он бежал от своего народа к ютам и был там убит.

917 след. *Солнце утренницы // воссияло с небес.*— Фактически то же, что в ст. 838: «Наутро толпами...» и т. д. Типичная черта древнего стиля: два одновременных события описаны так, как если бы они шли одно за другим, и нет никакого приема, подчеркивающего, что между ними нет интервала.

958. *...мы были рады...*— Беовульф подразумевает свою дружину, тоже, хотя и без пользы, принявшую участие в битве.

980. *Сын Эгглафа* — Унферт (ср. ст. 1456).

1018. *Хродульф* — племянник Хродгара. Он был широко известен в Скандинавии как Хрольф Краки (Жердинка), и именно он, а не Хродгар славился там блестящим двором и подвигами. Хродульф, как следует из скандинавских источников, был сыном младшего брата Хродгара Хальги (см. ст. 60), рано осиротел, и Хродгар с Вальхтеов заменили ему родителей. В те годы, которые описаны в первой части «Беовульфа», Хродгар и Хродульф почти на равных делят королевскую власть. Но поэт несколько раз намекает на предстоящие распри среди Скильдингов. Действительно ли, как принято думать, Хродульф впоследствии попытался захватить единоличную власть и отплатить злом за добро, неясно. Во всяком случае, этот вывод не следует с очевидностью из текста поэмы (ср. прим. к ст. 1181, 1228, 2166 след.).

1039. *Сын Хальфдана* — Хродгар.

1043. *Защитник Ингвинов.*— Еще один кеннинг для Хродгара (в ст. 1319 — владыка Ингвинов). Бог Инг почитался древними германцами, а в «Беовульфе» Ингвины означают данов (ср. упоминаемое Тацитом племенное название Ингвеонов).

1053 след. *...и цену крови... покрыл вождь золотом.*— Хродгар заплатил вергельд за Хандскио (см. прим. к ст. 741), так как в момент гибели тот находился у него на службе.

1069 след. Поскольку в рукописи нет знаков препинания, то неизвестно, где начинается застольная песня. Ее начало можно отнести и несколько выше (к ст. 1063). Вся песнь в целом известна как Финнсбургский эпизод. Хотя распря, которой посвящен эпизод, описана с большей обстоятельностью, чем подвиги Сигмунда и падение Херемода, и здесь много туманных мест, а кульминация всего рассказа может толковаться по-разному. Кроме Финн-

сбургского эпизода в «Беовульфе», известен еще так называемый Финнсбургский отрывок в 48 строк (без начала и без конца). В нем те же персонажи участвуют как будто в той же битве, что и в эпизоде, но там мы застаем события на несколько более ранней стадии развития. Даже если объединить оба текста, остается неясным, что вызвало раздор между данами и фризами (однако ср. конец прим. к ст. 2025 след.). Очевидно лишь, что фризский король Финн женат на датской принцессе Хильдебург и что у них взрослый сын (взрослый, чтобы принять участие в сражении, т. е. ему должно быть хотя бы 14—15 лет). Из отрывка мы узнаём, что ранним утром отряд из 60 данов под предводительством короля Хнафа подвергся нападению фризских воинов короля Финна, у которого они были в гостях. Было ли нападение предумышленным и участвовал ли в нем с самого начала Финн, сказать невозможно. Битва продолжалась пять дней и (отсюда начинается эпизод) стоила многих жизней обеим сторонам. Не в силах одержать победу, обескровленный Финн заключает перемирие с Хенгестом (который, видимо, принял на себя командование данами после гибели Хнафа). Мертвых с положенными почестями сжигают на костре, а Хенгест с немногочисленной дружиной остается у Финна ждать, когда вскроется море и можно будет уплыть домой. Дальнейшее спорно. Либо даны Гудлаф и Ослаф нарушают условия перемирия и оскорбляют фризов, после чего военные действия возобновляются, Финн убит, а Хильдебург и большую добычу увозят на родину. Либо Гудлаф и Ослаф сначала едут за подмогой и потом мстят Финну. Но в любом случае очевидно, что события изложены с датской точки зрения, а песнь призвана прославить стойкость и мужество данов.

1071. *Воистину, Хильдебург тогда не радовалась // ни доблести фризов, ни мощи данов...*— Яркий пример так называемой литоты, когда сознательно говорится меньше, чем подразумевается: Хильдебург не только не радовалась случившемуся, но должна была быть подавлена горем, так как погибли ее сын и брат. Стиль «Беовульфа» изобилует литотами.

1073. *Брат ее* — Хнаф (см. прим. к ст. 1069).

1089. *Наследник Фольквальда* — Финн (Фольквальд — его отец).

1103. *...жить под убийцей кольцедарителя...*— Это состояние было особенно невыносимо для оставшихся в живых и противоречило законам древнегерманской этики. Поэтому специально оговаривалось, что фризы не будут насмехаться над данами за такой позор.

1107 след. *И тогда на костер // золотые сокровища вместе с воином были возложены...*— Обычный способ хоронить убитых. Погребение как основной способ захоронения утвердилось у германцев вместе с христианством. Здесь и в некоторых других местах поэт забывает, что даны по его версии — христиане.

1117 след. ... *погребальный плач // затянула она...*— Часть похоронного ритуала. Беовульфа тоже сжигают под причитанья плакальщицы (3150 след. и прим.).

1142. *Хунлафинг.*— Что такое Хунлафинг, не вполне ясно. Это может быть человек, потомок Хунлафа (как Скильдинги — потомки Скильда), но подобным образом мог называться и меч. Нет даже уверенности, что Хунлафинг — это одно слово, а не сочетание Хун (чье-то имя) и Лавинг (название меча). Неясно и то, кто вручил меч Хенгесту. Поэтому события, предшествующие развязке, в какой-то мере скрыты от нас. Хорошо понятен лишь исход. В настоящем переводе выбран вариант, который представляется наиболее вероятным.

1181 след. *А добрый мой Хродульф поддержит славу // юной дружины...*— после смерти Хродгара. Хотя, как сказано (см. прим. к ст. 1018), вероломство Хродульфа после смерти Хродгара не следует из текста поэмы, беспокойство Вальхтеов и ее почти льстивые слова, обращенные к племяннику, видимо, не случайны, как не случайна и радость, которую она испытывает при известии, что Беовульф, отныне названый сын Хродгара (ст. 948—949), готов оказывать покровительство ее сыновьям.

1198 след. *...кроме Хамы... с ожерельем Бросинга...*— Эпизод, видимо, хорошо знакомый слушателям «Беовульфа», сейчас уже почти невозможно восстановить. Эорменрик (он же Эрманарих, Германарих, а в Скандинавии Ёрмунрекк) — знаменитый король остготов. Кто такой Хама, доподлинно неизвестно, хотя он фигурирует и в других источниках. Из текста «Беовульфа» как будто следует, что Хама украл ожерелье у своего конунга. Бросинги, если они тождественны скандинавским Брисингам,— род карликов. Именно их бесценное ожерелье, надетое на богиню Фрейю, скорее всего, упоминается в «Старшей Эдде» («Песнь о Трюме», строфа 15).

1201. *...под руку Предвечного.*— Либо погиб, либо, спасаясь от Эорменрика, принял христианство и умер в монастыре.

1202. *Внук Свертинга* — Хигелак. Свертинг — его дед или дядя.

1204 след. *...в последней битве... смерть похитила.*— О набеге Хигелака на франков в поэме рассказано четырежды (см. еще стихи 2362 след., 2500 след., 2911 след.). Он также описан в старых хрониках (в частности, Григорием Турским) и, несомненно, принадлежит не легенде, а истории. Около 521 г. н. э. Хигелак (Хогилайкус) вторгся во владения западных фризов и добрался по Рейну до земель хаттуариев. Он одержал над ними победу, но на обратном пути был настигнут сильным войском объединенных племен и убит, а флот его, уже нагруженный трофеями и отосланный вперед, полностью уничтожен. Что же касается ожерелья, то по другой версии (ст. 2172 след.), Беовульф подарил его жене Хигелака Хюгд. Либо Хюгд отдала это ожерелье мужу, либо между двумя версиями нет связи (как часто бывает в эпических поэмах большого объема).

1212. *Слабейших.*— Так иногда называли воинов вражеского племени.

1228 след. *Конунгу предан... мне повинуются!*— Если Вальхтеов действительно предвидит грядущие смуты и потому так настойчиво просит Беовульфа быть защитником ее детей (ср. прим. к ст. 1018, 1181), то эти слова отмечены почти трагической иронией.

1239 след. *Служили им ложами и подголовьями // скамьи дощатые...*— После уничтожения Гренделя воины опять не боятся ночевать в Хеороте (ср. ст. 138—140 и 1671—1673).

1240 след. *Роком отмечен // был между ними один брагопийца...*— Имеется в виду любимец Хродгара Эскхере, который погибнет ночью, когда в зал явится мать Гренделя (о нем же идет речь в ст. 1251—1252 и 1290 след.).

1259 след. *Родитель Гренделя... в болотное логово...*— Поэма ясно распадается на несколько частей, и, видимо, предполагалось, что слушатель может понять сюжет, даже если пропустил начало. Так проще всего объяснить места, в которых кратко и почти в тех же словах, что и раньше, пересказывается содержание предыдущих глав.

1276 след. *Но мать страшилища... решила кровью // взыскать с виновных...*— По германским понятиям, она имела на это несомненное право.

1283 след. *...не так ведь могуча // жена в сражении...*— Эта фраза есть, скорее всего, дань естественному представлению, что существо женского пола не приспособлено к ратному труду. На самом же деле победа над матерью Гренделя далась Беовульфу с гораздо большим трудом, чем над самим Гренделем (ср. прим. к ст. 1569). Любопытно, что в подлиннике мать Гренделя несколько раз называется «он». В древнеисландской литературе к наиболее воинственным героиням тоже изредка применяются эпитеты, естественные для характеристики мужчин (правда, ни об одной из них не сказано «он»).

1287. *Вепря* — см. прим. к ст. 305 и ср. ст. 1327, 2152.

1299 след. *Тем временем Беовульф // спал после праздника... гаут всеславный.*— Типичный фольклорный мотив: в момент нападения герой отсутствует (иначе сила врага не могла бы проявиться).

1319 след. *...владыку Ингвинов спросил он, приветствуя, // счастливо ль минула ночь прошедшая.*— Удивительный вопрос, целиком принадлежащий придворному этикету, так как невозможно себе представить, чтобы по дороге в Хеорот воины не рассказали Беовульфу о новой беде.

1323. *...мертв Эскхере...*— Здесь, как и в эпизоде с Хандскио, мы узнаем имя погибшего лишь в самый последний момент.

1358 след. *...по волчьим скалам... небо плачет.*— Этот замечательный пейзаж (ср. еще ст. 1414—1416) и текстуально и по настроению имеет ряд параллелей, в том числе в «Энеиде» Вергилия и в древнеисландской «Саге о Греттире». Вполне возможно, у него действительно были какие-то литературные источники. Следует иметь в виду, что в древнегерманских памятниках пейзаж очень условен: чаще всего зима (причем детали почти дословно повторяются из одного сочинения в другое) или райский сад (тоже описанный в высшей степени стереотипно). Даже когда мы обнаруживаем, как кажется, элементы оригинального пейзажа, перед нами чаще всего не истинная картина природы. Так, одна из птиц говорит Сигурду: «К Гьюки ведут зеленые тропы» («Старшая Эдда» — «Речи Фафнира», 41, 1—2; ср. «по дорогам зеленым» в «Песни о Риге», 1, 6), но «зеленый» означало не столько «покрытый травой», сколько «безопасный, приятный для путешествия», и в древнеанглийской

поэзии прямо говорится о зеленых дорогах к ангелам и о зеленом пути праведника. Однако, хотя и условный, пейзаж в «Беовульфе» не бесполезен для сюжета. Для древних германцев очень важно разделение всего сущего на две сферы: здесь и по ту сторону. Это разделение, отраженное и в эпосе, восходит к мифологическому взгляду на мир. Хотя потустороннее царство в «Беовульфе» начинается почти за порогом, оно отделено от жилищ людей хорошо видимой чертой. Не случайно Грендель с матерью живут в недоступном болоте, и олень скорее погибнет, чем будет искать в нем защиту. Для англосакса развернутое описание логова Гренделя — это прежде всего картина потустороннего царства и лишь потом пейзаж. Естественно, что опыт поэта был частично ограничен тем, что он видел вокруг, но едва ли разумно искать в «Беовульфе» отображение определенной местности, как иногда делалось: распространен взгляд, что Хеорот находился в Зеландии (разумеется, в датской!), где сейчас расположено местечко Лайре (Lejre, др.-исл. Hleiðr), и некоторым казалось, что они действительно узнают в лежащем около Лайре болоте жилище двух мрачных англосаксонских троллей.

1384 след. *...должно // мстить за друзей, а не плакать бесплодно.*— В этом афоризме заключена главная заповедь древнего германца (ср. вст. ст., стр. 11).

1432 след. Убийство тритона—не характерный для Беовульфа поступок. Его враги — могучие чудовища, носители вселенского зла. В этом смысле Беовульф — идеальный эпический герой. Поразить же стрелой тритона мог кто угодно.

1456 след. Унферт (сын Эгглафа) вручает Беовульфу свой меч Хрунтинг (это название значило что-то вроде «пронзающий»). Из высокомерного задиры он становится сначала молчаливым свидетелем триумфа героя (на пиру в Хеороте), а потом его другом, но неприязнь поэта к нему не проходит, и он пользуется случаем заметить (1469 след.), что не ему дано стяжать славу в битве с чудовищем. Да и меч окажется в решающий момент бесполезным (ср. прим. к ст. 500 след. и 1807 след.).

1485. *Сын Хределя.*— См. прим. к ст. 376.

1516—1517. *...при свете огня, в сиянье // лучистого пламени...*— Свет в подземном или подводном зале, т. е. там, где ему неоткуда взяться,— довольно часто встречающийся фольклорный мотив. Следует иметь в виду, что в устной поэзии, к которой по жанру принадлежит «Беовульф» (даже если поэма была сочинена и записана грамотным автором), всегда есть темы, т. е. ясно прослеживаемые и обычно традиционные сюжетные блоки. Существовали специальные приемы, позволявшие слушателям понять, что эпизод, связанный с той или иной темой, закончен. Появление света (иногда восходящего солнца, как в состязании с Брекой, иногда полуволшебного снопа лучей) служило именно этой цели. Ср. свет в ст. 1570, знаменующий конец сраженья.

1522. *Луч сражений* — кеннинг для меча.

1569. *...герой возрадовался!*— Беовульф вновь оказался победителем, но эта победа далеко не так блистательна, как предыдущая: ему не помогли ни Хрунтинг, всегда верой и правдой служивший в битвах, ни сила рук,

погубившая Гренделя. Он с трудом сбросил чудовище со своей груди, и лишь гигантский меч, на который ему указал Господь, решил исход дела (ср. прим. к ст. 2702 след.).

1591 след. За обеими схватками Беовульфа наблюдают люди, способные судить о происходящем лишь по косвенным свидетельствам: в первый раз это даны, слышащие грохот в Хеороте, теперь — воины на берегу. Реакция зрителей — как бы эхо событий; благодаря ей, описание делается более разносторонним и достоверным.

1692. *Род гигантов.*— В ст. 113 тоже упомянуты гиганты, которые вместе с другими чудовищами были истреблены потопом.

1694. *...и сияли на золоте руны ясные...*— Первая известная нам германская письменность — руническая. Руны, т. е. буквы этого письма, представляли собой сочетания вертикальных и диагональных штрихов. Руны вырезались на дереве, камне и стали. Первоначально они были не только знаками письменности, но и орудиями колдовства. От скандинавских народов сохранилось очень много рунических текстов, от англосаксов — значительно меньше. На рукоятке меча, принесенного Беовульфом со дна моря, были изображения библейских эпизодов и надпись рунами.

1709. *Херемод.*— См. прим. к ст. 901 след.

1743. *Губитель* — дьявол.

1769. *Пять десятков зим.*— На протяжении всей поэмы подчеркивается, что Хродгар стар, седовлас и умудрен долгими годами жизни. Русскому читателю он напоминает царя Берендея. Но у него два малолетних сына (и никаких детей от более ранних браков), так что преклонный возраст Хродгара — скорее литературный прием. Он так же условен, как и все хронологические вехи в поэме, например то, что после нападения Гренделя Хеорот простоял пустым двенадцать лет.

1788. *...лучше прежней была изобильная трапеза...*— Эта краткая фраза исчерпывает описание второго пира. Повторение речей и застольных бесед было бы здесь неуместным. Беовульф сделал все, что ему было предназначено сделать у данов, и эпизоды, следующие за напутственной проповедью Хродгара (кроме подношения даров), приведены больше ради цельности композиции, чем по внутренней необходимости. Само собой разумеется, что сцена основного пира не могла быть перенесена сюда, поскольку после расправы над Гренделем нельзя было предвидеть, что самое худшее еще впереди.

1801. *Ворон.*— Обычно в древнегерманской поэзии ворон и волк ждут исхода битвы, чтобы наброситься на трупы (см. подробнее прим. к ст. 3024 след.). Они всегда вводятся для придания мрачности эпизодам сражений, но здесь чернокрылый ворон — вестник утра. Ср. имя франкского воина Дагхревна (ст. 2500), которое значит в переводе «ворон дня».

1807 след. *И тогда повелел он ...добросердый муж.*— Так заканчивается линия Беовульф — Унферт. Беовульф возвращается домой, увенчанный славой. Унферт остается с мечом Хрунтингом, который, подобно ему самому, грозен с виду, но ненадежен, хотя Беовульф и прощает великодушно

мечу эту слабость, как еще раньше простил выходку его хозяина (ср. 500 след., 1456 след. и прим.).

1830—1831. *Хигелак, // хоть и молод...*— Как и дряхлость Хродгара, молодость Хигелака вызывает сомнения. Во всяком случае, у него уже замужняя дочь (см. ст. 2997).

1832. *...он поможет мне словом и делом...*— Беовульф настолько близок Хигелаку, что может без предварительной договоренности дать такое обещание от имени своего конунга. Хигелак и Беовульф (дядя и племянник) так же правят гаутами, как Хродгар и Хродульф — данами.

1836. *Хредрик* — старший сын Хродгара (см. ст. 1189, где оба его сына: Хредрик и Хродмунд — названы по именам).

1852—1853. *...лишь бы сам ты // престол не отринул!*— Эта фраза, как очень часто в поэме,— намек на будущее. Беовульф действительно переживет Хигелака, и вдова конунга предложит ему корону, но Беовульф откажется принять ее (ст. 2373 след.).

1861. *Лебединой дорогой.*— См. прим. к ст. 200.

1888 след. Сцена возвращения Беовульфа очень похожа на сцену прибытия (ст. 210 след.).

1925 след. Хотя поэт и рассказывает о доме Хигелака и о его молодой и разумной жене, это описание гораздо более суммарно и неопределенно, чем описание дворца и семьи Хродгара. Датский двор — фон для подвигов героя, и все там вызывает пристальный интерес. У Хигелака же ничего существенного не происходит, а сами по себе бытовые детали были совершенно безразличны древнеанглийским авторам. Даже Хюгд, скорее, расхваливается лишь для того, чтобы уравновесить предыдущие части и чтобы портрет умной, гибкой и прозорливой Вальхтеов не оказался единственным в своем роде.

1931 след. Рассказ о Трюд и Оффе со знакомым мотивом укрощения строптивой в некоторых местах труден для понимания. Прежде всего, нет полной уверенности, что королеву звали Трюд. Рядом со словом Трюд слева в тексте стоит «mod» — «гордость», «надменность», но так как с современной точки зрения пробелы между словами в древних рукописях сравнительно произвольны, а строчные и прописные буквы не различались, то вполне вероятно, что женское имя здесь не Трюд, а Модтрюд (ср. загадочную форму Хунлафинг, ст. 1142 и прим. к нему). Кроме того, отступление, хотя и понятное по замыслу (Хюгд не похожа на Трюд), начинается совершенно неожиданно. Поэтому высказывалась гипотеза, что весь отрывок принадлежит либо другому произведению, либо, по крайней мере, другой части поэмы, а сюда попал по ошибке переписчика. Рассказы об Оффе и его жене были известны и в Англии и в Скандинавии, но детали существенно варьировались от одной версии к другой. Оффа в «Беовульфе» — сын Гармунда и отец Эомера и соответствует доисторическому англскому королю Оффе (вторая половина IV в.). Но этот Оффа был смешан в устной традиции с историческим королем Мерсии, носившим то же имя (годы правления 757—796). Легенда об Оффе и Трюд возникла еще

до захвата англами (и саксами) Британии (V в.), а на острове подверглась новым изменениям. Среди датчан же она сохранилась в форме, более близкой к первоначальной. Интересно то, что в «Беовульфе» Оффа и Трюд — герои англского сказания, а все прочие персонажи имеют скандинавские корни (быть может, за исключением Вальхтеов — см. прим. к ст. 614 и вст. ст., стр. 9).

1942. *Пряха согласия* — кеннинг для женщины.

1944. *Хемминг* был то ли братом Гармунда (т. е. дядей Оффы), то ли тестем Гармунда или самого Оффы. В ст. 1944 родич Хемминга — Оффа, а в 1961-м — его сын Эомер.

1970. *Победитель Онгентеова* — Хигелак. Германские воины очень часто именовались таким образом (например, Сигурд в «Старшей Эдде» — Убийца Фафнира). Онгентеов — шведский король. О сражениях между шведами и гаутами и о гибели короля будет рассказано в последних главах (и см. прим. к ст. 2379 след.).

1983. *Дочь Хереда* — Хюгд (см. ст. 1929).

1995 след. *...умолял не искать встречи с чудищем... соперничать с Гренделем.*— В первой части поэмы сказано иное: людей не пугала затея Беовульфа (ст. 202), они его вовсе не отговаривали от похода, а напротив, доверились добрым знаменьям (ст. 204). Беовульф и сам сообщает Хродгару (ст. 416 след.), что старейшины благословили его на подвиг. Подобные несоответствия, как уже говорилось в связи с идолопоклонством данов и ожерельем Брисингов (см. прим. к ст. 175 след. и 1204 след.),— явление не исключительное в поэме. Для данного случая оно особенно характерно (ср. еще ст. 3079 след. и прим.).

2022. *Фреавару.*— Из рассказа Беовульфа Хигелаку мы узнаем множество подробностей, вне всякого сомнения специально прибереженных для этого случая. Впервые упомянута дочь Хродгара (Вальхтеов говорила только о сыновьях, а Беовульф приглашал в гости одного Хредрика — ст. 1189, 1836), впервые назван по имени Хандскио (см. прим. к ст. 741). Даже о суме Гренделя (ст. 2086) ничего еще не было известно. Рассказ Беовульфа играет, видимо, ту же роль в композиции поэмы, что и ст. 1259 след. (см. прим. к ним), но дополнительные детали делают сцену интересной и тем, кто слушал повествование с самого начала.

2025. *Фрода* — король хадобардов. Кто такие хадобарды, остается невыясненным. Их отождествляли и с лангобардами, и с некоторыми другими германскими племенами. Хотя в поэме об этом нет никакого упоминания, а в соответствующем рассказе Саксона Грамматика («Деяния датчан», около 1200 г.) противоборствуют другие племена и нужные сведения отсутствуют, тем не менее очень вероятно, что Фрода убил Хальфдана, отца Херогара, Хродгара и Хальги, и что сыновья убитого конунга отомстили Фроде и убили его в сражении. Во всяком случае, когда выросли сын Фроды Ингельд и дочь Хродгара Фреавару, Хродгар попытался пресечь вражду их браком. Все дальнейшее изложено как предположение или предвиденье Беовульфа.

Он не верит в план Хродгара и ясно представляет себе, как к Ингельду приедет тесть с дружиной и один из старых воинов увидит на гостях знакомые доспехи и оружье — родовое достоянье хадобардов, отбитое у них данами. Ингельд позволит разжечь в себе дух мести, и старая ненависть вспыхнет заново. Так все и случилось: хадобарды напали на данов, но были разгромлены войском Хродгара и Хродульфа. Во время этого набега и сгорел Хеорот, «предан пламени ярому в распре меж старым тестем и зятем» (ст. 83, 782). Надо добавить, что текст подлинника не дает прямого указания, действительно ли Беовульф говорит о том, что может случиться, или об уже происшедших событиях. Весь рассказ идет в настоящем времени, и это время очень часто употреблялось для описания предстоящих событий, так как в древнеанглийском не было специальных форм будущего. Но известен и так называемый praesens historicum типа «сижу я вчера и вдруг слышу...». Однако в «Беовульфе» praesens historicum не встречается (есть лишь два сомнительных случая, и в обоих, видимо, нужно исправлять текст). Кроме того, если бы формы настоящего были употреблены здесь для обозначения прошедших событий, это можно было бы истолковать лишь в одном смысле: будучи у Хродгара, Беовульф видел то, о чем рассказывает. Но такое предположение совершенно невероятно. Нельзя допустить, чтобы во время пребывания Беовульфа в Хеороте там происходили события такой первостепенной важности и о них не было бы даже упомянуто, да и сам Хеорот сгорел как раз в том конфликте. Хотя в рассказе Беовульфа есть подробности, которые, в принципе, предвидеть невозможно, подобные распри всегда возобновлялись более или менее одинаково, и Беовульфу не стоит больших усилий представить себе застолье, прерванное ссорой и сраженьем, и все, что случится дальше. Исследователи, подчеркивающие художественную цельность «Беовульфа», замечают, что намек на неудачу миротворческой деятельности Хродгара тонким образом вплетен в выбор темы для застольной песни на пиру (Финнсбургский эпизод: ст. 1071 след.): датская принцесса Хильдебург тоже могла быть отдана королю Финну ради замирения, но дело кончилось новыми сраженьями и новой кровью, а сама Хильдебург вернулась на родину.

2052. *...без отмщенья...* — В подлиннике стоит слово хотя и понятное («воздаяние», «отмщенье»), но нигде более не зарегистрированное. Поэтому обычно предполагают, что перед нами собственное имя Видергюльд (а имя такое известно) и что Видергюльд был вождем хадобардов в последней битве, быть может, даже отцом воина, подстрекающего Ингельда к мести.

2066. *...а любовь к жене охладеет...*— Это, видимо, литота (см. прим. к ст. 1071), означающая, что он прогонит жену.

2069 след. Беовульф очень скромно рассказывает о своей победе над Гренделем и его матерью. Германский воин хвалился не тогда, когда шел с сечи, а когда шел на нее. (Ср. прим. к ст. 678 след.)

2108 след. *...то он пел нам... сердце старца печалью полнилось...*— Это место существенно дополняет наше знание о сюжетах старых песен (ср. ст. 90 след. и прим. к ним). Сохранилось несколько древнеанглийских элегий

(см. еще ниже ст. 2247 след.). Не исключено, что песню о былой удали поет сам Хродгар.

2158. *Херогар* — старший брат Хродгара (см. ст. 470).

2162. *Хероворд* — см. прим. к ст. 470.

2166 след. *...так и должно дружиннику... соратников и сородичей.*— Это одно из многочисленных дидактических отступлений такого рода в поэме, но вполне вероятно, что оно имеет определенного адресата. Может подразумеваться Херогар, вполне отвечающий идеалу князя (ср. также ст. 19 след.), но не исключено, что это последний намек на будущую смуту в доме Скильдингов (см. прим. к ст. 1018, 1181, 1228).

2173 след. *...шейный обруч, подарок Вальхтеов* — см. ст. 1204 след.

2177 след. *Таковым оказался сын Эггтеова...*— Это описание молодого Беовульфа неожиданно. До сих пор было известно лишь о его подвигах. «Мне ратное дело с детства знакомо»,— говорит он Хродгару (ст. 409—410). Он прославился битвами с морскими чудовищами (ст. 423 след.) и искусством плавать (ст. 530 след.— состязание с Брекой). Хродгар тоже знал Беовульфа еще совсем юным (ст. 373), но не вспомнил о том, что мальчик был вялым и слабым (в таком случае он едва ли бы вверил гостю Хеорот и скорее поддержал бы Унферта — правда, он и не прервал его!). В принципе легко себе представить робкого мальчика, превратившегося в могучего воина, но сам поэт и его слушатели не замечали несообразности рассказа. Устная традиция знает два мотива: герой, очень рано, иногда даже в колыбели, совершающий сверхъестественные подвиги, и герой, ничем не примечательный в детстве, но вырастающий доблестным мужем (ср. вст. ст., стр. 10). В «Беовульфе» представлены оба мотива, и сказитель не позаботился, чтобы между ними было соответствие. Но, при всех обстоятельствах, важен взгляд поэта на нравы века и его неодобрительная оценка грубости современников. Уже став героем и привыкнув к пирам, Беовульф сохранил презрение к пьяному бахвальству окружающих (ср. его первое обращение к Унферту, ст. 530 след. и 1466 след.) и то глубокое миролюбие, которое может себе позволить только очень сильный человек.

2191. *Наследие Хределя* — меч, описанный в следующих строках (Хредель — отец Хигелака и дед Беовульфа; ср. ст. 376 и прим.).

2195. *Семь тысяч земли.*— Мерой земельной площади, подразумеваемой здесь, был хид (hid), равный примерно 120 акрам. Надел Беовульфа составил целое королевство (семь тысяч хидов было в Северной Мерсии).

2201 след. *Хигелак сгинул, и Хардред // от меча погиб.*— Хигелак пал в своем несчастном франкском походе (ст. 1204 след.), а его сын Хардред — в войне со шведами (ст. 2383) — см. прим. к ст. 2379 след.

2205. *Скильвинги* — шведская династия, шведы.

2206. *Хererик* — дядя Хардреда, брат Хюгд.

2208. *Пять десятков зим* — такое же условное число, как и в предыдущих случаях (ср. прим. к ст. 1769).

2210—2231. Текст этих строк, особенно последних пяти, дошел в очень плохом состоянии.

2223. *Нерадивый слуга старейшины.*— Не вполне ясно социальное положение вора, навлекшего на гаутов гнев дракона. Скорее всего, это был раб (т. е. пленный, взятый на войне), бежавший от правосудия. Он украл чашу из клада и ее ценой купил себе прощенье (ст. 2281—2282). Впоследствии, когда уже ничего нельзя было исправить, чашу отдали Беовульфу (ст. 2404 след.).

2231 след. Об истории клада будет рассказано еще в строках 3046 след. и 3069 след., и вкратце она сводится к следующему. В давние времена клад зарыли и наложили на него заклятье. Потом его обнаружили и использовали другие. Их племя погибло, и последний оставшийся в живых вновь закопал клад в землю. Там его и нашел дракон, пролежавший на золоте триста лет вплоть до кражи чаши (а может быть, тот последний человек сам превратился в дракона, ибо дракону положено охранять клад, а охраняющий клад становится драконом; так случилось с Фафниром из «Старшей Эдды»). Спасая свой народ от разъяренного дракона, Беовульф гибнет, но убивает и чудовище, так что оба испытывают на себе силу древнего заклятья. Безутешные гауты закапывают клад в курган вместе с останками своего вождя.

2247 след. Речь последнего из оставшихся в живых — блестящий пример древнеанглийской элегии (ср. прим. к ст. 2108 след.). Скоро в положении гибнущего племени будут гауты, и элегия текстом и настроением готовит слушателя к развязке.

2262. *...не вьется сокол...*— Соколов приручали в Швеции уже в VII в., в Англии искусство соколиной охоты распространилось в конце VIII в.

2309 след. *...а вскоре и конунг // с жизнью расстался, нашел кончину.*— И это важнейшее событие поэмы, как и исходы остальных сражений Беовульфа, предсказывается заранее (ср. прим. к ст. 700 след.).

2323 след. Дом Беовульфа сгорает так же, как задолго до того спасенный им Хеорот. Параллелизм деталей и перекличка эпизодов не позволяет поэме распасться на множество отдельных кусков. И в главном сюжете, и в многочисленных отступлениях есть цементирующее начало. Оно может ускользнуть от современного читателя, но незаметно для него и даже помимо его воли создает необычайно сильный художественный эффект.

2328 след. *...и думал всемудрый, что Бог гневится...*— Беовульф еще не знает, чем вызван гнев дракона, и принимает случившееся за божью кару. Но, с теологической точки зрения, причина все равно в воле Всевышнего. Однако остается неясным, в чем грешен Беовульф и какую заповедь он нарушил.

2330 след. *...сердце воина // впервые исполнилось недобрым предчувствием.*— Начиная с предсказания в ст. 2308—2310, поэт использует различные средства подготовить трагический финал.

2354 след. Поэт вновь возвращается к последнему походу Хигелака и, как всегда, рассказывает что-то новое.

2362. *Хетвары* — древнеанглийский вариант племенного названия хаттуариев (см. ст. 1204 след.).

2379 след. Здесь и дальше рассказывается история шведско-гаутских войн. По обыкновению, эта история дана не компактно, а в отрывках, разделенных основным повествованием. То, что так неудобно для современного читателя, было, видимо, естественно для людей, привыкших воспринимать на слух большие эпические поэмы. Чаще всего в песнях сказителя им были знакомы не только сказочные, но и исторические сюжеты (между которыми не делалось различий, ибо приход чудовища из соседнего болота или прилет дракона с берегового кургана казался такой же реальностью, как нападение соседей — ср. вст. ст., стр. 6). И экспедиция Хигелака, и повесть о древнем кладе, и жизнеописание Беовульфа, и пожар Хеорота рассказаны клочками. Этим усиливался интерес к каждой линии: ничего нельзя было забыть, ибо в любой момент давно оборванный ход мог возобновиться и повести слушателей дальше. Ниже для полноты картины дается суммарное изложение шведско-гаутских войн и генеалогия, как они представлены в «Беовульфе». Первые схватки относятся ко времени, когда королем гаутов стал Хадкюн, сын Хределя и старший брат Хигелака (см. ст. 374, 2473 след., 2922 след., 2964 след.; ср. также прим. к ст. 2427 след.). Шведы под предводительством Охтхере и Онелы постоянно нападают на своих южных соседей (особенно часты стычки на холме Хреоснаберг), забирают добычу и возвращаются домой. Впоследствии Хадкюну и Хигелаку удается нанести ответный удар. (Но неясно, кто возобновил военные действия: в ст. 2471—2472 названы шведы, но ср. ст. 2926—2927.) Вначале их кампания идет успешно, и гауты даже берут в плен жену старого шведского конунга Онгентеова, но Онгентеов не только возвращает пленников, но и убивает Хадкюна, а его дружину загоняет ночью в Воронью рощу, грозя поутру повесить и зарубить всех оставшихся в живых. Однако на рассвете приходит подкрепление — отряд Хигелака, и это решает дело. Шведы бегут, а Онгентеова убивают братья Эовор и Вульф (эти имена, видимо, нарочито условны: Вепрь и Волк). По возвращении Хигелак («победитель Онгентеова») щедро наградил братьев, а Эовору отдал в жены свою единственную дочь. Но вскоре Хигелак сам погиб у франков, и ему наследовал Хардред, сын Хигелака от Хюгд. Королем же шведов после смерти Онгентеова, видимо, стал Охтхере. Однако потом (может быть, после смерти старшего брата) трон захватил Онела, а сыновья Охтхере — Эанмунд и Эадгильс — бежали к гаутам (своим наследственным врагам!). Хардред дал приют обоим принцам, но Онела напал на гаутов и, хотя не захватил их земель, убил Хардреда и Эанмунда. Несколько позже Эадгильс, поддержанный гаутской ратью, отомстил своему дяде. Его победный поход стоил Онеле жизни и вернул Эадгильсу трон. Как говорилось (прим. к ст. 349), Онела, возможно, представлял продатскую партию при шведском дворе, а принцы — прошведскую, и это обстоятельство, кроме обычной борьбы за власть, усугубляло раздор внутри династии. Во всей этой истории, как она реконструирована выше, самое загадочное то, что Беовульф и Хардред поддерживают наследников Охтхере против Онелы, т. е. сторонников шведской, а не датской ориентации. После

бегства Эггтеова к Хродгару и тем более после победы Беовульфа над родом Гренделя невозможно себе представить недружеские отношения между гаутами и данами. Хотя Хродгар, расставаясь с Беовульфом, вспоминал какие-то давние распри, которым не суждено вернуться (ст. 1858 след.), в принципе данов и гаутов всегда объединяла общая ненависть к шведам. См. далее прим. к ст. 2601 след.

2395 след. *...зимним походом...*— Есть основания думать, что именно зимнее сражение имеется в виду под словами подлинника «холодными горестными походами» и что слово «холодные» употреблено в своем прямом значении. Знаменитая битва между Эадгильсом и Онелой (в скандинавской традиции: Адилом и Али) происходила на льду озера Венерн. Хотя в «Младшей Эдде» и сагах Онела не шведский, а норвежский король и вовсе не брат Охтхере (Оттара), персонажи наверняка те же. Характерно, что и в скандинавских источниках Адил получает помощь со стороны (но там от Хрольфа).

2427 след. *Семь зим мне было, когда державный...*— В этом отступлении рассказывается и о самом Беовульфе, и о том, как Хадкюн случайно убил на охоте своего старшего брата Херебальда. Гибель первенца свела в могилу Хределя. Не меньше, чем потеря наследника, угнетала его невозможность отомстить (непреднамеренное убийство было наказуемо, но, конечно, не внутри собственного рода). Здесь, как и везде в древнегерманской поэзии, кровная месть — источник основных трагических коллизий (ср. вст. ст., стр. 11). Здесь же мы впервые узнаем, что Эггтеов отдал семилетнего сына на воспитание тестю («аталычество» широко практиковалось у скандинавов, но, судя по сагам, более почтенный человек отдавал своего ребенка человеку, который был менее богат и пользовался меньшим уважением; в «Беовульфе» же ситуация иная). Таким образом, дружба Хигелака и Беовульфа восходит к давним годам. Беовульф, перечисляя своих дядей (ст. 2434), говорит «мой Хигелак», и в устах германца, еще совершенно не знавшего сентиментальных оборотов более поздних времен, это слово звучит как ласкательный эпитет. «Моим» называет и Вальхтеов Хродульфа (ст. 1181).

2443 след. *Так некий старец, увидевший кровного // чада тело...*— По мере того как Беовульф приближается к смерти, тон поэмы становится все более и более мрачным. Рассказ замедляется и движется не столько вперед, сколько назад, к прошлому. В конце поэмы отступления связаны только с гибелью людей и целых родов. Теперь фон для основного рассказа — это уже не подвиги Сигмунда или состязанье отважных пловцов, а прощание с кладом, печальная судьба Хределя и Херебальда, история отца, сидящего перед трупом повешенного сына. Беовульф готов совершить последний подвиг, но ему уже не дано пережить врага. Так же бессилен в последнем эпизоде Хредель, и его бессилье самое страшное, которое мог себе представить поэт: некогда могучий конунг, основатель славной династии, лишен права отомстить за сына. Элегия о старце, напоминающая многие страницы современной поэзии, принадлежит к лучшим страницам поэмы.

2494. *...ни войска гепидского.*— Гепиды (по-древнеанглийски они называются гифты) были племенем, родственным готам, и их старая родина (как, наверно, и у самих готов) — Скандинавия. Впоследствии они переселились в низовья Дуная и были уничтожены лангобардами.

2496. *...на слабых ратников*— то есть на воинов худших, чем сам Беовульф.

2500 след. Беовульф вновь возвращается в мыслях к франкскому походу Хигелака. Возможно, франк Дагхревн (о его имени ср. прим. к ст. 1801) и убил Хигелака. Беовульф же расправился с ним, как с Гренделем: без меча. «Хугский» значит «франкский». Дагхревн — единственный человек, которого убивает Беовульф.

2572 след. *...коль скоро впервые в жизни // Судьба не хранит его в единоборстве, // в победной битве.*— В подлиннике запутанная и малопонятная фраза.

2584 след. *...не лучшим образом ему служило // лезвие славное.*— В этой литоте слышится осуждение всякого (будь то даже неодушевленный меч), кто идет в битву и не выполняет своего долга.

2595 след. *... и не нашлось под рукой у конунга... благородного воинства.*— Нельзя было представить себе позора более страшного, чем, поддавшись страху смерти, бросить своего конунга в беде. Воинов не оправдывает даже то, что Беовульф сам велел им дожидаться исхода сраженья в укрытии (ст. 2528 след.).

2601 след. В рассказе о Виглафе впервые названы Вагмундинги. Было высказано предположение, что Вагмундинги, как и Вульфгар (см. ст. 349 и прим.), принадлежали семье венделов, которые поддерживали Онелу против Онгентеова и его сыновей. Этим объясняли высокое положение Вульфгара, вождя венделов, при датском дворе. Здесь же видели причину того поразительного факта, что хотя Веохстан сражался вместе с Онелой против Эадгильса и Эанмунда и даже убил Эанмунда, его сын Виглаф — любимый и самый верный воин Беовульфа. Видимо, сердце Беовульфа было больше на стороне Онелы, чем на стороне принцев, которые нашли поддержку Хардреда и которым впоследствии он сам оказал военную помощь. Тем не менее трудности исторического толкования приведенных фактов очевидны. Гораздо понятней то, что, после воцарения Эадгильса на троне своего отца, Веохстан должен был бежать из родного края. Его, как в свое время Эадгильса с братом, тоже приютил Беовульф. Виглаф даже в последней битве еще называется скильвингом, поскольку по происхождению он действительно швед. Реальные взаимоотношения гаутов и шведов несколько заслонены от нас тем, что во всех междоусобицах участвует Беовульф, фигура легендарная, а не историческая. В поэме сказано, что после гибели Хардреда гаутами пятьдесят лет правил Беовульф, но это в высшей степени сомнительно. Скорее можно было бы предположить, что Онела, завершив свой победоносный поход на Хардреда и убив Эанмунда, не повернул назад (в поэме он не решается напасть на Беовульфа), а без большого труда захватил гаутский престол и посадил на

него наместником Веохстана (откуда и все его земли). И лишь потом Эадгильс, спасшийся у каких-то соседей (например, у данов), сумел (с помощью Хрольфа) вернуть себе престол. Бегство под защиту враждебного племени, хотя и чреватое смертельной опасностью, было довольно частым явлением. Возвращаясь к Вагмундингам, мы замечаем, что одни из них входили в гаутское племя (как Беовульф и его отец Эггтеов), другие — в шведское (Веохстан и Виглаф). Связи между ними не ясны. Географически же гауты, а следовательно, и гаутские вагмундинги, скорее жили на Вестеръётланде (к югу от Великих шведских озер) и были близкими соседями скильвингов и шведских вагмундингов.

2617 след. *...однако Онела // за смерть племянника не мстил убийце.* — По законам кровной мести Онела должен был бы мстить Веохстану за убийство племянника, но тот был бесправным изгнанником и утратил все связи со своей семьей. Фактически же Онела мог только радоваться смерти Эанмунда, и в этой подробности намек на близкий уже распад родовых уз.

2632 след. Очевидно, вначале Виглаф тоже бежал в лес (иначе к кому же обращена его речь?), но потом вернулся к Беовульфу.

2662 след. Странно, что юный Виглаф воодушевляет своего конунга на битву, но если этой несообразности не заметила аудитория X в., значит, она была полностью оправдана художественно: устами Виглафа говорит поэт, и его слова — это именно те слова, которые готов был произнести любой из его слушателей.

2674 след. *...но родича родич... укрыл железной // доской от пламени.*— Теперь Беовульф и Виглаф идут на дракона под прикрытием одного щита.

2679. *...но преломился ...Нэглинг...*— Как и меч Хрунтинг, этот меч («острый», «режущий») оказался бесполезным. Он раскололся от страшной силы удара — распространенный прием, чтобы косвенно охарактеризовать силу воина.

2702 след. Из текста видно, что дракона убил Виглаф, но Беовульфу предоставлена честь последнего удара. Виглаф тоже (ст. 2874 след.) приписывает победу Беовульфу, а себя называет лишь помощником. Это последнее сражение Беовульфа и похоже и не похоже на предыдущие. Как и прежде, он защищает народ от напасти, как и прежде, он окружен трусливыми зрителями, как и прежде, никто, кроме него, не может надеяться на успех. Но дракон не дьявол и не проклятый Богом отшельник (хотя некоторые словесные схождения в описаниях Гренделя и дракона все же есть). Для людей он что-то вроде стихийного бедствия. Для Беовульфа же он — судьба. Дракон защищен всеми средствами: летает и ползает, покрыт броней, изрыгает яд и пламя. Он так безмерно жесток, что Грендель с матерью — агнцы по сравнению с ним. Самое страшное — что он по-своему прав. Грендель был врагом рода человеческого, радость и музыка были невыносимы ему, у дракона же (как и у матери Гренделя) есть мотив для мести. Дракон непобедим, и Беовульф с самого начала знает это. Чудовище можно убить, но вместе с ним, с судьбой Беовульфа, умрет и сам Беовульф. Сражаясь с матерью Гренделя,

Беовульф спасся чудом. Теперь чуда быть не могло, и эта битва заканчивает серию его побед, каждая из которых доставалась все более дорогой ценой.

2746 след. Последнее желание Беовульфа — увидеть клад. О двойственном отношении к золоту в поэме см. вст. ст., стр. 14.

2804. *На Мысе Китовом.*— Невозможно определить, использовал ли поэт название какого-то известного места или сочинил его сам (ср. места вроде Лунная долина, Щучье озеро, о которых лишь современники могли знать, точное это наименование или поэтическая характеристика). То же относится к ряду других топонимов в «Беовульфе» (ср. прим. к ст. 2924).

2883 след. Весь род отвечает за каждого своего члена, поэтому наказание ждет не только трусов.

2889 след. *Уж лучше воину // уйти из жизни, чем жить с позором!*— Возможно, намек, что всем, не принявшим участия в сражении, следует покончить жизнь самоубийством.

2912 след. Глашатай перечисляет разных врагов, заинтересованных в падении гаутов, и в его речи (в четвертый раз) упоминается франкский поход Хигелака. Заодно рассказывается заключительный эпизод шведско-гаутских войн. Момент для длинного и подробного рассказа выбран неудачно. Но поэма заканчивается, все нити должны сойтись воедино, и уже не будет другого даже самого незначительного повода дорассказать то, что еще необходимо узнать слушателям.

2921. *Меровинги.*— Если слово в рукописи действительно означает меровингов, то глашатай имеет в виду крепнущую франкскую династию.

2924. *Воронья роща.*— См. прим. к ст. 2804 (ср. также Вороний лес, ст. 2935, и Орлиные скалы, ст. 3032).

2960. *Хредлинги* — потомки Хределя, т. е. Хадкюн и Хигелак.

2995. *...дано сто тысяч землей и кольцами...*— Здесь мера ценности — предположительно скеат (skeatt), равный динарию, одной двадцатой шиллинга (ср. ст. 2195 и прим.).

3010 след. *...а с ним и сокровища... в огне да сгинут...*— Глашатай предлагает, чтобы вместе с Беовульфом в костер положили и весь клад, и в этом есть элемент драматической иронии: Беовульф думал, что клад принесет пользу его народу (ст. 2794 след.). В ст. 3163 след. сказано, что клад поместили в курган вместе с останками героя, но, конечно, и там он не мог сослужить никакой службы гаутам (ср. вст. ст., стр. 14).

3018 след. *...коль скоро пленная // жена за недругами пойдет на чужбину...*— Распространенный образ: женщины, угнанные в плен, как символ окончательного поражения.

3021 след. *...морозным утром...*— Сраженья начинались утром. (В «Старшей Эдде» даже есть специальная заповедь, которую можно понять так: не вступай в битву вечером — «Речи Регина», строфа 22.)

3024 след. *...а черный ворон... трупы терзает.*— Обычно за войском идут ворон и волк (хотя ворон бывает и дружественным вестником, ср. ст. 1801

и прим. и «Речи Регина», строфа 20); иногда между собой беседуют вещие птицы (см. «Речи Фафнира» в «Старшей Эдде», строфа 32 след.) или ворон сам пророчит беду («Старшая Эдда»: «Отрывок Песни о Сигурде», строфа 5). В древнеанглийской поэзии ворон и волк (так называемые звери битвы) встречаются много раз. Но в «Беовульфе» традиционный образ изменен (ворон говорит с орлом). Поэт блестяще пользуется стереотипным приемом: войны еще нет, но упоминание о ее спутниках должно вызвать мысль о предстоящих бедах. Искусство древнего певца, оперировавшего привычными темами и формулами, в значительной мере и состояло в том, чтобы найти неожиданную возможность использовать знакомый прием.

3070—3074. В подлиннике здесь строки, которые практически невозможно понять. Предлагались различные исправления и десятки интерпретаций.

3079 след. *Наших советов не принял пастырь...* — На самом деле никто таких советов Беовульфу не давал. Здесь, видимо, нераспознанный эпический мотив: точно так же и Хигелак (вопреки истине) говорил (ст. 1995 след.), что они все противились решению Беовульфа ехать к Хродгару.

3150 след. Было высказано предположение, что плакальщица над телом Беовульфа — его вдова. Но странно, что о ней ничего не говорилось раньше. Гораздо более вероятно, что Беовульф был одинок. Хотя поэт вплел его жизнь в общую канву событий, Беовульф не столько участвует в них, сколько идет рядом. Правда, он сопровождает Хигелака в поход к франкам и даже убивает Дагхревна, но, в общем, делает там лишь то, что мог бы сделать любой верный дружинник. Его главные враги — фантастические чудовища. Он не участвует в шведско-гаутских войнах и не пытается отомстить за Хардреда, а послать людей на помощь Эадгильсу мог кто угодно. Правда, он занял гаутский престол, но гауты были впоследствии побеждены шведами (как и предвидел глашатай), и Хардред, на котором закончилась династия Хредлингов, вполне мог быть последним независимым гаутским конунгом, и полвека правления Беовульфа — наверно, сказочное, а не реальное время. Поэт избегает сказать о Беовульфе что-нибудь определенное, чтобы не слишком явно сталкивать вымышленного героя с реальными людьми, известными слушателям. К тому же у него нет детей и его имя не аллитерирует с именем отца (последнее не абсолютно обязательно, но обычно). Вернее будет предположить, что его оплакивает безымянная женщина.

3180 след. Поэма кончается на мягкой ноте похвалы и восхищения. Среди качеств Беовульфа не названы те, которые ассоциируются с великим героем; те, что названы, подходят скорее для мудрого монарха, проникшегося идеями христианства, чем для человека типа Сигурда или Гунтера.

Для того чтобы связать воедино многочисленные исторические намеки в поэме, ниже приводятся комментированные генеалогические таблицы. Условные даты заимствованы у Клэбера (который основывался на Хойслере). Предлагались и несколько иные хронологические вехи.

О. Смирницкая

ДАТСКИЙ ДОМ
(даны, ингвины, скильдинги)

Скильд (Легендарный основатель династии, вступил на престол, видимо, после прекращения линии Эггвела — Херемод)	— Беовульф [I]	— Хальфдан
Хальфдан (445—498) (Возможно, убит хадобардом Фродой, отцом Ингельда)	— Херогар (470—500) (Правил недолго и умер молодым)	— Херовард (род. 490)
	— Хродгар (473—525) (Женат на Вальхтеов из племени хельмингов)	— Хредрик (род. 499) — Хродмунд (род. 500) — Фреавару (род. 501) (Замужем за хадобардом Ингельдом; брак задуман для примирения данов и хадобардов)
	— Хальга (475—503)	— Хродульф (499—545) (Рано осиротел и воспитывался у Хродгара и Вальхтеов; делит с Хродгаром власть над данами; судя по намекам, будет участвовать во внутрисемейной распре)
	— дочь (По имени не названа; замужем, видимо, за Онелой, но в подлиннике от имени Onela сохранились лишь последние три буквы).	

ГАУТСКИЙ ДОМ
(гауты, ведеры, хредлинги)

Хредель (495—503) (Умер, не пережив гибели старшего сына)	— Херебальд (470—502) (Убит Хадкюном на охоте)	
	— Хадкюн (472—510) (Занял престол после смерти отца, убит в войне со шведами)	— дочь (от первого брака) (Замужем за Эовором, убившим Онгентеова) — Хардред (от второго брака; 511—533. Погиб в войне со шведами против Онелы)
	— Хигелак (475—521) (Женат на Хюгд, дочери Хереда; одержал победу над шведским конунгом Онгентеовом после гибели Хадкюна, погиб во франкском походе)	
	— дочь (По имени не названа, замужем за Эггтеовом из семьи Вагмундингов, мать Беовульфа)	

ШВЕДСКИЙ ДОМ
(шведы, скильвинги)

Онгентеов (450—510) (Погиб от руки гаута [?] Эовора в войне против Хадкюна и Хигелака)	— Охтхере (478—532) (Нет уверенности, что он старше Онелы, и нет данных о его правлении)	— Эанмунд (505—533) (Бежал с братом к гаутам после воцарения Онелы и убит им в том же походе, что и Хардред) — Эадгильс (род. 510, хотя ничто не подтверждает прямо, что он младший из двух братьев. Бежал с Эанмундом к гаутам, в 535 г. победил Онелу и стал королем)
	— Онела (480—535) (Видимо, женат на дочери Хальфдана; ср. сказанное о ней. Одержал победу над гаутами после гибели Хигелака, в кампании под его началом пали Эанмунд и Хардред; убит в сражении против Эадгильса)	

СТАРШАЯ ЭДДА

Слово «Эдда» значит теперь совсем не то, что оно значило когда-то, а что оно значило первоначально — в точности не известно. В средние века так называлась книга, написанная в 1222—1225 годах знаменитым исландским историком и поэтом Снорри Стурлусоном (1178—1241). На одной из рукописей его произведения есть надпись: «Книга эта называется Эдда, ее составил Снорри Стурлусон». Возможно, что она была названа так самим автором. Книга эта представляет собой учебник поэтического искусства и содержит обзор языческой мифологии (в той мере, в какой эта мифология была основой поэтической фразеологии), обзор поэтической фразеологии с многочисленными иллюстрациями из старых исландских авторов и образцы стихотворных размеров, сочиненные Снорри Стурлусоном и составляющие вместе целую поэму. Книга эта была учебником того вида поэтического искусства, которое издавна процветало в Исландии и называется «поэзией скальдов», или «скальдической поэзией». Основные черты этой поэзии — во-первых, осознанное авторство: все скальдические стихи имеют авторов, и эти авторы и называются «скальдами»; во-вторых, чрезвычайно вычурная форма; в-третьих, актуальное содержание: поэзия скальдов — это хвалебные песни, поносные стихи

или стихи к случаю. Поэзия скальдов совсем не похожа на ту поэзию, которая теперь всегда связывается с названием «Эдда»; можно даже сказать, что поэзия скальдов противоположна ей. Однако в средние века в Исландии называли «искусством Эдды» именно поэзию скальдов, ее вычурную и темную фразеологию.

Неясно, почему книга Снорри Стурлусона получила название «Эдда». Есть три этимологии этого слова. Одни считают его производным от «Одди», названия хутора, где Снорри воспитывался и, может быть, нашел материалы для своей книги. «Эдда» в таком случае значит «книга Одди». Другие производят слово «Эдда» от óðr — слова, которое иногда имело значение «поэзия». «Эдда» в таком случае значит «поэтика». Третьи отождествляют название книги Снорри со словом «эдда», которое встречается в одной древнеисландской песни и, по-видимому, значит «прабабушка». В этом случае книга Снорри была почему-то названа «прабабушкой». Все три этимологии были выдвинуты давно и по очереди снова выдвигаются и отвергаются.

В XVII веке — эпохе скандинавского «ученого ренессанса» — в Дании и Швеции пробудился интерес к древним памятникам, и в Исландии — тогда датской колонии — стали усиленно собирать древние рукописи. Но представления ученых того времени о древней литературе часто были фантастическими. В частности, у них были преувеличенные представления о деятельности исландского ученого Сэмунда Сигфуссона (1056—1133), который в средние века прослыл в народе могущественным чернокнижником, сумевшим перехитрить самого черта. Ему приписывалась универсальная мудрость, и сложилось представление, что Снорри Стурлусон в своей «Эдде» основывался на сочинении Сэмунда. Так, один из исландских ученых и любителей древностей, епископ Бриньольв Свейнссон, писал своему коллеге зимой 1641/1642 года: «Где огромные сокровища всей человеческой мудрости, записанные Сэмундом Мудрым, и прежде всего прославленная Эдда, от которой у нас теперь осталась, кроме имени, едва ли тысячная доля и которая не сохранилась бы совсем, если бы извлечения Снорри Стурлусона не оставили бы нам скорее тень и след, чем подлинный состав древней Эдды?» Не удивительно, что, найдя в 1643 году древний пергаментный кодекс, содержащий ряд песен о богах и героях,— тех самых богах и героях, о которых говорится и в книге Снорри,— Бриньольв решил, что он нашел произведение самого Сэмунда, послужившее основой для Снорри, и написал на списке с найденного им кодекса: «Edda Saemundi multiscii», то есть «Эдда Сэмунда Мудрого». С этого момента слово «Эдда» приобрело совершенно новое значение. В этом новом значении оно вскоре было употреблено в печати, и хотя впоследствии было установлено, что найденные Бриньольвом песни не имеют никакого отношения ни к Сэмунду, ни к названию «Эдда», название это закрепилось за ними, и они стали называться «Эддой Сэмунда», «Песенной Эддой», песнями «Эдды», просто «Эддой» или «Старшей Эддой», тогда как книга Снорри Стурлусона стала называться «Эддой Снорри», «Прозаической Эддой» или «Младшей Эддой».

Найденный Бриньольвом пергаментный кодекс, одна из самых знаменитых рукописей мира, после смерти Бриньольва попал в Копенгаген, а в 1971 году — в Рейкьявик. Большинство древних рукописей, найденных в Исландии, попадало в Копенгаген, меньшинство — в Стокгольм и Уппсалу. Кодекс, найденный Бриньольвом, хранился в Королевской библиотеке в Копенгагене и поэтому называется Codex Regius («Королевский кодекс») 2365, или сокращенно CR 2365. Его история до того, как он был найден Бриньольвом, не известна. Но по орфографическим и палеографическим данным устанавливается, что он написан в Исландии во второй половине XIII века. Из характера ошибок в кодексе очевидно, что он представляет собой список с несколько более древней рукописи. Об этой более древней рукописи ничего не известно.

Королевский кодекс состоит из 45-ти листов размером около 19×13 см. В нем шесть тетрадей: пять по 8 листов каждая и одна, последняя, из 5-ти листов. Между четвертой и пятой тетрадями кодекса есть лакуна: по-видимому, не хватает целой тетради, 8-ми листов. Лакуна эта доставила много хлопот исследователям. На основании заголовков и абзацев в кодексе содержание его обычно делят на 29 песен — 10 мифологических и 19 героических. Между отдельными песнями, а иногда и между строфами одной песни, попадается проза, связующая, поясняющая или дополняющая текст песен. Некоторые из песен сохранились (частично или целиком) в других рукописях, а именно: 6 песен (2 целиком и 4 частично) сохранились в рукописи начала XIV века, хранящейся в собрании Арни Магнуссона в библиотеке Копенгагенского университета (сокращенно она называется AM 748); вариант одной песни, а именно «Прорицания вёльвы», сохранился в другой рукописи начала XIV века (она называется Hauksbók); фрагменты и пересказы ряда песен есть в рукописях «Эдды» Снорри Стурлусона, «Саги о Вёльсунгах» и «Рассказа о Норна-Гесте» — исландских прозаических произведений XIII века. Сравнение рукописного материала, и особенно CR 2365 и рукописей книги Снорри Стурлусона, показывает, что тексты восходят к различным устным вариантам и бытовали до записи в устной традиции.

Название «Эдда» претерпело в дальнейшем еще некоторое расширение. Дело в том, что песни, аналогичные по стилю, стихосложению и содержанию тем песням, которые представлены в CR 2365, есть в некоторых других древнеисландских рукописях. Все такие песни, вместе с песнями основной рукописи, стали называться «эддической поэзией», или поэзией «эддического стиля». Эддическая поэзия отличается от поэзии скальдической тем, что авторы ее не известны, ее форма сравнительно безыскусна, а ее содержание — древние сказания о богах и героях или правила житейской мудрости. Вся древнеисландская поэзия распадается на эти два вида поэтического искусства — поэзию скальдов и эддическую поэзию. Впрочем, встречаются, конечно, и произведения промежуточного характера. В издания «Старшей Эдды» принято включать, кроме песен основной рукописи, и некоторые из других эддических песен, а именно те, которые всего ближе по содержанию к песням

основной рукописи. Но количество таких дополнительных песен меняется от издания к изданию. Всего чаще ими бывали «Сны Бальдра», «Песнь о Хюндле», «Песнь о Риге» и «Песнь о Свипдаге». В наше издание включены также «Песнь о Хлёде» и «Песнь валькирий», но не включена «Песнь о Свипдаге» (она сохранилась только в поздних бумажных списках и, по-видимому, представляет собой подражание песням «Эдды»). В древнеисландской литературе есть еще много других песен эддического стиля. Так, в немецкий перевод «Эдды» Ф. Генцмера включено 26 песен, которых нет в CR 2365.

Все же знаменитыми стали только те песни, которые есть в CR 2365 или непосредственно примыкают к песням этой рукописи. Текст их издавался свыше тридцати раз, не считая частичных изданий, а в переводе (на шестнадцать различных европейских языков) — свыше ста пятидесяти раз. Слава их может сравниться только со славой «Илиады» и «Одиссеи». Изданием их занимались крупнейшие филологи-германисты, начиная с Якова Гримма и Расмуса Раска. Подготовка их издания требовала кропотливейшей текстологической работы. Достаточно сказать, что первое полное издание «Старшей Эдды» — копенгагенское издание с латинским подстрочником — выходило в течение сорока одного года (1787—1828), а издание, снабженное наиболее полным введением, глоссарием и комментариями,— издание Сеймонса и Геринга,— в течение сорока трех лет (1888—1931) и устарело до того, как вышел его последний том. Классическим остается издание выдающегося норвежского филолога Суфюса Бюгге (1867), в котором впервые была дана точная и полная картина рукописного материала. В нашем переводе дается нумерация строф издания Бюгге, как это принято в современных изданиях текста «Старшей Эдды». Но перевод наш сделан по изданию Иоуна Хельгасона (1952—1954) и частично по первому изданию Неккеля.

В тексте «Старшей Эдды» много морфологических и синтаксических архаизмов, много слов, которые нигде больше не встречаются и, видимо, устарели уже в XIII веке. Но архаизмы не оставались в песнях нетронутыми. Они подновлялись или заменялись, вероятно, еще в устной традиции. Это видно из их фонетической формы. Поэтому язык рукописи—это все же язык второй половины XIII века. Раньше было принято восстанавливать так называемую первоначальную языковую форму песен и ставить более старые языковые формы на место тех, которые представлены в рукописи. Сеймонс и Геринг часто делали это. Именно поэтому их издание устарело до того, как вышел его последний том. Теперь это делается все меньше и меньше: становится очевидным, что восстановить первоначальную языковую форму песен невозможно.

Так же обстоит дело с порядком строф и строк в песнях. Раньше было принято искать в песнях позднейшие вставки (интерполяции) и первоначальную форму. Путем удаления предполагаемых вставок, всевозможных перестановок и даже досочинения добивались сглаживания всех противоречий и абсолютной логичности в композиции песни. В результате такой «высшей критики текста», как это называли немецкие филологи, от песни иногда остава-

лось буквально меньше четверти (так, например, поступали с «Речами Гримнира»). То же самое делали и переводчики. Так, в немецком переводе «Эдды», выполненном Ф. Генцмером под редакцией А. Хойслера, видного немецкого специалиста по древнегерманской поэзии,—переводе, который справедливо считается образцовым в отношении стиля и стихосложения,— строфы в песнях перетасованы, сокращены или расширены, из одной песни сделано несколько и т. д., в соответствии с представлениями Хойслера о первоначальной форме песен. Но дело в том, что разные исследователи восстанавливают первоначальную форму песен совершенно различно, в зависимости от их вкусов и взглядов. Поэтому становится все более очевидным, что восстановить ее невозможно.

ПРОРИЦАНИЕ ВЕЛЬВЫ

«Прорицание вёльвы» — самая знаменитая из песен «Старшей Эдды». Она содержит картину истории мира от сотворения и золотого века (т. е. того, что вёльва «помнит» или «видела») до его трагического конца — так называемой «гибели богов» — и второго рождения, которое должно быть торжеством мира и справедливости (т. е. того, что вёльва «видит»). Песнь представляет собой богатейшую и единственную в своем роде сокровищницу мифологических сведений.

Большинство исследователей склоняется сейчас к тому, что песнь эта возникла в Исландии в эпоху, переломную между язычеством и христианством, а именно во второй половине или конце X в., и что она в основном языческая, хотя возможно, что некоторые ее элементы — такие, как идея вины и наказания, осуждения жажды золота, признание женщины виновницей всех бед,— неосознанно заимствованы из христианской религии.

Непоследовательность в нумерации строф отражает перестановку в издании С. Бюгге.

Вёльва—прорицательница, колдунья. Вся песнь вложена в уста вёльвы, которая вещает, выполняя просьбу Одина, причем она то говорит о себе в первом лице («великанов я помню» и т. п.), то в третьем («помнит войну она» и т. п.). Такое чередование встречается в древнеисландских песнях.

1[1]. *Священные роды* — боги.

Дети Хеймдалля — люди. Несмотря на большую литературу о боге Хеймдалле, сущность его неясна. Известно о нем только следующее: он «страж богов» и «светлейший из асов», люди — его «дети», он родился «от девяти матерей», перед началом гибели богов он «затрубит в свой рог».

2. *Древо предела* — ясень Иггдрасиль, мировое древо. Его ветви раскинуты над всем миром и кладут ему предел в пространстве. Иггдрасиль —

---

[1] Цифры в примечаниях к «Старшей Эдде» и «Песни о нибелунгах» означают номера строф.

буквально «конь Одина». Один повесился на этом древе однажды, чтобы приобрести тайные знания.

3. *...не было в мире ни песка, ни моря...*— Специфически исландская черта. Для исландского пейзажа очень характерен песок (например, для исландской южной равнины).

...земли еще не было и небосвода...— В подлиннике это место почти дословно совпадает с так называемой «Вессобруннской молитвой», древневерхненемецким христианским памятником IX в. Возможно, что это место имело общегерманский прообраз.

...трава не росла.— Трава выделена особо: пастбище для скота — основа исландского хозяйства.

4. *Сыны Бора* — Один и его братья, Вили и Ве.

Мидгард — мир, обитаемый людьми. Буквально — «средняя ограда, среднее огороженное пространство».

5. *Солнце, друг месяца.*— В подлиннике — «спутник месяца». Луна считалась древней солнца, и счет велся по ночам, а не по дням.

Содержание строфы 5 истолковывают как описание полярной летней ночи: солнце катится по горизонту, как бы не зная, где ему зайти, а звезды и луна не светят в полную силу.

6. *Отпрыски ночи.*— Свет считался порождением тьмы, и поэтому день и времена дня — отпрысками ночи.

8. *Три великанши.*— Неясно, кто они, но, видимо, это не три норны, о которых говорится в строфе 20.

Ётунхейм — жилище или страна великанов. Ётун — великан.

9. *Бримир* — то же, что Имир (древнейший из великанов) (?).

Блаин — другое имя Имира (?).

В строфах 10—16 перечисляются имена карликов. Некоторые имена карликов в данной туле прозрачны (они означают «северный», «южный», «восточный», «западный», «новый», «мертвый», «дружественный», «смелый», «мудрый» и т. п.), другие спорны или совсем непонятны.

17. *Аск и Эмбла* — первые люди на земле, буквально «ясень» и «ива».

18. *Хёнир.*— Несмотря на десятки попыток истолковать этого загадочного бога, сущность его остается спорной.

Лодур — фигура еще менее ясная, чем Хёнир.

19. *Иггдрасиль* — см. прим. к строфе 2.

Урд — одна из норн. Буквально «судьба».

20. *Мудрые девы* — норны, богини судьбы.

Верданди — «становление».

Скульд — «долг».

В строфах 21—24 речь идет о войне между двумя группами богов — асами и ванами. Содержание этого мифа, по-видимому, следующее. Ваны (боги Ньёрд, Фрейр и Фрейя) послали асам Гулльвейг (что значит «сила золота») — женщину, воплощающую жадность к золоту. Один пытался ее уничтожить, но она снова рождалась (строфа 21) и, под именем Хейд (обычное имя

колдуний), творила еще худшее (строфа 22). Тогда асы стали совещаться, брать ли им выкуп с ванов (по другим толкованиям — платить ли им выкуп ванам или принять их в свою среду, платить ли им выкуп ванам или взять с них выкуп, одни ли асы должны платить выкуп, и т. д., строфа 23). Соглашение не состоялось, и Один начал войну с ванами, метнув в них копье (по обычаю, вождь должен был перед началом битвы метнуть копье во вражеское войско, тем самым посвящая его богу войны). Асы терпели поражение (строфа 24), но в конце концов между асами и ванами был заключен мир, и они обменялись заложниками, которыми были Хёнир и Мимир от асов и Ньёрд и Фрейр от ванов. Ваны — явно боги плодородия. Асы — все остальные боги и обычно боги вообще.

Строфы 25—26 имеют в виду миф, известный по «Младшей Эдде». Боги договорились с одним великаном, что он построит им в определенный срок крепость, неприступную для великанов. В награду он потребовал богиню Фрейю, солнце и луну. По совету Локи боги согласились на его условия. Но когда они увидели, что великан успеет построить крепость в срок, они испугались и стали грозить Локи. Тогда Локи хитростью заставил великана опоздать к сроку. Увидев, что он обманут, великан пришел в ярость. Боги позвали на помощь Тора, и тот убил великана. Таким образом, сгубить небосвод и отдать Фрейю великанам покусился Локи. *Жена Ода* — Фрейя. В «Младшей Эдде» основное в этом мифе — хитрость Локи (он превратился в кобылу и отвлек коня великана от работы). В песни основное то, что боги нарушили клятвы.

27. *Слух Хеймдалля*.—Многие считают, что речь идет о роге, в который Хеймдалль затрубит перед началом гибели богов (см. строфу 46). Другие считают, что Хеймдалль заложил свой слух, как Один — свой глаз (см. ниже).

Залог Владыки — глаз Одина, который он оставил как залог в источнике мудреца Мимира, получив от него мудрость. Мимир был брат Бестли, матери Одина.

28. *Князь асов* — Один.

В строфе 29 говорится о том, что Один заплатил вёльве за ее прорицание богатыми подарками.

30. *Готы* — воины. Название племени, знаменитого своей воинственностью, стало нарицательным.

31. *Бальдр* — светлый бог, сын Одина и Фригг, брат Тора. Строфы 31—32 имеют в виду миф о его смерти, который сохранился в «Младшей Эдде». Бальдра, любимого сына Одина и Фригг, мучили зловещие сны. Он рассказал о них асам, и тогда Фригг взяла клятву со всех вещей, что они не будут вредить Бальдру. Боги забавлялись тем, что они бросали в него копьями и камнями, и ничто не вредило ему. Узнав у Фригг, что она не взяла клятвы только с побега омелы, Локи срезал его, подговорив слепого бога Хёда бросить его в Бальдра, и направил руку Хёда. Бальдр был поражен насмерть, и все боги оплакивали его. Пока его тело лежало на костре, бог Хермод по просьбе Фригг поехал к Хель, чтобы попытаться вернуть Бальдра из ее царства. Но

Хель поставила условием его возвращения—чтобы все живое и мертвое в мире его оплакивало. И все живое и неживое стало его оплакивать. Но в одной пещере сидела великанша по имени Тёкк и не плакала, и это был Локи. В строфе 31 специфически исландской чертой является описание омелы как деревца, растущего в поле. Омела растет только на деревьях, но исландцы могут не знать, как она растет (она есть в Норвегии, но не в Исландии).

32. *Брат Бальдра* — Вали, сын Одина и Ринд.

33. *Фенсалир* — жилище Фригг.

Вальгалла — жилище Одина.

В строфах 34 и 35 речь идет о наказании Локи (см. стр. 234).

35. *Хвералунд* — «роща горячих источников». Таких источников множество в Исландии.

...обликом схожего с Локи зловещим — т. е. самого Локи.

Сигюн — жена Локи.

36. *Слид* — «свирепый».

37. *Нидавеллир* — «поля мрака».

Окольнир — «неохлаждающийся» (?).

39. *Нидхёгг* — черный дракон (см. строфу 66).

Содержание строфы 39 напоминает христианские описания страданий грешников в аду.

40. *Железный Лес* — жилище ведьм.

Фенрира род — волки. Отсюда начинается описание гибели богов. Фенрир — порождение Локи, чудовищный волк, который проглотит солнце. Его когда-то связали боги. Когда он вырвется, начнется гибель богов.

41. *Жилище богов* — небо.

43. *Гуллинкамби* — «золотой гребешок».

Герои Отца Дружин — эйнхерии, т. е. воины, живущие у Одина. *Отец дружин* — Один.

44. *Гарм* — по мнению одних, чудовищный пес, охраняющий преисподнюю; по мнению других, волк Фенрир.

...привязь не выдержит — вырвется Жадный.— См. прим. к строфе 40.

45. В описании морального разложения, предшествующего гибели богов, усматривают христианское влияние.

46. *Дети Мимира* — великаны или реки и ручьи (?).

Рог Гьяллархорн — рог Хеймдалля. Его сопоставляют с трубой архангела в христианской мифологии.

Череп Мимира.— В «Саге об Инглингах» рассказывается, что асы послали Мимира заложником к ванам, те отрубили ему голову и послали назад асам, а Один сохранил ее при помощи колдовства, и она открывала ему тайны, но ср. строфу 28, где Мимир еще жив, хотя война с ванами уже позади.

47. *Турс* — великан, т. е. волк Фенрир.

50. *Хрюм* — имя великана.

Ёрмунганд — мировой змей.

Нагльфар — корабль, который будет построен из ногтей мертвецов. В Исландии до сих пор распространено поверье, что у мертвых надо обрезать ногти, дабы их не использовали злые силы.

51. *Муспелль* — по-видимому, имя огненного великана. В древневерхненемецком произведении X в. встречается слово muspilli — «конец мира, страшный суд». Неясно, христианского происхождения это слово или языческого.

Брат Бюлейста — Локи.

52. *Сурт* — подземный великан, правящий огнем, буквально «черный». Предполагают, что он — отражение исландских вулканов.

Губящий ветви — огонь.

53. *Хлин* — Фригг. Ее новое горе — смерть Одина, ее старое горе — смерть Бальдра.

Убийца Бели — Фрейр. Бели — великан, которого убил Фрейр.

53. *Радость Фригг* — Один.

55. *Отец Побед* — Один.

Трупный зверь — волк Фенрир.

Сын Хведрунга — он же. Хведрунг — Локи.

56. *Хлодюн потомок* — Тор. Хлодюн, или Фьёргюн,— мать Тора.

Сын Одина — Тор.

Страж Мидгарда — Тор.

57. *Питатель жизни* — огонь.

60. *Пояс мира* — мировой змей.

Великий бог — Один.

62. *Хрофт* — Один.

63. *...братьев обоих* — Бальдра и Хёда (?).

Дом ветров — небо.

В строфе 65 многие видят влияние христианства.

66. *Ей* — вёльве, которая говорит прорицание.

РЕЧИ ВЫСОКОГО

Эта самая длинная из песен «Старшей Эдды» явно представляет собой конгломерат из элементов разного характера и разного происхождения.

Строфы 1—95 и 103. Эта часть представляет собой собрание строф, содержание которых — правила житейской мудрости. Едва ли название «Речи Высокого» (т. е. речи Одина) относится к этой части: «я», которое коегде появляется здесь, не проявляет ничего характерного для Одина. По общему мнению, в этой части нет никаких следов влияния христианства. Впрочем, нет в ней также и упоминаний языческих богов или мифов и веры в магию или силу судьбы. В некоторых из строф проглядывают черты природы (норвежской, а не исландской). Обычно считается, что эта часть — древнейший слой в «Старшей Эдде».

Строфы 96—102. Строфы 84 и 91—95 образуют как бы переход к рассказу Одина о том, как его обманула одна женщина — дочь (или жена?) некоего Биллинга. Никакой мифологической основы здесь, по-видимому, нет, и возник этот рассказ, вероятно, уже в христианскую эпоху.

Строфы 104—110. В этой части Один рассказывает о том, как он соблазнил Гуннлёд, дочь великана Суттунга, и благодаря этому добыл мед поэзии. Миф о том, как Один добыл мед поэзии, подробно рассказывается в «Младшей Эдде».

Строфы 112—137 (Loddfáfnismál). Эта часть представляет собой ряд жизненных советов, которые «я» (но едва ли Один) дает некоему Лоддфафниру. Советы эти более дидактичны, чем правила житейской мудрости в первой части «Речей Высокого». Предполагают, что они представляют собой переработку каких-то более древних гномических строф.

Строфы 138—145. Эта часть состоит из рассказа Одина о том, как он принес самого себя в жертву, повесившись на мировом древе, чтобы обрести знание рун, и нескольких строф о рунах и жертвоприношениях. По-видимому, это фрагменты культовой языческой поэзии.

Строфы 111 и 146—164 (Ljòðatal). Эта часть представляет собой перечень восемнадцати различных заклинаний, произносимых Одином.

Упоминание Гуннлёд в строфе 13 и Фьялара (т. е. великана Суттунга?) в строфе 14 свидетельствует о том, что эти строфы представляют собой фрагменты рассказа Одина о похищении меда поэзии, т. е. фрагменты третьей части «Речей Высокого» (см. комментарий выше).

49. *Деревянные мужи* — вырезанные из дерева человеческие фигуры.

51. *Пять дней* — срок, часто упоминаемый в древненорвежских законах.

53. *У малых песчинок, у малых волн мудрости мало...*— Неясное место. Другие толкуют: «малы пески малых морей, мал ум людей»; или «на малых берегах малых морей мал (ограничен) ум людей», и т. д.

72. *Камень у края дороги* — неотесанный могильный камень в форме стоячей плиты или обелиска, часто с рунической надписью. Такие камни ставились в Норвегии в языческую пору.

74. *Ночь тому не страшна, кто сделал запасы.*— Эта пословица имеет в виду условия плаванья в норвежских шхерах: плыли только днем, а с наступлением вечера причаливали к берегу и готовили пищу на костре.

Коротки реи.— Другие толкуют: «коротки нары на судне».

Строфы 76 и 77 обычно считаются суммирующими мировоззрение эпохи.

78. *Фитьюнг* — то ли «жирный», то ли «житель Фитьяра» (Фитьяр — селение в устье Хардангерфьорда в Норвегии).

80. *Вещий* — Один. Возможно, что строфа 80 относится к пятой части (см. комментарий выше).

81. *...жен — на костре* — во время погребения, т. е. после смерти. Сожжение умерших на костре практиковалось в Скандинавии только до середины IX в. В Исландии этого обычая вообще не было.

83. *...коня купи тощего, меч— заржавелый* — они тогда дешевле.

...корми... пса — у чужих — он тогда будет голодный и злой.

84. *...на колесе их слеплено сердце* — на гончарном колесе.

104. *Турс* — великан, т. е. Суттунг.

Сюжетная основа строф 104—110 — миф о меде поэзии, известный по «Младшей Эдде». При заключении мира между асами и ванами (см. прим. к «Прорицанию вёльвы») слюна тех и других была собрана в сосуд и из нее сделан мудрый человек по имени Квасир. Два карлика — Фьялар и Галар — убили Квасира и смешали его кровь с пчелиным медом. Всякий, кто пил получившийся таким образом напиток, т. е. «мед поэзии», становился поэтом или мудрецом. Карлики затем убили великана Гиллинга, и им пришлось отдать мед поэзии как выкуп Суттунгу, сыну Гиллинга. Суттунг держал мед поэзии в горе Хнитбьёрг под охраной своей дочери Гуннлёд. Желая добыть мед поэзии, Один нанялся работать к Бауги, брату Суттунга, назвавшись Бёльверком («злодеем») и предварительно погубив девятерых работников Суттунга. В награду за работу он потребовал глоток меда поэзии. Бауги привел Одина к Суттунгу, но тот не дал ему ни глотка. Тогда Бауги просверлил гору буравом по имени Рати, Один проскользнул в образе змеи в отверстие, проник к Гуннлёд, соблазнил ее, выпил весь мед и, приняв образ орла, вернулся в Асгард, где мед поэзии с тех пор хранится. Некоторые современные исследователи возводят этот миф к эпохе индоевропейской общности.

106. *Стены ётунов* — скалы.

107. *Одрёрир* — «приводящий дух в движение», т. е. мед поэзии, также один из трех сосудов, в которых мед поэзии хранился у Суттунга.

Дом священный людей покровителя — Вальгалла, жилище Одина.

109. *Хримтурсы* — «великаны инея».

Содержание строф 109 и 110 неясно. В «Младшей Эдде» эта часть мифа о меде поэзии не имеет никакого соответствия.

110. *Клятву... дал на кольце.*— Священное кольцо, на котором давали клятвы, хранилось в языческом храме. Такие кольца засвидетельствованы также у готов.

111. *Тул* — по-видимому, в языческое время так первоначально назывался тот, кто произносил священные тексты и был носителем всякой мудрости, т. е. жрец. Но в языке Эдды это слово имеет неясное и очень широкое значение.

Источник Урд — см. стр. 185, строфа 19.

Строфа 126 имеет в виду условия, когда еще не выделились ремесла.

138. Миф о том, как Один повесился, пронзив самого себя копьем, на мировом древе, чтобы обрести знание рун (т. е. тайные знания), сопоставляют с шаманскими обрядами. Добровольное ритуальное мученичество имеет целью вызвать у себя экстатическое состояние, т. е. является формой камлания.

140. *Бестла* — мать Одина и дочь великана Бёльторна.

Одрёрир — см. прим. к строфе 107.

142. *Хрофт* — Один.

...их окрасил...— Руны окрашивались кровью.

144. *Умеешь раздать* — разделить принесенных в жертву животных и раздать присутствующим (?).

145. *Тунд* — Один.

151. *...корнями вздумал вредить мне* — нарезав на корне магические руны.

156. *...в щит я пою...*— Это место сопоставляют с известным местом у Тацита, где рассказывается, что германские воины пели в щит, что называлось barditus.

158. *...водою младенца могу освятить...*— Обычай опрыскивать младенца водой при наречении имени существовал и до введения христианства.

160. *Тьодрёрир* — имя карлика.

Деллинг — отец дня (см. стр. 206, строфа 25).

162. *Лоддфафнир* — ср. строфы 112 след.

РЕЧИ ВАФТРУДНИРА

Сюжет этой песни — состязание в мудрости, в котором побежденный расплачивается жизнью. В последнее время господствует мнение, что она возникла в языческую эпоху (в X в.). Сюжет песни имеет много фольклорных параллелей, а сама ее форма, по-видимому, отражает обучение учеников жрецом и восходит к ритуальному диалогу, в котором симметричность вопросов и ответов и их нумерация — мнемотехнические приемы.

Вафтруднир — имя великана. Буквально — «сильный в запутывании». Считалось, что великаны вообще сильны в древней мудрости, поскольку они древнее богов.

2. *Отец Ратей* — Один.

5. *Игг* — «страшный», одно из имен Одина.

Отец Има — Вафтруднир.

8. *Гагнрад* — «правящий победой».

10. Строфа похожа на строфы 27—29 в «Речах Высокого».

12. *Скинфакси* — «с сияющей гривой».

14. *Хримфакси* — «с гривой, покрытой инеем».

18. *Сурт* — см. прим. к «Прорицанию вёльвы».

21. *Имир* — древнейший великан. Боги убили его и создали мир из его тела.

27. *Виндсваль* — «холодный как ветер».

Свасуд — «мягкий, ласковый».

29. *Аургельмир* — другое имя Имира (?).

31. *Эливагар* — «бурные волны».

37. *Хресвельг* — «пожиратель трупов».

38. *Ньёрд* — славящийся своим богатством бог мореплавания, рыболовства, охоты. Первоначально — бог плодородия, как все боги из рода ва-

нов (см. прим. к «Прорицанию вёльвы»). Имя его тождественно имени богини плодородия Нерты, которая, по словам Тацита, почиталась германцами в начале нашей эры. В мифе о нем есть пережитки матриархата: Фрейр и Фрейя — его дети от брака с родной сестрой.

39. *Ваны* — см. прим. к «Прорицанию вёльвы».

41. *Эйнхерии* — герои, взятые Одином в Вальгаллу.

43. *Нифльхель* — Хель, преисподняя.

44. *Зима великанов* — зима, которая будет предшествовать гибели богов. Она будет длинна, как три зимы, и ее переживет только одна человеческая пара.

45. *Лив и Ливтрасир* — «жизнь» и «пышущий жизнью».

46. *Волк* — Фенрир, см. прим. к «Прорицанию вёльвы».

47. *Альврёдуль* — «светило альвов», солнце.

Смысл строф 48 и 49 неясен.

50. *Пламя Сурта* — мировой пожар, который произойдет во время гибели богов.

51. *Видар и Вали* — сыновья Одина.

Асгард — жилище асов (богов).

Моди и Магни — сыновья Тора.

Мьёлльнир — молот Тора. Слово это, вероятно, одного корня с русским словом «молния».

Вингнис — Тор.

54. *Сыну* — Бальдру. Ср. прим. к «Прорицанию вёльвы».

РЕЧИ ГРИМНИРА

Эта песнь имеет то общее с предшествующей, что ее основное содержание — различные мифологические сведения, сообщение которых мотивируется в обрамляющем рассказе. Но только здесь обрамление — в прозе, а основная часть не в вопросах и ответах, а в монологе Одина (Гримнира). Обрамляющий рассказ о двух братьях известен также из «Истории лангобардов» Павла Диакона (VIII в.) и имеет параллели в «Илиаде» и в сказках разных народов. Песнь обычно относят к концу языческой эпохи. Непоследовательность в нумерации строф 23—24 отражает перестановку в издании С. Бюгге.

Хлидскьяльв — престол в Вальгалле, на котором только Один и его жена Фригг смеют сидеть. *Гримнир* — «скрывающийся под маской», одно из имен Одина.

4. *Трудхейм* — «жилище силы».

5. *Идалир* — «долины тисов». Из тиса делались луки, а лук — атрибут бога Улля.

Улль.— Топонимика показывает, что культ этого бога имел когда-то большое распространение в Швеции и Норвегии, но к эпохе заселения Ислан-

дии он был оттеснен культом Одина. Поэтому в исландских памятниках он очень неясная фигура. Атрибутами его называют щит, лук и лыжи.

Альвхейм — — «жилище альвов».

6. *Третий* — четвертый (?). Здесь какая-то путаница.

Асом — Одином (?)

7. *Сёккабекк* — «погруженная скамья».

Сага — Фригг. Со словом «сага» (saga) это имя (Sága) не имеет ничего общего.

8. *Гладсхейм* — «жилище радости».

Хрофт — Один.

11. *Трюмхейм* — «жилище шума».

Тьяци — см. прим. к «Песни о Харбарде».

Скади — жена Ньёрда, покровительница охоты. Атрибуты ее (так же как и бога Улля) — лук и лыжи. Первоначально она, вероятно, была богиней плодородия в ее зимней ипостаси.

12. *Брейдаблик* — «широкий блеск».

13. *Химинбьёрг* — «небесные горы».

14. *Фолькванг* — «поле войска».

15. *Глитнир* — «блестящий».

Форсети — «председатель тинга». Бог этот был известен еще в Норвегии, куда его культ проник, по-видимому, от фризов (ср. фризское Fosite).

16. *Ноатун* — «корабельный двор».

Ньёрд — см. прим. к «Речам Вафтруднира».

17. *Видар* — сын Одина, который отмстит за него во время гибели богов, см. стр. 189, строфа 55, и стр. 209, строфа 53.

Герой — Видар.

18. *Андхримнир* — имя повара в Вальгалле. Так же как *Сехримнир* (имя вепря, который оживает каждый раз после того, как он съеден обитателями Вальгаллы) и *Эльдхримнир* (название котла, в котором варят этого вепря), происходит от слова «hrím» — «сажа».

19. *Гери* и *Фреки* — «жадный» и «прожорливый», имена волков Одина.

20. *Хугин* и *Мунин* — производные от «huga» — «думать» и «muna» — «помнить», имена воронов Одина.

21. *Тунд* — «вздувшаяся», река, окружающая Вальгаллу.

Тьодвитнира рыба — мировой змей Ёрмунганд (?). *Тьодвитнир* — волк Фенрир.

22. *Вальгринд* — «ворота мертвых», название ворот Вальгаллы.

24. *Бильскирнир* — название жилища Тора.

... *мой сын* — Тор.

23. *Схватка с Волком* — во время гибели богов.

25. *Лерад* — ясень Иггдрасиль.

26. *Эйктюрнир* — «с дубовыми кончиками рогов».

Хвергельмир — «кипящий котел», источник в Нифльхейме.

Большая часть названий рек в строфах 27—29 понятна (так, *Сид* —

«медленная», *Вид* — «широкая», *Сёкин* — «спешащая вперед», *Эйкин* — «бушующая», *Свёль* — «холодная», *Гейрвимуль* — «кишащая копьями», *Сильг* — «глотающая», *Ильг* — «волчица», *Лейфтр* — «молния» и т. д.). Но есть среди них и такие, как *Рейн* и *Вина* (Двина?)

29. *Мост асов* — радуга. Называется также Бильрёст или Биврёст — «трясущаяся дорога».

Все имена коней в строфе 30 понятны: *Гюллир* — «золотистый», *Глад* — «веселый», *Глер* — «светящийся», *Скейдбримир* — «фыркающий на бегу», *Синир* — «жилистый», *Сильвринтопп* — «с серебристой холкой», *Фальхофнир* — «с копытами, покрытыми волосами», *Гисль* — «сияющий», *Гультопп* — «с золотистой холкой», *Леттфети* — «легконогий».

32. *Рататоск* — «грызозуб».

Нидхёгг — черный дракон, о котором говорится в строфах 39 и 66 «Прорицания вёльвы».

Значения имен оленей в строфе 33 неясны. *Даин* и *Двалин* — также имена карликов.

Не все значения имен змей в строфе 34 ясны. Характерны: *Грабак* — «серая спина», *Офнир* — «свиватель», *Свафнир* — «усыпитель».

Не все имена валькирий, которые приводятся в строфе 36, понятны. Наиболее характерны: *Хильд* — «битва», *Труд* — «сила», *Гейр* — «копье».

37. *Арвак* и *Альсвинн* — «ранний» и «быстрый», имена коней, которые тащат солнце. Кузнечные меха, положенные им под плечи, должны, по-видимому, раздувать солнце.

38. *Свалин* — «охладитель».

39. *Сколль* — «обман».

Хати — «ненавистник».

Хродвитнир — волк Фенрир.

42. В этой строфе Один просит освободить его от пытки огнем и убрать котлы, висящие под дымовым оконцем и заслоняющие небо.

43. *Ивальда отпрыски* — карлики (?).

44. *Скидбладнир* — «построенный из дощечек». Чудесный корабль, который всегда имеет попутный ветер и может стать таким маленьким, что умещается в кармане.

Слейпнир — «быстро скользящий», восьминогий серый конь Одина.

Бильрёст — см. прим. к строфе 29.

Браги — бог поэзии, также имя норвежского скальда IX в., стихи которого сохранились.

Хаброк — «длинные чулки» (намек на оперение на ногах ястреба).

Гарм — см. стр. 187, строфа 44.

45. *Пир Эгира.*— У морского великана Эгира обычно пируют боги. Ср. стр. 228.

46. *Звался я Грим...*— Отсюда начинается перечень из 54 имен Одина. Он продолжается в строфах 47—50 и 54. Имена эти отражают различные атрибуты и свойства Одина: его одноглазость, его длинную седую бороду, его низ-

ко надвинутую шляпу, его воинственность, его мудрость, его коварство, его изменчивость и многоликость, его искусность в колдовстве. Но значение некоторых из этих имен неясно или спорно. Неясно также, на какие случаи из своей жизни намекает Один в строфах 49 и 50, упоминая Асмунда, тасканье саней, Сёккмимира и Мидвитнира.

52. *...друг тебя предал* — твой бывший друг, т. е. Один, замышляет твою гибель.

53. *Игг получит мечом пораженного* — ты будешь поражен мечом как жертва Одину. *Игг* — «ужасный».

...разгневаны дисы — от тебя отвернулись твои духи-защитники.

ПОЕЗДКА СКИРНИРА

Сюжет песни — история любви бога Фрейра к Герд, дочери великана Гюмира. Высказывалось предположение, что «Поездка Скирнира» — это культовая языческая песнь, которая исполнялась во время весеннего праздника соединения бога солнца с богиней земли. Вершину действия образует в песни заклятье, которое произносит Скирнир, чтобы заставить Герд полюбить Фрейра (строфы 26—36 и особенно 32—36). По общему мнению, это заклятье повторяет те заклятья, которые бытовали в устной традиции в языческие времена.

Скирнир значит «сияющий». *Скади* — см. прим. к «Речам Гримнира».

4. *Светило альвов* — солнце.

16. *Брата убийца.*— По предположению одних, братом Герд был пастух, которого надо было убить, чтобы проехать сквозь «полымя мрачное». В таком случае в песни не хватает сообщения о его убийстве. Другие предполагают, что братом Герд был великан Бели, которого убил Фрейр.

19. *Одиннадцать яблок.*— По-исландски выражения «одиннадцать яблок» и «яблоки жизни» (т. е. омолаживающие яблоки) похожи. Здесь, возможно, описка. Такие яблоки жизни были у богини Идун.

21. Речь идет о кольце Драупнир («ка́патель»), которое было положено Одином на погребальный костер его сына Бальдра и послано Бальдром назад Одину через Хермода.

28. *Сторож богов* — Хеймдалль (см. прим. к «Прорицанию вёльвы»).

31. *...волчец, // что под камень кладут, жатву закончив.*—Обычай закладывать волчец (чертополох) под камень существовал в Эстонии и, по-видимому, некогда в Норвегии, но едва ли в Исландии (где не было хлебопашества).

34. *Суттунга семя* — великаны. Суттунг — имя одного великана.

35. *Хримгримнир* — имя какого-то «великана инея».

36. «*Турс*» — названье руны.

...но истреблю их...— т. е. соскоблю руны и тем самым уничтожу их волшебную силу.

«Песнь о Харбарде» принадлежит к так называемым песням-перебранкам. Перебраниваются в данной песни два персонажа: Тор в виде странника с корзиной на плечах и перевозчик, в котором нетрудно узнать Одина, хотя он называет себя Харбард (что значит «седая борода»). Реалистическому содержанию песни соответствует ее небрежная форма: таких свободных строф, таких неправильных строчек, подчас переходящих в прозу, нет ни в одной другой песни «Старшей Эдды». Большинство исследователей относит «Песнь о Харбарде» к языческой эпохе.

С востока — из страны великанов.

3. *Селедки с овсянкой* до сих пор часто употребляются в пищу на норвежском побережье.

8. *Хильдольв* — имя вымышленного персонажа, как и другие имена, которые называет Один (в строфах 16 и 20). Тор, напротив, называет своих действительных родичей и противников.

9. *...хоть я средь врагов* — в стране великанов (Тор находится в ней, пока не переправится через пролив).

14. *Хрунгнир* — великан, которого убил Тор.

18. *...веревку они из песка свивали, // землю копали в глубокой долине* — предпринимали невозможное, а именно противились Одину.

19. *Тьяци* — великан, сын Альвальди. В «Младшей Эдде» рассказывается, что боги убили Тьяци, а Один бросил его глаза в небо, и они превратились в две звезды. Но в «Перебранке Локи» рассказывается, что его убил Тор с помощью Локи.

20. *Ночные наездницы* — женщины-тролли, ведьмы.

22. *Срежь ветви дубка — другой разрастется* — пословица.

24. *Валланд* — в данном случае «страна полей битв».

...у Одина — ярлы... у Тора — рабы.— Один говорит так, чтобы унизить Тора. Но из его слов нельзя делать вывод, что Один был богом ярлов, а Тор — рабов.

26. *...со страху ты раз залез в рукавицу...*— В «Младшей Эдде» рассказывается о том, как Тор однажды заночевал со своими спутниками в рукавице великана Скрюмира (или Фьялара), приняв ее за дом, а храп великана — за землетрясение. Там же рассказывается о том, что Скрюмир так крепко завязал ремень на мешке с припасами, что Тор не мог его развязать. Вместо «греметь» — в подлиннике более сильное выражение.

29. *Сваранга дети* — великаны. Сваранг — имя одного великана.

37. *Жены берсерков* — великанши (?). Берсерки — свирепые и неуязвимые воины.

Хлесей — остров Лесё в Каттегате.

39. *Тьяльви* — слуга Тора.

В словах Одина в строфах 42, 44 и 46 есть какие-то намеки, смысл которых утерян.

48. *Сив* — жена Тора.

52. *Асатор* — Тор.

53. *Отец Магни* — Тор.

56. *Верланд* — «страна людей».

Фьёргюн — мать Тора.

ПЕСНЬ О ХЮМИРЕ

В этой чисто повествовательной песни использованы первоначально не связанные между собой мифы (о том, как Тор добыл котел для варки пива, о том, как он ловил мирового змея, и о том, как охромел его козел) и сказочные мотивы (красавица, помогающая герою, и кубок, который можно разбить только о лоб его владельца). По форме песнь во многих отношениях приближается к поэзии скальдов: в ней много кеннингов, замысловатых сложных слов, косвенной речи, синтаксических переносов из стиха в стих и даже из строфы в строфу. Песнь обычно считается поздней.

1. *...прутья кидали...*— На прутиках (или палочках) были вырезаны знаки (руны). Гаданье на таких жеребьевых палочках засвидетельствовано у германских племен в I в. н. э.

...глядели на кровь...— Гаданье на жертвенной крови тоже засвидетельствовано у древних германцев. В древнеисландских памятниках есть множество упоминаний о гаданье на крови жертвенных животных.

...вдоволь котлов у Эгира — но не для варки пива (см. ниже). Эгир — морской великан.

2. *Житель гор* — великан, Эгир.

...похожий на сына Мискорблинди...— Эгир и был сыном Мискорблинди.

Сын Игга — Тор. Игг — Один.

3. *Муж Сив* — Тор.

4. *Тюр* — однорукий бог, сын Одина (правда, в данной песни он — сын великана Хюмира, но считается, что в данной песни его происхождение забыто). Первоначально Тюр был богом войны и права, но уже давно его оттеснили Один и другие боги.

5. *Эливагар* — см. стр. 207, строфа 31.

7. *Эгиль* — вероятно, отец Тьяльви и Рёсквы, т. е. великан, о котором идет речь в строфе 38.

10. *Лес на щеках* — борода.

11. *Противник Хродра* — Тор. Хродр — великан.

Веор — «защитник».

14. *Тот, кто принес великаншам горе* — Тор.

15. *...в яму сложили печься их туши...*—способ приготовления пищи, распространенный у австралийских дикарей и т. д. (мясо завертывают в большие листья и кладут между раскаленных камней в яму, которую закапывают).

16. *Приятель Хрунгнира* — Хюмир. Хрунгнир — имя одного великана. *Хлорриди* — Тор.

19. *Высокая башня крепких рогов* — голова быка.

20. *Хозяин козлов* — Тор.

Родич обезьяны — Хюмир. Этот кеннинг считается признаком позднего происхождения песни. Обезьяна могла быть известна в Исландии только из христианской литературы.

22. *Убийца змея* — Тор. Он называется так потому, что убьет мирового змея во время грядущей гибели богов.

Пояс земли — мировой змей Ёрмунганд.

23. *Вершина волос* — голова. У змея она, правда, лишена волос, но данное выражение — кеннинг, а кеннинги очень условны.

Родич Волка — мировой змей.

26. *Козел волн* — ладья.

27. *Вепри прибоя* — киты.

31. *Основа шлема* — голова.

Податель пива — кубок.

33. *Корабль пива* — котел для варки пива.

34. *Отец Моди* — Тор.

36. *Киты лавы* — великаны. В Исландии наиболее дикая местность — это лавовые поля, поэтому считалось, что великаны живут там.

37. *Скакун постромок* — козел.

Строфы 37 и 38 имеют в виду миф о том, как охромел козел Тора. Будучи в гостях у одного великана, Тор зарезал своих двух козлов, и они были сварены и съедены, причем кости их надо было бросать на козлиные шкуры. Вопреки распоряжению Тора, Тьяльви, сын великана, сломал одну из козлиных бедренных костей, чтобы полакомиться мозгом. На следующее утро Тор освятил своим молотом шкуры с костями, и козлы ожили, но один из них хромал на заднюю ногу. Тор понял, что его распоряжение относительно козлиных костей было нарушено, и рассердился. Великану пришлось отдать Тору своих детей, Тьяльви и Рёскву, как выкуп. Миф этот рассказывается в «Младшей Эдде», но там ничего не говорится о том, что Локи был причиной несчастья.

38. *Житель лавы* — великан, в данном случае Эгиль (см. строфу 7).

ПЕРЕБРАНКА ЛОКИ

Основное содержание этой песни заключается в том, что Локи беспощадно и не стесняясь в выражениях разоблачает семь богинь и семь богов, собравшихся на пир у морского великана Эгира. Богов он обвиняет прежде всего в трусости и «женовидности» (половом извращении), а богинь — в нецеломудрии. Из всех песен «Старшей Эдды» эта песнь представляет собой наибольшее приближение к драматическому произведению. От другой песни-перебранки — «Песни о Харбарде» — эта песнь отличается большей закон-

ченностью композиции и строгостью метрической и строфической формы. Песнь эту большинство исследователей относило к языческой эпохе.

...только что было рассказано — в «Песни о Хюмире». *На востоке* — в стране великанов. *Браги* — см. прим. к «Речам Гримнира». *Идун* — богиня, обладающая омолаживающими яблоками. Буквально — «обновляющая» (?). *Тюр* — см. прим. к «Песни о Хюмире». *Ньёрд* — см. прим. к «Речам Вафтруднира». *Скади* — см. прим. к «Речам Гримнира». *Видар* — см. прим. к «Речам Гримнира». *Бюггвир и Бейла.*— Предполагают, что первый был покровителем посевов, а вторая — покровительница скотоводства. *Фимафенг* — «ловкий добытчик». *Эльдир* — «повар».

6. *Лофт* — Локи.

9. *...кровь мы смешали с тобою* — заключили побратимство.

10. *Отец Волка* — Локи. Он породил волка Фенрира с одной великаншей.

13. Локи хочет сказать, что у Браги не может быть коня и кольца, потому что сокровищами владеет только смелый.

16. *...родных и приемных.*— Родные дети Одина — асы, приемные его дети — Локи и ваны (т. е. Ньёрд, Фрейр и Фрейя).

17. О том, в чем Локи обвиняет Идун, ничего не говорится в других источниках. То же относится и к его обвинению Гевьон в строфе 20, Фрейи в строфе 32 и Скади в строфе 52.

20. *Гевьон* — богиня, о которой известно из датского сказания, что она отпахала от Швеции остров Зеландию плугом, запряженным четырьмя ее сыновьями, превращенными в быков.

23. То, в чем Один обвиняет Локи, неизвестно из других источников.

24. *Самсей* — датский остров Самсё к северу от Фюна. Что Один делал там, неизвестно из других источников. Во всяком случае, обвинение в колдовстве было так же оскорбительно, как обвинение в «женовидности», так как колдовство считалось женским делом.

26. *Видрир* — Один.

Вили и Ве — братья Одина, сыновья Бора и Бестлы. Снорри Стурлусон рассказывает, что однажды во время долгого отсутствия Одина Фригг была женой Вили и Ве.

34. По другим источникам, Ньёрд был заложником у ванов (см. прим. к «Прорицанию вёльвы»), но не у великана Хюмира.

35. *...сына родил я* — Фрейра.

36. *...с сестрою родной...*— О том, что Фрейр и Фрейя родились у Ньёрда от его брака с родной сестрой, рассказывают и другие источники, и это, вероятно, объясняется тем, что культ ванов — древних богов плодородия — восходит к эпохе матриархата.

38. *...что Фенрир отгрыз...*— Тюр положил свою руку в пасть волку Фенриру в залог того, что боги не обманут и отпустят Фенрира, но они его не отпустили, и он откусил руку Тюру. Таким образом, Тюр заплатил своей

рукой за обман, необходимый для обуздания злых сил. Миф этот имеет ряд параллелей и, возможно, восходит к эпохе индоевропейской общности.

39. *Хродрвитнир* — волк Фенрир. См. прим. к «Прорицанию вёльвы».

40. *От меня родила жена твоя сына...*— О жене Тюра ничего не известно.

42. *...меч свой...*— Меч Фрейра упоминается в «Поездке Скирнира» (стр. 216, строфа 8—9), но там ничего не говорится о том, что Герд, дочь Гюмира, получила этот меч.

Дети Муспелля — см. прим. к «Прорицанию вёльвы».

Мюрквид — «темный лес», пограничный лес где-то на юге.

43. *Ингунар-Фрейр* — «Фрейр владыка ингвеонов» (?). Ингвеоны — союз западногерманских племен. Культ Фрейра был распространен и у западных германцев.

44. *За жерновом* — на рабьей работе.

Хеймдалль — см. прим. к «Прорицанию вёльвы».

49. *...к скале тебя сына кишками боги привяжут* — ср. стр. 234.

50. *Тьяци* — отец Скади. См. прим. к «Песни о Харбарде».

54. *...когда б ты и впрямь была неприступной...*— Намек на то, что Сив изменила Тору, есть также в «Песни о Харбарде», стр. 223, строфа 48.

55. *Хлорриди* — Тор.

57. *Скала плеч* — голова.

58. *Сын Ёрд* — Тор. Ёрд — великанша, возлюбленная Одина. Буквально — «земля».

...с Волком сражаясь, что Одина сгубит — с волком Фенриром во время гибели богов.

60. *...ты в рукавице...*— см. прим. к «Песни о Харбарде».

61. *Гибель Хрунгнира* — молот Тора. Хрунгнир — имя великана, которого убил Тор.

62. *Скрюмира были крепки ремни...*— см. прим. к «Песни о Харбарде».

ПЕСНЬ О ТРЮМЕ

В песни рассказывается о том, как Тор вернул себе молот, который великан Трюм (что значит «грохот») похитил у него. Ни в каких других древних памятниках этот сюжет не представлен. Но он широко представлен в памятниках более поздней эпохи. Близкая параллель сюжета есть в одной эстонской сказке. По стилю и трактовке сюжета песнь эта очень близка к средневековым балладам.

1. *Винг-Тор* — Тор.

Строки 2 и 4 рифмуются в оригинале.

7. *Хлорриди* — Тор.

8. *...Фрейю в жены дадут мне.*— Фрейя привлекала внимание великанов как самая красивая из богинь.

13. *Ожерелье Брисингов* — знаменитое сокровище Фрейи (или Фригг), упоминаемое также в «Беовульфе». Брисинги — какие-то карлики.

16. *...голову пышным убором накроем* — остроконечным убором из полотна.

30. *Вар*—богиня, в данном случае освящающая брак. Буквально—«договор» (но неясно, не позднейшее ли здесь осмысление имени этой очень редко упоминаемой богини).

РЕЧИ АЛЬВИСА

Обрамлением песни является рассказ о том, как карлик Альвис (что значит «всемудрый»), посватавшись к дочери Тора в его отсутствие, встретился с вернувшимся домой Тором и тот различными вопросами задерживает Альвиса до восхода солнца и таким образом превращает его в камень (согласно поверью, при свете солнца подземные существа превращаются в камень). Основное содержание песни — ответы Альвиса. Некоторые относили песнь к языческой эпохе. Большинство, однако, считало, что песнь не древнее середины XII в. и представляет собой подражание «Речам Вафтруднира».

1. *Скамьи готовят* — для свадебного пира.

2. *Что бледен твой лик?* — Карлики бледны, потому что они подземные существа.

3. *Возничий* — Тор. Намек на его колесницу, запряженную козлами.

6. *Сидграни* — Один. Буквально — «длинная борода».

16. *Двалин* — имя карлика. Другом Двалина солнце называется иронически: оно обращает карликов в камень.

29. *Нёр* — ср. стр. 206, строфа 25.

30. *Ньёрун* — одна из богинь, о которых ничего не известно, кроме их имени.

34. *Сыны Суттунга* — великаны. Суттунг — имя великана. Таким образом, в этой строфе язык великанов фигурирует дважды.

ПЕСНЬ О ВЁЛУНДЕ

Песнь эта — нечто среднее между мифологическими и героическими песнями. С одной стороны, ее герой — волшебный кузнец Вёлунд, «властитель альвов», и сказание о нем не имеет никакой исторической основы. С другой стороны, действие песни локализовано в реальном мире. Вёлунд — сын «конунга финнов», а его противник Нидуд — «конунг в Свитьоде» (Швеции). В песни явно две фабулы: основная — сказание о мести волшебного кузнеца Вёлунда и побочная (начало песни) — сказка о девушках-лебедях, которые улетают от тех, кто их поймал. Сказание о Вёлунде было распространено не только в Скандинавии, но и у западных германцев. Песнь обычно считается одной из древнейших в «Старшей Эдде».

Ульвдалир — «волчьи долины». *Ульвсъяр* — «волчье озеро».

2. *Сванхвит* — «лебяжьебелая».

4. *Стрелок зоркоглазый* — Вёлунд.

8. *...одно кольцо утаили...*— Это кольцо жены Вёлунда (см. строфу 19). Нидуд отдает его своей дочери Бёдвильд, и поэтому она становится женой Вёлунда (см. строфы 26—28). Но некоторые исследователи предполагали, что это волшебное кольцо давало Вёлунду возможность летать и что он не мог подняться на воздух, пока не получил его обратно (ср. строфу 29).

14. *Поклажа Грани* — золото. Грани — конь Сигурда.

Рейна холмы отселе далеко — Рейн с его золотом отсюда далеко.

16. Речь идет о жене Нидуда.

29. *Теперь взлечу я на крыльях...*— О крыльях не было речи раньше. Высказывалось предположение, что и здесь речь идет не о крыльях, а о сухожилиях, которые ему подрезали люди Нидуда (см. строфу 17). Вместо «поднялся на воздух» (строка 6 этой же строфы) надо тогда читать «поднялся на ноги». Но тогда остается неясным смысл строф 37 и 38.

33. Смысл клятвы в том, что ладья, бортом которой Вёлунд клянется, потонет (щит не будет его защищать, конь споткнется под ним, меч поразит его самого), если он нарушит клятву. Ср. стр. 264—265, где раскрывается смысл клятвы.

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ УБИЙЦЕ ХУНДИНГА

Сказание о Хельги Убийце Хундинга — несомненно скандинавского (датского) происхождения. Судя по некоторым именам, историческая основа этого сказания — события V в. Географические названия (их очень много в песни) указывают, по-видимому, на Данию, южное побережье Балтики, южную Швецию, но многие из них явно выдуманы для украшения и стоят на границе с именами нарицательными: Химинфьёлль — «небесные горы», Сольфьёлль — «солнечные горы». По содержанию песнь приближается к хвалебным песням скальдов. Она приближается к поэзии скальдов и по стилю. Песнь обычно считается сравнительно поздней.

3. *Палаты луны* — небо.

4. *Нери сестра* — норна.

5. *Славный Ильвинг* — Сигмунд, отец Хельги и также Сигурда Убийцы Фафнира. Первоначально Ильвинги — датский род, но в этой песни они отождествлены с Вёльсунгами.

7. *...лук благородный герою вручил он.*— Вручение растения при передаче земель было символическим обрядом, а лук (которому приписывалась целебная и волшебная сила) считался благороднейшей из трав.

8. *Змея крови* — меч.

Брат Синфьётли — Хельги.

12. *Буря копий* — битва.

13. *Сходка мечей* — то же.

Мир Фроди — см. стр. 346.

Псы Видрира — волки. Видрир — Один.

14. *Мимир копий* — воин, в данном случае Хундинг. Мимир — один из асов.

20. *Убийца Исунга* — Хёдбродд. Кто такой Исунг, неизвестно.

21. *Сверканье моря* — золото.

23. *Хьёрлейв* — один из спутников Хельги.

26. *Шатер на носу.*— Такой шатер разбивали во время стоянки у берега и в нем спали.

28. *Сестры Кольги* — волны. Кольга — одна из дочерей морского великана Эгира.

29. *Дочь Эгира* — волна.

30. *Ран* — жена Эгира.

Олень моря — корабль.

32. *Гудмунд* — младший брат Хёдбродда.

33. *Червленый* (красный) *щит* — знак войны.

36. *...в груде камней ползал ты, корчась...*— На такие груды в Норвегии было принято бросать падаль, которую потом пожирали волки. Синфьётли, согласно сказанию, был одно время оборотнем и потом убил своего сводного брата.

42. *Жена Грани* — кобыла. Грани — конь Сигурда.

43. *Голльнир* — имя великана.

Имд — имя великанши.

48. *Хнифлунги* — в данном случае сыновья Гранмара. Но см. прим. к «Отрывку Песни о Сигурде».

53. *Желудь духа* — сердце.

55. *Ингви* — см. прим. к «Речам Регина».

ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ СЫНЕ ХЬЁРВАРДА

Песнь эта очень фрагментарна, и упоминаемые в ней лица, по-видимому, из разных сказаний. Как и в двух других песнях о Хельги, в ней есть викингские походы, перебранка героев, валькирия, покровительствующая герою, и много вымышленных географических названий. В песни настолько много прозы, что она похожа на сагу со стихотворными вставками.

Он прожил зиму...— Полагалось не открывать сразу цель посещения. *Ярла, который воспитывал...*— Знатным людям полагалось отдавать своих детей на воспитание менее знатным людям. *Большая птица.*— По-видимому, первоначально это была та самая птица, о которой говорилось в начале песни. Но эта сюжетная линия в песни забыта и не доведена до конца.

6. *Орел кричит рано*—герой должен смолоду проявить себя героем.

7. *...что дашь в придачу...*— Полагалось, чтобы тот, кто дает имя, сделал подарок.

9. *...на лезвие змей окровавленный лег, // другой обвивает хвостом рукоять.*— Речь идет о рисунке на лезвии и украшении на рукояти.

12. *Щиты на бортах...*— На боевых ладьях щиты воинов располагались в ряд вдоль бортов.

14. *...стоять на носу.*— На нос боевой ладьи ставили наиболее смелых и надежных воинов.

15. *Атли мне имя, дрожи, ужасайся...*— Игра слов: имя Атли и слабая форма прилагательного «ужасный» звучат одинаково.

Ночные всадницы — ведьмы.

29. *Руны смерти* — магические руны, вырезанные на оружии, чтобы придать ему губительную силу.

30. *...в камень... ты превратишься.*— См. прим. к «Речам Альвиса».

Йоль — языческий праздник, связанный с культом плодородия и праздновавшийся в середине зимы. Считалось, что злые силы особенно опасны в это время. *Она ехала на волке...*— Колдуний, ведьм и великанш всегда представляли себе верхом на волке. *Она предложила Хедину сопровождать его.*— Она была дух-двойник, или фюльгья (буквально «спутница») Хельги и, чувствуя приближение его смерти, искала себе другого хозяина. *Хедин дал обет жениться на Сваве...*— Такой обет заставила его дать женщина-тролль, которую он встретил в вечер под Йоль. В этом заключалась ее месть.

Духи-двойники.— Выше рассказывалось, что Хедина посетил один дух-двойник. Но, по-видимому, существовало поверье, что их может быть несколько у одного человека. *...оградил ореховыми ветвями...*— Так принято было огораживать площадку, предназначенную для поединка.

ВТОРАЯ ПЕСНЬ О ХЕЛЬГИ УБИЙЦЕ ХУНДИНГА

Песнь состоит из нескольких частей, связанных прозой. Выделяется своей законченностью конец песни (строфы 30—51) — смерть и возвращение Хельги с того света на свиданье с Сигрун. Мотив возвращения мертвого к своей возлюбленной, широко представленный в народных балладах и сказках, трактован здесь с эмоциональной силой, единственной в эддической поэзии. Различные части этой песни датируются различно. Перестановка в нумерации строф объясняется тем, что С. Бюгге, нумерации которого принято следовать в современных изданиях, переставил перебранку между Гудмундом и Синфьётли (строфы 19—24) на то место, где она по смыслу должна стоять.

Вёльсунги и Ильвинги — первоначально эти родовые названия не были тождественны: Вёльсунги — южногерманский род, Ильвинги — датский.

1. *...какого мужа убили воины.*— Речь идет, по-видимому, об отце Хельги, и, следовательно, в этом фрагменте представлена та форма сказания, в которой Хельги еще не сводный брат Сигурда и в которой он мстит Хундингу за убийство отца (не Сигмунда!).

Серый волк—Хельги, поскольку он Ильвинг (буквально—«волчонок»).

... *Хундинг думал — то Хамаль.*— Хельги выдал себя за Хамаля, сына своего воспитателя.

3. *Зерна молоть* — занятие рабынь.

...там они порезали скот...— Во время викингских походов принято было сгонять захваченный скот к берегу и там его резать. *Свава* — героиня «Песни о Хельги Сыне Хьёрварда».

6. *Хамаль* — так Хельги в шутку называет себя.

Хлесей — остров Лесё в Каттегате. Одно из немногих вполне конкретных географических названий в песнях о Хельги.

7. *Гусята валькирий* — вороны.

8. *...медведей убил я...*— т. е. воинов. Хельги говорит о совершенном им подвиге иносказательно, уклончиво.

Древняя песнь о Вёльсунгах.— Это название относится, по-видимому, к строфам 14—18. Но неясно, действительно ли эта часть песни древнее других ее частей.

...в Песни о Хельги.— См. «Первую Песнь о Хельги Убийце Хундинга», строфы 19 след.

...и это тоже уже было написано. — См. там же, строфы 33 след., и ср. ниже строфы 19 след. *...дал клятву Вёльсунгам.*— Он дал клятву в том, что отказывается от кровной мести за отца.

29. *...была ты нам Хильд.*— Хильд — героиня сказания о Хьяднингах, которая тоже была причиной распри между ее отцом и ее возлюбленным (но буквально Хильд — «битва», а также имя одной из валькирий). Каждой ночью, после дневного боя, Хильд оживляла своих воинов, павших в бою, и Сигрун в своем ответе намекает на это. Имя Хёгни, отца Сигрун, тоже из сказания о Хьяднингах.

21. *Палка битвы* — меч.

Фьётурлунд — «роща оков». Считается, что в этом названии сохранилась память о священной роще семнонов, в которую, по словам Тацита, нельзя было входить иначе как в оковах.

31. *...клятвы, которые дал ты когда-то Хельги...*— т. е. клятвы в том, что он отказывается от кровной мести за отца.

Лейфтр — река в Хель.

Унн—одна из дочерей морского великана Эгира. Буквально—«волна».

33. Указывалось, что эта клятва очень похожа на клятву в договоре князя Игоря с византийским императором: «да не ущитятся щиты своими, и да посѣчены будуть мечи своими» и «Аще ли же кто... преступить се, ...будеть достоин своим оружьем умрети» («Повесть временных лет», т. I. М.— Л., 1950, с. 35 и 39).

43. *Соколы Одина* — вороны.

44. *Роса смерти* — кровь.

45. *Роса горя* — слезы.

49. *Алая дорога* — окрашенное утренней зарей небо.

Бледный конь — в поверьях — предвестник смерти.

Сальгофнир — петух в Вальгалле, который будит утром обитающих там героев — эйнхериев.

50. *...идут на тинг сновидений* — ложатся спать.

Песнь о Каре.— Эта песнь не сохранилась, но пересказ ее содержания есть в исландских римах XVI в.

Фраккланд — страна франков, Франция. Возможно, что это след франкского происхождения сказания.

У Боргхильд был... брат, которого звали...— Здесь в рукописи выпущено имя брата Боргхильд. *«Выпей, сын!»* — Это место истолковывают и так, что Сигмунд якобы предложил сыну дать напиться усам, рассчитывая, что яд осядет в них. В «Саге о Вёльсунгах» говорится, что Сигмунд сказал так потому, что был пьян. *Какой-то человек* — перевозчик мертвых, Один.

ПРОРОЧЕСТВО ГРИПИРА

Эта песнь служит как бы введением к песням о Сигурде. Она дает обзор содержания всех песен о Сигурде. Песнь обычно считают самой поздней в «Старшей Эдде». Перечисление всех событий в жизни Сигурда мотивируется тем, что их предсказывает ему Грипир, его дядя. Сам Грипир нигде вне данной песни не упоминается. Предполагается поэтому, что он придуман при составлении сборника песен. Форма симметричных вопросов и ответов вызывает некоторые повторения и несообразности (см., например, прим. к строфе 42). Строфы 42—43 были переставлены С. Бюгге для симметрии вопросов и ответов.

15. *Конунга дочь* — валькирия, которую разбудил Сигурд. В этой песни она не отождествлена с Брюнхильд, т. е. восстановлена более ранняя форма сказания.

Убийца Фафнира — меч Грам.

23. *Бурю копий зовущий* — воин, герой.

35. *Готы* — в «Старшей Эдде» обычно южные народы или вообще воины. Но ср. прим. к «Гренландской Песни об Атли».

37. *Клятвы* — обет побратимства.

43. *Обе свадьбы вместе сыграют...*— Этот мотив есть только в «Песни о нибелунгах». Возможно, что он был в утерянных песнях «Старшей Эдды».

42. *Три ночи.*— Говоря о трех ночах, Сигурд как бы сам дополняет пророчество Грипира.

52. *Жилище солнца* — небо.

РЕЧИ РЕГИНА

В этой и двух следующих песнях сюжетом являются сказания о молодости Сигурда. Сказания эти южногерманского происхождения. Историческая основа их совершенно не известна. Во всех трех песнях о молодости Сигурда строфы «эпические» (восьмистрочные) чередуются со строфами «гномическими» (шестистрочными). «Гномические» строфы (они преобладают) не развивают действия, они содержат различного рода поучения. В изданиях «Старшей

Эдды» принято выделять «Речи Регина», «Речи Фафнира» и «Речи Сигрдривы» в самостоятельные песни. Но в сущности рукопись не дает для этого достаточного основания (в частности, названий этих в рукописи нет).

Хьяльпрек — отец отчима Сигурда. *...карлик ростом.*— А дальше («Речи Фафнира», строфа 38) он назван великаном. Это противоречие — след того, что сказание о воспитателе-карлике первоначально не было связано со сказанием о драконе.

1. *Пламя вод* — золото.

4. *Вадгельмир* — река в Хель.

...ушел в камень.— Представляли себе, что карлики живут в камнях.

5. *Густ* — предок Андвари или, возможно, он сам.

Братьям двоим — Фафниру и Регину.

Восьмерым героям — Сигурду, Готторму, Гуннару, Хёгни, Атли, Эрпу, Сёрли и Хамдиру.

11. *...за тебя отмстит!* — Фафниру отмстил Сигурд, и, следовательно, он должен был бы быть сыном дочери Люнгхейд. Но сказанием это не подтверждается.

13. *Битвы я жду от жадного волка* — распространенная поговорка.

14. *Ингви* — бог Фрейр. Но Фрейр был родоначальником шведских и датских конунгов (Инглингов), а не Вёльсунгов (родоначальником которых был Один). Следовательно, здесь Сигурд втянут в скандинавскую родословную.

Рейн — след южногерманского происхождения сказания.

15. *Эйлими* — дед Сигурда со стороны матери.

Некий человек — Один.

16. *Кони Ревиля* — корабли (Ревиль — какой-то морской конунг).

Кони паруса — то же.

17. *Деревья моря* — то же.

18. *Хникар* — одно из имен Одина.

Фенг или Фьёльнир — имена Одина.

20. *Древо меча* — воин.

23. *...к закатному солнцу.*— Запад вообще считался несчастливой стороной, восток — счастливой.

24. *Дисы* — норны, валькирии.

26. *Кровавый орел...вырезан сзади!* — Раскроена спина, ребра оттянуты вперед в виде крыльев и легкие вытащены наружу (способ предания смерти, практиковавшийся в некоторых случаях викингами).

РЕЧИ ФАФНИРА

К этой песни относится все сказанное о предыдущей песни. Фафнир, умирая, произносит поучения потому, что умирающему приписывались особые знания и особая сила (см. прозу после строфы 1). Сигурд задает Фафниру вопросы (на которые может ответить только умирающий) и тем самым не дает ему сказать что-либо опасное для него, Сигурда.

2. *Я зверь благородный...*— По-видимому, этими словами Сигурд зашифровал свое собственное имя.

...без матери.— Возможно, что это след первоначальной (южногерманской) версии сказания, по которой Сигурд воспитывался у чужих и не знал своих родителей. Но в строфе 4 уже представлена скандинавская форма сказания.

7. *...в неволе рожденный...*— Хьёрдис, мать Сигурда, после гибели Сигмунда, его отца, была захвачена в плен Альвом и родила сына у Хьяльпрека, отца Альва. Потом Альв женился на ней.

11. *Норн приговор у мыса узнаешь* — в виду земли (т. е. когда уже не будешь думать об опасности); по другому толкованию — у мыса, где находится вход в Хель.

14. *Мешать кровь* — сражаться.

Сурт —в данном случае представитель злых сил, которые уничтожат асов. Ср. прим. к «Прорицанию вёльвы», стр. 669.

15. *Бильрёст* — радуга, мост с земли на небо, который рухнет, когда наступит гибель богов.

31. *Игры валькирий* — битвы.

32. *Дарящий кольца* — конунг.

35. *Радовать ворона* — сражаться.

Волка узнаешь по волчьим ушам — пословица, в данном случае — предательский замысел Регина можно узнать по его словам.

36. *Ясень сраженья* — воин (Сигурд).

Вершина войска — вождь (Сигурд).

38. *Кольца* — золото, сокровища.

43. *Гибель ясеня* — огонь.

РЕЧИ СИГРДРИВЫ

И к этой песни относится все сказанное о «Речах Регина». Сюжет этой песни — встреча молодого Сигурда с валькирией, усыпленной Одином шипом сна (мотив сказки о спящей красавице). Валькирия и в этой песни не отождествлена с Брюнхильд. Большую часть песни занимают поучения в рунической и прочей мудрости (строфы 6—37). Поучения эти вложены в уста Сигрдривы потому, что она проснулась от долгого сна, во время которого ее душа могла, как полагали, скитаться по другим мирам и, следовательно, приобрести тайные знания. Есть в песни две строфы гимнического характера (3—4). Конец песни падает на лакуну в рукописи.

...и в ограде — знамя.— Оно, видимо, было на копье валькирии. *Будет выдана замуж* — перестанет быть валькирией, так как валькирии не выходили замуж.

5. *Клен тинга кольчуг* — воин. Тинг кольчуг — битва.

6. *Тюр* — бог войны и название руны «т».

7. *Руна Науд* — руна «н» (буквально — «нужда»).

9. *Дисы* — праматери.

14. *Стоял...*— подразумевается Один.

Голова Мимира — см. прим. на стр. 668.

15. *Бог света* — солнце.

Альсвинн и Арвак — кони, везущие колесницу солнца. См. стр. 213.

Убийца Хрунгнира — Тор.

Слейпнир — конь Одина.

16. *Браги* — бог поэзии.

След помогающий.— По-видимому, речь идет о руне, нанесенной на след отсутствующего человека и помогающей ему.

17. *Гунгнир* — копье Одина.

20. *Клен лезвия* — воин.

29. *Дерево битвы* — то же.

35. *Волчьи клятвы* — клятвы сына или брата убитого.

ОТРЫВОК ПЕСНИ О СИГУРДЕ

Сюжет этой и трех следующих песен — сказание о Брюнхильд и смерти Сигурда. Сказание это южногерманского (франкского) происхождения и известно особенно по «Песни о нибелунгах». Историческая основа этого сказания не поддается установлению. Исторически обосновываются в нем только имена Гуннара, Гьюки и Готторма. Но в данном сказании они не из истории, а из другого сказания (см. прим. к «Песни об Атли»). В «Отрывке Песни о Сигурде» сказание наиболее близко к первоначальной форме,— в частности, Брюнхильд еще не отождествлена с валькирией, разбуженной Сигурдом, и Сигурд убит в лесу, «к югу от Рейна» (единственное южногерманское географическое название, сохранившееся в песнях), а не в постели. Начало этой песни падает на лакуну в рукописи. По-видимому, конца песни тоже не хватает и последовательность строф нарушена (предполагаемая большинством издателей первоначальная последовательность строф указана нумерацией). Содержание лакуны восстанавливается по «Саге о Вёльсунгах». Оно сводится к следующему. Сигурд и Брюнхильд (она же разбуженная валькирия) обмениваются клятвами верности. Сигурд останавливается у Хеймира. Во время охоты ястреб Сигурда садится на окно Брюнхильд, Сигурд узнает ее, идет к ней, и они снова обмениваются клятвами. Гудрун, дочь Гьюки и сестра Гуннара, Хёгни и Готторма, видит вещий сон, отправляется к Брюнхильд, и та истолковывает ее сон. Гримхильд, мать Гудрун, дает Сигурду напиток забвения, и он забывает Брюнхильд, женится на Гудрун и заключает побратимство с ее братьями Гуннаром и Хёгни. Гуннар сватается к Брюнхильд, которая дала обет выйти замуж только за того, кто проедет через огненный вал, окружающий ее чертог, но он не может проехать через этот вал ни на своем коне, ни на коне Сигурда. Тогда Гуннар и Сигурд обмениваются обличьями, и Сигурд проезжает через огненный вал и проводит у Брюнхильд три ночи, но между ней и им лежит его обнаженный меч. Сигурд получает от Брюнхильд перстень,

возвращается обратно и снова меняется обличьями с Гуннаром. Гуннар женится на Брюнхильд, а Сигурд вспоминает о клятвах, которыми он когда-то обменялся с Брюнхильд. Во время купанья в реке Брюнхильд и Гудрун спорят о том, кто имеет право на место выше по течению, чей муж достойней, и Гудрун открывает Брюнхильд, что Сигурд, муж Гудрун, проехал через огненный вал, а не Гуннар, муж Брюнхильд, и показывает ей ее же перстень, который Сигурд, вернувшись из своей сватовской поездки к Брюнхильд, отдал своей жене Гудрун. В диалогах между Сигурдом и Гудрун, Гудрун и Брюнхильд, Брюнхильд и Гуннаром и особенно Брюнхильд и Сигурдом раскрывается обида и гнев Брюнхильд. Брюнхильд требует от Гуннара, чтобы он убил Сигурда, поскольку Сигурд обманул не только ее, но, по ее словам, и его. Гуннар советуется с Хёгни. Здесь начинается «Отрывок».

4. *...вороньего мяса...*— Готторма (который не был побратимом Сигурда, хотя тоже был братом Гудрун) кормили мясом волка, змеи и ворона, чтобы придать ему свирепость, необходимую для совершения убийства.

5. *Атли о вас клинки окровавит!* — Намек на будущие события. См. «Гренландскую Песнь об Атли».

16. *...я сон страшный увидела...*— Сон — вещий, см. «Песнь об Атли».

Нифлунги — в данном случае Гьюкунги, дети Гьюки. (Немецкое — нибелунги.) Первоначально, в южногерманском сказании, нибелунги — это карлики (альбы), сокровищем которых завладел Сигурд. Потом это название распространилось на тех, кто завладел сокровищем после смерти Сигурда, т. е. на Гуннара и Хёгни и весь род Гьюкунгов, а также на любой род героев. По народной этимологии также Хнифлунги.

18. *...клятве он верен...*— Таким образом, Брюнхильд берет назад свое обвинение Сигурда в том, что он обманул доверие Гуннара в те три ночи, которые он провел у нее в обличье Гуннара.

...убит в постели, спящий.— Так рассказывается в «Краткой Песни о Сигурде», «Подстрекательстве Гудрун», «Речах Хамдира», «Саге о Вёльсунгах» и «Младшей Эдде». *...убит в лесу.*— Так рассказывается во «Второй Песни о Гудрун», «Саге о Тидреке» и «Песни о нибелунгах». *...ехали на тинг, когда его убили.*— Эта версия возникла, по-видимому, в результате неправильного истолкования одного места из «Второй Песни о Гудрун».

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

Эта песнь — наиболее законченная из так называемых героических элегий в «Старшей Эдде». Содержание таких песен-элегий — одна трагическая ситуация из сказания и связанные с ней переживания и воспоминания героини. В данном случае это Гудрун скорбит над телом своего мужа Сигурда. Указывалось на близость данной песни (и вообще этого типа песен) к датским и немецким народным балладам на сходные сюжеты.

6. *Гунны.*— В «Старшей Эдде» так называются южные народы вообще. Сигурд называется «гуннским конунгом» и т. д., но ср. прим. к «Гренландской Песни об Атли».

14. *Жилье души* — грудь.

19. *Девы Одина* — валькирии.

24. *Семерых конунгов горе* — см. прим. к «Речам Регина», стр. 688.

25. *Атли тогда зло совершил...*— Подразумевается, что Атли принудил Брюнхильд принять сватовство Гуннара, когда Брюнхильд увидела Сигурда рядом с Гуннаром и полюбила его. Ср. «Краткую Песнь о Сигурде», строфы 35 след.

26. *Огонь ложа дракона* — золото.

КРАТКАЯ ПЕСНЬ О СИГУРДЕ

В этой песни подразумеваются те же события, что и в «Отрывке Песни о Сигурде», но трактуются они иначе: в центре внимания оказывается Брюнхильд и ее переживания. Речи занимают в этой песни во много раз больше места, чем повествование. Песнь эта (она одна из наиболее длинных в «Эдде») называется «краткой» потому, что существовала еще одна песнь о Сигурде — «Большая Песнь о Сигурде», которая была еще длинней и в которой речи играли еще большую роль. «Краткую Песнь о Сигурде» обычно считают наиболее поздней из песен на сюжеты из южногерманских сказаний. В нумерации строф отразилась перестановка, сделанная в издании Бюгге.

1. *Братьев обоих* — Гуннара и Хёгни.

4. *Сын Гьюки* — Гуннар.

12. *Волка кормить...*— Сын убитого врага считался опасным, как волк.

16. *Сокровище Рейна* — сокровище, которым завладел Сигурд, убив Фафнира, и которое впоследствии (но не Сигурдом, а Гьюкунгами!) было спрятано на дне Рейна.

18. *...вчетвером...*— Речь идет, по-видимому, о трех сыновьях Гьюки (Гуннаре, Хёгни и Готторме) и Сигурде.

Гуннский Бальдр войска — Сигурд. *Бальдр войска* — воин, герой.

24. *Друг Фрейра* — Сигурд.

25. *...братья твои живы еще!* — Сигурд утешает Гудрун тем, что у нее остались братья (несмотря на то, что именно эти братья были причиной его смерти!), потому что брат считался лучшей защитой сестры и смерть брата — наибольшим горем (ср. строфу 32).

35. *...вы, Гьюкунги... трое...*— Речь идет о Гуннаре, Хёгни и Сигурде. В следующих строфах подразумевается та же форма сказания, что и в строфах 25—26 «Первой Песни о Гудрун» (см. выше прим. к этой песни).

46. *Земля ожерелий* — женщина, Брюнхильд.

47. *...мертвых рабынь и служанок убитых...*— Они были убиты, чтобы последовать на погребальный костер за своей хозяйкой. Из ответа оставшихся служанок (строфа 50) следует, что Брюнхильд хотела подарками побудить их тоже последовать за ней на костер. Из строфы 70 следует, что всего было убито пять рабынь и восемь слуг.

52. *Сокровища Меньи* — золото. Ср. стр. 345.

54. В этой и следующей строфах Брюнхильд предсказывает события, о которых рассказывается во «Второй Песни о Гудрун», «Плаче Оддрун», «Песни об Атли» и «Подстрекательстве Гудрун».

69. *И пусть ему пяту не отрежет // дверь...*— Речь идет, по-видимому, о двери в Хель, которая опустится за ним.

ПОЕЗДКА БРЮНХИЛЬД В ХЕЛЬ

И эта песнь — героическая элегия, но только героиня здесь не Гудрун, а Брюнхильд (ср. прим. к «Первой Песни о Гудрун»). Брюнхильд отождествлена в этой песни с валькирией, усыпленной Одином и разбуженной Сигурдом, а пробуждение этой валькирии и сватовство Сигурда к Брюнхильд объединены в одно событие (ср. «Речи Сигрдривы» и прим. к ним). Песнь относят к наиболее позднему слою.

2. *Валланд* — в данном случае южные страны вообще.

Вар золота — женщина. Вар — имя одной богини.

6. *Конунг смелый наши одежды // восьми сестер под дубом схватил.*— Здесь в сказанье вплелся сказочный мотив девушек в лебяжьих рубашках (ср. начало «Песни о Вёлунде»)

7. *Хильд* — имя валькирии, буквально — «битва».

8. *Готский край* — см. прим. к «Пророчеству Грипира».

10. *Губитель дерева* — огонь.

11. *Пестун мой* — Хеймир. О нем упоминается в «Пророчестве Грипира», строфы 19, 27—29.

Викинг датский.— Неясно, в результате какой контаминации Сигурд назван так.

ВТОРАЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

И эта песнь — героическая элегия. Но форма эта не выдержана: местами речи персонажей развивают действие. Имена некоторых из персонажей (см. строфу 19) указывают на русско-скандинавские связи XI в. Ярицлейв — это явно Ярослав; Вальдар — возможно, Владимир; Эймод — Эймунд (об одном норвежце с этим именем в так называемой «Эймундовой саге» рассказывается, что он был предводителем варяжской дружины Ярослава Мудрого). Неясно, как эти имена попали в песнь. Есть в песни ряд бытовых сцен, которые всегда привлекали внимание историков культуры (это особенно относится к сценам женского вышиванья, строфы 14—16).

7. *Убивший Готторма* — Сигурд. См. «Краткую Песнь о Сигурде», строфы 22—23.

9. Гудрун намекает в этой строфе на будущую гибель Хёгни.

16. *Сигар* и *Сиггейр* — герои датского сказания.

Остров Фьон — Фюн (в Дании).

19. *Лангбард* — буквально — «длиннобородый», в данном случае, по-видимому, Атли.

...волосы темные...— признак их южного, возможно, гуннского, происхождения.

22. *Вереска рыба* — змея.

Несрезанный колос края Хаддинги — водоросль. *Край Хаддинги* — море. Другие толкователи считают, что край Хаддинги — это царство мертвых, и ставят запятую не после «рыба», а после «края». Получается — змея царства мертвых.

23. *Роса очага* — сажа.

28. *Сигмунд* — сын Гудрун от Сигурда.

29. *Чудовище трупов* — волчица.

31. *Тот, кто забавы мечей затевает* — воин, в данном случае Атли.

35. *Вальский* — чужестранный, буквально — кельтский, романский.

43. Смысл этой строфы неясен.

ТРЕТЬЯ ПЕСНЬ О ГУДРУН

В этой песни о Гудрун появляются два персонажа, нигде больше в «Старшей Эдде» не представленные, но известные по «Песни о нибелунгах» и другим немецким произведениям: *Тьодрек* (в немецкой героической поэзии — Дитрих Бернский, исторически — остготский король Теодорих, умерший в 526 г.) и *Херкья* (в немецкой поэзии — Хельха, жена Этцеля, исторически — Крека или Керка, жена гуннского короля Аттилы). Мотивы и персонажи немецкой героической поэзии скомбинированы в этой песни по-новому: Херкья — служанка Атли и его наложница, а не жена, и т. д. Сюжет песни — происки коварной любовницы против верной жены — характерен для средневековых народных баллад, но не для героической поэзии. Песнь обычно относят к наиболее позднему слою в «Старшей Эдде».

3. *Белый священный камень.*— Фаллические белые камни найдены в значительном количестве на западном побережье Норвегии. Возможно, что на них произносились некогда торжественные клятвы.

Сын Тьодмара — Тьодрек.

6. *Князь южан* — немецкий князь.

9. *...драгоценные камни.*— Взять из кипящего котла надо было камень или кольцо. О том, что этот камень должен быть драгоценным, нигде, кроме этой песни, не говорится.

ПЛАЧ ОДДРУН

Сюжет этой героической элегии не восходит к сказанию о нибелунгах, хотя некоторые события из этого сказания упоминаются в ней. Характерна, однако, сентиментальная трактовка, которую здесь получают эти события: Атли бросает Гуннара в змеиный ров в наказанье за связь с Оддрун, а не для того, чтобы завладеть сокровищем, и Гуннар играет в змеином рву на арфе, чтобы призвать на помощь Оддрун, а не для того, чтобы показать свое презрение к смерти. Песнь обычно относят к поздним. Непоследовательность в нумерации строф объясняется перестановками, которые С. Бюгге делал в своем издании.

1. *Дева* — Боргню.

Морналанд — в данном случае, видимо, то же, что Хуналанд ниже. Этимологически — Мавритания.

4. *Хуналанд* — южная страна вообще. Буквально — «страна гуннов».

8. *Убийца Хёгни.*— Следовательно, согласно данной песни, Вильмунд был дружинником Атли, вырезавшим сердце у Хёгни.

10. *...когда делили добычу конунги* — вероятно, когда умер Будли, отец Оддрун, и делили его наследство.

15. *Сын Гримхильд* — Гуннар.

18. *Обманные козни* — сватовство Сигурда в обличье Гуннара.

21. *Поклажа Грани* — золото.

26. *Красные кольца* — то же.

30. *Хлесей* — Лесё (остров в Каттегате).

32. *Но тут приползла...*— В данной песни, следовательно, мать Атли превращается в змею. В других песнях этого сказочного мотива нет.

ГРЕНЛАНДСКАЯ ПЕСНЬ ОБ АТЛИ

Сюжет этой и следующей песни — сказание о гибели Гуннара и Хёгни и смерти Атли. Сказание это южногерманского происхождения. Форма этого сказания в «Песни об Атли» древнее, чем в «Песни о нибелунгах». Основное отличие заключается в том, что в «Песни об Атли» Гудрун мстит своему мужу Атли за то, что он убил ее братьев Гуннара и Хёгни, тогда как в «Песни о нибелунгах» Кримхильда (Гудрун) мстит, наоборот, братьям за то, что они убили ее мужа Зигфрида (Сигурда). Более древняя форма сказания отражает мораль родового общества (братья ближе мужа), менее древняя — мораль феодального общества (муж ближе братьев). Исторической основой сказания считаются следующие факты, относящиеся к V в. В 437 г. гунны разрушили королевство бургундов на среднем Рейне, причем погиб король бургундов Гундихарий (исл. Гуннар, нем. Гунтер) «вместе со своим народом и родичами». Отца Гундихария звали Гибика (исл. Гьюки, нем. Гибих), а братьев — Годомар (исл. Готторм, нем. Готмар) и Гислахарий (нем. Гизельхер). В 453 г.

вождь гуннов Аттила (исл. Атли, нем. Этцель) умер от удара на ложе своей жены Ильдико (уменьш. от Хильд, откуда нем. Кримхильда, в исландском замененное на Гудрун). Исследователи обычно относят песнь к древнейшим в «Старшей Эдде». «Песнь об Атли» и «Речи Хамдира» (см. примечания к этой песни) — единственные песни в «Эдде», в которых племенные названия готов и гуннов обозначают конкретные народы, а не южные народы или воинов вообще. «Песнь об Атли» также единственная в «Эдде» песнь, в которой Аттила (Атли) изображен с готской точки зрения — как жестокий и жадный деспот. Обычно считается, что название «гренландская» перенесено на эту песнь по ошибке со следующей песни. Но ср. прим. к строфе 11. В нумерации строф отразилась перестановка, сделанная в издании С. Бюгге.

2. *Вальгалла.*— Так названы палаты Атли в данной песни (обычно Вальгалла — палаты Одина).

Предатели — посланцы Атли, гунны.

3. *Мюрквид* — буквально — «темный лес». В представлении исландцев — большой пограничный лес где-то на юге.

5. *Поле Гнитахейд.*— Один исландский памятник XII в. локализует это поле в Вестфалии. Но согласно сказанию — это поле, где дракон Фафнир лежал на своем золоте, и возможно, что в данном случае речь идет именно о золоте. Ср. ответ Гуннара.

Данп — Днепр.

7. *Кьяр* — в данном случае, вероятно, византийский император.

8. *Жена* — Гудрун.

10. *Фьёрнир* — слуга или дружинник Гуннара (?).

11. *...белых медведей...*— Некоторые считают это упоминание белых медведей доказательством того, что песнь эта действительно возникла в Гренландии. Другие исследователи не соглашаются с этим.

13. *Хунмарк* — «страна гуннов».

14. *Бикки* — советник Ёрмунрекка (см. стр. 327). Почему он здесь упоминается, непонятно. Возможно, что надо читать «Будли», а не «Бикки».

16. *...дал бы бледные трупы норнам оплакивать...*— убивал бы своих врагов.

18. *Друг бургундов.*— Это в «Эдде» единственное место, где сохранился след того, что гьюкунги были бургундами (см. выше). Не случайно в предыдущей строфе упоминается Рейн (на котором было королевство бургундов с центром в городе Вормсе, разрушенное гуннами). Слово, переведенное нами как «красные холмы», истолковывается так же как искаженное название Вормса.

20. *Властитель готов* — Гуннар. Готы и бургунды были близко родственными племенами, поэтому память о гибели бургундов могла сохраниться среди готов и бургунд Гундихарий, т. е. Гуннар, мог стать в их представлении «властителем готов».

21. Гуннар и Хёгни поклялись друг другу держать в тайне, где они спрятали сокровище, пока один из них знает, что другой жив.

30. *Камень Одина* — см. прим. к «Третьей Песни о Гудрун», стр. 694.

Конь ложа — дом.

Улль — см. прим. к «Речам Гримнира», стр. 673.

28². *Один битвы* — воин, в данном случае Гуннар.

31. *Кольца дарящий* — конунг.

33. *Звереныши, в сумрак ушедшие* — двусмысленно: приготовленные в пищу домашние животные и ею убитые сыновья.

36. *Мечи раздающий* — конунг.

37. *Эйтиль* и *Эрп* — сыновья Атли. Исторически сыновей Атли звали Эллак и Эрнак. Имя Эрп имеет немецкие соответствия.

39. *...капищ она не жалела...*— Капище было в то же время сокровищницей.

ГРЕНЛАНДСКИЕ РЕЧИ АТЛИ

У этой песни совершенно тот же сюжет, что и у предшествующей, но есть в ней новые детали. «Речи Атли» в два с половиной раза длиннее «Песни об Атли». Распространение произошло за счет увеличения количества речей, введения новых персонажей и новых сцен, замедления темпа действия, повторений, пояснений, размышлений. В песни есть реализм, необычный для песен «Эдды». Песнь обычно считается поздней. Многие считали, что песнь названа «гренландской» потому, что она действительно возникла в Гренландии, и ссылались на белого медведя в строфе 18, длинный переезд по морю и т. п. Другие предполагали, что песнь возникла в Гренланде — области на юго-востоке Норвегии. Но возможно также, что она возникла в Исландии. Скачки в нумерации строф объясняются тем, что С. Бюгге предполагал в этих местах пропуски.

4. *Руны нарезала...*— В «Песни об Атли» более древняя черта — Гудрун послала кольцо с волчьим волосом.

Лимфьорд — залив северной Ютландии. Таким образом, действие локализуется в Дании (?).

5. *...на столб их повесили.*— Подарено было, видимо, оружие, которое повесили, как было принято, на столбы в доме.

25. *Копий полет* — в данном случае охота.

28. *Умершие жены* — праматери, дисы.

31. *Нарядные* — жены Гуннара и Хёгни.

34. *Бера* — Костбера.

37. *...корабль не привязали* — чтобы отрезать себе путь к отступлению и тем самым биться до последней капли крови. Аналогичный мотив есть в «Песни о нибелунгах».

56. *...сестру ввергла в Хель...*— была причиной смерти Брюнхильд.

62. *Хранитель котла* — повар. В сцене с поваром снижение героического стиля достигает максимума.

66. *Ветви подошвы* — пальцы на ноге.

88. *Хнифлунг* — сын Хёгни. В «Эдде» он больше нигде не упоминается, но он есть в нижненемецких и фарерском источниках.

98. *Было нас трое...*— Гуннар, Хёгни и Гудрун. О том, что они вместе с Сигурдом ходили в викингский поход (который описывается в строфах 98—99), нигде, кроме этой песни, не говорится.

99. *Херсиры* — племенные вожди в Норвегии до образования государства.

100. *Князь гуннов* — Сигурд.

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО ГУДРУН

Большая часть этой песни представляет собой обзор прошлого в форме монолога героини, т. е. героическую элегию. Ситуация в ее начальных строфах совпадает с начальной ситуацией в «Речах Хамдира». Обычно предполагают заимствование из «Речей Хамдира». Однако возможно, что сходные строфы в этих двух песнях восходят к одному источнику, но сохранились в разных устных традициях. Песнь обычно считается поздней.

Сёрли, *Эрп и Хамдир* — см. прим. к «Речам Хамдира».

3. *Гуннские конунги* — см. прим. к «Первой Песни о Гудрун», стр. 692.

4. *Подвиг Хёгни* — см. прим. к «Речам Хамдира», стр. 699.

6. *Тинг мечей* — битва.

РЕЧИ ХАМДИРА

Сюжет этой песни — древнейшее из героических сказаний, представленных в «Старшей Эдде». Историческая основа этого сказания — события IV в. Историк Аммиан Марцеллин рассказывает (ок. 390 г.), что король остготского царства у Черного моря Эрманарих (исл. Ёрмунрекк) в 375 г. покончил с собой из страха перед нашествием гуннов. Готский историк Йордан сообщает (в середине VI в., и, может быть, уже на основе готской героической песни), что братья из племени росомонов, Сарус и Аммиус, напали на Эрманариха и пронзили ему бок мечом, мстя за свою сестру Сунильду (исл. Сванхильд), которую Эрманарих велел привязать к хвостам коней и разорвать на части в наказание за ее измену мужу. Сказание это известно также из ряда более поздних скандинавских и немецких источников. По-видимому, уже в Скандинавии это сказание связали со сказанием о Сигурде и Гьюкунгах. Сванхильд — дочь Сигурда, Гудрун — мать Сванхильд, а также Хамдира и Сёрли. Нумерация строф в нашем переводе отражает перестановку в издании Бюгге. Песнь обычно считают одной из наиболее древних в «Старшей Эдде». Предполагают, что она имела готский прообраз. Может быть, след этого — то, что и в этой песни (как и в «Песни об Атли») племенное название готов имеет вполне конкретное значение.

6. *Подвиг Хёгни* — убийство Сигурда. В других песнях «Старшей Эдды» Сигурда убивает Готторм, но в немецких сказаниях его убивает Хаген (Хёгни).

12. *Хитрец* — Эрп. См. прим. к строфе 22.

Черныш — намек на иноплеменное (возможно, гуннское) происхождение Эрпа.

15. *Ножен железо* — меч.

Великанша — Хель, т. е. смерть.

17. *Сын сестры* — Рандвер. По «Саге о Вёльсунгах» он — пасынок Сванхильд, сестры Хамдира и Серли, и сын Ёрмунрекка (ср. стр. 327).

22. *Славная* — Гудрун (?).— Если дальше следует обращение Гудрун к Эрпу, то строфа была бы больше на месте перед строфой 14. Гудрун, вероятно, велит Эрпу помочь Хамдиру и Сёрли и говорит ему, что справиться с Ёрмунрекком могут только трое (двое отрубят руки и ноги, а третий — голову; ср. строфу 24). Она должна бы также предупредить его, что им нельзя позволить Ёрмунрекку заговорить (ср. строфу 26), так как он может открыть, что их доспехи заколдованы против железа, но не против камня (ср. строфу 25). Все эти мотивы были, вероятно, использованы в несохранившихся строфах.

29. *Псы норн* — волки.

СНЫ БАЛЬДРА

«Сны Бальдра» по форме ближе всего к тем мифологическим песням, которые состоят из вопросов и ответов. Но по содержанию эта песнь всего ближе к «Прорицанию вёльвы». Собственно говоря, песнь эта и представляет собой прорицание вёльвы, которую Один поднял из могилы, чтобы узнать судьбу своего сына Бальдра. Большинство исследователей считает песнь поздней.

1. *Бальдр* — см. прим. к «Прорицанию вёльвы», стр. 666.

2. *Гаут* — одно из имен Одина. Гауты — скандинавское племя. Страна, где они жили, называлась Гаутланд (современное Ёталанд в Швеции).

Слейпнир — «быстро скользящий», восьминогий конь Одина.

Нифльхель — Хель, царство смерти.

...встретил он пса...— пса Гарма, стерегущего вход в Хель.

3. *Отец колдовства* — Один.

6. *Вегтам* — «привыкший к пути».

Вальтам — «привыкший к бою».

7. *...накрыт он щитом.*— Сваренный напиток было принято накрывать чем-нибудь, чтобы его не «сглазили».

9. *Хёд* — см. прим. к «Прорицанию вёльвы», стр. 667.

Дерево славы — Бальдр.

11. *Ринд в западном доме Вали родит...*— Богиня Ринд родила сына Вали от Одина, и в возрасте одного дня Вали отомстил за Бальдра. И Ринд и Вали упоминаются только в связи с местью за Бальдра.

12. *...кто эти девы, что будут рыдать, // края покрывал в небо бросая.*— Один придает своему вопросу о том, кто будет оплакивать Бальдра, форму

загадки, и по этой загадке вёльва его узнает (ср. «Речи Вафтруднира», строфы 54—55). Но почему эту загадку может сказать только Один, непонятно. Решение загадки, по-видимому,— «волны».

14. *...пока свои узы Локи не сбросит...*— Гибель богов должна начаться с того, что Локи сбросит с себя свои узы.

ПЕСНЬ О РИГЕ

В «Песни о Риге» рассказывается о том, как три социальных слоя — рабы, бонды (свободные земледельцы) и ярлы (знать) — произошли от некоего Рига, который в прозаическом введении к песни отождествляется с богом Хеймдаллем. В несохранившемся конце песни, вероятно, рассказывалось о том, как Кон, сын ярла, победил Дана и Данпа, женился на Дане, дочери Данпа, и стал таким могучим, что от его имени произошел титул короля (пересказ конца песни сохранился в двух исландских источниках). По-видимому, конечная цель песни — возвеличить какого-то короля, создав ему мифическую родословную. Большой культурно-исторический интерес представляют чрезвычайно точные и конкретные описания одежды, пищи и занятий разных сословий, обильно представленные в песни. Время и место возникновения «Песни о Риге» определялись очень различно. Скачок в нумерации строф объясняется тем, что Бюгге предполагал пропуск после строфы 17.

Хеймдалль — см. прим. к «Прорицанию вёльвы», стр. 665. В самой песни ничего не говорится о том, что Риг — это Хеймдалль. Поэтому некоторые исследователи считали это отождествление ошибкой и утверждали, что Риг — это Один. Однако в «Прорицании вёльвы» Хеймдалль называется отцом людей, а Риг — тоже отец людей, судя по данной песни.

2. *Прабабка.*— В оригинале — «edda». Слово это встречается в значении «прабабка» только здесь.

4. *..и лучшее лакомство...— мясо телячье...*— Обычно предполагают, что эти две строки попали в данную строфу по ошибке из несохранившейся строфы 18.

7. *...водой окропили...*— Окропление младенца при наречении имени — языческий обряд.

Трэль — «раб».

10. *Тир* — «рабыня».

12. Имена сыновей Трэля и Тир значат примерно «скотник», «грубиян», «обрубок», «лентяй», «вонючий», «сутулый» и т. п.

13. Имена дочерей Трэля и Тир значат «пузатая», «толстоногая», «болтушка», «оборванка» и т. п.

16. *Наплечные пряжки.*— По данным археологических находок, такие пряжки носили в Скандинавии только до 1000 г.

21. *Карл* — «мужчина», «старик», также «свободный, не имеющий наследственной земли», т. е. «батрак» и т. д.

23. *Снёр* — «сноха».

24. Имена сыновей Карла и Снёр значат примерно «парень», «мужчина», «житель», «широкий», «бородатый» и т. п.

25. Имена дочерей Карла и Снёр значат примерно «женщина», «жена», «невеста», «хозяйка» и т. п.

34. *Ярл* — нечто вроде герцога в скандинавских королевствах. Первоначально — высший представитель родовой знати.

38. *Запястья рубил* — раздавал золото.

39. *Эрна* — «умелая».

41. Имена сыновей Ярла и Эрны значат примерно «сын», «ребенок», «наследник», «отпрыск» и т. п. В частности, Кон значит «отпрыск», а сочетание «Кон юный» (Konr ungr) в оригинале созвучно слову «король» (konungr).

48. *Дан* и *Данп* — легендарные предки датских королей. Имя Дан произведено от «Дания», а Данп — это занесенное от готов название Днепра. Возможно, впрочем, что и Дан — это искаженное название Дона (в готских сказаниях Дон и Днепр упоминались вместе).

ПЕСНЬ О ХЮНДЛЕ

Основное содержание этой песни — генеалогические сведения. Обрамлением для них служит следующая ситуация: Фрейя будит великаншу Хюндлу (буквально «собачку»), едет с ней в Вальгаллу и расспрашивает ее о предках некоего Оттара, которому она покровительствует. Оттару (Фрейя превратила его в вепря, на котором она едет верхом) нужно знать свою родословную, чтобы выиграть спор с неким Ангантюром и таким образом получить наследство. В заключение Фрейя просит Хюндлу дать Оттару напиток памяти, но Хюндла разражается бранью. Родословная Оттара содержит около 70 имен. Они частично из героических сказаний, частично вымышлены, но большинство их из подлинных западнонорвежских родословных. Поэтому, по всей вероятности, Оттар — это какой-то западнонорвежский вождь. Большинство исследователей считает, что песнь возникла не раньше XII в. Строфы 29—44 представляют собой, в сущности, самостоятельное произведение, которое принято называть «Кратким Прорицанием вёльвы». «Краткое Прорицание вёльвы» представляет собой явное подражание «Прорицанию вёльвы» и обычно относится к XII в. Содержание ее — генеалогические сведения о богах и великанах.

2. *Отец Ратей* — Один.

Хермод.— Неясно, идет ли здесь речь о боге Хермоде или о каком-то герое с этим же именем. Бог Хермод упоминается только в связи с мифом о Бальдре (см. прим. к «Прорицанию вёльвы», стр. 667).

Сигмунд — отец Сигурда и сын Вёльсунга. Один вонзил меч в дерево, которое стояло в доме Вёльсунга, с тем чтобы этим мечом владел тот, кто сможет его выдернуть. Это удалось только Сигмунду, который с тех пор всегда

сражался этим мечом, пока тот в последней битве Сигмунда не сломался о копье Одина.

5. *Волка... выведи...* — Волки считались конями великанш и ведьм.

7. *Хильдисвини* — «боевой вепрь».

9. *Вальский металл* — золото. Вальский — кельтский.

10. *...и камень в стекло переплавлен...* — От жертвенного огня расплавились камни алтаря.

11. *...кто родом... Ильвинг...* — Скьёльдунги, Скильвинги, Аудлинги и Ильвинги — скандинавские знатные роды. Здесь эти названия употреблены, по-видимому, как нарицательные.

Хёльд — наследственный землевладелец, полноправный бонд.

В строфах 25—27 приводятся имена знаменитых героев южногерманских сказаний — Ёрмунрекк (остготский король Эрманарих), Сигурд, Вёльсунг и т. д. Хьёрдис, Храудунг, Эйлими и Аудлинги, упоминаемые в строфе 26, введены в эти сказания в Скандинавии. В родословной норвежского вождя все эти имена не исконны.

28. *Харальд Клык Битвы* — датский конунг, герой сказания о Бравалльской битве.

29. *В живых оставалось одиннадцать асов...* — Отсюда начинается «Краткое Прорицание вёльвы». Стремление свести число асов к двенадцати проявляется также в «Младшей Эдде». Но оказывается, что фактически их больше.

Смерти бугор — кочка, к которой прислоняли умирающего.

Вали — см. прим. к «Снам Бальдра», стр. 699.

30. *Отец Бальдра* — Один.

Тьяци — см. прим. к «Песни о Харбарде», стр. 677.

Скади — см. прим. к «Речам Гримнира», стр. 674.

32. Часть имен в этой строфе (Хаки, Хведна и Хьёрвард) — из норвежской родословной. Но Хейд, Хросстьов и Хримнир — имена великанов.

35. *Могучий герой из рода богов* — Хеймдалль.

...дочери ётунов — девять их было — родили его... — Матерями Хеймдалля были, по-видимому, волны, дочери морского великана Эгира и его жены Ран.

37. Имена волн, матерей Хеймдалля, означают примерно «шумящая», «хватающая», «бушующая», «губительная» и т. п.

38. *Взял силу... жертвенной крови* — был защищен от злых сил посредством земли, соли и свиной крови (применяемых и теперь в народной медицине).

40. *Ангрбода* — «сулящая горе».

Слейпнир — восьминогий конь Одина, которого Локи родил от жеребца Свадильфари, приняв образ кобылы.

...еще одно чудище... — мировой змей Ёрмунганд или Хель (?).

Брат Бюлейста — Локи.

41. *Лофт* — Локи.

43. О каком боге идет речь в этой строфе, неизвестно.

44. *Но будет еще сильнейший...*— Возможно, что здесь идет речь о христианском боге.

...следом за битвой Одина с Волком — после гибели богов.

45. *Вепрю* — Оттару в образе вепря.

46. *Хейдрун* — коза, которая пасется на крыше Вальгаллы.

47. *Од* — муж Фрейи.

49. Чтобы откупиться от окружающего ее огня, вёльва соглашается дать Оттару пиво, придающее силу памяти, но подмешивает в него яд.

ПЕСНЬ О ГРОТТИ

Песнь основана на сказании из истории датского королевского рода Скьёльдунгов. Большая часть повествования вложена в уста двух великанш, которых король Фроди заставил намолоть ему на волшебной мельнице Гротти богатство и мир. Слово «гротти» собственно и значит «мельница». Пленные великанши поют за работой и, недовольные своей жизнью у Фроди, вспоминают свое прошлое и намалывают вражеское войско, которое разрушает царство Фроди. Мельница, которая намалывает, что пожелаешь, известна также из скандинавских народных сказок и финского эпоса (мельница Сампо). Прообразом «Песни о Гротти» была, возможно, рабочая песнь, которую исполняют две женщины за работой. Симпатии в песни явно на стороне этих женщин — рабынь, восстающих против своего угнетателя. Многие исследователи полагали, что песнь возникла в X в., т. е. еще в языческую эпоху.

Готланд — страна готов. *...в то время, когда Август Цезарь установил мир во всем мире.*— Царствование Фроди датировано началом нашей эры потому, что, согласно средневековым представлениям, с рождением Христа началась эра всеобщего мира. Царствование Фроди было, в представлении Снорри, одним из проявлений этого мира. *...на датском языке...*— «Датский язык» — общее обозначение скандинавских языков, которые еще около 1000 г. ничтожно отличались друг от друга. *Поле Ялангрсхейд* — поле у Еллинге (около Вайле, в Ютландии). *Свитьод* — Швеция. *В то время было в Дании два жернова...*— В песни рассказывается иначе: Фенья и Менья выломали их из скал (строфы 10 и 12). *Хенгикьёфт* — одно из имен Одина. Буквально — «с отвисшей челюстью».

9. Великанши вспоминают о своем роде: Хрунгнир, Тьяци, Иди и Аурнир — имена великанов, братья ётунов — тоже великаны.

12. *Вертящийся камень* — жернов, выломанный из скалы.

13. В этой и двух следующих строфах великанши оказываются валькириями: они участвовали в битвах и помогали некоему Готторму против некоего Кнуи.

18. Великанши произносят заклинание, призывая вражеское войско, и с насмешкой предлагают Фроди послушать их песни.

20. *Хлейдр* — древняя резиденция датских конунгов, современное Лайре (около Роскиле).

22. Великанши предсказывают, что знаменитый датский герой Хрольв Жердинка, сын Ирсы, отмстит Фроди за то, что тот убил своего брата Хальвдана, деда Хрольва Жердинки. Согласно сказанию, отец Хрольва Жердинки Хельги был женат на своей дочери Ирсе, и потому Хрольв был братом и сыном Ирсы. Но по «Саге о Хрольве Жердинке» за Хальвдана мстит не Хрольв Жердинка, а сыновья Хальвдана, Хельги и Хроар.

ПЕСНЬ ВАЛЬКИРИЙ

Подобно предыдущей песни, песнь эта, возможно, имеет своим прообразом рабочую песнь женщин. Она вложена в уста валькирий, поющих за работой на ткацком станке. Песнь отличается напевностью и по стилю принадлежит к эддической поэзии, хотя имеет то общее со скальдической поэзией, что в ней отражено актуальное событие, а именно битва, которая произошла в страстную пятницу 1014 г. при Клонтарве (в Ирландии). В этой самой знаменитой в истории Ирландии битве ирландский король Бриан погиб, но одержал победу над скандинавскими викингами — конунгом Сигтрюггом из Дублина и ярлом Сигурдом с Оркнейских островов. Последний тоже погиб в этой битве. В «Саге о Ньяле», в которой сохранилась эта песнь, рассказывается о ряде зловещих знамений, предшествовавших этой кровопролитной битве или сопровождавших ее (см. «Исландские саги. Ирландский эпос», Б-ка всемирной лит-ры, т. 8. М., 1972, с. 438—443), и, в частности, о том, что в Шотландии в то время, когда происходила эта битва, человек по имени Дёрруд видел, как двенадцать валькирий подъехали к дому, в котором стоял ткацкий станок, и, войдя в дом, стали ткать там ткань из человеческих кишок и спели эту зловещую песнь. Кончив ткать, они разорвали ткань на части и ускакали в разные стороны. Своей работой на ткацком станке валькирии как бы оказывают магическое действие на ход битвы. Песнь и стилистически имеет общее с заклинаниями. Ткань, которую ткут валькирии,— это боевой стяг. В песни обычно обнаруживают следы ирландского влияния и предполагают, что она возникла в начале XI в. на Оркнейских островах.

3. *Хьёртримуль, Хильд, Саннгрид и Свипуль* — имена валькирий.

4. *Юный конунг* — конунг Сигтрюгг. О нем же идет речь в строфах 5, 6 и 10. Ему покровительствуют валькирии.

5. *Гёндуль и Гунн* — имена валькирий.

7. *Люди... что жили досель на дальних мысах* — скандинавские поселенцы на островах и побережье Шотландии.

Славный ярл — ярл Сигурд. В «Саге о жителях Оркнейских островов» рассказывается, что его мать соткала ему боевой стяг с изображением ворона. Этот стяг должен был приносить победу тому, кто его нес, но вместе с тем — смерть. В битве при Клонтарве один за другим погибли двое воинов, несших

этот стяг. Тогда его взял ярл Сигурд и погиб. Но победа все же досталась ирландцам, а не скандинавам.

8. *Ирам готов горький удел...*— Иры (ирландцы) одержали победу в битве, но понесли большие потери, и их король погиб в битве. Песнь изображает битву со скандинавской точки зрения, поэтому упор делается на потери ирландцев, а не на поражение скандинавов.

ПЕСНЬ О ХЛЁДЕ

Эта героическая песнь, которую называют также «Песнью о битве готов с гуннами», сохранилась в отрывках в прозаическом произведении XIII в., а именно в «Саге о Хейдреке», или «Саге о Хервёр». По-видимому, в саге частично пересказываются и несохранившиеся строфы песни. Песнь основана на готском сказании о распре между сводными братьями Хлёдом и Ангантюром и войне между готами и гуннами. Отголоски этого сказания есть в книге Саксона Грамматика, а также в древнеанглийской поэме «Видсид», в которой перечисляются многие герои германских эпических сказаний. Исследователи предполагают, что «Песнь о Хлёде» восходит непосредственно к готской героической песни эпохи «великих переселений народов» (IV—V вв.). Одним из признаков большой древности песни считается то, что в ней как бы сохранилась историческая основа сказания: в песни действуют не только отдельные герои, но и большие массы воинов и освещаются судьбы целых племен (готов и гуннов). Тем не менее до сих пор не удалось установить, какие именно исторические факты отражены в песни. Многие считали, что в песни нашла отражение знаменитая битва на Каталаунских полях (на севере Франции), в которой соединенные силы галло-римлян, вестготов, бургундов и франков нанесли сокрушительное поражение полчищам Аттилы (451 г.). Однако в песни нет никаких имен или названий, подтверждающих такое предположение. Географические названия в песни указывают скорее на Восточную Европу.

1. *Хумли.*— У Саксона Грамматика ему соответствует Хумблус, сын Дана, первого датского короля. Но некоторые исследователи считали, что Хумли — это Аттила.

Гицур.— Неясно, тот ли это самый Гицур, о котором идет речь ниже.

Ангантюр.— В «Видсиде» ему соответствует Ингентеоу, один из правителей, которых посетил Видсид.

Вальдар — «Вальдар датский», упоминается во «Второй Песни о Гудрун», см. стр. 304.

Кьяр — кесарь (цезарь), т. е. римский император (?). *Валы* — кельты (и римляне).

2. *Хлёд* — сводный брат Ангантюра, сын Хейдрека и пленной дочери гуннского короля Хумли. В «Видсиде» ему соответствует Хлиде, который упо-

минается вместе с Ингентеоу (Ангантюром), а у Саксона Грамматика — Лотерус.

...родился... с ножом и мечом... и с резвым конем.— В «Саге о Хервёр» поясняется: «В то время существовала древняя поговорка, что человек родится с оружием и лошадьми. Имели в виду оружие, которое выковали, когда человек родился, а также скот и лошадей, которые в это время родились. Всем этим наделялись знатные люди».

3. *Хейдрек* — герой «Саги о Хейдреке», отец Ангантюра и Хлёда. В «Видсиде» ему соответствует Хеадорик.

Архейм.— Исследователи локализовали эту местность и в устье Вислы, и в бассейне Днепра, и на Дунае. Буквально — «речное селение».

8. *Мюрквид* — см. прим. к «Гренландской Песни об Атли». Обычно предполагают, что в данном случае Мюрквид — это «лес на Висле», который упоминается в «Видсиде».

Данп — Днепр. О каких могилах и о каком камне идет здесь речь, неизвестно. Высказывалось предположение, что речь идет о Киеве, Аскольдовой (или Антониевой) могиле и Печерском монастыре. Но пребывание готов на Днепре относится к IV в., когда Киева, вероятно, еще не было.

9. *Тюрвинг* — знаменитый меч, выкованный карликами для короля Сваврлами и доставшийся Ангантюру от его отца Хейдрека. Сказание о мече Тюрвинге образует связующую нить в «Саге о Хейдреке».

Хумлунг — сын Хумли.

Гицур Грютингалиди — Гицур Остгот.

13. *...рабыни отродью...*— ср. прим. к строфе 2.

15. *...герои-юнцы на двухлетках-конях...*—В саге говорится, что на войну поехали все мужи с двенадцатилетнего возраста и были оседланы все кони, начиная с двухлеток. По древнегерманским обычаям, мальчик получал право носить оружие в 12 лет.

Хервёр — одна из героинь «Саги о Хейдреке» (в этой саге есть две Хервёр).

Ормар.— В «Видсиде» ему соответствует Вюрмхере.

22. *...чтоб гуннам вручить жезл войны* — вызвать их на бой.

24. *Дюльгья.*— Некоторые исследователи предполагали, что это Дунаец (приток Вислы), другие — что это Морава (приток Дуная).

Дунхейд.— Название это связывали и с Дунаем, и с Верхней Вислой (на которой жило племя лугидуны), и с Доном.

Ёссурские горы — «ясеневые горы». Обычно предполагают, что это Малые Карпаты.

26. *...пусть Один направит копье, как сказал я!* — Гицур бросает копье во вражеское войско, тем самым посвящая его богу войны Одину, и призывает Одина осуществить сказанное им заклятье.

Хрейдготаланд — земля хрейдготов. Скорее всего, хрейдготы — это то же, что готы.

М. И. Стеблин-Каменский

Текст «Песни о нибелунгах» восходит к самому началу XIII столетия. К этому времени относятся и наиболее ранние из сохранившихся ее рукописей (всего сохранилось более трех десятков списков песни, датируемых XIII—XVI вв.). Рукописи различаются между собой более или менее существенными особенностями. Исследователи рукописей долгое время не оставляли попыток реконструировать на их основании якобы существовавший «первоначальный авторский текст» поэмы. Однако немецким филологом Г. Бракертом (1963) была выдвинута иная точка зрения, завоевавшая признание части специалистов: разные варианты песни не представляют собой ответвлений от единого изначального «ствола» произведения, вследствие чего и самая реконструкция «пратекста» есть утопия. Эти варианты относительно самостоятельны — в том смысле, что отражают живую и подвижную эпическую традицию.

Впервые «Песнь о нибелунгах» была опубликована разыскавшим ее швейцарским филологом и поэтом И.-Я. Бодмером в 1757 г. и вскоре же стала объектом пристального внимания и изучения как один из важнейших памятников немецкой средневековой литературы. Уже в самом начале XIX в. немецкие романтики подчеркивали ее национальное значение: А.-В. Шлегель и братья Гримм сопоставляли «Песнь о нибелунгах» с «Илиадой», видя в эпосе порождение народного духа, продукт безымянного коллективного творчества. С тех пор «Песнь о нибелунгах» издавалась много раз. Первое критическое издание — К. Лахмана (1826 г.). Новейшее издание на языке оригинала: Das Nibelungenlied. Nach der Ausgabe von Karl Bartsch herausgegeben von Helmut de Boor. 20. revid. Aufl., F. A. Brockhaus, Wiesbaden, 1972.

Автор «Песни о нибелунгах», то есть поэт, который объединил существовавшие до него поэтические произведения и сказания и, по-своему переработав их, придал им окончательную художественную форму и структуру, неизвестен. То, что в строфе 2233 он называет себя «писец», возможно, в какой-то мере отражает степень его творческого самосознания: самостоятельного сочинителя, свободно распоряжающегося материалом, он в себе не видит, свой поэтический труд он представляет себе скорее как фиксацию существующей традиции. Но если таково и было его самоощущение (и, по-видимому, отношение к нему его современников), то на самом деле «Песнь о нибелунгах», вышедшая из-под пера неизвестного поэта, и по содержанию и с формальной стороны существенно отличается от других версий этого же предания.

Есть основания полагать, что сочинена эпопея около 1200 г. (см. прим. к строфам 10 и 1295) и что место ее возникновения следует искать на Дунае, в районе между Пассау и Веной: география тогдашней Австрии и примыкающих к ней областей известна автору несравненно лучше, нежели другие части Европы (см. авентюру XXI след. и прим. к строфе 1302). В науке высказывались различные предположения относительно личности автора. Одни ученые считали его шпильманом, бродячим певцом, «игрецом», другие склонялись

к мысли, что он — духовное лицо (может быть, на службе епископа Пассауского), третьи — что он был образованным рыцарем невысокого рода.

Трактовка процесса *становления* песни имеет свою историю. Она рисовалась исследователям по-разному. В прошлом столетии, в соответствии с преобладавшей тогда теорией возникновения эпоса в результате сведéния воедино разрозненных народных песен, полагали, что и «Песнь о нибелунгах» сложилась из ряда самостоятельных эпических произведений. Знаменитый германист Карл Лахман предполагал наличие двух десятков песен, из объединения которых возник «редакционный свод». При таком понимании роль создателя поэмы ограничивалась компиляцией этих песен и их упорядочиванием и редактированием. Но уже с середины XIX в. взгляд на поэму как на продукт механического связывания более ранних песен стал вызывать сомнения, ибо подобная трактовка оставляла совершенно необъяснимым ее художественное единство, а оно более не вызывало сомнений — ни с точки зрения положенного в ее основу замысла, ни с точки зрения ее построения и поэтического языка. Наиболее существенный вклад в изучение предыстории «Песни о нибелунгах», связанный с полной переоценкой предшествовавших точек зрения, принадлежит Андреасу Хойслеру (основная работа Хойслера, в которой обобщены результаты его исследований,— «Сказание и Песнь о нибелунгах», 1921; русский перевод в кн.: А. Хойслер. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960).

Хойслер показал, что эпические поэмы складывались не из «нанизывания» отдельных песен, а в результате «разбухания», внутреннего стилистического разрастания одной песни, сжато излагавшей тот же сюжет, который в поэме получал многократное расширение. Так произошло и при возникновении «Песни о нибелунгах», с тою лишь особенностью, что в ней последовательно излагаются два сюжета — сказание о Брюнхильде и сказание о гибели бургундов. Переход от героической песни к эпической поэме сопровождался глубокими качественными изменениями стиля. Происходила трансформация сжатого динамичного произведения, которое могло быть исполнено целиком — перед лицом вождя и дружинников, во время пира,— в обширный эпос, с большим числом действующих лиц и вставных эпизодов, с детальными описаниями обстановки и событий, с неторопливым развертыванием действия. Тот же самый сюжет, который лежал в основе героической песни, стилистически иначе подается в эпической поэме, которая более не рассчитана на исполнение за один раз, а предназначается для долгого чтения. «Песнь о нибелунгах», по Хойслеру,— это «книжный эпос», сочиненный уже не дружинным певцом, а образованным «книжником», клириком. Книжный характер «Песни о нибелунгах» связан с формальными различиями между старой песнью и сменяющей ее эпопеей, которым Хойслер придавал особое значение. Героическая песнь характеризовалась «строчечным стилем»: она не знала переноса из одного стиха в другой, и каждая строка или строфа представляла собой завершенное синтаксическое целое. Книжный эпос нарушает этот принцип и допускает переносы («крюки», по терминологии Хойслера). См., например,

строфы 30—31, 1427—1428. Однако в новейшей литературе было отмечено, что отдельные разделы песни (авентюры), членение на которые восходит к автору XIII в., могли запоминаться и устно исполняться (их максимальный объем не превышает 150 строф), чему немало способствовали как насыщенность эпопеи формулами, так и простота и повторяемость ее языковых единиц, в частности рифмующихся слов.

Сопоставляя песни о Сигурде, Атли и Гудрун из «Старшей Эдды» с «Песнью о нибелунгах», Хойслер показал, что различались не только культурно-исторические условия их возникновения, но и художественные задачи, которые ставили перед собой эддические певцы, с одной стороны, и автор немецкой поэмы XIII в., с другой. Читателю настоящего тома нетрудно в этом убедиться, знакомясь параллельно с исландским поэтическим циклом и с «Песнью о нибелунгах». Хойслер подчеркивал, что развитие от более ранней стадии эпоса, представленной скандинавской версией сказаний о Сигурде и бургундах, к позднейшей его версии не происходило спонтанно,— этот процесс стимулировался античными и христианскими влияниями. Хойслером был всесторонне исследован и вопрос о происхождении сюжетов и образов «Песни о нибелунгах». Историческое ядро — сообщения о событиях V века (см. вступительную статью) и, возможно, имена некоторых исторических персонажей более позднего времени — было фантастически преобразовано в германской поэзии задолго до возникновения немецкой поэмы. Наиболее ранние песни, в которых фигурируют Сигурд (Зигфрид), Атли (Этцель) и бургунды, восходящие к V в., не сохранились. Но им посвящен обширный цикл исландских эддических песен. Если стадиально эти песни предшествуют немецкому средневековому эпосу, то не приходится сомневаться в том, что на скандинавской почве некоторые сюжеты и персонажи получили вообще иную интерпретацию, поставлены в совершенно особые отношения. Наряду с песнями «Старшей Эдды» сказания о Сигурде нашли отражение в «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона, в «Саге о Вёльсунгах» (перевод на русский язык: «Сага о Волсунгах», М.— Л., 1934) и в «Саге о Тидреке» (записана в Норвегии в XIII в.). Зигфрид фигурирует в немецких эпических произведениях позднего средневековья: в «Песни о роговом Зейфриде» и в «Народной книге о роговом Зигфриде» (перевод см. в приложении к изданию «Песнь о нибелунгах», Л., 1972).

В целом в эпическом комплексе о нибелунгах можно выделить несколько групп сказаний: о приключениях юного Зигфрида, о его смерти, о гибели бургундов, о гибели Атли. Эти сюжеты по-разному и в неодинаковой степени разрабатываются в немецкой и скандинавской эпических традициях. В «Песни о нибелунгах» внимание сосредоточено на смерти Зигфрида и конце бургундских королей в результате мести вдовы Зигфрида Кримхильды. Юношеские похождения Зигфрида в поэме, собственно, лишь упомянуты, но о них подробно повествуют песни «Старшей Эдды», равно как и «Сага о Тидреке» и немецкие сказания о роговом Зейфриде. В исландских песнях развита также тема гибели Аттилы, неизвестная из немецкой традиции. Таким образом, в «Песни о нибелунгах» объединены два поначалу самостоятельных сюжета: сказание о

смерти Зигфрида и сказание о конце бургундского дома. Они образуют как бы две части эпопеи. Сказочные истоки сюжетов, использованных в героических песнях и в «Песни о нибелунгах», подчеркивал немецкий исследователь Ф. Панцер: сказание о драконе и кузнеце, у которого воспитывался Зигфрид, убивший дракона и искупавшийся в его крови, в результате чего он приобрел необычайные качества; сказание о кладе двух братьев-нибелунгов (в «Старшей Эдде» один из них сближен с кузнецом, а другой с драконом); сказание о спящей красавице (первоначально ею была валькирия Сигрдрива, впоследствии отождествленная с Брюнхильдой); сказание о сватовстве и связанном с ним испытании (добывание Зигфридом невесты Гунтеру, сопровождающий его обман невесты и воспоследовавшее отсюда убийство Зигфрида, по-разному интерпретируемое в разных сказаниях — как месть за оскорбленную честь Брюнхильды и как убийство с целью завладеть кладом нибелунгов). Хойслер, однако, не присоединился к «сказочной теории», полагая, что мотивы, восходящие к сказке, были заимствованы эпосом не изначально, а на поздней стадии. Ф. Шрёдер и Я. де Фрис связывают тему Зигфрида с мифологией.

По Хойслеру в основе первой части «Песни о нибелунгах» лежит разросшаяся и переработанная песнь о сватовстве. Вторая часть эпопеи имеет более сложную предысторию. Не вдаваясь в рассмотрение всех ее этапов, отметим лишь, что первоначальные песни о судьбе бургундских королей после нескольких последовательных обработок превратились в XII в. (около 1160 г.) в поэму, условно названную Хойслером «Гибель нибелунгов». В процессе этого развития Аттила, хищный и жестокий король, стремившийся завладеть сокровищами бургундов, превратился в миролюбивого и куртуазного монарха; роль мстительницы, стремящейся заполучить в свои руки клад нибелунгов и губящей бургундов, стала играть Кримхильда. Эта поэма и была использована во второй части «Песни о нибелунгах». Обе эти части не вполне согласованы, и между ними можно заметить известные противоречия. Так, в первой части бургунды получают в целом негативную оценку и выглядят довольно мрачно в сравнении с умерщвляемым ими светлым героем Зигфридом, услугами и помощью которого они столь широко пользовались, тогда как во второй части они фигурируют в качестве доблестных витязей, мужественно встречающих свою трагическую судьбу. Имя «нибелунги» в первой и во второй частях эпопеи употребляется различно: в первой это сказочные существа, северные хранители клада и богатыри на службе Зигфрида, во второй — бургунды (о других неувязках между обеими частями «Песни о нибелунгах» см. в прим.). Более ранние, в том числе и совершенно легендарные, сказочные пласты материала, использованного автором эпоса, далеко не всегда органично включены в него. Черты «старых» нибелунгов нет-нет да и проглядывают сквозь куртуазную пышность и утонченность бургундского королевского двора. Можно отметить и структурные различия между обеими частями «Песни о нибелунгах». Если в первой части пространные статичные описания преобладают над изображением действия, то вторая часть, напротив, насыщена динамизмом, оттесняющим такие описания на задний план.

Специалисты много потрудились над тем, чтобы восстановить основные этапы развития германского героического эпоса от начальных его форм и вплоть до эпопеи феодального общества. Нужно, однако, констатировать, что в новейшей научной литературе поставлен под сомнение ряд положений примененного Хойслером метода реконструкции ранних стадий эпоса о нибелунгах и полученные им результаты; но синтез, который мог бы заменить теорию Хойслера, так и не достигнут. Попытки реставрации праосновы и предыстории поэмы все еще нередко заслоняют ее отношение к современной ей жизни. Между тем каковы бы ни были истоки поэмы, в форме, приобретенной ею в начале XIII века, она отражает прежде всего рыцарское мировоззрение эпохи Штауфенов [1].

Первый полный перевод «Песни о нибелунгах» на русский язык принадлежит М. И. Кудряшову («Пантеон литературы», 1889). Перевод Ю. Корнеева, помещенный в настоящем томе, был опубликован в серии «Литературные памятники» («Песнь о нибелунгах». Л., «Наука», 1972).

1. *Богатыри.*— Первоначальное значение термина «Recke» — «изгнанник», затем: «одиноко странствующий герой», отсюда — «герой» вообще.

2. *Земля бургундов* — область на среднем Рейне, с центром в Вормсе. Здесь в IV — начале V века жило германское племя бургундов, до того как в 437 году оно было разгромлено кочевниками-гуннами, вторгшимися с востока. В основе повествования «Песни о нибелунгах» лежит до неузнаваемости переработанный рассказ об этом давнем историческом событии. *Кримхильда* — Гудрун скандинавских песен, приобретающая, однако, в немецком эпосе новые черты, вследствие чего сказание о ее мести за родичей (см. «Старшую Эдду») превращается в повествование о ее мести родичам. Образ Кримхильды в первую очередь придает единство «Песни о нибелунгах», которая начинается сном юной Кримхильды (строфа 13 след.) и завершается ее смертью, следующей непосредственно после осуществления ею мести за Зигфрида.

3. *Наделена высокой и чистою душой...*— Имеются в виду куртуазные добродетели, обычаи и формы поведения и благовоспитанности, считавшиеся образцовыми в среде знати.

4. *Гунтер* (Гуннар «Старшей Эдды») — его имя восходит к имени бургундского короля Гундихария (или Гундахария). *Млад Гизельхер* — прозвище брата Гунтера «дитя» сохраняется на протяжении всей эпопеи, несмотря

---

[1] Штауфены (или Гогенштауфены) — императорская династия, правившая Германией и Италией в XII — первой половине XIII в. Штауфены, в особенности Фридрих I Барбаросса (1152—1190), пытались осуществить широкую внешнюю экспансию, которая в конечном итоге ускорила ослабление центральной власти и способствовала усилению князей. Вместе с тем эпоха Штауфенов характеризовалась значительным, но недолгим культурным подъемом.

на то что ее течение охватывает около сорока лет. В этом некоторые исследователи видят симптом специфического отношения ко времени, присущего эпосу: его герои не стареют.

5. *Всем взяли — и отвагой и щедростью они...*— Щедрость считалась неотъемлемым и обязательным качеством государя и вообще знатного господина. Ее демонстрации и восхвалению в средневековой поэзии, в частности в «Песни о нибелунгах», уделяется огромное внимание. *Этцель* — гуннский вождь Аттила, к которому восходит это имя (Атли в «Старшей Эдде»), создал в V в. на территории Европы огромную державу, оказавшуюся, однако, непрочной и распавшуюся со смертью Аттилы в 453 г. Аттила умер в ночь после брачного пира от кровоизлияния, но вскоре возникла легенда о том, что виновницей его смерти была взятая им в жены германская девушка Хильдико. Напомним, что в песнях «Старшей Эдды» супруга Атли Гудрун умерщвляет его.

7. *Данкрат.*— В более древних сказаниях имя отца бургундских королей — Гибих (отсюда их род именовался Гибихунгами).

9. *Хаген.*— Из брата короля, каким был Хёгни в песнях «Эдды» (в «Саге о Тидреке» он — сын альба, сверхъестественного существа, и матери бургундских королей), Хаген в немецком эпосе превратился в верного вассала Гунтера. Название «Тронье», владение Хагена, возможно, восходит к древней Трое: начиная с VII в. существовало предание о происхождении франков от троянцев. В германской эпической поэме на латинском языке «Вальтарий» (IX век) фигурирует Хаген, «потомок троянского рода». *Маркграф* — правитель пограничной области (марки).

10. *Начальником над кухней был в Вормсе Румольт смелый.*— Как и некоторые придворные должности, упоминаемые в строфе 11, должность «кюхенмейстера» была нововведением, появившимся незадолго до создания «Песни о нибелунгах». Употребление этого термина в поэме помогает датировать ее. Первый раз в источниках должность «кюхенмейстера» встречается в 1203 г., и поэтому исследователи полагают, что песнь была написана около этого времени.

13. *Сокол* — в миннезанге символ возлюбленного. *Сон* (упоминаемый в «Саге о Вёльсунгах») предвещает умерщвление Зигфрида Хагеном и Гунтером. См. строфу 19.

17. *...платится страданьем за счастье человек...*— излюбленная тема миннезанга, ставшая лейтмотивом «Песни о нибелунгах» и представляющая собой средневековое перетолкование более древней идеи трагической судьбы.

20. *Нидерланды* — земли, расположенные в низовьях Рейна. Зигмунд, Зиглинда, Зигфрид — в их именах первый член sig («победа») указывает на их меровингское происхождение (Меровинги — династия франкских королей), и некоторые исследователи возводят имя Зигфрида к имени франка Сигиберта; в судьбе этого меровинга VI в. можно найти известное сходство с судьбой Зигфрида. Г. де Боор предполагает более ранний франкский прототип.

23. *Отменно воспитали родители его...*— Более архаичное представление о Зигфриде-найденыше, воспитанном кузнецом, элиминировано в «Песни о нибелунгах», превратившей его в образцового рыцаря и наследника престола.

28. *И препоясал Зигмунд... // Мечом и королевича, и сверстников его.*— Посвящение в рыцарское достоинство представляло собой особый ритуал и сопровождалось праздником, на котором сеньор раздавал щедрые подарки посвящаемым в рыцари юношам. Обряд препоясания мечом в более позднее время был заменен ударом мечом плашмя по плечу посвящаемого.

39. *Король позволил сыну... // В лен города и земли пожаловать друзьям...*— Право ленного пожалования — признак совершеннолетия и полноправия наследника.

41. *Шпильман* — «игрец», певец, поэт в средневековой Германии. См. строфу 38. *Был каждый приглашенный так щедр и тороват...* — В расточительности щедрые господа не придерживались никакой меры, не соразмеряя делаемых ими подарков и трат со своими реальными возможностями. Так бывало и в действительности, ибо только щедрый господин мог рассчитывать на преданность вассалов и на высокое уважение в обществе. В поэзии же тема безудержной расточительности князя по отношению к своим приближенным и друзьям была широко распространена. Поэты, обычно небогатые люди, усердно проводили в своем творчестве мысль о необходимости для знатных сеньоров раздавать щедрые дары людям из их окружения.

45. *Добрый нрав и разум.*— В подлиннике hôchgemüete — термин из куртуазного словаря, обозначавший умонастроение и нрав, присущие благородному человеку.

48. *Он о любви все чаще мечтал день ото дня...*— Любовь обозначается в немецкой средневековой поэзии чаще всего термином minne (или hôhe minne). Еще один термин куртуазного обихода, предполагавший прежде всего служение рыцаря даме, которой он добровольно и охотно себя подчиняет, считая ее своею госпожой. Культ дамы сложился в немецкой феодальной среде под французским (провансальским) влиянием незадолго до создания «Песни о нибелунгах». Minne включала и чувственную сторону отношений мужчины и женщины, hôhe minne — одухотворенная, возвышенная любовь. *Дружина и родня* — словосочетание mâge und man — устойчивая формула, применявшаяся в поэзии к окружению знатного человека.

59. *...прошу пристойно одеть моих бойцов.*— Одеяние в феодальном обществе, в котором всем внешним формам придавалось огромное значение, было очень важным признаком сословного положения человека. Среди подарков, получаемых вассалами от господ, платье занимает видное место, и «Песнь о нибелунгах» содержит многочисленные подробные описания роскошных одежд, доспехов и украшений. Здесь и в других соответствующих местах «Песни о нибелунгах» сборы знатных лиц в дорогу отнимают немало времени и требуют больших усилий для того, чтобы придать поездке помпу, необходимую для поддержания престижа и достоинства едущего. Однако в отличие от

бургундских королей, выезжавших из Вормса, как правило, с огромной свитой или во главе войска, Зигфрида сопровождает всего только дюжина дружинников.

71. *Застал в пути героев рассвет седьмого дня.*— Путь из Ксантепа в Вормс (примерно 250 км) занимает целую неделю.

72. *Они являли взору великолепный вид.*— Здесь и во многих иных местах песни большое внимание уделено характеристике боевого снаряжения и роскошных одежд персонажей, однако, как правило, это общие места, ибо описания такого рода стандартны и применимы к разным действующим лицам,— они не индивидуализированы.

82. *Уж он-то их узнает...*— Знание людей и мира — неотъемлемые качества королевского советника. *...витязь прибыл во дворец с толпой своих бойцов.*— Вассал короля, Хаген, в свою очередь, окружен собственными вассалами.

87. *О нем уже немало дошло до нас вестей.*— Предполагается, что история юного Зигфрида известна средневековым читателям. В «Песни о нибелунгах» она упомянута только в рассказе Хагена и лишь в той мере, в какой это необходимо с точки зрения повествования: плащ-невидимка, сокровища и меч нибелунгов, роговая оболочка Зигфрида фигурируют в дальнейшем. Однако эти чисто сказочные сюжеты не могут стоять в центре внимания рыцарского эпоса, в котором и сам Зигфрид превращен из героя сказки в образцового рыцаря и в королевского сына. Эта трансформация образа Зигфрида неполна. См. ниже сцены единоборства Зигфрида с Брюнхильдой, которые никак не соответствуют куртуазным представлениям феодальной эпохи. *Нибелунги* — здесь: сказочные хранители сокровищ. Но это и имя собственное. Древний смысл его: существа, обитавшие в подземном царстве, карлики-цверги, автору «Песни о нибелунгах», очевидно, уже не ясен. Нибелунги фигурируют в первой части песни в образе могучих воинов. Во второй части термин переносится на бургундов (начиная со строфы 1523).

94. *...свой Бальмунг, добрый меч...*— У германцев было в обычае давать имя прославленному оружию.

96. *Альбрих* — карлик, служивший Шильбунгу и Нибелунгу, а затем вассал Зигфрида, хранитель клада.

105. *Бургундами учтиво был встречен знатный гость.*— Несообразность, характерная для эпического повествования: учтивая встреча устраивается Зигфриду после того, как его довольно долго продержали во дворе королевского замка, пока Хаген рассказывал о его подвигах! Время рассказа Хагена как бы не входит во время действия, вернее — время действия «выключается», пока длится этот рассказ.

109. *Как вы, я — тоже витязь, и ждет меня корона, //Но доказать мне надо, что я достоин трона// И что владеть по праву своей страной могу.*— Пришедший из легендарного прошлого герой утверждает власть над королевством мечом, феодальный правитель отстаивает свои владения ссылкой на право давности и наследования. Оба ссылаются на право, но один видит ис-

точник права в собственной доблести, другой же — в легитимности. Этому соответствуют две формы поведения: Зигфрид со своим дерзким вызовом на поединок противостоит Гунтеру и Герноту, проявляющим куртуазную сдержанность. Зигфрид провоцирует бургундов характерными для героической поэзии «подзадоривающими» речами, те, во всяком случае — старшие братья и Хаген, призывают его к рассудительности и в конце концов добиваются своего. Здесь заложены предпосылки будущего устранения ими Зигфрида.

130. *В метании ли копий, в бросании ль камней //Он был любых соперников ловчее и сильней.*— Эти состязания как бы подготавливают грядущий поединок Зигфрида с Брюнхильдой и демонстрируют его непобедимость.

137. *...объезд владений свершали короли...*— Средневековые правители регулярно объезжали свои владения и во время этих разъездов отправляли правосудие, взимали поборы с подданных и следили за соблюдением порядка в стране.

142. *Сказал король учтиво...*— В феодально-рыцарском мире все было подчинено церемониалу. Посланцев противника, явившихся с известием об объявлении войны, надлежало учтиво принять как гостей.

145. *Недель через двенадцать...*— Сборы в поход, как и самое передвижение войска, происходят эпически медленно.

147. *Совет держать я должен с вассалами своими...*— Король должен обсудить вопрос о грозящей войне с верными людьми, так как на них ему придется рассчитывать в случае открытия боевых действий и они в качестве вассалов присягнули королю «помогать ему оружием и советом».

148. *Король был опечален, вздыхал он тяжело.*— В противоположность Зигфриду, которого возможность свершения воинских подвигов радовала, Гунтера озабочивает перспектива вести войну, — как государственного мужа, не желающего потерять рыцарей или свои владения, и как нерешительного человека, а именно таким рисуется он в «Песни о нибелунгах».

150. *Где суждено погибнуть, там смерть тебя найдет.*— Выражение героической веры в Судьбу.

151. *А мы ведь не успеем собрать свои отряды.*— Трех месяцев оказывается недостаточно для сбора войска,— с точки зрения людей эпохи, которая вообще воспринимала время преимущественно большими отрезками и жила неторопливо. *Зигфриду сказать про все нам надо.*— Хаген уже начинает понимать, сколь необыкновенные услуги мог бы Зигфрид оказать бургундским королям.

152. *Не разузнав, кто из друзей встать за него готов.*— Феодальный сеньор не мог всегда и во всех случаях рассчитывать на безусловную поддержку своих вассалов, они могли и отказаться принять участие в походе. Помимо прочего, время, на протяжении которого военная служба вассала была обязательна, ограничивалось определенным числом дней в году.

155. *Ведь правду открывают лишь преданным друзьям.*— Гунтер ведет игру с Зигфридом с целью выяснить степень его готовности помочь ему, и

Зигфрид, с присущей ему непосредственностью, немедля дает заверение оказать королю любую поддержку. Контраст между прямодушием и мужеством Зигфрида, не способного на долгое размышление и интригу, и двуличием и хитростью Гунтера, подстрекаемого Хагеном, проявляется во всех сценах первой части «Песни о нибелунгах», вплоть до гибели нидерландца.

157. *Сочтемся мы услугою...*— В свете грядущего убийства Зигфрида эти слова приобретают двойной смысл.

163. *Велите возвращаться на родину гонцам, // Затем что очень скоро мы сами будем там...*— Зигфрид замыслил нанести саксам и датчанам опережающий удар, но, согласно требованиям рыцарской этики, заранее оповещает об этом противников.

166. *Послы же, чтоб отказом его не гневать зря, //Все приняли...*— Принятие подарка налагало на одаренного обязательства и позволяло предполагать, что он останется другом дарителю. Поэтому послы врага предпочли бы уйти без подарков Гунтера.

178. *Пусть вместе с молодежью нас прикрывает с тыла.*— Имеются в виду оруженосцы.

185. *Бойцы... съехались опять, // Чтоб счастье в схватке яростной мечами попытать.*— В первой схватке бойцы сломали копья и теперь бьются на мечах.

189. *Он запросил пощады, сказал, кто он таков...*— Побежденный в знак своего подчинения противнику называл свое имя.

190. *Воитель знал, что пленник и знатен и богат...*— Знатность пленника увеличивает славу победителя, его богатство — залог того, что за пленника будет уплачен выкуп.

196. *За шпильманом могучим все устремились в бой...*— Здесь впервые упоминается, что Фолькер был поэт.

208. *Кругом кипела схватка... //Полки бросались в сечу...// Но чуть сошелся Зигфрид с противником своим, //Как саксы прочь отхлынули...*— В средневековых описаниях сражений на первый план, как правило, выдвигаются поединки героев, которые и рисуются во всех деталях, участие же в битве массы рядовых воинов образует лишь фон.

209. *И только под конец узнал, кого ему винить.*— Людегер не знает, с кем он вступил в схватку (лицо бойца было скрыто забралом шлема), и лишь по ее окончании видит на щите противника корону Зигфрида. См. строфу 215.

214. *...сколько ярких панцирей...*— При описании битв в рыцарской поэзии доминируют яркие цвета; металл, в который одеты воины, сияет, позолоченные щиты и шлемы блистают на солнце, красочность зрелищу придает и алая кровь, струящаяся по панцирям и мечам. Такова же эстетика и батальных сцен в средневековой живописи и книжной миниатюре. Война, несмотря на гибель, которую она несет, воспринимается как праздник. Затянувшиеся детализованные описания боев и поединков не утомляют ни поэтов, ни их аудиторию, которым важна была каждая деталь сражения, и они старались ее не упустить.

219. *Меж пленных стали... выбирать...*— В качестве заложников бургунды выбрали наиболее знатных.

229. *Поплакать он о родичах заставил многих дам.*— Скорбь женщины о погибшем — распространенный мотив рыцарской поэзии.

241. *Алее свежей розы она зарделась вдруг...*— Образ, встречающийся также и в раннем миннезанге.

242. *Марка* — старинная мера веса, применявшаяся при взвешивании благородных металлов.

248. *Не обошел он милостью и пленников своих.*— Рыцарский кодекс чести предписывал гуманное и великодушное обращение с пленниками, особенно со знатными.

251. *«Вот вам рука моя».*— Торжественные обещания и договоры скреплялись рукобитьем или рукопожатьем.

259. *Служил он не за плату — богат он без того...*— Слово rîche здесь означает не только богатство, но и высокое социальное положение. Зигфрид был слишком знатен для того, чтобы принимать подарки от Гунтера, тем более что получение дара влекло за собой известную зависимость от подарившего. Автор подчеркивает это обстоятельство, которое следует не упускать из вида в дальнейшем, когда речь зайдет о мнимой вассальной службе Зигфрида Гунтеру (см. строфу 386 и далее).

273. *Чтоб удался ваш праздник... //Велите, пусть... пожалуют сюда // Красавицы...*— Присутствие дам на придворных праздниках было обязательным и придавало им куртуазный характер.

281. *Как луч зари багряной... //Предстала королевна...*— Образ, заимствованный из придворной лирики. Миннезанг, как и поэзия трубадуров, живописуя красоту дамы при посредстве стереотипных сравнений, не дает никакого представления об ее индивидуальном облике,— черта, характерная и для изобразительного искусства той эпохи.

286. *Казался он картиной, которую нанес //Художник на пергамент...*— Имеется в виду миниатюра в рукописи. Краски, которыми пользовались миниатюристы, соответствуют цветам, излюбленным поэтом (золотой, алый, белый).

289. *Пусть к Зигфриду Кримхильда с приветом обратится...*— Приветствие дамы расценивалось как особая честь, и чем знатнее была дама, тем выше отличие, которого удостаивался рыцарь.

291. *...не скорбью, а счастьем полон весь...*— Опять сочетание «радости» и «страдания», лейтмотив «Песни о нибелунгах».

297. *Поцеловать героя велел сестре король...*— Поцелуй еще более повышал честь, оказанную рыцарю приветственным обращением дамы, но не был зна́ком ее любви. Во всей сцене встречи Зигфрида с Кримхильдой различаются два плана. Один — придворный церемониал, не предполагающий каких-либо индивидуальных эмоций между его участниками: дама награждает рыцаря своим вниманием в присутствии двора. Второй план — взаимное влечение Зигфрида и Кримхильды, придающее ритуалу новый смысл и выхо-

дящее за его рамки. Зрителям понятен только первый план (впрочем, Гунтер догадался о любви Зигфрида к его сестре, строфа 272), поэту же виден и второй план, просвечивающий сквозь куртуазный этикет.

299. *Но разлучен был с девушкой герой при входе в храм.*— Мужчины и женщины занимали в церкви разные места.

302. *...первым покинул церковь он...*— Рыцари покидали церковь прежде дам и поджидали их выхода.

315. *...отпустите пленных без выкупа домой...*— Зигфрид выступает здесь как образец рыцарственной гуманности. *Слово дать...*— собственно: «дать руку в знак скрепления обещания». Жест играл в публичной жизни средневекового общества огромную роль.

317. *Щиты с казною...*— Выпуклый щит служил мерою, им отвешивали деньги, что было признаком предельной щедрости.

326. *...на острове морском.*— Местоположение Исландии, равно как и то, представляет ли она собой остров, в «Песни о нибелунгах» обозначено до крайности расплывчато. Сказочный тон, от которого не свободны стихи, повествующие о ранних подвигах Зигфрида, применительно к Брюнхильде чрезвычайно усиливается. Перед нами — вариант широко распространенной сказки о сватовстве к богатырше, завоевание которой требует хитрости или необычайной силы и сноровки, причем неудача в испытании грозит жениху немедленной смертью. Физическая сила и ловкость Брюнхильды, как и ее нрав, ставят ее вне куртуазного мира бургундского двора,— она принадлежит совершенно иному, фантастическому миру, и попытка согласовать их стоит поэту немалых усилий и не вполне ему удается.

327. *В трех состязаньях с нею был верх обязан взять // Любой, кто к королеве посвататься решался...*— В скандинавском варианте сказания овладеть Брюнхильд способен лишь тот, кто преодолеет пламя, окружающее ее палаты. Гуннар оказался бессильным, и тогда Сигурд поменялся с ним обликом и проскакал сквозь огонь. Он проводит с Брюнхильд три ночи, но кладет на ложе между нею и собой свой меч. Затем он возвращается к Гуннару и вновь меняется с ним обличьем. Мотивы обмена обличьем и скачки сквозь огненный вал с какого-то времени, видимо, перестали удовлетворять изменившимся вкусам вследствие своей крайней фантастичности и были заменены более «реалистическими» воинскими состязаниями.

329. *Брюнхильда* — это имя встречается в истории франков VI в. Дочь вестготского короля Брунигильда была женой франкского короля Сигиберта и прославилась своею распрей с королевой Фредегундой, умертвившей ее мужа. Попытки некоторых исследователей увидеть в эпосе отражение кровавых событий при франкском дворе наталкиваются на трудность, ибо в таком случае налицо обмен ролями: историческая Брунигильда была женой Сигиберта, в эпосе же Брюнхильда — жена Гунтера и противница Зигфрида.

331. *Просите, чтобы с вами опасность и заботы // Неустрашимый Зигфрид по дружбе разделил.*— И в данном случае мысль привлечь Зигфрида на помощь принадлежит Хагену. Примечательно, что нигде Хаген не изъявляет

симпатии к Зигфриду,— стараясь, и вполне успешно, использовать героя, он затем, когда тот становится слишком опасным, расправляется с ним. *Ведь он обычаи и нрав Брюнхильды изучил.*— Здесь и далее содержатся указания на более раннее знакомство Зигфрида с Брюнхильдой. Однако «Песнь о нибелунгах» не разъясняет характера их отношений. Средневековый читатель, возможно, знал сказания или песни об их первоначальном знакомстве, о любви между ними и о клятвах, которыми они обменялись и о которых Зигфрид (Сигурд) забыл, выпив дурманного меда. Эти мотивы нашли место в «Саге о Вёльсунгах» и в «Старшей Эдде» (впрочем, неизвестно время появления этих мотивов). Поскольку вся эта линия в «Песни о нибелунгах» по существу элиминирована, можно лишь догадываться, что горе и месть Брюнхильды мыслились поэтом как результат ее обманутой любви. Ф. Панцер выдвинул гипотезу (не нашедшую, однако, широкого признания) о том, что тема сватовства появилась в «Песни о нибелунгах» под влиянием русской сказки.

339. *...не следует ли мне... //Взять за море с собою внушительную рать?*— Феодальный властитель путешествует во главе войска или пышной свиты, сказочный персонаж, как и древнегерманский герой, странствует один. В поездке в фантастический мир Брюнхильды вряд ли уместна многочисленная рать. Высказывалось предположение, что в поездке к Брюнхильде участвовали трое, а упоминание Данкварта — позднейшее добавление, сделанное поэтом вследствие того, что этот персонаж играет немаловажную роль во второй части «Песни о нибелунгах»; при этом указывали, что Данкварт, вспоминая время, о котором повествуется в первой части песни, говорит о себе как о малолетке (строфа 1924).

352. *А там парча лежала...*— Искусное рукоделье — одно из занятий знатной дамы.

362. *Шелк из Зазаманки.*— Судя по «Парцифалю» Вольфрама фон Эшенбаха, Зазаманка — сказочная страна или город на Востоке.

366. *За семь недель девицы закончили шитье.*— Опять эпически долгие сборы.

382. *Из путников лишь Зигфриду знаком был остров тот.*— Новое указание на былое знакомство Зигфрида с Брюнхильдой.

386. *Вам надлежит... твердить... //Что Гунтер — мой владыка, а я — вассал его.*— В «Песни о нибелунгах» не разъяснено, какова необходимость в подобном обмане. Не исключено, что, поскольку одолеть Брюнхильду способен лишь сильнейший, а Зигфрид уже прославился своею мощью, он выставляет Гунтера в виде своего сеньора, с тем чтобы Брюнхильда вообразила, будто Гунтер и есть сильнейший,— ибо с точки зрения Зигфрида наиболее сильный должен быть и высшим. Возможно, однако, автор, превративший Зигфрида из найденыша, каковым он был в более ранних сказаниях, в принца королевской крови, вводит этот мотив для того, чтобы подготовить читателя к пониманию ссоры между Брюнхильдой и Кримхильдой, в ходе которой первая утверждает, что Зигфрид — подданный Гунтера (см. авентюру XIV).

396. *По сходням королевич свел лошадь короля...*— Зигфрид играет перед

Брюнхильдой роль подданного Гунтера, и хотя тому прекрасно известно, что это не более как видимость, сознание того, что его наблюдают дамы в такую минуту, возбуждает в нем гордость: символический акт и сам по себе в глазах средневековых людей обладал огромной ценностью.

399. *...бела, //Как первый снег, одежда...*— В описании одежд первой пары (Гунтер и Зигфрид) и второй (Хаген и Данкварт — строфа 402) — контраст белого и черного цветов.

412. *...знатную особу узнать нетрудно в нем.*— Внешность, осанка, поведение, одежда человека должны были служить главным свидетельством его происхождения и социального положения; к тому же существовала уверенность, что внешний облик неизбежно соответствует внутренним качествам его обладателя.

420. *Мой господин — пред вами...*— Гунтер стоял впереди, Зигфрид и другие его спутники — позади Гунтера как своего господина.

423. *Коль скоро ты лишь простой вассал...*— В этих словах Брюнхильды, узнавшей Зигфрида (строфа 419), можно увидеть ее сомнение в правдивости его слов.

425. *Не то вас ждет бесчестие...*— Бесчестие ожидало Гунтера в случае поражения, понесенного от женщины.

439. *Из ацагоукских шелков рубаха та была.*—Подобно Зазаманке, Ацагоук—местность на Востоке, упоминаемая также Вольфрамом фон Эшенбахом. Со времен крестовых походов восточные изделия были в моде в Европе.

479. *И приведу на помощь таких бойцов сюда...*— Имеется в виду войско нибелунгов, которых Зигфрид подчинил себе, после того как захватил их сокровища (строфы 95 след.).

481. *А вы Брюнхильде скажете, куда я послан вами.*— Гунтер вновь должен изобразить Зигфрида своим вассалом, которого он якобы послал с поручением.

484. *Сто длинных миль иль больше сын Зигмунда проплыл...*— Край нибелунгов расположен недалеко от Исландии; из строфы 739 явствует, что он находится в Норвегии.

488. *Я — витязь* (Recke).— Зигфрид фигурирует в этой авентюре как одиноко странствующий герой. См. прим. к строфе 1.

491. *Свист палицы железной...*— Палица — обычное оружие великанов в эпосе.

494. *Держал в руке могучей он золотой кистень* — характерное оружие карликов.

497. *За бороду седую его рванувши...*— В бороде у сказочного карлика — источник силы, и тот, кто завладеет его бородой, подчиняет его своей власти.

511. *И обошлась лишь с Зигфридом чуть-чуть похолодней.*— Здесь, как и выше, в сцене первой встречи Зигфрида с Кримхильдой, следует предположить два плана: на первом сдержанное обращение Брюнхильды с Зигфридом мотивируется тем, что она принимает его (или вынуждена делать вид, что принимает) за вассала Гунтера. Но, вероятно, ее холодность на самом деле

вызвана более глубокой причиной, а именно тем, что Зигфрид забыл об их былых отношениях. Эта забывчивость здесь остается совершенно необъясненной, но она была понятна тогдашнему читателю, если он знал сказание (нашедшее отражение в «Саге о Вёльсунгах») о том, как Зигфриду (Сигурду) поднесли напиток забвения, после чего он забыл о Брюнхильд, что и сделало возможным его брак с Гудрун (Кримхильдой).

526. *И больше ей не довелось отчизну увидать.*— В «Песни о нибелунгах» судьба Брюнхильды после гибели Зигфрида не разъясняется, нет никаких намеков на ее самоубийство. Ср. «Старшую Эдду» («Первая Песнь о Сигурде», «Краткая Песнь о Сигурде», «Поездка Брюнхильд в Хель»).

532. *Пусть лучше Зигфрид едет гонцом от вас туда.*— Хаген в очередной раз побуждает Гунтера воспользоваться услугами Зигфрида.

556. *Кримхильда сесть велела посланцу на скамью...*— Тем самым посланцу оказана особая честь. *Тому не нужно золота, кто им богат и так.*— Кримхильда не решается предложить награду Зигфриду не только потому, что он и без того богат, но и потому, что он очень знатен, принятие же дара влечет за собой обязательства со стороны одаренного: получивший подарок считался в какой-то мере подвластным дарителю. Вот причина, по которой Кримхильда ограничивается выражением Зигфриду своей признательности. Он, со своей стороны, изъявляет готовность принять от нее подарок (строфа 557), не страшась зависимости от Кримхильды. Раздав тут же полученные от нее запястья, Зигфрид, наряду с демонстрацией царственной щедрости, доказывает Кримхильде, что для него дороги не сами по себе подарки, а ее милостивый жест.

572. *Придворных дам... восемьдесят шесть...*— Ровно столько же дам взяла с собой Брюнхильда (строфа 525) *...девы... // Покамест не носившие повязки головной.*— Замужние женщины не могли показываться на людях с непокрытой головой, без чепцов.

576. *Под тонким феррандином из аравийских стран...*— Феррандин— материал из шерсти и шелка.

579. *...через реку Гунтер с гостями в Вормс плывет...*— Они ехали по противоположному (правому) берегу Рейна и переправились через реку напротив Вормса.

606. *...воду, чтоб руки умывать...*— Обычай мыть руки перед едой распространился в Европе под восточным влиянием в период крестовых походов. Ср. строфу 1898.

609. *И пособлю вам, Зигфрид, чем только я могу.*— Несмотря на то что Гунтер как брат и король являлся опекуном Кримхильды, требовалось спросить ее согласие на брак.

613. *Я рада выйти за того, кто избран мне в мужья.*— О чувствах речи нет.

614. *И молвил, что слугою ей быть почтет за честь.*— Куртуазная форма благодарности.

616. *Когда же были клятвы обоими даны...*— Тем самым брак считался состоявшимся, церковное венчание не было обязательным.

617. *И Зигфрид против зятя за стол с женою сел.*— Место за столом напротив хозяина дома считалось почетным.

618. *Увидев, как золовка близ Зигфрида сидит, // Надменная Брюнхильда почувствовала стыд...*— Дальнейшая сцена опять-таки может быть «прочитана» на двух уровнях. Явный смысл горя Брюнхильды — оскорбленная сословная гордыня: Зигфрид, который в Исландии представился ей как вассал Гунтера,— не ровня Кримхильде, и Брюнхильда разгневана мезальянсом, заключенным новыми ее родственниками и бросающим пятно и на ее честь. В глазах средневекового человека эта мотивировка огорчения королевы вполне убедительна. Но в поведении и эмоциях Брюнхильды есть и скрытый смысл: Зигфрид некогда любил ее и любим ею, видимо, и поныне, но отверг ее. См. прим. к строфам 331 и 511.

626. *Тогда еще не полнились сердца их жаждой мести.*— Намек на будущую ссору королев (см. авентюру XIV). Подобные часто встречающиеся, начиная с I авентюры, указания на грядущие роковые события придавали поэме драматическую напряженность и связывали ее в одно целое, что было важно при огромном объеме «Песни о нибелунгах».

636. *И кончилась размолвка их расправой с молодым.*— Придворные сцены свадебного торжества вновь сменяются здесь сказочными мотивами. Необыкновенная мощь Брюнхильды, проявленная ею ранее в состязании при сватовстве Гунтера, коренится в ее девственности (символом девственности служит, как обычно, пояс невесты), и лишь тот, кто способен лишить ее Брюнхильду, станет ее господином. Но силой побороть деву Гунтер не обладает, и он терпит унизительное поражение. Вторжение архаического мира магии в куртуазный мир Вормса порождает чудовищный гротеск: невеста связывает жениха и вешает его на крюк, а сама преспокойно почивает в супружеской постели.

645. *Что их союз теперь скреплен у Божья алтаря.*— В правовом отношении церковное венчание, считавшееся в ту пору добровольным, хотя и существенным сакраментальным актом, не придавало браку новой силы. См. прим. к строфе 616.

649. *Женился не на деве — на черте я, наверно.*— Сравнение Брюнхильды с чертом, дьяволицей не раз встречалось в «Песни о нибелунгах» и ранее (см. строфу 438, ср. строфы 442, 450). Сказочно-волшебное переосмыслялось в эпоху христианского средневековья как дьявольское.

655. *Лишь девства Брюнхильду не лишай... //И даже если смерти предашь мою жену,// Вовек тебе расправу с ней я не вменю в вину.*— В песни, предшествующей «Песни о нибелунгах» (по классификации Хойслера, «вторая редакция» «Песни о Брюнхильде», известная ныне по прозаическому пересказу в «Саге о Тидреке»), Зигфрид, в облике Гунтера одолев сопротивление Брюнхильды, проводит с нею брачную ночь, причем меч, который, согласно более древней версии сказания (см. «Сагу о Вёльсунгах»), разделял их на ложе, из «Песни о Брюнхильде» уже исчез. В эпоху сочинения «Песни о нибелунгах» подобная нравственная терпимость была немыслима. Согласно

новой точке зрения, лишение чужой невесты девственности расценивалось как посягательство на супружескую честь, тогда как ее убийство чести не затрагивало.

661. *Как вдруг она увидела, что мужа рядом нет.*— Зигфрид надел плащ-невидимку.

680. *Наверное, беспечность всему виною здесь.*— Возможное толкование этого поступка Зигфрида: он передал эти трофеи Кримхильде как свидетельство своей мощи и превосходства над Гунтером. Отняв у Брюнхильды пояс, Зигфрид лишил ее магической силы, превратил в обыкновенную женщину.

684. *И даже пояс с перстнем Кримхильде передал //Лишь дома...*— Однако Кримхильда во время ссоры с Брюнхильдой утверждала, будто он отдал ей перстень в ту же ночь. См. строфу 847.

690. *Пора и нам сбираться в родную сторону...*— Причина, по которой автор «Песни о нибелунгах» заставляет Зигфрида отправиться к себе домой, заключается, по-видимому, в том, что в поэме он превращен в принца и в качестве такового, естественно, должен был уехать с молодой женой в собственные владения. При этом создается впечатление, что автор смешал воедино Нидерланды с Норвегией (см. ниже).

698. *Не вправе Гунтер уступать нас никому на свете.*— В принципе господа имели право передавать власть над своими вассалами, но с желаниями такого могущественного подданного, как Хаген, приходилось считаться. В этом эпизоде заложен один из источников развившейся в дальнейшем вражды между Хагеном и Кримхильдой.

716. *И дали это имя младенцу не без цели...*— Считалось, что вместе с именем родича к младенцу переходят и его качества.

728. *Как подданный ни знатен...//Все ж воля государя и для него закон.*— Эти слова Брюнхильды сами по себе не противоречат ее дальнейшим утверждениям (в ссоре с Кримхильдой), что Зигфрид — Гунтеров холоп. При Штауфенах служилые люди на службе государя (министериалы) могли достигать весьма высокого социального положения.

739. *Послы скакали быстро и не щадя коней...*— Хотя Зигфрид находился в Норвегии, послы добирались до него верхом. Местоположение Норвегии представляется автору песни до крайности смутно.

743. *Возликовал и Зигмунд...*— Он тоже оказался в стране нибелунгов.

745. *Маркграфу предложили сесть, но он не захотел.*— Согласно церемониалу, послы стоя исполняют поручение, после чего могут считаться гостями и усаживаются, получив приглашение.

755. *Что ж вы не появлялись здесь целых десять лет...*— Итак, со времени свадьбы Зигфрида минуло десять лет. За это время не произошло ничего достойного упоминания. Теперь время опять наполняется событиями: у Кримхильды и у Брюнхильды родились сыновья, по настоянию Брюнхильды было послано посольство к Зигфриду с приглашением посетить Вормс, и назревали иные, более грозные события. О течении времени в эпосе см. вступительную статью.

768. *«Все Гунтер сам расскажет, увидевшись со мной...»* — Послы обязаны были сообщить весть в первую очередь господину.

771. *Все так же ли Кримхильда учтива и мила...*— Неравный брак между Кримхильдой и вассалом (как полагает Брюнхильда) мог отрицательно сказаться на ее поведении. Гере осторожно отвечает лишь на вопрос о том, прибудет ли Кримхильда в гости.

774. *Заполучить в Бургундию его я был бы рад.*— План Хагена завладеть кладом нибелунгов, таким образом, зародился еще до ссоры королев. Это проливает свет на истинные мотивы поведения Хагена в дальнейшем.

784. *И выехать навстречу велит учтивость мне.*— Гунтер желает оказать Зигфриду особо почетный прием как равному себе.

815. *Сидели королевы бок о бок у окна...*— Согласно скандинавской версии сказания («Младшая Эдда», «Сага о Вёльсунгах»), ссора между Брюнхильд и Гудрун происходит на берегу реки, в которой они мыли волосы; Брюнхильд отказалась мочить голову в воде, стекавшей с волос Гудрун, потому что ее муж отважнее.

817. *Меж ними он — как месяц меж звезд порой ночной.*— Сравнение, заимствованное из миннезанга.

819. *...Зигфрид с Гунтером твоим величием равны.*— С этого, собственно, и начинается всерьез роковая ссора между королевами из-за того, чей муж благороднее. Знатность значит в этом обществе больше, чем личные качества, точнее: последние находятся, по тогдашним представлениям, в прямой связи с происхождением лица; кто знатнее, тот и доблестнее.

821. *И Зигфрид мне признался, что он — простой вассал. //А коли так, вассалом он должен и считаться.*— Брюнхильда, видимо, не случайно подчеркивает: раз Зигфрид сам выдал себя за вассала Гунтера, то с ним соответственно и надлежит обращаться; кажется, что внутренней уверенности в справедливости этого утверждения у нее нет, ибо и поведение и облик Зигфрида и раннее ее знакомство с ним побуждают ее думать противоположное тому, что она так яростно утверждает в споре с Кримхильдой. В этой сцене опять-таки можно предположить двуплановость, о которой шла речь выше (см. прим. к строфе 618.). Существенно, однако, отметить, что на переднем плане в словесной тяжбе королев стоит социальный престиж, и их страсти, по крайней мере явно, возбуждены именно соображениями «местничества». Весьма красноречивое перетолкование сказания о любви на сословно-феодальный лад. В споре между Кримхильдой и Брюнхильдой (как и во многих других сценах «Песни о нибелунгах») подчеркивается правовая сторона конфликта. В данном случае это вассальная служба, которой Зигфрид якобы обязан Гунтеру и неисполнение которой вызывает гнев Брюнхильды. Неотъемлемым аспектом средневекового общественного сознания был правовой аспект: существование тех или иных сторон действительности признавали и принимали во внимание постольку, поскольку они были юридически оформлены.

825. *Как он посмел так долго вам дани не платить?*—Дань, или чинш, оброк, платили не рыцари, а подданные неблагородного происхождения.

827. *Перед тобою, первая, войду сегодня в храм...*— То есть публично продемонстрирует свое более высокое положение. В высшей степени показательно, что ссора королев в версии, представленной «Песнью о нибелунгах», в отличие от скандинавской версии (см. прим. к строфе 815), носит публичный характер: начавшись на турнире, она продолжается на людной площади перед собором. Честь человека «героической эпохи», этика которой запечатлена скандинавскими памятниками, страдает даже в том случае, когда она задета не на людях; честь члена феодального общества ущемлена тогда, когда оскорбление нанесено в присутствии других.

835. *Тем временем Брюнхильда со свитою своей //...встала у дверей...*— Следовательно, она не спешит первой войти в храм, а поджидает прихода Кримхильды, очевидно, для того чтобы возобновить ссору — на сей раз при всем дворе и при стечении горожан. См. строфу 838.

838. *«Пускай супруга ленника даст госпоже пройти».*— Буквально: «Холопке не пройти прежде королевской жены». Подобное утверждение, сделанное при всех, приобретало характер несмываемого оскорбления. Оно выводит из себя Кримхильду, и та отвечает Брюнхильде не меньшим оскорблением, от которого до поры воздерживалась. См. строфу 839.

843. *Заплакала Брюнхильда, и первой, перед ней, //Вошла в собор Кримхильда со свитою своей.*— Кримхильда чувствует себя победительницей. Брюнхильда же, вопреки утверждению соперницы, не ведавшая об обмане, который учинили Зигфрид с Гунтером, подавлена.

858. *...я великой клятвой... готов //Поклясться, что не говорил супруге этих слов.*— Зигфрид не лжет: нигде не сказано, что он рассказывал своей жене что-либо о случившемся, он лишь вручил ей пояс вместе с кольцом. Но эти символы были весьма красноречивым свидетельством. Зигфрид готов поклясться лишь в том, что не разгласил тайны, но не в том, что не имело места само происшествие в брачную ночь. В вопросах чести важен не факт, а разглашение его. Гунтер спешит скомкать расследование этого неприятного для него вопроса, скрыв позорную истину. Окружающие тем не менее видят, что дело нечисто и прекращено только по форме. См. строфу 861.

862. *...обязанность мужчины — //Укоротить супруге язык не в меру длинный.*— Действительность, скрывающаяся за культом дамы, здесь обнажается: непослушных жен бьют. См. строфу 894. Но хотя Кримхильда наказана мужем, она имеет основания торжествовать: демонстрацией кольца и пояса было доказано перед всеми, что ее муж — сильнейший. Потерпевшей поражение чувствует себя Брюнхильда, она — жертва обмана, который так и не разъяснился.

864. *...поклялся... что Зигфриду сполна //Воздаст...*— Мщение за поруганную честь Брюнхильды для абсолютно некуртуазного Хагена — не более чем повод устранить Зигфрида. Разоблачение тайны: сильнейший — Зигфрид, а не Гунтер, делает в глазах прозорливого Хагена дальнейшее существование Зигфрида угрозой власти бургундских королей. В исландских сказаниях («Сага о Вёльсунгах» и «Старшая Эдда») инициатива мести исходила от

самой Брюнхильды, подбившей Гуннара умертвить Сигурда, причем именно Хёгни противился этому убийству. В «Песни о нибелунгах», в которой интимные мотивы конфликта оттеснены причинами политическими, эта инициатива принадлежит старшему вассалу ее мужа; роль Хагена вообще резко возросла. Брюнхильда же после сцены ссоры с Кримхильдой фактически элиминируется из повествования (если не считать глухого упоминания ее имени).

870. *Как много стран захватит по смерти зятя он.*— На самом деле никаких земель, подвластных Зигфриду, Гунтер не захватил и не помышлял захватить. После убийства Зигфрида бургунды присвоили принадлежавшие ему сокровища нибелунгов — символ могущества.

872. *Пусть здравствует и дальше наш благородный гость.*— Но Гунтер уже молчаливо согласился с коварным планом Хагена (строфа 870) и лишь боится неудачи (строфы 874—876).

875. *...тайну мужнюю Кримхильда выдаст мне.*— Об этой тайне, о том, что Зигфрида, омывшегося в крови убитого им дракона и потому неуязвимого, можно поразить лишь между лопаток, в «Песни о нибелунгах» нигде ранее не упоминалось. Аудитория, очевидно, знала об этом из других сказаний. См. строфу 899 след.

879. *Присесть радушный Гунтер велел гостям своим, //Один из них ответил: «Мы лучше постоим...»* — ср. строфу 745 и прим. к ней.

880. *Тут сделал Гунтер вид...*— Нерешительный и вероломный Гунтер, многократно клявшийся Зигфриду в том, что добром отплатит за оказанную ему помощь, выполняет здесь роль послушного орудия коварного Хагена и вместе с тем преследует своекорыстные цели: безупречный герой не только заслоняет его, но и постоянно напоминает ему своим присутствием о связывающей их тайне и его, Гунтера, унижении, пережитом во время сватовства и в особенности в брачную ночь. Предательство, по понятиям феодального общества, строившегося на отношениях взаимной верности, было тягчайшим преступлением и грехом.

898. *С тобою мы родня...*— Доверие к сородичам было безгранично.

899. *Однажды... дракона он сразил...*— Об этом чудесном подвиге юного Зигфрида автор упоминает лишь вскользь. Слушателям, по-видимому, было известно сказание о поединке с Фафниром (один из вариантов его — в «Саге о Вёльсунгах» и в «Старшей Эдде» — «Речи Фафнира»), а к сюжету «Песни о нибелунгах» он не имел прямого касательства.

904. *И шелковою нитью супругу своему //Едва заметный крестик на месте вышью том...*— Здесь есть несообразность: крест был вышит Кримхильдой на боевой одежде Зигфрида, в которой он собирался сражаться против саксов, но затем он оказался на его охотничьем платье. См. строфы 975, 980 след. Автор намеренно допускает подобную несообразность,— ведь в результате выдачи Хагену тайны уязвимости Зигфрида Кримхильда стала невольной соучастницей убийства мужа. Впоследствии на протяжении многих лет ее будут терзать угрызения совести. Строфы 1111 след.

911. *Вогезский лес* — местность, расположенная, как и Вормс, на левом

берегу Рейна, но помещенная автором поэмы, который плохо знал области Европы за пределами Австрии, на правом его берегу. См. строфы 918, 927. Напротив, во время похода против саксов и датчан вормсская армия не переправлялась через Рейн, хотя это было необходимо. Название «Вогезский лес» (Васкенвальд) заимствовано в поэме из популярного в средние века произведения «Вальтарий» (IX в.), среди действующих лиц которого — Хаген, Гунтер, Аттила (частичный перевод см. в кн.: «Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков». М., 1970).

913. *Не отказался Зигфрид участвовать в охоте.*— Охота на диких зверей, в то время в изобилии водившихся в густых лесах, была одним из наиболее излюбленных развлечений феодалов.

917. *На смерть Брюнхильдой мстительной смельчак был обречен.*— Здесь воспроизводится старый мотив убийства Зигфрида по воле Брюнхильды. См. прим. к строфе 864. По скандинавской версии Сигурд был умерщвлен во сне, когда лежал в постели вместе с Гудрун.

921. *Мне сон дурной приснился: гнались два кабана...*— Ср. вещий сон Кримхильды в строфе 13. Кабан — в германской поэзии символ воина.

924. *Мне сон дурной приснился: стоял ты меж двух гор...*— В отличие от сна в строфе 921 этот сон считается позднейшим добавлением.

926. *Лишь Гизельхер и Гернот отсутствовали там...*— Младшие братья короля не желали быть замешанными в заговоре. Однако, согласно строфе 865, Гернот первоначально разделял замысел Хагена.

935. *Затем на льва огромного в лесу наткнулся он.*— Лев на Рейне придает сказочный характер охоте.

953. *От этого колчана струились ароматы — //Был шкурою пантеры отделан он богато.*— Согласно зоологическим представлениям средневековья, в большей части фантастическим (они нашли выражение в «Бестиариях» — трактатах, посвященных описанию свойств животных), благоухание, источаемое шкурою пантеры, приманивало зверей.

972. *Пошли герои к липе, стоявшей над ручьем...*— Липа — излюбленное дерево в средневековой лирической поэзии. *Наш знатный гость.*— Умерщвление гостя и, следовательно, нарушение правил гостеприимства считалось особенно гнусным видом убийства.

993. *Я рад, что вас от гордеца избавил наконец.*— Буквально «от его власти». Здесь Хаген открывает подлинную причину своей ненависти к Зигфриду. В минуту искренности он не ссылается на якобы защищаемую им честь Брюнхильды.

995. *И участь сына... в меня вселяет страх.*— Зигфрид озабочен не положением сына, в безопасности жившего в Ксантене у деда, а тем позорным пятном, которое материнская родня наложила на него злодейским убийством.

996. *Я вас молю моей жене во всем опорой быть.*— Ср. «Сагу о Вёльсунгах»: умирающий Сигурд говорит Гудрун: «Не плачь!.. живы твои братья на радость тебе...» Несмотря на то что бургунды нанесли Зигфриду смертельный

удар, они остаются опекунами его вдовы и обязаны оказывать ей родственную помощь. От родственных чувств к братьям поначалу не отрекается и сама Кримхильда. См. ниже.

1002. *Из-за зверя...*— Сравнение героя со зверем было распространено в германской поэзии; см. строфу 921.

1003. *К дверям Кримхильды отнести велел мужам своим.*— В более ранней версии убийцы бросают тело Зигфрида на постель Кримхильды и весело пируют. Автору «Песни о нибелунгах» это показалось, очевидно, слишком грубым и жестоким.

1012. *Сражен ты не в бою, //А пал от рук убийцы — ведь добрый щит твой цел.*— Показательна первая реакция жены при виде мертвого мужа — ее волнует, какою смертью он умер: в бою со славою или бесславно, от рук убийцы? *Ах, если б только знала я, кто сделать это смел!* — Эти слова Кримхильды не противоречат сказанному ею же чуть раньше (строфа 1010): она подозревает Хагена, но в справедливости столь серьезного подозрения еще надлежит удостовериться (см. строфы 1024, 1033), и для этого существовала особая процедура, а именно испытание обвиняемого. См. строфы 1043—1045. И только после получения столь неопровержимого, по тогдашним верованиям, доказательства месть была оправдана. О правовом аспекте средневекового сознания см. прим. к строфе 821.

1014. *Чтоб мог мой свекор Зигфрида со мной оплакать вместе.*— Оплакивание было долгом родственников по отношению к покойному.

1021. *Собрал король немедля сто витязей своих.*— Зигмунд готов немедля мстить. Ср. строфу 1027.

1033. *Вам выждать есть расчет...*— Месть могла воспоследовать не сразу же после убийства, а быть отложена до наиболее благоприятного момента. В данном случае Кримхильда ее отсрочила более чем на четверть века!

1034. *Но по заслугам им Господь воздаст в свой срок и час.*— Христианская идея божьего возмездия далека от принципа кровной мести, осуществляемой самими людьми, и церковь в средние века месть осуждала (хотя подчас и вынуждена была с нею на практике мириться).

1043. *Им нужно только к трупу вплотную подойти...*— Эта форма испытания («Божьего суда») была относительно новой, и поэтому автор песни считает нужным объяснить ее. В раннее средневековье в подобных случаях применялись испытания железом или котелком: подозреваемый мог очиститься от обвинения, если на его теле не оставалось следов ожога от докрасна раскаленного железа, которое он держал в руках или по которому ступал босиком, либо от кипящей воды, в которую он должен был погрузить руку.

1046. *Меня лишили мужа ты сам и Хаген твой.*— Несмотря на то что Кримхильда прямо обвиняет Гунтера в убийстве мужа, она остается жить у него, а не уезжает к свекру и собственному сыну, мотивируя это тем, что в Вормсе у нее родня (строфа 1088).

1058. *Хоть Зигмунд яств немало принесть велел туда.*— Поминальная трапеза была обязательным обрядом.

1061. *Кримхильда одарила участками земли.*— Нормальная форма использования земельных владений в феодальную эпоху состояла в наделении ими зависимых крестьян, которые платили ренту собственнику; широко практиковались дарения таких земель, или поступлений с них, в пользу церкви «на помин души» или «во спасение души» дарителя или его близких.

1085. *Ведь в крае нибелунгов я буду всем чужой.*— Кримхильда не имеет кровных родственников в стране нибелунгов. Но свекор, свекровь и сын у нее все же есть. Однако это не ее род, а род ее покойного мужа. Страна нибелунгов (Норвегия) и Нидерланды автором здесь окончательно перепутаны и смешаны воедино. Ср. строфу 1098.

1086. *Никто вас в гибели его не станет обвинять.*— Подобные обвинения могли бы возникнуть, поскольку Кримхильда — представительница рода убийц Зигфрида, и, следовательно, за него можно мстить и ей.

1087. *...у вас ребенок есть.*— Привязанность к роду была сильнее родительских чувств, и Кримхильда остается безучастной к этому призыву.

1093. *Коль станет нам известно, кто Зигфрида сгубил...*— Поэт здесь как будто забывает, что виновник уже известен.

1100. *Чем в свой черед и на себя накликала беду.*— Туманный и оставшийся в «Песни о нибелунгах» не разъясненным намек на дальнейшую судьбу Брюнхильды. Ее роль в развитии сюжета исчерпана. С исчезновением обоих чужаков — Зигфрида и Брюнхильды— в Вормсе нарастает основной конфликт эпопеи — междоусобная борьба. В скандинавской версии Брюнхильд, напротив, активна до конца. Она закалывает себя, не желая пережить Сигурда, которого любила и обрекла на смерть. Тела Сигурда и Брюнхильд были сожжены на одном погребальном костре. В отличие от исландского эпоса, придавшего образу Брюнхильд черты высокого героизма, в первой части «Песни о нибелунгах», по выражению Хойслера, вместо трагедии Брюнхильды дана история первого замужества Кримхильды.

1106. *Три с половиной года...*— очередной промежуток «пустого» времени в эпосе. Такими интервалами большей или меньшей длительности разделены описываемые в «Песни о нибелунгах» события. Инициатором нового деяния — отнятия клада Зигфрида — вновь выступает Хаген.

1107. *Клад нибелунгов.*— Древнегерманское представление о том, что сокровища составляют основу могущества короля и вместе с тем материализованный символ его власти, сохраняется и в «Песни о нибелунгах», хотя уже в стертом, не вполне ясном виде. См. вступительную статью.

1112. *Нет, тех, кем сгублен Зигфрид, я не могу простить.*— Согласно германскому праву, те, кто знал о злодеянии, считались соучастниками.

1116. *Как свадебный подарок, его ей дал супруг...*—После первой брачной ночи муж вручал жене «утренний дар».

1119. *Осталось бы, конечно, сокровище у нас, //Когда б... не исчез... // Плащ-невидимка...*— Этот плащ укрыл бы от взоров людей Кримхильды как Альбриха, так и охраняемый им клад.

1120. *Себе на горе взял он плащ-невидимку...*— С помощью этого плаща

Зигфрид навлек на себя гибель, осуществив сватовство Гунтера и покорив ему Брюнхильду.

1124. *Был там и жезл волшебный...*— Однако эта сказочная волшебная палочка в эпопее более не упоминается.

1128. *...витязи на службу к ней повалят валом, //А это для Бургундии не кончится добром.*— Хаген боится, что, окружив себя дружиной, Кримхильда сможет отмстить за Зигфрида.

1129. *Сестра — хозяйка клада... //Как с ним она поступит, мне, право, дела нет.*— Вдова не состояла под опекой родичей и могла самостоятельно распоряжаться своим имуществом.

1132. *Ему поддался Гунтер, обет свой преступил...*— Под напором железной воли Хагена Гунтер, как и обычно, пасует.

1134. *Его мы в воды Рейна опустим...*— Совет Гернота не мотивирован в «Песни о нибелунгах». В скандинавской версии сказания Гуннар и Хёгни прячут золото в Рейне перед отъездом к Атли, который хотел бы им завладеть. О погружении золота в Рейн в скандинавских источниках см. «Старшую Эдду» («Песнь о Вёлунде», 14; «Краткая Песнь о Сигурде», 16; «Гренландская Песнь об Атли», 27), а также «Младшую Эдду».

1135. *Брат мой, сестре защитой будь.*— Гизельхер, однако, уклоняется от принятия на себя этой функции, откладывая вопрос о возврате Кримхильде золота до своего приезда домой, а Хаген тем временем топит клад в Рейне. Мало этого, внезапный отъезд трех королей выглядит как способ избежать ответственности за потопление сокровища, свалив ее целиком на Хагена и даже на время удалив его из Вормса.

1140. *Друг другу дали клятву... //Не прикасаться к кладу, покуда жизнь их длится. //И никому не открывать, где он теперь хранится.*— Об этой клятве см. строфу 2368.

1142. *Так, после смерти мужа... //Тринадцать лет Кримхильда жила, скорбя о нем.*— Новый длительный «пустой» промежуток, отделяющий вышеописанные события от нового «узла» — сватовства и женитьбы Этцеля на Кримхильде. За столь длительный срок нисколько не притупляется горе Кримхильды. Чувства людей в эпосе вообще не подвластны ходу времени. Здесь завершается первая часть «Песни о нибелунгах». Она охватывает десять или одиннадцать лет, от появления Зигфрида в Вормсе и вплоть до отнятия у его вдовы клада нибелунгов. Начало второй части эпопеи, открывающейся XX авентюрой, отделено от первой тринадцатилетним интервалом.

1143. *Хельха* — первая жена Этцеля (Аттилы), короля гуннов. В современных Аттиле источниках ее имя Керка. Центр гуннской державы находился на Среднем Дунае, на территории, которая столетия спустя была заселена венграми; однако автор поэмы прямо называет ее Венгрией (строфа 1162). Путь из гуннской империи в Бургундию шел через подвластную Этцелю Австрию (на самом деле не существовавшую во времена Аттилы), Баварию и Швабию. Аттила был чрезвычайно популярен на протяжении всего средневековья. Но в разных легендарных традициях он интерпретировался неоди-

наково, даже прямо противоположным образом. У остготов, чья традиция сохранилась в Баварии и нашла отражение в сказаниях о Дитрихе Бернском и, через их посредство, в «Песни о нибелунгах», он фигурирует в качестве могучего и милостивого государя, тогда как от враждовавших с ним франков пошла традиция, изображающая его как дикого и алчного захватчика; см. исландские песни об Атли в «Старшей Эдде».

1144. *Живет вдова на Рейне, прекрасна и знатна.*— Во второй части «Песни о нибелунгах» использован иной материал, нежели в первой,— традиция, связанная с именами Этцеля и Дитриха Бернского. Нетрудно убедиться в том, что эти персонажи вводятся в эпопею без всяких пояснений,— видимо, предполагалось, что читателю они знакомы. Между тем Кримхильда и ее братья — бургундские короли вновь характеризуются как якобы новые персонажи (см. строфу 1148 и др.) Очевидно, составитель эпопеи при обработке более ранних песен не до конца устранил строфы с соответствующими пояснениями, которые в контексте «Песни о нибелунгах» кажутся повторением ранее известного.

1145. *Язычник я доселе...*— Религиозные проблемы затрагиваются в «Песни о нибелунгах» редко и неохотно. Исторический Аттила действительно был язычником, но здесь он рассуждает о вероисповедных различиях между собой и Кримхильдой чуть ли не с позиций христианства: упоминает «чудо» и вообще как бы признает превосходство ее религии над собственной.

1147. *Рюдегер Бехларенский* — персонаж сказания о Дитрихе Бернском. Бехларен — в Австрии.

1157. *В стране гостил он вашей, и вы его знавали.*— Не сохранилось памятников, которые упоминали бы о пребывании Зигфрида у гуннов или о встрече его с Этцелем. Возможно, автор исходил из убеждения, что всякий прославленный герой не мог не посетить двор Этцеля — средоточие витязей (подобно дворам Карла Великого и Артура в других средневековых рыцарских поэтических циклах).

1159. *Гетелинда* — тоже персонаж сказания о Дитрихе Бернском.

1164. *...так обоз надежно оберегала стража...*— Частые в песни упоминания об охране обозов и путников и об опасности разбоя, которому они могли подвергнуться,— отражение средневековой повседневной действительности.

1174. *Через страну баварцев...*— Автор, как предполагают, житель Пассау (Австрия), склонен изображать соседей-баварцев в виде разбойников с большой дороги. Недоверчивое или враждебное отношение к другим народам или к жителям иной местности, вообще к «чужим» — характерный признак средневековой разобщенности и партикуляризма.

1177. *«Как звать их?» — кликнув Хагена, спросил его король.*— Хаген в поэме неизменно фигурирует в роли не только самого инициативного, но и наиболее осведомленного человека.

1180. *Хоть я в гостях и не был у Этцеля давно...*—Согласно «Вальтарию» (см. прим. к строфе 911), в молодости Хаген был заложником при гуннском дворе. Ср. строфы 1189, 1201, 1205 и др.

1182. *Он выбежал с друзьями во двор встречать гостей...*— Радость встречи с друзьями подчеркивается нарушением церемониала и присущей Хагену степенной важности. Особую честь Рюдегеру оказывает и сам король. См. строфу 1185 след.

1191. *Встал Рюдегер и встали все, кто вошел с ним в зал.*— Обычная церемония при изложении послами поручения, с которым они прибыли.

1202. *Король распорядился, чтоб вся его родня//И все его вассалы пришли держать совет...*— Сватовство Этцеля представляло собой дело чрезвычайной государственной важности.

1210. *Немало будет витязей на службе у нее.*— Хаген, как и обычно, мыслит более реалистично, чем бургундские короли, и предвидит возможные гибельные для них (и для себя) последствия отъезда Кримхильды в гуннскую державу. Но можно заметить, что этот «политический реализм» Хагена имеет немало общего с пониманием германским героем своей судьбы. В северной версии сказания Атли пригласил Гуннара с братьями, с тем чтобы завладеть их сокровищами и отмстить за гибель Брюнхильд, по этой версии — его сестры.

1215. *Богат владыка гуннов, могуч и знаменит.*— Хотя бургундские короли и настаивают на том, что пекутся исключительно о счастье сестры, намереваясь склонить ее к браку с Этцелем, из настойчивости, с какой они преодолевают сопротивление Кримхильды, явствует, что на самом деле они заинтересованы в династическом союзе с гуннским повелителем.

1247. *Подумала Кримхильда, что будет вновь она //Казною и одеждой всех одарять вольна...*— Помимо мысли о представляющихся ей средствах отмстить своим врагам за Зигфрида, которая, вероятно, уже возникла в ее сознании (см. строфу 1259), Кримхильду, несмотря на всю ее печаль, соблазняет возможность вести образ жизни, сопровождающийся щедрыми раздачами даров приближенным,— с точки зрения поэтов той эпохи, это и был наилучший образ жизни, единственно достойный коронованных особ. Кримхильда лишилась такой возможности после отнятия у нее клада нибелунгов.

1248. *Но тут же спохватилась: «Коль христианка я, //Язычника невместно мне избирать в мужья...»* — Еще одно из немногих мест в «Песни о нибелунгах», где автор вспоминает о религии. Впрочем, вероисповедные трудности приходят на ум Кримхильде в последнюю очередь. Несколько ниже ссылка на язычество Этцеля звучит уже просто как несостоятельная отговорка (строфа 1261 след.).

1257. *«Тогда клянитесь мне, //Что за меня отмстите любым моим врагам».*— Связанный этой клятвой Рюдегер обрекает себя на гибель (авентюра XXXVII).

1260. *Я ж привязать сумею к себе его бойцов: //Быть щедрою нетрудно, когда твой муж богат...*— План Кримхильды: привлечь к себе щедрыми подарками гуннских воинов, с тем чтобы использовать их для мести за Зигфрида, оказывается решающим в ее согласии выйти замуж за Этцеля.

1265. *Пусть их при вас лишь двое...* — Это не нужно понимать буквально: имеются в виду маркграфы Гере и Эккеварт, не считая дружинников у них на службе.

1272. *И золото не выдам, чтоб не попасть в беду.* — То, что Хаген в эпопее дважды посягает на богатства Кримхильды, возможно, вызвано не вполне удачной обработкой в «Песни о нибелунгах» более ранней традиции; не исключено, что отнятие клада нибелунгов произошло, согласно более ранней версии, лишь при отъезде Кримхильды в гуннскую державу.

1295. *И монастырь старинный стоит, поныне цел.//Епископ Пильгрим, муж святой, тем городом владел.* — Епископ Пильгрим — брат королевы Уты. У этого персонажа был исторический прототип: в конце X в. Пассау действительно управлял епископ Пильгрим, гробница которого в конце XII в., то есть незадолго до возникновения «Песни о нибелунгах», стала пользоваться большой известностью и служила местом паломничества, так как распространялась молва, что близ нее исцелялись недужные. Исследователи высказывали предположение, что автором песни мог быть клирик из окружения Вольфгера, пассауского епископа в 1191—1204 гг. Этот поэт, желая прославить своего сеньора, ввел в эпопею эпизод с его отдаленным предшественником. В таком случае подтверждается датировка «Песни о нибелунгах» первыми годами XIII в. Ср. прим. к строфе 10. Вольфгер покровительствовал поэтам, в частности Вальтеру фон дер Фогельвейде; не исключено, что он мог быть покровителем анонимного автора «Песни о нибелунгах». Св. Пильгрим оказался в песни современником Аттилы, будучи в действительной истории отделен от него пятью столетиями, — эпос не считается с исторической хронологией и легко перемещает события и исторических персонажей из одной эпохи в другую.

1302. *Меж тем до Эффердинга Кримхильда доскакала.* — В этой части песни, описывающей события, происходившие в придунайских районах, автор, как полагают — австриец, проявляет несравненно лучшее знание географии, нежели при повествовании, местом действия которого были прирейнские области или Северная Европа. *Живет в стране баварской лихих людей немало...* — См. прим. к строфам 1164 и 1174.

1304. *Траун, Эннс* — притоки Дуная.

1328. *Мёльк* — город в Австрии на берегу Дуная.

1329. *Маутерн* — город в Австрии на берегу Дуная.

1331. *Трайзен* — река, за которой начинались владения гуннов.

1334—1335. *Будь то боец языческой иль христианской веры. //Такого не увидишь теперь уже вовек.* — Мирное совместное пребывание при дворе Этцеля рыцарей разных вероисповеданий изображено здесь как нечто исключительное и небывалое, и справедливо: в современной автору эпопеи Европе царила религиозная нетерпимость.

1338. *Его сопровождали бойцы из разных стран...* — В державу Этцеля входили многие народы, и, кроме того, к нему на службу отовсюду стекались воины.

1343. *Гибих, король большой страны...*— Гибих (сканд. Гьюки) — в более ранних преданиях отец бургундских королей, но в «Песни о нибелунгах» в этом качестве упоминается Данкрат (строфа 7).

1345. *Ирнфрид.*— В этом имени видят отголосок имени тюрингского короля Германфрида (VI в.).

1346. *Блёдель* — подлинное лицо; согласно имеющимся сведениям, Аттила устранил своего брата Бледа как опасного соперника.

1347. *Дитрих Бернский* — герой эпических преданий. Его прототип — остготский король Теодорих Великий (471—526 гг.), завоеватель Италии (в 493 г.), *Берн* (Верона) — его резиденция. Согласно посвященным ему песням, «поставившим историю с ног на голову» (Б. Нагель), Дитрих был изгнан из своего королевства и нашел пристанище при дворе Этцеля.

1354. *Немцы* — единственное во всей эпопее упоминание немцев как общего обозначения германоязычных народностей в противоположность гуннам и другим племенам в державе Этцеля. В других местах песни фигурируют баварцы, бургунды, австрийцы, но не немцы,— показатель тогдашнего низкого уровня национального объединения и самосознания жителей Германии, дробившейся на различные княжества, причем это расчленение частично совпадало со старым племенным делением.

1358. *До свадьбы разрешил маркграф им лишь рукопожатья.*— После отъезда из Вормса и вплоть до вступления в брак с Этцелем Кримхильда находилась под покровительством Рюдегера.

1367. *Семнадцать суток в Вене тянулся праздник шумный...*— Высказывалось предположение, что прообразом этой свадьбы явились празднества при дворе бабенбергского герцога в Вене, возможно, еще одного покровителя автора «Песни о нибелунгах», который таким образом увековечил пышность «пленительного венского двора» (выражение Вальтера фон дер Фогельвейде).

1374. *По десять сотен марок иль более того //От Этцеля досталось двум шпильманам его.*— То, что в этом описании состязания в неуемной щедрости специально названы богатые дары, доставшиеся шпильманам, вряд ли сделано без умысла: внушить знатным читателям эпопеи мысль о желательности и необходимости награждать поэтов.

1376. *Хаймбург* — город на границе Венгрии.

1387. *За Этцелем Кримхильда жила шесть с лишним лет,//А в год седьмой...*— Временной интервал в поэме, отделяющий предыдущие события от момента рождения сына Кримхильды и Этцеля и ничем не заполненный, тут же сменяется новым (строфа 1390), так что в общей сложности от свадьбы при гуннском дворе до приглашения бургундов к Этцелю прошло тринадцать лет, а всего дистанция между двумя ключевыми событиями эпопеи — убийством Зигфрида и отмщением за него — двадцать шесть лет.

1391. *Она не позабыла зла, что причинили ей.*— Вспомним, что расчет отомстить побудил Кримхильду принять сватовство Этцеля. Таким образом, она вынашивала мысль о мести на протяжении всей своей сознательной жизни. Месть у германцев, как явствует, например, из исландских саг, далеко

не всегда следовала немедля после оскорбления,— она могла быть отложена до благоприятного момента, подчас на довольно долгий срок. Но, разумеется, оттяжка отмщения в «Песни о нибелунгах» более чем на четверть века — симптом эпической концепции времени. Как видно из дальнейшего повествования, хотя Кримхильда необычайно долго собиралась мстить, к моменту прибытия в державу Этцеля ее братьев и Хагена ничего не было подготовлено, и ей пришлось уговаривать помочь ей сперва Дитриха Бернского, а затем, встретив отказ с его стороны, Блёделя (авентюра XXXI).

1394. *Вновь пробудил сам дьявол... //В ней прежнюю обиду...*— Впоследствии (см. строфы 1748, 2371) и сама Кримхильда именуется (устами Хагена и Дитриха Бернского) «дьяволицей», «ведьмой». В то время подобные слова еще не утратили своего изначального значения, и их употребляли не в современном стертом смысле, как ничего реально не означающие ругательства. Кримхильда стала «ведьмой» потому, что вражду к родному брату ей действительно внушил «сам дьявол»,— в соответствии со средневековыми представлениями о том, что на злые мысли и поступки человека наталкивает завладевающая им нечистая сила.

1395. *...стала против воли язычнику женой.*— Это включение религиозного мотива не очень убедительно, так как известно, что возражения вероисповедного свойства не остановили Кримхильду при вступлении в брак с Этцелем. К тому же она согласилась на этот брак добровольно (хотя и после долгих колебаний) и жила с ним счастливо (в отличие от скандинавской версии сказания).

1403. *А то уж люди тут меня безродною прозвали.*— По средневековым понятиям, человек, живущий на чужбине, вдали от сородичей,—неполноценный человек. Ср. строфу 1082.

1407. *Доверю быть послами я шпильманам своим...*— В отличие от предыдущего посольства, порученного маркграфу Рюдегеру, с новым посольством Этцель направляет незнатных, хотя и «добрых» шпильманов. Исследователи усматривают в трактовке этого эпизода сохранение фрагмента более ранней поэмы, сложившейся в дофеодальный период.

1409. *...посланцы, две дюжины числом...*— Таким образом, свиту шпильманов составляли рыцари; в этой несообразности обнаруживается противоречие между старым и новым «пластами» эпопеи.

1419. *Ведь здесь, у гуннов, долго жил он в юные года.*— Новое указание на былое пребывание Хагена при дворе Этцеля. См. прим. к строфе 1180.

1427—1428. *Скажу вам, не гадая... //Что золотом осыпал двух шпильманов прелат...*— Хойслер усматривает в этих словах прикрытое серьезностью озорство автора: предполагаемый его покровитель епископ Вольфгер Пассауский (см. прим. к строфе 1295) должен был увидеть здесь намек на необходимость вознаграждать труд поэта.

1431. *...владетель Тронье... //Вербеля со Свеммелем узнал...*— Как и обычно, Гунтер не знает имен новоприбывших и страны, откуда они приехали, а всеведущий Хаген дает необходимые объяснения.

1434. *Наряд дорожный гуннов...*— Послы меняют свой роскошный наряд не из пустого чванства, а ради достоинства представляемого ими монарха. Примечательно здесь то, что шпильманы, обычно фигурирующие в качестве получателей даров, в данном случае сами расточают их. Богатое платье в те времена было немалой ценностью.

1450. *А вы пока с дороги ступайте отдыхать...*— Король не предлагает им разделить с ним трапезу; по исполнении ими своей официальной миссии шпильманы переданы Гунтером на попечение слуг как лица нерыцарского звания.

1458. *Мы все погибнем там, король.*— В «Саге о Вёльсунгах» Хёгни, брат Гуннара, также отговаривает его от принятия приглашения Атли, подозревая недоброе.

1464. *В край Этцеля дорогу //Получше, чем другие, я знаю...*— Несмотря на ясное понимание опасности, подстерегающей их у гуннов, Хаген готов сопровождать королей в их поездке и перестает им перечить, как только слышит о сомнениях в его мужестве,— подобное подозрение в высшей степени оскорбительно и невыносимо. Ср. строфу 1512 след.

1467. *Чем плохо вам на Рейне, где ваша жизнь прекрасна...*— Для «материалиста» Румольта существуют только чувственные радости. Его образ контрастирует с куртуазными братьями короля и выглядит гротескно. Слова Румольта вызвали насмешку Вольфрама фон Эшенбаха в «Парцифале». См., однако, строфу 1517 след.

1477. *Был Фолькер из презнатной, владетельной семьи...*— Хотя Фолькер впервые упомянут еще в самом начале «Песни о нибелунгах» (строфы 9, 162 и др.), здесь, во второй части поэмы, имеющей иные источники, нежели первая, он опять рекомендуется читателю как якобы новый персонаж. В рыцарское звание он «возведен» поэтом лишь в этой части эпопеи, где он становится одной из наиболее любовно выписанных фигур.

1480. *...чтоб только за семь дней //До нашего отъезда они пустились в путь.*— За столь короткий, по средневековым представлениям, срок гунны не успели бы приготовить для бургундов ловушку, которой опасался Хаген.

1485. *...к Брюнхильде благородной...*— Последнее упоминание о Брюнхильде, не играющей в повествовании более никакой роли. В строфе 1515 ее имя не названо, хотя она и имеется в виду.

1488. *Однако отказались послы принять его — //Они страшились прогневить владыку своего.*— Принятие подарка налагает обязанности па получателя; в этом нет ничего унизительного для шпильмана, вообще для человека, стоящего в социальном отношении ниже дарителя, но в данном случае шпильманы представляли самого Этцеля, и принятие его посланцами даров Гунтера могло бросить тень на честь гуннского монарха. С другой стороны, их отказ взять подарки оскорблял бургундского короля, считавшего себя во всем равным Этцелю, и Гунтер принудил их взять подаренное. См. строфы 1489—1490.

1492. *Поэтому пришлось гонцам у ней подарки взять.*— В отличие от даров Гунтера, подарки Уты послы могли спокойно принять: они служили знаком благодарности матери за принесенные ими добрые вести от дочери.

1510. *Не страшны сны дурные...//Тому, кто служит долгу и чести верен твердо.*— Раз решено ехать к гуннам, Хаген, вначале столь энергично противившийся этой поездке, призывает не медлить. Он не пренебрегает вещими снами, но придерживается фаталистической установки: судьбы не избежать, поэтому надлежит смело идти ей навстречу.

1517. *...служил один вассал//Усердно, верно, храбро, как долг повелевал.*— Здесь и далее образ Румольта, которому Гунтер доверяет управление страной на время своего отсутствия, существенно иной, чем выше; см. строфу 1465 след. Несколько странно, что регентом назначен начальник над кухней.

1519. *И облегчай посильно несчастным бремя бед...*— идеал христианского правителя.

1523. *Вассалы-нибелунги* — имеются в виду не богатыри, приведенные некогда Зигфридом из Норвегии, а бургунды, ибо во второй части «Песни о нибелунгах» это имя перенесено на них, может быть, потому, что в сознании автора эпопеи имя «нибелунг» было связано с обладанием кладом, а его присвоили бургундские короли.

1525. *Швальбенфельд* — область на границе Франконии, Швабии и Баварии.

1531. *Гельфрат* — баварский маркграф.

1533. *Сестры вещие* — сказочные существа, обитавшие в воде и обладавшие сверхъестественной способностью предсказывать судьбу. Эти русалки сразу же узнают Хагена, см. строфу 1535.

1538. *...отдал сестрам волшебный их наряд.*— По-видимому, тот, кто завладевал нарядом вещих жен, приобретал власть и над ними самими. В «Саге о Тидреке» Хаген, услышав страшное пророчество русалок, обнажает меч и рассекает обеих надвое.

1539. *Сын Альдриана Хаген.*— Имя отца Хагена известно лишь из второй части «Песни о нибелунгах». Это имя указывает на то, что отец Хагена был альб (см. прим. к строфе 9).

1551. *Богат был перевозчик...*— Здесь — вассал баварского герцога, управляющий переправой и выполняющий также военную службу. Сам Хаген тоже в юности служил перевозчиком (см. строфу 1570).

1573. *Он десять сотен вормсцев сперва отвез туда...*— Все многотысячное войско Хаген сумел переправить в одной лодке за день! Автора песни это, очевидно, не смутило, но в одной из версий песни прибавлена строфа, при помощи которой неизвестный «редактор» пытался выйти из положения: «корабль был достаточно крепок и широк для того, чтобы принять на борт зараз более пятисот человек вместе с оруженосцами и снаряжением, а на веслах сидело много рыцарей».

1575. *Был за борт сброшен Хагеном несчастный капеллан.*— Столкнув в реку священника, Хаген пытается его утопить, но безуспешно. Никакой враж-

дебности ни к этому капеллану, ни к духовенству вообще у Хагена нет,— он желает лишь проверить истинность рокового пророчества вещих русалок, которые открыли ему, что из всего войска спасется один только дворцовый капеллан: парадоксальное сближение языческой веры в Судьбу с христианством!

1581. *Владетель Тронье в щепы разнес борты челна...*— В этом поступке Хагена находит выражение вера в Судьбу и решимость идти ей навстречу; только что убедившись на примере капеллана в правильности предсказания о неминуемой гибели всех участников похода, он отрезает у своих спутников последнюю возможность возвращения. Герои должны без колебания встретить свой удел. В «Саге о Вёльсунгах» Гуннар с братьями, переправившись на кораблях в страну Атли, по прибытии «не привязали своих стругов»: мысль о возможности уклониться от предопределенной им доли так же чужда им, как и Хагену в «Песни о нибелунгах».

1588. *...все мы на чужбине найти конец должны...//Готовьтесь дать отпор врагам...*— Поведав войску о грозящей ему гибели, Хаген одновременно призывает его привести себя в боевую готовность, для того чтобы достойно и мужественно встретить судьбу. Эта весть не вызывает колебания воинов,— герои лишь «*побледнели в предчувствии беды*» (строфа 1590) и двинулись дальше.

1591. *Меринг* — город в Баварии, на Дунае.

1606. *Знай, я немалый выкуп дать за него готов.*— По старым германским обычаям, убийца мог выплатить возмещение за убитого, тем самым предотвратив месть сородичей (в данном случае — сеньора). Гельфрат, однако, отклоняет это предложение.

1634. *Хаген ему клинок вернул...*— Эккеварт, приближенный и казначей Кримхильды, оказывается здесь единственным стражем границ владений Рюдегера. Эта странность объясняется, вероятно, тем, что Эккеварт в подобной функции был заимствован автором «Песни о нибелунгах» из более раннего источника, где он был посланцем Кримхильды, которая хотела предостеречь братьев о грозящей им у Этцеля опасности; после того как Кримхильда стала их злейшим врагом, желающим заманить их в гуннские земли, появление здесь Эккеварта лишилось смысла. Поэтому Хойслер полагает, что в данном случае речь идет о другом Эккеварте, не приближенном Кримхильды, а воине Рюдегера. Возвращая ему оружие, Хаген проявляет рыцарственное благородство. В благодарность Эккеварт предупреждает Хагена о грозящей ему и его спутникам опасности (строфа 1635).

1643. *...меч свой отвязав...*— В знак того, что он привез мирное известие.

1657. *...маркграф был с ним знаком.*— Очевидно, они знакомы со времен пребывания юного Хагена при дворе Этцеля.

1662. *В воротах, ожидая прибытия гостей, //Стояли маркграфиня и дочка рядом с ней.*— Особенная честь, оказываемая гостям; обычно дамы встречали прибывших в доме. Радостная сцена приема бургундов в Бехларе-

не образует выразительный контраст с последующим описанием драматических событий при дворе Этцеля.

1665. *Дочь Рюдегера... //Лобзанием хотела и Хагена почтить, //Но долго страх пред ним была не в силах победить.*— Дочь Рюдегера охватывает как бы предчувствие несчастья — гибели ее будущего жениха Гизельхера. Инициатор их брака — именно Хаген (строфа 1678).

1676. *Изгнанники мы с нею, в чужой земле живем.*— Рюдегер, подобно многим другим знатным лицам, жил в изгнании в гуннской державе, Бехларен был его леном, пожалованным ему Этцелем.

1678. *Служить столь знатной госпоже любой за честь почтет.*— Благородство происхождения ставится выше обладания земельным владением. Можно предположить, что Хаген, устраивая помолвку Гизельхера с дочерью Рюдегера, стремится заручиться могучим союзником в предстоящей борьбе; зная о неминуемой участи бургундов, Хаген не мог всерьез рассчитывать па длительный брак Гизельхера.

1680. *Что суждено судьбою, тому не миновать.*— Судьбою было предопределено совсем другое, и если Гизельхер с братьями, по-видимому, забыли о предсказании вещих сестер, то Хаген, конечно, постоянно имел в виду близящуюся роковую схватку.

1682. *...по гроб я буду вам верен, короли...*— Это обещание вскоре поставит Рюдегера перед неразрешимой дилеммой: выполнить долг верности друзьям или служить их противнице Кримхильде. См. авентюру XXXVII.

1695. *Хоть принимать подарки и не любил дотоль.*— Король обычно раздает подарки, а не принимает их, и то, что Гунтер согласился сделать исключение для Рюдегера, означало оказание маркграфу большой чести.

1696. *...меч стальной... //...сам Рюдегер пал от клинка того.*— В происшедшей в доме Этцеля роковой схватке Гернот умертвит Рюдегера этим мечом (строфа 2217 след).

1699. *Нудунг* — родственник (по одним указаниям брат, по другим — сын) Гогелинды, которого убил Витеге,— это убийство упоминается в песнях, вошедших в цикл о Дитрихе Бернском.

1705. *Чтоб выразить хозяйке почтение свое, //Сыграл учтивый Фолькер на скрипке для нее...*— Сцена, выдержанная в духе куртуазного миннезанга: рыцарь играет и поет для знатной замужней дамы и получает от нее дар, который носит не снимая. См. строфу 2204 след. *И песню спел при этом...*— Можно предположить, что она была им самим сочинена.

1718. *Хильдебранд Бернский* — воспитатель и оруженосец короля Дитриха. *Дитрих... стал невесел...*— он подозревал о замысле Кримхильды.

1721. *Амелунги.*— Дитрих принадлежал к роду Амелунгов, или Амалов, остготской династии.

1726. *Щит нибелунгов* — защита, опора бургундов; выше (строфа 1526) так назван Хаген.

1739. *А с чем таким из Вормса явились вы ко мне...*— Кримхильда имеет

в виду клад нибелунгов. См. строфу 1741. Она до самого конца упорно домогается его возвращения (строфа 2367 след.).

1742. *Ему до Страшного суда лежать там суждено.*— Это заявление Хагена не вполне согласуется со строфой 1137, где сказано о намерении бургундов впоследствии воспользоваться утопленным ими кладом.

1744. *...я нагружен... //Щитом, мечом и шлемом...*— Кримхильда не могла не знать, что меч, которым вооружен Хаген,— это Бальмунг, снятый им с мертвого Зигфрида,— Хаген не только грозит ей, но и издевается над нею. Ср. строфу 1746.

1751. *Державный Этцель обратил на чужеземца взор.*— Следовательно, пререкания между Кримхильдой и Хагеном происходят в присутствии Этцеля, которому еще не представили гостей. В ярости королева забыла все придворные обычаи и нарушила этикет. И в дальнейшем Этцель, в разительном противоречии со своим официальным положением, играет роль скорее статиста, чем активно действующего лица.

1756. *И с Вальтером Испанским тот жил у нас в стране.//Когда же Хаген вырос, он был отпущен мной, //А Вальтер с Хильдегундою бежал в свой край родной.*— Указания на эпизоды из «Вальтария». Небезынтересно напомнить о некоторых эпизодах этого эпического произведения, так как они перекликаются — иногда по контрасту — с мотивами второй части «Песни о нибелунгах». Аквитанец Вальтер, франк Хаген и бургундка Хильдегунда живут заложниками при дворе Аттилы, но, несмотря на его благоволение, совершают побег на родину, причем Вальтер захватывает с собой сокровища Аттилы. Во франкских пределах на них нападает король Гунтер, который хочет отнять эти богатства. Хаген, подданный Гунтера, тем не менее не участвует в бою,— ведь он друг Вальтера. Но после того, как Вальтер умерщвляет его племянника, Хаген вступает в сражение. В последнем вооруженном столкновении участвуют все трое — Хаген, Вальтер и Гунтер, и, жестоко изранив друг друга, достигают в конце концов примирения. Вальтер вступает в брак с Хильдегундой и после кончины своего отца занимает престол Аквитании (Южной Галлии, входившей в ту пору в состав Вестготской Испании). В «Песни о нибелунгах» Хаген и Гунтер — не франки, а бургунды, хотя и в ней, как в «Вальтарии», Хаген — вассал Гунтера. Колебания между верностью господину и дружбой — мотив, который разрабатывается в «Песни о нибелунгах» в эпизоде с Рюдегером (авентюра XXXVII). В обоих произведениях казна — источник раздора. Наконец, территории, на которых развертывается действие «Вальтария», примерно те же, что и место действия второй части «Песни о нибелунгах». Хаген, по словам Этцеля, был им отпущен на родину. В «Вальтарии» он бежал из страны гуннов, но в таком случае вряд ли теперь он мог бы быть гостем Этцеля. Между прочим, в «Вальтарии» встречается термин nebulones, буквально «туманные люди», который здесь применен к франкам. Иногда его сближают с термином «нибелунги», сканд. niflungar (hniflungar).

1770. *Сперва в короне выйду я сама к моим врагам.*— Таким образом, оскорбление, которое мог нанести Кримхильде Хаген, распространялось бы

и на ее гуннских подданных и тем вернее должно было вовлечь их в бой с ним. Но тем позорнее было их отступление в конце этой сцены.

1776. *Но не закажут путь на Рейн враги такие мне.*— Поскольку Хаген не забывает, что пути назад в Бургундию ни ему, ни его спутникам нет, эти слова означают лишь, что гуннский отряд, следующий за Кримхильдой, не составляет главной опасности и что роковая схватка еще впереди.

1780. *Сидеть не подобает при появленье дам...*— Фолькер считает необходимым соблюдать формы вежливости и в напряженной обстановке; встать перед Кримхильдой рыцари должны и как пред королевой и как пред дамой. Неуважение бросило бы тень на самих рыцарей. Хаген же своим рассчитанно-вызывающим поведением хочет спровоцировать открытый разрыв с Кримхильдой. Любезность, оказанная ей в подобных условиях, лишь внушит мысль гуннам, что он их опасается.

1789. *Известно ль вам, за что я так ненавижу вас.*— Этот разговор Кримхильды с Хагеном — открытое объявление беспощадной борьбы друг другу. Кримхильда прямо обвиняет Хагена в убийстве Зигфрида, а Хаген не только признается в содеянном, но и похваляется им (строфа 1790). Дальнейшее отрицание было бы расценено как выражение страха перед карою. Хаген немедленно заявляет о своей готовности сразиться с любым, кто посмеет против него выступить (строфа 1791). Это говорится перед гуннской дружиной, сопровождающей Кримхильду. Королеве было важно услышать признание вины из уст самого убийцы: теперь ее воины получили окончательное доказательство и могут быть уверены в необходимости покарать Хагена. Поведение последнего со времени прибытия ко двору Этцеля нужно оценивать в свете пророчества о неизбежной гибели всех бургундов, переправившихся через Дунай. Он идет на ускорение конфликта с Кримхильдой и гуннами, не дожидаясь их нападения, и берет инициативу в свои руки.

1792. *Молчанием ответили вассалы госпоже.*— Вид таких бойцов, как Хаген и Фолькер, внушил гуннам страх, и они отказываются вступить с ними в бой, несмотря на недавние заверения в полной готовности защитить честь своей госпожи (строфа 1764 след.) и огромное численное превосходство (четыреста против двух). Решающим, в глазах поэта, было бесстрашие Хагена и Фолькера; его цель — не столько опорочить гуннских воинов, которые в дальнейшем будут смело сражаться, сколько превознести двух непобедимых друзей; вдвоем они могли внушить страх кому угодно, и афористически звучащие слова Фолькера (строфа 1801) подчеркивают именно такой смысл всей сцены.

1794. *Что ж мы молчим, друзья?* — Воину, без сомнения, стыдно признаться в том, что он испытывает страх.

1803. *К лицу ль гостям таким//Столь долго ждать свиданья с хозяином своим?* — Эта сцена: короли со свитой, стоящие в ожидании приема (в то время как любезный Этцель в нетерпении их ожидает, см. строфу 1808) и толкаемые якобы не замечающими их придворными,— производит впечатление какой-то несуразности. Объясняется она тем, что в эпосе одновременно два события в разных местах не совершаются, одно должно следовать за другим. Для того

чтобы соблюсти принцип «линейной последовательности» действия, автор заставляет бургундских королей толпиться в зале в ожидании, пока к ним присоединятся Хаген с Фолькером.

1805. *Не разлучился Хаген и тут со скрипачом.*— Во время придворного церемониала Хаген и Фолькер остаются настороже, готовые к любым враждебным выпадам.

1810. *Давно с женой мы ждали, когда вы, Фолькер знатный,//И вы, владетель Тронье, пожалуете к нам.* — Этцель все еще пребывает в неведении об истинном смысле происходящего в его дворце. В противоположность коварному и деятельному Атли «Старшей Эдды», заманившему и погубившему бургундов, пассивный и куртуазный Этцель «Песни о нибелунгах» искренне рад гостям и не замышляет против них ничего дурного.

1815. *От счастья не напрасно у вас сияет взор...*— Рюдегер, так же как и Этцель, не догадывается о надвигающейся катастрофе, тень которой уже нависла над этим последним пиром четырех королей.

1823. *Как повелось у витязей со стародавних пор.*— Честный бой должен происходить при свете дня, ночью же совершаются преступные убийства. Ср. строфу 1845 след.

1835. *Не пожалел воитель умения и сил.*— Музыка, подобно поэзии, была важной частью куртуазных навыков.

1850. *По-христиански там уже звонят в колокола.*— В средние века обычаи других народов изображались по образу и подобию своих собственных. Поэт полагает, что и у язычников служат мессу и звонят в колокола, только иначе. См. строфу 1851.

1855. *...вознесут моленья они к Творцу...//Мы все без исключения умрем в чужом краю.*— Вера в Судьбу, языческая по происхождению (недаром избежать смерти, согласно пророчеству вещих русалок, мог один только священник), сочетается здесь с верою в бога.

1863. *Никем,— ответил Хаген,— мы не оскорблены.*— Хаген хочет устыдить Кримхильду: попытка ночного нападения на гостей в доме хозяина, сколь она ни гнусна, нисколько не испугала бургундов и не заслуживает упоминания. Кримхильде приходится снести и это унижение, хотя она знает, что в Бургундии не существует обычая, на который здесь ссылается Хаген («На пир три дня являться в доспехах и с мечами»).

1866. *Стояли два бургунда у входа в Божий храм...*— Параллель к сцене у входа в собор, происшедшей некогда между Кримхильдой и Брюнхильдой.

1885. *Пышней любой из женщин был витязь разряжен...*— Гуннские рыцари, по оценке автора эпопеи, наряжались безвкусно, по-варварски, не зная меры.

1887. *Коль ссора неизбежна, не мы начнем ее...*— Гунтер, в отличие от Хагена и Фолькера, не желает брать на себя инициативу в развязывании вооруженного конфликта, хотя и убедился в его неизбежности.

1892. *Кем родич наш сражен?* — Рыцари сражались со спущенными забралами, и лиц их не было видно.

1912. *И привести велела малютку сына в зал.*— Согласно скандинавской версии сказания, Гудрун своею рукою умерщвляет сыновей, принося их в жертву своей мести, и кормит их мясом ничего не подозревающего Атли. В «Песни о нибелунгах» этот мотив сохраняется в существенно смягченном виде: Хаген убивает мальчика, мстя за умерщвление своих воинов (строфа 1960 след.). Однако автор эпопеи изображает дело так, что Кримхильда, приведя сына в пиршественный зал, тем самым сознательно обрекла его на смерть. Ее замысел, очевидно, по этой версии, таков: видя, что Этцель сохраняет дружеское расположение к бургундам, Кримхильда жертвует сыном с целью разжечь в муже ненависть к ним.

1917. *Пусть под присмотром вашим племянник ваш растет.*— Согласно германскому обычаю (встречающемуся, впрочем, и у других народов), короли и вообще знатные люди отдавали своих детей на воспитание родственникам или приближенным, что способствовало укреплению дружеских связей между семьями. Этцель, делая подобное предложение бургундам, оказывал им доверие. Но вместе с тем воспитатель считался человеком, стоящим ниже на социальной лестнице, нежели отец воспитанника, и, возможно, в словах Хагена (строфа 1918), помимо угрозы, есть и оттенок недовольства тем, что Этцель хочет унизить его господ.

1918. *Ему, судя по виду, совсем недолго жить.*— По древним поверьям, смерть накладывает свой отпечаток на человека заранее.

1919. *Он не сказал ни слова, переборол свой гнев...*— Этцель, воплощение куртуазности, подавляет гнев, вызванный словами Хагена, и продолжает выполнять по отношению к гостям функции радушного хозяина.

1921. *Меж тем был к битве Блёдель уже вполне готов.*— Действие, описываемое в авентюре XXXI, внезапно прерывается переходом в зал, где пируют оруженосцы бургундов. На то время, пока происходит схватка над телом поверженного Данквартом Блёделя, в зале, где сидят Этцель со знатными гостями, ничего не происходит,— действие тут возобновится лишь с приходом Данкварта с вестью о происшедшем. Как уже отмечено (см. прим. к строфе 1803), в эпосе нет параллельного развития событий, но лишь последовательное.

1924. *Ужели мы должны // Жалеть о том, что были к друзьям приглашены?* — Расправа над бургундами, которую замыслила Кримхильда, ужасна, помимо того что жертвой мести должны пасть ее родичи, еще и тем, что при этом попираются все законы гостеприимства. *Когда скончался Зигфрид, мне было мало лет...*— Эти слова Данкварта противоречат тому, что рассказывается в первой части «Песни о нибелунгах»: он участвовал в поездке Гунтера к Брюнхильде (см. авентюры VI и VII).

1925. *...а за это//Тебе платить придется — с обоими в родстве ты.*— По германским обычаям, месть распространялась не только на убийцу и его ближайших родственников, но и на более далеких сородичей; важно было нанести ощутимый ущерб роду врага.

1936. *Пало девять тысяч слуг и простых бойцов...*— Гибель бургундов

распадается на серию эпизодов, следующих один за другим в соответствии с принципом восхождения по феодальной лестнице: сперва погибают рядовые воины, затем вассалы все более высокого ранга, пока, наконец, очередь не доходит до королей и Хагена. Соответственно, первоначально гибнут большие массы (девять тысяч оруженосцев), потом же описываются отдельные поединки между знатными господами, и изображение боевых сцен из суммарного становится все более индивидуализированным. Таким образом в песни нарастает чувство напряжения. Тенденция максимально увеличивать численность участников походов и сражений отличает «Песнь о нибелунгах» не только от более ранних версий того же сказания, но и от рыцарского романа, герой которого обычно действует в одиночку.

1937. *Умолкли шум и крики, стенанья отзвучали...*—Контраст яростного движения и грохота боя, с одной стороны, и тишины и усталости, сменяющих их по окончании схватки, с другой, неоднократно повторяется в этой части эпопеи. См. строфы 2008, 2078, 2227.

1946. *...как вепрь на свору псов.*— Сравнение бойца с вепрем было распространено в германской поэзии. Ср. строфу 2001.

1952. *Всех наших слуг до одного лишились мы в бою.*— Войско бургундов состояло из королевских вассалов и массы рядовых рыцарей и оруженосцев. Последние все пали, но показательно, что Хаген, обмениваясь репликами с Данквартом, ни словом не выражает сожаления о погибших бойцах. При сравнении с горем Дитриха Бернского при вести об уничтожении его дружины (см. строфы 2318 след.) спокойствие Хагена являет разительный контраст. Объяснение нужно искать, по-видимому, опять-таки в уверенности Хагена в неизбежной гибели всех бургундов. Отсюда же и следующий его поступок — убийство наследника Этцеля, окончательно исключающий всякую возможность примирения.

1960. *Помянем же усопших хозяйкиным вином...*— Поминки, обычай, восходящий к первобытным временам, состояли у германцев в поднятии кубков в память умершего и в возлиянии пива (в более поздний период — вина) в качестве жертвоприношения. «Первое возлияние,— издевательски говорит Хаген,— в память юного стража гуннов». Мрачная ирония Хагена усугубляется еще и тем, что возлияния должны были скреплять дружбу между участниками пира,— здесь же пир превращается в кровопролитие.

1961. *На Ортлиба обрушил жестокий Хаген меч...*— В «Саге о Тидреке» Кримхильда научает своего сына-подростка нанести пощечину Хагену, который и отвечает ударом меча.

1962. *...плохо воспитатель был за труд вознагражден!* — Здесь это убийство не мотивировано. Убийство дядьки наследника престола скорее могло бы быть объяснено версией, сохраненной «Сагой о Тидреке»: подросток ударил Хагена.

1963. *И руку музыканту по локоть отрубил.*— Хаген отрубил Вербелю правую руку, которой он принес ложную клятву, когда, будучи послом Этцеля, приглашал бургундов в гости к гуннскому двору, обещая им гостепри-

имство. Однако из «Песни о нибелунгах» не явствует, что послы знали о замысле Кримхильды.

1980. *Он за спину закинул стальной широкий щит...*— То есть отказался от всякого прикрытия,— жест человека, который более не заботится о сохранении собственной жизни.

1990. *Оружье опустили вассалы сей же час...*— Сцена переговоров Гунтера и Дитриха и выход из зала людей последнего отвечают требованиям куртуазной этики. Дитриху удается вывести даже Кримхильду: Гунтер еще не видит в сестре своего врага, к тому же она — дама, и бернец рыцарски ее выручает. Однако разве то, что Кримхильда покидает поле сражения, не должно было вызвать возражений Хагена? Здесь чувствуется некоторая несообразность.

2009. *И, на щиты облокотясь, вступили в разговор.*— Щит, широкий сверху, суживался книзу, и, воткнув острый его конец в землю, боец мог опереться на верхний край.

2011. *И, до того как гунны задавят нас числом, // Еще не одного из них израним иль убьем...*— После уничтожения бургундских рядовых воинов Гизельхер проникся сознанием неизбежности гибели собственной и своих соратников, но собирается как можно дороже продать свою жизнь. Хаген одобряет эту героическую решимость (строфа 2012).

2013. *И вынесли из зала семь тысяч мертвецов.*— Эпический поэт мыслит «большими числами». Любопытно, что один из средневековых «редакторов» рукописи «Песни о нибелунгах», смущенный столь высокой цифрой, заменил ее «двумя тысячами».

2021. *Был Этцель не из робких...*— Эти слова противоречат поведению Этцеля как в предыдущих сценах, так и в дальнейшем. Хотя Хаген его раззадоривает, намекая на то, что Этцель не возглавляет своей дружины, дальше воинственных жестов гуннский король не идет,— он дает себя «насильно остановить» (строфа 2022). Ср. с этим поведение хотя бы Иринга (строфа 2034 след.).

2027. *Хлеб государя даром вся их орава ест.*— Дружинники у германцев считались сотрапезниками вождя.

2034. *Слыть за лгуна и труса я вовсе не охоч.*— Речи Фолькера и Хагена раззадоривают противников, обвиняя их в трусости; это самое большое оскорбление для германского воина. Обмен подобными раззадоривающими речами перед схваткой—частое явление в средневековом германском эпосе.

2049. *Он голоса их слышал...*— Иринг был повергнут наземь в полном вооружении, и шлем не давал ему возможности видеть что-либо помимо находящегося прямо перед ним; вертя же головой, он выдал бы себя. Поэтому он мог полагаться только на свой слух.

2068. *Дары от королевы вам принимать не след. // За золото Кримхильда на смерть отправит вас.*— Получение даров влекло за собой обязательство по отношению к дарителю. Однако датчане тут же бросаются в бой — не ради королевских наград, а охваченные жаждой мести за убитого Иринга.

2105. *Да не попустит Бог, // Чтоб нашего вассала мы отдали в залог.*— Сеньор и его вассал были связаны узами взаимной преданности, скрепленной клятвами. Воспевание дружинной верности — одна из центральных тем германской героической поэзии.

2109. *Велю поджечь строенье я с четырех концов...*— Сожжение противника в доме — распространенная практика у германцев, засвидетельствованная исландскими сагами. Но в сагах, реалистически рисующих подобные случаи, люди, осажденные в горящем доме, погибают,— автор же «Песни о нибелунгах» оставляет в живых часть бургундов и после пожара, очевидно, для того, чтобы не закончить эпопею их массовой гибелью и добавить еще несколько впечатляющих картин героической смерти каждого из основных персонажей в отдельности. В «Саге о Тидреке» дом поджигает Хаген, для того чтобы при огне можно было продолжать бой. Хойслер отмечает, что пожар в зале играет в эпопее роль «четкой цезуры», после которой происходят «разрыв мира и дружбы между близкими и друзьями» и роковые битвы между ними.

2141. *Ты на людях чернишь меня, подлец...*— Гнев Рюдегера вызван прежде всего тем, что его подозревают в трусости в присутствии двора, т. е. перед лицом короля,— отсюда его немедленная и столь бурная реакция, не свойственная, казалось бы, куртуазному человеку, каким был маркграф Бехларенский (см. строфу 2142).

2144. *Коль скоро я бургундам служил проводником, // Не подобает, чтоб меня сочли они врагом.*— Рюдегер имеет перед бургундами моральные обязательства, препятствующие ему выполнить обязательства вассала по отношению к господину, и этот конфликт, подробно изображаемый далее, ставит Рюдегера перед неразрешимой дилеммой. Рюдегер — воплощение рыцарской чести и верности, а сохранить верность обеим враждующим сторонам, между которыми он оказался, и соблюсти свою честь он не в состоянии. Выходом из этой трагической коллизии может быть только его смерть.

2157. *Уж лучше я в изгнание с сумой уйду отсель.*— Вассал мог расторгнуть отношения, связывающие его с господином, и Рюдегер готов прибегнуть к такому выходу, но прежде он обязан выполнить все обязательства, лежавшие на нем, и Этцель требует от него именно этого.

2159. *В Бехларене бургундов, мне довелось принять, // Хлеб-соль водил я с ними, дарил подарки им.*— Для понимания основных факторов, определявших поведение рыцаря, показательно, что Рюдегер в первую очередь говорит не о своем чувстве дружбы, а о поступках, которые связали его с бургундами взаимными обязательствами верности,— об оказанном им гостеприимстве и о розданных им подарках. Лишь после этого он упоминает связавшую их дружбу и помолвку его дочери с Гизельхером (строфа 2160 след.).

2165. *А я твоих домашних вовеки не покину, // Хоть и уверен, что в бою не ждет тебя кончина.*— Имеются в виду не одни домашние, но и вассалы Рюдегера, остающиеся после его гибели без покровительства. Этцель выражает надежду, что его королевская удача поможет Рюдегеру, поскольку тот будет сражаться на его стороне.

2166. *Долгу я верность соблюду...*— Рюдегер решает выполнить свой первейший долг — долг верности сеньору, но губит свою душу (ср. строфу 2150).

2180. *Мы все до самой смерти служить вам были б рады // За щедрые подарки, что вы нам поднесли...*— Имеются в виду не только самые подарки, но и то, что они символизировали,— те отношения, которые были установлены между Рюдегером и одаренными им бургундами.

2184. *...ваш подарок — добрый меч...*— См. строфу 1696.

2196. *Возьми мой щит...*— Будучи вассалом Кримхильды и дав ей обещание бороться на ее стороне, Рюдегер — образцовый рыцарь — не способен отречься от своей госпожи. Его минутное колебание перед передачей щита Хагену объясняется тем, что он таким образом помогает своему врагу. Самый же этот жест символизирует его героическую позицию перед лицом судьбы. См. реакцию присутствующих — строфа 2197 след.

2221. *С маркграфом рядом рухнул его недавний враг...*— Рюдегер умер славной смертью: от руки короля, который и сам был им сражен (ср. строфу 2302).

2235. *Стенаньями и плачем был оглашен дворец.*— Слезы и горестные вопли входили в обязательный ритуал при смерти и погребении героя.

2246. *Немало добрый Рюдегер нам оказал услуг.*— Согласно сказанию о Дитрихе, Рюдегер выступал посредником между ним и Этцелем.

2263. *Мы, бернцы, здесь чужие, и он чужим был тоже.*— Горе бернцев усугубляется тем, что Рюдегер пал не на родине. Во всем этом отрывке неоднократно повторяется слово ellende — «гость», «изгнанник», «странник». В державе Этцеля «чужаками» чувствовали себя и бернцы, и бехларенцы, и бургунды.

2268. *Кому их малодушье нарушить не дает...*— Намек на трусость автоматически вызывает самую бурную реакцию. Так незначительная поначалу словесная перепалка, вызванная несдержанностью юного Вольфхарта, ведет к роковому столкновению бернцев с бургундами.

2274. *А все же старый дядя его опередил...*— Хотя Хильдебранд был против ссоры с бургундами, в тот момент, когда он убедился в неизбежности боя, он становится во главе дружины.

2285. *Изведал, сколь искусен бургунд в науке ратной.*— Здесь опять, как не раз в «Песни о нибелунгах», владение Фолькера мечом приравнивается к владению смычком.

2302. *И победил меня король, а не простой боец.*— Смерть от руки короля считалась почетной.

2308. *Из всех, кто там сражался, лишь двое были целы...*— Подготавливая заключительную сцену эпопеи, поэт оставляет в живых из бургундов лишь Гунтера и Хагена; Дитрих и Этцель не участвовали в бою, Хильдебранду одному удается спастись из всех бернцев.

2311. *...этот черт из Тронье...*— Невероятная мощь Хагена заставляет Хильдебранда думать, что его противник защищен дьяволом.

2329. *А вы меня лишаете всех радостей моих.*— Дружина для вождя — утешение, отрада, равно как и он для нее.

2337. *Коль ты с вассалом вместе согласен сдаться мне...*— Дитрих столь великодушен, что отказывается от мести за причиненный ему ущерб. Взяв Гунтера и Хагена заложниками, он избавил бы их от мести Кримхильды.

2339. *И долг ваш, Гунтер с Хагеном, вознаградить меня.*— Дитрих считает, что, сдавшись ему, бургунды не проявили бы трусость, но воздали бы ему должное.

2343. *...куда почетней сдаться, // Чем с перепугу в бегство без памяти кидаться...*— Хаген опять, как не раз прежде, провоцирует противника на бой, обвиняя его в трусости.

2344. *А кто под Васкенштайном...*— аллюзия на поэму «Вальтарий»: Хаген отказывается сражаться на стороне короля Гунтера против своего друга Вальтера и, усевшись на щит, демонстрирует тем самым собственное миролюбие. См. прим. к строфе 1756. Васкенштайн находился в Вогезском лесу.

2353. *Был Хаген бернцем связан и отведен... // Туда, где находились Кримхильда с королем.*— Так как Хаген отказался отдаться под защиту Дитриха и вступил с ним в бой, одолевший его бернец обращается с ним не как с заложником, а как с пленником и может лишь просить королеву, которой он его передал, не умерщвлять Хагена.

2356. *Меж тем державный Гунтер взывал у входа в зал: // «Куда же бернский богатырь, обидчик мой, пропал?»* — Современному переводчику введение слов «меж тем» необходимо для того, чтобы возвратиться во двор, где Гунтер стоит без дела, ожидая своей очереди сразиться с Дитрихом,— но для средневекового поэта столь же естественно не замечать подобной несуразности: на время схватки между Дитрихом и Хагеном Гунтер просто-напросто был выключен из действия, и теперь автор вполне непринужденно возвращается к нему, лишь наделив Гунтера этим вопросом о запропастившемся противнике.

2357. *Был Гунтер силой равен славнейшим из бойцов...*— Короля Гунтера поэт, следуя иерархическому принципу, оставляет на поле боя последним. Сам Дитрих выступает в заключительной схватке в роли как бы высшего судии всей распри.

2361. *Связал бургунду руки победоносный враг, // Хоть с государем пленным не поступают так.*— Переняв из более ранних сказаний тему пленения короля, автор феодальной эпопеи счел необходимым обосновать столь некуртуазное обращение с ним: в противном случае Гунтер с Хагеном всех перебили бы.

2362. *При виде скорби брата забыв печаль и боль // Она сказала Гунтеру: «Привет мой вам, король!»* — То есть скорбь брата сняла с ее души горе. Кримхильда весьма многозначительно не обращается к Гунтеру как к брату, и он улавливает этот оттенок в ее речи.

2365. *В слезах пошел воитель...*— Поэт удаляет Дитриха со сцены, чтобы тот не был свидетелем убийства Кримхильды. Между тем в более ранней вер-

сии королеву карает именно Дитрих, рассекающий ее мечом надвое. Теперь же роль палача, кажущаяся недостойной благородного короля, передана Хильдебранду.

2367. *Верните то, что взяли вы у меня когда-то...*— Кримхильда требует отдать ей клад Зигфрида,— эта древняя тема вновь возникает в финале эпопеи. Но здесь золото из материального богатства становится символом: его обладатель — победитель. Кримхильда способна умертвить Хагена, но не сломить его.

2368. *Лишь усмехнулся Хаген... «...до гроба не открою».*— В «Саге о Вёльсунгах» плененный Гуннар отказывается открыть Атли местонахождение золота, пока не увидит кровавое сердце своего брата Хёгни, а когда ему его приносят, объявляет: «лучше пусть Рейн владеет этим золотом, чем заберут его гунны», и Атли приказывает бросить его в змеиный загон, обрекая на жестокую смерть. См также «Старшую Эдду».

2369. *Отрубленную голову влача за шелк кудрей.*— Поступок Кримхильды попирает все принятые нормы и формы и ужасает в равной мере и Хагена, и Этцеля, и Хильдебранда. Обращение к ней Хагена «ведьма» (строфа 2371) нужно понимать не как брань, а как адекватную, с точки зрения человека того времени, оценку ее сущности.

2373. *Узнал об этом муж ее к прискорбью своему.*— Неясно, где происходит заключительная сцена эпопеи: во дворе, где Дитрих сражался с Хагеном и с Гунтером, или во дворце, где, видимо, оставался Этцель, или в темнице, куда был заточен Хаген и где Кримхильда его и умертвила.

2374. *Убит рукою женской храбрейший меж мужами...*— Смерть героя от руки женщины считалась унизительной, и поэтому Этцель горюет в первую очередь из-за способа, которым Хаген был умерщвлен, а не из-за самой его гибели. Согласно «Саге о Тидреке», смертельно раненный Хаген еще успевает зачать сына, который впоследствии отомстит за него гуннскому королю, заживо погребя его в недрах горы вместе с кладом.

2376. *Старик, пылая гневом, к Кримхильде подскочил.*— Убийство женщины рыцарем мыслимо лишь постольку, поскольку она превратилась в «дьяволицу». Показательно, что Этцель не мстит за гибель жены. В «Старшей Эдде» Гудрун мстит Атли за смерть своих братьев: умертвив сыновей от брака с повелителем гуннов, она угощает его их кровью из черепов детей и подносит ему их поджаренные сердца, а затем закалывает Атли. Согласно одной из версий, сама Гудрун остается в живых; после странствия по морю она вновь выходит замуж за короля.

2378. *За радость испокон веков страданьем платит мир.*— Лейтмотив «Песни о нибелунгах», почти буквальное повторение слов строфы 17.

А. Гуревич

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 9

БЕОВУЛЬФ. СТАРШАЯ ЭДДА.
ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

*

Редактор С. Шлапоберская
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Н. Замятина и Л. Коншина

*

Сдано в набор 28/III 1975 г. Подписано в печать 9/IX 1975 г. Бумага типограф. № 1. Формат 60×84 1/16 47 печ. л. 43,85 усл. печ. л. 51,83 л. + 8 накидок = 52,66 уч.-изд. л.
Тираж 303 000 экз. Заказ 2659.
Цена 2 р. 40 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

